Преемственность после Мухаммада: исследование раннего халифата

Уилферд Маделунг
Оксфордский университет

Предисловие

Эта книга изначально задумывалась как монография о природе халифата в момент его основания и на самой ранней стадии — до установления династического правления Омейядов, — с минимальным обсуждением событий и лиц, определивших его эволюцию. Крайнее недоверие большинства западных историков к мусульманским литературным источникам по раннему периоду ислама, казалось, подсказывало необходимость сузить исследование до немногих ключевых событий, реальность которых, если не их интерпретация, серьёзных споров не вызывает. По мере продвижения работы стало ясно, что такой подход не будет справедлив к предмету. Вопрос о халифате слишком тесно переплетён со значительной частью внутренней истории ранней мусульманской общины, чтобы обсуждать его без твёрдого понимания этой истории, основанного на чём-то большем, чем абстрактные рассуждения. Работа с повествовательными источниками — как давно доступными историкам, так и опубликованными недавно — показала, что их огульное отвержение как поздней фикции неоправданно и что при разумном их использовании можно создать гораздо более надёжный и точный портрет эпохи, чем это до сих пор считалось возможным.

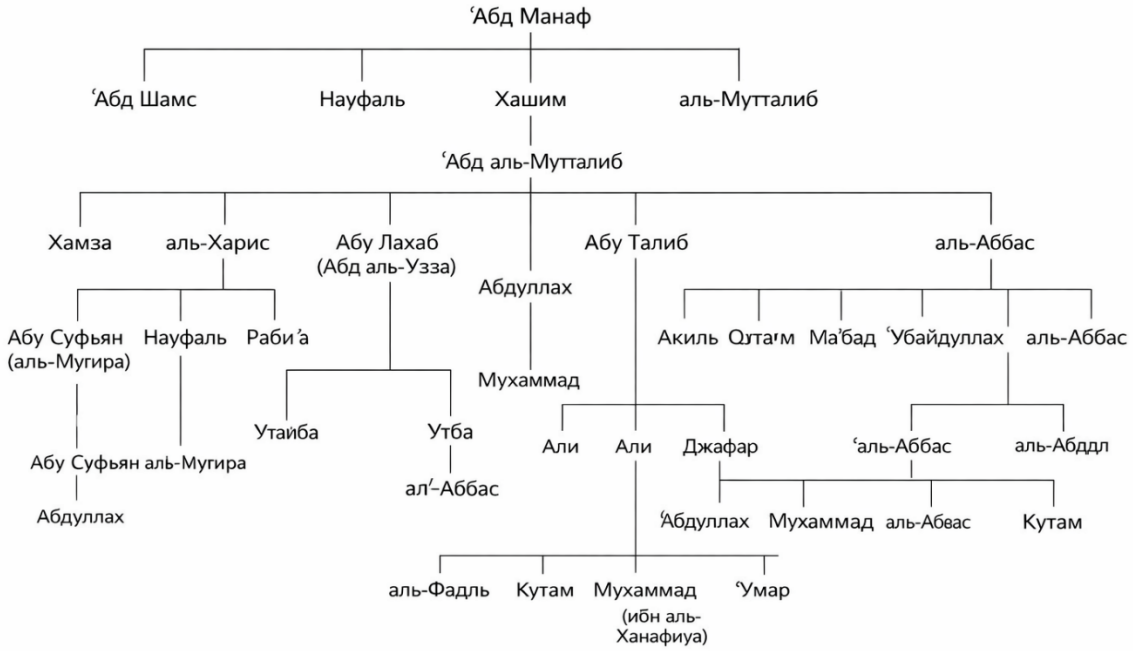
Введение в изложение обширных повествовательных разделов, помимо существенного увеличения объёма, неизбежно изменило характер книги и породило определённую двойственность, которая порой может затушёвывать её основную цель. Особенно подробное описание фитны — межмусульманской войны, начавшейся восстанием против третьего халифа и продолжившейся дольше правления четвёртого, — может показаться оттеснившим на второй план собственно обсуждение халифата. Повествовательная история обладает собственной динамикой и диктует соответствующие способы изложения. На первый план выходят люди — их мотивы, действия и реакции, — что ограничивает интерпретацию идей и документальных текстов. Книгу, особенно её поздние разделы, теперь можно читать как частичную историю периода. Однако читателю следует помнить о её выборочной перспективе. Межмусульманская война была кульминацией борьбы за халифат, и потому правильное понимание её природы имело решающее значение.

Выборочное повествование из обширного массива нарративных источников повлекло за собой компромиссы ради удобочитаемости. Я старался найти надлежащий баланс между сокращением и добросовестной передачей сообщений и текстов. Яркие детали, которые ранние рассказчики посчитали достойными записи, и их личные

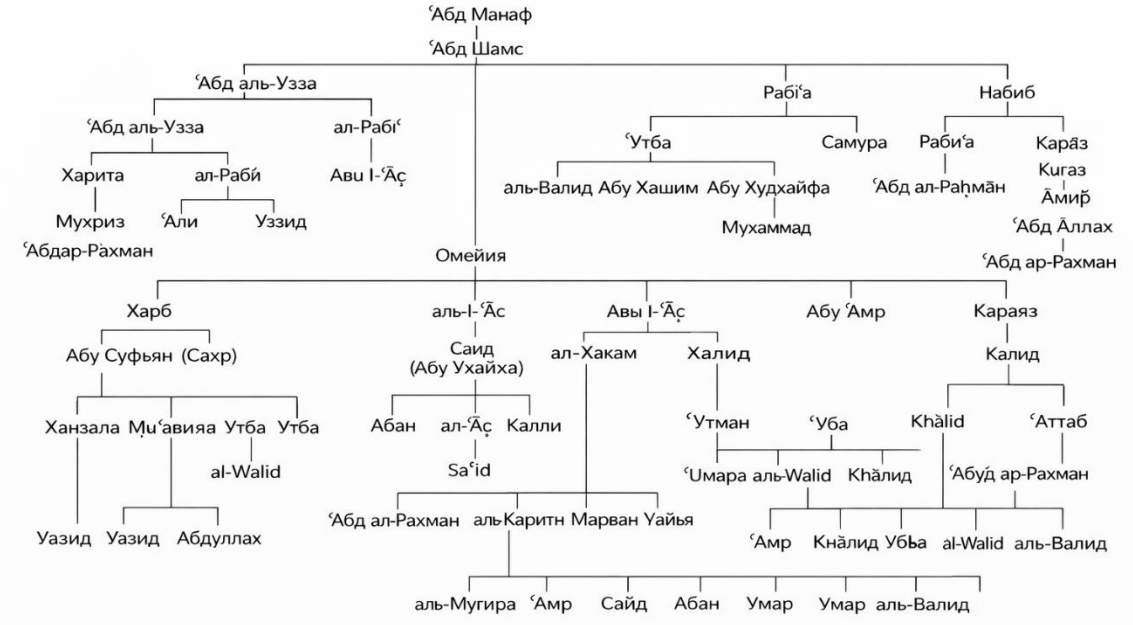
комментарии могут передать позднему наблюдателю, живущему в совершенно иной среде, ощущение эпохи, которое сухие фактические данные передают далеко не полностью. В целом для изложения отбирались те сообщения, которые представлялись наиболее надёжными. Существенно расходящиеся версии часто кратко суммируются в примечаниях без подробной аргументации в пользу моего выбора. В повествовательной передаче, очевидно, существует широкий спектр степеней достоверности — от откровенно фиктивных вымыслов до точного фактического свидетельства. Не было бы пользы взвешивать и оценивать каждое утверждение и каждое выражение рассказчиков, как это уместно в более узко сфокусированных исследованиях.

Книга стоит в рамках научной традиции, на которой она строится и с которой полемизирует. Значительная часть основополагающих западных исследований по истории ранней преемственности после Мухаммада была выполнена и опубликована несколькими учёными в первые десятилетия нынешнего века. Позднейшие работы в целом принимали сущность их выводов, изменяя некоторые детали. Предлагаемая здесь ревизия более радикальна. Обсуждение естественным образом резко подчёркивает различия и выводит на первый план аспекты, упущенные или искажённые в ранних исследованиях, ярче, чем если бы книга была написана в «вакууме» научной традиции. Однако серьёзная критика не должна заслонять той зависимости, которую книга имеет от этой традиции.

Особую благодарность я обязан моей жене, которая терпеливо читала и перечитывала текст по незнакомой ей теме и дала ценные советы по улучшению изложения.



1 Бану Хашим



2 Ванӯ "Абд Шамс

Введение

Ни одно событие в истории не раскололо ислам столь глубоко и надолго, как вопрос о преемственности после Мухаммада. Право занять место Пророка во главе мусульманской общины после его смерти стало проблемой огромного религиозного веса, которая и поныне разделяет суннитов и шиитов. В их сознании вопрос о правоте и неправоте в этом деле давно решён. Для суннитов первый халиф, Абу Бакр, был единственно законным преемником, поскольку он был наилучшим из людей после Пророка. Хотя Мухаммад прямо не назначил его своим преемником, своё предпочтение он будто бы выразил, поручив Абу Бакру вести мусульман в молитве во время своей последней болезни. Общинное согласие в пользу Абу Бакра стало подтверждением его избрания, совершившегося по воле Бога. Для шиитов же именно двоюродный брат и зять Мухаммада Али — ввиду его ранних заслуг в исламе и близкого родства — был назначен Пророком своим преемником. Его законная позиция затем была узурпирована Абу Бакром при поддержке большинства сподвижников Мухаммада.

Несмотря на фундаментальное значение этого конфликта для истории ислама, современные историки уделили сравнительно мало усилий изучению фона и обстоятельств, сопровождавших преемственность. Такое общее отсутствие интереса явно основано на взгляде, будто противостояние между сунной и шией, хотя и вращалось вокруг вопроса преемственности, на деле возникло лишь в более позднюю эпоху. Этот взгляд в значительной мере поддерживается ранней суннитской тенденциозной историографией, наиболее откровенно представленной Сайфом ибн Умаром (ум. 180/796). Согласно ему, Али, узнав об избрании Абу Бакра, настолько спешил принести присягу верности, что явился лишь в одной рубахе и был вынужден послать за своей одеждой[1]. Затем среди мусульман якобы царило полное согласие вплоть до того, как Абдаллах ибн Саб‘а, обращённый в ислам еврей из Саны, начал подстрекать против третьего халифа, Усмана, и после убийства последнего распространять крайние взгляды о том, что Али был *васи* — законным душеприказчиком и назначенным наследником — Мухаммада[2]. Таким образом, Ибн Саб‘а превратился в основателя шиизма, который задним числом сделал Али законным преемником Пророка.

Мало кто из современных историков принимает легенду Сайфа об Ибн Саб‘е. Тем не менее базовая установка остаётся распространённой: преемство Абу Бакра Мухаммаду само по себе проблем не вызвало (если не считать неудачную попытку мединских ансаров захватить халифат). Спор вокруг этого якобы был создан шиитами уже после смерти Али и вопреки позиции, которую он занимал при жизни. Это полностью отражено в последних обсуждениях происхождения ‘алидской и ‘аббасидской (или хашимитской) шии у М. Шарона. По Шарону, самый концепт «Семьи Пророка» (*ахль аль-байт*), позднее

[1] Ат-Табари, *Та᾽рих ар-русуль ва-ль-мулук*, изд. М. Й. де Гуе и др. (Лейден, 1879–1901; далее — Tabari), I, 1825.
[2] Там же, сс. 2941–2942.

выражавшийся формулами *ahl al-bayt*, *ali Muhammad*, *ali an-Nabi* и Бану Хашим *(Banu Hashim)*, не существовал во времена Мухаммада и при ранних халифах. Хотя термин *bayt* в доисламской Аравии иногда употреблялся в отношении знатных семейств знаменитых вождей и выдающихся людей, к Мухаммаду он не применялся. В исламе выражение *ahl al-bayt* первоначально относили к семьям халифов. Шиитские сторонники Али, по Шарону, затем развили идею *ahl al-bayt* Пророка, чтобы утвердить наследственные права своего лидера и его потомков на халифат. В позднеомейядскую эпоху ‘аббасиды присвоили эту идею, а ещё позже — начиная с халифата аль-Махди — пропагандировали концепцию Бану Хашим как Семьи Пророка для подкрепления собственной претензии на законную преемственность.[3] При этом сам Али, по Шарону, принял халифат на условиях, заданных Абу Бакром и Умаром, не претендуя на особый титул, основанный на его кровном родстве с Мухаммадом.[4]

Если среди мусульман до халифата Усмана действительно царило согласие, а спор между сунной и шией возник лишь после правления Али, то, очевидно, нет большого побудительного мотива глубоко изучать обстоятельства преемственности и становления халифата. Успехи Абу Бакра и Омара (Умара) в годы их правления были решающими и впечатляющими, и недавние исторические исследования в основном сосредотачивались на их деятельности по подавлению опасного движения «отступничества» (*ридда*) среди арабских племён и на инициировании великих мусульманских завоеваний за пределами Аравии.

Однако немногие ранние исследования, посвящённые именно вопросу преемственности, показывают, что всё было далеко не так беспроблемно, как подразумевает распространённый взгляд на происхождение раскола между сунной и шией. В 1910 году Э. Ламменс опубликовал статью о «триумвирате Абу Бакра, Омара и Абу Убайды», в которой утверждал, что именно общая цель и тесное сотрудничество этих троих, начатое ещё при жизни Мухаммада, позволили им создать последовательно халифаты Абу Бакра и Омара. Последний будто бы назначил бы своим преемником Абу Убайду, если бы тот не умер при его халифате.[5] Хотя Ламменс и не говорил о заговоре с целью захвата власти, представленная им деятельность триумвирата навевает именно такое определение. В частности, через дочерей Абу Бакра и Омара — Аишу и Хафсу, — которые держали отцов в курсе каждого шага и сокровенной мысли своего мужа Мухаммада, эти двое приобрели сильное влияние на действия Пророка и тем самым подготовили почву для захвата власти. Вероятно, именно конспирологический аспект теории Ламменса и вызвал

---

[3] М. Шарон, «Black Banners from the East» (Иерусалим, 1983), сс. 75–85; М. Шарон, «Ahl al-Bayt — People of the House», Jerusalem Studies in Arabic and Islam, 8 (1986), сс. 169–184; М. Шарон, «The Umayyads as Ahl al-Bayt», JSAI, 14 (1992), сс. 115–152, особенно 134–149.

[4] М. Шарон, «Notes on the Question of Legitimacy of Government in Islam», Israel Oriental Studies, 10 (1980), сс. 116–123, см. с. 121.

[5] Х. Ламменс, «Le triumvirat Abou Bakr, ‘Omar et Abou ‘Obaida», Mélanges de la Faculté Orientale de l’Université St-Joseph de Beyrouth, 4 (1910), сс. 113–144.

частые предостережения позднейших западных учёных о ненадёжности его исследования.[6] Ламменс отмечал, что целью триумвирата было исключить хашимитов, особенно Али как родственника Мухаммада, из числа возможных преемников, хотя, по мнению самого Ламменса, Али едва ли был для них серьёзным соперником. Туповатый, неспособный и женатый на жалкой фигуре — дочери Пророка Фатиме, которую легко перехитрила умная и волевая дочь Абу Бакра в их соперничестве за благосклонность Мухаммада, — Али не мог быть для Пророка привлекательным выбором в качестве преемника. Испытав в основном разочарование от кровных родичей, Пророк, по Ламменсу, естественно от них отвернулся. Его *ahl al-bayt*, уверял Ламменс со ссылкой на Коран 33:33, состоял исключительно из его жён.[7]

Оставайтесь в своих домах, не наряжайтесь так, как наряжались во времена первого невежества, совершайте намаз, раздавайте закят и повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику. О обитатели дома, Аллах желает лишь избавить вас от скверны и очистить вас полностью.[33:33]

Единственным всесторонним и обстоятельным исследованием становления, природы и развития халифата до правления Али стала работа Л. Каэтани в его монументальных «Анналах ислама». В первоначальном обсуждении Каэтани отмечал остроту конфликта между Абу Бакром и Бану Хашим после того, как первый неожиданно заявил о своём праве на преемство на собрании ансаров в сакифе Бану Саида — всего через несколько часов после смерти Мухаммада. Хашимиты отказались признать Абу Бакра и тайно похоронили своего славного родственника, лишив нового халифа и Аишу чести присутствовать. Каэтани косвенно признавал потенциальную серьёзность притязаний Али на преемство, отвергая распространённые сообщения, будто Абу Бакр обосновал своё право перед ансарами преимущественными правами курайшитов как племени Пророка: такой аргумент лишь укрепил бы дело Али как ближайшего родственника Мухаммада.[8] Вместо этого, полагал Каэтани, Абу Бакр настаивал на необходимости избрать преемника Пророку, который максимально точно последовал бы по его стопам, распространял его учение и сохранил единство мусульманской общины. Его выбрали исключительно за выдающиеся качества государственного деятеля и личные заслуги.[9] С точки зрения Каэтани, противостояние хашимитов и других сподвижников Абу Бакру было вызвано лишь

---

[6] См., например, Ж. Соважэ и К. Каген, «Введение в историю мусульманского Востока: библиографическое руководство» (Беркли; Лондон, 1965), с. 126.

[7] Х. Ламменс, «Fatima et les Filles de Mahomet» (Рим, 1912), с. 99. Рисунок Ламменса подхватил Л. Каэтани, который предположил, что Мухаммад выдал Фатиму за ‘Али, потому что она — сомнительной законности и лишённая каких-либо физических и нравственных достоинств — никем не желалась; этот союз освободил его от тягот заботы о дочери, к которой он не питал симпатии (см. Л. Каэтани, «Annali dell’Islam» (Милан, 1905–1925), т. X, с. 470).

[8] «Annali», т. II/1, с. 516. (Примечание: по Каэтани, Мухаммад фактически не был ни хашимитом, ни курайшитом…)

[9] Там же, т. II/1, сс. 523, 528.

личными амбициями и неприязнью.[10] Если бы Мухаммад мог сам выбрать преемника, он, вероятно, предпочёл бы Абу Бакра.[11]

В более позднем томе «Анналов» Каэтани, однако, принял теорию Ламменса о триумвирате Абу Бакра, Омара и Абу Убайды[12] как наиболее вероятное объяснение истоков халифата. Вдохновителем их совместных действий был, по нему,[13] Омар — «величайший государственный деятель после Пророка и в некоторых отношениях даже превосходящий самого учителя». Омар обладал практическим и политическим умом, чтобы предвидеть уход Мухаммада и с энергией и наилучшим образом подготовить договорённости для решения проблемы преемственности, тем самым спасая мусульманскую общину от бедствия[14]. Истинным основателем халифата был, таким образом, Омар, который выдвинул Абу Бакра первым халифом из уважения к его праведности и высокому положению при Пророке.

В результате реакции последующих учёных против «заговорщической» теории более ранний взгляд Каэтани — что Мухаммад, выбери он сам, скорее всего предпочёл бы Абу Бакра, а в любом случае Абу Бакр был естественным выбором мусульман ввиду своих заслуг — стал преобладающим среди несоответствующих исламу (не-мусульманских) историков. Его, например, выражает В. М. Ватт в своей стандартной биографии Мухаммада: «Уж конечно, ещё до отъезда Мухаммада из Мекки в Медину Абу Бакр утвердился как его главный помощник и советник; и это положение он сохранил до самой смерти Мухаммада, так что был очевидным выбором на место преемника»[15]. Однако критический наблюдатель вправе спросить: а был ли этот выбор действительно столь очевиден? Верно, что в современном мире выбор главного помощника и советника в качестве преемника, скажем, главы корпорации или лидера политической партии может показаться вполне разумным. Но преемственность власти правителя или царя в традиционном обществе обычно основывалась на династическом родстве и наследовании, и назначение преемником помощника и советника, пусть даже близкого к правителю, считалось бы весьма нетипичным. Часто, конечно, утверждают, что преемство вождей у арабов не было наследственным; Ламменс доходил до того, что объявлял наследственную власть и династический принцип одними из наиболее отталкивающих для арабского сознания.[16] Это утверждение, однако, справедливо оспорено Э. Тьяном, который указал, что наследственная преемственность среди арабских племён была известна — что согласуется с важностью знатного происхождения (*насаб*) — и что в среде курайшитов, в частности,

---

[10] Там же, с. 542.
[11] Там же, с. 523.
[12] Третий том «Annali» Каэтани, где обсуждается теория Ламменса, вышел в 1910 г. (в тот же год, что и монография Ламменса). Каэтани, однако, был осведомлён о взглядах Ламменса из личной переписки.
[13] Там же, т. III, с. 123.
[14] Там же; см. также т. V, сс. 477–481.
[15] В. М. Уатт, «Muhammad: Prophet and Statesman» (Оксфорд, 1961), сс. 35–36.
[16] Х. Ламменс, «Le Berceau de l’Islam: l’Arabie occidentale à la veille de l’Hégire» (Рим, 1914), с. 314.

наследование было правилом.[17] Можно возразить, что преемственность Мухаммада нельзя сравнивать с преемственностью царя и что классическая суннитская теория халифата действительно резко отличает его от царской власти (*мульк*), которую отвергает, в том числе, за принцип наследования. Но классическая теория, очевидно, возникла после событий, и её оппозиция мульку и наследственности отчасти отражает её главную цель — оправдать раннюю историческую форму халифата.

Таким образом, есть серьёзные основания подозревать, что распространённый среди западных исследователей ислама взгляд на преемственность Мухаммада может быть не вполне состоятельным, и предложить новый взгляд на источники для должной переоценки вопроса. Отправной точкой для выяснения того, что Мухаммад мог думать в целом о своей преемственности и что его современники-последователи могли считать базовыми ориентирами после его смерти, должно, несомненно, быть изучение Корана. Как известно, Коран не содержит положений о преемстве Мухаммада и даже не намекает на него, и потому немусульманские историки почти не учитывали его в этом отношении. Однако в нём имеются конкретные указания относительно поддержания родственных связей и наследования, а также истории и заявления о преемственности прежних пророков и их семей — вещи, которые не могли быть неуместными для темы преемственности Мухаммада.

Обязанности родства и семьи пророков в Коране

Коран придаёт большое значение обязанности всех мусульман поддерживать узы кровного родства. Во множестве аятов верующим вменяется в обязанность благодеяние (*ихсан*) по отношению к близким родственникам, помощь им и обеспечение их содержания: «Воистину, Аллах велит справедливость, благодеяние и уделение близким родственникам (*итā' зи л-курба*), и запрещает мерзость, порицаемое и беззаконие» (XVI 90). Чаще всего родственники упоминаются здесь вместе с сиротами, бедняками и путником (ибн ас-сабиль) как те, кто имеет право на щедрость верующих. Однако то, что они регулярно перечисляются первыми, кажется, указывает на их первоочерёдное право перед прочими получателями: «Отдай ближнему родственнику его должное, а также бедняку и путнику. Это — лучше для тех, кто стремится к Лику Аллаха, — они и окажутся преуспевшими» (XVII 26). Праведность (*бирр*) включает, помимо прочего, расходование средств ради любви к Аллаху на родню (*зави л-курба*), сирот, бедняков, путника, просящих, а также на освобождение рабов (II 177). Когда верующие спрашивают Мухаммада, на что им тратить (в милостыне), ему велено ответить: «Что бы вы ни расходовали из добра — для родителей (*валидейн*), близких родственников (*акраби́н*), сирот, бедняков и путника. Что бы вы ни делали из добра — Аллах знает об этом» (II 215).

В более широком смысле предписано относиться к родственникам с добротой: «И помните, Мы взяли завет с сынов Исраила: не поклоняйтесь никому, кроме Аллаха;

[17] Э. Тьян, «Institutions du droit public musulman» (Париж, 1954–1956), т. I, сс. 97–99, 114–116. В «Islamic Political Thought» (Эдинбург, 1968) В. М. Уатт также утверждает, что у арабов было принято выбирать вождя из определённой семьи; см. также его замечания о династическом правлении у омейядов (сс. 31, 39).

благодетельствуйте (ихсан) родителям, родственникам, сиротам и бедным; говорите людям благое; совершайте молитву и выплачивайте милостыню» (II 83). Мусульманам также повелевается: «Поклоняйтесь Аллаху и не приобщайте к Нему сотоварищей; благодетельствуйте родителям, родственникам, сиротам, нуждающимся, соседу-родственнику (*джар зи л-курба*), соседу-незнакомцу, спутнику рядом с вами, путнику и тем, кто у вас в правой руке» (IV 36). Родственники, сироты и бедные также имеют право быть обеспеченными и принятыми с добротой, когда являются при разделе наследства умершего (IV 7–8). Очевидно, речь идёт о родственниках, не имеющих установленной доли в наследстве.

Таким образом, благодеяние родственникам и материальная поддержка их признаются в Коране важнейшей религиозной обязанностью. Однако эта обязанность не безусловна. Она распространяется лишь на тех родственников, которые стали мусульманами. В суре «Покаяние» верующих предостерегают: «О вы, которые уверовали! Не берите себе в союзники (*авлия*) ваших отцов и братьев, если они предпочитают неверие вере. А кто из вас берёт их в союзники — те беззаконники. Если ваши отцы, ваши сыновья, ваши супруги, ваш род (*ашира*), богатства, которые вы приобрели, торговля, упадка которой вы боитесь, и жилища, которые вам нравятся, — милее вам, чем Аллах, Его Посланник и борьба на Его пути, то ждите, пока Аллах не явит Свой приказ. Аллах не ведёт преступный народ» (IX 23–24). Не дозволено даже просить прощения за родственников, которые не присоединились к исламу: «Не подобает Пророку и уверовавшим молить о прощении для многобожников, даже если они из близких родственников, после того как им стало ясно, что они — обитатели Ада. Авраам молил о прощении для своего отца лишь из-за обещания, которое дал ему. Но когда стало ясно, что он — враг Аллаха, Авраам отрёкся от него» (IX 113–114). Кроме того, верующие не должны отклоняться от правды и справедливости, даже если это в ущерб родителям или близким родственникам: «О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями перед Аллахом, даже если это против вас самих, ваших родителей или близких; будь он богат или беден — Аллах ближе к ним обоим. Не следуйте страсти вместо справедливости» (IV 135). И вообще верующим сказано: «И когда говорите, будьте справедливы, даже если речь идёт о близком родственнике» (VI 152).

В пределах этих ограничений право родичей на доброту, заботу и материальную поддержку — безусловно и явно имеет преимущество над любыми добровольными узами дружбы и союза: «Родственники по крови (*улу-ль-архам*) ближе (*авли*) друг к другу по Писанию Аллаха, чем верующие и переселенцы (*мухаджирун*). Но вы можете оказывать добро вашим [не родственникам] друзьям (*авлия'укум*). Это записано в Писании» (XXXIII 6). Известно, что после переселения в Медину многие мусульмане в рамках «побратимства» (*му'ахат*), устроенного Мухаммадом, заключали формальные союзы с мединцами и другими иноземными мусульманами, чтобы компенсировать отсутствие своих кровных родственников, остававшихся многобожниками. Коран говорит об этом: «Воистину, те, которые уверовали, переселились и боролись своим имуществом и собой на пути Аллаха, и

те, которые предоставили приют и помогли, — они союзники (*авлия*) друг другу. А что до тех, кто уверовал, но не переселился, — у вас нет с ними уз союза, пока они не переселятся; но если они попросят у вас помощи в религии, ваша обязанность — помочь им, кроме как против народа, с которым у вас договор. Аллах видит всё, что вы делаете. Неверующие — союзники друг другу. Если не поступите так [не будете помогать верующим], на земле будет искушение [к отступничеству] и великое развращение. Те, которые уверовали, переселились и боролись на пути Аллаха, и те, которые предоставили приют и помогли, — они и есть истинно верующие; им — прощение и щедрый удел» (VIII 72–74). Эти аяты устанавливают тесную солидарность между мусульманами — мекканскими переселенцами и мединскими помощниками (ансарами), — собравшимися в Медине. Однако следующий за этим (и, по-видимому, позднее добавленный) аят 75 корректирует смысл в пользу кровного родства, даже если они присоединились к мединской общине позднее: «А те, которые уверовали после этого, переселились и сражались вместе с вами, — они из вас. И родственники по крови ближе друг к другу по Писанию Аллаха». Как поясняют комментаторы Корана, последняя фраза специально восстановила право наследования родственников, невзирая на ранее заключённые союзы с посторонними.[18]

Обязанность обеспечивать нуждающихся родственников не должна прекращаться из-за личных обид: «Пусть не клянутся обладающие из вас изобилием и широкими средствами, что не будут помогать своим родственникам (*ули л-курба*), беднякам и переселенцам на пути Аллаха. Пусть простят и проявят снисхождение. Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вас? Аллах — Прощающий, Милосердный» (XXIV 22). По словам комментаторов, этот аят был ниспослан об Абу Бакре и его племяннике Мистахе. Последний был среди тех, кто посеял сомнения в целомудрии Аиши во время истории её отсутствия в лагере мусульман. Абу Бакр, глубоко возмущённый поведением племянника, поклялся, что больше не будет его содержать, как делал прежде, даже после того, как Мистах формально покаялся. Однако Коран повелел ему не пренебрегать своей обязанностью перед нуждающимся родственником и простить его.[19]

В коранических повествованиях о прежних пророках их семьи играют видную роль. Семьи обычно оказывают пророкам жизненно важную поддержку в противостоянии с противниками из числа их народа. После смерти пророков их потомки становятся их духовными и материальными наследниками. Пророки просят у Бога помощи членов своей семьи и молят о милости для своих родичей и потомства. Пророки сынов Исраиля, по сути, все происходили из одной семьи — от Адама и Нуха до Исы: «Воистину, Аллах избрал Адама, Нуха, семейство Ибрахима и семейство Имрана над мирами — потомство одно от другого» (III 33–34). После рассказа о Мусе, Исмаиле и Идрисе Коран добавляет: «Это —

---

[18] ат-Табари, «Джами‘ аль-бааян фи тафсир аль-Кур’ан», ред. Махмуд Мухаммад Шакир и Ахмад Мухаммад Шакир (Каир, 1373–1388/1955–1969), т. XIV, с. 89.

[19] ат-Табари, «Джами‘ аль-бааян фи тафсир аль-Кур’ан» (Каир, 1321/1903), т. XVIII, сс. 72–73. (Мистах — ‘Ауф б. Усаса б. ‘Аббад б. аль-Мутталиб…; см. также: Ибн Хаджар аль-‘Аскаляни, «аль-Исаба», т. VI, с. 88; аз-Зубайри, «Китаб Насаб Курейш», ред. Э. Леви-Провенсаль (Каир, 1953), с. 95.) Ср.: В. Маделунг, «The Hashimiyyat of al-Kumayt and Hashimi Shi‘ism», Studia Islamica, 70 (1989), сс. 5–26, на с. 12 и прим. 36.

пророки, которых Аллах облагодетельствовал — из потомков Адама и тех, кого Мы несли [в ковчеге] с Нухом, и из потомков Ибрахима и Исраила, — из тех, кого Мы вели и избрали» (XIX 58).

Цепь пророков и их семей описана подробнее в следующих аятах: «И даровали Мы ему [Ибрахиму] Исхака и Йакуба — всех Мы повели прямым путём. И раньше Мы повели Нуха; и из его потомства — Давуда, Сулеймана, Айюба, Юсуфа, Мусу и Харуна; так Мы воздаём благодетельным. И Закарию, и Яхью, иИсу, и Ильяса — все они из праведников; и Исмаила, и Аль-Йасу‘а, и Юнуса, и Лута — каждого Мы предпочли над мирами; и некоторых из их отцов, их потомков и их братьев — Мы избрали их и повели прямым путём. Это — руководство Аллаха: Им Он ведёт кого пожелает из Своих рабов. А если бы они приобщали сотоварищей, тщетным стало бы то, что они делали. Это те, кому Мы даровали Писание, власть (*хукм*) и пророчество» (VI 84–89).

Нух был спасён вместе со своей семьёй, тогда как прочие — или подавляющее большинство — его народа были потоплены за свои грехи: «И [вспомни] Нуха, когда он прежде воззвал; Мы ответили ему и спасли его и семью его от великого бедствия. Мы помогли ему против людей, считавших ложью Наши знамения: они были дурным народом, и Мы потопили их всех поголовно» (XXI 76–77). «Мы спасли его и его семью от великого бедствия и сделали его потомков выжившими» (XXXVII 76–77). Аллах повелел Нуху: «Помести в нём [в ковчеге] по паре от каждого [вида], и твою семью (*ахль*), кроме тех из них, о ком уже вынесен приговор. Не обращайся ко Мне за тех, кто был несправедлив: они будут потоплены» (XXIII 27; см. также XI 40). Жена и один из сыновей Нуха действительно были исключены из спасения, хотя Нух и умолял о своём сыне: «И воззвал Нух к своему Господу и сказал: “Господи! Воистину, мой сын — из моей семьи, а Твоё обещание — истина, Ты справедливейший из судей”. [Аллах] сказал: “О Нух! Он — не из твоей семьи; это — не праведное дело. Не проси Меня о том, чего ты не знаешь”» (XI 45–46).

Так же семья пророка Лута была спасена вместе с ним, тогда как остальные жители его города были уничтожены: «Народ Лута счёл ложью предостережения. Мы послали на них дождь из камней, кроме семьи Лута — Мы спасли их на рассвете, как милость от Нас. Так Мы воздаём благодарным» (LIV 33–35). Семья Лута обрела чистоту, отличавшую её от простых людей. Когда Лут упрекал свой народ за предание распутству, «единственным ответом его народа было: “Изгоните семью Лута из вашего города! Воистину, они — люди, очищающиеся (ятадаххару́н)”». «Но Мы спасли его и семью его, кроме его жены — Мы предназначили, чтобы она была из остающихся позади» (XXVII 56–57). Жена Лута, как и жена Нуха, была наказана за предательство мужа: «Аллах привёл в пример неверующим жену Нуха и жену Лута: они были под покровительством двух наших праведных рабов, но изменили им; не спасло это их нисколько пред Аллахом, и им было сказано: “Войдите в Огонь вместе со входящими”» (LXVI 10).

Ибрахим был патриархом пророков сынов Исраила. Все последующие пророки и носители Писания среди них были его потомками: «Мы послали Нуха и Ибрахима и установили в их потомстве пророчество и Писание» (LVII 26). Отец Ибрахима, однако, был

упорным идолопоклонником и преследователем единобожников. Как сказано выше, Ибрахим сначала молил о нём, по данному обещанию, но затем отрёкся от него. Когда Аллах избрал Ибрахима имамом для его народа, Ибрахим попросил у своего Господа даровать эту честь также его потомкам: «И вспомни, когда Ибрахим был испытан своим Господом некоторыми заповедями, и он их исполнил. [Аллах] сказал: “Я сделаю тебя имамом для людей”. [Ибрахим] сказал: “И из моих потомков?” [Аллах] сказал: “Мой завет не охватывает беззаконников”» (II 124). Таким образом, завет Аллаха распространяется на праведных среди потомков Ибрахима. Аллах даровал ему сына Исхака и внука Йакуба, которые стали пророками: «Когда [Ибрахим] удалился от них [идолопоклонников своего народа] и от того, чему они поклонялись помимо Аллаха, Мы даровали ему Исхака и Йакуба, и каждого сделали пророком. Мы одарили их Своей милостью и даровали им высокую, истинную славу» (XIX 49–50). «И даровали Мы ему Исхака и Йакуба, и установили в его потомстве пророчество и Писание; Мы даровали ему награду в этом мире, и, воистину, в Последней жизни он — из праведников» (XXIX 27).

Когда ангелы возвестили Ибрахиму скорое рождение сына Исхака, а после него — внука Йакуба, его жена Сара усомнилась в благой вести ввиду преклонного возраста их обоих, но ангелы напомнили ей о её высокой степени как супруги Ибрахима: «И его [Ибрахима] жена стояла и рассмеялась. И Мы возвестили ей радостную весть об Исхаке, а после Исхака — о Йакубе. Она сказала: “Горе мне! Неужели я рожу, будучи старухой, а этот мой муж — старик? Воистину, это — удивительно!” Они сказали: “Неужели ты удивляешься повелению Аллаха? Милость Аллаха и Его благословения — на вас, о люди Дома (ахль аль-байт)! Он — достохвалим, славен”» (XI 71–73). «Люди Дома» здесь, несомненно, — семья пророка Ибрахима, к которой Сара принадлежала по браку, а не «служители Дома» (Кабы), как предположил Р. Парет.[20] Чудесное рождение Исхака оправдывается высшей милостью Аллаха к семье Своего избранного пророка. Тех, кто отмечен такой милостью, не следует завидовать за их высокий ранг: «Или же завидуют людям за то, что Аллах даровал им из Своей милости? Мы уже даровали семейству Ибрахима Писание и мудрость (*хикма*), и даровали им могущественное владычество (*мульк*)» (IV 54).

Исхак и Йакуб также описаны как имамы, направляющие людей по велению Бога: «И даровали Мы ему в добавление Исхака и Йакуба и сделали всех их праведниками. Мы сделали их имамами, которые ведут (людей) по Нашему повелению, и внушили им совершать добрые дела, устанавливать молитву и давать милостыню. Они постоянно поклонялись Нам» (XXI 72–73). Но среди потомков Ибрахима и Исхака были и отступники: «Мы благословили его [Ибрахима] и Исхака, но среди их потомства есть и такие, кто творит добро, и такие, кто явно поступает несправедливо к себе» (XXXVII 113; см. также LVII 26).

Столкнувшись с противодействием сынов Исраила, Муса молил своего Господа даровать ему помощь брата Харуна: «Даруй мне помощника из моей семьи — Харуна,

[20] Р. Парет, «Der Plan einer neuen, leicht kommentierten Koranübersetzung», в: Orientalistische Studien Enno Littmann… (Лейден, 1935), сс. 121–130, на сс. 127–130.

моего брата; укрепи через него мою силу и сделай его сопричастным моему делу» (XX 29–32). Аллах ответил на его мольбу: «Воистину, Мы даровали Мусе Писание и назначили с ним его брата Харуна помощником» (XXV 35; см. также XX 36). Таким образом, Харун был избран спутником Мусы в откровении: «Воистину, Мы даровали Мусе и Харуну спасение (фуркан), и свет, и напоминание для богобоязненных, которые боятся своего Господа втайне и страшатся Часа [Суда]» (XXI 48–49). Таинственная реликвия (бакийя) семьи Мусы и семьи Харуна стала одним из знамений божественного наделения царской властью сынов Исраила: «И сказал им их пророк [Самуил]: “Знамением его [Талута] владычества будет то, что к вам придёт Ковчег Завета, несомый ангелами, в котором — умиротворение (сакина) от вашего Господа и реликвия из того, что оставила семья Мусы и семья Харуна. Воистину, в этом — знамение для вас, если вы веруете”» (II 248).

Давиду, пророку и наместнику (халифа) на земле, Аллах даровал сына Сулаймана как его помощника и преемника: «И даровали Мы Давиду Сулаймана — как же прекрасен был этот раб!» (XXXVIII 30). Сулайман унаследовал от Давида и его царство, и пророческую мудрость и суждение: «И стал Сулайман наследником Давида (ва-вариса Сулайману Давуда) и сказал: “О люди, нас научили речи птиц, и дано нам (много) из всего”» (XXVII 16). Вместе Давид и Сулайман вынесли решение, засвидетельствованное Богом, по делу о повреждённом поле (XXI 78).

Закария, отец Яхьи, сказал в своей мольбе: «Воистину, я боюсь мава́ли после моей смерти. А жена моя бесплодна; так даруй же мне от Себя наследника (валийян), который унаследует меня и унаследует (предание) семейства Йакуба, и сделай его, о Господи, угодным [Тебе]» (XIX 5–6). Комментаторы обычно понимают под мава́ли здесь родственников.[21] Как отметил Р. Блашер, однако, здесь, по-видимому, имеется намёк на враждебность прочих священников к Закарии, не имевшему потомства, как это рассказывается в Евангелии от Фомы[22]. В любом случае Яхья стал наследником семейства Йакуба.

В рассказах о неизраильских пророках их семьи также играют жизненно важную роль — как их сторонники и защитники. Грешный народ Мадьяна ответил своему пророку Шу‘айбу: «О Шу‘айб, мы мало что понимаем из того, что ты говоришь, и, воистину, мы видим, что ты слаб среди нас. Если бы не твой род (рахт), мы непременно забросали бы тебя камнями, ведь ты не властен над нами» (XI 91). Группа из Самуда, народа пророка Салиха, сказала друг другу: «Поклянитесь друг другу Аллахом, что мы нападём на него и на его семью ночью; а потом скажем тому, кто имеет право мстить за него: “Мы не были свидетелями уничтожения его семьи, и мы, конечно, истинны”» (XXVII 49). Аллах пресёк их заговор и уничтожил виновных и весь народ Самуда.

Высокое положение семей и потомков прежних пророков и часто наблюдаемая параллель между историей прежних пророков в Коране и историей Мухаммада должны вызывать ожидание особого места, отведённого его семье. Родня Мухаммада упоминается

[21]ат-Табари, «Джами‘…», т. XVI, с. 32.
[22] Р. Блашер, «Le Coran» (Париж, 1957), с. 329, прим. 5.

в разных контекстах, иногда, вероятно, в более широком смысле, чем его семья. Вот повеление, обращённое к Пророку: «Предостерегай свой ближайший род (аширатак аль-акраби́н) и смягчай крыло для верующих, которые следуют за тобой» (XXVI 214–215). Под «ближайшим родом» здесь, скорее всего, подразумеваются курайшиты, хотя и более узкое толкование не исключено.

Шии́ты часто приводят в доказательство аят XLII 23, где Мухаммаду велено обратиться к верующим: «Скажи: “Я не прошу у вас за это [доведение откровения] никакой платы, кроме любви по причине близкого родства (*аль-мавадда фи л-курба*)”». Они толкуют это как требование любви мусульман к *ахль аль-бейт* — семье Пророка. Однако такое толкование не вполне согласуется с буквальным текстом. Ат-Табари в своём комментарии к этому аяту[23] предлагает три интерпретации и предпочитает первую, согласно которой речь идёт о любви верующих к самому Пророку, с которым их связывают кровные узы. Это объяснение было бы наиболее убедительным, будь аят мекканским и обращённым к курайшитам. Но этот аят обычно считают мединским, произнесённым в то время, когда многие мусульмане не состояли с Мухаммадом в кровном родстве. Поэтому предпочтительнее может быть третье толкование ат-Табари (второе менее вероятно), что имеется в виду любовь к родственникам вообще. Однако интерпретация, близкая к предпочитаемой ат-Табари, вытекает и из другого аята, утверждающего, что Мухаммад ближе ко всем мусульманам, чем они друг к другу: «Пророк ближе (авли) к верующим, чем они сами (ближе) друг к другу, а его жёны — их матери» (XXXIII 6).

В любом случае есть и другие упоминания родни Пророка, явно относящиеся к его семье и кровным родственникам. Коран отводит часть пятой доли (хумс) трофеев (ганима) и часть фая — имущества неверных, доставшегося мусульманам без боя, — родне Мухаммада вместе с ним самим: «Знайте, что что бы вы ни захватили в качестве трофеев, пятая часть принадлежит Аллаху, Посланнику, близким родственникам (зи л-курба), сиротам, беднякам и путнику — если вы уверовали в Аллаха и в то, что Он ниспослал Своему рабу в день различения, в день встречи двух групп» (VIII 41). «То, что Аллах даровал Своему Посланнику в качестве фая от жителей городов, принадлежит Аллаху, Посланнику, близким родственникам, сиротам, беднякам и путнику, — чтобы это не обращалось (лишь) между богатыми из вас» (LIX 7). Суннитские и шиитские источники согласны, что под «близкими родственниками» в этих аятах имеются в виду потомки Хашима ибн Абд Манафа, прадеда Мухаммада, и его брата аль-Мутталиба,[24] — при исключении потомков двух других братьев Хашима: Абд Шамса (предка омейядов) и Науфаля. Союз Бану аль-Мутталиб с Бану Хашим восходил к доисламскому «Хильф аль-фудуль» — договору, объединившему эти две семьи и некоторые другие кланы Курайша в

[23] ат-Табари, «Джами‘…», т. XXV, сс. 13–15.

[24] По сообщению ‘Исы б. ‘Абдаллаха (алим-‘Алид), Мухаммад выделял доли из хумса также Бану ‘Абд Ягус (Ибн Шабба, «Тарих аль-Мадина аль-мунауара», ред. Фахим Мухаммад Шалтут (Кумм, 1410/[1989/90]), с. 645). Имеются в виду потомки дяди по матери Мухаммада — ‘Абд Ягу́са б. Вахба б. ‘Абд Манафа (клан Зухра).

альянс, противостоявший двум другим и их союзникам.[25] Этот союз был подтверждён во время бойкота Мухаммада со стороны курайшитов, когда Бану аль-Мутталиб присоединились к Бану Хашим, предоставив ему защиту[26]. Благодаря своей связи с Бану Хашим ряд представителей Бану аль-Мутталиб получали доли в урожае Хайбара, принадлежавшем Пророку.

Часть трофеев и фая, выделенная родне Пророка, согласно многочисленным сообщениям в источниках, была вознаграждением за их исключение из числа получателей милостыни (*садака, закят*). Родственникам Мухаммада, подобно ему самому, было запрещено получать долю из милостыни. Причиной обычно называют то, что милостыня происходит из «скверн» (*аусах*) людей — ведь отдача милостыни рассматривается как акт очищения. В силу их состояния чистоты было неприлично, чтобы близкие Пророка получали или распоряжались милостыней. Школы религиозного права — и суннитские, и шиитские — сохранили этот запрет для Бану Хашим принимать милостыню от обычных мусульман.[27]

Это состояние чистоты, отличавшее семью Мухаммада от прочих мусульман, согласуется с возвышенным положением семей прежних пророков. Как отмечалось, Коран описывает семью Лута как людей, поддерживающих чистоту (*ятадаххару́н*). На то же состояние чистоты, очевидно, указывает и аят, обращённый к жёнам Пророка: «Оставайтесь в своих домах и не выставляйте себя напоказ, как это делалось в прежние времена неведения; совершайте молитву, давайте милостыню и повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику. Аллах желает лишь удалить от вас скверну, о люди Дома (*ахль аль-бейт*), и очистить вас (*йутаххиракум*) совершенным очищением» (XXXIII 33). Кто здесь «люди Дома»? Местоимение, относящееся к ним, стоит во множественном числе мужского рода, тогда как предыдущая часть аята — в форме женского рода множественного числа. Эта смена рода, очевидно, и породила различные легендарные сообщения, «прикрепляющие» последнюю часть аята к «людям покрывала» (ахль аль-киса) — Мухаммаду, ‘Али, Фатиме, Хасану и Хусейну. Несмотря на очевидную шиитскую окраску, подавляющее большинство сообщений, цитируемых ат-Табари в его комментарии к этому аяту, поддерживает именно такое толкование.[28]

Тем не менее вряд ли эта часть аята могла быть отдельным откровением, позже присоединённым к остальному тексту, как предполагают эти сообщения. Подобно тому, как в схожем аяте, обращённом к жене Ибрахима, Р. Парет предлагал понимать *ахль аль-бейт* как «служителей Святилища (Каабы)»[29], — но такое толкование несовместимо с явной целью аята — возвысить положение жён Пророка над всеми прочими мусульманками.

---

[25] В. М. Уатт, «Muhammad at Mecca» (Оксфорд, 1953), сс. 6–8.

[26] Там же, сс. 8, 120–121. (Гольдцирер считал хадис о предпочтении Хашима и аль-Мутталиба — ‘аббасидской антиомейядской выдумкой; автор возражает.)

[27] См. Маделунг, «The Hashimiyyat», сс. 24–26. Каэтани неправильно перевёл фразу из хадиса о Гадир Хумме как освобождение Ахль аль-Бейт от уплаты закята после смерти Пророка; такой льготы не было.

[28] ат-Табари, «Джами‘…», т. XXII, сс. 5–7.

[29] Парет, «Der Plan», сс. 127–130.

Предыдущий аят начинается заявлением: «О жёны Пророка! Вы — не подобны другим женщинам» (XXXIII 32). Здесь жёны обращаются как члены очищенной семьи Пророка по браку. Известно, что в иных случаях Мухаммад обращался к своим жёнам по отдельности как к *ахль аль-бейт* — очевидно, чтобы оказать им честь[30]. Здесь же их в довольно строгих выражениях увещевают вести себя сообразно их возвышенному состоянию. Ахль аль-бейт Мухаммада означал, в согласии с общим употреблением термина в то время, прежде всего его кровных родственников — тех самых Бану Хашим, которым было запрещено принимать милостыню, чтобы не омрачать их состояние чистоты, — и, во вторую очередь, жён.

Остаётся ещё аят о «взаимном заклятии» (*мубахала*), религиозная значимость которого — с учётом неопределённости обстоятельств ниспослания — оценить непросто.[31] Аллах обращается к Мухаммаду: «А если кто станет пререкаться с тобой об этом [об ‘Исе] после того, как пришло к тебе знание, скажи: “Придите, мы призовём наших сыновей и ваших сыновей, наших женщин и ваших женщин, самих себя и самих себя (вас), а затем прилежно помолимся и воззовём, чтобы проклятие Аллаха было на лжецах”» (III 61). Комментаторы единодушно считают, что аят был ниспослан по поводу приезда делегации христиан из Наджрана в 10 г.х./631–632 гг., не принявших исламское учение об ‘Исе. Современные учёные критически отмечали склонность комментаторов связывать многие коранические места о христианах с этим визитом.[32] Кто же подразумевается под «нашими сыновьями» и «нашими женщинами» со стороны Мухаммада? До самой мубахалы, согласно сообщениям, дело не дошло — христиане уклонились; большинство суннитских сообщений, приводимых ат-Табари, не называет членов семьи Пророка, которых предполагалось привести. Другие суннитские сообщения упоминают Фатиму, Хасана и Хусейна, а некоторые согласуются с шиитским преданием, что были собраны ахль аль-киса (включая ‘Али). Как бы то ни было, правдоподобной альтернативы отождествлению «сыновей» с двумя внуками Пророка не видно; в этом случае естественно включение и их родителей — ‘Али и Фатимы. Выражение «наши женщины», а не «наши жёны», не исключает дочь Пророка. Возможно, участие семьи было традиционным в обряде *мубахалы*. Однако уже сам факт предложения Пророком этого ритуала в обстановке глубоко религиозной значимости и его санкционирование Кораном не могло не возвысить религиозный ранг его семьи.

Таким образом, Коран отвёл *ахль аль-бейту* Мухаммада возвышенное положение над остальными верующими — подобно положению семей прежних пророков. Аллах

---

[30] Ахмад б. Ханбал, «Муснад» ([Каир] 1313/1895), т. III, с. 246. Ламменс утверждал, что «ахль аль-байт» в арабском — прежде всего «жёны под одной крышей», но приведённые им места показывают, что первичное значение — близкие кровные родственники.

[31] В западных работах аят «мубахалы» почти не обсуждается… Ср.: Л. Массиньон, «La Mubahala de Medine…» (Париж, 1955); В. Шмуккер, «Die christliche Minderheit von Nagran…» в: Studien zum Minderheitenproblem im Islam… (Бонн, 1973), т. XXVII/1, сс. 183–281; и его же статья «Mubāhala» в EI². Шмуккер считает часть о христианах Наджрана вымышленной, но формулировка аята явно указывает на исторический эпизод…

[32] Т. Нёльдеке и Ф. Швалли, «Geschichte des Qorans» (Лейпциг, 1909–1938), т. I, с. 177, прим. 2.

пожелал очистить их от всякой скверны. Разумеется, отступники из семьи Пророка, противившиеся его миссии, были исключены из божественной милости — так же, как и отступники среди семей прежних пророков. Абу Ляхаб, дядя Мухаммада, и его жена даже упомянуты в особой суре со всевышним проклятием. Но такие исключения не отменяли божественного благоволения к *ахль аль-бейт* в целом.

Поскольку Коран выражает мысли Мухаммада, очевидно, что он не мог считать Абу Бакра своим естественным преемником и не мог радоваться его вступлению (в должность). Коран, конечно, не полностью отражает взгляды Мухаммада на людей вокруг него и его отношение к ним. Однако он не мог видеть собственное преемство иначе как в свете коранических повествований о преемстве прежних пророков — так же, как он видел свою пророческую миссию, сопротивление своего народа и конечный успех по милости Аллаха — в свете опыта прежних пророков. Эти пророки считали высшей божественной милостью то, что их сменяли их потомки или близкие родственники, — и просили об этом своего Господа. Современные суннитские апологеты возражают, ссылаясь на аят XXXIII 40, описывающий Мухаммада как Печать пророков. По их мнению, будучи последним из пророков, Мухаммад по замыслу Аллаха не должен был иметь преемника из своей семьи. Чтобы явить этот замысел, Аллах также позволил всем сыновьям Мухаммада умереть в младенчестве.[33] По этой же причине Мухаммад не назначил преемника, пожелав оставить решение вопроса о преемстве мусульманской общине на основе коранического принципа консультации (*шура*).

Однако этот довод покоится на чересчур вольном толковании выражения «Печать пророков». Ибо даже если признать, что в Коране оно означает «последний из пророков» (что само по себе не вполне несомненно)[34], нет причины считать, будто из этого следует: Мухаммад — как духовный и мирской глава мусульманской общины, помимо своего пророчества, — не мог быть сменён своей семьёй. В Коране потомки и близкие родственники пророков наследуют им также в отношении царской власти (*mulk*), правления/суда (*ḥukm*), мудрости (*ḥikma*), Писания и имамата. Сам суннитский концепт «истинного халифата» определяет его как преемство Пророка во всём, кроме самого пророчества. Почему же Мухаммад не мог быть сменён в нём кем-то из своей семьи — как это бывало у прежних пророков? Если Бог действительно хотел указать, что ни один из его родственников не должен наследовать ему, почему Он не дал умереть его внукам и другим родичам так же, как умерли его сыновья? Есть, следовательно, серьёзные основания сомневаться, что Мухаммад не назначил преемника потому, что осознавал: божественный замысел исключает наследование его семьи, — и потому что он хотел, чтобы мусульмане избирали своего главу посредством *шуры*. Коран советует верующим решать некоторые

---

[33] Аргумент опирается на хадисы: по словам нескольких сподвижников, сын Пророка Ибрахим не выжил, ибо стал бы пророком. См.: И. Гольдцирер, «Muhammedanische Studien», т. II, сс. 105–106; Й. Фридман, «Finality of Prophethood in Sunni Islam», JSAI, 7 (1986), сс. 177–215, на сс. 187–189.

[34] Фридман, там же; Г. Г. Строумса, «Seal of the Prophets: The Nature of a Manichaean Metaphor», JSAI, 7 (1986), сс. 61–74; К. Кольпе, «Das Siegel der Propheten», Orientalia Suecana, 33–35 (1984–1986), сс. 71–83; перераб. версия: К. Кольпе, «Das Siegel der Propheten» (Берлин, 1990), сс. 227–243.

дела через консультацию, но не преемство пророков. Оно, согласно Корану, определяется божественным избранием, и Бог обычно назначает их преемников — становятся ли те пророками или нет — из числа их же родни.

Почему же тогда Мухаммад не позаботился должным образом об устройстве своего преемства, хотя, по всей видимости, надеялся на преемника из своей семьи? Любой ответ неизбежно будет предположительным. Простое «исламское» объяснение гласило бы: в столь важном решении он ожидал особого коранического откровения, но не получил его. Немусульманские историки, вероятно, скорее предположат, что Мухаммад колебался, сознавая трудности, с которыми столкнулась бы хашимитская наследственность на фоне острой клановой борьбы за лидерство внутри Курайша и относительной слабости Бану Хашим. В 10 г. х./631 г. Мухаммад отправил ʻАли своим представителем в Йемен, где его поведение, кажется, вызвало критику. По возвращении, всего за три месяца до смерти Пророка, Мухаммаду пришлось сделать крепкое публичное заявление в поддержку кузена.[35] Очевидно, это было неподходящее время, чтобы назначать его преемником. Мухаммад мог и откладывать решение, надеясь прожить достаточно, чтобы назначить одного из своих внуков. Его смерть была для большинства сподвижников неожиданной даже во время его смертельной болезни. Возможно, и он сам не осознавал близости конца — до тех пор, пока не стало поздно.

Два свидетеля: ʻАиша и ʻАбдаллах ибн аль-ʻАббас

Среди сохранившихся известий о преемстве и раннем халифате первостепенное значение имеют те, которые приписываются дочери Абу Бакра ʻАише и двоюродному брату Мухаммада и ʻАли — ʻАбдаллаху ибн аль-ʻАббасу. Оба находились в положении, позволявшем им пристально наблюдать события, к которым они были глубоко эмоционально сопричастны и в некоторых из которых играли прямую роль — хотя и в противоположных лагерях. ʻАиша, как известно, отстаивала право своего отца на преемство Мухаммада и поддержала халифат назначенного им преемника — ʻУмара. На шуре после убийства ʻУмара она явно предпочитала Усмана своему личному противнику ʻАли. Вскоре, однако, она стала резко критиковать уже самого Усмана как халифа, и её выступления против него способствовали вспышке открытого мятежа. Когда Усман был убит, а мятежники провозгласили ʻАли халифом, она немедленно выступила против него, требуя мести за убитого халифа. После поражения её союза в битве при Верблюде она отошла от активной политики. Её отношения с омейядом Муʻавией, при чьём правлении она умерла в 58/678 г., были натянутыми.[36]

ʻАбдаллах ибн аль-ʻАббас, родившийся в 619 г., за три года до хиджры, впервые вышел на политическую сцену при халифе ʻУмаре. Тот, по-видимому, пытался привлечь его в своё окружение как представителя Бану Хашим, которые в основном его сторонились. Во время осады резиденции Усмана в Медине мятежниками из Египта и Куфы он входил в группу сыновей видных сподвижников, защищавших дворец халифа. Затем Усман назначил

[35] Л. Веккья Вальери, «Ghadīr Khumm», EI²; и далее у автора (см. ниже, с. 253).
[36] О жизни ʻАиши см. особенно: Н. Абботт, «Aishah the Beloved of Mohammad» (Чикаго, 1942).

его руководителем паломничества в Мекку и вручил ему открытое письмо к паломникам, от которых надеялся получить поддержку. ‘Али поначалу широко опирался на его советы и назначил его наместником Басры. Однако позже ибн аль-‘Аббас на время отступился и, по-видимому, критиковал некоторые стороны правления своего двоюродного брата. После убийства ‘Али он написал письмо его сыну аль-Хасану, побуждая продолжить отцовскую войну против Му‘авии и бороться за свои права. Он не поддержал восстание брата аль-Хасана — аль-Хусейна — при халифе Йазиде. Вместе с другим сыном ‘Али — Мухаммадом ибн аль-Ханафийей — он отказался признать халифат ‘Абдаллаха ибн аз-Зубайра, который заключил обоих в тюрьму. Их освободили куфийские всадники, посланные вождём шиитов аль-Мухтаром. Вскоре после этого, в 68/687–688 г., ибн аль-‘Аббас умер.[37]

Каетани считал, что приписывание исторических известий этим двум сподвижникам по большей части фиктивно. Он утверждал, что практику формального иснада ввели лишь значительно позже, а затем нередко «протягивали» цепочку передач к сподвижникам, чтобы повысить авторитет анонимных хадисов.[38] ‘Аишу особенно охотно выбирали, исходя из предположения, что она должна была знать события из первых рук.[39] Так что рассказы могли быть старыми и надёжными — кроме их атрибуции. На деле же Каетани склонен был отвергать такие сообщения как апокрифы или относиться к ним с серьёзной оговоркой, предпочитая, где возможно, версии без иснада у ранних историков, вроде ибн Исхака. В некотором противоречии с этим он называл ибн аль-‘Аббаса «архилжецом» и выдумщиком из-за приписываемых ему библейских сказаний и космологических мифов в его толковании Корана[40]. Но если это толкование действительно можно приписать ибн аль-‘Аббасу, почему же атрибуция исторических известий ему должна быть регулярно фиктивной? Дополнительная проблема в том, что многие из сообщений от имени ‘Аиши и ибн аль-‘Аббаса передают их речь от первого лица. Очевидно, такие тексты не могли быть анонимными традициями — поздним мог быть лишь формальный иснад. Если отвергать атрибуцию, сами рассказы придётся признавать более поздними подделками.

Следовательно, дата введения формального иснада мало что решает для вопроса о корректной атрибуции. Её следует судить главным образом по внутренней согласованности сообщений, приписанных одному и тому же свидетелю, и по их согласии с известным о его/её жизни и политических установках. Как отмечено, ‘Аиша и ибн аль-‘Аббас были глубоко вовлечены в события — хотя и в противоположных лагерях. Можно ожидать пристрастность их свидетельств — и в выборе фактов, и в манере их подачи, — а не нейтральность и беспристрастие. Поскольку тенденциозность этих рассказов нередко совпадает с более поздними суннитскими или шиитскими позициями, западные учёные часто склонны считать их поздними фальшивками — особенно те, что благоприятствуют шиитским взглядам. Однако одна лишь тенденциозность не доказывает позднего

[37] Краткая сводка карьеры ‘Абдаллы б. аль-‘Аббаса: Л. Веккья Вальери, статья «‘Abd Allāh b. al-‘Abbās» в EI².
[38] Общее обсуждение иснадов у Каэтани: «Annali», т. I, с. 38 и далее.
[39] Там же, т. II/1, сс. 691–692.
[40] Там же, т. I, сс. 47–51.

происхождения. Если некоторые сообщения — по конкретным обстоятельствам — почти наверняка верно атрибутированы, то бремя доказательства по схожим, но более неоднозначным случаям ложится на тех, кто хочет счесть их поздними подделками.

Исторические известия, приписываемые ‘Аише и ибн аль-‘Аббасу в основных источниках — у ибн Хишама, ат-Табари, ибн Са‘да и аль-Баладхури, — в высокой степени отвечают критерию согласованности. Они отражают резковыраженные личные взгляды и политические установки. Существуют варианты, где некоторые их прямые высказывания — очевидно, смущавшие поздних передатчиков — смягчены или опущены. Лишь немногие известия приходится решительно отвергать как противоречащие их политическим позициям.

Рассказ ‘Аиши написан в высшей степени похвально и апологетически относительно Абу Бакра, которого она изображает как доброго отца — полного hilm, мягкости и благоразумия, высоко ценимых арабами качеств лидера, — в разительном контрасте с грубым, резким ‘Умаром, которого все боялись — при всей его несомненной праведности. В начале своей смертельной болезни Мухаммад сказал собравшимся мусульманам, что не знает среди сподвижников человека, чьи дела были бы совершеннее (*afḍal yadan*), чем у Абу Бакра, и велел заложить все (частные) двери, ведущие в мечеть (и к его покоям), кроме двери Абу Бакра.[41] Несмотря на протесты ‘Аиши, он настоял, чтобы именно Абу Бакр — и никто иной — занял его место в предводительстве молитвой. Ясно, что, по мнению ‘Аиши, её отец стал законным преемником Мухаммада на основании последнего — хотя и неявного — предпочтения, а не из-за событий в Сакифе Бану Саида. Наивысшей заботой Абу Бакра было доброжелательное и справедливое отношение к семье его покойного друга — обязанность, которую он ставил даже выше долга перед собственной роднёй. ‘Аиша не жалела усилий, чтобы выставить в дурном свете его (Мухаммада) родню вообще и ‘Али в частности: их некомпетентность, по её версии, соперничала лишь с их высокомерием. Дядя Мухаммада аль-‘Аббас сильно расстроил больного Пророка, когда вместе с несколькими про-хашимитскими женщинами влил ему лекарство в бок (*laddahu*) без разрешения, а затем объяснил, что думали — у него плеврит (*dhāt al-janb*); Мухаммад гневно отверг это — «Бог не поразил бы меня этой сатанинской болезнью»[42]. Даже к телу Пророка, по её словам, его родные не проявили бы должного уважения, если бы не божественное вмешательство. ‘Али, подбадриваемый женой Фатимой и аль-‘Аббасом, который ложно претендовал на наследство мирских владений Мухаммада, вообразил, будто имеет право на халифат как двоюродный брат и зять Пророка. Но, когда после смерти Фатимы все от него отошли, его вынудили принести присягу Абу Бакру. Условием встречи он поставил отсутствие грубого ‘Умара. Лишь признав, что Абу Бакр был прав, ‘Али вновь стал принимать людей.

---

[41] Табари, т. I, с. 1808. (Ср. многочисленные сообщения ‘Аиши и др. о последней коллективной молитве и намёках на предпочтение Абу Бакра.)

[42] Ибн Хишам, «Сира…», ред. Ф. Вюстенфельд (Гёттинген, 1859–1860), с. 1007; Табари, т. I, с. 1809. Женщины, названные ‘Аишей: Умм Салама, Маймуна (жёны Пророка) и Асма бинт ‘Умайс… В иных версиях вина возлагается главным образом на Асму (Табари, т. I, с. 1810; Ибн Са‘д, «Табакат», т. II/2, сс. 31–32, одна версия — от ‘Абдаллы б. аль-‘Аббаса). Каэтани неверно понял тенденцию рассказа ‘Аиши…

‘Абдаллах ибн аль-‘Аббас излагал взгляды Бану Хашим на их право гораздо осторожнее. Он признавал, что «народ» (*al-qawm*) — то есть Курайш — решил не в их пользу, вопреки тому, что семья Пророка твёрдо считала своим законным притязанием. Его отношение к ‘Али было не без оговорок. Он упоминал, что неоднократно порицал поступки кузена и предупреждал его об их последствиях. Он отвергал веру некоторых сторонников ‘Али, будто Пророк действительно завещал (‘awṣā) власть ему. Но, намекал он, причина, вероятно, лишь в том, что ‘Аиша и Хафса не дали Мухаммаду увидеться с ним наедине, когда больной Пророк просил позвать ‘Али; вместо этого они настояли на приглашении своих отцов. Когда незадолго до смерти Мухаммад предложил написать письмо-наставление своим сподвижникам, ‘Умар вмешался, заявив, что тот «бредил». Отец ‘Абдаллаха, аль-‘Аббас, разглядел на лице Мухаммада признаки надвигающейся смерти и пытался уговорить ‘Али обратиться к нему по поводу преемства. Он говорил ‘Али, что Пророк либо передаст им власть, либо — если нет — хотя бы поручит (awṣā) «народу» заботиться о них. Однако ‘Али отказался, высказав опасение: если Пророк отвергнет их претензию, «народ» уже никогда не отдаст им власть.

Из изложения ибн аль-‘Аббаса, впрочем, ясно: он считал ‘Али достойным преемства — хотя и не назначенным формально — и полагал, что Абу Бакр лишил его его права произвольно — при попустительстве «народа». Бану Хашим засвидетельствовали недоверие, а затем и неудовольствие их действиями, практически исключив посторонних из подготовки похорон и погребения Пророка — тем самым лишив нового халифа чести проститься с предшественником. Абу Бакр незаконно отказал им в наследстве и в доле фая, на которую они были вправе рассчитывать согласно Корану. Позже ‘Умар попытался смягчить их обиду частичным возмещением, но Бану Хашим отвергли это как недостаточное. ‘Умара особенно интересовал ибн аль-‘Аббас. Публично ‘Умар признавал, что решение, принятое в Сакифе Бану Саида, было falta — поспешной, непродуманной сделкой. Тем не менее он настаивал, что халифат Абу Бакра — в силу его очевидного успеха — был предопределён Божьим выбором и законен. Он выражал сожаление ибн аль-‘Аббасу, что ‘Али продолжает его сторониваться и не соглашается поехать с ним. И хотя он стремился относиться к ‘Али как к видному раннему сподвижнику, его очень тревожила перспектива восшествия ‘Али на халифат: по его мнению, ‘Али и его клан превратили бы власть в наследственное царствование, лишив «народ» его права на неё. Наедине он объяснял ибн аль-‘Аббасу, что «народ» не потерпит владычества Бану Хашим из зависти: ведь тогда у них оказались бы и пророчество, и халифат.

Подлинность сообщений, приписываемых ‘Аише и ибн аль-‘Аббасу, ещё не гарантирует их достоверности. Далее будет видно, что оба были готовы придумывать истории, чтобы подкрепить свои притязания и очернить противников. Искушение было очевидно велико. Их авторитет — «любимой жены Пророка» и двоюродного брата Пророка — был вне спора, и никто открыто не ставил под сомнение их правдивость. Они могли говорить то, что другим было нельзя, — но что многим хотелось услышать. Их пристрастные искажения лишь отражали страсти, раздиравшие мусульманскую общину. И

всё же обычно они были информированнее других, и даже приукрашенные истории можно ожидать как-то отражают их знание фактов — особенно о событиях, свидетелями которых они были сами. Позднейшие рассказчики широко опирались на их версии в собственных изложениях. Для историка же их расходящиеся углы зрения и предвзятость не менее интересны, чем факты, о которых они сообщают.

Некоторые из их рассказов явно предназначались, чтобы парировать истории другой стороны. ‘Убайдуллах ибн ‘Абдуллах ибн ‘Утба ибн Мас‘уд слышал, как ‘Аиша говорила: больной Пророк испросил дозволения у своих жён, чтобы его ухаживание перенесли в её комнату, и он, опираясь на двух мужчин из своей родни, дошёл туда; одним был аль-Фадль ибн аль-‘Аббас, а «другим мужчиной» — … Позже он пересказал это ибн аль-‘Аббасу. Тот спросил: «Знаешь, кто был другой?» — и, услышав отрицание, сказал: «‘Али ибн Абу Талиб. Но она не смогла бы произнести о нём ничего хорошего, даже будь у неё для этого основания»[43]. Ибн аль-‘Аббас не мог знать это из первых рук. Но, учитывая хорошо известную враждебность ‘Аиши к ‘Али, предположение, что тем «неназванным» был именно он, выглядит вполне разумным.

Ибн аль-‘Аббас оспаривал и утверждение ‘Аиши, что Пророк умер у неё на руках.[44] Когда Абу Гатафан рассказал ему, будто слышал это от ‘ Урвы ибн аз-Зубайра, передававшего слова ‘Аиши, ибн аль-‘Аббас возразил: «Ты в своём уме? Клянусь Богом, Посланник Божий умер, привалившись к груди ‘Али. Он-то и обмыл его — вместе с моим братом аль-Фадлем ибн аль-‘Аббасом. А мой отец отказался присутствовать, сказав: “Посланник Божий велел нам оставаться за завесой (когда он совершал омовение)”. Так он и остался за завесой»[45].

Ибн аль-‘Аббас передавал, что Пророк незадолго до смерти выразил желание написать послание присутствующим, «после которого вы не собьётесь с пути». ‘Умар сказал: «Посланник Бога одолён болью. У вас есть Коран; Книга Бога достаточна для нас». Присутствующие начали спорить: одни требовали дать Пророку возможность написать, другие становились на сторону ‘Умара. Поскольку шум причинял Мухаммаду боль, он велел им выйти. По словам Ибн аль-‘Аббаса, величайшее несчастье как раз и было вызвано их разногласием и шумом, помешавшими Пророку написать своё завещательное распоряжение.[46] Хотя Ибн аль-‘Аббас не уточнял, что именно хотел написать Пророк, полагали, что он намекал на намерение Мухаммада назвать ‘Али своим преемником; шииты

---

[43] Табари, т. I, сс. 1800–1801 (со ссылкой на Ибн Исхака); Ибн Хишам, «Сира», с. 1005; ‘Абд ар-Раззак ас-Сан‘ани, «аль-Мусаннаф», ред. Хабиб ар-Рахман аль-А‘замий (Бейрут, 1390–1392/1970–1972), т. V, сс. 429–430; Ахмад б. Ханбал, «Муснад», т. VI, с. 34 (Ма‘мар ‘ан аз-Зухри). Ибн Хишам опустил реплику Ибн аль-‘Аббаса о нежелании ‘Аиши говорить хорошее о ‘Али.

[44] О версии ‘Аиши см.: Ибн Хишам, «Сира», с. 1011; Ибн Са‘д, «Табакат», т. II/2, с. 50. (Она говорит, что это было в её очередь, но это противоречит её же словам о прекращении обхода жён.)

[45] Ибн Са‘д, «Табакат», т. II/2, с. 51. (Далее — параллельный отчёт ‘Убайд Аллаха б. ‘Абдаллы б. ‘Утбы от Ибн аль-‘Аббаса, т. там же, с. 62; сопоставление с речью ‘Али в Сиффине: Наср б. Музахим, «Вак‘ат Сиффин», ред. ‘Абд ас-Салам М. Харун (Каир, 1382/[1962]), с. 224.)

[46] Абд ар-Раззак, «Мусаннаф», т. V, сс. 438–439; аль-Бухари, «Сахих» (Каир, 1312/[1894]), кн. «Болезни», № 17; Ибн Са‘д, «Табакат», т. II/2, сс. 37–38; Каэтани, «Annali», т. II/1, с. 508.

всегда так и понимали этот рассказ. ‘Аиша возразила собственной историей: «Посланник Бога сказал мне во время болезни: “Позови ко мне своего отца Абу Бакра и брата [‘Абд ар-Рахмана], чтобы я написал письмо. Ибо я боюсь, что некто предастся мечтаниям (yatamannā mutamannin) и скажет: “Я достоин больше”, — но Бог и верующие не приемлют никого, кроме Абу Бакра”»[47]. Никто не сомневался, что мечтавшим был ‘Али.

В качестве дальнейшей иллюстрации манеры изложения ‘Аиши и Ибн аль-‘Аббаса и их противоположной предвзятости здесь кратко разобраны два примера, касающиеся действий Мухаммада во время его последней болезни и его похорон. Куфиец аль-Аркам ибн Шурахбиль аль-Ауди, сподвижник ‘Абдаллаха ибн Мас‘уда[48], спросил Ибн аль-‘Аббаса, сделал ли Пророк завещание (awṣā). Ибн аль-‘Аббас отрицал это и объяснил, что во время болезни Мухаммад велел: «Позовите ‘Али». Однако ‘Аиша предложила: «А не позвать ли Абу Бакра?», к ней присоединилась Хафса: «А не позвать ли ‘Умара?» Когда все трое пришли, Мухаммад отпустил их, сказав, что позовёт, когда возникнет нужда. Когда настало время молитвы, он сказал: «Прикажите Абу Бакру помолиться с людьми», но ‘Аиша возразила: «Абу Бакр мягок (raqīq), прикажи ‘Умару». Мухаммад велел ‘Умару возглавить молитву, но ‘Умар отказался: «Я не выйду вперёд в присутствии Абу Бакра». Тогда вперёд вышел Абу Бакр. Пророк, почувствовав временное облегчение, вышел следом; услышав его, Абу Бакр отступил назад. Мухаммад потянул его за одежду вперёд и поставил на его место, а затем сам сел и начал читать Коран с того места, на котором остановился Абу Бакр[49].

Каетани считал этот рассказ апокрифом, выдуманным мусульманскими традиционистами в попытке объяснить, почему Мухаммад не оставил письменного завещания[50]. Однако ‘Аиша описала событие так: когда прозвучал призыв к молитве, Пророк сказал: «Прикажите Абу Бакру помолиться с людьми». ‘Аиша возразила: «Абу Бакр человек мягкий, и если займёт твоё место, он не выдержит». Мухаммад повторил: «Прикажите Абу Бакру помолиться с людьми», и ‘Аиша вновь возразила. Тогда Пророк рассердился и сказал: «Вы — спутницы Йусуфа (sawāhib Yūsuf)». В третий раз он повелел: «Прикажите Абу Бакру помолиться с людьми». Когда Пророка вывели в мечеть, Абу Бакр было отступил, но Мухаммад знаком велел ему остаться на месте. ‘Аиша добавила: «Абу Бакр молился, следуя за Пророком, а люди — за Абу Бакром»[51]. Трижды Пророк тем самым настаивал, что именно Абу Бакр — и никто иной — должен возглавить молитву мусульман на его месте. Это было вскоре после того, как, по словам ‘Аиши, он объявил Абу Бакра в своих глазах наиотличнейшим из сподвижников и приказал закрыть все частные двери, ведущие в мечеть, кроме двери Абу Бакра. Посыл был столь же очевиден: Мухаммад хотел дать понять, что его выбор преемника — Абу Бакр.

---

[47] Муслим, «Сахих» (Булак, 1290/[1873]), «Достоинства сподвижников», № 11.
[48] Ибн Хаджар, «Тахзиб ат-тахзиб» (Хайдарабад, 1325–1327/[1907–1909]), т. I, сс. 198–199.
[49] Табари, т. I, сс. 1810–1811.
[50] Каэтани, «Annali», т. II/1, с. 506.
[51] Табари, т. I, сс. 1811–1812. В версии аз-Зухри ‘Аиша поясняет свой мотив… См. также: Ибн Хишам, «Сира», с. 1008; Ибн Са‘д, «Табакат», т. II/2, с. 18; аль-Баладзури, «Ансаб аль-ашраф», т. I, с. 559.

Есть, однако, и второй рассказ ‘Аиши, который, возможно, и побудил Ибн аль-‘Аббаса упомянуть ‘Умара. Согласно ему, Мухаммад, будучи болен в покоях жены Маймуны, попросил её племянника ‘Абдаллаха ибн Зам‘у велеть людям молиться. ‘Абдаллах встретил ‘Умара и сказал ему возглавить молитву. Пророк узнал мощный голос ‘Умара и спросил: «Разве это не голос ‘Умара?» Получив подтверждение, он сказал: «Бог отвергает это — как и верующие. Прикажите Абу Бакру — пусть он молится с людьми». Именно тогда ‘Аиша дважды просила Пророка пощадить Абу Бакра, пока он не пресёк спор, назвав её и других женщин «спутницами Йусуфа»[52]. Возможно, это и была начальная версия ‘Аиши,[53] которую затем смягчили из-за нелестной роли ‘Умара. Тогда выходит, что в начале болезни ‘Умар действительно возглавил молитву, а ‘Аише, чтобы сохранить мысль, будто назначение на предстоятельство в молитве Пророком означало назначение на преемство, пришлось создать впечатление, что предстоятельство ‘Умара произошло против воли Мухаммада и было им неодобрено.[54]

Об омовении тела Мухаммада перед похоронами ат-Табари передаёт со слов Ибн Исхака рассказ, отличающийся от приведённого выше[55]. Ибн Хишам и аль-Баладхури цитируют его без отнесения к Ибн аль-‘Аббасу;[56] потому можно было сомневаться в корректности атрибуции. Надёжность цитирования у ат-Табари вообще высока, и отнесение рассказа к Ибн аль-‘Аббасу подтверждается Ахмадом ибн Ханбалом.[57] Следовательно, скорее всего Ибн аль-‘Аббас в разные случаи давал два разных изложения одного и того же события. Рассказ, переданный Ибн Исхаком, явно про-хашимитского характера и побудил ‘Аишу дать контр-версию.

Ибн аль-‘Аббас сообщал, что ‘Али, аль-‘Аббас и его сыновья аль-Фадль и Кусам, а также Усама ибн Зайд и Шукра̄н — оба клиенты (маули) Мухаммада — взялись омыть его тело. Аус ибн Хавали, мединский ветеран Бадра, умолял ‘Али допустить его — ради доли ансаров в отношении Пророка — и был им впущен. ‘Али прижал тело к своей груди, а аль-‘Аббас, аль-Фадль и Кусам помогали поворачивать его. Усама и Шукра̄н поливали водой умершего, не снимая с него рубахи. ‘Али совершал омовение, растирая ткань снаружи, не касаясь телесно тела. Он сказал: «Ты дороже мне, чем мой отец и мать; как сладостен ты живым и мёртвым». Ничего из тела Пророка, таким образом, видно не было — в отличие от обычных умерших.

---

[52] Ахмад б. Ханбал, «Муснад», т. VI, с. 24.

[53] Этот отчёт продолжает повествование ‘Убайд Аллаха б. ‘Абдаллы (главного источника аз-Зухри о начале болезни). Ибн Исхак и позднейшие предпочли смягчённую версию… Иснад ат-Табари независим от аз-Зухри.

[54] Сам ‘Абд Аллах б. Зам‘а рассказывает, что Абу Бакр отсутствовал, ‘Умар провёл всю молитву; затем упрекнул его… См.: Ибн Хишам, «Сира», сс. 1008–1009; Ахмад б. Ханбал, «Муснад», т. IV, с. 322.

[55] Табари, т. I, сс. 1830–1831.

[56] Ибн Хишам, «Сира», сс. 1018–1019; аль-Баладзури, «Ансаб», т. I, с. 569.

[57] Ибн Касир, «аль-Бидая ва-н-нихая» (Каир, 1351/[1932]), т. V, сс. 260–261. Иснад: Ибн Исхак — Хусайн б. ‘Абдаллах — ‘Икрима — Ибн аль-‘Аббас. Каэтани по-странному считал этот отчёт у Ибн Исхака «без иснада» и потому особенно авторитетным («Annali», т. II/1, с. 519).

Рассказ подчёркивает, что присутствовали только близкие родичи Мухаммада и двое его клиентов. Женщины — включая ‘Аишу, в чьих покоях Пророк умер и был погребён, — были исключены. Лишь один из ансаров, но ни один из мекканских мухаджиров, был допущен в порядке исключения. Из благоговения к Пророку — вопреки обычной практике — особенно тщательно следили за тем, чтобы не обнажать его тело.

‘Аиша не смирилась со своим отстранением. Она передавала, что когда мужчины собрались омыть Пророка, между ними возник спор: «Клянёмся Богом, мы не знаем, обнажать ли Пророка от одежды, как мы поступаем с нашими покойниками, или омыть его в одежде». Пока они так препирались, на них был низведён сон, и каждый склонил подбородок к груди. Тогда голос, никому неизвестный, обратился к ним со стороны дома: «Омойте Пророка в его одежде». Родичи Мухаммада подчинились велению. Передатчик добавил: ‘Аиша обычно говорила, что, оглядываясь назад (*law istaqbaltu min amrī mā istadbartu*), полагала: омывать его должны были только его жёны.[58] Слушателям, стало быть, не оставляли сомнений, что жёнам — под руководством ‘Аиши — не потребовался бы божественный окрик, чтобы удержать их от неуважения к телу Пророка — в отличие от нечутких и сварливых родичей Мухаммада.

[58]Табари, т. I, с. 1831. Ибн Хишам, «Сира» (с. 1019) опустил язвительный комментарий ‘Аиши.

ГЛАВА 1
Абу Бакр: преемник Посланника Бога и «халифат курейшитов»

Основополагающее изложение о собрании в Сакифе Бани Саида, на котором был решен вопрос преемства Абу Бакра, восходит к ʿАбдаллаху ибн аль-ʿАббасу. Все прочие сообщения используют содержащиеся в нём сведения либо представляют собой более поздние разработки[1]. Несколько отличающиеся версии с разными *иснадами* приводят Ибн Хишам, ат-Табари, ʿАбд ар-Раззак ибн Хаммам, аль-Бухари и Ибн Ханбал. *Иснады* сходятся на аз-Зухри, который передал рассказ Ибн аль-ʿАббаса со слов ʿУбайд Аллаха ибн ʿАбдаллаха ибн ʿУтбы ибн Масʿуда[2]. Рассказ отчётливо отражает характерную точку зрения Ибн аль-ʿАббаса, и нет основания сомневаться в достоверности цепочки передатчиков[3].

Ибн аль-ʿАббас передал, что во время последнего паломничества, возглавленного халифом ʿУмаром, то есть в месяц Зу-ль-Хиджа 23 г. хиджры./в октябре 644 г., к нему, Ибн аль-ʿАббасу, в его дом (*манзил*) в Мине пришёл ʿАбд ар-Рахман ибн ʿАуф[4], которому он обычно помогал в чтении Корана (*uqri'uhu l-Qurʾān*). ʿАбд ар-Рахман сообщил, что видел, как в тот день к халифу подошёл человек и обратился к нему: «Что ты намерен делать с человеком, который говорит: клянусь Богом, если ʿУмар ибн аль-Хаттаб умрёт, я принесу присягу такому-то (*фулан*). Клянусь Богом, присяга Абу Бакру была всего лишь поспешной сделкой, которая затем была доведена до конца (*ma kānat bayʿat Abī Bakr illā falta fa-tammat*).» ʿУмар разгневался и сказал: «С изволения Бога, я сегодня ночью выступлю перед людьми и предостерегу их от этого клана, желающего узурпировать власть у народа (*fa-muḥadhdhiruhum hā'ulā'i r-rahta lladhīna yurīdūna an yaghṣubū n-nās amrahum*).» Ответ ʿУмара, ссылающийся на устремления «этого клана», не оставляет сомнений, что не названным кандидатом на халифат был ʿАли. Это вполне соответствует устойчивому утверждению Ибн аль-ʿАббаса, что ʿУмар был сильно озабочен тем, что Банū Хашим присвоят власть себе и лишат «народ», то есть курейшитов, их коллективного права на неё[5].

---

[1] Рассказ, полученный Абу Михнафом от хазраджита ʿАбдуллаха ибн ʿАбд ар-Рахмана ибн Аби ʿАмры и подробно приведённый у ат-Табари (I, 1837–1844), был кратко проанализирован М. Мураньи («Ein neuer Bericht über die Wahl des ersten Kalifen Abu Bakr», Arabica, 25 (1978), 233–260, на с. 233–234). Он был составлен в позднеумайядскую эпоху и явно демонстрирует осведомлённость об изложении ʿАбдуллаха ибн аль-ʿАббаса. Длинный рассказ, обсуждённый и частично отредактированный Мураньи (там же, 234–260), более поздний и наполнен вымышленными речами и стихами.

[2] Ибн Хишам, *Сирата сайййидина*, 1013–1016; ат-Табари, I, 1820–1823; ʿАбд ар-Раззак, *Мусаннаф*, V, 439–445; аль-Бухари, *Сахих*, «*Худуд*», 31; Ибн Ханбал, *Муснад*, I, 55–56. Передатчики от аз-Зухри — соответственно: Ибн Исхак, Маʿмар, Маʿмар, Салих ибн Кейсан, Малик ибн Анас.

[3] . Каэтани признавал основополагающее значение этого сообщения. Однако он проигнорировал жизненно важную вступительную часть и считал «подозрительным» тот факт, что халиф ʿУмар цитируется в прямой речи (Annali, II/1, 511–514).

[4] То, что ʿАбд ар-Рахман ибн ʿАуф сопровождал ʿУмара во время паломничества в 23/644 г., подтверждается независимо (Ибн Саʿд, Табакат, III/1, 95; Annali, VII, 549).

[5] Что в сообщении Ибн аль-ʿАббаса подразумевался ʿАли, обычно предполагалось. В версии, приведённой аль-Баладхури (*Ансаб*, I, 583), он назван прямо. По Ибн Аби ль-Хадиду (*Шарх нахдж аль-балага*, ред. Мухаммад Абу ль-Фадль Ибрахим ([Каир] 1959–1964), II, 25), аль-Джахиз идентифицировал произнесшего фразу как ʿАммара ибн Ясира, а подразумеваемого человека — как ʿАли. В другой версии у аль-Баладхури

ʿАбд ар-Рахман ибн ʿАуф посоветовал халифу не выступать немедленно, поскольку паломничество собирает всякий сброд и чернь, которые могут превратно истолковать его слова и вызвать серьёзные беспорядки. ʿУмару следовало подождать возвращения в Медину, где он будет среди сподвижников Пророка — мухаджиров и ансаров, — способных правильно понять его речь и соответственно поступить. Халиф внял совету.

В пятницу по возвращении ʿУмара в Медину Ибн аль-ʿАббас поспешил в мечеть и сел рядом с минбаром, жаждая услышать, что скажет халиф. Он сказал зятю ʿУмара, Саʿиду ибн Зайду ибн ʿАмру ибн Нуфайлю[6], который уже сидел там до него, что сегодня Повелитель правоверных сделает откровение, какого прежде не делал; на что тот сердито возразил. Подчеркнув особую важность своей речи, халиф сначала напомнил общине, что наказание побиением камнями за прелюбодеяние было частью Корана и применялось Пророком; да не собьётся никто, пренебрегая религиозной обязанностью (*фариза*) и говоря: «Мы не находим побиения камнями в Книге Божьей!» (ʿУмар продолжил: «Мы также читали в Книге Божьей: “Не желайте себе иных отцов, кроме ваших собственных, ибо это неверие для вас.”[7] И, конечно, Посланник Бога говорил: “Не превозносите меня [чрезмерно], как был превознесён Иисус, сын Марии, но скажите: раб Божий и Его посланник.”»)

Затем ʿУмар перешёл к главной теме. «Мне стало известно, что один из вас сказал: клянусь Богом, если ʿУмар ибн аль-Хаттаб умрёт, я принесу присягу такому-то. Да не будет никто введён в искушение словами: присяга Абу Бакру была *falta*, и всё же увенчалась успехом. Так оно и было, но Бог отвёл от неё зло (*waqaʿa sharrahā*).[8] Ни к кому из вас шеи не тянулись так, как к Абу Бакру. Тот, кто принесёт присягу любому человеку без совещания (*машвара*) среди мусульман, его присяга недействительна, и оба подлежат казни.»

Затем ʿУмар изложил события после смерти Мухаммада. Пока ансары со своими знатными людьми (*ашраф*) собрались в Сакифе Бани Саида, ʿАли, аз-Зубайр и «те, кто был с ними» собрались в доме Фатимы. «Мухаджиры» присоединились к Абу Бакру, и ʿУмар

(*Ансаб*, I, 581) указано, что это аз-Зубайр сказал: «Если ʿУмар умрёт, мы принесём присягу ʿАли». По Ибн Аби ль-Хадиду (*Шарх*, II, 25) некоторые из *ахль аль-хадис* утверждали, что неназванным кандидатом был Талха. Однако в таком случае Ибн аль-ʿАббас вряд ли бы умолчал его имя, к тому же за Талхой не стоял клан, пытавшийся лишить курейшитов их коллективного права. ʿАли также правильно идентифицирован Э. Шуофани, *Al-Riddah and the Muslim Conquest of Arabia* (Торонто, 1972), 57.

[6] . Саʿид ибн Зайд, из курайшитского клана ʿАди, считается одним из десяти, о ком Мухаммад засвидетельствовал, что они войдут в рай. Он принял ислам раньше ʿУмара; их общий предок Нуфайль был прадедом ʿУмара, а Саʿид был женат на его сестре Фатиме. Обращение ʿУмара произошло в его доме (Ибн Хаджар, *Исаба*, III, 96–97).

[7] См. Нёльдеке и Швалли, Geschichte des Qorans, I, 248

[8] Признание ʿУмаром того, что избрание Абу Бакра на Сакифе Бану Саʿида было *фалта* (неожиданной вспышкой), очевидно, тяжело принималось суннитскими сторонниками халифата. В версии рассказа Ибн аль-ʿАббаса у аль-Баладхури (*Ансаб*, I, 584) ʿУмар цитируется так: «Клянусь Богом, присяга Абу Бакру не была *фалта*. Напротив, Посланник Бога поставил его на своё место и предпочёл его для своей религии перед каждым другим, заявив: “Бог и верующие не принимают никого, кроме Абу Бакра”». Это весьма далеко от реальных взглядов ʿУмара. Аналогично, в сообщении у аль-Баладхури (там же, 581) утверждение, что избрание Абу Бакра было *фалта*, приписывается аз-Зубайру и отвергается ʿУмаром как ложь.

предложил пойти к «нашим братьям» — ансарам. По дороге они встретили двух «праведных» людей из ансаров, которые рассказали им о замыслах ансаров и советовали повернуть назад и решить свои дела, но ʿУмар настоял на продолжении пути[9]. Они нашли ансаров, а среди них — Саʿда ибн ʿУбаду, видного сподвижника и вождя Бани Саида и всего Хазраджа, — больного, завернутого в плащ. Один из ансаров встал и обратился к мухаджирам: «Мы — Помощники и легион (*катаиб*) ислама, а вы, община курейшитов, — род нашего Пророка, и группа (*даффа*) ваших людей пришла к нам». ʿУмар понял, что они намерены «отрезать нас от нашего корня [то есть от курейшитов Мекки] и узурпировать власть у нас». Он хотел произнести речь, которую подготовил мысленно, но Абу Бакр остановил его и заговорил сам. Он сказал то, что ʿУмар собирался сказать, только лучше, чем смог бы он сам. Абу Бакр заявил: «О община ансаров, всякая доблесть, которую вы о себе упоминаете, вам по праву принадлежит, но арабы не признают власть никого, кроме этого племени курейшитов. Они — самые центральные [= знатные] среди арабов по родовитости и месту. Я удовлетворён любым из этих двух людей для вас, так принесите присягу тому, кому пожелаете», — и он взял за руки ʿУмара и Абу ʿУбайду ибн аль-Джарраха. ʿУмар заметил, что это было единственное место в его речи, которое ему было неприятно, ибо немыслимо для него было предводительствовать народом, среди которого находится Абу Бакр.

Аль-Хубаб ибн аль-Мундир из ансаров, участник Бадра, предложил разрешить спор справедливо, согласившись, что ансары и курейшиты изберут себе по одному амиру. Когда страсти накалились и голоса повысились, ʿУмар сказал Абу Бакру: «Протяни руку», — и пожал ему руку присяги (*байʿа*). За ним последовали мухаджиры и ансары. «Тогда мы набросились на Саʿда, пока один из них не закричал: “Вы убили Саʿда ибн ʿУбаду.” Я сказал: “Да убьёт Бог Саʿда!”» — заключил ʿУмар. «Клянусь Богом, мы не нашли более убедительного решения, чем присягнуть Абу Бакру. Мы боялись, что если оставим людей без присяги, они после нашего ухода внезапно принесут присягу (кому-то иному). Тогда нам пришлось бы либо последовать за ними в выборе, который нас не устраивает, либо противостать им — и возникло бы зло (*фасад*).»

Несколько аспектов этого сообщения заслуживают более пристального внимания. ʿУмар обвинял ансаров в заговоре с целью захватить власть в преемство Мухаммаду и лишить мухаджиров их права. Современные историки обычно понимают инициативу ансаров в том же ключе. Однако такое толкование следует оспорить. Идея халифата — преемства Мухаммаду во всём, кроме его пророческой миссии, — ещё не возникла. Трудно представить, чтобы ансары, собравшись одни, могли претендовать именно на это. Подобно многим арабским племенам, вовлечённым в *ридда*, ансары, будучи твёрды в своей мусульманской вере, вероятно, считали свою верность Мухаммаду прекращающейся с его смертью. Ожидая, что политическая община, созданная Мухаммадом, распадётся, они

[9] Поздний хадис скорее утверждает, что двое мужчин — ʿУвайм ибн Саʿида и Маʿн ибн ʿАди — были противниками Саʿда ибн ʿУбады и друзьями Абу Бакра. Они пришли, чтобы побудить Абу Бакра и ʿУмара действовать, и Маʿн ибн ʿАди привёл их к Сакифе. См. Ибн Аби ль-Хадид, *Шарх*, VI, 19.

собрались, чтобы восстановить контроль над собственным городом. Поэтому они и собрались, не посоветовавшись с мухаджирами. Они предполагали, что тем, не имея больше убедительной причины оставаться в Медине, следует вернуться домой — в Мекку. Те же, кто пожелал бы остаться в Медине, по всей вероятности, примут власть ансаров. Предложение, чтобы ансары и мухаджиры избрали себе по одному лидеру, очевидно, задумывалось как справедливый компромисс, а не как коварный замысел расколоть мусульманскую общину, как это видел позднейший мусульманский хадис. Только Абу Бакр и ʿУмар — если доверять его утверждению, что он намеревался произнести примерно ту же речь, что и первый, — мыслили в категориях преемства Мухаммаду, предполагающего власть над всеми арабами. Такое преемство, утверждал Абу Бакр, могли обеспечить лишь курейшиты, ибо арабские племена не подчинились бы никому другому.

Под теми, кто собрался вместе с ʿАли и аз-Зубайром в доме Фатимы, ʿУмар, по-видимому, имел в виду аль-ʿАббаса и Банū Хашим. Из других видных сподвижников лишь Талха упомянут, вероятно ошибочно, Ибн Исхаком как присоединившийся к хашимитам[10]. «Мухаджиры», присоединившиеся тогда к Абу Бакру, с другой стороны, — апологетическое затмение со стороны ʿУмара. Помимо Абу Бакра, ʿУмара и его друга Абу ʿУбайды, несомненно, ни один из видных мекканских сподвижников не присутствовал на собрании в Сакифе. Разумно предположить, что этих трёх сопровождали несколько личных слуг, домочадцев и клиентов. И всё же ни один сподвижник среднего или низшего ранга не заявлял позднее о чести участвовать в этом столь судьбоносном для будущего ислама событии. Различные более поздние источники сообщают о присутствии Салима, вольноотпущенника (*маула*) Абу Хузайфы, среди первых принесших присягу Абу Бакру в Сакифе[11]. Хотя его присутствие не подтверждается ни одним из ранних канонических источников, эти сообщения вполне могут быть достоверными. Салим, персидский вольноотпущенный сперва одной мединской женщины, затем её мужа, мекканского сподвижника Абу Хузайфы, который впоследствии усыновил его, сам стал сподвижником на раннем этапе. Его причисляли и к ансарам, и к мухаджирам; он имел тесные связи и с Абу ʿУбайдой, с которым Пророк сблизил его как брата во время *муʾахата*, и с ʿУмаром[12]. Известно, что ʿУмар высоко ценил его. Таким образом, он мог присутствовать на собрании либо как представитель ансаров, либо прийти вместе с Абу ʿУбайдой и ʿУмаром как близкий соратник. Отсутствие подавляющего большинства мухаджиров, во всяком случае,

---

[10] Ибн Хишам, *Сират сайййидина*, 1013. Упоминание Ибн Исхака о Талхе среди присоединившихся к ʿАли не подтверждается другими источниками. Возможно, это случай ошибочного смешения Талхи с аз-Зубайром, что нередко встречается в поздних источниках из-за их совместных действий в мекканском восстании против ʿАли.

[11] аль-Муфид, *аль-Джамал ва-н-Нусра ли-сайййид аль-Хашра фи харб аль-Басра*, ред. ʿАли Мир Шариф (Кумм, 1413/[1993]), с. 91; *аль-Маварди, аль-Ахкам ас-султания*, ред. Р. Энгер (Бонн, 1853), 6–7; Ибн Аби ль-Хадид, *Шарх*, VI, 18. Согласно аль-Муфиду, муʿтазилит Абу ʿАли аль-Джуббаи считал, что Салим входил в число пяти мужчин, чья первоначальная присяга Абу Бакру была обязательна для всей общины. Ибн Аби ль-Хадид выражает уверенность (*thabata ʿindi*), что Салим был третьим после ʿУмара и Абу ʿУбайды, кто принёс присягу Абу Бакру ещё до любого из вождей ансаров. В таком случае его господин Абу Хузайфа, по-видимому, отсутствовал, ибо как *маула* и приёмный сын Салим вряд ли предшествовал бы ему.

[12] О Салиме см. особенно: Ибн Саʿд, Табакат, III/1, 60–62

объясняет нехватку независимых от самого ʿУмара сообщений о собрании и взволнованное стремление Ибн аль-ʿАббаса услышать рассказ из первых уст. Ансары, присутствовавшие там, очевидно, не спешили повествовать о постыдном поражении в деле, которое вскоре и большинству из них стало казаться противоисламским. После ранней смерти Абу Бакра, Абу ʿУбайды и Салима, павшего при аль-ʿАкраба во время войны *ридда*, рассказывать настоящую историю остался один ʿУмар.

ʿУмар считал исход собрания в Сакифе *falta* из-за отсутствия большинства видных мухаджиров, включая семью Пророка и его клан, чьё участие он полагал необходимым для всякого законного совещания (*шура, машвара*). Он предостерёг общину: это не должно стать прецедентом на будущее. Но он и защищал результат, утверждая, что мусульмане тянулись к Абу Бакру, как ни к кому другому. Он также извинялся тем, что присутствовавшим мухаджирам пришлось добиваться немедленной присяги, поскольку ансарам нельзя было доверить ожидание законного совещания, и они могли бы приступить к избранию одного из своих после ухода мекканцев.

Ещё одной причиной, по которой ʿУмар порицал собрание в Сакифе как *falta*, несомненно был его бурный и недостойный финал: он и его сторонники набросились на больного хазраджитского вождя Саʿда ибн ʿУбаду, чтобы «преподать урок», если не убить, за дерзость бросить вызов исключительному праву курейшитов на власть. Это насильственное прерывание собрания, кроме того, показывает, что ансары вовсе не все были убеждены мудростью и красноречием речи Абу Бакра и не признали его лучшим выбором для преемства, как полагал Каэтани.[13] Не было бы никакого смысла избивать вождя Хазраджа, если бы все уже склонились к принесению присяги кандидату ʿУмара. Значительная часть ансаров, по-видимому, особенно из Хазраджа, отказалась следовать за мухаджирами.

Возникает вопрос о том, кто были те сторонники Абу Бакра и ʿУмара, которые позволили им силой навязать свою волю собранию, учитывая, что присутствовала лишь горстка мекканских мухаджиров, тогда как Хазрадж, по всей вероятности, составлял большинство среди ансаров. Каэтани принимает сообщение Ибн Исхака о том, что ансар Усайд ибн Худайр и его клан ʿАбд аль-Ашхаль из Ауса уже присоединились к Абу Бакру вместе с мухаджирами до начала собрания, и предполагает, что фактически весь Аус с самого начала выступил против инициативы Хазраджа[14]. Это явно расходится с рассказом ʿУмара и весьма маловероятно. Очевидно, для Хазраджа — каким бы ни было их большинство — было бы неразумно собираться в одиночку, чтобы решать судьбу управления городом. Однако Усайд, по-видимому, вскоре после прибытия мухаджиров решил поддержать Абу Бакра, увлекая за собой ʿАбд аль-Ашхаля и, возможно, большинство Ауса. Среди Хазраджа Башир ибн Саʿд, соперник Саʿда ибн ʿУбады за лидерство, как говорят, был первым, кто нарушил порядок и поддержал Абу Бакра.[15]

---

[13] *Annali*, II/1, 528.

[14] Там же, 510–511

[15] ат-Табари, I, 1842–1843. По аз-Зубайру ибн Баккару (цит. у Ибн Аби ль-Хадида, Шарх, VI, 18), Ибн Исхак передал, что ауситы утверждали: первым из ансаров, кто принёс присягу Абу Бакру, был Башир ибн Саʿд,

Впрочем, крайне маловероятно, чтобы он или Аус — независимо от их недостатка энтузиазма к Саʿду — пошли за ʿУмаром в физической расправе последнего над Са’дом.

Решающим для дальнейшего хода событий было, как справедливо отметил Каэтани, прибытие во время собрания племени бану Аслам. По одному из сообщений, они явились «в полном составе, так что улицы стали тесны от них». Затем они принесли присягу Абу Бакру, и ʿУмар впоследствии говорил: «Лишь когда я увидел Аслам, я уверился в победе»[16]. Бану Аслам, ветвь Хузаʿы, были известны как горячие сторонники Мухаммада, который вознаградил их верность, предоставив им статус мухаджиров вне зависимости от того, совершили ли они хиджру в Медину или оставались на своей территории. Значительная их часть поселилась поблизости от Медины, всегда готовая поддержать Пророка. Они были известны как враги ансаров и потому, несомненно, выступили против притязаний Саʿда на власть[17]. Именно они, по всей видимости, благодаря своей многочисленности придали импульс *байʿе* Абу Бакру и охотно откликнулись на сигнал ʿУмара, чтобы «проучить» непокорного Саʿда ибн ʿУбаду.

После всеобщей присяги Абу Бакр послал к Саʿду ибн ʿУбаде, требуя, чтобы тот принёс присягу. Саʿд вызывающе ответил: «Нет, клянусь Богом, я не принесу присягу, пока не выпущу в вас [мн. ч.] все стрелы из своего колчана и не сражусь с вами вместе с теми из моего народа и племени, кто последует за мной». Башир ибн Саʿд посоветовал Абу Бакру не давить на него, поскольку весь Хазрадж и Аус встанут с ним в солидарности, прежде чем он будет убит. Когда ʿУмар стал халифом, он случайно встретил Саʿда и спросил, держится ли тот по-прежнему своей позиции. Тот ответил: «Да, держусь, поскольку “это дело” [власть] перешло к тебе[18]. Твой сподвижник, клянусь Богом, в наших глазах был предпочтительнее тебя, и я возненавидел твоё соседство». ʿУмар предложил ему уехать, и Саʿд отправился в Сирию, где умер в Хавране, вероятно в 15/636 году. Его внук ʿАбд аль-ʿАзиз ибн Саʿид передал, что из колодца слышались песнопения джиннов о том, что они убили владыку Хазраджа[19]. ʿАбд аль-ʿАзиз не стал гадать, действовали ли джинны по велению Бога или по наущению ʿУмара. Сын Саʿда, Кайс, впоследствии стал одним из самых верных сторонников ʿАли.

тогда как хазраджиты считали, что это был Yusayd ибн Худайр. Таким образом, каждая сторона возлагала вину на другую за первое нарушение единства. Позднее стандартное мнение заключалось в том, что Башир ибн Саʿд был первым из ансаров, кто поддержал первенство курейшитов, и что он принёс присягу Абу Бакру даже раньше ʿУмара. См. изложение в Китаб ас-Сакифа Абу Бакра аль-Джавхари, ученика ʿУмара ибн Шаббы (Зегзин, Geschichte des arabischen Schrifttums (Лейден, 1967–1984), I, 322), у Ибн Аби ль-Хадида, Шарх, VI, 9–10, 40; см. также: аль-Муфид, аль-Джамал, 91, 115.

[16] ат-Табари, I, 1843; *Annali*, II/1, 514. Появились ли асламиты на месте совершенно случайно, или их предупредили о грозном поведении ансаров Абу Бакр или ʿУмар? Информации для ответа на этот вопрос нет.

[17] Об Бану Аслам см.: Ю. Велльхаузен, Muhammed in Medina: Das ist Wakidis Kitab al-Maghazi in verkürzter deutscher Wiedergabe (Берлин, 1882), 373–374; аль-Вакиди, *Китаб аль-Магази*, ред. М. Джонс (Лондон, 1966), 939–940; *Annali*, II/1, 94–95, 180; М. Дж. Кистер, «*Khuzaʿa*», EI (2-е изд.).

[18] Выражение *hādhā l-amr* («это дело») в ранних текстах часто употреблялось в значении «власть» или «халифат». Когда употребляется в этом смысле, оно берётся в кавычки.

[19] Ибн Саʿд, *Табакат*, III/2, 144–145; *Annali*, III, 623–624.

То, что многие ансары не принесли присягу Абу Бакру на собрании в Сакифе, подтверждается концовкой одного рассказа куфийца Ибрахима ан-Наха‘и (ум. 96/714–715). Упомянув, что вслед за примером ‘Умара люди принесли присягу Абу Бакру, он добавил: «Но ансары, или некоторые из них, сказали: мы не принесём присягу никому, кроме ‘Али»[20]. Каэтани отверг это замечание как «тенденциозное шиитское»[21]. Однако Ибрахим ан-Наха‘и не известен шиитскими симпатиями, и общий тон всего рассказа отчётливо суннитский. Оставаться ли при мнении, что имя ‘Али было поднято ансарами уже во время собрания в Сакифе в ответ на притязания Абу Бакра, — вопрос открытый, хотя это и небезосновательно[22]. То, что они сделали это вскоре после утверждения Абу Бакра, подтверждается некоторыми стихами хазраджитского ансара Хассана ибн Сабита о смерти Пророка, сохранившимися у Ибн Исхака.

В одном из своих стихов Хассан горько жаловался на участь ансаров и родни Пророка после его смерти:

«Горе Помощникам (ансарам) Пророка и его родне (*paxm*) после его ухода в чрево могилы.

Земля стала тесна для ансаров, и их лица почернели, как цвет сурьмы.

Мы породили его, и среди нас — его могила; мы не отвергали излияния его щедрот к нам.

Бог возвеличил нас через него, и через него направлял своих ансаров в каждый миг свидетельства».[23]

Требование ансаров на то, что они «породили» Мухаммада, основывалось на том, что жена Хашима, мать ‘Абд аль-Мутталиба, была Салма бинт ‘Амр из бану ан-Наджжар Хазраджа. Они считали Пророка и его родственников — бану ‘Абд аль-Мутталиб — столь же своими, как и курейшитами. На этом основании они предоставили Мухаммаду убежище в то время, когда немногие из них были мусульманами и когда на них не лежало никакое иное обязательство защищать его. Прочим курейшитским мухаджирам, не имеющим с ними кровных уз, было предоставлено убежище лишь как последователям Мухаммада. Теперь же они заявили право править своими бывшими покровителями, оттесняя родню Пророка. Было естественно, что ансары, особенно Хазрадж, обратились к ‘Али, как только

---

[20] ат-Табари, I, 1817–1818

[21] Annali, II/1, 513

[22] . аль-Зубайр ибн Баккар в своём *аль-Ахбар аль-Муваффакийят* (ред. Сами Макки аль-‘Ани (Багдад, 1972)) цитирует Ибрахима ибн Са‘да ибн Ибрахима (ум. 183/799), правнука ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Ауфа, который утверждал, что многие ансары после *бай‘а* Абу Бакру сожалели о своей присяге. Они упрекали друг друга, упоминали ‘Али и восклицали его имя. Это привело к возобновлению спора с курейшитами (Ибн Аби ль-Хадид, *Шарх*, VI, 18). Однако подробный рассказ аль-Зубайра ибн Баккара о конфликте между ансарами и мухаджирами (там же, 17–38) доверия не внушает, а стихи, цитируемые в этом контексте, в целом производят впечатление поздних подделок. См. также обсуждение позиции ансаров во время и после собрания в Сакифе у И. Хассона, «Contributions à l'étude des Aws et des Hazrag», Arabica, 36 (1989), 1–35, на с. 29–32. Хассон оценивает надёжность источников вроде *Муваффакийят* аль-Зубайра ибн Баккара *и Китаб ас-Сакифа* аль-Джавхани более позитивно, чем это делается здесь.

[23]. Ибн Хишам, *Сират саййидина*, 1025; А. Гийом, The Life of Muhammad: A Translation of [Ibn] Ishaq’s Sirat Rasul Allah (Лондон, 1955), 797–798.

было предложено преемство Мухаммаду. Лица ансаров и родни Пророка, по мысли Хассана, были тем самым «почернены» узурпацией их титула на преемство.

В другом стихе Мухаммаду Хассан более открыто обличал Абу Бакра и курейшитов:

«Лучше бы в день, когда они покрыли его в могиле, они убрали его и бросили на него землю,

Бог не оставил бы ни одного из нас, и ни мужчина, ни женщина не пережили бы его.

Бану ан-Наджжар целиком были унижены, но так было предопределено Богом:

Добыча (*файʾ*) была разделена в обход всего народа, и они открыто и беспечно расточили её между собой»[24].

Последняя строка явно намекает на то, что Абу Бакр лишил бану Хашим наследства Пророка и их, предписанных Кораном, долей во *файʾ*[25]. Впрочем, в язвительном упрёке Хассана звучит и смирение: узурпация была предначертана Богом. Сопротивление ансаров продлилось недолго.

Сами бану Хашим тоже не молчали. По словам Ибн Исхака, один из потомков Абу Лахаба ответил на хвастовство клана Абу Бакра, Тайм ибн Мурры, по поводу успеха их соплеменника следующими стихами:

«Я не думал, что “это дело” отвернётся от Хашима,

а затем — от них — от Абу Хасана [ʿАли].

Разве он не первый, кто молился к вашей кибле,

и не самый знающий среди людей в вопросах Корана и сунн?

Последний из людей, кто соприкасался с Пророком,

и тот, кому помогал Джибрил в омовении и савании его.

Всё, что есть в них, есть в нём — у них нет в нём сомнений,

но того добра, что есть в нём, нет в людях.

Что же отвратило их от него? Дайте знать!

Воистину, нас обманули самым чудовищным образом».

Стих, вероятно, принадлежит аль-ʿАббасу ибн ʿУтбе ибн Абу Лахабу, супругу Амины, дочери аль-ʿАббаса ибн ʿАбд аль-Мутталиба[26], и, по-видимому, поэту немалого дарования. Однако из-за его близкого родства с дядей Мухаммада, проклятым в Коране, большая часть его стихов была забыта, а дошедшее приписывается другим, в частности его

---

[24] Ибн Хишам, *Сират сайййидина*, 1025; Guillaume, Life of Muhammad, 690.

[25] Guillaume, Life of Muhammad, (690, прим. 1), по-видимому, не понял значения строки, когда предположил, что её связь с предыдущим неясна.

[26] . аз-Зубайри, *Насаб*, 28; аль-Баладхури, *Ансаб аль-ашраф*, ред. Мухаммад Бакир аль-Махмуди (Бейрут, 1974), III, 22.

сыну аль-Фадлю[27]. ʿАли послал к нему и запретил читать это и подобные стихотворения, заметив, что благополучие веры для него дороже всего.[28]

Оправдание ʿУмаром скорого избрания Абу Бакра — по сути, falta — из-за опасности, что ансары иначе могли бы принести присягу кому-то, кто не устроил бы мухаджиров, поднимает ещё один вопрос. Не беспокоила ли присутствовавших мухаджиров не только возможность того, что мединцы изберут одного из своих, но и то, что они выдвинут ʿАли — и не это ли побудило их действовать без предложения широкой шуры всех заинтересованных? Если доверять сжатому рассказу ʿУмара на этот счёт, Абу Бакр в своей речи сделал всё, чтобы не допустить постановки вопроса об ʿАли. Он основывал право курейшитов на власть исключительно на утверждении, что только им будут повиноватся все арабы, а не на их родстве с Мухаммадом. В более поздних разработках событий в Сакифе, напротив, Абу Бакра описывают как выводящего аргумент в пользу курейшитов преимущественно из их родства с Мухаммадом. Такой довод, однако, открывал бы путь к постановке вопроса о праве бану Хашим как ближайших родственников Пророка — линия, постоянно проводимая шиитскими полемистами против суннитского учения о том, что халифы должны быть из курейшитов, более широкой родни Пророка. Следовательно, вероятно, что Абу Бакр избегал аргумента кровного родства.[29]

Действовали ли трое мухаджиров на собрании в Сакифе стихийно или по согласованному плану? А точнее: обсуждали ли они вопрос о преемстве между собой ещё до смерти Мухаммада и, возможно, даже договорились выдвинуть Абу Бакра как наиболее разумный выбор — как подразумевает тезис Ламменса о «триумвирате»? Против такого предположения можно выдвинуть веские доводы. Прямым возражением служит позиция ʿУмара сразу после смерти Мухаммада: он энергично отрицал сам факт смерти и увещевал собравшихся мусульман не поддаваться ложным слухам, распространённым некоторыми лицемерами. По словам Абу Хурайры, ʿУмар утверждал, что Мухаммад удалился к своему Господу так же, как Моисей, оставив свой народ на сорок дней и вернувшись после того,

---

[27]Настоящие строки приписывались аль-Яʿкуби (*Тарих*, ред. М. Т. Хаутсма (Лейден, 1883), II, 138) ʿУтбе ибн Аби Лахабу; муʿтазилитом Абу Джаʿфаром аль-Исхаки в его *Китаб аль-ʿУсманийя* — умейядскому Абу Суфьяну ибн Харбу (Ибн Аби ль-Хадид, *Шарх*, XIII, 232); шейхом аль-Муфидом — в его *аль-Иршад* (ред. Казим аль-Мусави аль-Миямауи (Тегеран, 1377/[1957–1958])), 14–15, со слов басрийца Ибн ʿАйши (ум. 228/843) — Хузайме ибн Сабиту аль-Ансари; в его *аль-Джамал* (с. 118) — ʿАбдуллаху ибн Аби Суфьяну ибн аль-Харису ибн ʿАбд аль-Мутталибу; и в его *аль-ʿУюн ва-ль-махасин* (см. аль-Муртада, *аль-Фусуль аль-мухтара мин аль-ʿУюн ва-ль-махасин* (Наджаф, 1365/[1964]), II, 61) — Рабиʿе ибн аль-Харису ибн ʿАбд аль-Мутталибу; в *Китаб ас-Сакифа* (Дар аль-Кутуб аль-Исламийя, б. г.), приписываемой Сулайму ибн Кайсу аль-Хиляли (с. 78) — аль-ʿАббасу ибн ʿАбд аль-Мутталибу; а Ибн аль-Асир (*Усад аль-габа фи маʿрифат ас-сахаба* [Каир, 1285–1287/1869–1871], IV, 40) — аль-Фадлю ибн аль-ʿАббасу ибн ʿУтбе ибн Аби Лахабу (который в это время вряд ли мог быть рождён). Я обязан проф. Х. Модарреси за предоставление некоторых из этих ссылок. Примечание Ибн Хаджара об аль-ʿАббасе ибн ʿУтбе ибн Аби Лахабе (*Исаба*, IV, 30–31) неоднозначно — приписывает ли он стихи аль-ʿАббасу ибн ʿУтбе или его сыну аль-Фадлю. Другие примеры приписывания стихов аль-ʿАббаса ибн ʿУтбе его сыну аль-Фадлю см. ниже, сс. 186, 221 и прим. 312.

[28] Ибн Аби ль-Хадид, *Шарх*, VI, 21, со ссылкой на *Муваффакийят аль-Зубайра ибн Баккара*. См. аль-Зубайр, *Муваффакийят*, 581.

[29] Каэтани пошёл дальше, отрицая, что Абу Бакр вообще аргументировал право курейшитов. Он считал, что Абу Бакра избрали не за родство, а исключительно за нравственные качества (*Annali*, II/1, 540). Однако то, что исключительное право курейшитов на халифат было введено Абу Бакром, едва ли вызывает сомнение

как его объявили умершим. Мухаммад поступит так же и отсечёт руки и ноги тем, кто заявляет, будто он умер.[30] Если бы существовала предварительная договорённость, пришлось бы считать, что действия ʿУмара были рассчитанной игрой на время. Немедленное опровержение позиции ʿУмара со стороны Абу Бакра показывает, что это не так. Скорее, как ʿУмар частично искренне извинился на следующий день перед мусульманами, собравшимися для общей *байʿи*, он верил, что Пророк будет «управлять нашими делами, пока не станет последним из нас»[31]. Уже позже, в своё правление, он признался ʿАбдаллаху ибн аль-ʿАббасу, что был введён в заблуждение аятом 2:143 («И так сделали Мы вас общиной срединной, чтобы вы были свидетелями для людей, а Посланник — свидетелем для вас»), полагая, что Пророк останется среди своей общины, чтобы быть свидетелем их последних деяний.[32] Разумеется, трудно допустить, что ʿУмар вовсе не думал о возможности смерти Мухаммада; но эту мысль, как пылкий и страстный поборник дела ислама, он старался отталкивать. Его реакция отрицания смерти Пророка была несомненно спонтанной: он не хотел в это верить[33]. Следовательно, ʿУмар едва ли продумывал последствия смерти Мухаммада, не говоря уже о том, чтобы заранее согласовать планы преемства.

Совсем иным был случай Абу Бакра. Хотя в момент кончины Мухаммада он не ожидал его смерти — о чём свидетельствует его отсутствие в семейном доме в ас-Сунх,[34] — у него не могло быть сомнений, что Мухаммад когда-нибудь умрёт. Как опытный, хладнокровно рассчитывающий мекканский купец и политик, тесно вовлечённый в управление и планирование дел мусульманской общины как доверенный советник Пророка, он должен был тщательно обдумывать, что произойдёт, если тот умрёт раньше него. Глубоко преданный государству, основанному Мухаммадом во имя ислама, он более всего желал, чтобы оно продолжало расти и расширять свою власть над всеми арабами и, насколько возможно, дальше. Если община не должна была распасться, у Пророка должен быть политический преемник — *халифа*. Но кто? Абу Бакр уже задолго до смерти Мухаммада решил, что этим человеком будет он сам. Он также понимал, что, не имея прямого назначения от Пророка, ему придётся нейтрализовать потенциально сильную

---

[30] ат-Табари, I, 1815–1816

[31] Там же, 1828

[32] Там же, 1829–1830; аль-Баладхури, Ансаб, I, 568.

[33] . Ибн Аби ль-Хадид (Шарх, II, 42–43) счёл невероятным, чтобы человек ранга ʿУмара не осознал смерти Пророка, и предположил, что он пытался скрыть это по собственной инициативе, опасаясь анархии и мятежа и стараясь успокоить людей. То, что публичные действия ʿУмара были мотивированы таким страхом и заботой, очевидно, но это не значит, что лично он должен был быть убеждён в смерти Мухаммада. Если бы это было так, у него не было бы причины скрывать это впоследствии и признавать свою ошибку. Очевидно, его честное признание повредило его политическому положению — по крайней мере временно, — тогда как утверждение, будто он действовал в интересах общины, повысило бы его авторитет. Позднейшим мусульманам, уже не ощущавшим того интенсивного религиозного чувства близости конца света и Часа, пробуждённого посланием Пророка, естественно было трудно поверить, что ʿУмар был столь «наивен».

[34] Дом Абу Бакра в ас-Сунх находился среди домов Бану аль-Харис из Хазраджа (Ибн Шабба, *Тарих аль-Мадина*, 243; М. Леккер, Muslims, Jews and Pagans: Studies in early Islamic Medina (Лейден, 1995), 6). У него также было место, выходившая в мечеть Пророка, где он мог бы остановиться, если бы ожидал смерти Мухаммада.

оппозицию, чтобы реализовать своё стремление. Прежде всего необходимо было воспрепятствовать тому, чтобы собственные *ахль аль-байт* Мухаммада, которым Коран придал ранг выше прочих мусульман, выдвинули свою претензию.

Инициатива ансаров дала Абу Бакру искомую возможность. Именно он спровоцировал *falta*, выдвинув двух кандидатов на избрание как манёвр, чтобы предложили его самого. То, что его собственное предложение не было серьёзным, было очевидно уже из того, что он предложил сразу две кандидатуры, о которых собранию предстояло спорить. Абу Бакр прекрасно понимал, что ни один из этих двух кандидатов не имел шансов быть принят. Абу ʿУбайда, хотя и уважаемый ранний сподвижник, не обладал такой заметностью и масштабом, чтобы считаться серьёзной фигурой; он присутствовал главным образом как близкий друг ʿУмара. Сам ʿУмар, хотя и был теснейшим образом связан с Пророком, занимал видное положение в общине и привык командовать, только что дискредитировал себя публичным отрицанием смерти Мухаммада. Абу Бакр был уверен, что ʿУмар, потрясённый утратой Пророка и уже дважды позволивший себя «перевести» Абу Бакром, уступит ему и на этот раз. ʿУмар понял намёк и протянул Абу Бакру руку присяги. Абу Бакр ни минуты не колебался принять её. Он получил то, к чему стремился.

Поспешный шаг ансаров избрать себе лидера оказался для Абу Бакра истинной удачей. Он дал ему возможность выступить как представитель продолжения единства мусульманской общины под единым лидером, которому угрожали действия ансаров. Не менее важно с его точки зрения было и то, что это дало ему шанс обеспечить присягу на верность себе ещё до того, как могла начаться общая дискуссия о кандидатах на преемство. Абу Бакр отлично понимал, что шура тех, кого это касалось непосредственно, — курейшитов и ансаров, — не была бы в его интересах. Она почти неизбежно привела бы либо к провалу, либо к избранию ʿАли как ближайшего родственника Мухаммада. Подавляющее большинство ансаров поддержало бы ʿАли, будь он выдвинут как кандидат на преемство, поскольку они считали его, подобно Мухаммаду, частично «своим». Среди курейшитов ситуация, по-видимому, была менее однозначной. Поздняя оценка ʿУмара, переданная Ибн аль-ʿАббасом, о том, что курейшиты не желали мириться с наследственным правлением одного клана, который уже был отличён божественным избранием к пророчеству, небезосновательна. Несомненно, было немало таких, кому не понравилась бы перспектива династического правления семьи Пророка и кого льстило первоначальное утверждение Абу Бакра, что курейшиты в целом имеют право на власть и что он действует от их имени. Как только это утверждение было сделано и Абу Бакр заручился поддержкой нескольких преданных людей, оно могло быстро перетянуть большинство среди курейшитов на его сторону. Но в шуре по вопросу преемства чисто отрицательный принцип избегания династического правления и, следовательно, исключения родни Мухаммада из рассмотрения было бы трудно продвигать. Как только имя ʿАли всплыло бы, ʿАбд Шамс — один из двух самых влиятельных кланов курейшитов — по племенному кодексу чести оказался бы обязан поддержать его. Ибо, хотя противостояние между бану Хашим и бану ʿАбд Шамс старше ислама, а большинство последних под предводительством Абу Суфьяна

играло ведущую роль в сопротивлении Мухаммаду, эти два клана тем не менее были тесно связаны. Пока у ʿАбд Шамс не было надежды выдвинуть собственного кандидата, для Абу Суфьяна, вождя ʿАбд Шамс, было бы постыдно не поддержать ʿАли, тем более что Пророк отнёсся к нему и его клану чрезвычайно щедро после завоевания Мекки.

В самом деле, имеются серьёзные свидетельства того, что Абу Суфьян сразу после избрания Абу Бакра предложил ʿАли свою поддержку, чтобы оспорить принятое решение. В одном письме ʿАли позднее напомнил Муʿавии о предложении его отца, объяснив, что он, ʿАли, его не принял, потому что Абу Суфьян и его люди ещё совсем недавно были неверными, и их вмешательство могло бы вызвать раскол среди мусульман[35]. Западные учёные обычно рассматривали сообщения о том, что Абу Суфьян действительно предлагал ʿАли поддержку против Абу Бакра, но был им отвергнут как просто зачинщик смуты, как чистую антиомейядскую выдумку[36]. И всё же даже если такие сообщения отражают предвзятость против отца основателя омейядской династии и независимо от того, делал ли он фактически такое предложение в условиях свершившегося факта, созданного Абу Бакром, они ясно показывают, что считалось обычно разумным со стороны Абу Суфьяна. Показателен отказ омейяда Халида ибн Саʿида ибн аль-ʿАса, одного из самых ранних обращённых в ислам и видного сподвижника, принести присягу Абу Бакру, когда он вернулся из Йемена в Медину через месяц после воцарения последнего, и его настаивание на правах бану ʿАбд Манаф (включающих и Хашим, и ʿАбд Шамс).[37] Также сообщается, что брат Халида, Абан ибн Саʿид, отказался принести присягу Абу Бакру из солидарности с бану Хашим и сделал это лишь тогда, когда те решили присягнуть.[38]

Совместная поддержка ʿАли со стороны ансаров и ʿАбд Шамс несомненно убедила бы другие, пока не определившиеся кланы и отдельных лиц поддержать его кандидатуру. Другому могущественному клану курейшитов — Махзум — хотя он, несомненно, выступал против наследственного правления бану Хашим, было бы чрезвычайно трудно сплотить оппозицию вокруг встречного кандидата. Простая логика династического преемства, таким

---

[35] Nasr b. Muzahim al-Minqari, *Waq'at Siffin*, ed. 'Abd al-Salam Muhammad Harun (Каир, 1382/[1962]), 91; Baladhuri, *Ansab al-ashraf*, ed. Muhammad Baqir al-Mahmudi (Бейрут, 1974), II, 281. О вопросе подлинности письма см. ниже, с. 210, прим. 280.

[36] Так в *Annali*, II/1, 518. Утверждение Каэтани о том, что Абу Суфьян на самом деле сыграл решающую роль в избрании Абу Бакра (*ibid.*, VII, 479), лишено каких-либо оснований.

[37] Ат-Табари, I, 2079–80; Х. Лусель, «Халид ибн Саид», *EI* (2-е изд.). В случае Халида ибн Саида суннитская традиция также представляет Али как верного сторонника Абу Бакра, неспособного понять, как Халид мог считать его подавленным Абу Бакром. Ему приписываются слова: «Это веление Бога, которое Он возлагает туда, куда пожелает» (аль-Балазури, *Ансаб*, I, 588). Однако это происходило в то время, когда сам Али все еще отказывался принести присягу Абу Бакру. Другим видным представителем рода Абд Шамс, который отказался принести присягу Абу Бакру и встал на сторону Али, был Абу аль-Ас ибн ар-Раби ибн Абд аль-Узза ибн Абд Шамс. Он был женат на старшей дочери Мухаммада, Зайнаб, еще до ислама, но стал мусульманином лишь после того, как был пленен мусульманами сначала при Бадре, а затем снова во время торговой поездки в Сирию. Когда он наконец принял ислам, Мухаммад позволил ему вновь жениться на Зайнаб, которая ранее прибыла в Медину. Он сопровождал Али во время его похода в Йемен. После смерти Фатимы он выдал за Али свою дочь Умаму, внучку Мухаммада. См. Ибн Хаджар, *Исаба*, VII, 118–20; *Annali*, II/2, 1239–40.

[38] См. *Annali*, VIII, 345.

образом, почти наверняка взяла бы верх в ходе общего совещания. Ибо принцип наследования, очевидно, предоставляет наиболее естественное, простое и наименее спорное основание для перехода власти. Именно поэтому он столь широко принят на протяжении всей человеческой истории. Обычный довод суннитских мусульман и западных учёных о том, что ʿАли не мог быть серьёзным кандидатом из-за своей молодости и недостатка опыта по сравнению со сподвижниками вроде Абу Бакра и ʿУмара, совершенно не к месту. Он был бы уместен только после первоначальной договорённости исключить принцип наследственного преемства. Но такую договорённость, как отлично понимал Абу Бакр, в рамках *шуры* было бы практически невозможно достигнуть.

Ясная решимость Абу Бакра добиваться преемства и не допустить избрания ʿАли требует дальнейшего объяснения. В то время Абу Бакр был уже пожилым человеком и не мог рассчитывать долго наслаждаться своим правлением. По-видимому, у него не было сыновей или близких родственников, подходящих для наследования.[39] Не разумнее ли было бы ему поддержать преемство двоюродного брата Пророка и отца его внуков в расчёте на то, что ʿАли, не имея политического опыта, продолжил бы полагаться на советы Абу Бакра, как это делал Мухаммад? Очевидно, препятствием была плохая взаимная расположенность, недоверие и враждебность между этими двумя людьми. Позиция ʿАли в деле о потерянном ожерелье ʿАиши и её незамеченном отсутствии из лагеря мусульман, его совет Мухаммаду развестись с ней и попытка выжать признание вины у служанки ʿАиши навлекли на него пожизненную ненависть любимой жены Пророка, которую она никогда не скрывала. Абу Бакр, несомненно, разделял значительную часть её неприязни, хотя был слишком изящным политиком, чтобы когда-либо выказывать её публично. Позор ʿАиши опозорил бы не только честь его семьи, но, вероятно, затронул бы и его собственное положение доверенного друга Пророка. Прав он был или нет, но, несомненно, полагал, что ʿАли движим ревностью к его влиянию на Мухаммада и пытается подорвать его, обвиняя его дочь. С тех пор Абу Бакр видел в нём соперника и врага. Он не мог ожидать ничего хорошего ни для себя, ни для ʿАиши, если бы преемство досталось ʿАли. Тот, предположительно, опирался бы скорее на своего дядю аль-ʿАббаса в политических советах и умалил бы положение ʿАиши. Таким образом, помимо личной амбиции, у Абу Бакра были

---

[39] Ни один из двух взрослых сыновей Абу Бакра не присоединился к нему во время его хиджры в Медину. Абд ар-Рахман, старший сын и родной брат Аиши, присутствовал в битве при Бадре на стороне мекканских врагов ислама. Сообщается, что он стал мусульманином незадолго до завоевания Мекки. Возможно, он оставался рядом с отцом Абу Бакра, Абу Кухафа, который принял ислам лишь после завоевания. Отношения Абд ар-Рахмана с отцом, по-видимому, были напряженными, однако позднее у него сложились хорошие отношения с сестрой.

Абд Аллах ибн Абу Бакр, рожденный от другой матери, как сообщается, снабжал своего отца и Пророка провизией и известиями, пока они скрывались в пещере перед своей хиджрой. Еще позднее он тайно посещал Медину, принося сведения о мекканцах, и его укрывала Аиша. Неизвестно, когда он окончательно присоединился к мусульманам. Сражаясь на стороне мусульман при осаде ат-Таифа, он был тяжело ранен стрелой. От этой раны он умер два года спустя, в начале правления своего отца.

Третий сын Абу Бакра, Мухаммад, был рожден Асмой бинт Умайс, вдовой брата Али, Джафара, менее чем за год до вступления Абу Бакра к власти. После смерти Абу Бакра Асма вышла замуж за Али. Таким образом, Мухаммад ибн Абу Бакр вырос в доме Али и стал горячим сторонником своего отчима.

веские причины стремиться воспрепятствовать преемству ʿАли. Каковы бы ни были мотивы ʿАли, его юношеская опрометчивость, проявленная в попытке вмешаться в супружеские отношения Пророка, дорого ему обошлась. Воспользовавшись поспешным шагом ансаров, Абу Бакр смог реализовать замыслы, которые, должно быть, вынашивал со времён того несчастливого дела.

Несмотря на утверждение ʿУмара, что «шеи всех мусульман были вытянуты к Абу Бакру», положение халифа поначалу было крайне шатким — и не только из-за ридды многочисленных племён. В Медине ʿУмар взял на себя обеспечение принесения присяги всеми жителями. Он контролировал улицы при помощи сначала Аслам, а затем ʿАбд аль-Ашхаля из ауса, которые, в отличие от большинства хазраджа, быстро стали энергичными сторонниками нового режима. Источники упоминают фактическое применение силы лишь в отношении сподвижника аз-Зубайра, который находился вместе с некоторыми другими из мухаджиров в доме Фатимы. ʿУмар пригрозил сжечь дом, если они не выйдут и не принесут присягу Абу Бакру. Аз-Зубайр вышел с обнажённым мечом, но споткнулся и выронил его, после чего люди ʿУмара набросились на него и увели[40]. Есть некоторые данные, что дом Фатимы обыскивали (*футтисха*). Сообщается, что позднее ʿАли не раз говорил: будь с ним сорок человек, он оказал бы сопротивление[41]. В какой степени сила применялась в других случаях, остаётся неясным. В целом, вероятно, одной угрозы было достаточно, чтобы склонить колеблющихся к покорности. Разрозненные сообщения о применении силы против ʿАли и бану Хашим[42], которые, по словам аз-Зухри, единодушно отказывались приносить присягу шесть месяцев[43], скорее всего следует отвергнуть. Абу Бакр, несомненно, был достаточно мудёр, чтобы удержать ʿУмара от любых насилий против них, прекрасно понимая, что это неизбежно вызовет чувство солидарности у большинства из ʿАбд Манаф, чьё молчаливое согласие ему было необходимо. Его политика скорее заключалась в том, чтобы по возможности изолировать бану Хашим. Показательно замечание ʿАиши о том, что знатные люди перестали разговаривать с ʿАли, пока он не признает свою ошибку и не принесёт присягу Абу Бакру. Таким образом, бану Хашим оказались в положении, странно напоминавшем бойкот, который язычники мекканцы организовали против них, чтобы вынудить их снять защиту с Мухаммада. На этот раз, однако, давление оказывали мусульмане, добиваясь, чтобы они отказались от поддержки

---

[40] Или: схватил свой меч. См. ат-Табари, I, 1818.

[41] Минкари, *Вак‘ат Сиффин*, 163. Согласно *Китаб ас-Сакифа* Абу Бакра аль-Джаухари, Али был приведен Умаром к Абу Бакру. Он отказался принести ему присягу, утверждая, что имеет больше прав на власть. Абу Убайда попытался убедить его изменить свое решение, ссылаясь на то, что Абу Бакр старше и опытнее его, а также на то, что, если Али переживет его, он, несомненно, будет самым достойным преемником благодаря своему близкому родству с Пророком и ранним заслугам. Однако Али настаивал на том, что власть Мухаммада не должна быть отнята у его дома, и не приносил присяги до смерти Фатимы (Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, VI, 11–12).

[42] См., например, ат-Табари, I, 1819–20, где утверждается, что аз-Зубайр и Али оба были принуждены Умаром принести присягу.

[43] Там же, 1825.

ʿАли, который, в отличие от Мухаммада, уступил, отказавшись от своей притязательности после смерти Фатимы.

Решающее значение для Абу Бакра имело, однако, приобретение присяги мекканских курейшитов. Когда лояльность ансаров была под вопросом, а многие арабские племена отходили, только Мекка — бывший город-противник, подчинившийся Мухаммаду всего за два года до того — могла теперь спасти исламское государство. В Мекке Абу Бакр не мог рассчитывать на применение или угрозу силой. Имели значение исключительно его дипломатические навыки. С момента капитуляции мекканцы жили очень неплохо при исламской власти. Мухаммад отнёсся к ним чрезвычайно великодушно и назначил ряд их ведущих людей, хотя они и были среди самых яростных его противников, на влиятельные и доходные посты — командиров армий, наместников и сборщиков закята. У мекканцев было мало причин ставить под сомнение продолжение исламского правления в принципе или тосковать по прежнему состоянию независимости[44]. Но Абу Бакр мог предложить им больше, чем Мухаммад мог или захотел бы предложить. Отныне исламское государство должно было строиться на господстве курейшитов над всеми арабами. Их право править от имени ислама выводилось из утверждения, что арабы не повинуются никому иному. Абу Бакр обеспечил их «врождённое» право, сорвав притязания ансаров. Ансары, при поддержке которых Мухаммад мог унижать их, будут поставлены на «надлежащее» место и станут, подобно прочим арабам, подданными курейшитов. Не имея семьи или клана, которые могли бы всерьёз претендовать на наследственную власть, Абу Бакр действительно был их человеком — «халифом курейшитов».

Тяжёлая опора Абу Бакра на старую мекканскую аристократию в руководстве мусульманскими армиями при подавлении *ридды* и начале завоеваний за пределами Аравии была должным образом отмечена Е.Шуфани[45] и Ф.Доннером[46]. Особенно предпочтение отдавалось двум самым могущественным кланам курейшитов — Махзум и ʿАбд Шамс. Среди полководцев Абу Бакра в войнах *ридды* были ʿИкрима ибн Абу Джахль из Махзума и Язид ибн Абу Суфьян из Умайи — сыновья двух бывших лидеров мекканской оппозиции

---

[44] О событиях, происходивших в это время в Мекке, известно немного. Согласно Мусабу аз-Зубайри, мекканцы, узнав о смерти Мухаммада, пришли в волнение и были готовы отступиться от ислама. Тогда Сухайль ибн Амр из бану Амир встал и произнес перед ними «речь, подобную речи Абу Бакра ас-Сиддика в Медине, словно он слышал ее сам». Люди успокоились и приняли его руководство. Их правителем в то время, согласно аз-Зубайри, был Аттаб ибн Асид из рода Абд Шамс (аз-Зубайри, *Насаб*, 418).
Сухайль ибн Амр, хорошо известный как оратор, до мусульманского завоевания Мекки был одним из самых деятельных врагов Мухаммада и ислама. Возможно, он убедил мекканцев в том, что теперь, после смерти Мухаммада, курайшитам предназначено править арабами от имени ислама, подобно тому как Абу Бакр убеждал мусульман в Медине. Затем Сухайль и его семья присоединились к завоеванию Сирии, где он и все его сыновья погибли.
Следует отметить, что бану Амир ибн Луайй из курайшитов традиционно состояли в тесном союзе с Абд Шамс и противостояли Хашиму. Подробнее см.: М. Дж. Кистер, «... *illa bi-haqqihi*, A Study of an Early Hadith», *JSAI*, 5 (1984), 33–52, особенно с. 34–35. Кистер приводит сообщения о том, что Сухайль призывал мекканцев выплачивать закят своему правителю и обещал возместить им любые выплаты закята, если правительство Абу Бакра падет.

[45] Shoufani, *al-Riddah*, 58–64.

[46] Ф. Доннер, *The Early Islamic Conquests* (Принстон, 1981), 86–88.

Мухаммаду. К Махзуму также относились Халид ибн аль-Валид и аль-Мухаджир ибн Абу Умайя; к ʿАбд Шамс — Халид ибн Саʿид ибн Абу ль-ʿАс, Халид ибн Саʿид ибн аль-ʿАс и, по клиентской принадлежности, аль-ʿАляʾ ибн аль-Хадрами. Многие из этих мекканских лидеров, разумеется, уже при Мухаммаде занимали различные должности. И всё же их доминирующее положение при Абу Бакре особенно заметно на фоне полного исключения ансаров из руководства и резко сокращённой роли ранних мухаджиров. Среди командиров мусульманских армий в период ридды был только один ранний сподвижник Мухаммада — Шурахбиль ибн Хасана, союзник бану Зухра из курейшитов южноаравийского (киндитского) происхождения.

Когда позже Абу Бакр наметил план завоевания Сирии, он первым назначил командиром Халида ибн Саʿида ибн аль-ʿАса, который прежде в течение некоторого времени отказывался приносить присягу. Причина этого выбора заключалась, несомненно, не в том, что он был одним из самых ранних сподвижников, а в том, что он был омейядом. Когда его сместили из-за настойчивых представлений ʿУмара против него, Абу Бакр заменил его на омейяда Язида ибн Абу Суфьяна. Очевидно, халиф намеревался дать ʿАбд Шамс долю в завоевании Сирии. Известно, что Абу Суфьян владел землёй близ Дамаска ещё до ислама[47]. Стремление удовлетворить могущественный мекканский клан, по-видимому, перевешивало в глазах Абу Бакра обиду, нанесённую ему Халидом ибн Саʿидом. С другой стороны, роль, отведённая Абу ʿУбайде ибн аль-Джарраху, который, как один из двух видных сподвижников, поддержавших Абу Бакра на собрании в Сакифе, мог рассчитывать на ведущую позицию, была весьма ограниченной. Он, по-видимому, не входил в число командиров трёх первоначально отправленных армий и в некоторых сообщениях вовсе не упоминается до халифата ʿУмара[48]. Скорее всего, он был вторично направлен с некоторыми вспомогательными отрядами для поддержки первых вторгшихся армий[49]. Позднее ʿУмар назначил его общим командующим в Сирии. Направляя Халида ибн аль-Валида сначала на вторжение в Ирак, Абу Бакр, возможно, имел похожий расчёт — дать Махзум долю в завоевании той страны.

При том, что мусульманские армии в основном находились под командованием членов старой мекканской аристократии, Медина во время ридды фактически оказывалась во власти недавних врагов Мухаммада. Если бы лидеры курейшитов решили сговориться, они могли бы одним ударом покончить с халифатом. Решительный отказ Абу Бакра удовлетворить требования ʿУмара об отстранении, или хотя бы осуждении, Халида ибн аль-Валида за его не-исламское поведение, возможно, был вызван не только признанием его превосходных качеств полководца. Но Абу Бакр также, в целом, мог быть уверен, что мекканские лидеры будут сотрудничать, понимая, что они извлекут выгоду из курейшитского халифата в наибольшей степени.

---

[47] Аль-Балазури, *Futuh al-buldan*, ed. M. J. de Goeje as *Liber expugnationis regionum* (Лейден, 1866), 129; Доннер, 96.
[48] Shoufani, *al-Riddah*, 140–43; Доннер, *Conquests*, 114–15.
[49] M. J. de Goeje, *Memoire sur la conquete de la Syrie* (Лейден, 1900), 25.

Заявленным намерением Абу Бакра было следовать как халиф политике и практике Мухаммада во всём. Он принял официальный титул *халифат расул Аллах* — преемник, или наместник, Посланника Бога[50]. Чтобы исполнить волю Пророка, он немедленно распорядился продолжить намеченный поход к сирийской пограничной области, хотя отсутствие армии подвергало халифат, прежде чем он успел как следует утвердиться, серьёзной опасности. Он настоял на сохранении Усамы ибн Зайда, сына освобождённого Пророком раба, в качестве командующего, несмотря на непопулярность этого выбора из-за молодости и недостатка опыта у Усамы. Разойдясь с бану Хашим, Усама, по-видимому, принёс присягу халифу. Абу Бакр должен был высоко оценить его позицию в тот момент.

Абу Бакр также оправдывал своё немедленное требование ко всем арабским племенам платить ему исламский налог-милостыню тем, что как преемник Мухаммада он обязан следовать пути Пророка. Обязанность мусульман выплачивать регулярный ежегодный сбор, а не подавать добровольную милостыню, по-видимому, была введена в 9/630 году[51]. Ибн Саʿд приводит список первых сборщиков налога, отправленных Мухаммадом в мухарраме (апрель—май) к некоторым племенам в Хиджазе и к северо-востоку от Медины. Создаётся впечатление, что изначально платить налог просили лишь некоторые лояльные племена. Ряд сборщиков налога были выходцами из тех же племён, к которым их направляли, и неясно, в какой степени ставки налогообложения были фиксированными[52]. Во время паломничества в конце года (февраль 631 г.) была провозглашена сура «Отречения» (*ат-Бара'а*), что язычникам вообще более не будет предоставляться покровительство и они подвергнутся нападению мусульман, если не раскаются. Однако исключение было сделано для тех, кто заключил договоры с Мухаммадом и соблюдал их. Эти договоры надлежало исполнять до истечения их срока. Хотя давление на арабских язычников с целью подчинить их исламу и Пророку таким образом усиливалось, исключение для союзников по договорам показывает, что Мухаммад пока не был готов просто навязать ислам всем им. В последующий, последний, год своей жизни обеспечение уплаты налога, вероятно, также осуществлялось Мухаммадом с осторожностью и осмотрительностью. Нет сообщений о применении силы против племён, не плативших — а таких, должно быть, было немало.

Значение налога-милостыни для арабских племён действительно отличалось от любого другого обязательства, ранее налагаемого исламом. В отличие от обязанности молиться, поститься, сообща участвовать в *джихаде* и давать добровольную милостыню,

---

[50] Мусульманским источникам в этом отношении можно доверять: Абу Бакр хотел, чтобы его воспринимали как действующего от имени Пророка. Предположение П. Кроун и М. Хиндса (*God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam* [Кембридж, 1986], 19–22), согласно которому титул *халифа* с самого начала означал *халифат Аллах*, то есть «наместник Бога», не учитывает исторической ситуации и тех иных обстоятельств, которые побудили Усмана принять титул *халифат Аллах*.

[51] О нижеследующем см. особенно Shoufani, *al-Riddah*, 44–47. Предположение Шуфани о том, что первые сборщики налогов были отправлены не ранее начала 10 года хиджры и что до смерти Мухаммада в Медину не поступали никакие налоги, представляется несостоятельным.

[52] Есть свидетельства, что подробные нормы закята, установленные исламским правом, не были введены до Абу Бакра. См. Дж. Шахт, «Zakat», в *Encyclopaedia of Islam* (Лейден, 1913–38).

как того требовали Коран и Мухаммад в ранние годы ислама, налог-милостыня потенциально означал отказ от племенной автономии, принятие налоговых сборщиков с правом осматривать и оценивать частное имущество, наместников с правом принуждать непокорных подданных. Он означал подчинение племён правителю или правительству — тому, чему племена всегда яростно сопротивлялись. Их страх перед подчинением, несомненно, способствовал распространению движений сопротивления исламу в последний год жизни Мухаммада.

В начале месяца мухаррам 11 года/в конце марта 632 года, за два месяца до своей смерти, Мухаммад вновь отправил к племенам сборщиков налога на новый год. Племена, названные в сообщении, в основном были те же, что и в 9/630 году, — те, что находились относительно близко к Медине и Мекке[53]. В отдалённых районах, по-видимому, сбор налога в целом возлагался на мусульманских наместников, но уплата, вероятно, была в значительной степени добровольной и неравномерной[54]. Скрытое недовольство сбором проявилось открыто после смерти Пророка: многие из лояльных племён предлагали признать Абу Бакра его преемником, но отказывались платить налог-милостыню. Несмотря на шаткость своего положения, Абу Бакр сразу занял жёсткую позицию в этом вопросе. ʿУмар, Абу ʿУбайда и Салим, клиент Абу Хузайфы, уговаривали его отменить налог на год и мягко отнестись к племенам, верным исламу, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе против тех, кто оставил ислам[55]. Абу Бакр отверг любые компромиссы по налогу, сделав его мерилом верности племён самому исламу. Зайдя гораздо дальше любых прецедентов, установленных Мухаммадом, он настаивал, что тех, кто отказывается платить налог, следует считать и преследовать как отступников, точно так же, как тех, кто оставил ислам, и тех, кто его никогда не принимал. Отношение Абу Бакра хорошо выражено в широко приписываемых ему словах: «Если бы они удержали даже только путы из того, что давали Пророку, я бы сражался с ними за это».

Поздним мусульманским учёным было трудно объяснить и оправдать поведение Абу Бакра. Цитируется вопрос ʿУмара к халифу о его праве сражаться с племенами, ведь Пророк сказал: «Мне велено сражаться с людьми, пока они не скажут: нет бога, кроме Бога. Если они это скажут, они обезопасят себя и своё имущество от меня»[56]. Некоторые предполагали, что Абу Бакр действовал на основании хадиса, в котором Мухаммад сказал сборщику налога, которого бедуин отправил обратно с пустыми руками: «Вернись к нему, и если он не даст тебе налог, отсеки ему голову!»[57] Другие утверждали, что сподвижники называли удерживающих налог отступниками лишь метафорически. На деле это были мусульманские мятежники и как таковые заслуживали того, чтобы с ними сражались.

---

[53] *Annali*, II/1, 575–76.

[54] Список наместников на момент смерти Мухаммада согласно Сайфу ибн Умару см. там же, 569–70, где для Наджрана упоминается отдельный налоговый чиновник. Налог-милостыня в этих отдаленных областях, возможно, расходовался на месте, а не доставлялся в Медину.

[55] Там же, 572–73.

[56] Шуфани, *al-Riddah*, 102. См. также подробное исследование спора о действиях Абу Бакра у Кистера: «... *illa bi-haqqihi*».

[57] *Annali*, II/1, 572.

Однако, хотя позднейшие правоведы, такие как аш-Шафии, могли быть готовы считать мирных мусульман, отказывающихся выполнять ранее принятую религиозную обязанность, мятежниками, чья кровь может быть законно пролита, подобное понятие «мятежа» в действительности не имело основания ни в Коране[58], ни в практике Пророка, а возникло из халифата, каким его мыслил Абу Бакр. Хотя влияние авторитета Мухаммада на жизнь мусульман неуклонно расширялось, оно по сути оставалось нравственным авторитетом. Коран часто увещевал их повиноваться Богу, Пророку и тем, кто среди них обладает властью, и грозил непослушным суровым божественным наказанием. Проблема номинальных или теплохладных мусульман, сопротивлявшихся и нарушавших многие его распоряжения и решения, была серьёзной для Мухаммада, о чём свидетельствуют многочисленные порицания лицемеров (мунафиков) в Коране. Однако Коран не санкционировал пролития их крови или применения к ним физического принуждения. По коранническим меркам Абу Бакр мог в лучшем случае заклеймить племена, удерживавшие налог-милостыню, как лицемеров. Он не мог вести с ними войну ни как с отступниками, ни как с мятежниками.

Под прикрытием простого заявления о своём праве как наместника Пророка Абу Бакр тем самым осуществил радикальную смену политики. Полный смысл его утверждения, что халиф должен быть из курейшитов, потому что арабы не станут повиноваться никому, кроме них, теперь стал очевиден. Халиф должен был быть не столько религиозным лидером *уммы* — общины ислама, каковым был Мухаммад, — сколько правителем всех арабов, требующим их послушания именем ислама. По этой причине мирные мусульмане, удерживавшие налог-милостыню от халифа, истинные отступники и прочие арабы, никогда не становившиеся мусульманами, все должны были считаться отступниками и с ними следовало сражаться, пока они не подчинятся и исламу, и власти халифа из курейшитов.

Среди официальных титулов позднейших халифов предпочтительным и наиболее употребительным был *амир аль-му'минин* — «повелитель правоверных»[59]. Согласно исторической традиции, первым его принял ʿУмар. Он наиболее точно отражал концепцию халифата, установленную Абу Бакром. Халиф был прежде всего правителем верующих. Курейшиты предоставляли правящий класс, его помощников, а прочие арабские племена должны были быть его подданными. Абу Бакр с несгибаемой решимостью принялся подчинять их.

Ранние сподвижники, включая даже ʿУмара — человека, глубоко преданного расширению власти ислама силой, — поначалу испытывали сомнения, особенно из-за вопиющей агрессии против единоверцев. Разве не увещевал Коран мусульман, что они

---

[58] Коранический доказательным текстом для обращения с мусульманскими мятежниками (*бугат*) служила сура XLIX, 9: «Если две группы верующих сражаются, примирите их между собой; но если одна из них преступит против другой, сражайтесь с той, которая преступает, пока она не вернется к велению Бога. А если она вернется, примирите их по справедливости и поступайте беспристрастно». Очевидно, что этот аят не мог быть применен к «мятежным» племенам.

[59] Кроун и Хиндс, *God's Caliph*, 11.

братья и должны стремиться улаживать конфликты примирением? Абу Бакр же вновь мог рассчитывать на поддержку курейшитов, которые легко видели выгоды, которые принесёт им подчинение арабов. Для обеспечения караванной торговли курейшиты давно опирались на союзы с некоторыми арабскими племенами. Но такие союзы с автономными племенами по своей природе были нестабильны и часто означали разделение материальных выгод и вражду других племён. Подчинение всех арабов, предлагаемое халифом, сулило им безопасные и беспрепятственные торговые отношения и открывало новые источники материальной выгоды — как лидерам мусульманских армий и будущим наместникам и сборщикам налогов в покорённых землях. Курейшиты с энтузиазмом вели войну против «отступников». Дух, в котором она велась, ясно отражён в хладнокровной казни Малика ибн Нувайры и других из бану Ярбуʿ после их сдачи и исповедания ислама и в присвоении его жены Халидом ибн аль-Валидом. Ранее в том же году Малик был уполномочен Мухаммадом на сбор налога-милостыни среди своего племени. Узнав о смерти Пророка, он вернул собранных им верблюдов соплеменникам или, согласно другой версии, совершил налёт и угнал верблюдов, собранных как милостыня с различных племён. Согласно обеим основным версиям, сам Абу Бакр, разгневанный очевидным отказом Малика признавать его законным преемником Мухаммада, велел Халиду убить его, если тот попадёт ему в руки.[60]

Прикрытие Абу Бакра кропотливым следованием практике и прецедентам Пророка во всём было всего труднее выдержать в его обращении с родственниками предшественника — бану Хашим. Было очевидно, что первичная цель — поставить власть халифа на прочную основу — несовместима с сохранением привилегированного статуса *ахль аль-байт* Мухаммада, с применением к ним коранических правил наследования и продолжением выплаты им их коранических долей из военной добычи и *файʾ*. Решение Абу Бакра было и радикальным, и изобретательным. Согласно рассказу ʿАиши, он сказал Фатиме и аль-ʿАббасу, когда они пришли требовать своё наследство от Мухаммада — в частности, его землю в Фадаке и его долю земли Хайбара: «Что до меня, я слышал, как Посланник Бога сказал: “Мы [пророки] не оставляем наследников (*ля нурис*). Всё, что мы оставляем, — милостыня (*садака).* Семья Мухаммада (*аль Мухаммад*) может питаться из этого имущества”. Клянусь Богом, я не оставлю ни одного дела несделанным, которое видел, как совершал Посланник Бога»[61]. Ответ Абу Бакра одним ударом решил проблему *ахль аль-байт*, не роняя ему лица. Не только Мухаммад лишил наследства свою семью, но и особо подтвердил, что после его смерти его семье следует, в случае нужды, принимать милостыню, которую он строго запрещал им при жизни из-за их статуса чистоты. Будучи получателями милостыни, как и обычные мусульмане, они более не имели оправдания для

---

[60] См. Э. Ландау-Тассерон, «Малик ибн Нувайра», *EI* (2-е изд.). Рассказ беллетриста Сайфа ибн Умара, согласно которому Малик поддерживал пророчицу Саджах, можно не принимать во внимание, несмотря на то что Каэтани принял его (*Annali*, II/1, 654). Умар и другие мусульмане едва ли стали бы протестовать против обращения Халида с человеком, «который стал настоящим вероотступником».

[61] Ат-Табари, I, 1825; Ибн Шабба, *Та’рих аль-Мадина*, 196–97. Сообщение, переданное Ибн Лахией, согласно которому Абу Бакр пожаловал Фатиме пальмовую рощу аль-Аваф из имущества Пророка в Медине (Ибн Шабба, *Та’рих аль-Мадина*, 211), несомненно, ненадежно.

получения своей коранической доли добычи и *фай*. Всё это Пророк доверил Абу Бакру — и никому больше, — тем самым подтверждая, что именно он его избранный преемник, наделённый полномочием исполнить его указания. Дочь Пророка, должно быть, была ошеломлена. Даже она не могла открыто подвергнуть сомнению слово избранного преемника своего отца. По словам ʿАиши, с тех пор она сторонилась (*хаджарат*) Абу Бакра и более не говорила с ним об этом до самой своей смерти спустя шесть месяцев. ʿАли похоронил её ночью и не уведомил халифа о её смерти.[62]

В то время как дочь Пророка и его родня были таким образом лишены наследства и низведены со своего ранга религиозной чистоты, со вдовами обошлись сравнительно лучше. Им, очевидно, также нельзя было дать наследство из земель Мухаммада в Фадаке и Хайбаре, которые Абу Бакр объявил государственной собственностью. ʿУрва ибн аз-Зубайр сообщил со слов ʿАиши, что вдовы намеревались послать ʿУсмана к Абу Бакру с просьбой о своей доле наследства из Фадака и Хайбара, но ʿАиша упрекнула их: «Разве вы не боитесь Бога? Разве вы не слышали, как Посланник Бога сказал: “Мы не оставляем наследников; всё, что мы оставляем, — милостыня. Эти деньги для семьи Мухаммада — [обеспечить] их [в случае] бедствия и их гостеприимство (*ли-найбатихим ва-дайфихим*). Когда я умру, они будут принадлежать правителю (*вали аль-амр*) после меня”». Женщины отступили[63]. Несомненно, они понимали, что им будет лучше, если они признают, что слышали слова Пророка. Абу Бакр постановил, что они могут сохранить свои жилища. Чтобы оградить его от возможного обвинения, будто он произвольно распорядился тем, что Мухаммад оставил для государственной казны, поздняя традиция утверждала, что Пророк завещал дома своим жёнам[64]. В отличие от статуса чистоты родни Пророка, статус его жён не должен был прекращаться после его смерти. Никому не позволялось на них жениться. Высочайшее почтение оказывалось «Матерям правоверных». Теперь именно они поистине были единственным *ахль аль-байт* Мухаммада, чьё очищение от всякой скверны гарантировала сура 33:33. Абу Бакр признал свою обязанность щедро содержать вдов[65]. Первое место принадлежало ʿАише — любимой жене Мухаммада и дочери его избранного преемника. Абу Бакр пожаловал ей земли в районах аль-ʿАлия Медины и в Бахрейне. Участок в Медине, как говорили, был частью земли бану ан-Надир, которую Абу Бакр получил от Мухаммада.[66]

С политической точки зрения конфискация обширных земельных владений Пророка, из доходов которых он сам частично финансировал военные усилия мусульман, несомненно была необходимостью. Дипломатическое мастерство, с которым Абу Бакр

---

[62] Ат-Табари, I, 1825; Ибн Шабба, *Та’рих аль-Мадина*, 197.
[63] Аль-Балазури, *Футух*, 30; Ибн Ханбаль, *Муснад*, VI, 262.
[64] Ибн Са‘д, *Табакат*, III, 87, VIII, 120; *Annali*, II/1, 521.
[65] Абу Хурайра помнил, что Мухаммад, оставив все свое имущество в качестве милостыни, все же не полностью забыл о своих женах. Он передавал, что слышал, как Пророк сказал: «Мои наследники (*варасати*) не должны делить между собой ни одного динара или дирхама. Все, что я оставлю, после содержания (*нафака*) для моих жен и обеспечения моего доверенного лица [исполнителя моей воли, *му’нат ли-‘амили*], должно быть милостыней» (Ибн Са‘д, *Табакат*, II/2, 86).
[66] Там же, III/1, 138; Эбботт, *Aishah*, 85

провёл эту меру, утверждая, что сам Пророк оставил всё своё имущество в государственную казну, было под стать его хитроумному политическому манёвру на собрании в Сакифе. Протест Хассана ибн Сабита против узурпации *фай* Пророка быстро стих и был забыт. Видные сподвижники скоро наперебой засвидетельствуют, что и они слышали, как Мухаммад говорил, что пророки не оставляют наследников и что после их смерти их имущество становится милостыней. Политика Абу Бакра по изоляции бану Хашим без применения силы проходила с полным успехом. Через шесть месяцев, ко времени смерти Фатимы, победа Абу Бакра, казалось, была завершена. И всё же известие об этом и о её тайном ночном погребении, чтобы предотвратить присутствие халифа, должно было потрясти его. Каково бы ни было его удовлетворение унижением его личного врага — ʿАли, осознание глубокой обиды, которую его политические махинации и вероломство причинили дочери человека, лучшим и искреннейшим другом которого он признавался общественностью, — сознание её смерти в состоянии озлобления, возможно ускоренной его поведением, — вряд ли могло легко быть отринутым его совестью.[67]

ʿАиша передала: после смерти Фатимы немногие видные люди, которые продолжали видеться с ʿАли, пока она была жива, отвернулись от него. ʿАли смиренно добился (*дара'а*) примирения с Абу Бакром, передав ему: «Приди к нам, только пусть никто не будет с тобой». Зная суровость (*шидда*) ʿУмара, ʿАли не хотел, чтобы тот пришёл вместе с ним. ʿУмар советовал Абу Бакру не идти одному, но тот настоял: «Клянусь Богом, я пойду к ним один; что они могут мне сделать?» Халиф пришёл один к ʿАли, который собрал у себя бану Хашим. ʿАли встал и, воздав хвалу Богу, сказал: «То, что удержало нас от принесения тебе присяги, Абу Бакр, было не отрицанием твоего превосходства и не тем, будто мы считали тебя недостойным какого-либо блага, которое Бог ниспослал тебе. Скорее, мы считали, что имеем право на “это дело”, которое вы [мн. ч.] самовольно (*истабдадтум*) отняли у нас». Затем ʿАли упомянул своё родство (*караба)* с Посланником Бога и право родства и продолжал, пока Абу Бакр не заплакал. Когда он закончил, халиф произнёс исповедание веры (*шахада)* и, в свою очередь, воздав хвалу Богу, сказал: «Клянусь Богом, моя связь с родством Посланника Бога дороже мне, чем моё собственное родство. Воистину, я не искал в этих движимых вещах, что встали между мной и вами, ничего, кроме добра. Но я слышал,

---

[67] Куфийский лоялист Амир аш-Шаʻби, очевидно, уязвленный шиитскими утверждениями о том, что дочь Пророка умерла, гневаясь на Абу Бакра, противопоставил им следующий рассказ: когда Фатима заболела, Абу Бакр пришел навестить ее и попросил разрешения войти. Али сказал Фатиме: «У дверей Абу Бакр; не позволишь ли ты ему войти?» Она ответила: «И ты этого хочешь?» Он сказал: «Да». Абу Бакр вошел, принес ей извинения и поговорил с ней. Она осталась им довольна (Ибн Саʻд, *Табакат*, VIII, 17). Однако за что было извиняться, если он всего лишь сказал правду?

Та же тенденция заметна и в другом сообщении аш-Шаʻби, переданном Умаром ибн Шаббой. Аш-Шаʻби рассказывал, что Умар и Халид ибн аль-Валид по приказу Абу Бакра отправились к дому Фатимы, чтобы добиться от аз-Зубайра и Али принесения присяги Абу Бакру. Умар применил силу против обоих мужчин, после чего их привели к Абу Бакру. Фатима громко выразила протест против насилия, совершенного в отношении Семьи Посланника Божьего. После того как аз-Зубайр и Али принесли присягу, Абу Бакр посетил ее и вступился за Умара. Она приняла его извинения и выразила удовлетворение Умаром (Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, II, 57; VI, 48–49).

как Посланник Бога сказал: мы не оставляем наследников; всё, что мы оставляем, — это милостыню. Семья Мухаммада может питаться лишь из этих средств. Да упасёт меня Бог от того, чтобы, вспомнив что-либо из того, как Мухаммад, Посланник Бога, поступал в подобных обстоятельствах, не последовать его примеру.». ʿАли пообещал публично дать присягу верности тем вечером. Когда завершилась полуденная молитва, Абу Бакр обратился к собравшемуся народу и принёс некоторые извинения за ʿАли. Тогда ʿАли встал и возвысил право Абу Бакра, упомянув его превосходство и предшествующую заслугу (*сабика)*. Он подошёл к халифу и принёс ему присягу. Люди поспешили к ʿАли, поздравляя: «Ты попал в цель, хорошо сделал». ʿАиша добавила: «Так люди приблизились к ʿАли, когда он приблизился к истине и к должному»[68].

Публичный акт покорности ʿАли положил конец изоляции бану Хашим и внешне сплотил ряды мусульман в поддержку Абу Бакра. Но примирения не было и быть не могло. Каждый из двух мужчин слишком хорошо видел мотивы и мысли другого, чтобы верить его успокаивающим словам и жестам. В сложившихся обстоятельствах ʿАли мог видеть в слезах Абу Бакра и в его заверениях любви к родне Пророка лишь лицемерие. Он знал, что халиф и дальше будет делать всё возможное, чтобы держать бану Хашим вдали от власти и влияния и прежде всего — чтобы не допустить его самого, ʿАли, когда-либо к халифату. Абу Бакр так же хорошо понимал неискренность признания молодым человеком его предшествующего титула на преемство Мухаммада и знал, что ʿАли, если ему представится возможность, отринет легитимность его «курейшитского» халифата и установит свой, основанный на правах *ахль аль-байт* Мухаммада. О доверительных отношениях между ними не могло быть и речи. ʿАли продолжал держаться в стороне от халифа, и последний едва ли стремился привлекать его в своё окружение.[69]

Хотя преобладающая суннитская доктрина утверждает, что Пророк умер, не назвав преемника, а Абу Бакр был избран мусульманской общиной в Сакифе, меньшинство видных учёных — среди них аль-Хасан аль-Басри, Ибн Хазм и Ибн Таймийя — всегда утверждало, что Абу Бакр был выбран Мухаммадом как преемник. Есть веские основания полагать, что последняя точка зрения официально поддерживалась во время халифата Абу

---

[68] Ат-Табари, I, 1826–27.

[69] Более поздние суннитские источники о халифате Абу Бакра, особенно Сайф ибн Умар, неоднократно упоминают Али как человека, который давал советы халифу по различным поводам (см. *Annali*, II/1, 584, 594–95, 597; II/2, 1116, 1150, 1197). Недостоверность этих сообщений особенно очевидна, поскольку большинство упомянутых случаев относится к тем шести месяцам, которые предшествовали принесению Али присяги.

Так, Али описывается как человек, который вместе с Умаром убеждал халифа не возглавлять лично мусульманское войско у Зу-ль-Кассы (*ibid.*, II/1, 594–95), а также как тот, кому вместе с аз-Зубайром, Тальхой и Абд Аллахом ибн Масудом было поручено оборонять Медину (*ibid.*, 597). Традиционалистский суннитский историк Ибн Касир, опираясь на подобные сообщения, настаивал, что Али принес присягу Абу Бакру сразу после собрания в Сакифе, а его присяга после смерти Фатимы была лишь актом подтверждения (*бай‘а му’аккида*), вызванным непокорностью Фатимы, чей гнев на Абу Бакра Ибн Касир считал непонятным и непростительным (*аль-Бидая*, V, 249–50, 286–87).

Но при этом Ибн Касир, с антишиитским оттенком, замечал, что Фатима была всего лишь женщиной и не могла рассчитывать на непогрешимость (*хийа имра’а мин аль-башар лайсат би-раджият аль-‘исма*, V, 249). Однако рассказ Аиши несовместим с таким толкованием.

Бакра и что именно ʿУмар настаивал, будто Пророк умер, не назвав преемника. Это хорошо видно из слов аль-Касима ибн Мухаммада, внука Абу Бакра. Он комментировал *хадис* своей тёти ʿАиши, в котором рассказывалось, что незадолго до смерти Пророк, услышав, как ʿУмар произносит *такбир* во время общей молитвы, спросил: «Где Абу Бакр? Бог не приемлет этого, и мусульмане также». Аль-Касим объяснил это следующим образом: если бы не слова, произнесённые самим ʿУмаром перед смертью, мусульмане не сомневались бы в том, что Посланник Бога назначил (*истахляфа*) Абу Бакра своим преемником. Однако перед смертью ʿУмар сказал: «Если я назначу преемника, то ведь тот, кто был лучше меня, тоже назначил преемника. А если я оставлю мусульман самим выбрать его, то и тот, кто был лучше меня, оставил их сделать выбор самим». Из этих слов люди поняли, что Посланник Бога всё же не назначал после себя конкретного преемника. Поэтому ʿУмара нельзя было заподозрить в предвзятом отношении к Абу Бакру»[70]. Абу Рафиʿ ат-Таʿи, которого обратил в ислам Абу Бакр и который сопровождал его во время рейда Зат ас-Саласиль в 8/629 году, как передают, рассказывал, что спросил у Абу Бакра позже о *байʿе* для него в Сакифе. Абу Бакр сказал ему, что именно напоминание ʿУмара людям о том, что Пророк велел Абу Бакру вести молитву во время его болезни, склоняло их присягнуть ему[71]. Присяга, таким образом, лишь подтвердила прежний выбор Мухаммада. ʿАиша, как мы видели, неизменно утверждала, что Абу Бакр был выбран Мухаммадом для преемства и, по-видимому, никогда не упоминала события в Сакифе. Лишь когда её прямо спросили, кого бы Пророк назначил, если бы сделал назначение, она ответила: «Абу Бакра»; добавив, по дальнейшему вопросу: «После него — ʿУмара, а затем Абу ʿУбайду ибн аль-Джарраха». На этом она остановилась[72].

Поскольку Абу Бакр не рассматривал халифат как выборную должность, естественно, что он назначил — без предварительного совещания — своим преемником ʿУмара ибн аль-Хаттаба. Лишь после того как он принял решение, как сообщается, он конфиденциально спросил мнения ʿАбд ар-Рахмана ибн ʿАуфа и ʿУсмана. Первый высказал некоторые сомнения ввиду известной суровости (*гилза*) ʿУмара. ʿУсман ответил более дипломатично, что «внутреннее» ʿУмара лучше его «внешнего» и что, в любом случае, «среди нас нет ему равного»[73]. Сообщают, что Талха, после официального объявления, у постели больного халифа возразил против выбора ʿУмара из-за дурного обращения последнего с людьми даже во время правления Абу Бакра. Однако Абу Бакр гневно отверг эту критику, объявив ʿУмара лучшим из людей Бога.[74]

Хотя некоторые детали могут быть недостоверны, общий смысл этих сообщений, вероятно, верно отражает положение, и тот факт, что Абу Бакр назначил преемника, а не оставил выбор мусульманской общине, серьёзно оспаривать нельзя. Несмотря на видную

---

[70] Ибн Хишам, *Сират саййидина*, 1010.
[71] Ибн Ханбаль, *Муснад*, I, 8. Абу Бакр добавил, что принял власть из опасения, что может возникнуть смута (*фитна*), ведущая к отступничеству.
[72] Муслим, *Сахих*, «Фада'иль ас-сахаба», 9
[73] Ат-Табари, I, 2137; *Annali*, III, 88.
[74] Ат-Табари, I, 2143–44; *Annali*, III, 85.

роль ʿУмара в правление Абу Бакра, он не мог просто взять власть и быть всеобщо признанным как де-факто халиф, как предполагали Каэтани и Леви делла Вида[75]. Ибо, хотя выбор ʿУмара наверняка должен был прийтись по душе многим строгим мусульманам, ценившим его бескомпромиссную верность исламу и энергичное требование соблюдать его нормы всеми, он был далёк от популярности. Сомнения испытывали не только некоторые из ранних сподвижников, которых Каэтани обвинял в мелочной зависти, некомпетентности и необоснованных личных амбициях. Что важнее, курейшитская аристократия, на поддержку которой Абу Бакр опирал халифат и которая теперь прочно контролировала мусульманские армии, едва ли приняла бы своего прежнего противника ʿУмара без формального назначения со стороны Абу Бакра, которого они успели уважить. Особенно Халид ибн аль-Валид должен был понимать, что дни его мощного лидерства теперь сочтены.

Со своей стороны, Абу Бакр понимал, что он не может позволить оставить вопрос преемства открытым в тот момент, когда мусульманские армии вели решающие сражения за завоевание Сирии. Несмотря на ошеломительный успех его политики, халифат всего через два года после основания был далёк от прочного утверждения, и раскольная «выборная» борьба за преемника могла бы оказаться роковой. Он осознавал, что прежде всего должен не допустить какого-либо обсуждения прав семьи Пророка — точно так же, как он сделал раньше. Ибо хотя теперь, учитывая приобретённую всеми курейшитами заинтересованность в халифате, лёгкое избрание ʿАли было куда менее вероятно, его имя всё ещё могло послужить знаменем оппозиции при отсутствии очевидного кандидата.

С точки зрения Абу Бакра, выбор ʿУмара практически навязывался сам собой, несмотря на их существенные разногласия по политическим вопросам. Среди ранних сподвижников лишь ʿУмар был действительно тесно связан с ним и вовлечён в повседневное управление государством. Абу Бакр был ему немало обязан. ʿУмар сделал возможным переворот в Сакифе в его пользу и прочно взял Медину под контроль для него. С энтузиазмом поддерживая с самого начала концепцию халифата курейшитов, он мог быть надёжным гарантом того, что не расшатает его основы, какие бы перемены курса он ни вносил. ʿУмар продолжал фактически контролировать Медину и, по всей видимости, не был человеком, готовым уступить свою власть кому-либо из других ранних сподвижников. Единственной серьёзной альтернативой, возможно, был бы Халид ибн аль-Валид, находившийся на пике популярности после недавних побед. Халида явно предпочла бы мекканская аристократия, и он имел бы поддержку мусульманских армий. ʿУмар, его личный враг, не смог бы оказать ему сопротивления. Рассматривал ли Абу Бакр когда-либо серьёзно эту альтернативу — вопрос спекулятивный. К моменту принятия решения Халид командовал в Сирии и, по-видимому, был незаменим для военных действий. Выбор ʿУмара был наиболее разумным.

---

[75] *Annali*, III, 128; Дж. Леви делла Вида, «Умар ибн аль-Хаттаб», *EI*.

Глава 2.
Умар: Повелитель правоверных, исламская меритократия, совещание и арабская империя

Привилегированное положение правления исламским государством, которое Абу Бакр отвёл курайшитам, не имело основания в Коране. В ранней мекканской суре (CVI), обращённой к ним, курайшитам прямо напоминается о том, что им следует служить Господу Каабы в благодарность за благополучие и безопасность, которые Он даровал им. На протяжении большей части миссии Мухаммада большинство курайшитов в Мекке были его самыми упорными противниками — неверными (*kuffār*) и многобожниками (*mushrikūn*), однозначно осуждаемыми Священной Книгой.

Мухаджиры, те, кто покинул свои дома, чтобы присоединиться к Мухаммаду в Медине в поддержку дела ислама, были высоко восхвалены в Коране, им была обещана надежда на милость Бога (II 218), а также награда на земле и в будущей жизни (XVI 41). Под мухаджирами Коран, однако, понимал не только мекканских, курайшитских переселенцев, но также бедуинов и других людей, которые присоединились к Пророку со всей Аравии. Хотя мухаджиры упоминаются в Коране чаще, чем ансары, они строго ставятся на один уровень с ними (VIII 72–74, IX 100, 117), и нигде им не придаётся более высокий ранг по сравнению с ними. Бедным из мухаджиров была предоставлена доля имущества Бану ан-Надир на том основании, что они были изгнаны из своих домов и имущества, а не потому, что они стояли выше ансаров по достоинству (LIX 8–9).

Однако Коран ясно признаёт более высокую религиозную заслугу на основании раннего принятия ислама — принцип, благоприятствовавший ранним мекканским, преимущественно курайшитским, сподвижникам Мухаммада. Мусульмане, присоединившиеся к исламу после ранних мухаджиров и ансаров, которые дали им убежище, занимали более низкий религиозный ранг (VIII 74–75, LIX 8–10). «Те, кто опередил [в вере], — они и есть опередившие (*wa-l-sābiqūna l-sābiqūn*). Они — те, кто будет приближен [к Богу] в садах блаженства» (LVI 10–12).[1]

Особенно тем, кто присоединился к исламу лишь после завоевания Мекки, было ясно напомнено, что они не равны тем, кто раньше расходовал своё имущество и сражался за ислам и поэтому имеет более высокий ранг (*aʿẓam darajatan*, LVII 10). В целом считалось, что обязанность *хиджры* прекратилась с завоеванием Мекки, так что даже те мусульмане, которые впоследствии приходили присоединиться к Мухаммаду в Медине, уже не получали титула и заслуги мухаджиров.

Умар ибн аль-Хаттаб, преемник Абу Бакра, всегда выступал за строгую и безусловную поддержку дела и принципов ислама. Во времена Мухаммада он неоднократно, но безуспешно, выступал против дипломатических уступок мекканским врагам мусульман. Так, он требовал, чтобы мекканские пленники, захваченные в битве при

[1] Первенство здесь обычно понималось в хронологическом смысле, хотя стихи 13-14 в некоторой степени могли бы противоречить такому толкованию.

Бадре, были казнены, а не освобождены за выкуп. Он протестовал против компромиссного соглашения аль-Худайбийи и во время завоевания Мекки возражал против амнистии, предоставленной омейядскому вождю Абу Суфьяну, которого он хотел казнить за его ведущую роль в противодействии исламу.[2]

При Абу Бакре он возражал против войны против мусульманских племён, отказывавшихся платить налог *закят*, и против ведущего положения, предоставленного некоторым членам мекканской аристократии, таким как Халид ибн аль-Валид, поведение которого он считал несовместимым с этикой ислама, и Халид ибн Саʿид, чья верность Абу Бакру казалась сомнительной.

Став халифом, Умар, не ставя под сомнение исключительное право курайшитов на правление, установленное его предшественником, предпринял усилия для укрепления исламского характера государства путём осуществления коранических принципов и для ограничения чрезмерной власти доисламской мекканской аристократии. Он особенно опирался на два коранических принципа: принцип *sābiqa* — раннего достоинства в исламе, который, учитывая установленную прерогативу курайшитов, приносил выгоду главным образом ранним курайшитским сподвижникам Мухаммада, — и принцип *shūrā* — совещания при управлении мусульманской общиной.

Концепция *sābiqa* у Умара нашла отражение в учреждении *дивана* — армейского реестра — для распределения доходов от завоёванных территорий среди мусульман. Сообщается, что Абу Бакр давал всем мусульманам равные доли любых денежных сумм, доставляемых в Медину, которые в любом случае не могли быть очень значительными. Против этой практики Умар, как передаётся, возражал, заявляя, что он не может поставить на один уровень тех, кто сражался вместе с Пророком, и тех, кто сражался против него.[3]

Поэтому наибольшие выплаты были назначены мусульманам, участвовавшим в битве при Бадре, а тем, кто присоединился и сражался за ислам на более поздних этапах, назначались постепенно меньшие суммы. Исключения были сделаны для семьи Пророка. Его вдовы получали пенсии более чем вдвое большие, чем ветераны Бадра, а аль-Аббас, как оставшийся наследник Мухаммада, получил ту же сумму, что и вдовы. Доля внуков Мухаммада аль-Хасана и аль-Хусейна также была увеличена, очевидно в признание прав Фатимы. Им было назначено такое же содержание, как их отцу Али, чья выплата соответствовала выплате других ветеранов Бадра.[4]

Опора Умара на совещание хорошо иллюстрируется сообщением Абдаллаха ибн аль-Аббаса о путешествии халифа в Сирию в году 18/639.[5] Когда халиф и его сопровождение достигли Сарга, их встретили командующие мусульманскими армиями в

---

[2] Shoufani, *al-Riddah*, 55.
[3] *Annali*, IV, 385-386, 391.
[4] Там же, 388-427; G. Puin, *Der Diwan von 'Umar ibn al-Hattab: Ein Beitrag zur frühislamischen Verwaltungsgeschichte* (Bonn, 1970). Отвержение Каэтани сообщений о предпочтении, отдававшемся на основании родства с Пророком, как шиитских и аббасидских вымыслов, является безосновательным; см. стр. 376, 379-382, 388, 393.
[5] Табари, I, 2511-2513. Ат-Табари, опираясь на Ибн Исхака и аль-Вакиди, ошибочно относит эту экспедицию к 17/638 году. См. *Annali*, IV, 18.

Сирии и сообщили ему о серьёзности эпидемии чумы там. Умар приказал Ибн аль-Аббасу собрать для совещания ранних переселенцев (*al-muhājirīn al-awwalīn*). Когда они разошлись во мнениях относительно того, продолжать ли путь или возвращаться в Медину, Умар приказал собрать для совещания ансаров. Они также разделились во мнении, и тогда халиф велел Ибн аль-Аббасу собрать вождей курайшитов, принявших ислам после завоевания Мекки. Они единодушно рекомендовали отступить в Медину, и халиф последовал их совету.[6]

Обычно Умар ограничивался тем, что советовался с выдающимися ранними мекканскими сподвижниками. Многочисленные сообщения описывают его как человека, который спрашивал их мнение по важным политическим и правовым вопросам. Каэтани, по-видимому, был прав, предполагая, что Умар обычно удерживал их в Медине, чтобы они помогали ему и советовали ему, тогда как других, менее значительных по своему положению в исламе, он отправлял руководить военными кампаниями за пределами.[7] Его решение оставить выбор своего преемника после своей смерти избирательному собранию ранних сподвижников было продолжением его обычной практики принятия важных решений. Оно отличалось лишь тем, что окончательное слово во время его халифата всегда оставалось за ним.

Различные сообщения предполагают, что Умар сразу после вступления на престол предпринял шаги для уменьшения власти старой мекканской аристократии и для исправления некоторых несправедливостей, которые, по его мнению, были причинены мусульманам во время *ридды*. Упоминается как первое действие второго халифа смещение Халида ибн аль-Валида и назначение Абу Убайды верховным командующим мусульманских армий в Сирии. Халид, однако, безусловно не был смещён до значительно более позднего времени, и существует неопределённость относительно даты назначения Абу Убайды на высшее командование.

Согласно аз-Зухри, приказ Умара, назначавший Абу Убайду верховным командующим вместо Халида, прибыл во время битвы при Ярмуке. Однако Абу Убайда не сообщил об этом Халиду в течение двух месяцев из чувства стыда перед ним.[8] Тем не менее кажется вероятным, что Умар с самого начала больше полагался на своего личного друга Абу Убайду. Согласно другим сообщениям, он также приказал немедленно освободить

---

[6] См. также сходную процедуру, применённую 'Умаром при введении системы пенсий (*'ata'*), как она описана у аз-Зубайра ибн Баккара: *Jamharat nasab Quraysh wa-akhbariha*, изд. Mahmud Muhammad Shakir (Cairo, 1381/1961), I, 373.

[7] *Annali*, IV, 140; V, 43-44, 503. Каэтани подчёркивает, что 'Умар по этой причине удерживал сподвижников в Медине «не столько из подозрительности и ревности». Однако в других местах он противоречит этой оценке, предполагая, что 'Умар подозревал выдающихся сподвижников в нелояльности и измене, держал их под строгим наблюдением и не допускал к участию в управлении; см. V, 42-45. См. также IV, 453, где он утверждает, что 'Умар последовательно отстранял ранних мухаджиров от какой-либо доли власти, считая их своими личными врагами и, возможно, людьми, опасными для целостности исламского государства.

[8] 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 483.

арабских пленников, захваченных во время войн *ридды*, и снял ограничение на участие людей, участвовавших в ридде, в мусульманских армиях завоеваний.[9]

В долгосрочной перспективе усилия Умара по ограничению власти мекканской аристократии в пользу ранних сподвижников оказались лишь частично успешными. Халид ибн аль-Валид был лишён влияния в Сирии и не был допущен к возвращению в Ирак. Там Умар сначала поручил общее командование Абу Убайду ибн Масʿуду, человеку из племени Сакиф, который не мог претендовать на создание собственной базы власти на территориях, которые мог бы завоевать. Через год после того как Абу Убайд погиб в бою, халиф, планируя крупное наступление в Ираке, назначил раннего мекканского сподвижника Саʿда ибн Аби Ваккаса верховным командующим. Под командованием Саʿда была выиграна решающая битва при Кадисии, Месопотамия была полностью покорена, была основана Куфа и началось вторжение в Иран.

Когда Саʿд был отозван в Медину через шесть лет, мусульманская власть в Ираке уже была прочно установлена. Другие наместники Умара в Куфе, Басре и Бахрейне, а также руководители завоеваний в Иране происходили в основном из относительно скромного, некурайшитского происхождения: ʿУтба ибн Газван из племени Кайс Айлан, ранний сподвижник и союзник (*ḥalīf*) рода Бану Навфал из курайшитов, люди из племени Сакиф — аль-Мугира ибн Шуʿба, ʿУсман ибн Аби аль-ʿАс и его брат аль-Хакам, йеменец Абу Муса аль-Ашʿари, ʿАммар ибн Ясир, сын клиента (*mawlā*) махзумита Абу Хузайфы, и аль-Нуʿман ибн ʿАмр ибн Мукаррин из племени Музайна. Представители курайшитской аристократии, столь заметные в руководстве мусульманскими армиями при Абу Бакре, теперь были заметно отсутствующими.

В Сирии Умар продвинул раннего сподвижника Абу Убайду ибн аль-Джарраха на высшее командование главным образом для того, чтобы уменьшить влияние Халида ибн аль-Валида, а также в надежде удержать суфьянидов под контролем. Когда Абу Убайда, проживавший в Химсе, умер во время чумы года 18/639, халиф назначил Язида ибн Аби Суфьяна, который с 16/637 управлял Дамаском как заместитель Абу Убайды, наместником Дамаска, Иордании и Палестины, а Ийада ибн Ганма — наместником Химса, Киннасрина и Верхней Месопотамии (аль-Джазира).[10] Вскоре после этого Язид также умер от чумы, и Умар назначил его брата Муʿавию ибн Аби Суфьяна его преемником и наместником Дамаска.

Каэтани рассматривал это назначение как доказательство высокого уважения Умара к Омейядам, которым он якобы хотел особенно предоставить ведущую роль в управлении исламом.[11] Однако такое толкование едва ли разумно в свете глубоко укоренившейся

---

[9] *Annali*, III, 131-133.

[10] Согласно аз-Зухри, Абу 'Убайда назначил своими преемниками Халида ибн аль-Валида и своего двоюродного брата 'Ияда ибн Ганма. 'Умар утвердил только 'Ияда ибн Ганма. См. 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 455.

[11] *Annali*, IV, 30-31; V, 496. Каэтани предположил, что 'Умар, мекканец незнатного происхождения, мог благоволить Омейядам, курайшитской аристократии, из снобизма, однако он, несомненно, признавал в них качества, которых не находил в других, и считал их полезными для укрепления мусульманской общины; см. там же, VII, 5. Ламменс, менее убеждённый в дальновидности 'Умара, замечал по поводу этой

неприязни Умара к мекканской аристократии и бывшим противникам Мухаммада. Вероятно, у Умара в то время не было большого выбора. Единственным серьёзным соперником Муʿавии за руководство в Сирии после смерти столь многих командиров был, вероятно, как отмечал Каэтани, Амр ибн аль-Ас.[12] Однако Амр, вероятно, уже получил одобрение Умара на вторжение в Египет. Очевидно, не было подходящего времени отправлять из Медины сподвижника высокого положения, пока не стало ясно, что чума прекратилась.

Ещё одним соображением в выборе Умара в пользу суфьянида Муʿавии могла быть сила и высокие притязания йеменского, особенно химьяритского, элемента среди арабских завоевателей. Эти йеменцы присоединились к мусульманской армии, не скрывая своих стремлений создать химьяритское царство под руководством своего вождя Зу-ль-Калаʿ Самайфа ибн Накура, которого они называли «царём Химьяра», оспаривая притязание курайшитов на правление империей ислама. Зу-ль-Калаʿ надеялся получить контроль над Дамаском, где приобрёл много собственности, однако вместо этого он был вынужден поселиться вместе со своими сторонниками в Химсе, тогда как Омейяды укрепились в Дамаске.[13]

Вторжение в Египет было предпринято Амром ибн аль-Ас, у которого там были старые торговые интересы, возможно в первую очередь по его собственной инициативе. Однако трудно представить, что он мог бы действовать без разрешения халифа, как предполагают некоторые источники. Узнав о успешном продвижении Амра, Умар поспешил отправить сильное подкрепление под командованием раннего сподвижника аз-Зубайра. Его выбор человека столь высокого положения ясно отражал его намерение ограничить самостоятельность Амра.[14] Позднее Умар конфисковал часть богатств, которые Амр накопил во время завоевания, в унизительной для завоевателя Египта форме.[15] Тем не менее он оставил его наместником до конца своего халифата.

Именно Муʿавия, при поддержке Амра ибн аль-Аса, положил окончательный конец правлению ранних сподвижников, как его задумывал Умар, и установил вместо него династическое правление старой мекканской аристократии.

Жизненно важным для замысла Умара о коллективной власти ранних сподвижников было хотя бы символическое участие Али. Умар приложил все усилия, чтобы добиться примирения с Бану Хашим, не ставя под сомнение основное право всех курайшитов на халифат. Поэтому он в основном обращался с Али так же, как с другими ранними сподвижниками. Своё расположение к родне Пророка он проявлял скорее в заигрывании с

интерпретации, что 'Умар, вероятно, был вынужден предоставить Омейядам некоторые должности, чтобы сохранить внутренний мир и обезоружить оппозицию. Возможно, между 'Умаром и Абу Суфьяном действительно существовало тайное соглашение; этим можно было бы объяснить, почему 'Умар никогда не пытался сместить Му'авию с его наместничества; см. *Annali*, VII, *Correzioni ed aggiunte*, liii.

[12] *Annali*, V, 496.

[13] См. Madelung, “Apocalyptic Prophecies in Hims in the Umayyad Age”, *Journal of Semitic Studies*, 30 (1986), 141-185, особенно 141-142, 183-184.

[14] *Annali*, IV, 105.

[15] Там же, 618-623.

аль-Аббасом, который после смерти Фатимы был ближайшим родственником Мухаммада, но не представлял политической угрозы, поскольку не принадлежал к ранним сподвижникам и не имел личных политических притязаний.

Умар также приблизил к себе Абдаллаха ибн аль-Аббаса, который был слишком молод, чтобы представлять политическую угрозу. Ибн аль-Аббас был тесно связан с Умаром с начала и до конца его халифата и оставил наиболее показательные сообщения о частных мыслях халифа.

Что касается наследства Мухаммада, Умар сделал осторожную уступку Бану Хашим. По словам Айши, он передал владения Мухаммада в Медине аль-Аббасу и Али как вакф для управления ими, удержав при этом долю Пророка в Хайбаре и Фадаке. Он утверждал, что последние два имущества, очевидно в отличие от первых, были лишь предоставлены Пророку для пользования для его личных нужд и в чрезвычайных обстоятельствах и после него находятся в распоряжении правителя того времени.[16]

Али, по словам Айши, вскоре присвоил себе права аль-Аббаса в отношении владений Мухаммада в Медине.[17]

Малик ибн Аус ибн Хадасан из Бану Наср племени Хавазин передал о заседании, на котором он сам присутствовал и на котором спор между аль-Аббасом и Али был представлен на рассмотрение халифа. Сначала были допущены ранние сподвижники — Усман**,** Абд ар-Рахман ибн Ауф**,** аз-Зубайр и Са'д ибн Аби Ваккас[18], затем — аль-Аббас и Али. Аль-Аббас попросил халифа рассудить между ним и его племянником в споре об имуществе Пророка из владений Бану ан-Надир, и оба начали осыпать друг друга оскорблениями.[19]

Побуждаемый группой ранних сподвижников вынести решение, Умар сначала обратился к ним с вопросом, знают ли они все, что Пророк сказал: «Мы не оставляем наследников, всё, что мы оставляем, есть милостыня», — подразумевая под «мы» самого себя. Признание высказывания Мухаммада, отрицавшего право его семьи на наследование, очевидно, стало своего рода присягой на верность халифату, и все ответили утвердительно. Затем Умар задал тот же вопрос Али и аль-Аббасу, и они также признали, что Пророк это сказал.

Тогда Умар процитировал суру LIX 6, указав, что Бог даровал *фай'* [добычу, полученную без сражения] Бану ан-Надир одному лишь Посланнику, который распределял доход от него по своему усмотрению. Он обеспечивал своей семье их годовое содержание, а остаток употреблял на дело Божие. Абу Бакр после своего вступления во власть удержал это имущество и точно следовал в этом поведению Пророка, и Умар поступал так же в течение первых двух лет своего правления. Затем к нему пришли аль-Аббас и Али: первый

---

[16] Бухари, *Sahih*, Khums 2; Ибн Ханбал, *Musnad*, I, 6.

[17] См. также экскурс 2 в настоящем томе. Ибн Ханбал, *Musnad*, I, 6.

[18] Согласно другой версии, присутствовал также Тальха. См. Ибн Хаджар, *Fath al-bari* (Cairo, 1319-1329/[1901-1911]), VI, 125.

[19] Там же. Согласно одной версии, аль-'Аббас назвал 'Али «этим лжецом, грешником, предателем и обманщиком» (*hadha l-kadhib al-athim al-ghadir al-kha'in*).

просил свою долю в наследстве своего племянника, второй — долю своей жены в наследстве её отца. Умар напомнил им слова Пророка: «Мы не оставляем наследников, всё, что мы оставляем, есть милостыня».[20]

Однако затем он согласился передать им эти владения при условии, что они будут управлять ими в точности так же, как это делали Пророк, Абу Бакр и он сам. Теперь же они просили у него иного решения относительно них, но он никогда не согласится ни на что иное. Если они не в состоянии это исполнять, они должны вернуть их ему.[21]

Это сообщение, изображающее аль-Аббаса и Али в самом отрицательном свете, явно отражает антихашимитские настроения омейядского суннизма и, возможно, не вполне надёжно в деталях. Однако по существу оно, вероятно, верно передаёт позицию Умара. Халиф понимал опасность даже частичного отступления от решения Абу Бакра относительно наследства Мухаммада и позаботился о том, чтобы каждый «знал» слова Пророка. Его собственное решение относительно владений Мухаммада в Медине не означало, что он передал их аль-Аббасу и Али как частную собственность. Напротив, они должны были управлять ими на благо мусульманской общины так, как это делал Мухаммад. В подтверждение своей позиции он процитировал суру LIX 6, где Пророк упоминался как единственный получатель фай' от Бану ан-Надир. Он не процитировал следующий аят LIX 7, касающийся фай' «жителей селений» (*ahl al-qurā*), где определялась доля для родни Пророка. Эту долю, как он, очевидно, считал, следовало относить лишь к доходу от фай' Хайбара и Фадака, тогда как сама земля после смерти Мухаммада становилась государственной собственностью.

О земле *фай'* Хайбара передаётся со слов Джубайра ибн Мут'има, что Мухаммад выделил часть её [то есть часть её дохода] Бану Хашим и Бану аль-Мутталиб, исключив Бану Абд Шамс и Бану Науфаль, к которым принадлежал сам Джубайр. Абу Бакр распределял этот доход[22] так, как это делал Пророк, но не давал доли родне Пророка. Умар же и те, кто был после него, выделяли им долю[23]. Под этим Джубайр ибн Мут'им, очевидно, имел в виду предпочтение, оказанное Бану Хашим в выплатах из армейского реестра (*divān*). Умар превратил значительную часть земель, завоёванных во время его правления, в *фай'*, уже в смысле общинной собственности, и использовал доход от них для выплаты жалований и пенсий мусульманским воинам. Поскольку Бану Хашим были поставлены первыми в диване, можно было считать, что они восстановлены в своём надлежащем положении как родня Пророка, имеющая право на особую долю из фай'. В

---

[20] В версии, приведённой Муслимом, 'Умар обвинил 'Али и аль-'Аббаса в том, что они считали и Абу Бакра, и 'Умара за их действия «лжецом, грешником, предателем и обманщиком». 'Умар настаивал, что Абу Бакр во всех отношениях был полной противоположностью этому описанию

[21] Бухари, *Sahih*, Khums 1; Муслим, *Sahih*, Jihad 49; 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 469-471. Дальнейшие ссылки см. у A. J. Wensinck, *Concordance et indices de la tradition musulmane* (Leiden, 1936-1988), указатель, s.v. Malik b. Aws.

[22] Во всём сообщении используется термин *khums*. Из контекста ясно, что имеется в виду доход с земель *fay'*.

[23] Абу Давуд, *Sunan* (Cairo, 1292/[1875]), XIX, 20; аль-Макризи, *al-Niza' wa l-takhasum fima bayn Bani Umayya wa-Bani Hashim*, изд. G. Vos, *Die Kämpfe und Streitigkeiten zwischen den Banu Umajja und den Banu Hasim* (Leiden, 1888), 22.

действительности же только жёны Мухаммада, аль-Аббас, два внука Пророка и Усама, сын вольноотпущенника и приёмного сына Мухаммада Зайда ибн Харисы[24], получили более крупные доли, чем им иначе полагалось. Таким образом, выплаты из фай' были использованы, чтобы возместить утрату права наследования. Али, не считавшийся главным наследником, получал лишь то содержание, которое ему полагалось как ветерану Бадра, и с прочими Бану Хашим и Бану аль-Мутталиб, несомненно, поступали так же. Поэтому сторонники халифата могли чувствовать, как это предполагается в сообщении Джубайра ибн Мут'има, что с роднёй Пророка обошлись справедливо, в соответствии с их кораническим правом на долю из фай', однако большинство из них всё же считало себя лишёнными тех выгод, которыми они пользовались при Мухаммаде.

Что касается пятой части движимой военной добычи, Абдаллах ибн аль-Аббас сообщал, что кораническая доля родни Пророка после смерти Мухаммада им более не распределялась. Тогда Умар предложил Бану Хашим покрывать из этой пятой части их браки, долги и содержание слуг. Однако Бану Хашим отвергли это предложение, если только вся сумма их доли не будет передана им полностью. На это халиф не согласился. В ответе на письмо хариджитского вождя Наджды ибн Амира Ибн аль-Аббас не оставил сомнения в том, что он всё ещё считал Бану Хашим имеющими право на эту долю из пятой части добычи.[25]

Своими шагами навстречу Бану Хашим Умар, очевидно, надеялся примирить их с мусульманской общиной и её новым халифским порядком, не наделяя их чрезмерной экономической и политической властью. Заискивание перед аль-Аббасом и его сыном Абдаллахом, ни один из которых не мог представлять серьёзной политической угрозы из-за их сравнительно низкого положения с точки зрения *sābiqa* [раннего первенства в исламе], по-видимому, хорошо служило этой цели. Поэтому аль-Аббасу была назначена самая большая пенсия после жён Мухаммада. Во время засухи 18/639 года Умар почтил его тем, что выдвинул его вперёд в обрядовой молитве о дожде (istisqā'), тем самым добиваясь Божьей милости через благословение дяди Пророка.[26] По-видимому, аль-Аббас имел доступ к слуху халифа как советник — не среди ранних сподвижников, а среди вождей курайшитов.[27] Оценка Сайфа ибн Умара, что при Умаре люди, желавшие узнать намерения халифа, сначала обращались к Абд ар-Рахману ибн Ауфу или Усману, а после них — к аль-Аббасу[28], может быть верной. Аль-Аббас находился в таком положении, что мог протестовать против приказа Умара снести несколько домов, в том числе его собственный, против воли их владельцев ради расширения святилища в Мекке.[29] В Медине он успешно

[24] См. Абу Юсуф, *Kitab al-Kharaj* (Cairo, 1352/[1933]), 25.
[25] Там же, 11-12.
[26] *Annali*, IV, 14-17; V, 123.
[27] См. там же, III, 250, 253.
[28] Табари, II, 2212-2213; *Annali*, III, 279.
[29] Йа'куби, *Ta'rikh*, II, 170; *Annali*, III, 961-962.

воспротивился желанию Умара включить его дом в расширение мечети, но затем добровольно уступил его мусульманской общине.[30]

Аль-Масуди приводит сообщение, приписываемое Абдаллаху ибн аль-Аббасу, согласно которому Умар однажды предложил ему наместничество в Химсе после смерти предыдущего наместника. При этом халиф выразил некоторую неуверенность и опасение относительно уместности такого назначения и спросил Ибн аль-Аббаса о его собственном мнении относительно такой должности. Когда тот потребовал сначала разъяснить, в чём состоят оговорки халифа, Умар объяснил, что боится: люди могут возразить ему, что эту должность следует давать не родне Мухаммада, поскольку сам Мухаммад обычно выбирал своих должностных лиц из других и избегал назначать своих родственников. Умар продолжал, что он не знает, поступал ли Мухаммад так потому, что считал их выше занятия должностей (*danna bi-kum 'an al-'amal*) — а они, добавил Умар, были достойны такого уважения, — или же потому, что Пророк опасался, как бы они не злоупотребили своим положением и не подверглись упрёку, ибо упрёк при государственной должности неизбежен. После этого ответа Ибн аль-Аббас отказался занимать какую-либо должность при Умаре и посоветовал ему назначить кого-нибудь «кто будет надёжен для тебя и кому ты будешь надёжен» (*tasta'milu sālihan minka sālihan laka*).[31]

Несмотря на литературную отделку этого сообщения, его сущность вполне может быть достоверной и верно отражать двойственность позиции Умара. Умар хотел бы полностью включить Бану Хашим в мусульманскую общину, а более конкретно — в среду курайшитов, правящий класс. При продолжающейся неуступчивости Али назначение Абдаллаха ибн аль-Аббаса на наместничество в одном отношении могло представляться Умару политическим успехом. По той же причине Ибн аль-Аббас, возможно, в основе своей колебался принять этот пост, чтобы не нарушить единства с Али и Бану Хашим. Однако опасение Умара, что могут возникнуть возражения против назначения хашимита на высокий пост, могло быть вполне обоснованным. Его упоминание о том, что Мухаммад не назначал своих родственников на должности, и его размышление о причинах этого может указывать на то, что в действительности он надеялся, что Ибн аль-Аббас откажется.[32]

Отношения Умара с Али были более трудными. Ибн Аби Тахир Тайфур в своей *Ta'rīkh Baghdad* приводит сообщение Абдаллаха ибн аль-Аббаса о разговоре, который тот имел с халифом в начале его правления. Умар спросил его о его двоюродном брате и о том, не продолжает ли тот всё ещё питать притязания на халифат. Когда Ибн аль-Аббас ответил утвердительно, он спросил, утверждает ли тот, что Пророк назначил его [прямо указал на него] (*nassa 'alayh*). Ибн аль-Аббас ответил: да, добавив, что он спросил своего отца о

---

[30] Ибн Са'д, *Tabaqat*, IV/1, 13-14; *Annali*, III, 966-967.

[31] Аль-Мас'уди, *Muruj al-dhahab*, изд. C. Pellat (Beirut, 1968-1979), III, 65-66; *Annali*, V, 158

[32] Каэтани считал это сообщение в значительной степени апокрифическим и выражающим критику аббасидской практики назначения членов правящей семьи на самые высокие и прибыльные должности. Он полагал, что 'Умар, подобно Мухаммаду, не доверял родственникам последнего государственных должностей, поскольку оба считали их неспособными. Аль-Мас'уди, известный проаббасидский историк, тенденциозно пытался доказать, что не 'Умар отстранял Аббасидов от государственных постов, а сами Аббасиды отказывались принимать их из чувства деликатности вопроса; см. *Annali*, V, 149.

достоверности этого утверждения, и аль-Аббас подтвердил это. Умар заметил, что у Пророка были некоторые слова относительно Али, однако они не являлись решающим доказательством. Пророк некоторое время обдумывал (*yarba'u*) это дело, и во время своей болезни намеревался ясно назвать его, но он, Умар, удержал его от этого из заботы о деле ислама и ради его защиты. Курайшиты никогда не согласились бы с таким порядком. Если бы Али принял халифат, арабы повсюду восстали бы против него. Пророк, добавил Умар, понял, каковы его побуждения, и потому промолчал. Бог не допустил ничего, кроме Своего предопределения.[33]

Хотя Умар и сознавал, что Али не вполне отказался от своих притязаний на власть как глава родни Мухаммада, тем самым угрожая халифату курайшитов, он стремился привлечь двоюродного брата Пророка ближе к себе внутри совета ранних сподвижников. Он регулярно советовался с ним вместе с другими ранними сподвижниками и настоял на браке с дочерью Али Умм Кульсум, внучкой Пророка. Последняя, бывшая в то время ещё ребёнком, сопротивлялась, предположительно зная о суровом обращении Умара с женщинами. Сам Али также не хотел этого, но в конце концов уступил после того, как халиф заручился публичной поддержкой мухаджиров и ансаров в своём требовании.[34] Али, однако, обратился к Умару с просьбой о земельном пожаловании в Янбу', близ Джабаль Радва. Халиф даровал ему его[35], и позднее эта земля оставалась во владении потомков аль-Хасана.[36]

Несмотря на шаги Умара навстречу, между этими двумя людьми сохранялась дистанция. Абдаллах ибн аль-Аббас передал, что в одном из путешествий Умар спросил его, почему Али не хочет присоединиться к ним.[37] Когда Ибн аль-Аббас сделал вид, что не знает, халиф продолжал: «О Ибн аль-Аббас, твой отец — дядя Посланника Бога по отцу, а ты — его двоюродный брат. Что отвратило твой народ [*qawmakum*, то есть курайшитов] от вас [мн. ч.]?» Ибн аль-Аббас снова ответил, что не знает. Тогда Умар объяснил, что курайшиты не хотели, чтобы родня Мухаммада правила, поскольку им было тягостно видеть пророчество и халифат соединёнными в одной семье, чтобы она не стала надменной. «Быть может, вы [мн. ч.] говорите, что это установил Абу Бакр. Нет, клянусь Богом, Абу Бакр, напротив, сделал самое благоразумное из того, что было для него возможно. Если бы

---

[33] Ибн Аби-ль-Хадид, *Sharh*, XII, 20-21. Ибн Аби-ль-Хадид не приводит полного *иснада*, который, по его словам, был указан Ибн Аби Тахиром.

[34] Ибн Са'д, *Tabaqat*, VIII, 339-340; *Annali*, III, 968-969.

[35] Яхья ибн Адам, *al-Kharaj*, изд. T. W. Juynboll, *Le livre de l'impôt foncier de Yahya Ibn Adam* (Leiden, 1895), 57; Балазури, *Futuh*, 14.

[36] Йакут, *Mu'jam al-buldan*, изд. F. Wüstenfeld (Leipzig, 1866-1873), s.v. Yanbu'; Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, *Kitab al-Aghani* [Bulaq, 1285/1868], далее *Aghani*, XIX, 161. Согласно Джа'фару ас-Садику, 'Али ранее получил от Мухаммада земельные пожалования в двух Фукайрах, у Би'р Кайс и у аш-Шаджары. См. Балазури, *Futuh*, 14. Яхья ибн Адам, *Kharaj*, 57, упоминает только Би'р Кайс и аш-Шаджару.

[37] См. также *Aghani*, IX, 146 (*Annali*, V, 142-143), где приводятся слова 'Умара, жалующегося 'Абд Аллаху ибн аль-'Аббасу на отсутствие 'Али, когда он отправлялся в аль-Джабию. Ибн аль-'Аббас заверил халифа, что оправдания, приведённые 'Али, были действительными.

он передал халифат вам, это не принесло бы вам пользы ввиду вашей близости [к Пророку]».[38]

Слова Умара, очевидно, были обращены как наставление для Али не меньше, чем для Ибн аль-Аббаса. Али не мог надеяться приобрести халифат на основании своего родства с Мухаммадом, поскольку курайшиты не допустили бы соединения пророчества и халифата в одном и том же клане. Не переворот Абу Бакра и Умара в Сакифе Бану Са'ида воспрепятствовал преемству Али, а глубокая ревность курайшитов. Единственный шанс для Али участвовать в правлении мусульманской общиной состоял в том, чтобы полностью сотрудничать в совещательном собрании ранних курайшитских сподвижников, которое учредил Умар. В другом случае, рассказывал Ибн аль-Аббас, Умар заметил ему, что его товарищ (*sāhibuka*), Али, в самом деле наиболее достоин (*awlā*) из людей править после Посланника Божия, «но мы опасались его по двум причинам». Когда Ибн аль-Аббас с жаром спросил его, что это были за причины, он назвал его молодость и его любовь к Бану Абд аль-Мутталиб.[39]

Надежды Умара на то, что он сможет удержать устремления Али и его сторонников в известных пределах, под конец его правления были грубо разрушены происшествием, о котором сообщил Ибн аль-Аббас и которое вызвало обращение халифа о событиях в Сакифе Бану Са'ида. В этом обращении он вновь подтвердил свою веру в принцип совещания как основу преемства халифата и осудил всякую будущую попытку решить этот вопрос без *mashwara* среди мусульман. Халифат принадлежал всем курайшитам и не мог быть монополизирован какой-либо отдельной семьёй. Менее чем через две недели после этого халиф был поражён своим убийцей.

Решимость халифа оставить выбор своего преемника *шуре* из наиболее выдающихся ранних сподвижников, несомненно, была твёрдой задолго до того, как он был смертельно ранен Абу Лу'лу'ой, персидским рабом аль-Мугиры ибн Шу'бы, даже если он, как обычно утверждает историческая традиция, выбрал её членов и определил их задачу лишь на смертном одре.[40] Различные сообщения, в которых приводятся слова Умара о том, что он назначил бы Абу Убайду ибн аль-Джарраха, или Салима, вольноотпущенника Абу Хузайфы, или мединского сподвижника Му'аза ибн Джабаля из Хазраджа, если бы кто-нибудь из них был жив,[41] должны приниматься с осторожностью. Даже если он когда-либо действительно делал подобные заявления, они, вероятно, были не более чем гиперболической данью памяти его умершим друзьям. Абу Убайда, несомненно, был бы

---

[38] Табари, I, 2768-2769. Второй рассказ, приведённый ат-Табари (там же, 2769-2771), переданный Ибн Исхаком и изображающий Ибн аль-'Аббаса смелым и хвастливым защитником прав своей семьи перед 'Умаром, вероятно, основан на первом. Едва ли он восходит либо к самому Ибн аль-'Аббасу, либо к 'Икриме, названному его передатчиком. См. также сообщение Ибн аль-'Аббаса, приведённое аль-Джавхари в *Kitab al-Saqifa* со слов 'Умара ибн Шаббы у Ибн Аби-ль-Хадида, *Sharh*, II, 57-58.

[39] Аль-Джавхари, *Kitab al-Saqifa*, цитируя 'Умара ибн Шаббу; Ибн Аби-ль-Хадид, *Sharh*, II, 57; VI, 50-51.

[40] Существуют, однако, сообщения о том, что 'Умар назвал избирательный комитет из шести человек в пятничной проповеди. См. Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 242-243; Ибн Шабба, *Ta'rikh al-Madina*, 889; *Annali*, V, 38; аль-Балазури, *Ansab al-ashraf*, V, изд. S. D. F. Goitein (Jerusalem, 1936), 15-16, 18.

[41] *Annali*, IV, 134; V, 64, 80; Ибн Шабба, *Ta'rikh al-Madina*, 881, 886-887.

включён в любую *шуру*. Салим, как отметил Каэтани,[42] не был бы принят курайшитами, поскольку был их вольноотпущенником и явно исключался из халифата в том его понимании, которое было у Абу Бакра. Му'аз ибн Джабаль точно так же был бы неприемлем как некурайшит. Сам Умар никогда не рассматривал никого из своих родственников в качестве преемника. Имеются сообщения, что он гневно отверг предложения назначить своего старшего сына, Абдаллаха, заметив, что тот не способен даже развестись со своей женой.[43]

Каэтани утверждал, что Умар вовсе не назначал знаменитую *шуру*, но что избирательный совет, напротив, составился сам после смерти халифа, предположительно на основе их прежней деятельности по советованию ему. Считая, что некоторые из его членов, в частности Али, аз-Зубайр и Тальха, в действительности были подстрекателями убийства Умара и что Умар, вероятнее всего, сознавал их соучастие, он доказывал, что халиф не мог их выбрать.[44] Тот факт, что убийство произошло столь скоро после предупреждения Умара против «клана, который хочет вырвать власть у народа», может усилить впечатление заговора, в который был вовлечён Али.

Однако гипотеза Каэтани о заговоре ранних сподвижников с целью убить Умара не имеет прочного основания в источниках. Слепые акты мести, совершённые сыном Умара Убайдаллахом, которые Каэтани рассматривал как доказательство, скорее походили на действия безумца, а не человека, обладавшего внутренним знанием. То, что, как сообщается, Убайдаллаха подстрекала дочь Умара Хафса[45], не придаёт достоверности основательности его побуждений. После того как Абу Лу'лу'а был убит или покончил с собой сразу после своего преступления, Убайдаллах убил не только аль-Хурмузана, персидского военачальника, который принял ислам и стал советником Умара по персидским делам, но также и христианина Джуфайну[46] и юную дочь убийцы. Убийство Джуфайны и аль-Хурмузана было вызвано исключительно заявлением либо Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, либо Абд ар-Рахмана ибн Аби Бакра о том, что они видели их вместе с орудием убийства у них в руках. Когда Убайдаллах был схвачен, он угрожал убить всех иностранных пленников в Медине и некоторых неназванных мухаджиров и ансаров. То, что он имел в виду в особенности Али, вполне вероятно, учитывая недавнее предупреждение Умара против его притязаний и притязаний его клана. Несмотря, однако, на сообщение о ноже Абу Лу'лу'ы, поступок Убайдаллаха обычно признавался убийством и не защищался как акт законной мести. Халиф Усман даровал ему помилование на том основании, что было бы чрезмерной суровостью пролить его кровь сразу после того, как был убит его отец. Али,

---

[42] *Annali*, V, 86.
[43] Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 248; Балазури, *Ansab*, V, 17; Ибн Шабба, *Ta'rikh al-Madina*, 923; Табари, I, 2777.
[44] *Annali*, V, 40-51. G. Levi della Vida, который в своей статье о 'Умаре в *EI* в целом близко следовал интерпретациям Каэтани, отверг его теорию заговора мухаджиров с целью убийства халифа. Однако он склонялся к мнению, что 'Умар не назначал избирательный совет для определения своего преемника и что, если бы он остался жив, он сделал бы собственный выбор.
[45] *Annali*, V, 70.
[46] Джуфайна был христианином из аль-Хиры; Са'д ибн Аби Ваккас привёз его в Медину, чтобы он обучал его детей и других чтению и арифметике; см. Балазури, *Ansab*, II, 294.

среди прочих, решительно протестовал против этого акта милосердия и угрожал, что применит к Убайдаллаху законное наказание за убийство, если когда-нибудь окажется в состоянии это сделать.

Нет никаких свидетельств о каких-либо связях между Абу Лу'лу'ой и теми сподвижниками, которых Каэтани подозревал в заговоре с целью убийства Умара. Если бы существовали серьёзные подозрения в каком-либо соучастии со стороны Али, позднейшая омейядская пропаганда, несомненно, воспользовалась бы ими, точно так же как обвиняла его в убийстве Усмана.[47] Наряду с Али, Тальхой и аз-Зубайром, Каэтани назвал среди заговорщиков Мухаммада, сына Абу Бакра, и предположил, что, возможно, были также вовлечены аль-Аббас и его сын Абдаллах.[48] Это была, как он предполагал, вероятно, та же самая клика, которая позднее стояла за убийством Усмана.[49] Теория заговора ранних сподвижников с целью убийства и Умара, и Усмана соответствует основному взгляду Каэтани, согласно которому Умар, как фактический правитель со времени смерти Мухаммада, дал полную свободу старой мекканской аристократии и, став халифом, способствовал возвышению Омейядов, чьё политическое чутьё он ценил в отличие от мелочной ревности и тёмных честолюбий большинства ранних сподвижников.

Рассказы о заседаниях и ходе действий избирательного совета, избравшего Усмана, отчасти противоречивы и легендарны.[50] Однако некоторые стороны могут быть установлены с достаточной степенью достоверности. Совет в действительности состоял из

---

[47] В одном из своих писем аль-Джахиз отвечал человеку, спросившему его об обвинениях некоторых людей в том, что 'Али отравил Абу Бакра, подстрекал Абу Лу'лу'а к убийству 'Умара и открыто выступал против 'Усмана, пока тот не был убит. Аль-Джахиз, в присущей ему манере, утверждал, что об этом сообщали крайние шииты (*rawafid*), которые восхваляли 'Али за это и причисляли это к его достоинствам; см. Ибн Бакр, Мухаммад ибн Яхья, *al-Tamhid wa l-bayan fi maqtal al-shahid 'Uthman*, изд. Mahmud Yusuf Zayid (Beirut, 1963), 179-181. Это утверждение, вероятно, является лишь антишиитской клеветой. Однако обвинение против 'Али, должно быть, исходило из неясных проомейядских кругов и не отражало официальной линии омейядской пропаганды.

[48] *Annali*, V, 44.

[49] Там же, 42.

[50] Главным сообщением очевидца было сообщение аль-Мисвара ибн Махрамы аз-Зухри, племянника 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа по материнской линии; он был вовлечён в эти события через своего дядю. Его первоначальное сообщение не сохранилось. Ат-Табари (I, 2722-2726, 2788-2797) приводит его версию, переданную 'Абд аль-'Азизом ибн Аби Сабитом (ум. 179/795), потомком 'Абд ар-Рахмана, который описывается как специалист по генеалогии и поэзии, но ненадёжный в хадисах. По словам 'Умара ибн Шаббы, его книги были сожжены, и он передавал по памяти; см. Ибн Хаджар, *Tahdhib*, VI, 350-351. Это может объяснять некоторые легендарные элементы и литературный характер сообщения. Однако по существу оно кажется достоверным. Куфийские сообщения, приведённые Ибн Исхаком, которые Н. Эбботт издала по папирусу и описала как беспристрастные (*Studies in Arabic Literary Papyri*, Chicago, 1957, I, 80-99), по веским основаниям были признаны антиомейядским вымыслом H. A. R. Gibb'ом; см. рецензию в *Journal of Near Eastern Studies*, 17 (1958), 214, и M. J. Kister, "Notes on an Account of the Shura appointed by 'Umar b. al-Khattab", *JSS*, 9 (1964), 320-326. Согласно этим и родственным сообщениям, 'Умар перед смертью выразил сожаление, что назначил Му'авию наместником, и обвинил 'Амра ибн аль-'Аса в том, что тот поощрял надежды Му'авии на халифат, на который тот, как освобождённый пленник времён мусульманского завоевания Мекки (*taliq*), не мог претендовать. Хотя такие сообщения явно были придуманы задним числом, в свете более поздних событий, выраженное в них утверждение, что 'Умар считал всех бывших врагов ислама, включая Му'авию и 'Амра ибн аль-'Аса, непригодными для халифата, тем не менее хорошо обосновано ввиду их полного исключения из его избирательного совета.

пяти членов: Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, Са'да ибн Аби Ваккаса, Усмана, Али и аз-Зубайра. Шестой, Тальха, возвратился в Медину лишь после избрания Усмана. Са'д формально действовал как его представитель. Важная роль в решении в пользу Усмана выпала на долю шурина последнего — Абд ар-Рахмана ибн Ауфа.[51] Абд ар-Рахман был тем сподвижником, который после смерти Абу Убайды стоял ближе всех к Умару, и халиф часто полагался на его мнение.[52] Если достоверно сообщение внука Умара, Салима ибн Абдаллаха, то Умар считал Абд ар-Рахмана, Усмана и Али серьёзными кандидатами на халифат и поочерёдно предостерегал каждого из них не давать воли своим родственникам, если он будет избран.[53] Упоминая Абд ар-Рахмана как того, к кому Умар обратился первым, сообщение, возможно, хочет показать, что халиф предпочёл бы его своим преемником. И действительно, вполне вероятно, что Умар более всего доверял Абд ар-Рахману из этих троих, а Али — менее всего. Однако Абд ар-Рахман не стремился к верховной власти и вывел себя из состязания в обмен на признание за ним роли арбитра между кандидатами. Поскольку аз-Зубайр и Са'д также не настаивали ни на своих собственных притязаниях, ни на притязании Тальхи,[54] остались только Усман и Али. Али с последовательной настойчивостью отстаивал своё собственное дело как ближайший родственник Пророка, тогда как Усман поддерживал свою кандидатуру пассивно. Помимо отдельных бесед с каждым из выборщиков, Абд ар-Рахман по ночам советовался с вождями курайшитов и получил сильную поддержку в пользу Усмана. При наличии такого кандидата Бану Абд Шамс уже не могли чувствовать за собой никакой обязанности поддерживать своего более отдалённого родственника Али. Махзум также поддержал Усмана против двоюродного брата Пророка. Вождь махзумитов Абдаллах ибн Аби Раби'а, наместник аль-Джанада, предупредил Абд ар-Рахмана ибн Ауфа: «Если ты присягнёшь Али, мы услышим и ослушаемся, но если ты присягнёшь Усману, мы услышим и повинуемся. Так бойся же Бога, ибн Ауф».[55]

В избирательном совете Али фактически не имел поддержки. Сообщается, что и Усман, и Али изъявляли предпочтение другому, если сами не будут избраны. Согласно некоторым сообщениям, Али удалось убедить Са'да перенести свою поддержку с Усмана на него самого. Однако это было в лучшем случае слабой поддержкой. Более показательно для силы настроения в пользу Усмана то, что аз-Зубайр, двоюродный брат Али по матери, который поддерживал его после смерти Мухаммада, теперь сделал выбор в пользу Усмана. Таким образом, Абд ар-Рахман имел убедительный мандат решить дело в пользу

---

[51] 'Абд ар-Рахман был женат на Умм Кульсум, дочери 'Укбы ибн Аби Му'айта, единокровной сестре 'Усмана; см. Балазури, *Ansab*, V, 19.

[52] Утверждение Каэтани, основанное на сообщении у ат-Табари, I, 2746, строки 8-13, будто 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф был одним из самых ожесточённых противников 'Умара (*Annali*, V, 486; см. также III, 702), непонятно. Это сообщение, напротив, показывает, что люди искали заступничества 'Абд ар-Рахмана перед халифом, потому что знали, что он имел на него значительное влияние.

[53] Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 249-250; *Annali*, V, 65; 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 480-481.

[54] Аз-Зубайр, по-видимому, не отказался сразу, в отличие от Са'да, который последовал примеру 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа; см. Табари, I, 2792.

[55] Балазури, *Ansab*, V, 19; Табари, I, 2785; Abbott, *Arabic Literary Papyri*, I, 81, 85. 'Абд Аллах ибн Аби Раби'а был наместником аль-Джанада при 'Умаре и был вновь назначен 'Усманом; см. *Aghani*, I, 32.

последнего. Однако он объявил своё решение лишь во время публичного собрания в мечети в присутствии двух кандидатов, тем самым оказывая сильное давление на проигравшего, Али, чтобы тот немедленно принес присягу. Али подчинился неохотно.

Хотя Умар, должно быть, был обеспокоен возможностью того, что Али станет халифом, нет никаких свидетельств, что он пытался прямо воздействовать на избирательный процесс против него. Его недавнее предупреждение, сделанное в присутствии Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, против притязаний Бану Хашим отстаивать своё исключительное право на халифат, несомненно, способствовало сокрушительному поражению Али. Хотя это предупреждение, по-видимому, не было повторено в его публичном обращении, оно, без сомнения, стало общеизвестным и вместе с убийством халифа вскоре после этого исключило всякий компромисс между сторонниками халифата курайшитов и Али, который в противном случае, возможно, был бы возможен. Абд ар-Рахман ибн Ауф вполне сознавал чувства Умара. Возможно, он снял собственную кандидатуру, чтобы получить решающий голос и таким образом оказаться в положении, позволяющем пресечь притязания Али. Но, по-видимому, это была его собственная спонтанная инициатива, а не заранее подготовленный манёвр, подсказанный халифом.[56]

Абдаллах ибн аль-Аббас рассказывал историю разговора, который у него был с Умаром, в котором последний выражал свою озабоченность относительно подходящего преемства. Ибн аль-Аббас расспрашивал его о его мнении о каждом из шести человек, которым предстояло стать членами избирательного совета, но халиф высказывал серьёзные оговорки относительно каждого из них. Этот рассказ, безусловно, является литературным вымыслом, и ответы, приписываемые Умару, в известной степени отражают взгляд более поздней эпохи задним числом. Тем не менее они, возможно, недалеки от личных взглядов Умара.[57] Об Али Умар сказал, что тот достоин (*ahl*) халифата, но что в нём есть некоторая легковесность (*du'āba*) и что он, по мнению Умара, «повёл бы вас путём, в отношении правильного, который вы знаете», — возможно, намёк на вероятность того, что Али ограничил бы титул на халифат семьёй Пророка.[58] Об Усмане он сказал, что тот даст власть

---

[56] Существенно иной рассказ о *шуре* был передан ранним куфийским авторитетом аш-Ша'би. Согласно ему, 'Умар не сомневался, что выбор будет происходить между 'Али и 'Усманом. Перед смертью он фактически исключил Са'да ибн Аби Ваккаса, рекомендовав вновь назначить его наместником Куфы. Тальха отсутствовал, находясь в Сирии. Относительно оставшихся четырёх он приказал, что если трое из них сойдутся против одного, их выбор должен быть решающим. Если же голоса разделятся поровну, должен преобладать выбор 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа. 'Али понял это как уловку, призванную не допустить его к наследованию власти, поскольку 'Абд ар-Рахман неизбежно предпочёл бы своего шурина 'Усмана; см. Ибн Аби-ль-Хадид, *Sharh*, IX, 29-54, со ссылкой на *Kitab al-shura wa-maqtal 'Uthman* 'Аваны и *Kitab al-Saqifa* аль-Джавхари. Рассказ аш-Ша'би производит явное впечатление вторичной реконструкции, основанной на скудных сведениях из первых рук.

[57] Аль-Маварди, *al-Ahkam* - *аль-Ахкам ас-султания ва-ль-вилаят ад-диния («Властные установления и религиозные полномочия»)* , 15-16, с *иснадом*: Ибн Исхак — от аз-Зухри — от 'Абд Аллаха ибн аль-'Аббаса. Другая версия, приведённая аль-Йа'куби, *Ta'rikh*, II, 181-183, без *иснада*, по-видимому, переработана с шиитским уклоном. Некоторые характеристики, упомянутые Ибн аль-'Аббасом, приписывались 'Умару и в других сообщениях.

[58] *... hamalakum 'ala tariqa min al-haqq ta'rifunaha*. Эту фразу можно понять в отрицательном смысле, в противоположность первоначальному утверждению, что 'Али был достоин халифата. В других версиях

над людьми Бану Аби Му'айт[59]; тогда арабы, несомненно, ослушаются его и «ударят его по шее» [то есть отсекут ему голову]. Эта формулировка отражает взгляд задним числом, однако может также выражать некоторые реальные опасения Умара в отношении возможного преемства Усмана. Тальха, заявил халиф, был тщеславным (*zahw*) человеком, и Бог не позволит ему править мусульманской общиной ввиду его общеизвестной надменности. Аз-Зубайр был героем битв, но занимался торгом на рынках Медины. Как мог бы он взять на себя дела мусульман? Са'д также был доблестным всадником, но не годился к командованию. Абд ар-Рахман был превосходным человеком, но неподходящим из-за своей слабости. Для этой должности, продолжал Умар, годился лишь кто-нибудь сильный без грубости, мягкий без слабости, бережливый без скупости, щедрый без расточительности.

В течение десяти лет правления Умара характер халифата, мусульманского государства, преобразился. Великие завоевания за пределами Аравии превратили массу арабов, лишённых их прежней свободы и сведённых к положению податных подданных курайшитами во время ридды, в военную касту, содержавшуюся за счёт численно гораздо более крупного неарабского и немусульманского подвластного населения. Можно поставить под вопрос, продержался ли бы халифат курайшитов очень долго без этого имперского расширения. Память о свободной, хотя и экономически скудной и суровой жизни, была слишком свежа, чтобы не вызвать широкого недовольства и восстания против подчинения курайшитам. Успешное направление всей энергии в русло огромных военных завоеваний во имя ислама удерживало всякое стремление к восстановлению прошлого в отдалении. Вскоре осталась лишь сентиментальная литературная привязанность к доисламской поэзии и сказаниям об арабских днях битв (*ayyām al-ʿArab*). Курайшиты, разумеется, оставались правящим классом. Арабские воины (*muqātila*) были подчинены строгой, порой жестокой, воинской дисциплине. Но взамен им обеспечивались щедрые жалованья и пенсии помимо их доли в добыче, захваченной в бою. Тем самым у них появилась заинтересованность в имперской политике курайшитов. Халифат, всё ещё находившийся в шатком состоянии на протяжении всего правления Абу Бакра, теперь был твёрдо установлен.

Задача организации управления и администрации завоёванных территорий легла на Умара. Он сделал это, во многом отождествляя ислам и арабов. В это время ислам приблизился к тому, чтобы стать национальной религией арабов. Большинство остававшихся немусульманами арабов, в том числе за пределами Аравии, быстро откликнулись на призыв к исламу, тогда как число новообращённых неарабов первоначально было незначительным. Та терпимость, которую Коран предоставлял «людям Писания», главным образом христианам и иудеям, была распространена на все прочие

высказывания конец звучит однозначно как *'ala (tariqat) al-haqq*: «он повёл бы вас по пути того, что правильно»; см. Табари, I, 2777.

[59] Абу Му'айт ибн Аби 'Амр ибн Умайя был дедом аль-Валида ибн 'Укбы, единоутробного брата 'Усмана. 'Укба ибн Аби Му'айт, упорный враг Мухаммада, был убит последним после битвы при Бадре.

религиозные общины на завоёванных территориях. Арабы племени Таглиб в северной Месопотамии, отказавшиеся оставить свою христианскую веру, тем не менее были включены в мусульманское войско и получили особый налоговый статус, при котором они платили двойную десятину (*ʿushr*), налагаемую на мусульман как закят, но не унизительную подушную подать (*jizya*) и земельный налог (*kharāj*), взимавшиеся с прочих немусульманских подданных.[60] Умар, несомненно, ожидал, что они вскоре станут мусульманами. Когда христианское арабское племя Ийад искало убежища на византийской территории, Умар написал императору, требуя, чтобы он изгнал их, и пригрозил переселить христиан-неарабов в византийские земли. Под византийским давлением около 4 000 соплеменников вернулись на мусульманскую территорию.[61] Очевидно, что халиф рассматривал всех арабов, будь то мусульмане или христиане, как своих первостепенных подданных.

В отличие от завоёванных территорий, Аравия должна была быть, насколько это было возможно, исключительно мусульманской и арабской. Сравнительно крупные христианские и иудейские общины в Наджране и Хайбаре были Умаром без промедления выселены на завоёванные территории.[62] Немусульманам вообще не следовало позволять селиться в Хиджазе или оставаться там в каком-либо месте более трёх дней.[63] Умар также стремился удерживать большинство неарабских мусульман вне Аравии, в особенности вне Медины. Существовало общее ограничение на привоз пленных (*saby*) в столицу[64]. Это ограничение, несомненно, не относилось только к немусульманам, поскольку именно пленные особенно склонны были принимать ислам. Однако, очевидно, было труднее не допускать в Аравию арабоязычных мусульман. После того как Абу Лу'лу'а поразил его, Умар, как передаётся, обратился к Ибн аль-Аббасу с упрёком, что он и его отец стремятся умножить число неарабов (*ʿulūj*) в Медине. Ибн аль-Аббас ответил, уверяя халифа, что аль-Аббас и он сам поступят с ними так, как пожелает халиф. Тогда Умар спросил, как теперь можно что-либо сделать, если эти неарабы уже научились говорить на языке своих хозяев, совершали с ними их молитвы и разделяли их акты благочестия.[65] Напротив, перед смертью

---

[60] *Annali*, IV, 226-232.

[61] Табари, I, 2508-2509; *Annali*, IV, 58.

[62] Каэтани пытался возложить вину за изгнание обеих групп на ранних сподвижников, противостоявших 'Умару, чьи экономические интересы, как утверждал Каэтани, были затронуты; см. *Annali*, IV, 350-360. «Чтобы ослабить сопротивление и приглушить враждебность этих могущественных интриганов, он иногда видел себя вынужденным к проявлениям слабости, из которых изгнание евреев Хайбара является самым болезненным и предосудительным примером»; там же, IV, 353. Однако Каэтани был вынужден признать, что эти меры в конечном счёте соответствовали «исключительным» политическим целям 'Умара; там же, IV, 353-354; V, 506.

[63] Маварди, *al-Ahkam*, 291; *Annali*, V, 506.

[64] *Annali*, V, 57, 103. Согласно аз-Зухри, 'Умар не позволял никаким неарабам (*'ajam*) входить в Медину. Поэтому аль-Мугира ибн Шу'ба должен был просить особого разрешения для своего персидского раба Абу Лу'лу'а, чтобы тот мог жить и работать в городе; см. 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 494. Сообщение аз-Зухри о деле Абу Лу'лу'а и убийстве 'Умара является источником рассказа аль-Мас'уди; см. *Muruj*, III, параграфы 1559-1560.

[65] Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 244; *Annali*, V, 55, 178.

Умар распорядился освободить всех арабских рабов, принадлежавших государству.[66] Сильная предвзятость против неарабов в политике Умара, очевидно, способствовала созданию той атмосферы, в которой персидский пленник Абу Лу'лу'а Файруз[67], возмущённый воспринятым как оскорбление со стороны халифа, оказался готов убить его в самоубийственном нападении и в которой сын халифа Убайдаллах был столь же готов убить любого неараба, до которого мог добраться.

Глубокая преданность Умара курайшитской и арабской солидарности уравновешивалась ещё более глубокой преданностью исламу. Он вполне сознавал, что только ислам возвёл его на вершину и превращал арабов в господ огромной империи. Как и другие люди великой власти, он видел в своём изумительном успехе ясный знак божественного благоволения, которое мог приписать лишь исламу. Порою он мог склоняться к тому, чтобы сгибать правила ислама, как в случае с христианскими арабами Таглиба; однако когда он усматривал столкновение между своей арабской пристрастностью и верностью исламским принципам, он не колеблясь повиновался последним. Это хорошо иллюстрируется анекдотическим, но, возможно, истинным рассказом, переданным аль-Азраки. Когда Нафиʿ ибн ʿАбд аль-Харис аль-Хузаʿи, наместник Умара в Мекке, покинул город, чтобы встретить его, халиф спросил его, кого он назначил там своим заместителем. Узнав, что это его вольноотпущенник Абд ар-Рахман ибн Абза, Умар пришёл в ярость и упрекнул Нафиʿа: «Ты поставил одного из вольноотпущенников над народом Божьим». Однако Нафиʿ сказал ему, что нашёл Ибн Абзу тем, кто лучше всех умеет читать Книгу Божью и лучше всех знает Закон Божий. Умар успокоился и вспомнил изречение Пророка о том, что Бог в этой религии возвышает одних и унижает других.[68]

Современные историки, как мусульманские, так и западные, не скупились на восхищение вторым преемником Мухаммада. Его халифат считается воплощением идеала этого института в наиболее совершенном виде. В особенности современные мусульмане-

---

[66] *Annali*, V, 63, 68.

[67] Согласно аз-Зухри, Абу Лу'лу'а изначально был зороастрийцем (*kana majusiyyan fi aslih*), см. 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 474. Вполне возможно, что формально он был обращён в ислам. Рассказчики, очевидно, не хотели этого признавать. Его дочь, юная девочка (*jariya saghira*), убитая 'Убайд Аллахом ибн 'Умаром, описывается как «притворявшаяся мусульманкой» (*tadda'i l-islam*); см. там же, V, 479; Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 258; V, 8. Согласно 'Абд Аллаху ибн аль-'Аббасу, 'Умар, узнав, кто был его убийцей, выразил удовлетворение тем, что его убил не араб; см. 'Абд ар-Раззак, *Musannaf*, V, 476; Ибн Са'д, *Tabaqat*, III/1, 251. Утверждения в других источниках, будто Абу Лу'лу'а был христианином, едва ли надёжны. Они, по-видимому, восходят к сообщению аль-Мисвара ибн Махрамы, который не упоминал персидского происхождения Абу Лу'лу'а; см. Табари, I, 2722. Легендарный рассказ, переданный Сайфом ибн 'Умаром со слов аш-Ша'би (Табари, I, 2632; *Annali*, IV, 500), согласно которому Абу Лу'лу'а, происходивший из Нихаванда, был захвачен греками, обращён в христианство, а затем отнят у них мусульманами, очевидно, был выдуман для объяснения того, почему он якобы был христианским обращённым. Его хозяин, аль-Мугира ибн Шу'ба, был видным предводителем арабского войска в битве при Нихаванде, и едва ли можно сомневаться, что Абу Лу'лу'а стал его рабом тогда, как часть добычи. Это прямо утверждается в сообщении, приведённом Ибн Са'дом; см. *Tabaqat*, III/1, 252.

[68] Аль-Азраки, *Akhbar Makka*, изд. F. Wüstenfeld, в *Chroniken der Stadt Mekka*, I (Leipzig, 1858), 380; *Annali*, V, 162. 'Абд ар-Рахман ибн Абза, клиент Нафи' ибн 'Абд аль-Хариса, считался надёжным передатчиком от Мухаммада и ранних халифов. Позднее 'Али назначил его наместником Хорасана; см. Ибн Хаджар, *Tahdhib*, VI, 132-133.

сунниты нередко рассматривали его применение коранического принципа shūrā и его усилия положить в основу руководства общиной религиозную заслугу и первенство в служении делу ислама как образцовую основу для восстановления надлежащей демократической формы халифата или иного исламского правления. Западные учёные обычно подчёркивали саму силу его личности, благодаря которой он сумел навязать свою волю мусульманской общине и направлять арабские армии в их обширных завоеваниях, не располагая средствами принуждения и репрессий, доступными позднейшим деспотическим правителям. Его огромное влияние на формирование ислама, уступающее, как считается, лишь влиянию самого Мухаммада, также получило признание.[69]

Вероятно, верно, что лишь такой человек, как Умар, обладавший и искренней, и глубокой преданностью исламу, и сильным чувством групповой солидарности, ʿasabiyya в терминологии Ибн Халдуна, с курайшитами и арабами, мог на этой стадии обеспечить долговременное единство арабского и мусульманского общего государства. Завоевания, начатые при Абу Бакре, безусловно, могли бы продолжаться и, возможно, даже быть лучше скоординированы под руководством Халида ибн аль-Валида. Однако можно сомневаться, что единство завоёванной империи сохранилось бы. Скорее всего, могущественные группировки внутри курайшитов вскоре установили бы своё правление в различных областях на самостоятельной основе. Заслуга в том, что халифат был твёрдо установлен как единственное и нераздельное руководство мусульман, должна быть отдана Умару.

Однако в действительности именно халифат курайшитов, задуманный и основанный Абу Бакром, несмотря на отсутствие у него коранической легитимации, теперь стал существенным институтом ислама, поддержанным суннитским вероучением. Попытка Умара исламизировать этот институт, положив в его основу коранические принципы *shūrā* и *sābiqa*, была обречена на неудачу почти сразу после его смерти. Немного позднее возобладало династическое наследование — развитие, которого Умар страшился. Тогда как условие, что халифы должны происходить от курайшитов, стало твёрдым правовым требованием и сохраняло широкую поддержку даже после фактического исчезновения курайшитского халифата, *shūrā* и *sābiqa* имели в лучшем случае сентиментальную привлекательность для тех, кто из позднейшего халифата простого царствования оглядывался назад на идеальный халифат Праведно ведомых патриархов ислама. Лишь в новое время появились предложения институционализировать *shūrā*.

Причина неудачи реформы Умара легко различима. Принцип заслуги в исламе находился в скрытом противоречии с привилегированным статусом курайшитов. Это скрывалось в то время, когда *sābiqa* можно было отождествлять с ранним обращением и поддержкой Мухаммада в Мекке. Ранние сподвижники теперь старели. Чтобы институционализировать принципы заслуги и *shūrā*, Умару пришлось бы отменить верховный статус курайшитов — шаг, на который он едва ли был в состоянии пойти, даже если когда-либо его и обдумывал, — и открыть ряды правящей элиты для других

[69] См. H. Lazarus-Yafeh, "'Umar b. al-Khattab - Paul of Islam?" в *Some Religious Aspects of Islam* (Leiden, 1981), 1-16.

мусульман. Ему пришлось бы создать ясный прецедент, избрав некурайшита в свой совещательный совет, или побудить совет кооптировать некурайшитов.

Арабская империя, которую создал Умар, должна была просуществовать дольше, хотя и в изменённом виде со времени правления Муавии сирийской арабской гегемонией. Господство арабов над неарабами на этнической основе также находилось в существенном противоречии со всеобщим призывом ислама. Однако это стало явным лишь в позднюю омейядскую эпоху, когда массы неарабов приняли ислам и громко потребовали равенства во имя него. К тому времени халифат курайшитов настолько глубоко укоренился в исламе, что пережил упадок и исчезновение арабского военного правящего класса в течение аббасидской эпохи.

ГЛАВА 3.
УСМАН: НАМЕСТНИК БОГА И ПРАВЛЕНИЕ АБД ШАМС

Двенадцатилетнее правление Усмана окончилось мятежом и насильственной гибелью халифа. Обвинения в самовластии, которые ему предъявляли, были по меркам того времени весьма серьёзны и получили широкий отклик. Исторические источники подробно передают рассказы о проступках — *ahdath*, — в которых его винили. К концу его правления недовольство его образом действий, по-видимому, стало почти всеобщим; в стороне от него оставались лишь родственники Усмана и его ближайшее окружение. И только насильственная смерть, впоследствии обращённая в политическое оружие, позволила суннитской традиции снять с него обвинения в каких бы то ни было *ahdath*, представить его мучеником и закрепить за ним место третьего Праведного халифа.

Однако следует подчеркнуть: если смотреть глазами последующих поколений, проступки Усмана кажутся незначительными. По его приказу не был убит ни один мусульманин, за исключением тех случаев, когда казнь служила наказанием за убийство или прелюбодеяние. Те произвольные меры насилия, в которых его обвиняли, ограничивались побоями, заключением и высылкой[1]. Заповеданная Мухаммадом неприкосновенность жизни мусульманина ещё сохраняла свою силу. Абу Бакру пришлось объявить вероотступниками тех, кто отказывался платить ему закят, чтобы получить основание вести против них войну. Умар, чтобы избавиться от своего политического противника Са'да ибн Убады, должен был воззвать к Богу и положиться на помощь джиннов. Усман же, по природе чуждый кровопролитию, без труда следовал этому завету Пророка.

Будучи богатым представителем курайшитской знати, сыном мекканского купца Аффана и внуком тётки Мухаммада Умм Хаким бинт Абд аль-Мутталиб[2], Усман занимал особое место среди первых сподвижников Пророка. Мухаммад высоко ценил его приверженность исламу и лояльность в поддержании новой веры в то время, когда подавляющее большинство рода Абд Шамс прилагало все силы, чтобы искоренить ислам. Он относился к Усману с такой учтивостью и почтением, каких не выказывал никому из других сподвижников. Рассказывают, что, когда Усман входил в комнату, Пророк тотчас прикрывал обнажённые ноги, хотя в присутствии Абу Бакра и Умара этого не делал.[3]

---

[1] Сообщается, что только Даби' ибн аль-Харис ат-Тамими аль-Бурджуми умер в тюрьме Усмана. Сначала он был заключён в тюрьму за сатирические стихи против бану Джарвал ибн Нахшаль, которые отняли у него охотничью собаку, прежде подаренную ими ему по его просьбе. Они пожаловались Усману. Когда Даби' был освобождён, он задумал напасть на халифа и причинить ему вред из мести, но был схвачен. На этот раз его оставили умирать в тюрьме. Говорят, что его сын Умайр, мстя за отца, прыгнул на тело Усмана, когда его несли к месту погребения. Много позднее, в 85/704 году, омейядский наместник аль-Хаджжад убил Умайра в отместку. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 84–85; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1024–1027; Табари, II, 869–872.

[2] Умм Хаким аль-Байда' была сестрой-близнецом Абдаллаха, отца Мухаммада, и матерью Арвы бинт Курайз, матери Усмана. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 1.

[3] *Анналы*, VIII, 296; Ибн Асакир, *Та'рих Мадинат Димашк: Усман ибн Аффан*, изд. Сукайна аш-Шихаби, Дамаск, 1984, 76–88; см. также Abbott, *Aishah*, 103–104.

Когда Усман принял ислам, Мухаммад выдал за него свою дочь Рукайю, и вместе с мужем она переселилась в Абиссинию. После её смерти в Медине, последовавшей вскоре после битвы при Бадре, Пророк женил Усмана на другой своей дочери — Умм Кульсум. По господствовавшим тогда представлениям о социальном равенстве, или *kafa'a*, это ставило Усмана заметно выше Абу Бакра и Умара: на их дочерях Мухаммад женился сам, но своих дочерей им в жёны не отдавал. Требование Умара, уже во время его собственного халифата, жениться на внучке Мухаммада Умм Кульсум, дочери Али, было заявлением о том, что он достиг общественного положения, которым при жизни Пророка ещё не обладал.[4]

Мухаммад снисходительно относился и к очевидной неспособности Усмана проявить себя на военном поприще. Он освободил его от участия в битве при Бадре, чтобы тот ухаживал за больной Рукайей, но при этом всё же выделил ему долю добычи. Бегство Усмана с поля боя при Ухуде, как говорили, было прощено кораническим откровением. Всякий раз, когда находилось достаточное основание, Пророк освобождал его от участия в сражении и поручал ему иные дела. И потому среди добродетелей — *fada'il* — которыми его наделяла традиция, прежде всего вспоминали не воинскую доблесть, а ту щедрость, с какой он поддерживал Мухаммада и мусульманскую общину, расходуя собственное состояние. [5].

Эта щедрость, однако, едва ли сколько-нибудь заметно уменьшила его огромное богатство. Об этом свидетельствуют и роскошный образ жизни, который он вёл в Медине, и поистине царские брачные дары, которые он был готов выплачивать на протяжении всей своей жизни.[6] Усман продолжал вести караванную торговлю в Медине так же, как прежде занимался ею в Мекке и Абиссинии. Для Мухаммада Усман представлял особую ценность и как посредник в переговорах: мекканская аристократия принимала его как человека своего круга, что оказалось особенно важным в напряжённой обстановке аль-Худайбии.

Хотя Усман был знатным и весьма преуспевающим купцом, до своего избрания он ни разу не проявил себя как человек, способный к общественному руководству. Среди шести членов избирательного совета он был единственным, кому ни Мухаммад, ни два первых халифа никогда не поручали командование ни набегом, ни войском. До выборов у него не было политических честолюбивых замыслов; едва ли он вообще мог видеть в себе возможного претендента на верховную власть. И всё же выборщики остановились на нём вовсе не потому, что рассчитывали воспользоваться его слабостью и незначительностью,

---

[4] Ранее Умар предложил Аише жениться на ещё несовершеннолетней дочери Абу Бакра, Умм Кульсум. Несмотря на просьбы Аиши в пользу Повелителя верующих, Умм Кульсум воспротивилась этому из-за репутации Умара как человека грубого со своими жёнами. Тогда Аиша привлекла к делу Амра ибн аль-Аса. Тот указал Умару, что Умм Кульсум была воспитана при мягком обращении Матери верующих Аиши, и что суровостью Умар может оскорбить её, тем самым не исполнив своего долга должного уважения к покойному предшественнику. Затем Амр предложил Умару жениться на дочери Али, Умм Кульсум, и тем самым установить родственные связи с Посланником Божьим. См.: Табари, I, 2732.

[5] Ибн Асакир, *Усман*, 46–70.

[6] Безусловно, неверно утверждать, как это делает Х. Джаит, что Усман «отдал всё своё состояние ради ислама». См.: H. Djait, *La Grande Discorde: religion et politique dans l'Islam des origines*, Paris, 1989, 227.

как полагал Вельхаузен[7]. Напротив, он был выдвинут как единственный серьёзный соперник Али.

Будучи близким человеком и любимцем Мухаммада, дважды став зятем Пророка, Усман лучше других мог противопоставить Али свои особые связи с Мухаммадом, хотя иного рода, чем кровное родство Али с Посланником Бога. Ещё важнее было то, что он мог рассчитывать на прочную поддержку мекканской аристократии. Если бы Али противостоял кто-либо из остальных членов совета, ни один из которых не принадлежал к Абд Манафу, род Абд Шамс по соображениям чести всё ещё был бы обязан поддержать Али. Мнение ансаров, которых Абу Бакр фактически отстранил от правящего слоя, уже не имело прежнего веса.

Усман, несомненно, понимал это положение и сознавал, какая мощная поддержка курайшитов стоит за ним. Однако сам он оставался совершенно пассивен и не произнёс ни слова в собственную защиту. Будучи вовсе не подготовлен к власти, после избрания он поднялся на минбар и извинился перед людьми: «О люди, мы не из тех, кто искусен в речах. (*khutaba'*). Но если нам будет отпущено время, то, с Божьей помощью, и слово наше обретёт должную стройность (*'ala wajhiha*)».[8]

Исключительное расположение Мухаммада к Усману и почти единодушное одобрение его избрания со стороны курайшитов укрепили в нём ощущение, что его личное право наследовать верховную власть имеет более прочное основание, чем право обоих его предшественников. То, что он был вознесён на высшую ступень без всяких усилий со своей стороны, очевидно, лишь усилило его веру в то, что он избран и поставлен самим Богом.

Отказавшись от громоздкой традиции, по которой Умар именовался «Наместником Наместника Посланника Божьего», Усман принял официальный титул «Наместника Бога» (*khalifat Allah*)[9]. При Омейядах этот новый титул стал общепринятым[10]. Отныне халиф властвовал уже не как преемник Посланника Божьего, а по милости Бога и как Его наместник на земле. При таком понимании власти Усман не мог считать себя вправе

---

[7] J. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902, 26.

[8] Балазури, *Ансаб*, V, 24; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 43; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 957–958; *Анналы*, VII, 14. Ат-Табари предпочёл опустить сообщения об этом неловком эпизоде и привёл только благочестивую проповедь, приписанную Усману в рассказе Сайфа ибн Умара. См.: Табари, I, 2800–2801. Столь же вымышленная вступительная проповедь Усмана, которую Сайф, очевидно, передал в другом месте с иным *иснадом*, цитируется у ат-Табари, I, 3058–3059.

[9] См. документацию у Crone and Hinds, *God's Caliph*, 6; к ней можно добавить Табари, I, 3044: *an atabarra' min 'amal Allah wa-khilafatih*. Изменение титулатуры отражено в письмах, которыми обменивались Му'авия и Али. См.: Балазури, *Ансаб*, II, 277–282; Минкари, *Вак'ат Сиффин*, 86–91. Там Абу Бакр именуется *al-khalifa min ba'd rasul Allah*, а Умар — *khalifat khalifatih*; у Минкари, *Вак'ат Сиффин*, 87, в письме Али — *al-khalifa* и *khalifat al-khalifa*. Усман же у Му'авии называется просто *al-khalifa al-mazlum* — «несправедливо обиженный халиф», тогда как Али воздерживается от того, чтобы давать ему титул халифа. Следуя практике времён Умара, к Усману обычно обращались как к Повелителю верующих — титулу, едва ли подходившему ему.

[10] Crone and Hinds, *God's Caliph*, 6–11.

отказаться от неё даже тогда, когда лишился доверия тех, кто некогда возвёл его на халифат.[11]

Жалобы на халифа

Усман, таким образом, считал себя вправе свободно распоряжаться властью и богатствами халифата по собственному усмотрению и болезненно воспринимал всякую критику или вмешательство в свои действия, от кого бы они ни исходили[12]. Во время выборов он дважды без колебаний обещал следовать Книге Бога, Сунне Его Пророка и примеру — *fi'l* — Абу Бакра и Умара, тогда как Али осторожно оговорил, что будет делать это в меру своих сил — *'ala juhdi min dhalik*[13]. Но откровенное покровительство, которое Усман с самого начала своего правления оказывал близким родственникам, резко расходилось с этим обещанием.

То впечатление уверенного в себе единоличного правителя, которое он производил на людей, хорошо передаёт следующий рассказ. Когда народ стал порицать Усмана за то, что он подарил своему племяннику Саиду ибн аль-Асу сто тысяч дирхамов, члены *шуры* — Али, аз-Зубайр, Тальха, Са'д и Абд ар-Рахман — пришли к нему с возражениями. Усман ответил им, что у него есть родичи и близкие по материнской линии, о которых он должен заботиться. Тогда они спросили: «Разве у Абу Бакра и Умара не было родичей и близких по материнской линии?» Он сказал: «Абу Бакр и Умар искали награды в будущей жизни, удерживая имущество от своих родственников, а я ищу награды, отдавая его своим родным». Они возразили: «Клянёмся Богом, пример Абу Бакра и Умара нам ближе и кажется более праведным, чем твой». Усман лишь произнёс: «Нет силы и могущества, кроме как у Бога»[14].

Порой могло казаться, что Усманом движет почти детская радость человека, получившего возможность одаривать свою семью и возвращать честь тем её представителям, кого Мухаммад некогда обесславил за сопротивление исламу. На деле же он действовал с большой решимостью, опираясь на ближайших родственников и будучи убеждён, что дом Омейядов, как центральный род курайшитов, единственно способен править от имени ислама.

Аз-Зухри объяснял, что, передав своему двоюродному брату Марвану ибн аль-Хакаму пятую часть — *khums* — военной добычи Ифрикии и раздавая деньги из казны своим близким родственникам, Усман толковал таким образом кораническое предписание заботиться о родне — *ta'awwala fi dhalika l-silata llati amara llahu bih*. «Он брал эти суммы

---

[11] См.: Табари, I, 3043–3044.

[12] Каэтани предполагал, что Усман с полным основанием считал себя первым халифом, избранным по всем надлежащим правилам и с народного согласия, в отличие от почти переворотного способа — *фальта*, — которым пришли к власти Абу Бакр и Умар. Поэтому отношение Усмана к полномочиям власти отличалось от отношения его предшественников, и он действовал произвольно в распоряжении общественной казной, которую считал полностью находящейся в его распоряжении. См.: *Анналы*, VIII, 9.

[13] Табари, I, 2793–2794

[14] Балазури, *Ансаб,* V, 28.

и занимал деньги из казны, говоря: "Абу Бакр и Умар отказались от того, что причиталось им из этих средств, а я беру это и распределяю среди своих родных". Люди порицали его за это»[15].

Из этого следует, что щедрость Усмана по отношению к собственной семье опиралась, в его понимании, на коранические места, где часть пятой доли добычи и *fay'* назначалась родственникам Пророка. После смерти Мухаммада Абу Бакр и Умар отказали Бану Хашим в их коранической доле, однако не обратили её в пользу собственной родни, а оставили в общественной казне. Усман же, присвоив себе в полном объёме права Пророка как его законный преемник, считал, что имеет не только право, но и обязанность передавать эти коранические доли своим ближайшим родственникам. По-видимому, он также пожаловал Марвану ибн аль-Хакаму оазис Фадак, а брату Марвана, аль-Харису, — владение в долине Махзур близ Медины. Эти земли принадлежали Мухаммаду, а Абу Бакр и Умар рассматривали их как *sadaqa* — благотворительное достояние, предназначенное для пользы мусульманской общины[16].

Куда более серьёзные последствия имела политика Усмана в отношении sawafi — обширных земель на завоёванных территориях, которые прежде принадлежали царской власти или находились в государственном распоряжении. После завоевания они остались без прежних хозяев: персидский царь и многие владельцы погибли или бежали. По решениям и практике Мухаммада такие земли, казалось бы, должны были быть поделены между мусульманскими воинами-завоевателями, с выделением пятой части имаму.

Но при Умаре, после некоторого колебания, был выбран другой путь. Земли не раздали в частное владение воинам, а сохранили за общиной как постоянное fay' — общее имущество, доходы от которого должны были идти на благо мусульман. В тот же разряд были включены и земли, чьи прежние владельцы или держатели остались на местах после завоевания. Всё это имущество закреплялось за гарнизонными городами и предназначалось для их содержания и нужд.

Усман же смотрел на эти земли в духе старой царской традиции — как на владения короны, которыми Наместник Бога вправе распоряжаться по своему усмотрению. По сообщению аль-Аузаи, Муавия попросил Усмана передать ему управление *sawafi* в Сирии, жалуясь, что не может должным образом платить своим воинам, и Усман удовлетворил его просьбу[17].

В Ираке Усман начал жаловать земельные наделы (*iqṭāʿ*) из бывших земель на завоёванных территориях, которые прежде принадлежали царской власти или находились

---

[15] Там же, 25; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 44; *Анналы*, VII, 420.

[16] Ибн Кутайба, *аль-Ма'ариф*, изд. Сарват Укаша, Каир, 1960, 195. О Махзуре см.: Якут, *Булдан*, IV, 701, и M. Lecker, “Muhammad at Medina: A Geographical Approach”, *JSAI*, VI, 1985, 29–62, особенно 32, прим. 32, 36–37. Источники обычно утверждают, что именно Му'авия передал Фадак Марвану в качестве фьефа. См.: Балазури, *Футух*, 29–33; Veccia-Vaglieri, “Fadak”, *EI*, 2-е изд. Однако между Му'авией и Марваном не было особой любви. Маловероятно, чтобы Му'авия передал Марвану Фадак без прецедента, созданного Усманом.

[17] См.: A. von Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen im Islam*, Leipzig, 1886, 336–337, где цитируется *Та'рих Мадинат Димашк* Ибн Асакира. Иснад таков: Мухаммад ибн А'из — аль-Валид ибн Муслим — Абу Амр аль-Ауза'и.

в распоряжении государства, выдающимся сподвижникам Мухаммада. Большинство сообщений об этих пожалованиях восходит к Мусе, сыну сподвижника Тальхи, который был одним из главных получателей выгод от этой политики. Муса подчёркивал, что именно Усман первым стал делать такие пожалования. Среди названных им получателей были Абдаллах ибн Масʿуд, Саʿд ибн Аби Ваккас, Хаббаб ибн аль-Аратт, Усама ибн Зайд, продавший свою землю, аз-Зубайр, Тальха и, возможно, Аммар ибн Ясир, помимо племенных вождей, отличившихся во время завоеваний[18].

Когда это отчуждение земли *fayʾ* вызвало протесты в Куфе, Усман попытался оправдать свою политику, если можно доверять сообщению Сайфа ибн Умара[19], разрешив обмен частновладельческой земли в Аравии на земли с завоеванных территорий, которые прежде принадлежали царской власти или находились в распоряжении государства в Ираке. Этот манёвр позволил ему превратить землю в Аравии в коронную собственность, которой он мог свободно распоряжаться без вмешательства разгневанных племенных воинов в гарнизонных городах. Так, сообщается, что Тальха получил своё имение ан-Наштастадж близ Куфы в обмен на свою землю в Хайбаре и в других местах Аравии[20], тогда как куфийский вождь Кинды аль-Ашʿас ибн Кайс купил своё имение Тизанабад у Усмана за свою землю в Хадрамауте. Марван ибн аль-Хакам купил своё имение, позднее известное как Нахр Марван, у Усмана за деньги или имущество (*māl, var. mulk*), которое халиф ранее ему дал. Некоторая часть земли в Аравии затем, согласно сообщению Сайфа, была пожалована жителям Медины, участвовавшим в битвах при аль-Кадисии и аль-Мадаине. Признав их притязание как притязание на землю, а не на долю дохода от *fayʾ*, Усман тем самым отменил установленное Умаром закрепление земли fayʾ и оправдал собственный захват закреплённой земли как части законной доли имама[21].

---

[18] Балазури, *Футух*, 273–274. В одном сообщении Аммар ибн Ясир назван получателем Истинии. См. там же, 273. Однако в другом сообщении Истиния упоминается как *икта'* Хаббаба ибн аль-Аратта. См. там же, 274. Последний также назван получателем Истинии в сообщении аль-Мада'ини. См.: Якут, *Булдан*, I, 244–245.

[19] Табари, I, 2854–2855. Подробный анализ этого текста недавно представил A. Noth, “Eine Standortbestimmung der Expansion (Futuh) unter den ersten Kalifen (Analyse von Tabari I, 2854–2846)”, *Asiatische Studien*, 63, 1989, 120–135. Нот склонен признавать это сообщение ранним и достоверным на том основании, что оно стоит в стороне от основной традиции, которую он считает искажённой позднейшими наслоениями. Очевидно не заметив его повсеместной проусмановской тенденциозности, он утверждает, что не обнаружил никакого мотива для партийной подделки. Нот не комментирует иснады, которые возводят основной рассказ к Убайдаллаху ибн Умару ибн Хафсу аль-Умари, одному из «семи правоведов Медины», умершему в 147/764 году. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, VII, 38–40. Если эта атрибуция достоверна, сообщение было составлено в позднеомейядскую эпоху и вряд ли отражает взгляды современников около 650 года, как предполагает Нот. Будучи правоведом, а не просто передатчиком, Убайдаллах ибн Умар, по-видимому, является главным подозреваемым в такого рода позднейшем искажении, которое, по мнению Нота, характеризует основную традицию.

[20] Якут, *Булдан*, IV, 783, цитирует сообщение о том, что Тальха приобрёл ан-Наштастадж в обмен на землю в Хадрамауте.

[21] Сайф ибн Умар в своём рассказе явно пытается затемнить факты и представить Усмана действующим вполне законно перед лицом высокомерия и мятежности куфийцев. Поэтому Каэтани описывает этот рассказ как «исключительно тёмный». См.: *Анналы*, VII, 361. Нот также подчёркивает, что далеко не уверен, что понял и истолковал текст во всех деталях правильно. См.: “Eine Standortsbestimmung”, 120. Однако мошенническая основа процедуры Усмана достаточно очевидна уже из утверждения Сайфа, что Тальха,

Отчуждение Усманом общинного fayʾ и его обратное превращение в коронную землю вызвало недовольство в гарнизонных городах и породило обвинения в том, что халиф и его наместники присваивают māl al-muslimīn, деньги, коллективно принадлежащие мусульманам, как māl Allāh, деньги, находящиеся в дискреционном распоряжении Наместника Бога. В Сирии ранний сподвижник Абу Зарр аль-Гифари сделался выразителем этого недовольства[22] и критиковал расточительные расходы Муавии на его дворец аль-Хадра в Дамаске[23]. По просьбе Муавии Усман приказал отправить его обратно в Медину. Поскольку он продолжал свою агитацию, он был сослан в ар-Рабазу в пустыне, где умер в 31/652 году[24].

В Куфе неосторожное хвастливое заявление наместника Усмана Саʿида ибн аль-Аса, что *sawād*, плодородная возделанная земля Ирака, является садом курайшитов, вызвало мятеж среди группы чтецов Корана во главе с Маликом аль-Аштаром ан-Нахаʿи наместник пожаловался Усману, и тот приказал сослать эту группу сначала к Муавии в Дамаск, а позднее к Абд ар-Рахману ибн Халиду ибн аль-Валиду, наместнику Химса. Однако недовольство в городе не улеглось, и в 34/654–5 году, когда Саʿид находился в Медине, вспыхнул открытый мятеж. Когда мятежники во главе с аль-Аштаром не позволили Саʿиду вновь войти в Куфу, Усман был вынужден согласиться на избрание ими Абу Мусы аль-Ашʿари своим наместником.

Современные историки нередко утверждали, что политика Усмана в отношении завоёванной земли по существу была такой же, как у Умара. Велльхаузен первым утверждал, что именно Умар спровоцировал конфликт с воинами завоеваний, удержав захваченную землю от раздела между ними вопреки традиционному арабскому праву на добычу, освящённому Кораном с небольшими изменениями. Мятеж вспыхнул при Усмане

Марван и аль-Аш'ас ибн Кайс покупали свои имения у Усмана и из земли, которой Усман владел в Ираке. Усман не мог владеть никакой частной землёй в Ираке и даже не мог претендовать на личную долю завоёванных домениальных земель, поскольку не участвовал в завоеваниях. Фактически он раздавал или продавал общинную землю как коронную собственность.

[22] Сайф ибн Умар описывает его как человека, введённого в заблуждение шиитским еретиком Абдаллахом ибн Саба' посредством довода о *mal al-muslimin* и *mal Allah* — «имуществе мусульман» и «имуществе Бога». См.: Табари, I, 2858–2859. Абу Зарр начал свою агитацию в Медине после того, как Усман выдал 500 000 дирхамов Марвану ибн аль-Хакаму, 300 000 — аль-Харису ибн аль-Хакаму и 100 000 — мединцу Зайду ибн Сабиту из хумса добычи, захваченной в Ифрикии в 27/641 году. Затем он стал цитировать соответствующие коранические аяты, угрожавшие накопителям богатств адским огнём. Марван пожаловался Усману, и тот послал своего слугу На'ила предупредить Абу Зарра, но безрезультатно. Некоторое время Усман проявлял терпение, пока в присутствии халифа Абу Зарр не обрушился с гневной словесной атакой на Ка'ба аль-Ахбара, который поддерживал свободное распоряжение Усмана общественными средствами. Тогда Усман упрекнул Абу Зарра и отправил его в Дамаск, где тот ранее был внесён в списки получателей государственного жалованья. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 52.

[23] Балазури, *Ансаб*, V, 53.

[24] Там же, 52–56; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1033–1041. В то время как куфийская и басрийская традиция в основном утверждала, что Абу Зарр был сослан Усманом против своей воли, мединская традиция была разделена: ортодоксальные суннитские учёные, такие как Са'ид ибн аль-Мусаййаб, настаивали, что Абу Зарр добровольно ушёл в изгнание. Шиитский шариф аль-Муртада в своей *Китаб аш-Шафи* цитировал предания аль-Вакиди, доказывающие, что Абу Зарр был сослан Усманом против своей воли. См.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, III, 55–58; дополнительные предания аль-Вакиди об Абу Зарре цитируются там же, VIII, 359–361.

лишь из-за его слабости в противоположность подавляющему авторитету Умара.[25] Каэтани развил это толкование далее, предполагая, что Усман стал жертвой административных ошибок Умара; Умар не запрещал мусульманам приобретать землю вне Аравии и сам делал пожалования из домениальной земли в Ираке.[26] Этот взгляд был поддержан Г. Леви делла Видой в его статье об Усмане в Encyclopaedia of Islam и отстаивается также в некоторых недавних исследованиях.[27] В действительности нет надёжных доказательств того, что Умар жаловал наделы из обрабатываемой домениальной земли, что нарушало бы его провозглашённую политику сохранения такой земли неделённой ради блага будущих поколений.[28] Попытка Усмана вновь превратить общинную землю в коронную собственность была крупным шагом на пути превращения халифата в традиционную монархию. Его цель была полностью осуществлена Муавией во время его халифата, когда он привёл все земли sawāfī по всей империи под свой прямой контроль и дискреционное распоряжение при даровании и изъятии феодов.[29]

Передатчики, критически относившиеся к поведению Усмана, обычно делят его правление на два отчётливых периода. В течение первых шести лет его правление, как говорилось, было безупречным, тогда как в последние шесть лет его проступки умножились. Аз-Зухри поясняет, что в первый период людям нечего было ему поставить в вину и что его любили больше, чем Умара, из-за суровости последнего и мягкости Усмана по отношению к ним. Во второй период он начал пренебрегать их делами; он стал назначать своих родственников и семью и осыпать их деньгами. Люди тогда стали его за это порицать.[30] Аз-Зухри далее приводит слова аль-Мисвара ибн Махрамы аз-Зухри, племянника Абд ар-Рахмана ибн Ауфа и поначалу друга Усмана, что Усман шесть лет без нарушения следовал образу действий двух своих предшественников, но затем «старик стал мягким и слабым и попал под власть [своих родичей]».[31]

В действительности политика Усмана по утверждению членов своего клана наместниками по всей империи была совершенно очевидна уже в первые годы его правления. В 24/644–5, вскоре после своего вступления на престол, он назначил Али ибн Ади ибн Рабиʿа из Абд Шамс наместником Мекки.[32] В следующем году он по просьбе сместил больного Умайра ибн Саʿда аль-Ансари, наместника Химса, Киннасрина и Верхней

---

[25] J. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, Berlin, 1889, VI, 118, прим. 3; Wellhausen, *Das arabische Reich*, 28–29, где он добавляет, что Мухаммад уже создал определённые прецеденты для фискальной практики Умара.
[26] См. экскурс 4: «Домениальная земля в Ираке при Умаре».
[27] Например: W. Schmucker, *Untersuchungen zu einigen wichtigen bodenrechtlichen Konsequenzen der islamischen Eroberungsbewegung*, Bonn, 1972, особенно 134–151; Djait, *La Grande Discorde*, 84.
[28] *Анналы*, V, 304; VII, 376.
[29] Так, Му'авия конфисковал имение под названием Зурара близ Куфы у Зурары ибн Язида из бану Баккар и объявил его коронной собственностью — *усфийя*. Зурара ибн Язид был начальником полиции — *шурта* — при наместнике Усмана Са'иде ибн аль-Асе. См.: Якут, *Булдан*, II, 921. Следовательно, это имение, вероятно, было пожаловано ему. Более ранние *икта'*, как правило, рассматривались как постоянная личная собственность.
[30] Балазури, *Ансаб*, V, 25.
[31] Абд ар-Раззак, *Мусаннаф*, V, 478.
[32] *Анналы*, VII, 45.

Месопотамии[33], и передал эти провинции, которые после смерти Абу Убайды Умар держал под отдельными наместниками, независимыми от омейядских наместников Дамаска, Муавии. Учитывая большую силу гарнизона Химса в то время, это означало значительное усиление власти Муавии, позволившее ему позднее бросить вызов халифу Али и противостоять ему[34].

В том же году Усман сместил Амра ибн аль-Аса с поста наместника Египта и назначил на его место своего молочного брата Абдаллаха ибн Саʿда ибн Аби Сарха из ʿАмир Курайш. Вероятнее всего, также в 25/645–6 году[35] он заменил Саʿда ибн Аби Ваккаса, которого назначил в предыдущем году, на посту наместника Куфы омейядом аль-Валидом ибн Укбой ибн Аби Муʿайтом, своим единоутробным братом.[36] В 29/649–50 году он сместил Абу Мусу аль-Ашʿари[37] с наместничества в Басре и передал его своему

---

[33] Пытаясь доказать, что все наместники, смещённые Усманом, за исключением его омейядских родственников, были нечестны или неспособны, Каэтани неверно перевёл в рассказе Сайфа ибн Умара выражение *tu'ina fa-adna* — «он был поражён и приблизился к смерти» — как «он стал объектом суровой критики со стороны своих подданных». Далее он утверждал, что параллельное сообщение, затем процитированное Сайфом, см.: Табари, I, 2867, пытается скрыть нечестность Умайра, описывая его как больного. См.: *Анналы*, VII, 67.

[34] Химс всё ещё имел отдельного наместника в поздний период правления Усмана. Куфийцы, сосланные как смутьяны при Са'иде ибн аль-Асе, были сначала отправлены к Му'авии в Дамаск, а затем к Абд ар-Рахману ибн Халиду ибн аль-Валиду, наместнику Химса. См.: Табари, I, 2913–2914, 2921. Однако Абд ар-Рахман был назначен Му'авией. См. там же, 2913. Очевидно, он был его подчинённым.

[35] Эта дата, по-видимому, предпочтительнее 26/646–647 года, принятого Велльхаузеном. См.: *Skizzen*, VI, 115. Каэтани оставил вопрос о правильной дате открытым. См.: *Анналы*, VII, 64. Ат-Табари сообщает о назначении аль-Валида под 26 годом, следуя рассказу аль-Вакиди, одновременно упоминая, что рассказ Сайфа ибн Умара относит это к 25 году. См.: Табари, I, 2811 и 2801. Однако аль-Балазури цитирует и Абу Михнафа, и аль-Вакиди — последнего со слов Ибн Са'да, — согласно которым Усман, в соответствии с рекомендацией Умара, после вступления в должность подтвердил всех наместников на год, за исключением аль-Мугиры ибн Шу'бы, которого, следуя желанию Умара, заменил Са'дом ибн Аби Ваккасом. Через год он сместил Са'да и назначил вместо него аль-Валида. См.: *Ансаб*, V, 29. Рассказ Сайфа, см.: Табари, I, 2901–2902, с этим согласуется. Куфийский поход в Армению и Азербайджан, см.: *Анналы*, VII, 98–103, 159–163, состоявшийся в начале наместничества аль-Валида, скорее относится к 25 году, чем к 26-му. Кроме того, наместничество аль-Валида продолжалось, согласно куфийской традиции, пять лет. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 31; Табари, I, 2813. Согласно более надёжным сообщениям, он был смещён в 30 году. См.: *Анналы*, VII, 256, 310–360. Довод Каэтани о том, что Умар не мог поручить своему преемнику назначить Са'да наместником Куфы, поскольку включил его в избирательный совет, неубедителен. Состав совета был установлен за некоторое время до убийства Умара. Такая рекомендация, очевидно, не исключала возможности избрания Са'да. В этом случае он мог бы назначить какого-либо другого наместника.

[36] Доказывая, что назначение аль-Валида ибн Укбы Усманом не было актом личного фаворитизма, Каэтани истолковал утверждение Сайфа ибн Умара, что аль-Валид был *'амилем* Умара над раби'а в аль-Джазире, см.: Табари, I, 2812, как означающее, что Усман лишь перевёл его с одного наместничества на другое. См.: *Анналы*, VII, 154. На самом деле аль-Валид был назначен Умаром сборщиком милостынного налога среди бану Таглиб. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 31. Затем он был смещён Умаром из-за стихотворной строки, содержавшей угрозу Таглибу. См.: *Агани*, IV, 183.

[37] Каэтани, опираясь на сообщение аль-Мада'ини, см.: Табари, I, 2831–2832, о басрийской делегации к Усману с просьбой заменить Абу Мусу, утверждал, что тот был смещён из-за административных злоупотреблений и обвинения в обогащении за счёт казны. См.: *Анналы*, VII, 238–239. Однако слова Гайлана ибн Хараши ад-Дабби, переданные аль-Мада'ини, вовсе не подразумевают, что Абу Муса незаконно обогащался. Скорее, Гайлан изображается как человек, успешно сыгравший на омейядской жадности халифа, предложив ему дать блестящему молодому курайшиту возможность обогатиться вместо старика

двоюродному брату по матери Абдаллаху ибн Амиру ибн Курайзу из Абд Шамс, которому было всего двадцать пять лет. Он значительно усилил власть Ибн Амира, присоединив к наместничеству Басры наместничество Омана и аль-Бахрайна и подчинив их гарнизон (jund) его командованию[38]. Таким образом, спустя пять лет после его вступления все главные наместничества прочно находились в руках родственников халифа. Когда аль-Валид ибн Укба был вынужден быть смещённым из-за недостойного поведения в 30/650–1 году, Усман заменил его другим омейядом, Саʿидом ибн аль-Асом ибн Аби Ухайхой. Он систематически укреплял свои связи с этими любимцами, выдавая за них своих дочерей[39].

Таким образом, нет никаких свидетельств в пользу коренного перелома в политике Усмана в середине срока его халифата. Его непотизм был очевиден с самого начала. Однако в первую половину его правления он не вызывал серьёзной оппозиции. Ему удавалось удерживать выдающихся сподвижников и курайшитов в благожелательном к себе расположении своей общей мягкостью, резко контрастировавшей с грубостью Умара, а также своими расточительными дарами. Он также позволил курайшитам свободно перемещаться по завоёванным провинциям, тогда как Умар запрещал им покидать Хиджаз иначе как с особого разрешения[40]. Некоторые из них при нём сделались чрезвычайно богатыми.[41] Лишь с 30/650–1 года недовольство и сопротивление открыто проявились по большей части империи. Теперь щедрость Усмана ограничивалась его роднёй, которая, казалось, господствовала над ним. Выдающиеся сподвижники шуры всё более теряли своё влияние на него. В то же время его высокомерное дурное обращение с несколькими древнейшими сподвижниками низкого происхождения — Абу Зарром аль-Гифари, Абдаллахом ибн Масʿудом и Аммаром ибн Ясиром — вызвало возмущение среди благочестивых, а также среди их племён и тех курайшитских кланов, к которым они были приписаны и которые несли ответственность за их защиту.

Побуждаемый своей безграничной родовой гордостью, Усман, должно быть, уже рано стал искать способ обеспечить наследственное преемство своему халифату. Принцип shūrā среди ранних сподвижников, который столь энергично отстаивал Умар, стоял у него на пути. Имеются свидетельства того, что Усман попытался обойти это препятствие уже в первый год своего правления. Согласно преданию, приведённому аль-Бухари, Марван ибн аль-Хакам, двоюродный брат Усмана и позднее халиф, сообщал, что в «год носового кровотечения» (*sanat al-ruʿāf*), то есть в 24/644–5 году[42], Усман был поражён сильным

низкого происхождения. Гайлан ибн Хараша был видным сторонником пророчицы Саджах во время ридды. См.: Табари, I, 1919. Следовательно, он, вероятно, был одним из ущемлённых поздних пришельцев в Басре.

[38] Табари, I, 2833.

[39] См. экскурс 3: «Браки Усмана».

[40] Табари, I, 3025–3026; M. Hinds, “The Murder of the Caliph Uthman”, *International Journal of Middle East Studies*, 3, 1972, 450–469, особенно 466.

[41] См.: *Анналы*, VIII, 69–71.

[42] То, что 24/644–645 год был известен как *sanat* или *'am al-ru'af*, подтверждается ат-Табари, I, 2799, и другими источниками. В своём комментарии к тексту аль-Бухари Ибн Хаджар, *Фатх аль-бари*, VII, 58, отождествляет его с 31/651–652 годом, ссылаясь на *Китаб аль-Мадина* Умара ибн Шаббы. Однако рассказ последнего представляется совершенно ненадёжным. См. ниже, с. 89–90. 24 год был единственным до осады

носовым кровотечением, так что не смог совершить паломничество, и составил своё завещание. Некий неназванный курайшит и брат Марвана аль-Харис[43] поочерёдно приходили к нему, предлагая ему назначить преемника. Усман спрашивал каждого из них, имеет ли народ кого-нибудь в виду, но оба молчали. Тогда он высказал предположение, что люди называют аз-Зубайра, и аль-Харис подтвердил это. Усман заметил, что аз-Зубайр действительно лучший человек и самый любимый для Пророка[44].

В своём сообщении Марван не упоминал, сделал ли Усман в действительности завещание в пользу аз-Зубайра, — обстоятельство, которое он едва ли был заинтересован предавать огласке. Однако семья аз-Зубайра сохранила притязание, что Усман назначил их предка своим преемником. Мусʿаб аз-Зубайри (ум. 236/851) сообщал: «Усман сделал завещание в пользу аз-Зубайра, пока не вырастет его сын Амр (*awsā ʿUthmān ... ilā l-Zubayr b. al-ʿAwwām ḥattā yakbur ibnuhu ʿAmr*)»[45]. Хотя никаких дальнейших сведений об обстоятельствах не приводится, наиболее вероятно, что это сообщение относится к тому же самому случаю. Амр ибн Усман, старший из оставшихся в живых сыновей халифа[46], родился во время халифата Умара[47]. Следовательно, в начале правления Усмана он ещё не достиг зрелости. Маловероятно, чтобы Усман назначил аз-Зубайра своим преемником на каком-либо более позднем этапе. В начале своего правления он, очевидно, испытывал особую признательность к аз-Зубайру за то, что тот поддержал его на недавних выборах против Али, несмотря на своё близкое кровное родство с последним, и потому был готов засвидетельствовать, что именно он был сподвижником, наиболее дорогим Пророку.

Завещание Усмана, назначавшее аз-Зубайра его преемником с тем, чтобы после него последовал его сын Амр, вероятно, в то время не было обнародовано. Оно, несомненно, встретило бы возражения и сопротивление со стороны некоторых других ранних сподвижников. Поскольку Усман вскоре выздоровел, лучше всего было забыть это дело. Позднее, во время его халифата, он и его родня рассматривали Амра как своего предполагаемого наследника[48], хотя никакого формального назначения сделано не было.

резиденции Усмана годом его правления, когда он лично не возглавлял паломничество, а поручил Абд ар-Рахману ибн Ауфу возглавить его. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 23–24; *Анналы*, VII, 41.

[43] Аль-Харис, названный в предании, безусловно, правильно отождествляется Ибн Хаджаром с братом Марвана. См.: *Фатх аль-бари*, VII, 58.

[44] Бухари, *Сахих*, *Фада'ил ас-сахаба*, 13; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1055; *Анналы*, VII, 42. В другой версии предания некий неназванный человек называет аз-Зубайра тем, о ком говорили люди, и Усман подтверждает, что аз-Зубайр был «втрое лучшим из вас». См.: *Анналы*, VII, 42.

[45] Аз-Зубайри, *Насаб*, 106, цитируется у аль-Балазури, *Ансаб*, V, 103.

[46] Аль-Балазури, *Ансаб*, V, 106, называет Амра старшим — *акбар* — из сыновей Усмана, по-видимому имея в виду старшего из оставшихся в живых. Мус'аб аз-Зубайри описывает его как старшего сына Усмана, имевшего потомство. См.: *Насаб*, 105.

[47] Ибн Хаджар, *Исаба*, I, 261, со ссылкой на *Китаб ан-Насаб* аз-Зубайра ибн Баккара. См. далее экскурс 3.

[48] Согласно сообщению омейяда Са'ида ибн Амра ибн Са'ида ибн аль-Аса, переданному Умаром ибн Шаббой, аль-Валид ибн Укба перед своим назначением наместником Куфы выразил в стихотворении надежду, что сыновья Усмана — Амр и Халид — быстро вырастут и смогут почитать его как своего дядю. Здесь явно подразумевается ожидание, что они унаследуют Усману, который, согласно этому стихотворению, отдавал предпочтение своему дяде аль-Хакаму перед своим единоутробным братом аль-Валидом. Усман был тронут жалобой аль-Валида и назначил его наместником. См.: *Агани*, IV, 177; *Анналы*, VII, 156. Если обстоятельства переданы достоверно, аль-Валид ожидал, что Усмана сменит один из его

Марван ещё позднее, очевидно до собственного избрания халифом, пригласил Амра прибыть в Сирию, чтобы «ему была принесена присяга». Это было в то время, когда Марвану нужно было оспорить прерогативу суфьянидов, потомков Муавии, широко поддерживаемую в Сирии, и когда он хотел напомнить сирийцам, что настоящим основателем омейядского халифата был Усман, а не Муавия. Амр, несомненно, благоразумно, отказался и умер в Мине[49].

Сообщения о том, что Усман на каком-то этапе своего халифата назначил Абд ар-Рахмана ибн Ауфа своим преемником, недостоверны. Ибн Шабба приводит рассказ, переданный Абдаллахом ибн Лахиʿа, согласно которому Усман, страдая от носового кровотечения, приказал своему вольноотпущеннику Хумрану ибн Абану написать завещание о преемстве Абд ар-Рахмана, но последний молил Бога, чтобы Он дал ему умереть прежде Усмана. Он умер через шесть месяцев[50]. Из этого рассказа Ибн Хаджар аль-Аскалани вывел дату «года носового кровотечения» как 31/651–2, поскольку Абд ар-Рахман ибн Ауф умер в 32/652–3.[51] Свободно украшая этот рассказ, аль-Яʿкуби повествует, что Усман велел Хумрану написать письмо о назначении, но имя Абд ар-Рахмана вписал своей собственной рукой. Когда он послал Хумрана отнести это письмо Умм Хабибе бинт Аби Суфьян, Хумран прочитал его и известил Абд ар-Рахмана. Последний пожаловался, что он добивался управления Усмана открыто, тогда как халиф теперь назначает его тайно. Когда это дело стало известно в Медине, Омейяды пришли в ярость. Усман наказал Хумрана и отправил его в Басру[52]. В действительности же Усман сослал Хумрана ибн Абана в Басру раньше и по иной причине[53].

Недовольство властным режимом Усмана и поставленными им наместниками не ограничивалось провинциями вне Аравии. В Медине его двоюродный брат аль-Харис ибн аль-Хакам, которого он поставил во главе рынка, вызвал возмущение и протест, когда

сыновей уже на втором году его правления. Согласно Сайфу ибн Умару, между домами аль-Валида ибн Укбы и Са'ида ибн аль-Аса существовала стойкая вражда. См.: Табари, I, 2849.

[49] Балазури, *Ансаб*, V, 106. Согласно аль-Балазури, Амр сражался на стороне мединцев против омейядской армии при аль-Харре и поэтому был оскорблён и высечен сирийским командующим Муслимом ибн Укбой. О том, что он не покинул Медину до битвы вместе с другими омейядами и был оскорблён и наказан, сообщает также Авана. См.: Табари, II, 421. Согласно Абу Михнафу, он действительно покинул Медину вместе с омейядами, но отказался сообщить Муслиму ибн Укбе сведения о положении в городе. См. там же, 410. В анекдоте, процитированном Мус'абом аз-Зубайри, *Насаб*, 109–110, Марван изображён как человек, побуждавший Амра ибн Усмана заявить притязания на халифат во время правления Му'авии.

[50] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1028–1029; аз-Захаби, *Та'рих аль-ислам*, Каир, 1367–1369/1948–1950, I, 107. Усман изгнал Хумрана за нарушение доверия. Другая версия этой истории, восходящая к ученику Ибн Лахи'и аль-Лайсу ибн Са'ду, уточняет, что Усман сослал Хумрана в Ирак. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1029–1030.

[51] Ибн Хаджар, *Фатх аль-бари*, VII, 58.

[52] Я'куби, *Та'рих*, II, 195–196; *Анналы*, VII, 42–43.

[53] Согласно аль-Балазури (*Ансаб*, V, 57–58), Усман послал Хумрана в Куфу, чтобы выяснить правду относительно жалоб на аль-Валида ибн Укбу. Аль-Валид подкупил Хумрана, и, вернувшись к халифу, тот солгал о его поведении и похвалил его. Затем он встретил Марвана, который спросил его об аль-Валиде, и Хумран признался ему, что дело серьёзное. Марван сообщил об этом Усману, который пришёл в ярость из-за того, что Хумран солгал ему. Он сослал его в Басру, выделив ему там дом в качестве пожалования. Иную версию приводит Сайф ибн Умар. См.: Табари, I, 2923.

использовал свою должность для скупки привозных товаров и их продажи с большой прибылью, взимал сборы с лавок мелких торговцев (*yajbī maqāʿid al-mutasawwiqīn*) и совершал другие предосудительные поступки. Усман отказался удовлетворить народные требования о его смещении[54] и ещё более разжёг чувства людей, подарив аль-Харису верблюдов, которые были собраны как часть налога закята и доставлены в Медину[55]. Великое большинство ансаров открыто обратилось против Усмана.

Среди курайшитов Амр ибн аль-Ас из клана Сахм, по-видимому, первым начал в Медине агитацию против халифа после своего смещения с наместничества в Египте. Он излил свой гнев и обиду, разведясь со своей женой Умм Кульсум, единоутробной сестрой Усмана[56]. Когда он начал открыто критиковать халифа, Усман осыпал его оскорблениями, на которые тот ответил тем же. В этой перебранке присутствовало соперничество между их отцами, обоими видными купцами Мекки до ислама. Амр, разгневанный, удалился и начал подстрекать Али, аз-Зубайра и Тальху против Усмана, а также возбуждать смуту среди паломников в Мекке, обвиняя халифа в «новшествах»[57]. Его агитация вполне могла способствовать мятежу в Египте против Абдаллаха ибн Саʿда ибн Аби Сарха в большей степени, чем это прямо говорится в источниках[58]. Когда египетские мятежники стояли лагерем в Зу Хушубе вне Медины до осады дворца халифа и Усман пришёл к Аише просить её совета, она потребовала, чтобы он вновь назначил Амра наместником Египта, поскольку тамошние его воины (*jund*) были им довольны. Об этом Усман упомянул в письме к сирийцам (*ahl al-Shām*), написанном 1-го числа месяца зу-ль-хиджжа 35 года хиджры / 31 мая 656 года в начале последней осады его дворца, и в своём почти тождественном послании к мекканским паломникам, которое Абдаллах ибн аль-Аббас зачитал им 7 зу-ль-хиджжа / 6 июня. Усман заявил, что согласился на это требование, но затем Амр оскорбил его и перешёл предел должного[59]. Оскорбительный поступок Амра, который Усман,

---

[54] Балазури, *Ансаб*, V, 47; Kister, дополнительные примечания к его статье IX, “The Market of the Prophet”, в сборнике *Studies in Jahiliyya and Early Islam*, Variorum Reprints, London, 1980. Позднее политику обложения рынков Медины налогами возобновил Му'авия. См.: Kister, “Market of the Prophet”, 275.

[55] Балазури, *Ансаб*, V, 28.

[56] Табари, I, 2968. Умм Кульсум была родной сестрой аль-Валида ибн Укбы, которого Усман в то же время назначил наместником Куфы. Если сообщение достоверно, она, должно быть, была разведена с Абд ар-Рахманом ибн Ауфом. Однако это не подтверждается у аз-Зубайри. См.: *Насаб*, 145. Сначала она была замужем за Зайдом ибн Харисой, который погиб при Муте; затем — за аз-Зубайром, который развёлся с ней; затем — за Абд ар-Рахманом ибн Ауфом. Её брак с Амром ибн аль-Асом, вероятно, был кратким.

[57] Табари, I, 2966–2967. Это сообщение восходит к сведениям аль-Мисвара ибн Махрамы, переданным его клиентом Абу Ауном.

[58] Это предполагал Велльхаузен. См.: *Skizzen*, VI, 127. Аль-Валид ибн Укба в стихотворении обвинял Амра вместе с «Дулаймом» — Аммаром ибн Ясиром — и египетским мятежником Суданом ибн Хумраном аль-Муради в том, что они создавали смуту и побуждали других поносить Усмана. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 306. Это происходило в то время, когда Усман отправил Аммара в Египет, чтобы расследовать жалобы людей и умиротворить их, незадолго до того, как египетская группа мятежников выступила к Медине. См. ниже, с. 117.

[59] Табари, I, 3043; Ибн Асакир, *Усман*, 311. В письме к сирийцам не говорится, что воины в Египте были довольны Амром. Усман в своих письмах не называл Аишу лично, а говорил о своём визите к Матерям верующих — *ummahāt al-mu'minīn*. Отчасти это было сделано из вежливости, отчасти потому, что письма, подстрекавшие мусульман в провинциях против Усмана, как будет видно далее, были отправлены от имени Матерей верующих в целом. Однако ясно, что активную роль играла именно Аиша, и это было широко

вероятно, имел в виду, произошёл вскоре после того, как египетские мятежники ушли из Зу Хушуба, получив обещание, что халиф исправит все их жалобы.

Когда Усман, под давлением Марвана, объявил в мечети Медины, что египтяне возвращаются в свою страну удовлетворёнными тем, что всё услышанное ими о проступках их имама оказалось ложью, Амр крикнул с одной стороны мечети: «Побойся Бога, Усман, ибо ты въехал в пропасти (*rakibta nahābir*), и мы въехали в них вместе с тобой. Так покайся же Богу, чтобы и мы покаялись». Сначала Усман отреагировал с презрением: «Так это ты здесь, сын ан-Набиги![60] Клянусь Богом, твоя *джубба* покрылась вшами с тех пор, как я освободил тебя от должности». Однако когда затем раздался другой голос, предупреждавший халифа покаяться, он поднял руки, обратившись к кибле, и провозгласил своё покаяние. Амр удалился в своё имение в Палестине, где с тревогой ожидал конца Усмана[61].

По мере того как родня Усмана, в особенности Марван, всё более брала под контроль его политическое поведение, ранние сподвижники избирательного совета, видя, что их влияние сходит на нет, обращались против него. Их всё ещё широко признавали хранителями принципов ислама, неформальными вождями мусульманской общины, коллективно ответственными за её правильное руководство. Теперь каждый из них в различной степени отнял свою поддержку у халифа, которого они избрали. Наиболее значительным было уход Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, создателя его избрания и бывшего шурина Усмана. Поскольку он умер в 32/652–3, за три года до убийства Усмана, очевидно, что глубокое отчуждение достигло опасных размеров задолго до самого кризиса. Племянник Абд ар-Рахмана, аль-Мисвар ибн Махрама, сообщал, что, когда Усман подарил

признано обществом. Из других вдов Мухаммада известно лишь об ограниченном участии Умм Саламы. Два письма Усмана, несомненно, подлинны и были сохранены независимо друг от друга. Письмо к сирийцам, написанное секретарём Усмана Унайсом ибн Аби Фатимой, было передано Исмаилом ибн Убайдаллахом ибн Аби аль-Мухаджиром, клиентом махзумитов, который был воспитателем сыновей халифа Абд аль-Малика и наместником Магриба во времена Умара II. Он родился во время правления Му'авии. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, I, 317–318. Он, должно быть, имел доступ к письму либо через копию, хранившуюся в его семье, либо через дворцовые архивы. Послание к мекканским паломникам, очевидно, было сохранено Ибн аль-Аббасом, который прочитал его им, и передано его учеником Икримой. См.: Табари, I, 3040. Оно также было передано Мухаммадом ибн Исхаком от Алида Али ибн аль-Хусайна, который, вероятно, получил текст от Ибн аль-Аббаса. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1162–1166. Унайс ибн Аби Фатима, скорее всего, был братом Му'айкиба ибн Аби Фатимы ад-Дауси из Азда, союзника бану Абд Шамс. См.: Ибн Са'д, *Табакат*, IV/1, 86–87. Му'айкиб некоторое время заведовал казной — *bayt al-mal* — при Умаре и был хранителем печати Усмана, во время халифата которого он умер. См.: Ибн Хаджар, *Исаба*, VI, 130. Унайс, вероятно, сменил его на этой должности.

[60] «Ан-Набига» относится к матери Амра, которая была рабыней из племени Аназа, купленной на рынке Указ курайшитом Абдаллахом ибн Джуд'аном ат-Тайми. Тот держал её как проститутку, а позднее отпустил на свободу. См.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, II, 100.

[61] Табари, I, 2972. Этот рассказ восходит к Алиеву внуку Мухаммаду ибн Умару, умершему в начале Аббасидской эпохи. То, что Амр уехал в своё владение в Палестине, подтверждается сообщением Абу Ауна, клиента аль-Мисвара. См. там же, 2967. О местоположении имения Амра в Палестине, называвшегося Аджлан, см.: M. Lecker, “The Estates of 'Amr b. al-'As in Palestine: Notes on a New Negev Arabic Inscription”, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 52, 1989, 24–37, особенно 31–37.

одному из сыновей аль-Хакама[62] верблюдов из закята, прибывших в Медину, его дядя послал за ним и за Абд ар-Рахманом ибн аль-Асвадом ибн Абд Ягусом, внуком дяди Мухаммада по матери и человеком высокого положения среди Бану Зухра. Они захватили этих верблюдов, и Абд ар-Рахман (ибн аль-Асвад или ибн Ауф?) раздал их людям[63].

Когда Усман во время паломничества 29/650 совершил в обрядовой молитве в Мине четыре ракаʿа [поясных поклона] вместо традиционных двух, Абд ар-Рахман совершил со своими спутниками только два, а затем наедине упрекнул Усмана. Абдаллах ибн Масʿуд, однако, сказал ему, что противиться практике имама хуже, чем следовать за ним в неверной практике, и Абд ар-Рахман решил впредь совершать четыре ракаʿа[64]. Согласно сообщению его внука Саʿда ибн Ибрахима, Абд ар-Рахман был глубоко потрясён смертью Абу Зарра в изгнании в ар-Рабазе, случившейся незадолго до его собственной смерти. Он защищался от упрёка Али в том, что несёт ответственность за поведение Усмана, заявляя, что тот нарушил свои обязательства [данные во время избрания] перед ним, и предлагал обнажить свой меч в солидарности с Али[65]. Перед смертью он выразил желание, чтобы Усман не совершал над ним погребальной молитвы, и эту молитву возглавил аз-Зубайр или Саʿд ибн Аби Ваккас[66].

Другим видным представителем Бану Зухра, который гораздо раньше разошёлся с Усманом, был Абдаллах ибн Аркам ибн Абд Ягус, ещё один внук дяди Мухаммада и бывший писарь Пророка. Умар поставил его во главе общественной казны (*bayt al-māl*) и высоко ценил его. По словам Хафсы, её отец даже подумывал назначить его своим преемником[67]. При Усмане он продолжал оставаться на своей должности, пока Абдаллах ибн Халид ибн Асид, племянник и шурин халифа[68], не прибыл из Мекки с группой людей, добровольно вызвавшихся сражаться за веру (*ghuzātan*). Усман приказал выдать Абдаллаху 300 000 дирхамов, а каждому из прочих людей — по 100 000 и отправил письмо об этом хранителю общественной казны Ибн Аркаму. Последний счёл эту сумму чрезмерной и вернул письмо обратно. Когда халиф упрекнул его, называя его «казначеем для нас», он ответил, что считал себя казначеем для мусульман, и ушёл в отставку, повесив ключи от

---

[62] *Ba'd bani al-Hakam*, Табари, I, 2980. Скорее всего, имеется в виду аль-Харис, и сообщение относится к уже упомянутому ранее эпизоду.
[63] Там же.
[64] Там же, 2834–2835.
[65] Балазури, *Ансаб*, V, 57.
[66] Там же. Каэтани отверг сообщение о том, что Абд ар-Рахман отказался видеть Усмана перед своей смертью, как «естественно недостоверное». См.: *Анналы*, VII, 556–557. Он утверждал, что ортодоксальные традиционалисты из-за своей проалидской предвзятости не могли примириться с тем фактом, что Абд ар-Рахман ибн Ауф предпочёл Усмана. Однако сообщения, исходящие из его собственной семьи и от бану Зухра, не оставляют сомнений в том, что Абд ар-Рахман порвал с Усманом ещё до своей смерти.
[67] Ибн Хаджар, *Исаба*, IV, 32–33.
[68] См. экскурс 3 о браках Усмана, с. 365–366. Это, вероятно, произошло до того, как Усман выдал свою дочь Умм Са'ид за Абдаллаха ибн Халида. См. там же, с. 366–367.

казны на минбаре[69]. Усман послал к нему Зайда ибн Сабита с подарком в 300 000 дирхамов, но он отказался принять его[70].

Ещё один случай, связанный с представителем Бану Зухра, произошёл поздно, во время наместничества Саʿида ибн аль-Аса в Куфе, вероятно уже после смерти Абд ар-Рахмана ибн Ауфа. В конце постного месяца рамадан Саʿид спросил куфийцев, видел ли кто-нибудь новый месяц. Все отрицали, что видели его, кроме Хашима ибн ʿУтбы ибн Аби Ваккаса, племянника Саʿда ибн Аби Ваккаса. Наместник осмеял его и сослался на то, что он одноглазый. Хашим ответил, что потерял глаз на пути Бога [он был ранен в битве при Ярмуке], и после этого приступил к *ифтару* [разговению, то есть к приему пищи после поста – прим.перев.]. В наказание за его неповиновение наместник приказал избить его и сжечь его дом. Его сестра Умм аль-Хакам, одна из женщин-мухаджирок, и его брат Нафиʿ[71] отправились в Медину и сообщили Саʿду ибн Аби Ваккасу об этом происшествии. Когда Саʿд пожаловался Усману, халиф признал право возмездия, сказав ему: «Саид в вашей власти — отомстите за Хашима и нанесите ему такой же удар. И дом Саида в вашей власти — сожгите его, как он сжёг дом Хашима». Сын Саʿда, Умар, в тот период еще дитя, пошёл к дому Саʿида в Медине и попытался поджечь его. Когда весть дошла до Аиши[72], она вмешалась перед Саʿдом, и тот остановил своего сына[73]. Саʿид ибн аль-Ас, вскоре после этого свергнутый куфийцами, по-видимому, также был избавлен от унижения быть избитым. Хашим ибн ʿУтба стал деятельным сторонником Али в Куфе.

Саʿд ибн Аби Ваккас, второй представитель Бану Зухра[74] среди выборщиков, сохранял известную дистанцию по отношению к Усману после того, как тот сместил его с

---

[69] Это произошло до смещения Абу Мусы аль-Аш'ари с должности наместника Басры. Усман выдал Абдаллаху ибн Халиду ибн Асиду деньги, несмотря на протест Ибн Аркама, а позднее его обвиняли в том, что он сделал этот дар из средств *фай'*, присланных аль-Аш'ари. См. стихотворную строку Абд ар-Рахмана ибн Ханбала ибн Мулайля, цитируемую в *Агани*, VI, 60. Согласно Ибн Абд аль-Барру, *аль-Исти'аб фи ма'рифат аль-асхаб*, Hyderabad, 1336/1918, I, 336, Абдаллах ибн Аркам был казначеем при Усмане только два года. Аз-Зубайри, *Насаб*, 262, очевидно, ошибается, утверждая, что он оставался казначеем до конца — *akhir* — халифата Усмана. Согласно большинству источников, он умер во время правления Усмана. Теперь Усман назначил казначеем Зайда ибн Сабита. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 58, 88; Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, III, 36, со ссылкой на аль-Вакиди. Ему Усман пожаловал 100 000 дирхамов в 27/648 году из хумса похода в Ифрикию. Вариант сообщения, согласно которому Усман назначил казначеем Му'айкиба ибн Аби Фатиму, вероятно, недостоверен. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 58.

[70] Балазури, *Ансаб*, V, 58–59, 88; Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, III, 36.

[71] Нафи' ибн Аби Ваккас, вероятно, может быть отождествлён с Нафи' ибн Утбой ибн Аби Ваккасом. См. примечание к тексту у Ибн Са'да, *Табакат*, V, 21.

[72] Дом Са'ида ибн аль-Аса в Медине, по-видимому, находился близ мечети Пророка и покоев Аиши. Он просил у халифа Умара разрешения расширить его, и Умар, хотя и несколько неохотно, согласился на небольшую пристройку, которую Са'ид счёл недостаточной. Затем Усман удовлетворил его пожелания. См.: Ибн Са'д, *Китаб*, V, 20–21.

[73] Там же, 21.

[74] Существовали утверждения, что сыновья Абу Ваккаса ложно претендовали на курайшитское происхождение и на самом деле принадлежали к узра из Куда'а. Хассан ибн Сабит, как сообщается, в стихотворении назвал языческого брата Са'да, Утбу, рабом Узры после того, как тот сломал один из зубов Мухаммада и ранил его в лицо в битве при Ухуде. См.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, VI, 55–56. Согласно глоссе в одной из рукописей *Дивана* Хассана, изд. W. N. Arafat, London, 1971, II, 137, мать Абу Ваккаса была женщиной из Узры.

наместничества в Куфе. По-видимому, он не присоединился к оппозиционному движению и не поощрял его активно, но и мало сделал для поддержки осаждённого халифа. Однако он резко упрекнул Аммара ибн Ясира, когда тот возвратился из Египта, подстрекнув там людей к мятежу против халифа[75]. Саʿда не было среди делегатов курайшитов во главе с Али, которые встретили египетских мятежников в Зу Хушубе, чтобы убедить их возвратиться домой[76]. Однако по просьбе Усмана он убеждал Аммара ибн Ясира присоединиться к делегации. Аммар имел влияние среди египтян, и халиф, вероятно, надеялся, что его присутствие поможет успокоить враждебность мятежников. Однако Аммар решительно отказался присоединиться после того, как обнаружил, что Усман тайно послал одного из своих приспешников, Касира ибн ас-Салта аль-Кинди, шпионить за ним[77].

Когда небольшая группа мятежников прибыла в Медину, Саʿд и Аммар сотрудничали с ними в изложении их жалоб халифу. Усман сначала не принял их, и неизвестно, был ли Саʿд ещё среди них, когда халиф всё же заговорил с ними несколько дней спустя[78].

Когда основная масса мятежников в конце концов вошла в Медину и обратилась к Саʿду, прося, чтобы он поговорил за них с Усманом, он отказался вмешиваться, так же как и Саʿид ибн Зайд ибн Амр ибн Нуфайл[79]. После встречи с вождями мятежных групп из Куфы, Басры и Египта он, как сообщается, заметил, что всякое дело, которое возглавляют такие люди, может быть только злым[80]. Абу Хабиба, вольноотпущенник аз-Зубайра, сообщал, что видел Саʿда ибн Аби Ваккаса, посещавшего халифа в тот день, когда Усман был убит. Выходя из осаждённого дворца, он выразил тревогу при виде врагов у ворот. Марван упрекнул его: «Теперь ты сожалеешь, а прежде ты его унижал (*ashʿartahu*)». Саʿд извинился, сказав, что не думал, будто люди зайдут так далеко в своей дерзости или станут посягать на его кровь. По его словам, Усман только что вновь объявил о своём покаянии.

---

[75] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1122–1124.

[76] Табари, I, 2971.

[77] Там же, 2969–2970; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1125. Касир ибн ас-Салт, потомок царей Кинды, был захвачен ребёнком во время ридды и стал союзником — *halif* — бану Джумах из курайшитов. Усман использовал его как посредника в племенных конфликтах. См.: M. Lecker, “Kinda on the Eve of Islam and during the Ridda”, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1994, 333–356, особенно 354–355. Он выступает как близкий приближённый Усмана во время осады дворца. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1178, 1227. Многие подозревали его в том, что он был убийцей Нияра ибн Ияда аль-Аслами и тем самым спровоцировал нападение на дворец. См.: Табари, I, 3004. Он также известен как передатчик хадисов и стал секретарём халифа Абд аль-Малика. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, VIII, 419–420; Ибн Манзур, *Мухтасар Та'рих Мадинат Димашк ли-Ибн Асакир*, изд. Ruhiyya al-Nahhas et al., Damascus, 1984–1990, XXI, 140–141.

[78] Балазури, *Ансаб*, V, 51–52, 95; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1101. Общий тон сообщения — проусмановский и антиалидский. Передатчик Хусайн ибн Нумайр аль-Васити, куфиец по происхождению, был известен как резкий критик Али — *yahmilu 'ala 'Ali*. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, II, 291–292. Его источник, Джухайм аль-Фихри, в других источниках неизвестен.

[79] Табари, I, 2963. Са'ид ибн Зайд был членом делегации, встретившей мятежников у Зу Хушуба.

[80] Балазури, *Ансаб*, V, 97; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 50. Сообщение восходит к твёрдо проусмановскому деду Малика, Малику ибн Аби Амиру аль-Асбахи, который опущен в иснаде аль-Балазури. Усман назначил ему пенсию — *farada lah*. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, X, 19. Он был — или утверждал, что был — среди людей, которые несли тело Усмана к месту погребения. См.: Табари, I, 1348–1349; Балазури, *Ансаб*, V, 96. Визит Са'да к Усману, упомянутый в версии Ибн Са'да, вполне может быть тем же самым, что описан в рассказе Абу Хабибы, процитированном ниже.

Марван убеждал его разыскать Али, который скрывался и чьему слову мятежники не посмели бы противиться. Саʿд нашёл Али в мечети и просил его ещё раз помочь своему родственнику Усману. Затем прибыл Мухаммад ибн Аби Бакр и доверительно сообщил Али, что Усман убит[81].

Каэтани видел мятеж против Усмана как движение, по существу вызванное племенной враждой к гегемонии курайшитов. Ранние сподвижники Али, Тальха и аз-Зубайр, хотя и сами принадлежали к курайшитам, коварно поощряли эти антикорейшитские чувства в провинциях из-за своих личных честолюбивых стремлений. Интерес курайшитов, считал Каэтани, почти совпадал с интересом Бану Умайя[82]. Однако, хотя, конечно, существовало известное племенное недовольство господством курайшитов вообще, отпадение Бану Зухра, крупного клана курайшитов, ясно показывает, что антиомейядские настроения распространялись и среди самих курайшитов. Ни один из вождей Бану Зухра не был движим личным честолюбием. Именно поведение Усмана в конце концов стоило ему поддержки большинства курайшитов, столь твёрдо поддержавших его избрание.

Исмаʿил ибн Яхья ат-Тайми, потомок халифа Абу Бакра, который после 158/775 составил рассказ об убийстве Усмана[83], объяснял широко распространившееся отчуждение, указывая на проступки Усмана против Ибн Масʿуда, Абу Зарра и Аммара ибн Ясира. Дурное обращение с Ибн Масʿудом возмутило его племя Хузайль и Бану Зухра, вольноотпущенником которых он был; обида Абу Зарра разделялась его племенем Гифар, а Махзумиты пришли в ярость из-за дела Аммара, их союзника (ḥalīf)[84].

Аммар присоединился к публичному протесту Али в мечети против заявления Усмана о своём праве произвольно присваивать имущество fayʾ. Халиф, не в силах наказать Али, осыпал Аммара бранью и велел избить его, пока тот не потерял сознание. Его отнесли к Умм Саламе, махзумитской вдове Мухаммада. Её двоюродный брат Хишам ибн аль-Валид, брат Халида ибн аль-Валида, протестовал перед Усманом против дурного обращения с «нашим братом» и угрожал убить в возмездие какого-нибудь омейяда, если Аммар умрёт, но Усман оскорбил и его и велел удалить его. Аиша взялась за их дело и устроила сцену в мечети, приведя Усмана в ярость[85]. Так и Махзумиты лишили Усмана своей поддержки.

Брат Усмана, аль-Валид ибн Укба, позднее ещё сильнее разжёг неприязнь махзумитов. Помимо того что он нападал на «Дулайма» — то есть Аммара — за его нелояльную деятельность в Египте, он, по-видимому клеветнически, высмеял махзумита

---

[81] Табари, I, 2998–2999. Сообщения о том, что Са'д предложил Усману сражаться за него и что он покинул Медину и уехал в Мекку до убийства, чтобы уберечь свою веру, являются проусмановской легендой. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1130–1131, 1274–1275.

[82] См. в особенности *Анналы*, VIII, 27–31. Х. Джаит, безусловно, прав, отвергая точку зрения А. Дури, Х. А. Р. Гибба и других, согласно которой мотивация восстания против Усмана была в своей основе «бедуинской, арабской, кочевой», и подчёркивая его исламский характер. См.: *La Grande Discorde*, 88.

[83] См. экскурс 5 об источниках по кризису халифата Усмана, с. 377–378.

[84] Балазури, *Ансаб*, V, 26; Ибн Асакир, *Усман*, 421.

[85] Балазури, *Ансаб*, V, 48–49. См. далее ниже, с. 101.

Умара ибн Суфьяна ибн Абд аль-Асада. Аль-Валид утверждал, что тот, подстрекаемый Дулаймом, порицал Усмана «подобно козлиному пуку на пустынных равнинах Идама».

Такая грубая брань вполне соответствовала характеру бывшего наместника, который в истории запомнился главным образом тем, что, будучи пьян, вырвал прямо на кафедре мечети в Куфе.

Махзумит ответил более достойно: он предостерёг Абд Шамс, что аль-Валид своей клеветой подтачивает их собственную опору.[86].

Находясь в осаде в своём дворце, Усман призвал Абдаллаха ибн аль-Аббаса и дал ему послание, которое следовало зачитать паломникам в Мекке. Он сказал ему, что только что назначил Халида ибн аль-Аса ибн Хишама наместником Мекки. Халид был вождём Махзумитов в Мекке и был наместником при Умаре[87]. Предыдущим наместником, всё ещё остававшимся у власти, был Абдаллах ибн Амир аль-Хадрами, союзник Омейядов[88], отец которого был убит как язычник при Бадре после того, как сразил Михджаʿа аль-ʿАкки, вольноотпущенника Умара и одного из древнейших сподвижников[89]. Усман, очевидно, надеялся поддержать свой авторитет в Мекке, заменив омейядского союзника видным махзумитом. Однако он сказал Ибн аль-Аббасу, что боится: люди Мекки, узнав о мятеже в Медине, могут оказать сопротивление Халиду, и тот может вследствие этого быть вынужден сражаться с ними в Святилище Божием. Халид, как он предположил, вероятно, не согласится возглавить паломничество. Поэтому Усман назначил Ибн аль-Аббаса руководителем паломничества[90]. Когда Ибн аль-Аббас передал Халиду распоряжения Усмана, тот, как и ожидалось, отказался выступить руководителем паломничества и читать паломникам послание Усмана. Указывая на зловещую враждебность толпы к халифу, он убеждал Ибн аль-Аббаса, как двоюродного брата человека, к которому, вероятно, перейдёт власть, выступить руководителем[91]. Этот рассказ проливает свет на полное разрушение авторитета Усмана среди мекканских курайшитов. Недовольство и смута не ограничивались немногими завоёванными провинциями, но пронизывали священные города Аравии.

Среди выборщиков наиболее деятельным и наиболее откровенным в оппозиционном движении был Тальха из клана Тайм. Человек сильного личного честолюбия, Тальха, хотя формально и был членом избирательного совета, не присутствовал при избрании Усмана. Когда он прибыл в Медину уже после избрания, он ясно выразил своё недовольство. Сообщается, что сначала он оставался у себя дома, заявляя, что он не такой человек, мнением которого можно законно пренебречь (*mithlī lā yuftātu ʿalayh*). Абд ар-Рахман ибн

---

[86] Ибн Асакир, *Усман*, 306–307. В тексте там стоит Амр вместо Умара. Однако неизвестно, чтобы у Суфьяна ибн Абд аль-Асада был сын по имени Амр. Умар ибн Суфьян был ранним мусульманином, переселившимся в Абиссинию. См.: Зубайри, *Насаб*, 338.

[87] Ибн Хаджар, *Исаба*, II, 92–93.

[88] Его дед Абдаллах аль-Хадрами был союзником Харба ибн Умайи. См. там же, IV, 259.

[89] *Анналы*, I, 510, 512.

[90] Табари, I, 3039–3040. Два сообщения Ибн аль-Аббаса, процитированные здесь, немного различаются в отношении наставлений, данных ему Усманом, но их можно надлежащим образом согласовать.

[91] Там же, 3039.

Ауф пришёл к нему и заклинал его ради ислама не разрывать единство[92]. Когда он пришёл к Усману, он спросил халифа, согласится ли тот на новые выборы, если он, Тальха, отвергнет итог первых. Усман заверил его, что согласится, и Тальха принес ему присягу.[93]

С тех пор Усман прилагал особые усилия, чтобы обеспечить поддержку Тальхи, оказывая ему почести и делая ему расточительные дары. По словам сына Тальхи, Мусы, Усман за время своего халифата одарил Тальху дарами на сумму 200 000 динаров[94]. Однако Тальха вскоре стал резким критиком поведения Усмана и описывается как человек, лично упрекавший халифа в разных случаях[95]. Согласно Халиду, вольноотпущеннику сына Усмана Абана, он вмешался, когда Марван, пользуясь именем халифа, извлекал личную выгоду на рынке, скупая финиковые косточки в качестве корма для своих верблюдов. Когда Усман стал оправдываться, что не отдавал такого приказа, Тальха ещё сильнее его обвинил, указав на суровую щепетильность Умара в подобном случае[96].

Тальха писал в провинции письма, возбуждая мятеж, и действовал сообща с египетскими мятежниками во время осады дворца Усмана. Когда позднее он прибыл в Басру, призывая к мести за кровь Усмана, Абдаллах ибн Хаким ат-Тамими из Муджаши показал ему его прежние письма к ним, и он признал, что написал их[97]. Абдаллах ибн Саʿд ибн Аби Сарх заметил, что, несмотря на щедрость халифа к нему, именно Тальха был самым суровым против него во время осады[98]. Такое же впечатление осталось и у позднейших историков, таких как Абу Михнаф, а также у Ибн Сирина (ум. 110/728) и Ауфа аль-Аʿраби, представлявших соответственно куфийскую шиитскую и басрийскую усманитскую традиции[99]. Абу Михнаф сообщал, что именно Тальха препятствовал доставке питьевой воды осаждённому халифу[100]. Усман, выглянув с балкона, приветствовал группу мятежников, среди которых увидел Тальху. Поскольку они не ответили на приветствие, он обратился к нему: «Тальха, я не думал, что доживу до дня, когда буду приветствовать тебя, а ты не ответишь на приветствие»[101]. Согласно сообщению куфийского усманита Кайса ибн Аби Хазима аль-Баджали, человеку, который во время осады пришёл к Тальхе просить его предотвратить смерть Усмана, тот ответил: «Нет, клянусь Богом, пока Бану Умайя сами не уступят право по собственной воле»[102].

---

[92] Балазури, *Ансаб*, V, 19–20. Сообщается, что Тальха и Усман ссорились и обменивались оскорблениями ещё во время правления Умара. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 33–34.
[93] Балазури, *Ансаб*, V, 19, 20.
[94] Там же, 7.
[95] Там же, 42, 44.
[96] Там же, 29.
[97] Там же, II, 229–230.
[98] Там же, V, 20.
[99] Там же, 71, 81; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1169. Ибн Сирин прямо сказал, что среди сподвижников Пророка никто не был суровее к Усману, чем Тальха.
[100] Балазури, *Ансаб*, V, 71. Это косвенно подтверждается сообщением Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада ибн Абд Ягуса. См.: Табари, I, 2979.
[101] Балазури, *Ансаб*, V, 76.
[102] Ибн Асакир, *Усман*, 407. Кайс ибн Аби Хазим аль-Баджали аль-Ахмаси, умерший в 84/703 году, был известен тем, что ставил Усмана выше Али. Поэтому куфийские традиционалисты, склонявшиеся к шиизму, сторонились его. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, VIII, 386–387.

Мединский сподвижник и собиратель Корана Муджаммиʿ ибн Джария аль-Ауси, по-видимому один из немногих мединских сторонников Усмана, рассказывал, что он проходил мимо Тальхи, который насмешливо спросил его, что делает его господин. Когда Муджаммиʿ ответил: «Я подозреваю, что вы [мн. ч.] убьёте его», Тальха заметил: «Если он и будет убит, он не ангел, приближённый [к Богу], и не пророк, посланный [Им]»[103]. Махзумитский сподвижник Абдаллах ибн Айяш ибн Аби Рабиʿа сообщал, что он посетил Усмана во время осады, и халиф дал ему послушать разговор тех, кто был за дверью. Он услышал, как они спорят, следует ли им напасть или же подождать, пока халиф не отречётся. Затем прибыл Тальха и спросил об Ибн ʿУдайсе, вожде египетских мятежников. Он что-то шепнул Ибн ʿУдайсу, и тот приказал своим спутникам никого не впускать во дворец и никого не выпускать. Усман сказал Ибн Айяшу, что именно Тальха отдал этот приказ, и вознёс молитву, чтобы Бог защитил его от Тальхи и даровал пролить кровь Тальхи. Тальха, утверждал он, совершил против него незаконное посягательство, и он привёл хадис Пророка о том, что пролитие крови мусульманина незаконно, кроме как за отступничество, прелюбодеяние и убийство. Ибн Айяш хотел уйти, но мятежники не пускали его, пока мимо не прошёл Мухаммад ибн Аби Бакр и не велел позволить ему выйти[104]. Абд ар-Рахман ибн Абза позднее вспоминал, что видел, как египетский вождь мятежников Судан ибн Хумран выходил из дворца Усмана в день убийства, и слышал, как он сказал: «Где Тальха ибн Убайдаллах? Мы убили сына Аффана»[105].

У Тальхи не было причины ненавидеть Усмана, который обходился с ним с особой щедростью, и он действовал из личного честолюбия. Он, должно быть, был уверен, что станет его преемником. Усман, вероятно, намекал именно на него в своём послании мекканским паломникам, переданном через Ибн аль-Аббаса, говоря, что «некоторые стремятся взять своё право неправедными средствами, для которых моя жизнь слишком затянулась. Их надежда на власть (*imra*) задержалась для них слишком надолго, и потому они стремились ускорить судьбу»[106]. За честолюбивыми стремлениями своего родственника Тальхи стояла Аиша, дочь Абу Бакра.

Аиша, по-видимому, затаила обиду на Усмана с самого начала его правления, поскольку, если можно доверять сообщению аль-Яʿкуби, он сократил её пенсию до уровня

---

[103] Балазури, *Ансаб*, V, 74.

[104] Табари, I, 3000.

[105] Там же, 3000–3001. Если принять, что сообщение восходит к нему, следует отметить, что Абд ар-Рахман ибн Абза является проалидским источником. Аль-Балазури приводит другое его сообщение с тем же куфийским и куммским иснадом, в котором он описывает, как сын Али, Мухаммад ибн аль-Ханафийя, удержал его от того, чтобы идти защищать Усмана. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 94. К обоим сообщениям следует относиться с осторожностью.

[106] Табари, I, 3042. Проусмановец Абд ар-Рахман ибн Аби Лайла сообщал, что Тальха взял на себя руководство египтянами во время осады дворца. Мухаммад ибн Аби Бакр был вместе с ними, но когда по вечерам он покидал их, он, Али и Аммар уверяли людей, что египетские мятежники действуют по приказу Али. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1171. В других проусмановских рассказах Али описывается как крайне обеспокоенный тем, что Тальха захватывает контроль. См., например, там же, 1197–1199.

пенсии прочих вдов Пророка[107]. Вероятно, именно она первой открыто выступила против Усмана в мечети Медины. Как вдова Мухаммада и дочь основателя халифата, она находилась в наилучшем положении для этого. Когда ранний сподвижник Абдаллах ибн Масʿуд, обвинённый аль-Валидом ибн Укбой в разжигании смуты в Куфе, был выслан в Медину и Усман стал оскорблять его с минбара, Аиша крикнула: «Усман, ты говоришь это сподвижнику Посланника Божия?»[108] Вскоре после этого из Куфы прибыли четыре свидетеля, чтобы обвинить аль-Валида в пьянстве. Когда Усман пригрозил им, они пожаловались Аише, и она воскликнула: «Усман воспрепятствовал кораническим законным наказаниям (*ḥudūd*) и угрожал свидетелям»[109]. Согласно рассказу аз-Зухри, Усман услышал шум в комнате Аиши и гневно сказал: «Неужели мятежники и негодяи из народа Ирака не находят иного убежища, кроме дома Аиши?» Услышав это, Аиша подняла одну из сандалий Мухаммада и закричала ему: «Ты оставил Сунну Посланника Божия, хозяина этой сандалии». Люди услышали об этом происшествии и наполнили мечеть, где они стали спорить о допустимости вмешательства Аиши как женщины в этот спор. Группа сподвижников пришла к Усману, и он был вынужден сместить своего брата[110].

В деле Аммара ибн Ясира Аиша в солидарности с Умм Саламой устроила в мечети подобную сцену. Она вынесла волос, одежду и сандалию Пророка и воскликнула: «Как быстро вы [мн. ч.] оставили Сунну вашего Пророка, тогда как его волос, его одежда и его сандалия ещё не истлели». Усман онемел от ярости, тогда как толпа, подстрекаемая Амром ибн аль-Асом, пришла в смятение и стала восклицать в изумлении[111].

Вероятнее всего, Аиша также писала в провинции письма, возбуждая мятеж, хотя после убийства Усмана она это отрицала. Письма были написаны от имени Матерей правоверных в совокупности, но в то время обычно считалось, что за ними стояла именно она. Когда она во время осады сказала куфийскому вождю мятежников аль-Аштару, возвысив голос: «Боже упаси, чтобы я приказала проливать кровь мусульман, убивать их имама, нарушать их неприкосновенность», — он мог ответить ей: «Это вы [ж. мн. ч.] писали нам, а теперь, когда война разожжена вашим действием, вы запрещаете нам»[112]. Масрук ибн аль-Аджда‘ аль-Хамдани, видный ученик Ибн Масʿуда, рассказывал, что Аиша упрекала людей за то, что они зарезали Усмана, как барана. Масрук сказал ей: «Это твоё дело. Ты [ед. ч.] писала людям, приказывая им выступить против него». Она отрицала, что когда-либо написала им хоть одну строку. Куфийский традиционалист аль-Аʿмаш заметил, что

---

[107] См.: Abbott, *Aishah*, 105. Сообщение аль-Я'куби, который в целом не является надёжным источником по ранней исламской истории, было принято Велльхаузеном. См.: *Skizzen*, VI, 126, прим. 2. Об отношениях Аиши с Усманом в целом см.: Abbott, *Aishah*, 100–131.

[108] Балазури, *Ансаб*, V, 36. Приказав выслать Ибн Мас'уда из Куфы, Усман также лишил его жалованья на три года. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1049. Вероятно, до самой его смерти.

[109] Балазури, *Ансаб*, V, 34.

[110] *Агани*, IV, 180–181.

[111] Балазури, *Ансаб*, V, 48–49, 88–89. Сообщение восходит к аз-Зухри. Эпизод, касающийся Аммара, не может быть точно датирован. Abbott поместил его перед эпизодом с Ибн Мас'удом. Однако более вероятно, что он произошёл несколько позднее.

[112] Там же, 102; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1224–1225.

поэтому эти письма обычно считались написанными от её имени[113]. Письма Матерей правоверных использовались Мухаммадом ибн Аби Хузайфой для разжигания мятежа в Египте. Египетский усманит Абд аль-Карим ибн аль-Харис аль-Хадрами (ум. 136/753–4)[114] утверждал, что эти письма были подделаны вождём мятежников[115]. Его свидетельство мало весит, поскольку такие письма были известны также в Куфе и отражают более поздний суннитский консенсус, согласно которому Аиша не могла писать писем против третьего Праведного халифа.

Нараставшая враждебность Аиши к Усману, несомненно, не была обусловлена только личными мотивами. Как почитаемая Мать правоверных и дочь первого халифа, она также чувствовала ответственность за охрану основных принципов халифата, основанного её отцом. Она могла видеть, что при Усмане халифат курайшитов быстро превращался в наследственную монархию на благо дома Омейядов. Когда Усман пришёл к ней и попросил совета у «Матерей правоверных» в этом кризисе, ему было сказано, согласно его письмам к сирийцам и мекканским паломникам, что он должен передать наместничества Амру ибн аль-Асу и Абдаллаху ибн Кайсу (Абу Мусе аль-Ашʿари) и оставить Муавию и Абдаллаха ибн Амира ибн Курайза. Муавия был назначен правителем ещё до Усмана, он хорошо управлял своей областью, и его воины были им довольны. Усман должен вернуть Амра на его наместничество, потому что его воины также довольны им, и он будет хорошо управлять своей страной.[116]

Упоминание здесь Муавии может показаться неожиданным. Оно может указывать на то, что существовали подозрения, скорее всего необоснованные, будто Усман может заменить даже Муавию, с которым у него были сравнительно прохладные отношения, одним из своих любимцев. Несомненно, Усман также упомянул его и Абдаллаха ибн Амира для того, чтобы показать, что он насколько может верно исполняет пожелания Аиши. Абу Муса аль-Ашʿари тоже был уже вновь назначен им наместником под давлением куфийцев до его визита к Аише. Однако суть её требований состояла в том, чтобы разрушить омейядскую монополию на управление завоёванными провинциями, которую вполне можно было видеть как средство обеспечения и охраны омейядского преемства халифату.

---

[113] Балазури, *Ансаб*, V, 103; Халифа, *Та'рих*, изд. Акрам Дия' аль-Умари, Damascus, 1977, 176. Масрук был среди куфийцев, которые принесли Усману письмо аль-Аштара, где тот требовал смещения Са'ида ибн аль-Аса и назначения Абу Мусы аль-Аш'ари и Хузайфы ибн аль-Ямана наместниками Куфы. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 46. После убийства Усмана Масрук упрекал аль-Аштара и Аммара за то, что они убили человека, который постоянно постился и молился — *qataltumuhu sawwaman qawwaman*. Проусмановский куфиец аш-Ша'би восхвалял его, говоря, что женщины Хамдана не рождали подобного Масруку. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 502–503. Известно, что Масрук имел доступ к Аише и передавал от неё хадисы.

[114] Ибн Хаджар, *Тахзиб*, VI, 371–372.

[115] Аль-Кинди, *Китаб аль-Вулат ва-Китаб аль-Кудат*, изд. R. Guest, London, 1912, 14. На основании этого сообщения Abbott склонялась к мнению, что все письма, приписываемые Аише, были подделаны. См.: *Aishah*, 124. Ибн Лахи'а также передал крайне вымышленное египетское сообщение, в котором Ибн Аби Хузайфа обвиняется в подделке писем Матерей верующих. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1153–1154.

[116] Ибн Асакир, *Усман*, 377; Табари, I, 3043. Абдаллах ибн Амир упоминается только в письме к сирийцам, где именно он, а не Му'авия, описывается как правитель, хорошо управлявший и пользовавшийся популярностью среди своих воинов.

В особенности повторное назначение такого упорного критика и грозного противника Усмана, как Амр ибн аль-Ас, стало бы мощным препятствием для омейядских устремлений.

Во время последней осады Аиша решила отправиться вместе с Умм Саламой в паломничество. В надежде, что её присутствие в Медине удержит мятежников от насилия, Усман послал Марвана и другого двоюродного брата, Абд ар-Рахмана ибн Аттаба ибн Асида[117], чтобы убедить её остаться ради его безопасности. Полностью приготовившись к поездке, она отвергла все просьбы. Когда Марван в конце концов с саркастической поэтической цитатой намекнул, что она бежит после того, как подожгла страну, она сердито сказала ему, что хотела бы, чтобы его человек оказался в одном из её дорожных мешков, чтобы она могла увезти его с собой и бросить в море[118]. Когда она достигла ас-Сульсуля, её догнал Абдаллах ибн аль-Аббас, посланный халифом доставить его послание в Мекку. Беспокоясь о том, какое впечатление оно может произвести на собравшихся паломников, она сказала ему, согласно сообщению самого Абдаллаха: «Ибн Аббас, умоляю тебя Богом, ведь тебе дан подвижный язык, отверни [людей] от этого человека и возбуди в них сомнения. Ибо их взоры стали ясными и острыми, им подняты световые знаки, и они стеклись из всех стран ради великого дела. Я видела, как Тальха ибн Убайдаллах завладел ключами от сокровищниц и кладовых. Если он возьмёт власть, он будет следовать образу действий своего двоюродного брата Абу Бакра». Абдаллах заметил: «Моя мать, если что-нибудь случится с этим человеком, люди будут искать убежища только у нашего товарища». Аиша отпрянула: «Оставь это, я не хочу вступать с тобой в состязание похвальбой или спор»[119]. Когда в Мекку пришла весть о жалком конце Усмана, но ещё не о преемстве Али, она велела поставить свой шатёр в Святилище и объявила: «Я думаю, что Усман принесёт несчастье своему народу [Омейядам], так же как Абу Суфьян принёс несчастье своему народу в день Бадра»[120]. Ей представлялось, что теперь Тальха повернёт часы назад ко времени Пророка.

Враждебность Тальхи и Аиши к Усману не разделялась аз-Зубайром из клана Асад[121]. Позднейшие источники склонны были тесно связывать аз-Зубайра с Тальхой из-за

---

[117] Согласно версии Ибн Са'да (*Табакат*, V, 25), вместе с ними был послан Зайд ибн Сабит, казначей и верный сторонник Усмана. Ибн Аби аль-Хадид (*Шарх*, III, 7) цитирует сообщение из *Китаб ад-Дар* аль-Вакиди, согласно которому Марван попросил Зайда ибн Сабита сопровождать его. Аиша дискредитировала Зайда, перечислив все земельные и денежные пожалования, которые он получил от Усмана, и он не сказал ничего в ответ.

[118] Балазури, *Ансаб*, V, 75. О различных версиях этого эпизода и словах Аиши см.: Abbott, *Aishah*, 124. Согласно одной из них, в своём пожелании она включала вместе с Усманом и самого Марвана. Каэтани выразил сомнения в подлинности этой истории, поскольку знал только версию шиита аль-Я'куби, но заметил, что «со своей циничной грубостью она хорошо придумана и достойна женщины джахилии, которой в значительной степени оставалась страшная вдова Пророка, неумолимая в своей ненависти и непреклонная в своих честолюбивых замыслах». См.: *Анналы*, VIII, 197.

[119] Табари, I, 3040.

[120] Балазури, *Ансаб*, V, 91, со слов Вахба ибн Джарира.

[121] В отношении аз-Зубайра также существовали утверждения, что его происхождение от Асад было ложным. Аль-Хайсам ибн Ади в своей *Китаб Маталиб аль-араб* утверждал, что дед аз-Зубайра, Хувайлид, посетил Египет и вернулся оттуда с отцом аз-Зубайра, аль-Аввамом, коптом, которого он усыновил. В качестве доказательства он ссылался на сатирическое стихотворение Хассана ибн Сабита против рода

их совместного выступления вместе с Аишей против Али и в битве при Верблюде. Басрийский историк Вахб ибн Джарир даже упомянул аз-Зубайра вместе с Тальхой как людей, державших в руках власть во время осады дворца[122]. Однако это далеко от действительности. Во время выборов аз-Зубайр, как было отмечено, порвал свой прежний союз с Али, чтобы поддержать Усмана. Последний вскоре после этого показал своё признание и благодарность, предложив аз-Зубайра в качестве регента до тех пор, пока его сын Амр не достигнет зрелости. Хотя это устройство вскоре утратило значение, когда Амр вырос, аз-Зубайр никогда полностью не порывал с халифом. Однако у него были и тесные связи с Аишей, поскольку её старшая сестра Асма была его женой. Амру ибн аль-Асу, возможно, в некоторой степени удалось настроить его против Усмана[123]. Аз-Зубайр, несомненно, присоединился к другим ранним сподвижникам в их коллективных действиях, оказывая давление на халифа, чтобы тот исправил свой образ действий и уменьшил влияние своей напористой родни. Однако он воздерживался от личных столкновений с халифом[124], и маловероятно, чтобы он писал в провинции письма, призывая к мятежу. Абдаллах ибн Масʿуд, опозоренный Усманом, назначил аз-Зубайра исполнителем своего завещания, наказав, чтобы халиф не совершал над ним погребальной молитвы. После его смерти аз-Зубайру удалось убедить Усмана восстановить детям Ибн Масʿуда его пенсионные права, которых тот был лишён[125]. Когда позднее Тальха и аз-Зубайр пришли в Басру искать мести за убийство Усмана, басрийцы напомнили Тальхе, что его письма к ним имели иное содержание. Тогда аз-Зубайр спросил их, получили ли они от него хоть одно письмо об Усмане[126].

Вероятно, в начале осады аз-Зубайр пришёл к Усману и сказал ему, что в мечети Пророка собралась группа людей, готовых предотвратить насилие против него и добивающихся справедливого урегулирования. Он убеждал его выйти и вместе с ними передать спор на суд вдов Мухаммада. Когда Усман вышел с ним, люди устремились к нему с оружием. Усман повернул назад и сказал аз-Зубайру, что не видит никого, кто искал бы

Хувайлида, где тот упоминал их тоску по коптам и усыновление аль-Аввама. См.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, XI, 68; Хассан, *Диван*, I, 374.

[122] Балазури, *Ансаб*, V, 90: *kana l-Zubayr wa-Talha qad istawlayā 'ala l-amr* — «аз-Зубайр и Тальха захватили власть над делом». Пространное повествование Вахба ибн Джарира об убийстве Усмана, см. там же, 88–92, было приписано им аз-Зухри. Хотя оно действительно содержит некоторый материал, восходящий к аз-Зухри, в значительной мере это собственное сочинение Вахба.

[123] Табари, I, 2967; см. выше, с. 91.

[124] Ненадёжный Абу Са'ид, клиент Абу Усайда, упоминает эпизод, в котором аз-Зубайр избил нескольких омейядских клиентов, нарушавших запрет Усмана на скупку и удержание товаров — *hukra*. Усман упрекнул аз-Зубайра; тот извинился перед халифом и был прощён. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1005–1006.

[125] Там же, 1050; Балазури, *Ансаб*, V, 37. Строка Абида ибн аль-Абраса, которую, согласно этому сообщению, аз-Зубайр процитировал применительно к Абдаллаху ибн Мас'уду, в другом сообщении упоминается как относящаяся к аль-Микдаду ибн аль-Асваду, то есть Амру. Сообщается, что Усман совершил погребальную молитву над аль-Микдадом и похвалил его после его смерти в 33/653–654 году. См.: Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 115–116. Это сообщение может подразумевать, что жалованье аль-Микдада также было отменено Усманом из-за его решительной позиции в поддержку Али.

[126] Табари, I, 3127; *Анналы*, IX, 57.

справедливости или предотвращал бы насилие[127]. Таким образом, попытка аз-Зубайра посредничать была сорвана.

Позднее, во время осады, аз-Зубайр послал своего вольноотпущенника Абу Хабибу к Усману, чтобы сообщить ему, что Бану Амр ибн Ауф, крупный клан ауситов, предложили ему свою поддержку во всём, что он им прикажет. Был жаркий летний день, и Абу Хабиба нашёл халифа с кожаными сосудами (marākin), наполненными водой, и салфетками (*riyāṭ*), разложенными перед ним. Абу Хабиба сообщил ему о Бану Амр и о том, что послушание аз-Зубайра халифу не изменилось. Если халиф пожелает, он немедленно придёт присоединиться к защитникам дворца; если же нет, он подождёт прибытия Бану Амр и будет защищать его с их помощью. Усман похвалил аз-Зубайра за его верность и дал понять, что предпочёл бы, чтобы тот дождался Бану Амр и с их помощью защитил его, если пожелает Бог, более действенно. Халиф был убит прежде, чем Бану Амр прибыли.[128]

Сын аз-Зубайра, Абдаллах, был почтён Усманом за свою выдающуюся роль в походе Абдаллаха ибн Саʿда в Ифрикию в 27/647 году, где он заметил слабое место в строю вражеского войска и убил греческого префекта Григория (Джарджира). Халиф в виде исключения позволил ему с минбара в Медине рассказать о ходе битвы[129]. Позднее Усман сделал его членом комиссии, которой было поручено установить официальную редакцию Корана[130]. Находясь, вероятно, под влиянием своей тётки Аиши, он питал сильную неприязнь к Али и пытался настроить своего отца против него. Согласно его собственному рассказу, он и его отец встретили Али в то время, когда египетские мятежники двигались на Медину. Али спросил аз-Зубайра, что он думает о том, как ему следует поступить. Аз-Зубайр предложил, чтобы он оставался в своём доме, не пытаясь ни остановить их, ни направлять их. Али одобрил этот взгляд и ушёл. Тогда Абдаллах заметил своему отцу: «Клянусь Богом, он непременно будет им помогать и направлять их и искать у них поддержки против Повелителя правоверных»[131].

---

[127] Балазури, *Ансаб*, V, 76, со ссылкой на Абу Михнафа; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1193.

[128] См. две слегка различающиеся версии сообщения у Ибн Асакира, *Усман*, 374–375. После убийства Усмана поэт Ханзала ибн ар-Раби' ат-Тамими, сам проусмановец, восхвалял Амр ибн Ауф за то, что они сдержали своё обязательство, и одновременно высмеивал бану ан-Наджжар за то, что они запятнали себя предательством. См. там же, 553–554. Мухаммад ибн аль-Мункадир назвал два клана ауситов — бану Амр ибн Ауф и бану Хариса — поддерживавшими Усмана. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1280.

[129] Рассказ Абдаллаха ибн аз-Зубайра о сражении, сохранённый семейной зубайридской традицией, цитируется в *Агани*, VI, 59–60. Абдаллах ибн Са'д попросил Ибн аз-Зубайра доставить в Медину весть о победе, сказав, что никто более него не заслуживает передать её. Ибн аз-Зубайр добавил, что позднее прибыл Марван и предъявил притязание на 500 000 дирхамов, которые Усман выделил ему из хумса добычи. Таким образом, честь досталась Абдаллаху ибн аз-Зубайру, а добыча — Марвану, который, по-видимому, ничем не отличился в походе. О том, что Усман попросил Абдаллаха ибн аз-Зубайра рассказать о сражении с минбара, сообщил племянник Абдаллаха, Хишам ибн Урва. См.: Ибн Абд аль-Хакам, *Футух Миср ва-ахбаруха*, изд. C. C. Torrey, New Haven, 1922, 185–186. Нет оснований подозревать тенденциозную выдумку со стороны прозубайридской египетской традиции, как предполагал Каэтани. См.: *Анналы*, VII, 189–190.

[130] Nöldeke and Schwally, *Geschichte des Qorāns*, II, 48.

[131] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1126–1127. Согласно другим версиям, Абдаллах, вмешавшись прежде, чем его отец успел ответить, сурово сказал Али, что тот должен повиноваться своему имаму. Аз-Зубайр упрекнул его за недостаток уважения к своему дяде по матери — Али. См. там же, 1197.

Во время осады Ибн аз-Зубайру, согласно зубайридскому семейному преданию, Усман поручил общее командование защитниками дворца[132]. Говорят, что он был ранен в бою[133] и всегда оставался почитателем Усмана и защитником его поведения[134]. На позднем этапе осады Усман велел ему прочитать осаждавшим письмо, в котором халиф обещал полное устранение всех их жалоб. Далее в письме говорилось, что Усман будет повиноваться всему, о чём согласятся жёны Пророка и здравомыслящие из его критиков, но он не «снимет одежду, в которую Бог его облек». Осаждавшие пытались помешать Ибн аз-Зубайру прочитать письмо и стреляли в него стрелами, но он прочитал его своим самым сильным голосом. Абу Михнаф добавлял, что, по словам некоторых, письмо читал скорее сам аз-Зубайр, но что первый рассказ достовернее[135]. Согласно Салиху ибн Кайсану, аз-Зубайр был среди двенадцати человек, похоронивших Усмана[136]. Однако это не подтверждается другими, более надёжными сообщениями, приведёнными аль-Вакиди[137].

Каэтани был твёрдо убеждён, что главным подстрекателем мятежа и главным виновником в убийстве халифа был Али. Поскольку исламская историческая традиция в целом не подтверждает этого тезиса, он обвинял ортодоксальные суннитские источники в закоренелой алидской, если не шиитской, предвзятости и систематическом антиомейядском искажении. Али, утверждал он, явно можно было считать главным выгодоприобретателем свержения Усмана. В действительности Али, значительно более молодой, чем халиф, почти наверняка законно наследовал бы ему, если бы терпеливо дождался естественной смерти Усмана. Однако им двигало чрезмерное честолюбие, совершенно несоразмерное с его действительным недостатком политической ответственности и политического чутья. Поэтому он, по Каэтани, вступил в заговор ради скорого устранения Усмана так же, как прежде вступил в заговор ради убийства Умара. Каэтани признавал, что Али, вероятно, не подстрекал массы к убийству Усмана, но тайно создавал ему многочисленные затруднения, чтобы сделать его непопулярным и представить самого себя в выгодном свете, в конечном счёте с тем, чтобы вынудить Усмана отречься[138].

Исходная посылка довода Каэтани была ошибочной. Избрание Усмана показало, что курайшиты, как Умар говорил Ибн аль-Аббасу, не согласятся на халифат двоюродного брата Пророка. Али горячо отстаивал своё право и был решительно отвергнут. Ни он, ни его противники не могли питать никаких иллюзий, будто при новых выборах итог окажется иным. Именно уверенность в том, что Али более не является действительным кандидатом,

---

[132] Балазури, *Ансаб*, V, 74.
[133] Там же, 79, со ссылкой на Абу Михнафа; Табари, I, 3005.
[134] См.: Балазури, *Ансаб*, V, 9.
[135] Там же, 66, со ссылкой на Абу Михнафа, и там же, 90, со ссылкой на Вахба ибн Джарира; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1193–1194.
[136] Табари, I, 3047.
[137] Случай, процитированный аль-Мада'ини со слов Ибн Джу'дубы, согласно которому Али слышал, как одна суфьянидская женщина читала стихотворение, обвинявшее аз-Зубайра и Тальху в убийстве Усмана, очевидно, не имеет исторической основы. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 105.
[138] *Анналы*, VIII, 160.

побуждала Аишу и Тальху подрывать правление Усмана. Если бы главным двигателем мятежа и его предполагаемым выгодоприобретателем был Али, Аиша не имела бы в нём никакого участия. Ибо какова бы ни была её неприязнь к омейядской надменности Усмана, её ненависть к Али коренилась ещё глубже. Та самая Аиша, которая незадолго до убийства Усмана говорила Марвану, что хотела бы бросить халифа в море, всего несколькими неделями позднее должна была уверять собравшихся в Мекке курайшитов, что Усмана убил Али и что один лишь кончик пальца Усмана лучше, чем весь Али целиком[139].

Однако Али не вполне отказался от своих притязаний. Отвергнутый правящим классом курайшитов, он стал естественным средоточием племенного недовольства в провинциях. В частности, в Куфе антиусмановская агитация во время наместничества аль-Валида ибн Укбы склонялась в пользу Али. Уже в начале правления Усмана Джундаб ибн Абдаллах ибн Дабб аль-Азди, который присутствовал в Медине при избрании и встречался с Али, начал восхвалять его достоинства в своей родной Куфе, но сначала встречал главным образом сопротивление. Согласно его собственному рассказу, на него донесли наместнику аль-Валиду, и он был заключён в тюрьму, но вскоре освобождён по заступничеству друзей[140]. Согласно Абу Михнафу, Амр ибн Зурара ан-Нахаʿи и Кумайль ибн Зияд ан-Нахаʿи были первыми, кто публично призвал к смещению Усмана и к признанию Али. Узнав о деятельности Амра ибн Зурары, аль-Валид хотел выступить против него и его сторонников, но ему сообщили, что вокруг Амра в силе собрался народ. Малик аль-Аштар, также из Бану-н-Нахаʿ, входившего в Мазхидж, предложил вмешаться и поручиться за хорошее поведение своих соплеменников. Когда аль-Валид доложил об этом Усману, тот приказал сослать Амра, которого охарактеризовал как грубого бедуина (aʿrābī jilf), в Дамаск. Аль-Аштар, аль-Асвад ибн Язид ибн Кайс и его дядя Алькама ибн Кайс ан-Нахаʿи сопровождали его, а затем возвратились в Куфу.[141]

Во время наместничества Саʿида ибн аль-Аса аль-Аштар и несколько других были сосланы из Куфы в Дамаск. Там они сначала остановились в доме Амра ибн Зурары. Эти люди, известные как куфийские чтецы Корана (qurrāʾ), явно склонялись к Али. Аль-Аштар возглавил восстание куфийцев против наместника Саʿида ибн аль-Аса и куфийский мятежный отряд, вошедший в Медину во время осады. Во время халифата Али они были среди его самых стойких сторонников, а некоторые из переживших это время, как Кумайль ибн Зияд, остались важными фигурами ранней шии. Эта куфийская поддержка Али, вероятно, первоначально была стихийной и оставалась рыхлой вплоть до убийства Усмана. Нет свидетельств того, что Али поддерживал с ними в это время тесные отношения или направлял их действия. Но он, несомненно, знал о них.

---

[139] Балазури, *Ансаб*, V, 91. Вариант: одна ночь Усмана была лучше, чем Али во всей вечности.

[140] Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, IX, 56–58. В Медине Джундаб предложил Али призвать куфийцев к его поддержке, но Али отказался, заявив, что для этого ещё не время.

[141] Балазури, *Ансаб*, V, 30. Аль-Асвад ибн Язид ан-Нахаи был учеником Ибн Мас'уда и в конце концов выступил против Али, в отличие от своего младшего дяди Алкамы ибн Кайса. См.: ас-Сакафи, Абу Исхак Ибрахим, *аль-Гарат*, изд. Джалал ад-Дин аль-Мухаддис, Tehran, 1395/1975, 559–565.

Али сталкивался с Усманом в особенности по вопросам религиозного закона. Как двоюродный брат Мухаммада по отцу и его воспитанник, он, очевидно, считал себя ответственным за сохранение и исполнение норм Корана и практики Пророка. В начале правления Усмана он протестовал против помилования Убайдаллаха ибн Умара за убийство аль-Хурмузана и угрожал применить законное наказание (ḥadd), когда сможет наложить на него руки[142]. Он настаивал, чтобы *ḥadd* за употребление вина был применён к аль-Валиду ибн Укбе, и когда другие колебались подвергнуть бичеванию единоутробного брата халифа, он либо сделал это сам, либо поручил своему племяннику Абдаллаху ибн Джаʿфару исполнить бичевание[143]. Его позиция в этих двух случаях навлекла на него неизбывную ненависть Убайдаллаха и аль-Валида. Во время паломничества 29/650 года он, подобно Абд ар-Рахману ибн Ауфу, упрекал Усмана за изменение молитвенного обряда, вызвавшее ропот среди народа[144]. Он подчеркнуто нарушил запрет Усмана на совершение малого паломничества (*ʿumra*) в сезон большого паломничества (*ḥajj*) или на совмещение их, настаивая, что не отступит от Сунны Пророка[145]. Когда Усман вызывающе заявил в мечети Медины, что возьмёт из *fayʾ* всё, что ему понадобится, невзирая на ропот некоторых людей, Али воскликнул, что в таком случае халиф будет удержан силой[146]. Али выразил своё неодобрение омейядской щедрости из денег *fayʾ*, раздаваемых знати, когда Саʿид ибн аль-Ас послал ему подарки из Куфы и поклялся, что, если когда-либо сам окажется у власти, будет свободно раздавать «наследие Мухаммада» людям[147]. Одной из жалоб куфийцев на Саʿида ибн аль-Аса было то, что он сократил пенсии их женщинам с 200 до 100 дирхамов[148].

Али также стремился защищать тех, кого считал достойными мусульманами, от дурного обращения со стороны халифа. Так, он вступился за сподвижника Джундаба ибн Каʿба аль-Азди, убившего немусульманского колдуна, находившегося под покровительством аль-Валида ибн Укбы. Наместник, которого этот колдун развлекал своими фокусами, хотел казнить Джундаба за убийство, но его племя Азд защитило его. Он бежал из тюрьмы и нашёл убежище в Медине. По заступничеству Али Усман послал аль-Валиду приказ воздержаться от действий против Джундаба, и тот возвратился в Куфу[149]. Али также протестовал против жестокого обращения Усмана с Ибн Масʿудом, напоминая халифу о его ранних заслугах как сподвижника Пророка, и взял его к себе в дом под

---

[142] Балазури, *Ансаб*, V, 24; Табари, I, 2796; *Анналы*, V, 93; VII, 21.
[143] Балазури, *Ансаб*, V, 33–35; *Анналы*, VII, 335–355. Сообщается, что аль-Хасан отказался приводить наказание в исполнение.
[144] Табари, I, 2833–2834.
[145] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1043–1044.
[146] Балазури, *Ансаб*, V, 48.
[147] *Агани*, XI, 31; *Анналы*, VIII, 88–89. Сообщается, что Са'ид ибн аль-Ас написал Али, что никому не посылает столь щедрых даров, как ему. Внук Са'ида, Са'ид ибн Амр, напротив, изображал Али как человека, движимого личной жадностью. Согласно его рассказу, Али принимал дары Са'ида, заявляя при этом, что бану Умайя лишь отдают ему крохи наследства Мухаммада, и утверждая, что, если он будет жить, он непременно прекратит это. См.: Ибн Са'д, *Табакат*, V, 21. С учётом последующего поведения Али это следует рассматривать как омейядское искажение.
[148] *Агани*, XI, 31.
[149] Балазури, *Ансаб*, V, 21–22.

защиту[150]. Он остановил Усмана, когда тот хотел наказать куфийского посланца, отказавшегося раскрыть имена тех, кто написал письмо, резко критикующее халифа[151]. Когда Усман сослал Абу Зарра, Али в знак солидарности с изгнанником сопровождал его вместе с несколькими членами своей семьи и Аммаром, хотя Марван по приказу Усмана пытался ему помешать. Это привело к гневной перепалке с Усманом[152]. После смерти Абу Зарра он вмешался, чтобы предотвратить ссылку Аммара[153].

Однако отношения между Али и Усманом не были всецело враждебными. Среди членов избирательного совета Али был ближайшим родственником Усмана. Общее происхождение от Абд Манафа, отца и Абд Шамса, и Хашима, всё ещё рассматривалось как действенная связь по отношению к остальным курайшитам. Сообщается, что Усман оказывал аль-Аббасу ибн Абд аль-Мутталибу такую же честь, как омейядам Абу Суфьяну ибн Харбу, аль-Хакаму ибн Аби-ль-Асу и аль-Валиду ибн Укбе, позволяя каждому из них сидеть вместе с ним на его троне[154]. Абдаллах ибн аль-Аббас рассказывал, что незадолго до смерти его отца в 32/652–3 году Усман жаловался ему на Али, обвиняя его в том, что он разорвал с ним родственные связи и поднимает против него людей. Когда аль-Аббас заметил, что необходимо взаимное примирение, Усман попросил его выступить посредником. Однако после этой встречи Усман под влиянием Марвана передумал и послал за аль-Аббасом, прося его отложить всякие действия. Аль-Аббас заметил своему сыну, что Усман не является хозяином собственных дел[155]. Возможно, к тому же самому случаю относится сообщение Сухайба, вольноотпущенника аль-Аббаса, что тот обратился к Усману, умоляя его обходиться со своим родственником Али снисходительно, ибо он слышал, что Усман намерен действовать против Али и его спутников (*aṣḥāb*). Усман ответил, что готов принять его заступничество и что, если бы только Али пожелал, никто не стоял бы у халифа выше него в уважении. Однако Али отверг все попытки примирения и оставался при своём мнении. Когда аль-Аббас поговорил с Али, тот заметил, что, если

---

[150] Там же, 36–37. Согласно аль-Вакиди, также сообщалось, что Али протестовал против бичевания куфийских свидетелей против аль-Валида по приказу Усмана. См. там же, 34.
[151] Там же, 41–42.
[152] Там же, 54. Подробный рассказ об этом эпизоде, восходящий к Ибн аль-Аббасу, был процитирован аль-Джаухари в его *Китаб ас-Сакифа*. См.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, VIII, 352–355.
[153] Балазури, *Ансаб*, V, 54–55.
[154] *Агани*, IV, 177.
[155] Балазури, *Ансаб*, V, 13; в иснаде следует читать Хусайн ибн Абдаллах ибн Убайдаллах ибн Аббас вместо Хусайн ибн Абдаллах ибн Абдаллах ибн Аббас; в строке 19 *ibnuka* следует читать как *'alayya*, как в издании I. Abbas: аль-Балазури, *Ансаб аль-ашраф*, 4/1, изд. Ihsan Abbas, Wiesbaden, 1979, 498; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1045–1047. О другом сообщении, приписанном Ибн аль-Аббасу и цитируемом аль-Вакиди в его *Китаб аш-Шура*, где приводится обмен обвинениями между Усманом и Али, см.: Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, IX, 15–17. Здесь Али, защитив своё собственное поведение, говорит Усману, что тот должен удержать «дерзких глупцов — *sufaha'* — из бану Умайя» от причинения вреда мусульманам и сместить продажных должностных лиц. Усман обещал последовать его совету, но Марван убедил его не делать этого.

Усман прикажет ему покинуть собственный дом, он сделает это, но не позволит уговорами побудить себя пренебречь предписаниями Книги Божией[156].

Согласно сообщению аш-Шаʿби, неудовольствие Усмана на Али дошло до того, что он жаловался на него каждому сподвижнику Пророка, который приходил к нему. Тогда Зайд ибн Сабит предложил сходить к Али и известить его о гневе халифа. Усман согласился, и Зайд вместе с двоюродным братом Усмана аль-Мугирой ибн аль-Ахнасом[157] и несколькими другими пришёл к Али. Зайд сказал ему, что Усман имеет на него два законных права: право близкого родства и право халифа, и что его жалоба состоит в том, что Али отворачивается от него и отбрасывает назад его приказы. Али уверил его, что не желает возражать халифу или отвечать ему отпором, но не может молчать, когда Усман отменяет право, являющееся Божьей долей. Он пообещал воздерживаться от всего, от чего сможет. Тогда вмешался аль-Мугира и предостерёг его: «Клянусь Богом, ты либо перестанешь тревожить его, либо тебя заставят перестать. Поистине, у него больше власти над тобой, чем у тебя над ним. Он послал этих мусульманских мужей только как знак силы и для того, чтобы получить их свидетельства против тебя». Али в гневе проклял его и намекнул на низкое происхождение его семьи и её враждебность к исламу. Зайд ибн Сабит успокоил его, заверив, что они пришли не как свидетели и не для того, чтобы добыть свидетельства против него, а чтобы примирить его с халифом. Затем он призвал Божие благословение на него и на Усмана и ушёл вместе со своими спутниками[158].

Родственные связи делали Али естественным посредником между оппозицией и Усманом. Когда общее недовольство достигло опасных размеров в 34/654–5 году, группа мекканских и других сподвижников попросила Али поговорить с Усманом и увещать его. Али так и обратился к нему как выразитель воли народа, но Усман ещё не был готов прислушаться к его предупреждениям[159]. Год спустя, когда египетские мятежники стояли лагерем в Зу Хушубе, Усман попросил Али встретиться с ними во главе делегации мухаджиров, одновременно послав и мединского сподвижника Мухаммада ибн Масламу во главе группы ансаров. Али и Мухаммад ибн Маслама убедили мятежников повернуть назад, пообещав им от имени халифа устранение всех их жалоб и согласившись выступить поручителями.[160]

В своей первой проповеди после их возвращения Усман, под нажимом Марвана, объявил, что египтяне возвратились в свою страну, убедившись, что обвинения, выдвинутые против их имама, были ложны. Когда это вызвало публичный взрыв в мечети, Али внушил халифу необходимость публично признать свои прежние проступки и выказать

---

[156] Балазури, *Ансаб*, V, 14; Ибн Асакир, *Усман*, 262–263. Иснад начиная с третьего передатчика является куфийским. В суннитской версии аль-Балазури и аль-Бухари последняя часть ответа Али, подразумевающая, что Усман не исполнял предписания Корана, опущена.

[157] Аль-Мугира был сыном аль-Ахнаса, то есть Убайя ибн Шарика ас-Сакафи, союзника бану Зухра и одного из самых энергичных противников Мухаммада. Его матерью была Халда бинт Аби аль-Ас, тётка Усмана по отцу. См.: Зубайри, *Насаб*, 101.

[158] Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, VIII, 302–303.

[159] Табари, I, 2937–2938; Балазури, *Ансаб*, V, 60–61.

[160] Табари, I, 2969–2971; Балазури, *Ансаб*, V, 62.

раскаяние. Усман так и сделал в проповеди, в которой призвал представителей народа давать ему советы относительно его будущего поведения. Эта речь была хорошо принята, но Марван вскоре сумел убедить халифа, что его проявление смирения было политической ошибкой. Усман позволил ему оскорблять и угрожать людям, собравшимся перед дворцом и готовым дать ему свои советы. Али в ярости предупредил Усмана, что Марван стремится его погубить и что он, Али, отныне больше не будет к нему приходить. Тогда Усман сам навестил его, но не сумел умиротворить. Уходя, он обвинил Али в том, что тот разорвал с ним родственные связи и покинул его, тем самым ободрив людей против него[161]. Вскоре после этого, во время пятничной проповеди Усмана, народное недовольство прорвалось в град камней. Усман упал с минбара и был перенесён без сознания в свой дворец. Когда Али навестил его и спросил о его состоянии, родня Усмана возложила на него вину за случившееся и вызывающе предупредила о страшных последствиях, если он осуществит свои притязания; Али в гневе ушёл.[162]

Ещё один раз он увидел Усмана, когда египетские мятежники возвратились в Медину, возмущённые официальным письмом, приказывавшим наказать их вождей, которое они перехватили. Али и Мухаммад ибн Маслама, как поручители за обещания Усмана египтянам, очевидно, сочли себя обязанными вмешаться и вместе пришли к Усману. Когда Али сообщил халифу о новой жалобе мятежников, Усман поклялся, что ничего не знает об этом письме. Если Мухаммад ибн Маслама принял его слово, добавив, что это дело рук Марвана, то Али настаивал, чтобы Усман сам принял египтян и сам изложил им своё оправдание. Напоминая ему об узах родства, халиф умолял его выйти и поговорить с ними, но Али отказался. Египтяне были допущены и изложили свои жалобы. Усман вновь отрицал всякое знание письма, и и Али, и Мухаммад ибн Маслама засвидетельствовали, что он говорит правду. Тогда египтяне потребовали, чтобы он отрёкся, если официальное письмо с его печатью может быть послано без его ведома, но халиф заявил, что не снимет одежду, в которую его облек Бог. Когда началась смута, Али встал и ушёл, за ним последовал Мухаммад ибн Маслама. Египтяне также ушли и продолжали осаду дворца, пока не убили его[163]. Али вмешался только тогда, когда Джубайр

---

[161] Табари, I, 2971–2979.

[162] Там же, 2979. Согласно сообщению Абу Хузайфы аль-Кураши, омейядские родственники Усмана послали аль-Аббаса ибн аз-Зибрикана ибн Зайда, шурина аль-Хариса ибн аль-Хакама, вслед за Али, когда тот уходил в гневе, чтобы спросить его о его отношении к своему двоюродному брату. Али гневно ответил, возмущаясь тем, что Усман совершает те проступки, которые совершает, а теперь его, Али, допрашивают и обвиняют в связи с ним. Если бы не положение Али, Усману вырвали бы глазницы. См.: Муфид, *Джамал*, 143–144, где следует читать *la'jtarra* вместо *la-ajtazzu*.

[163] Табари, I, 2992–2995. Мухаммад ибн Маслама принадлежал к бану аль-Харис из ауситов и был союзником бану Абд аль-Ашхаль. Рано приняв ислам, он пользовался большим доверием Мухаммада. Умар поручал ему расследовать в провинциях «деликатные дела» — *umur mu'dila*. Так, халиф поручил ему конфисковать часть богатств, накопленных Амром ибн аль-Асом во время его наместничества в Египте, и разрушить ворота дворца, построенного Са'дом ибн Аби Ваккасом в Куфе, с помощью которых наместник надеялся держать народ на расстоянии. Веллхаузен охарактеризовал его как «старого храброго и честного ансара». См.: *Skizzen*, VI, 128. Каэтани, чтобы дискредитировать его рассказ, назвал его «другом Али». См.: *Анналы*, VIII, 158. Однако Ибн Маслама был среди немногих ансаров, которые либо отказались принести присягу Али, либо не поддержали его в походе против Аиши, Тальхи и аз-Зубайра; см. ниже, с. 145–146.

ибн Мутʿим сообщил ему, что мятежники препятствуют доставке воды осаждённому халифу. Он поговорил с Тальхой и добился того, что вода была доставлена[164]. Как уже было отмечено, Саʿд ибн Аби Ваккас в последний день осады ещё раз убеждал Али вмешаться ради защиты своего осаждённого родственника, но было уже слишком поздно[165].

Али, насколько это очевидно, долгое время был разрываем между двумя верностями: его традиционным обязательством по отношению к близкому родственнику и его приверженностью своим исламским принципам. К концу он, по-видимому, порвал с Усманом, придя в отчаяние из-за собственной неспособности сломить гибельное влияние Марвана на халифа. Можно, конечно, утверждать, что он избежал бы этого мучительного выбора и непреходящей вражды Омейядов, если бы после унизительного отвержения, которое он претерпел от курайшитов на выборах, полностью отказался от своих политических притязаний. Однако это едва ли спасло бы Усмана от его гибельного конца. Портрет, нарисованный Каэтани, — портрет некомпетентного и беспринципного интригана, который, движимый чрезмерным честолюбием и злобой, замышлял свергнуть, если не убить, благонамеренного, но слабого халифа, — совершенно неуместен.

Кризис и мятеж

Хронологическое развитие кризиса может быть восстановлено приблизительно следующим образом. В 34/654–5 году агитация против Усмана достигла высшей точки, когда сподвижники писали друг другу, призывая к джихаду против халифа. Люди в Медине открыто поносили его, тогда как сподвижники слушали это, не защищая его, за исключением немногих мединцев, таких как Зайд ибн Сабит, Абу Усайд ас-Саʿиди, Каʿб ибн Малик и Хассан ибн Сабит[166]. Али попросили поговорить с Усманом от имени народа. Он увещевал халифа, главным образом критикуя назначение им своих родственников наместниками и отсутствие у него контроля над их действиями. Усман отверг критику и сказал Али, что, будь он, Али, на его месте, он не предавался бы таким упрёкам. В своей

После убийства Усмана он поселился в добровольном изгнании в ар-Рабазе, очевидно, чтобы избежать давления со стороны резко проалидски настроенных ансаров в Медине. Однако омейяды не простили ему того, что он перестал поддерживать Усмана из-за отчаяния, вызванного отказом халифа сместить Марвана, который сделал невозможным положение Ибн Масламы как гаранта перед египтянами. При Му'авии, в 45/666 году, некий сириец — *min ahl al-Sham* — из аль-Урдунна ворвался в его дом в Медине и убил его. См.: Ибн Хаджар, *Исаба*, VI, 63–64. Едва ли можно сомневаться, что это было политическое убийство из мести, организованное омейядами.

[164] Табари, I, 2979; Балазури, *Ансаб*, V, 77.

[165] Табари, I, 2998–2999. Существуют и другие сообщения, некоторые из них куфийские, согласно которым Али был удержан своим сыном Мухаммадом ибн аль-Ханафийей или другими от похода к дворцу для защиты Усмана на заключительном этапе осады. Согласно одному из них, Ибн аль-Ханафийя сказал Али, что Марван и его родственники хотят использовать его как заложника. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 94.

[166] Табари, I, 2936–2937. Мединец Джабала ибн Амр ас-Са'иди в разных источниках описывается как первый, кто стал употреблять оскорбительные выражения в адрес Усмана и публично порицать его. Сцены, описанные у аль-Балазури, *Ансаб*, V, 47, строки 7–17, и у ат-Табари, I, 2980, строка 13 — 2981, строка 14, могли происходить примерно в это время. Информатор Усман ибн аш-Шана, возможно, является махзумитом Усманом ибн Абд ар-Рахманом ибн аль-Харисом ибн Хишамом. Абд ар-Рахман ибн аль-Харис был известен как аш-Шана. См.: Зубайри, *Насаб*, 303. У него был сын Усман. См. там же, 304.

речи к людям в мечети он укорял своих хулителей и придирчивых критиков. Он намекал, что они винят его за то, что принимали от Умара, из-за суровости последнего и собственной мягкости; им следовало бы удерживать свои языки от поношения его и его наместников и ценить то, что он в действительности защищал их от людей, против которых они не осмелились бы выступить; он материально обеспечивал их так же, как делали его предшественники; если же оставались какие-либо излишки денег, то почему бы ему, как их имаму, не поступать с ними так, как он пожелает? Тогда Марван встал и бросил вызов смутьянам: «Если хотите, то, клянусь Богом, мы сделаем меч судьёй между нами», — но Усман заставил его замолчать.[167]

Мятеж в Куфе против наместника Саʿида ибн аль-Аса источники относят к 34/654–5 году. Нет никаких косвенных указаний, которые позволили бы датировать его точнее. Однако, вероятнее всего, он произошёл поздно в этом году, предположительно после тщетного вмешательства Али. Велльхаузен полагал, что совещание провинциальных наместников с Усманом в Медине, во время которого и произошёл мятеж, было связано с ежегодным паломничеством[168]. Это не подтверждается рассказом аль-Баладзури, который говорит лишь, что Усман призвал своих наместников — Муавию, Абдаллаха ибн Саʿда, Абдаллаха ибн Амира и Саʿида ибн аль-Аса — из-за шума и жалоб народа[169]. Однако это предположение привлекательно, поскольку объясняло бы, почему Саʿид ибн аль-Ас так долго задерживался, прежде чем отправиться обратно. Ибо куфийцы решили восстать лишь после того, как один из их людей, Ильбаʿ ибн аль-Хайсам ас-Садуси, сообщил им, что Усман посылает Саʿида обратно, несмотря на их жалобы на него[170].

Мятеж, как его описывает аль-Баладзури, вероятнее всего на основе рассказа Абу Михнафа, был крупным взрывом. Аль-Аштар был вызван из Химса; он захватил власть, изгнал заместителя наместника Сабита ибн Кайса ибн аль-Хатима аль-Ансари[171] и разослал отряды в нескольких направлениях, чтобы обеспечить все пути доступа к городу. Всё это, очевидно, должно было занять несколько недель[172]. Лишь после этого появился наместник Саʿид ибн аль-Ас, и Малик ибн Саʿид аль-Архаби не позволил ему достичь Евфрата. Аль-Аштар велел разграбить дворец наместника и попросил Абу Мусу аль-Ашʿари руководить молитвой в городе, а Хузайфу ибн аль-Ямана взять на себя управление sawād и земельным налогом. Тогда Усман послал сына Абу Бакра Абд ар-Рахмана и аль-Мисвара ибн Махраму,

---

[167] Табари, I, 2937–2939.

[168] Велльхаузен, *Skizzen*, VI, 126; Велльхаузен, *Das arabische Reich*, 29.

[169] Балазури, *Ансаб*, V, 43–44.

[170] Там же, 44. В рассказе аз-Зухри, см.: *Агани*, XI, 30–31, имя Ильба' ошибочно дано как Али. Ильба' ибн аль-Хайсам из бану Са'лаба ибн Садус племени Раби'а описывается Ибн аль-Калби как знатный человек — *sayyid* — в Куфе и как первый там, кто призвал к принесению присяги Али. См.: Ибн Хазм, *Джамхарат ансаб аль-араб*, изд. E. Lévi-Provençal, Cairo, 1948, 299.

[171] Сайф ибн Умар ошибочно говорит об Амре ибн Хурайсе как о заместителе наместника. См.: Табари, I, 2928.

[172] Этот рассказ резко контрастирует с фарсовым сообщением Сайфа ибн Умара, процитированным ат-Табари, см. там же, 2927–2931; *Аннали*, VIII, 81–84, где восстание изображается как переворот горстки негодяев, воспользовавшихся отсутствием всех ответственных руководителей в куфийских провинциях. Краткий рассказ аз-Зухри, см.: *Агани*, XI, 30–31, также скрывает масштаб вспышки.

чтобы вернуть мятежников к повиновению. Ответ аль-Аштара был выдержан в дерзком тоне. Он потребовал, чтобы уклонившийся халиф признал своё заблуждение, покаялся и назначил Абу Мусу и Хузайфу. Письмо было доставлено в Медину несколькими выдающимися куфийскими чтецами Корана (qurrāʾ) и правоведами. Усман немедленно объявил о своём покаянии и утвердил Абу Мусу и Хузайфу[173]. Аль-Аштар, очевидно, прочно держал власть в своих руках, и халиф уступил под принуждением.[174]

Наместники трёх других провинций на том же совещании наместников советовали прибегнуть к жёстким репрессиям. Абдаллах ибн Амир искренне посоветовал Усману в стихах «обуздать народ изгнанием, которое разделит их собрание, и встретить их мечом». Это, утверждал он, безусловно правильно и именно этого они заслуживают. Муавия с гордостью обещал Усману позаботиться о его провинции для него и просил его велеть Ибн Амиру и «господину Египта» заботиться о своих. Гибель халифа от рук мятежников, понимал он, означала бы и его собственную гибель. Абдаллах ибн Саʿд признал, что предвидит лишь ухудшение положения, но затем обратился к противникам, угрожая противопоставить им копья и мечи своего клана, Бану Амир из курайшитов, и растоптать их в их собственной стране, то есть в Египте.[175]

Согласно Абу Михнафу, представители недовольных в Куфе, Басре и Египте встретились в мечети Мекки во время паломнического сезона 34/655 года и решили вернуться, очевидно уже в большем числе, в следующем году, чтобы настоять на своих требованиях перед Усманом. Насколько эта подробность, содержащаяся в рассказе, который в остальном обнаруживает слабое знание событий в Медине, достоверна, должно быть оставлено открытым[176]. Во всяком случае, египтяне выступили первыми. В Египте два

---

[173] Балазури, *Ансаб*, V, 44–47.

[174] Проусмановская историческая традиция, напротив, изображала халифа довольным и стремящимся удовлетворить общественное мнение. Так, Сайф описывает Са'ида ибн аль-Аса как человека, который высмеивает аль-Аштара и куфийских мятежников, встретивших его большим числом, и говорит им, что для достижения их цели им было бы достаточно послать одного человека к Повелителю верующих или к нему самому, вместо того чтобы выводить тысячу человек. См.: Табари, I, 2950. Проусмановец Джухайм аль-Фихри утверждал, что присутствовал при том, как Усман предложил провинциальным делегатам самим выбрать себе наместников. Только куфийцы поднялись и попросили его сместить Са'ида ибн аль-Аса и назначить Абу Мусу. Усман немедленно согласился. См.: *Агани*, XI, 31. В другой версии его сообщения египтяне также попросили, чтобы он сместил их наместника Абдаллаха ибн Са'да и назначил Амра ибн аль-Аса. Усман сделал это, но египетские мятежники Абу Амр ибн Будайл, аль-Баджави и ат-Танухи — так в тексте; возможно, вместо Ибн Удайс аль-Балави и Кинана ибн Бишр ат-Туджиби — всё равно пришли и убили его. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 403–404.

[175] Ибн Асакир, *Усман*, 308–309. Позднее, когда египетские мятежники выступили к Медине, прогноз Абдаллаха ибн Са'да был гораздо более мрачным. См. стихотворные строки, относящиеся к тому времени, процитированные Ибн Бакром, *Тамхид*, 195; очевидно, это переработанная версия его более ранних строк. Подробности встречи наместников с Усманом, приведённые Абу Михнафом, возможно у аль-Балазури, *Ансаб*, V, 43–44, Сайфом ибн Умаром, см.: Табари, I, 2944–2946; Ибн Асакир, *Усман*, 303–305; *Аннали*, VIII, 11–12, и Джафаром аль-Мухаммади, см.: Табари, I, 2932–2934; *Аннали*, VIII, 105–107, являются легендарными, особенно часть, приписанная Амру ибн аль-Асу.

[176] Балазури, *Ансаб*, V, 59. Вожди куфийцев и басрийцев в 34/655 году, названные Абу Михнафом, — Ка'б ибн Абда, Зу-ль-Хабака ан-Нахди, и аль-Мусанна, то есть Ибн Башир ибн Махраба аль-Абди, — не были теми же, что их вожди в 35/656 году. Это может говорить в пользу точности сообщения. Аль-Аштар, вождь куфийцев в 35/656 году, очевидно, был занят в Куфе в 34/655 году.

курайшита, Мухаммад ибн Аби Хузайфа и Мухаммад ибн Аби Бакр, уже некоторое время вели агитацию против Усмана и наместника Абдаллаха ибн Саʿда ибн Аби Сарха. Первый из них был рождён уже мусульманином, сыном выдающегося раннего сподвижника Абу Хузайфы ибн Утбы из Абд Шамс. После того как его отец погиб в битве при аль-Акрабе, он воспитывался у Усмана[177]. Его обида на своего приёмного отца, вероятнее всего, была вызвана возмущением тем, что Усман отдавал предпочтение перед ним, сыном раннего сподвижника и мученика ислама, своим родственникам, которые были либо сыновьями врагов Пророка, как аль-Хакам и Укба ибн Аби Муʿайт, либо изгнанниками, как Абдаллах ибн Саʿд[178]. Мухаммад ибн Аби Бакр по неизвестным причинам разделял с сестрой её сильную неприязнь к Усману[179], но не её ненависть к Али. После смерти Абу Бакра его мать Асма бинт Умайс вышла замуж за Али, и с тех пор Мухаммад воспитывался в его доме[180].

Абдаллах ибн Саʿд жаловался Усману на обоих этих людей, но халиф писал, что не следует трогать их, так как Мухаммад ибн Аби Бакр — брат Аиши, Матери правоверных, а Мухаммад ибн Аби Хузайфа — его родственник и приёмный сын, «птенец курайшитов»[181]. Усман попытался умиротворить Ибн Аби Хузайфу подарком в 30 000 дирхамов и носилками, покрытыми драгоценной тканью. Ибн Аби Хузайфа выставил этот подарок в мечети аль-Фустата, предлагая людям самим посмотреть, как Усман пытается его подкупить и склонить к тому, чтобы он предал свою религию. Тогда Усман призвал Аммара ибн Ясира, извинился перед ним за то, что сделал прежде, и отправил его в Египет расследовать деятельность Ибн Аби Хузайфы и защищать поведение халифа, одновременно гарантируя устранение жалоб тем, кто придёт к нему. Однако, прибыв в Египет, Аммар поддержал Ибн Аби Хузайфу и стал призывать к смещению Усмана и к походу на Медину.

---

[177] Родившийся в Абиссинии, Ибн Аби Хузайфа должен был быть старше десяти лет, когда вошёл в дом Усмана.

[178] Абдаллах ибн Са'д был писцом Мухаммада на раннем этапе его проповеди. Он изменял формулировки некоторых мест Корана и, когда Мухаммад не сразу замечал изменения, отступил от ислама и насмешливо уверял курайшитских противников Пророка, что он сам получает божественное откровение в той же мере, что и Мухаммад. Во время завоевания Мекки он был среди тех, кого Пророк не хотел помиловать. Однако Усман убедил Мухаммада простить Ибн Са'да, своего молочного брата. Мухаммад ибн Аби Хузайфа в Египте критиковал Усмана за назначение человека, кровь которого Пророк объявил дозволенной и относительно которого был ниспослан Коран 6:93: «И кто несправедливее того, кто измышляет ложь на Бога или говорит: “Мне ниспослано откровение”, тогда как ему ничего не ниспослано, и кто говорит: “Я ниспошлю подобное тому, что ниспослал Бог”?» См.: Балазури, *Ансаб*, II, 387. Некоторые ранние суннитские комментаторы считали, что этот аят относился к Абдаллаху ибн Са'ду. Другие утверждали, что он относился к лжепророку Мусайлиме. См.: Табари, *Джами'*, VII, 165–167. Расплывчатые обвинения в том, что Ибн Аби Хузайфа затаил обиду на Усмана из-за того, что был высечен за употребление вина, см.: Балазури, *Ансаб*, II, 387; V, 50; Ибн аль-Асир, *аль-Камиль фи-т-та'рих*, изд. C. J. Tornberg, Leiden, 1851–1876, III, 219, вероятно, являются проусмановскими. Ибн аль-Асир добавляет, что затем Ибн Аби Хузайфа стал аскетом, предававшимся поклонению, и попросил Усмана назначить его наместником. Усман ответил, что сделал бы это, если бы Ибн Аби Хузайфа был достоин. Тогда Ибн Аби Хузайфа попросил отправить его в морской поход, и его отправили в Египет.

[179] Как и в случае с Ибн Аби Хузайфой, проусмановская традиция, представленная Сайфом ибн Умаром, пыталась объяснить его ненависть к Усману законным наказанием, которое Усман безжалостно наложил на него. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 302. Этот рассказ, несомненно, вымышлен.

[180] Мухаммаду тогда было всего три года. См. далее статью G. Hawting о нём в *EI*, 2-е изд.

[181] Балазури, *Ансаб*, V, 50; II, 388.

Из стихотворения аль-Валида ибн Укбы[182] видно, что в то же время Усман послал в другие провинциальные города своих агентов расследовать деятельность «изменников». Все они, по словам аль-Валида, исполнили своё поручение со страхом Божиим и благородством, кроме Дулайма (Аммара). Абдаллах ибн Саʿд донёс Усману, прося позволения наказать Аммара, но халиф отверг его совет и велел щедро снабдить Аммара и отправить его обратно в Медину. По словам других, согласно аль-Баладзури, Аммар был выслан силой (*suyyira*), а Ибн Аби Хузайфа после этого сумел убедить своих сторонников двинуться на Медину[183].

В шаввале 35 / апреле 656 года от 400 до 700 египтян выступили в поход на Медину[184], внешне — чтобы совершить малое паломничество (ʿumra). Во главе их стояли четыре человека: Абд ар-Рахман ибн Удайс аль-Балави[185], который имел общее командование, Судан (Сидан) ибн Хумран аль-Муради, Амр ибн аль-Хамик аль-Хузаʿи и Урва ибн Шияйм ибн ан-Нибаʿ аль-Кинани аль-Лайси[186]. Присутствие Амра ибн аль-Хамика среди вождей египтян заслуживает особого внимания. Он был одним из куфийских qurrāʾ, которые написали Усману письмо с протестом против угнетающего правления Саʿида ибн аль-Аса[187]. Возможно, по этой причине Усман сослал его в Дамаск[188]. Затем он отправился в Египет и после убийства Усмана сделался близким сподвижником Али в Куфе. Он, несомненно, сыграл значительную роль в распространении куфийских революционных настроений в Египте[189]. Мухаммад ибн Аби Бакр отправился в Медину

---

[182] Ибн Асакир, *Усман*, 306.

[183] Балазури, *Ансаб*, V, 51; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1122–1123.

[184] Дата, приведённая Мухаммадом ибн Умаром ибн Али, — раджаб 35/январь 656 года, см.: Табари, I, 2968, — несостоятельна, как указал Велльхаузен. См.: *Skizzen*, VI, 127, прим. 3. Иснад был неправильно истолкован Каэтани, *Аннали*, VIII, 147 и 152, как Табари — Абдаллах ибн Мухаммад — его отец аль-Вакиди, что делало аль-Вакиди автором сообщения.

[185] Абд ар-Рахман ибн Удайс был сподвижником высокого ранга, одним из тех, кто дал Клятву под Деревом при аль-Худайбии, и был среди первых завоевателей Египта. См.: Ибн Хаджар, *Исаба*, IV, 171–172. Говорят, что после завоевания он занял участок — *ikhtatta* — Белого дворца, *ad-dar al-bayda'*, расположенного напротив мечети и дворца Амра ибн аль-Аса. Другие, согласно Ибн Абд аль-Хакаму, утверждали, что пространство Белого дворца было пустым и использовалось как место для лошадей мусульман до тех пор, пока Марван ибн аль-Хакам не построил его, когда посетил аль-Фустат в качестве халифа в 65/684–685 году. Марван тогда сказал, что халифу не подобает находиться в городе, где у него нет дворца. Затем Белый дворец был построен для него за два месяца. См.: Ибн Абд аль-Хакам, *Футух Миср*, 107. Вероятнее всего, он конфисковал собственность своего старого врага.

[186] Это четыре вождя, названные в рассказе Мухаммада ибн Масламы. См.: Табари, I, 2991. Абу Михнаф вместо Судана и Амра ибн аль-Хамика назвал Абу Амра ибн Будайля ибн Варка' аль-Хузаи и Кинану ибн Бишра ат-Туджиби. Последний, согласно Абу Михнафу, был также вождём египтян в 23/655 году. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 59. Бишр ибн Кинана часто упоминается как убийца Усмана. Абу Амр ибн Будайл был сподвижником и сыном сподвижника высокого ранга. Также говорится, что он ударил Усмана. См. там же, 98. Их заметная роль в финальном акте может объяснять, почему их иногда включают в число вождей египтян. Возможно, они присоединились к мятежникам во второй группе.

[187] Там же, 41.

[188] Ибн Манзур, *Мухтасар*, XIX, 201.

[189] Об Амре ибн аль-Хамике см.: Ибн Хаджар, *Исаба*, IV, 294. Он совершил хиджру после аль-Худайбии и причислялся к сподвижникам Мухаммада. После завоеваний он сначала жил в Сирии, а затем в Куфе. В Египте он передал хадис, в котором Пророк упоминал время смуты — *fitna*, когда самыми здравыми или лучшими людьми будет западный гарнизон — *al-jund al-gharbi*. Поэтому, говорил Ибн аль-Хамик, он и пришёл в Египет. См.: Ибн Абд аль-Хакам, *Футух Миср*, 305.

раньше мятежников, а Ибн Аби Хузайфа сопровождал их только до Аджруда, после чего вернулся в аль-Фустат[190]. Мятежники достигли Зу Хушуба, что на расстоянии одного ночного перехода к северу от Медины, в ночь перед 1-го числа месяца зу-ль-каʿда / 1 мая[191]. В источниках, которые считают начало «осады» с этого дня, она длилась сорок девять дней — до убийства Усмана[192]. Другие источники говорят о двух осадах, или двух «прибытиях» (*qadma*), разделённых временным уходом мятежников. Только во время второго пребывания дворец Усмана находился в осаде. Первая «осада», то есть стоянка в Зу Хушубе, длилась, по словам Ибн аль-Аббаса, двенадцать дней[193].

После их прибытия в Зу Хушуб мятежники послали в Медину несколько человек, чтобы разведать положение и посоветоваться с выдающимися сподвижниками о том, как им поступить далее. Один из них, Амр ибн (Абдаллах) аль-Асамм, позднее рассказывал, что сподвижники советовали им войти в Медину, кроме Али, к которому они пришли последним. Он предостерёг их от дурных последствий, если они двинутся вперёд; им следовало бы лучше послать делегацию к Усману и потребовать, чтобы он исправил своё поведение[194]. Это согласуется с рассказом внука Али, Мухаммада ибн Умара, согласно которому посланец мятежников ночью пришёл к Али, Тальхе и Аммару ибн Ясиру. Последние двое, можно с уверенностью предположить, поощряли мятежников двигаться на Медину. Али же этот посланец вручил письмо от Мухаммада ибн Аби Хузайфы, но Али отказался принимать во внимание его содержание[195].

Усман, который уже был предупреждён о намерениях мятежников быстрым гонцом, посланным Абдаллахом ибн Саʿдом, и сначала отреагировал зловещими предчувствиями беды[196], теперь отправился к Али и попросил его встретить мятежников и побудить их повернуть назад, поскольку сам он, Усман, не хотел принимать их, ибо это могло бы ободрить других к подобной дерзости. Он дал Али полную свободу вести переговоры, обязуясь отныне поступать согласно его совету. Когда Али напомнил ему, что прежде уже говорил с ним, но Усман предпочитал повиноваться Марвану и своим омейядским родственникам, халиф заверил, что теперь будет не повиноваться им, а повиноваться ему.

---

[190] Табари, I, 2968.
[191] Халифа, *Ta'рих*, 168. День недели, указанный там, среда, неверен.
[192] Таково раннее египетское сообщение Абу аль-Хайра, то есть Марсада ибн Абдаллаха аль-Язани, муфтия Египта, умершего в 90/708–709 году. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, X, 83; Табари, I, 2999–3000.
[193] Табари, I, 3088. Велльхаузен ошибочно предположил, что мединцы некоторое время осаждали дворец Усмана до второго прибытия египтян и что первая осада продолжительностью двенадцать дней относится к этому. См.: *Skizzen*, VI, 128–129. Сообщение у ат-Табари, I, 2975, которое он приводит в качестве доказательства, не говорит, что толпы, собравшиеся перед дворцом, «не желали слушать никаких требований разойтись»; напротив, оно сообщает, что они ушли после угроз и запугивания со стороны Марвана.
[194] Ибн Шабба, *Ta'рих аль-Мадина*, 1126. Амр ибн Абдаллах, названный во втором сообщении, очевидно, тот же человек, что и Амр ибн аль-Асамм в первом. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 71; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 45.
[195] Табари, I, 2969.
[196] Там же, 2968–2969. Согласно египтянину Абу аль-Хайру, Усман, получив предупреждение Абдаллаха ибн Са'да, выступил публично и отправил предупреждения в Мекку о мятежниках, которые утверждали, что совершают умру, но при этом поносили своего имама. См. там же, 2999.

Затем Усман приказал и другим мухаджирам и ансарам выехать вместе с Али[197]. Особенно он хотел, чтобы к делегации присоединился Аммар, но Аммар отказался[198].

Согласно современнику событий из Медины Махмуду ибн Лабиду ибн Укбе аль-Ауси[199], в состав группы мухаджиров входили — помимо Али — Саʿид ибн Зайд, Абу Джахм аль-Адави, Джубайр ибн Мутʿим, Хаким ибн Хизам и омейяды Марван ибн аль-Хакам, Саʿид ибн аль-Ас и Абд ар-Рахман ибн Аттаб ибн Асид. Ансары же, возглавляемые Мухаммадом ибн Масламой, включали Абу Усайда ас-Саʿиди, Абу Хумайда ас-Саʿиди, Зайда ибн Сабита и Каʿба ибн Малика. Вместе с ними были арабы Нияр ибн Микраз (или Мукрам) из Аслама и другие, всего около тридцати человек[200].

Состав этой высокопоставленной делегации раскрывает ту крайнюю нужду, в которой оказался Усман. Четверо названных неомейядских мухаджиров — Саʿид ибн Зайд ибн Амр ибн Нуфайл, Абу Джахм ибн Хузайфа (или Хузафа) аль-Адави, оба из Адий и тесно связанные с Умаром, Джубайр ибн Мутʿим из Науфаля ибн Абд Манафа, клана, традиционно связанного с Абд Шамс, как Мутталиб был связан с Хашимом, и Хаким ибн Хизам из Асада — были твёрдыми сторонниками Усмана, хотя Саʿид ибн Зайд в конце концов и покинул его[201]. Последние трое были среди немногих, кто похоронил Усмана, как и Нияр ибн Микраз аль-Аслами. Четверо ансаров, помимо Мухаммада ибн Масламы, были среди немногих мединских верных сторонников халифа[202]. Все эти люди, тесно связанные с Усманом и его режимом, едва ли могли произвести сильное впечатление на мятежников. При отсутствии какого-либо другого оставшегося в живых члена избирательного совета Усман нуждался в Али, чтобы тот говорил с мятежниками, и нуждался в Аммаре, если бы удалось склонить его присоединиться. Он нуждался в Мухаммаде ибн Масламе, высокочтимом сподвижнике с политически независимой позицией, как в представителе ансаров. Двойная делегация ясно отражала политическое положение. Мухаджиры, то есть курайшиты, были правящим классом, но ансары, как большинство в Медине, в данный момент имели большее военное значение для судьбы халифа[203].

---

[197] Там же, 2968–2969.

[198] Там же, 2969–2970. Об обстоятельствах см. выше, с. 95.

[199] Он умер в 96/714–715 или 99/717–718 году и считается весьма надёжным передатчиком от Умара и Усмана. См.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, X, 65–66.

[200] Табари, I, 2970.

[201] О Са'иде ибн Зайде см. выше, с. 29, прим. 6, и ниже, с. 125. Абу аль-Джахм ибн Хузайфа принял ислам во время завоевания Мекки. См.: Ибн Хаджар, *Исаба*, VII, 345. До ислама он женился на матери Убайдаллаха ибн Умара после того, как Умар развёлся с ней. См.: Табари, I, 1554; Ибн Хишам, *Сират саййидина*, 755. Хаким ибн Хизам, племянник первой жены Мухаммада Хадиджи, был ранним другом Мухаммада, но принял ислам только перед завоеванием Мекки. Тогда Пророк обещал безопасность всем, кто искал убежища в доме Хакима.

[202] Об Абу Усайде, Зайде ибн Сабите и Ка'бе ибн Малике см. выше, с. 113. В разных сообщениях Зайд ибн Сабит описывается как человек, призывавший ансаров защищать Усмана от мятежников. Однако его упрекали в том, что он поступает так лишь из-за щедрости Усмана к нему. Абу Хумайд ас-Са'иди, как сообщается, после убийства Усмана сказал: «Клянусь Богом, мы не думали, что он будет убит», — и поклялся воздерживаться от некоего неуточнённого действия и от смеха до самой своей смерти. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 100; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 56.

[203] Велльхаузен предположил, что именно Мухаммада ибн Масламу Усман послал для переговоров с мятежниками, а Али был тенденциозно связан с ним — или поставлен вместо него — исторической

Мухаммад ибн Маслама, который теперь прямо цитируется Махмудом ибн Лабидом, вероятно, был прав, описывая как решающие собственные слова, сказанные им Ибн Удайсу: что имам «пообещал нам вернуться назад и отступиться (*yarjiʿ wa-yanziʿ*)», — именно они побудили египетского вождя мятежников приказать своим людям отступить.[204] Это произошло, если датировка Ибн аль-Аббаса для «первой осады» верна, около 12 зу-ль-каʿда / 12 мая. Переговоры, предположительно, продолжались несколько дней. Тем временем в Медине Усман, вопреки собственному желанию, согласился поговорить с несколькими мятежниками, предварительно отложив их визит[205]. Аммар, который давил на халифа, чтобы тот принял их, оставаясь перед воротами дворца, хотя ему велели уйти, снова подвергся грубому обращению со стороны слуги, но Усман сумел убедить мятежников, что не отдавал такого приказа[206]. Наиболее вероятно, что и визит Усмана к Матерям правоверных, когда Аиша сказала ему, что он должен вернуть Амра ибн аль-Аса на наместничество в Египте, потому что тамошнее войско было им довольно, также произошёл в это время.

«Вторая осада» началась после возвращения мятежников 1-го числа зу-ль-хиджжа / 31 мая[207]. Таким образом, был промежуток примерно в восемнадцать дней, когда непосредственная угроза для Усмана казалась снятой. Источники сообщают о трёх появлениях и проповедях Усмана в мечети в течение этого периода, при весьма различных обстоятельствах. После того как Али и Мухаммад ибн Маслама возвратились со своей миссии, каждый из них предупредил Усмана о серьёзности положения[208], без сомнения внушая ему необходимость устранить жалобы прежде всего египтян. Марван, опасавшийся, что всякая уступка будет воспринята как признак слабости и поощрит новые мятежи в

традицией с очевидной целью показать, что Али сделал всё возможное, чтобы предотвратить бедствие. См.: *Skizzen*, VI, 128, прим. 2. Каэтани развил эту мысль дальше, но в итоге перевернул её с ног на голову, утверждая, что Али не упоминался в некоторых рассказах для того, чтобы ещё дальше отвести его от всякого подозрения в ответственности. См.: *Аннали*, VIII, 158, прим. 1. На самом деле в сообщениях, собранных аль-Вакиди, нет противоречия. Алид Мухаммад ибн Умар, естественно, прежде всего интересовался ролью своего деда Али, тогда как мединец Джабир ибн Абдаллах, сам находившийся среди делегации ансаров, см.: Балазури, *Ансаб*, V, 62, 66; Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 44; Джабир, очевидно, ещё не был достаточно заметен, чтобы Махмуд ибн Лабид назвал его по имени, — и хиджазский араб Суфьян ибн Аби аль-Ауджа' ас-Сулами, см.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, IV, 117, — описывают роль Мухаммада ибн Масламы, называя число ансаров, выехавших вместе с ним, — пятьдесят. См.: Табари, I, 2995; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1134. Однако из рассказов Махмуда ибн Лабида и самого Мухаммада ибн Масламы ясно, что эти двое — Али и Ибн Маслама — встречались с мятежниками отдельно, как предводители мухаджиров и ансаров соответственно.

[204] Табари, I, 2971.

[205] См. выше, с. 95.

[206] Балазури, *Ансаб*, V, 51–52, 95.

[207] Табари, I, 3060. Каэтани предпочёл другое сообщение, согласно которому осада началась до возвращения египтян, прибывших в пятницу и убивших Усмана в следующую пятницу. См.: *Аннали*, VIII, 141. Это сообщение, хотя и восходит к внуку аль-Мугиры ибн аль-Ахнаса, убитого вместе с Усманом, несомненно, ненадёжно. Усман уже находился в осаде у египетских мятежников, когда Аиша и Абдаллах ибн аль-Аббас отправились в паломничество в начале зу-ль-хиджжи. Однако возможно, что некоторые более радикальные египетские элементы присоединились к основным силам за неделю до убийства. Среди них мог быть Кинана ибн Бишр, убийца Усмана.

[208] Табари, I, 2971–2972, 2991.

провинциях, посоветовал халифу заявить в своей проповеди, что египтяне ушли, убедившись в беспочвенности обвинений против него. По словам аз-Зухри, он намекал, что Али стоял за мятежом, руководил действиями египтян и других и, найдя их число недостаточным, отправил их назад, сказав им подготовиться, пока он сам пошлёт за войском из Ирака, чтобы положить конец угнетающему режиму Марвана и его родни. Усман был им убеждён[209] и после некоторой задержки последовал его совету в своей проповеди. Именно тогда Амр ибн аль-Ас, разочарованный в своей надежде, что Усман вновь назначит его наместником Египта, как того требовала Аиша, произнёс свой памятный призыв к покаянию после «езды по пропастям». Халиф высмеял его, но после ещё одного призыва сделал первый жест покаяния[210].

Пока Амр в гневе покидал Медину, Али теперь убеждал Усмана сделать ясное публичное заявление об отступлении от прежнего и покаянии, которое убедило бы людей в перемене его сердца. В своей следующей проповеди Усман признал свою неправоту, объявил о своём покаянии перед Богом и пригласил знатных (*ashrāf*) из народа посетить его и представить ему свои мнения. Подавив свою гордыню, он сказал, что если бы Бог снова обратил его в раба, он смиренно последовал бы пути раба, который терпелив, когда им владеют, и благодарит, когда его освобождают. Согласно сообщению Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада, он особо пообещал удалить Марвана и свою родню[211]. Люди были тронуты и заплакали, и Саʿид ибн Зайд поднялся к халифу, заверяя его, что все с ним, и побуждая его исполнить обещанное.[212]

Каэтани предварил своё изложение сообщения о публичной покаянной речи Усмана следующим замечанием:

---

[209] Балазури, *Ансаб*, V, 62, 89. Хотя аз-Зухри признавал обвинение Марвана против Али злонамеренной клеветой, другие представители мединского ортодоксального суннитского истеблишмента принимали его как факт. Мухаммад ибн аль-Мункадир из тайм-курайшитов, ведущий мединский учёный позднеомейядской эпохи, сообщал, что Усман послал «одного человека из мухаджиров» — он предпочёл не называть Али — встретить египтян у Зу Хушуба и уступить им всё, чего они потребуют. Затем один человек из махзумитов попросил халифа разрешить ему последовать за его посланником, поскольку он ему не доверял. Усман дал разрешение, и шпион услышал, как посланник сказал мятежникам, что они пришли в плохом состоянии и не смогут противостоять людям Усмана. Шпион сообщил об этом Усману, и тот заметил, что этот человек — Али, «да не благословит его Бог», — движим жадностью в погоне за своими надеждами, но что он, Усман, слышал, как Пророк сказал, что Али никогда этого не получит, то есть халифата. Абдаллах ибн аль-Фадль аль-Хашими, мединский современник аз-Зухри, см.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, V, 357–358, сходным образом рассказывал, что Али сказал египтянам: они пришли к нему недостаточно подготовленными, чтобы встретиться с защитниками Усмана. Им следует вернуться, собрать дополнительные силы, а затем прийти снова. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1128.

[210] Рассказ Мухаммада ибн Умара ибн Али, см.: Табари, I, 2972, по существу подтверждается рассказом Абу Хабибы, клиента аз-Зубайра. См. там же, 2982.

[211] Там же, 2977.

[212] Там же, 2972–2974. Аль-Вакиди здесь приводит новый иснад: Али ибн Умар — от своего отца. Али ибн Умар, несомненно, является братом Мухаммада ибн Умара ибн Али, ранее им процитированного. Весь этот материал, вероятно, восходит к сыну Али, Умару. Покаянная проповедь Усмана также описана в сообщении зухрита Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада. См. там же, 2982. Абу Хабиба упоминает плач народа после своего краткого рассказа о более ранней проповеди и жесте покаяния, создавая ложное впечатление, будто публичное покаяние было только один раз.

«Нет нужды останавливаться на нелепом тоне речи Усмана, немыслимой речи, равносильной самому низкому отречению от обязанностей халифа и открыто противоречащей той суровой и почти непреклонной позиции, с которой Усман сопротивлялся всем требованиям своего отречения. Аль-Вакиди хочет представить халифа выжившим из ума стариком в облачении аскета, ненавистником мира. Этот образ совершенно ложен. Ложен образ Усмана как человека утончённых вкусов, полного жизненной силы и любителя молодых женщин, хотя ему было уже за семьдесят. Ложно также, будто у него не было собственной воли, никакой твёрдости. Его достойная смерть свидетельствует о гордом характере, который не имеет ничего общего с литературным вымыслом аль-Вакиди, каковым является следующая речь».[213]

Неужели он думал, что покаяние Генриха IV, императора Священной Римской империи, перед папой Григорием VII в Каноссе — вымысел?

Марван, Саʿид ибн аль-Ас и другие Омейяды бойкотировали эту проповедь и ждали халифа, когда он возвращался во дворец. Когда ему позволили говорить, Марван сказал ему, что его речь была бы уместна, и он, Марван, первым был бы ею доволен, если бы Усман находился в безопасном и неприступном положении; но в это время, когда паводковые воды уже переливаются через вершины холмов, смиренная речь есть не что иное, как знак слабости: «Клянусь Богом, упорствовать в неправоте, за которую ты можешь просить у Бога прощения, лучше, чем покаяние, к которому тебя принуждает страх. Если бы ты захотел, ты мог бы снискать благоволение покаянием, не признавая никакой неправоты, когда перед твоими воротами собрались толпы, подобные горам».[214]

Согласно Абд ар-Рахману ибн аль-Асваду, Усман в течение трёх дней стыдился выйти и встретиться с людьми[215], которые приходили предложить ему свои советы. Наконец он попросил Марвана выйти и поговорить с ними, поскольку сам стыдился это сделать. Марван вышел и закричал: «Что с вами, что вы собрались, будто пришли на грабёж? Да будут обезображены ваши лица!.. Вы пришли, жадно желая вырвать из наших рук нашу власть (*mulk*). Убирайтесь от нас. Клянусь Богом, если вы этого хотите, то от нас падёт на вас нечто, что вам не понравится, и вы не похвалите исход своей затеи. Возвращайтесь в свои дома, ибо, клянусь Богом, нас не одолеют и не лишат того, что у нас в руках». Люди ушли[216]. После этого Али порвал с Усманом, сказав ему, что больше не будет его посещать[217].

Третья проповедь Усмана, упомянутая в источниках, его последняя, была, согласно сообщению Исмаила ибн Мухаммада, внука Саʿда ибн Аби Ваккаса, трижды прервана гневными криками: «Поступай по Книге Божией», — и закончилась тем, что халифа без

---

[213] *Аннали*, VIII, 155.
[214] Табари, I, 2985.
[215] Там же, 2977.
[216] Там же, 2975.
[217] См. выше, с. 111.

сознания унесли во дворец[218]. В других рассказах главным смутьяном назван Джахджа ибн Саʿид аль-Гифари, ветеран воинов ислама и один из тех, кто дал Присягу под Деревом[219]. Гифариты, очевидно, не простили Усману изгнания их сородича Абу Зарра. По словам очевидца Абу Хабибы, Джахджа кричал: «Смотрите, мы привели эту дряхлую верблюдицу (*shārif*) с полосатым шерстяным плащом и железным ошейником на ней. Слезай [с минбара], чтобы мы могли закутать тебя в этот плащ, надеть на тебя этот ошейник, посадить тебя на верблюдицу, а затем сбросить тебя на Гору Дыма (*jabal al-dukhān*)»[220].

Мухаммад ибн Маслама, согласно его собственному рассказу, был потрясён публичным заявлением Усмана, что египтяне ушли, удовлетворившись тем, что их обвинения против него были ошибочны, и намеревался упрекнуть его, но затем промолчал. Затем он узнал, что египтяне снова стоят в ас-Сувайде, в двух ночных переходах к северу от Медины[221]. Усман послал за ним, когда мятежники достигли Зу Хушуба, и спросил, что он думает об их намерениях. Ибн Маслама ответил, что не знает их, но не думает, чтобы они возвращались ради чего-нибудь доброго. Усман попросил его вновь выйти к ним и повернуть их обратно. Однако Ибн Маслама отказался, заявив, что он поручился им за отступление Усмана по ряду вопросов, но халиф не отступил ни в одном из них. Египтяне теперь расположились в аль-Асвафе в священной округе (*ḥaram*) Медины[222] и осадили дворец Усмана.[223]

Абд ар-Рахман ибн Удайс и остальные трое вождей мятежников затем отправились к Ибн Масламе, напомнив ему о его поручительстве. Потом они предъявили небольшой лист, который, по их словам, нашли у раба (*ghulām*) Усмана, ехавшего на верблюде из числа

---

[218] Табари, I, 2979. Этот случай и град камешков, брошенных толпой, также упоминал аль-Хасан аль-Басри, который, очевидно, присутствовал при этом. Ему тогда, как он сам говорил, было четырнадцать или пятнадцать лет. Будучи проусмановцем, аль-Хасан называл людей, требовавших от Усмана правления по Книге Божьей, «нечестивцами» — *fasaqa*. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 71, 92; Ибн Аби аль-Хадид, *Шарх*, IX, 17–18.

[219] Ибн Хаджар, *Исаба*, I, 265.

[220] Табари, I, 2982; Балазури, *Ансаб*, V, 47; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1110–1112, 1218–1219. Джабаль ад-Духан, как говорили, был местом, куда Усман сослал другого изгнанника, Ка'ба ибн Абду ан-Нахди. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 42. Аль-Хамдани упоминает его как гору близ Адена в Йемене. См.: *Сифат Джазират аль-араб*, изд. D. H. Müller, Leiden, 1884–1891, 52. Однако здесь это может быть просто намёком на ад. Сходные угрозы заковать Усмана в цепи и сослать его — на этот раз в адский огонь — приписываются Джабале ибн Амру ас-Са'иди.

[221] Якут, *Булдан*, III, 197.

[222] Там же, 269.

[223] Велльхаузен принял сообщение о том, что видный мединец Амр ибн Хазм из бану ан-Наджжар племени хазрадж отправился встретить мятежников у Зу Хушуба и привёл их в Медину. См.: *Skizzen*, VI, 129; Табари, I, 2989. Это не лишено правдоподобия. Однако весь рассказ, из которого взята эта деталь, крайне ненадёжен. Он приписан Мухаммаду ибн Исхаку и передан Джафаром аль-Мухаммади. Семья Амра ибн Хазма, соседи Усмана, очевидно, была резко настроена против Усмана. Мухаммад ибн Амр ибн Хазм описывается как человек, который в день сражения открыл проход — *khawkha* — из их дома к боковой стороне дворца Усмана для мятежников, и назван вместе с Ибн Аби Бакром и Ибн Аби Хузайфой одним из трёх Мухаммадов, особенно жёстко выступавших против Усмана. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1278, 1307. В проусмановской поэзии аль-Ахваса «Хазми» упоминается как причинявший большой вред. См. там же, 1279.

собранных в *закят*[224]. На этом листе содержалось распоряжение наместнику Египта немедленно по прибытии наказать четырёх вождей мятежников сотней ударов плетью, обрить им головы и бороды и заключить их под стражу до дальнейших указаний[225]. Когда Ибн Маслама поставил под сомнение их предположение, что это письмо написал Усман, вожди мятежников ответили: «Тогда выходит, что Марван может решать это за Усмана, не советуясь с ним. Это ещё хуже: тем самым он сам устраняется из “этого дела”». Они попросили Ибн Масламу сопровождать их к халифу, сообщив ему, что Али уже обещал прийти, тогда как Саʿд ибн Аби Ваккас и Саʿид ибн Зайд отказались. Последний, очевидно, был потрясён кажущимся поворотом Усмана вспять после его публичного покаяния. Затем Ибн Маслама и Али, как было рассказано выше, пришли к Усману и попросили его впустить египтян, ожидавших у ворот. Марван сидел при халифе и попросил позволения говорить с ними. На этот раз Усман резко оборвал его и отослал прочь. Когда египтянам в конце концов позволили войти, они опустили титул халифа в своём приветствии, и Ибн Маслама понял, что назревает беда. Они выставили Ибн Удайса своим представителем, и он сначала упомянул поведение Абдаллаха ибн Саʿда в Египте, его дурное обращение (*taḥāmul*) с мусульманами и людьми под защитой (*ahl al-dhimma*) и его произвольное присвоение себе прав в отношении военной добычи мусульман. Когда бы его действия ни подвергались сомнению, он говорил: «Вот письмо Повелителя правоверных ко мне». Затем он упомянул[226] порицаемые новшества, введённые халифом в Медине вопреки действиям его двух предшественников. Далее он сказал: «Итак, мы пришли из Египта, чтобы либо пролить твою кровь, либо добиться, чтобы ты отступился. Потом Али и Мухаммад ибн Маслама повернули нас обратно, и Мухаммад поручился нам за твоё отступление во всём, на что мы жаловались». Они обратились к Ибн Масламе, и тот подтвердил сказанное ими. Затем они рассказали о перехвате официального письма, приказывавшего их наказать, так, как уже описали это Ибн Масламе.[227]

История с официальным письмом, перехваченным египетскими мятежниками, заинтриговала и озадачила современных историков. Велльхаузен осторожно написал: «Они утверждали, что перехватили письмо халифа», не отметив обвинений против Марвана в

---

[224] Верблюд имел клеймо — *misam*, — которым метили верблюдов, собранных в качестве милостынного налога. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 67.

[225] Табари, I, 2991–2992. Общая надёжность рассказа Ибн Масламы подчёркивается этим описанием содержания письма. В большинстве других рассказов Абдаллаху ибн Са'ду велят казнить вождей мятежников. Казнь мятежников ещё не была принятой практикой правления.
Пытаясь дискредитировать рассказ Ибн Масламы, Каэтани утверждал, что аль-Вакиди, составляя его, соединил две взаимно противоречащие версии. Первая якобы представляла возвращение египтян как результат отказа Усмана от сделанных им уступок, тогда как вторая содержала «старую историю» о подложном письме. См.: *Аннали*, VIII, 177. На самом деле рассказ Ибн Масламы нигде не предполагает, что египтяне вернулись потому, что Усман нарушил свои обещания. Ибн Маслама, напротив, сказал халифу, что не знает, почему они возвращаются. Он сам обвинял Усмана в отступлении от обещаний и тем самым в подрыве своего положения как гаранта.

[226] Следует читать *dhakara* вместо *dhakaru*: Табари, I, 2994.

[227] Там же, 2993–2994; см. далее выше, с. 112.

источниках.[228] Такое уклончивое отношение к этому вопросу в целом возобладало у современных авторов. Х. Джайт описывает весь этот эпизод как весьма сомнительный и задаётся вопросом, существовало ли вообще само письмо. Если оно существовало, оно могло быть изготовлено наиболее ожесточёнными из египтян, чтобы создать предлог для нападения на халифа. Либо же Усман и его омейядское окружение могли передумать в отношении мятежников. Во всяком случае, Усман не был простой игрушкой в руках Марвана[229]. Каэтани пространно доказывал, что вся история о письме должна быть поздней выдумкой, поскольку Абдаллах ибн Саʿд, которому оно было адресовано, в это время не находился в Египте. Однако в конце концов он уверился, что нашёл решение: «Обман был не со стороны Омейядов в ущерб египтянам, а со стороны друзей Али в ущерб халифу!»[230] Г. Леви делла Вида[231], хотя и менее уверенный в фактах, полагал, что нашёл доказательство, поддерживающее интуицию Каэтани, в сообщении усманита Джухайма аль-Фихри, приведённом аль-Баладзури. Согласно Джухайму, когда Али спрашивал Усмана, кого тот подозревает в связи с письмом, Усман в присутствии Джухайма сказал: «Я подозреваю своего секретаря и подозреваю тебя, Али, потому что тебя слушаются люди [египетские мятежники], а ты не удерживаешь их от меня»[232].

Сказал ли в самом деле Усман такой саркастический упрёк Али в тот момент, когда он должен был сознавать, насколько зависит от доброй воли Али, — может оставаться под вопросом. Однако он мог на мгновение поддаться гневу, когда его настойчиво расспрашивали о роли Марвана, которого он, как хорошо знал, подозревали Али и все остальные. Это сообщение, очевидно, не является доказательством какого-либо действительного участия Али. Теория о том, что Али мог вступить в сговор с личным секретарём халифа прямо под носом у подозрительного Марвана, требует слишком большого напряжения воображения.

В действительности ясно, что за письмом, как и подозревала традиция, стоял Марван. Марван с самого начала считал, что мятеж следует встретить лицом к лицу. После соглашения с мятежниками в Зу Хушубе он распространял слух, будто Али сговорился с ними и советовал им вернуться в Египет, чтобы собрать подкрепления. С его точки зрения было вполне логично приказать Абдаллаху ибн Саʿду воспрепятствовать этому, наказав и заключив в тюрьму вождей. Верил ли он сам в свою теорию заговора, несущественно. Он, по крайней мере, должен был играть эту игру и послал письмо, как только возвратился из Зу Хушуба в Медину.

Абдаллах ибн Саʿд, это верно, вероятно, уже покинул Египет или собирался выехать. Согласно раннему египетскому авторитету Абу-ль-Хайру, ему было позволено отправиться

---

[228] *Skizzen*, VI, 129; несколько иначе в *Das arabische Reich*, 31.
[229] *La Grande Discorde*, 147.
[230] *Аннали*, VIII, 159.
[231] "'Uthman b. 'Affan", *EI*.
[232] Балазури, *Ансаб*, V, 95; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1154. Ибн Шабба цитирует несколько вторичных версий, содержащих обвинение Усмана против Али. См.: 1154–1155, 1168, 1206. Рассказ, приписанный Джабиру ибн Абдаллаху, объясняет, что сторонники Али обвиняли Усмана в ответственности за письмо, а сторонники Усмана обвиняли Али и его товарищей. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1149.

в Медину по его собственной просьбе[233]. Марван мог и не знать, остаётся ли он ещё в Египте. Гонец, во всяком случае, встретил бы его, и Абдаллах мог бы передать приказ своему заместителю. Как бы то ни было, Абдаллах, достигнув Айлы, узнал, что мятежники снова двигаются на Медину. Тогда он повернул обратно в Египет, чтобы, без сомнения, предупредить смуту там, но было уже поздно. Мухаммад ибн Аби Хузайфа, также узнав, что его люди возвращаются в Медину, уже взял Египет под свой контроль[234]. Абдаллах ибн Саʿд нашёл убежище в Палестине[235].

Можно, быть может, вместе с Джайтом поставить под вопрос, действительно ли Усман ничего не знал об отправке письма от его имени. Одной из давно любимых привилегий правителей было ссылаться на незнание действий своих подчинённых, когда дело шло дурно. Неспособность Усмана наказать своего молодого двоюродного брата можно рассматривать как указание на его собственную соучастность. Однако Али и Мухаммад ибн Маслама, по-видимому, были искренне убеждены в его невиновности. Его колебания между публичным покаянием и высокомерной непреклонностью, по-видимому, выдают глубоко смятённого человека, уже не владеющего должным образом собственным суждением.

Осада дворца поддерживалась египтянами, у которых была наиболее серьёзная претензия к Усману, хотя время от времени к ним присоединялись и некоторые местные жители Медины. Точная дата прибытия куфийского и басрийского мятежных отрядов неизвестна. Ими руководили аль-Аштар и Хукайм ибн Джабала аль-Абди[236], и, как сообщается, они насчитывали соответственно около двухсот и ста человек[237]. Их прибытие

---

[233] Табари, I, 2999. Довод Каэтани о том, что Абдаллах ибн Са'д покинул Египет намного раньше, поскольку свидетельство аль-Кинди как египтянина следует считать более авторитетным, чем свидетельство аль-Вакиди, ошибочен. См.: *Аннали*, VIII, 159. Аль-Вакиди сохранил более раннюю египетскую традицию с превосходным иснадом: Шурахбиль ибн Аби Аун — Язид ибн Аби Хабиб — Абу аль-Хайр. Совершенно исключено, чтобы Абдаллах ибн Са'д отсутствовал в Египте до выступления мятежников.

[234] Ибн Аби Хузайфа, без сомнения, был быстро уведомлён — а возможно, и заранее консультировался — мятежниками о перехвате письма, пока они ещё находились в Бувайбе. Это объясняет сравнительно долгий промежуток времени до их возвращения в Медину. Согласно сообщению сирийца Макхула, мятежники, захватив гонца, написали египтянам — вероятно, Мухаммаду ибн Аби Хузайфе, — сообщая им о случившемся и о своём намерении вернуться в Медину. По их предложению египтяне изгнали Ибн Аби Сарха в Палестину. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1152–1153.

[235] Табари, I, 2999.

[236] Единственной местной обидой в Басре, упомянутой аль-Балазури со ссылкой на Абу Михнафа «и других», была высылка Амира ибн Абд Кайса аль-Анбари из племени Тамим — поклонника и аскета, критиковавшего поведение Усмана. По приказу халифа Абдаллах ибн Амир отправил его в Медину. Поскольку это вызвало возмущение среди людей, Усман обошёлся с ним любезно и отправил его обратно в Басру. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 57. Ибн Шабба цитирует раннее басрийское сообщение, где упоминается столкновение между Хукаймом ибн Джабалой и Абдаллахом ибн Амиром, после чего наместник захватил в Фарсе несколько лошадей, принадлежавших Хукайму. Хукайм дал волю своему гневу, обвиняя Усмана. Басрийцы также жаловались Усману, что Абдаллах ибн Амир распределил среди них зерно, испорченное дождём. Когда халиф проигнорировал их жалобу, их отношение к нему изменилось, и они стали упрекать его за то, что он заменил Абу Мусу аль-Аш'ари Ибн Амиром. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1147–1148.

[237] Балазури, *Ансаб*, V, 97. Абу Михнаф говорит о ещё пятидесяти басрийцах, которые присоединились к ним позднее. См. там же, 59. В стихотворном отрывке, очевидно составленном на последнем этапе кризиса, аль-Валид ибн Укба называет вождями предательства Хукайма, аль-Аштара, Амра ибн аль-Хамика и

определённо произошло позже возвращения делегаций из Зу Хушуба, вероятнее всего примерно в то же время, что и второе прибытие египтян[238]. Возможно, они покинули свои города под видом паломников в Мекку, а затем остались в Медине. Во всяком случае, они не присоединились к осаде.[239] Аль-Аштар, по-видимому, внял несогласию Аиши и Али с применением насилия. Согласно его собственному рассказу, он отправился к Умм Хабибе бинт Аби Суфьян, омейядской вдове Мухаммада, и предложил безопасно вывезти Усмана из осаждённого дворца в её носилках (*hawdaj*). Однако Омейяды отвергли это предложение, настаивая, что не желают иметь с ним ничего общего[240].

Поначалу «осада» была мирной. Посетителям, официальным и неофициальным, позволялось свободно входить во дворец и выходить из него. Даже Марван и Абд ар-Рахман ибн Аттаб могли заниматься своими делами в городе и во дворце [возможно, пользуясь боковой дверью?]. В своих письмах к сирийцам и мекканским паломникам, написанных в начале осады, Усман жаловался, что его враги[241] мешают ему вести молитву и входить в мечеть; кроме того, они завладели всем, до чего смогли дотянуться[242]. Последнее утверждение, вероятно, относится к захвату Тальхой ключей от казны. Общинную молитву сначала по указанию Али возглавлял мединец Абу Айюб аль-Ансари, а затем, начиная с пятницы и Праздника жертвоприношения, — сам Али[243]. Убайдаллах ибн Ади ибн аль-Хийар из Науфаля ибн Абд Манафа навестил Усмана и сказал ему, что он испытывает сомнение, молясь позади «имама смуты» (*imām fitna*). Халиф посоветовал ему молиться вместе с людьми, поскольку молитва — лучшее из их дел, а от их злых дел

Харису. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 307. Харису, скорее всего одного из ансаров, действовавших заодно с мятежниками, невозможно отождествить с уверенностью. Это имя может относиться к бану Хариса из ауситов, к которым принадлежал Мухаммад ибн Маслама, хотя они описывались проусмановцем Мухаммадом ибн аль-Мункадиром как поддерживавшие Усмана. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1280. Смысл фразы «Хариса сегодня разносит жалобу» — *yashri l-shakata* — вполне мог бы относиться к Мухаммаду ибн Масламе, который теперь встал на сторону мятежников в их жалобе против Усмана. Менее вероятно, что имеется в виду Хариса ибн ан-Ну'ман ибн Нуфай' из бану ан-Наджжар, видный сподвижник и участник Бадра. См.: Ибн Хаджар, *Исаба*, I, 312–313. Бану ан-Наджжар, как отмечалось, обвинялись в предательстве Усмана. Мединец Абдаллах ибн Рабах аль-Ансари сообщил в проусмановской Басре, что Хариса ибн ан-Ну'ман предлагал Усману «нашу» поддержку. Это могло быть попыткой снять с него обвинения.

[238] Рассказ Суфьяна ибн Аби аль-Ауджа', см.: Табари, I, 2995, по-видимому, подразумевает, что они находились в Медине во время отсутствия египтян. Однако детали этого рассказа не внушают доверия к его надёжности.

[239] Это категорически утверждает египтянин Абу аль-Хайр. См. там же, 2999.

[240] Аль-Кади ан-Ну'ман, *Шарх аль-ахбар фи фада'ил аль-а'имма аль-атхар*, изд. Muhammad al-Husayni al-Jalali, Qumm, без даты, I, 297; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1313. Проусмановская традиция, пытаясь обвинить аль-Аштара в убийстве Усмана, сообщала, что он ударил кнутом по морде мула вдовы Мухаммада Сафийи бинт Хуяйй, чтобы остановить её, когда она хотела убедить мятежников снять осаду. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1311–1312.

[241] Усман говорит о «моих товарищах, которые притворяются руководителями в этом деле и пытаются ускорить судьбу». Вероятно, имеются в виду главные ранние сподвижники, в особенности Тальха и Али.

[242] Табари, I, 3043; Ибн Асакир, *Усман*, 377.

[243] Табари, I, 3059–3060. Сообщения о том, что молитву перед Али возглавлял ансар Сахль ибн Хунайф или его сын Абу Умама, а не Абу Айюб, см. также Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1217–1219, кажутся менее надёжными. Позднее Сахль ибн Хунайф возглавлял молитву как наместник Али в Медине.

воздерживаться[244]. Мятежники, очевидно, всё ещё надеялись, что Усман уступит. Согласно письмам Усмана, они написали мусульманам, что довольны обязательствами, которые халиф взял на себя перед ними[245]. Усман, разумеется, не был заинтересован в том, чтобы раскрывать подлинную причину их внезапного возвращения в Медину — перехваченное письмо, — и дал понять, что они возвратились, добиваясь исполнения обещаний халифа. Далее Усман продолжал, что он не знает ничего из обещанного им, чего он не исполнил бы. Они потребовали применения Корана и коранических наказаний, а он сказал им: «Применяйте их к любому, близкому или далёкому, кто навлёк на себя одно из них; применяйте их к каждому, кто обидел вас». Они просили, чтобы читали Книгу Божию, и он ответил: «Пусть любой чтец читает её, не добавляя в неё ничего, чего Бог в неё не ниспослал». Они потребовали, чтобы изгнанные были возвращены в свои дома, лишённые были обеспечены средствами к существованию, чтобы деньги расходовались щедро, дабы в этом соблюдалась хорошая практика (*sunna hasana*), чтобы не преступались [установления] относительно хумса и милостынного налога, чтобы наместниками назначались люди силы и честности, чтобы жалобы народа были устранены. Во всём этом он был согласен с ними и принял это терпеливо (*istabartu lahu*). Затем Усман упомянул свой визит к «Матерям правоверных», утверждая, что исполнил все их пожелания, но затем Амр ибн аль-Ас преступил меру[246].

Далее Усман писал, что его враги, пока он составляет это послание, ставят его перед тремя возможностями. Первая — применить к нему закон возмездия за каждого человека, которого он когда-либо наказал, независимо от того, было это наказание справедливым или несправедливым, причём применить этот закон строго и буквально, без какого-либо снисхождения[247]. Вторая — заставить его “выкупить” себя отказом от власти, чтобы они могли назначить вместо него другого правителя. Третья — обратиться к своим сторонникам в провинциальных военных округах и в Медине, чтобы те отказались от обязанности “слушать и повиноваться”, которую, по словам Усмана, возложил на них Бог.Усман отвечал, что халифы до него наказывали и справедливо, и несправедливо, однако никто не требовал возмездия против них; он знал, что его враги хотят добраться лично до него; что же касается отречения, то, чтобы они избили его[248], — это предпочтительнее, чем чтобы он

---

[244] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1216–1217.

[245] В тексте у Ибн Асакира, *Усман*, 376, стоит: *annahum qad radu bi-lladhi a'taytuhum* — «они удовлетворились тем, что ты им дал». Это кажется предпочтительнее текста у ат-Табари, I, 3042: *annahum raja'u bi-lladhi a'taytuhum* — «они вернулись с тем, что ты им дал». Незначительные текстовые различия между двумя письмами в дальнейшем изложении их содержания отмечаться не будут.

[246] Табари, I, 2943; Ибн Асакир, *Усман*, 377. Письма пытаются создать впечатление, будто Усман действительно вновь назначил Амра до его проступка. Это, очевидно, совершенно невозможно. Амр едва ли стал бы публично нападать на Усмана, если бы его надежды на наместничество не были сорваны. Марван, желавший наказания египетских вождей мятежников, должно быть, заблокировал это назначение, если Усман серьёзно его рассматривал.

[247] Это, очевидно, искажение требований мятежников. Они не требовали возмездия за тех, кто был наказан справедливо; они настаивали, чтобы именно они, а не халиф, решали, кто был наказан справедливо, а кто несправедливо.

[248] Табари, I, 3044; следует читать *yalka'uni* вместо *yaklubum*, как предложено в сноске. В тексте Ибн Асакира, *Усман*, 377, стоит *yaqtuluni* — «что они убьют меня».

отказался от правления, должности (*ʿamal*) и наместничества Бога[249]. Их угрозу призвать гарнизоны и жителей Медины отказаться от повиновения он высокомерно отвергал. Сначала они сами добровольно предложили ему своё повиновение, ища благоволения Бога и согласия между собой; он не принуждал их. Те, кто ищет лишь мирской выгоды, не получат её больше, чем предписал Бог; а те, кто ищет только лик Бога, будущую жизнь, благо общины, благоволение Бога и добрую Сунну, установленную Посланником Бога и двумя халифами после него, будут вознаграждены Богом за это. Их награда не в руках Усмана; даже если бы он отдал им весь мир, это не принесло бы пользы их религии и ничем бы им не помогло.

Затем Усман предостерегал мусульман от нарушения их договора, утверждая, что ни он, ни Бог не простят этого; выборы, предложенные мятежниками, означали не что иное, как отрешение (*nazʿ*) и избрание другого повелителя (*taʾmir*); перед лицом этого оскорбления он сдерживал себя и тех, кто был с ним, ради предотвращения смуты и кровопролития. Письма завершались призывом к справедливости и взаимной поддержке, признанием покаяния за всё содеянное халифом и просьбой к Богу о прощении для него самого и для верных[250].

Эти письма, несомненно одобренные Марваном, ни словом не упоминали о главной жалобе мятежников на него — о послании, которое он отправил от имени халифа, приказывая наказать их. По тону они были твёрды и исключали возможность каких-либо дальнейших уступок, поскольку все разумные требования уже были удовлетворены. Но вместе с тем они подчёркивали приверженность халифа миру и согласию в общине. В них не содержалось никакого призыва к оружию, чтобы помочь подавить смутьянов[251]. Кризис должен был быть разрешён без насилия. Всякая угроза, что халиф и «те, кто с ним», возможно, утратят самообладание перед лицом провокации, была смягчена.

Многочисленные сообщения, подчёркивающие неприятие Усманом вооружённой инициативы и насилия даже в целях защиты от осаждавших, в основном достоверны.

---

[249] Источники особенно описывают Абдаллаха ибн Умара как человека, советовавшего Усману не отрекаться. Враги халифа, говорил он ему, не могут сделать больше, чем убить его, и было бы неправильно устанавливать в исламе сунну, по которой всякий раз, когда люди гневаются на своего правителя, они могут сместить его. Двоюродный брат Усмана аль-Мугира ибн аль-Ахнас ас-Сакафи, убитый вместе с ним, как сообщается, советовал ему уйти в отставку, поскольку в противном случае мятежники угрожали его убить. См.: Ибн Са'д, *Табакат*, III/1, 45; Балазури, *Ансаб*, V, 76; Ибн Асакир, *Усман*, 259.

[250] Табари, I, 3043–3045; Ибн Асакир, *Усман*, 377–379. Согласно Салиху ибн Кайсану, которого цитирует ненадёжный Ибн Да'б, Усман также отправил паломникам краткую записку, которую в день Арафата прочитал им Нафи' ибн Зурайб из Науфаля курайшитов — вероятно, после того как Ибн аль-Аббас прочитал основное послание. В ней халиф жаловался, что, пока он пишет, он находится в осаде и ест лишь самый минимум, необходимый для поддержания жизни, опасаясь, что его припасы закончатся. От него не требуют покаяния, и никакие его доводы не выслушиваются. Он призывал тех, кто услышит письмо, прийти к нему, установить справедливость и предотвратить неправое дело. Ибн аль-Аббас не обратил внимания на поступок Нафи'. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1166.

[251] Письмо к сирийцам, однако, содержало призыв отразить насилие — *baghy* — всякого, кто лишает халифа его права, с цитатой из Корана 49:9: «Если две группы верующих сражаются, примирите их; но если одна из них преступает против другой, сражайтесь с той, которая преступает, пока она не вернётся к повелению Бога…» Послание к мекканским паломникам, возможно, намеренно было несколько более примирительным.

Полностью сознавая и уважая всё ещё признаваемую святость жизни мусульман, он желал, чтобы в сопротивлении мятежникам не проливалась кровь и чтобы сами мятежники не были спровоцированы на насилие. Позднейшая мусульманская традиция после гражданской войны, привыкшая к кровавым правительственным репрессиям и насилию среди мусульман, создала рассказы о том, будто Усман писал Муавии и Абдаллаху ибн Амиру, прося их прислать войска в Медину, и будто они откликнулись на его просьбы. Правнук Муавии Харб ибн Халид ибн Язид, возможно, первым распространил утверждение, что Муавия послал Хабиба ибн Масламу аль-Фихри с 4 000 сирийцев на помощь Усману. Передовой отряд — 1 000 человек под начальством Язида ибн Асада аль-Баджали — достиг Вади-ль-Кура или Зу Хушуба, когда они узнали об убийстве Усмана и повернули назад. Эту историю подхватил проомейядский Маслама ибн Мухариб в Басре и аш-Шаʿби в Куфе[252]. Ходили и подобные рассказы о том, что Абдаллах ибн Амир послал Муджашиʿа ибн Масʿуда ас-Сулами и Зуфара ибн аль-Хариса аль-Килаби с басрийским войском[253]. Усманит, но антиомейядский басриец Джувайрия ибн Асмаʿ (ум. 173/789–90) сообщал, что Муавия отправил Язида ибн Асада с твёрдым приказом не двигаться дальше Зу Хушуба. Когда его спросили, почему Муавия отдал такой приказ, Джувайрия объяснил, что тот хотел смерти Усмана, чтобы самому претендовать на халифат[254]. Все подобные рассказы вымышлены. Даже сообщение обычно надёжного современника Абу Ауна,

---

[252] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1289. Язид ибн Асад был дедом Халида ибн Абдаллаха аль-Касри, наместника Ирака в позднеомейядскую эпоху.
Маслама ибн Мухариб, информатор аль-Мада'ини, был тесно связан с омейядским режимом, что видно из его сообщений. E. L. Petersen предположил, что он мог быть омейядом, а именно представителем суфьянидской ветви. См.: *Ali and Mu'awiya in Early Arabic Tradition*, Copenhagen, 1964, 112, 128. Более вероятно, что он был клиентом или союзником омейядского дома.

[253] Табари, I, 2985–2986, со слов Мухаммада аль-Калби, и Балазури, *Ансаб*, V, 71–72. Подробный рассказ у последнего, 71, строка 19 — 72, строка 8, скорее всего, взят у Абу Михнафа. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 87. Джубайр ибн Мут'им, названный там посланцем Усмана к Абдаллаху ибн Амиру, как известно, находился в Медине во время осады и при погребении Усмана.

[254] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1288–1289. Та же антимуавийская тенденция отражена в египетском сообщении, переданном ненадёжным Ибн Лахи'ей, согласно которому Абдаллах ибн Са'д ибн Аби Сарх после бегства в Аскалон отказался присягнуть омейяду, заявив, что не принесёт оммаж человеку, желавшему убийства Усмана. См. там же, 1152. Это сообщение и в других отношениях является крайне вымышленным.
Существует также позднее поддельное сообщение, пытающееся объяснить, почему Му'авия, несмотря на призывы Усмана, не послал войска. Согласно ему, во время первой «осады» Усман отправил аль-Мисвара ибн Махраму к Му'авии с приказом срочно направить войско. Му'авия немедленно лично выехал вместе с Му'авией ибн Худайджем и Муслимом ибн Укбой в Медину, куда прибыл среди ночи. Усман строго упрекнул его за то, что он не послал армию, но Му'авия указал, что, если бы он сделал это и мятежники услышали бы об этом, они убили бы халифа до её прибытия. Он пригласил Усмана ехать с ним в Сирию, но халиф отказался. Во время второй осады Усман снова послал аль-Мисвара с тем же приказом. На этот раз Му'авия сначала возложил вину за беды на самого Усмана, а затем — на аль-Мисвара и его друзей за то, что они его покинули. Он запер аль-Мисвара в комнате и освободил его только после убийства Усмана. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 379–380. Сообщение приписывается Мухаммаду ибн Са'ду со слов аль-Вакиди с четырьмя хорошими вакидийскими иснадами, восходящими к современникам. Однако аль-Вакиди не имел обыкновения объединять свои иснады таким образом, и ни одно из ранних сочинений, цитирующих аль-Вакиди, не даёт никакой параллели. Это сообщение является подделкой, вероятно, более поздней, чем Ибн Са'д.

вольноотпущенника аль-Мисвара, о том, что войска, двигавшиеся из провинций, спровоцировали мятежников на нападение, отражает в лучшем случае лишь слухи, ходившие в Медине[255].

Первая обязанность защищать Усмана и дворец, по племенным нормам, лежала на его омейядской родне, их вольноотпущенниках и союзниках. Однако халиф, стремясь предотвратить кровопролитие, на этом этапе неохотно полагался на них в значительной степени и тем самым не хотел превращать конфликт в сражение между Омейядами и их противниками. Напротив, он искал нравственной поддержки исламской элиты и вдов Пророка, чей авторитет, как он надеялся, удержит мятежников от нападения. Именно по этой причине он делал всё, чтобы убедить Аишу отменить своё паломничество. На ранних стадиях осады аль-Мугира ибн Шуʿба, как сообщается, посоветовал ему показать силу, приказав своим вольноотпущенникам и родне вооружиться, чтобы запугать осаждавших. Усман так и сделал, но затем велел им уйти, не вступая в бой. Когда они уходили, египетский вождь мятежников Судан ибн Хумран последовал за ними. Марван обернулся, и они обменялись ударами мечей, не ранив друг друга. Усман немедленно послал своего слугу Натиля приказать Марвану отступить с его спутниками внутрь дворца[256].

Катан ибн Абдаллах ибн Хусайн Зу-ль-Гусса, вождь Бану-ль-Харис ибн Каʿб в Куфе, как сообщается, предложил Усману прийти со своими людьми на защиту халифа. Если это сообщение достоверно, то, по-видимому, он прибыл в Медину в связи с паломничеством. Усман отослал его, заявив, что не желает сражаться с мятежниками[257]. Усман ибн Аби-ль-Ас ас-Сакафи, бывший наместник аль-Бахрайна, также, по сообщениям, предложил сражаться за Усмана во время осады. У Сакифа ещё с доисламских времён существовали связи с домом Омейядов. Усман отклонил его предложение и, по его просьбе, разрешил ему уехать в Басру[258].

В то же время Усман окружил себя членами исламской элиты. Командование защитниками, собравшимися во дворце, он поручил Абдаллаху ибн аз-Зубайру, а не какому-либо Омейяду. Абу Хабиба, посетивший осаждённого Усмана, застал его вместе с аль-Хасаном ибн Али, Абу Хурайрой, Абдаллахом ибн Умаром и Абдаллахом ибн аз-Зубайром, а также с омейядами Саʿидом ибн аль-Асом и Марваном. Абу Хурайра поднял дух осаждённых, передав хадис. Пророк предсказал: «После нас будут испытания и

---

[255] Табари, I, 3023. Согласно сообщению, сторонники египетских мятежников прибыли из Басры, Куфы и Сирии и побуждали осаждавших к действию, сообщая им о войсках, идущих из Ирака и от Абдаллаха ибн Са'да из Египта. Как замечает рассказчик, Абдаллах ибн Са'д ранее бежал в Сирию. Следовательно, пришедшие распространяли ложные слухи о том, что он вновь установил контроль над Египтом.

[256] Балазури, *Ансаб*, V, 72–73. Стихи, приписанные там аль-Валиду ибн Укбе, широко цитируются и также приписываются аль-Мугире ибн аль-Ахнасу. См.: Ибн Бакр, *Тамхид*, 215; Ибн Асакир, *Усман*, 548, со ссылкой на Сайфа ибн Умара; Хассану ибн Сабиту. См.: *Диван*, I, 511; Ка'бу ибн Малику. См.: *Агани*, XV, 30; Ибн Асакир, *Усман*, 547, со ссылкой на аш-Ша'би; или некоему безымянному человеку из ансаров. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 547. Одно из двух последних приписываний, по-видимому, является наиболее надёжным. Аль-Валид ибн Укба едва ли был тем человеком, который стал бы восхвалять своего брата за его пацифистскую позицию.

[257] Балазури, *Ансаб*, V, 73.

[258] Там же, 74.

бедствия». Абу Хурайра спросил его: «Где же будет спасение от них?» Он ответил: «У Амина [Достойного доверия] и его партии», — и Абу Хурайра указал на Усмана.[259]

То, что среди защитников был сын Али, аль-Хасан, засвидетельствовано слишком хорошо, чтобы в этом сомневаться.[260] Он описывается — в отличие от своего брата Мухаммада ибн аль-Ханафийи — как благосклонно относящийся к Усману и позднее критиковавший своего отца за то, что тот не защитил его[261]. Аль-Хусайн ибн Али, согласно проалидскому Ибн Абзе, также пришёл в начале осады предложить Усману свою поддержку. Его послал Али, за которым просил Усман. Халиф спросил его, думает ли он, что сможет защитить его от мятежников. Когда аль-Хусайн ответил отрицательно, Усман сказал ему, что освобождает его от его присяги, и велел передать отцу, чтобы тот пришёл. Аль-Хусайн сообщил об этом Али, но Ибн аль-Ханафийя удержал Али от похода ко дворцу[262]. Среди защитников дворца был также Абдаллах ибн Амир ибн Раби῾а аль-῾Аназий, союзник клана Умара, Ади[263], вероятно как спутник Абдаллаха ибн Умара. Даже сын Тальхи, Мухаммад, упоминается в некоторых поздних рассказах[264], но они ненадёжны.

Мятежники, со своей стороны, как указывали и письма Усмана, также не стремились проливать кровь. Верно, что их требования теперь сводились просто к отречению и назначению другого правителя. Альтернатива в виде строгого возмездия за все избиения, ссылки и заключения, в которых они обвиняли Усмана, не была реалистичной. Они, по-видимому, не обсуждали возможность компромисса в виде устранения истинного источника зла — Марвана, который не занимал никакой формальной должности. И сам халиф, всё ещё безусловно прикрывавший своего двоюродного брата, не был готов предложить такой компромисс. Он столь же твёрдо стоял на том, что не отречётся. Однако последняя альтернатива, предложенная вождями мятежников, сводилась лишь к общему призыву отказаться от повиновения. Их частные разговоры о желании пролить кровь халифа, по-видимому, не совпадали с их реальным намерением — вынудить его уйти с должности. Кроме того, их число, на тот момент, едва ли превышало число защитников во дворце, которое Ибн Сирин, возможно с некоторым преувеличением, определял в 700 человек[265].

---

[259] Ибн Асакир, *Усман*, 374–375; Зубайри, *Насаб*, 103.

[260] Каэтани отверг соответствующее сообщение позднего басрийца Ибн Сирина как выдуманное для доказательства невиновности Али, «который защищал халифа через своего достойного сына». Он предположил, что, согласно другому сообщению, аль-Хасан не находился в Медине. См.: *Аннали*, VIII, 190–191. Однако аль-Хасан, упомянутый в этом другом сообщении, см. там же, 193, — это аль-Хасан аль-Басри.

[261] См. сообщение басрийского проусмановца Катады, где аль-Хасан, как передаётся, сказал Али: «Ты убил человека, который тщательно совершал омовение перед каждой молитвой». Али, как сообщается, ответил: «Твоя скорбь по Усману затянулась». См.: Балазури, *Ансаб*, V, 81.

[262] Там же, 94. Абу Михнаф рассказывал, что Марван, увидев аль-Хусайна, сказал ему: «Оставь нас; твой отец подстрекает людей против нас, а ты здесь с нами». Тогда Усман сказал: «Уходи. Я не хочу сражения и не приказываю его начинать». См. там же, 73.

[263] Ибн Асакир, *Усман*, 402–403; Балазури, *Ансаб*, V, 73.

[264] См.: Балазури, *Ансаб*, V, 69–70, со ссылкой на Исмаила ибн Яхью, где говорится, что Тальха неохотно отправил его к Усману; Табари, I, 3013, со ссылкой на Сайфа ибн Умара; Мас'уди, *Мурудж*, III, параграфы 1603, 1605. Рассказ аль-Мас'уди основан на выдумке Исмаила ибн Яхьи.

[265] Балазури, *Ансаб*, V, 74.

Поскольку никакого компромисса не вырисовывалось, время быстро истекало. Поведение разочарованных мятежников, быть может подстрекаемое прибытием более радикальных элементов и слухами о приближении из провинций верных войск, становилось всё более злобным. Временами они пытались перекрыть подачу воды во дворец и мешали свободному доступу посетителей. Даже Умм Хабиба, дочь Абу Суфьяна и одна из Матерей правоверных, с трудом добилась доступа к Усману, когда пришла, принося кожаный бурдюк с водой (*idawa*)[266]. Мятежники стреляли стрелами в Абдаллаха ибн аз-Зубайра, когда он читал послание Усмана, полагая, что оно не содержит ничего нового. Если бы они слушали внимательнее, они, возможно, увидели бы основу для подлинного компромисса. Усман предлагал отныне править только на основании совета Матерей правоверных и людей здравого мнения из их числа. Это означало бы конец гибельному влиянию Марвана.

В четверг, 17-го дня месяца зу-ль-хиджжа / 16 июня, мир был нарушен. Акт агрессии, открывший гражданскую войну, исходил из дворца[267]. Среди мятежников в тот день был Нияр ибн Ияд из Бану Аслам, престарелый сподвижник Мухаммада, который крикнул, вызывая Усмана, и, когда халиф выглянул с балкона, стал поучать его, требуя его отречения[268]. Абу Хафса аль-Йамани, арабский вольноотпущенник Марвана[269], сбросил на него камень и мгновенно убил его. В собственном рассказе он хвастался: «Я, клянусь Богом, разжёг сражение между людьми». Мятежники послали к Усману, требуя выдать убийцу. Халиф вновь прикрыл Марвана, заявив, что не знает, кто убийца. На следующий день, в пятницу 18-го дня месяца зу-ль-хиджжа / 17 июня, настал «день битвы у дворца» (*yawm al-dar*), и Усман был убит.

Марван добился своего; именно он хотел войны. Безопасность его престарелого двоюродного брата, которому он был обязан всем, всерьёз его не заботила. Он видел, как «наша власть», то есть омейядское правление, может ускользнуть из его рук, если Усман станет править по совету Матерей правоверных и «людей здравого мнения» — исламской меритократии Умара. Он ненавидел и презирал этих ранних сподвижников, которые стояли на пути его собственных устремлений. Надежда Усмана удержать халифат, сохранив при этом руки чистыми от мусульманской крови, была не чем иным, как благочестивым самообманом. Марван прекрасно понимал, что господство на протяжении всей человеческой истории могло устанавливаться и удерживаться только террором, запугиванием, насилием или угрозой насилия. Почему в исламе должно было быть иначе?

Тогда как убийца при омейядском правлении будет открыто хвастаться своим преступлением, его жертва в усманитской традиции получила прозвище Нияр Злой (*Niyar al-sharr*), чтобы отличать его от другого Нияра из Аслама — Нияра ибн Микраза, верного

---

[266] Табари, I, 3010; Балазури, *Ансаб*, V, 77; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1312–1313.

[267] Это было правильно признано Велльхаузеном. См.: *Skizzen*, VI, 130; *Das arabische Reich*, 31. Однако он не отметил крайне важного факта: убийца, Абу Хафса, был клиентом Марвана. Каэтани считал соответствующие сообщения ненадёжными. См.: *Аннали*, VIII, 140.

[268] Так говорится в рассказе Джафара аль-Мухаммади. См.: Табари, I, 3004.

[269] Согласно собственному сообщению Абу Хафсы, Марван купил его, его жену и потомство у бедуина-араба и отпустил их на свободу. См. там же, 3001; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1281.

сторонника, участвовавшего в погребении Усмана и потому названного Нияром Благим (*Niyar al-khayr*). Чтобы подкрепить обвинение в злодействе, Нияра ибн Ияда затем стали обвинять в том, что он первым заставил Усмана истечь кровью, ударив его по лицу остриём[270]. Однако в тот момент мятежники, возмущённые очередным отказом халифа принять на себя ответственность за проступки своих слуг, сохраняли нравственное преимущество. Ночью они собрались в силе, разложив огни вокруг дворца. Утром началось нападение. Некоторые проникли через крышу дома рода Амра ибн Хазма, соседнего с дворцом. Согласно Абу Хафсе, Кинана ибн Бишр был первым, кто появился с факелом в руке. На огонь была вылита нафть, и деревянный потолок, а также наружные двери быстро загорелись, несмотря на некоторое сопротивление защитников на крыше.

Усман приказал всем, кто ему повиновался, не сражаться, а заботиться о собственных домах. Он уверял их, что мятежники хотят только его и оставят их в покое, как только доберутся до него[271]. Большинство защитников, включая Абдаллаха ибн аз-Зубайра[272], уважили его желание и сложили оружие. Абу Хурайра позднее рассказывал, что он отбросил свой меч и не знает, кто его потом забрал[273]. Марван, Саʿид ибн аль-Ас и горстка людей ослушались приказа Усмана. Они вытеснили нападавших из тех ворот, которые ещё не горели, и атаковали мятежников снаружи дворца. Первым был убит, согласно рассказу Абу Михнафа, аль-Мугира ибн аль-Ахнас, поражённый Рифаʿой ибн Рафиʿом аль-Ансари из Бану Зурайк, из Хазраджа, ветераном Бадра[274].

Марван вышел вперёд, а за ним его вольноотпущенник Абу Хафса, и крикнул вызов любому, кто пожелал бы выйти с ним на поединок. Когда он поднял свисающую часть своего шлема (*rafraf*), чтобы заткнуть её за пояс, вождь мятежников Ибн ан-Ниба‘ (Урва ибн Шияйм), выдвинутый Абд ар-Рахманом ибн Удайсом, чтобы расправиться с ним, ударил его по шее и поверг наземь. Когда тот, лёжа на земле, повернулся, Убайд, сын Рифаʿы ибн Рафиʿа, подошёл к нему, чтобы прикончить его. Но Фатима бинт Аус, кормилица Марвана, бросилась на него и сказала Убайду: «Если ты хочешь убить этого

---

[270] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1308; Балазури, *Ансаб*, V, 83. Обвинение против Нияра было передано проомейядским Аваной со слов аш-Ша'би. Бану Аслам, сыгравшие столь важную роль в основании курайшитского халифата, очевидно, раскололись в вопросе правления Усмана. Мухаммад ибн аль-Мункадир описывал Хуза'а и Аслам как враждебные Усману. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1280–1281. Когда Му'авия позднее прибыл в Медину для паломничества и увидел дома квартала Аслам, ведущие к рынку, он приказал: «Затемните их дома над ними; да затемнит Бог их могилы над ними, ибо они — убийцы Усмана». Нияр ибн Микраз, прозванный Благим, сказал ему: «Ты собираешься затемнить мой дом надо мной, когда я был одним из четырёх, кто нёс и похоронил Усмана?» Му'авия узнал его и велел не замуровывать фасад его дома. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 86; Ибн Асакир, *Усман*, 540.

[271] Табари, I, 3001–3003.

[272] В стихотворной строке, приписанной аль-Мугире ибн аль-Ахнасу, Абдаллах ибн аз-Зубайр критикуется за то, что не сражался. См.: Ибн Бакр, *Тамхид*, 195.

[273] Балазури, *Ансаб*, V, 73; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1110.

[274] Балазури, *Ансаб*, V, 78–79. О Рифа'е ибн Рафи' см.: Ибн Хаджар, *Исаба*, II, 209. Согласно другому сообщению, добавлял Абу Михнаф, аль-Мугира был убит одним из простых людей — *'urd al-nas*. Вероятно, ненадёжно сообщение Джафара аль-Мухаммади, что Абдаллах ибн Будайл аль-Хузаи убил аль-Мугиру. См.: Табари, I, 3005. Бану Зурайк как группа обвиняются в участии в убийстве Усмана в стихотворной строке брата Марвана, Абд ар-Рахмана ибн аль-Хакама. См.: Балазури, *Ансаб*, V, 105.

человека, то он уже мёртв; если же хочешь терзать его плоть, то это было бы мерзостью». Он отступил, и Фатима с помощью Абу Хафсы перенесла раненого Марвана к себе в дом. Абд аль-Малик ибн Марван впоследствии вознаградил её сына Ибрахима ибн Араби аль-Кинани наместничеством в аль-Ямаме[275]. Саʿид ибн аль-Ас также вышел и сражался, пока не получил тяжёлую рану в голову[276]. Согласно рассказу Абу Михнафа, его поразил Амир ибн Букайр аль-Кинани, ветеран Бадра, и его спасла Наʿила, жена Усмана[277].

Ещё трое курайшитов были убиты, защищая Усмана: Абдаллах ибн Вахб ибн Замʿа и племянник аз-Зубайра Абдаллах ибн Абд ар-Рахман ибн аль-Аввам, оба из Асада, а также Абдаллах ибн Аби Майсара ибн Ауф ибн ас-Саббак из Абд ад-Дара. Абдаллах ибн Абд ар-Рахман, племянник аз-Зубайра, предложил противникам решить спор на основании Книги Божией, но, несмотря на это, был атакован и убит Абд ар-Рахманом ибн Абдаллахом аль-Джумахи, курайшитом. Двое других были атакованы и убиты группой людей возле дворца[278]. Был убит также вольноотпущенник Усмана Натиль[279]. Сообщается, что Абдаллах ибн аз-Зубайр, аль-Хасан ибн Али и Абдаллах ибн Хатиб аль-Джумахи были ранены. Если соответствующие сообщения достоверны, то эти раны, скорее всего, были получены не в бою[280].

Таким образом, Усман по собственному желанию остался покинутым своими курайшитскими защитниками, включая и своих омейядских родственников. Его личные слуги и стражники, по-видимому, ещё охраняли ворота. Но ко времени послеполуденной молитвы[281], когда постигла его ожидаемая им судьба, он находился один в своей комнате со своей женой Наʿилой и читал Коран. Если бы его двоюродный брат Марван, после того как по своей прихоти навлёк на него катастрофу, в самом деле серьёзно стремился не допустить врага до старца, как он утверждал в двух строках стихов[282], то он сидел бы рядом с ним, как просил его Усман[283], а не предавался бы снаружи дворца тщеславному

---

[275] Табари, I, 3003–3004; Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1281; Балазури, *Ансаб*, V, 79. О правильных родовых именах Фатимы и Ибрахима см. примечания к тексту аль-Балазури.
[276] Ибн Са'д, *Табакат*, V, 23.
[277] Балазури, *Ансаб*, V, 79–80.
[278] Там же, 80; Ибн Асакир, *Усман*, 532. В сообщении аль-Балазури в родословной последнего из названных отсутствует «ибн Аби Майсара». Аз-Зубайри, *Насаб*, 256, даёт форму «ибн Аби Масарра», но большинство других источников имеет «ибн Аби Майсара». Абд ар-Рахман ибн Абдаллах аль-Джумахи, по-видимому, в других источниках неизвестен. Ибн Асакир, *Усман*, 554, цитирует несколько стихотворных строк Абдаллаха ибн Вахба ибн Зам'ы, в которых он клянётся, что после Усмана не принесёт присягу никакому другому имаму и, защищая его, не покинет «двое ворот». Ибн аль-Мункадир перечисляет трёх курайшитов, убитых как сторонников Усмана. Он также называет Абд ар-Рахмана ибн Хатиба ибн Аби Балта'а из Лахма. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1280. Его отец был союзником семьи аз-Зубайра. Об Абд ар-Рахмане ибн Хатибе см.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, VI, 158–159.
[279] Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 1280, где имя На'иля опущено.
[280] Балазури, *Ансаб*, V, 79, 80, 95. В этих сообщениях трое мужчин неопределённо описаны как сражавшиеся за Усмана. Этому противостоит недвусмысленное свидетельство других сообщений о том, что они сложили оружие, повинуясь приказу Усмана. Об Абдаллахе ибн Хатибе, курайшите из Джумаха, рождённом рабыней-наложницей — *umm walad*, см.: Зубайри, *Насаб*, 395.
[281] О времени см.: Балазури, *Ансаб*, V, 85–86, 98.
[282] Табари, I, 3022; Балазури, *Ансаб*, V, 81.
[283] Табари, I, 3002.

бахвальству. Брат Усмана аль-Валид ибн Укба вообще не был в Медине, но получил весть о смерти халифа в безопасности близлежащего аль-Мирада, где теперь ханжески заявлял всему миру, что хотел бы умереть до того, как эта весть достигла его[284]. Ничего не известно о местонахождении взрослых сыновей Усмана.

Согласно семейному преданию рода Амра ибн Хазма, Мухаммад ибн Аби Бакр перелез на крышу дворца Усмана с крыши их дома вместе с Кинаной ибн Бишром, Суданом ибн Хумраном и Амром ибн аль-Хамиком и ворвался в комнату Наʿилы. Мухаммад схватил халифа за бороду и сказал: «Да посрамит тебя Бог, Наʿталь»[285]. Усман ответил: «Я не Наʿталь, а раб Божий (*ʿAbd Allāh*) и Повелитель правоверных». Мухаммад: «Муавия, такой-то и такой-то теперь тебе не помогут». Усман: «Сын моего брата, оставь мою бороду. Твой отец не держал бы того, что держишь ты». Мухаммад: «Если бы мой отец видел, что ты совершаешь эти поступки, он осудил бы тебя за них. Для тебя мне нужно более сильное лекарство, чем держать тебя за бороду». Усман: «Я ищу у Бога помощи и поддержки против тебя». Тогда Мухаммад ибн Аби Бакр пронзил его лоб остриём. Кинана присоединился, нанося другие удары остриём и ударив его за ухо так, что концы вошли ему в горло. Затем он убил его мечом[286]. Вариант рассказа, переданный Абу Ауном, вольноотпущенником аль-Мисвара, гласит, что Кинана ударил Усмана по лбу железным прутом, так что тот упал на землю, а убил его Судан ибн Хумран. Во всяком случае, затем Амр ибн аль-Хамик описывается как севший халифу на грудь и пронзивший его тело девять раз[287].

Дворец теперь был разграблен. Наʿила охраняла тело Усмана, но похоронить его удалось лишь на следующий вечер[288]. Мятежники воспрепятствовали его погребению на

---

[284] Балазури, *Ансаб*, V, 102–103. Брат аль-Валида, Халид ибн Укба, также отсутствовал в это время. Согласно Сайфу ибн Умару, возможно, он имел дерзость упрекать в стихах Азхара ибн Сихана аль-Мухариби, одного из защитников дворца, за то, что тот не сражался. Азхар ответил ему, уместно указав, что «Халид бежал от него [Усмана] в своих доспехах». См.: Ибн Бакр, *Тамхид*, 214. Однако, согласно Мус'абу аз-Зубайри, этот обмен стихами происходил скорее между Халидом ибн Укбой и Абд ар-Рахманом ибн Артахом ибн Сиханом аль-Мухариби, союзником бану Харб ибн Умайя, по случаю убийства сына Усмана, Са'ида, его согдийскими заложниками. См.: Зубайри, *Насаб*, 111, 141; Балазури, *Ансаб*, V, 117–119. Последняя версия, несомненно, более надёжна.

[285] На'саль — «помешанный старик» — было прозвищем Усмана.

[286] То, что Кинана обычно считался убийцей Усмана, хорошо засвидетельствовано современной поэзией, особенно у аль-Валида ибн Укбы, где он назван по своей племенной принадлежности — ат-Туджиби. См.: Табари, I, 3064; Балазури, *Ансаб*, V, 98.

[287] Табари, I, 3021–3022; Балазури, *Ансаб*, V, 82–83; Ибн Асакир, *Усман*, 413–414. Рассказ очевидца передан от Райты, клиентки Усамы ибн Зайда. Она утверждала, что её господин послал её посмотреть на Усмана и что она присутствовала при его убийстве. В её рассказе Мухаммад ибн Аби Бакр описан как человек, который отказался от насилия после того, как схватил Усмана за бороду, и тщетно пытался остановить остальных. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 411–412. Подлинность этого сообщения сомнительна. Известный рассказ о том, что На'иле отрубили палец, когда она защищала Усмана, вероятно, является легендой. Он появляется только в куфийских рассказах. Возможно, аш-Ша'би первым сообщил его. См. там же, 412.

[288] Это предполагается большинством рассказов. Сообщение Абдаллаха ибн Фарруха, клиента Аиши, см.: Ибн Хаджар, *Тахзиб*, V, 356, по-видимому, предполагает, что Усман был похоронен ночью после смерти, поскольку Тальха описывается как всё ещё сохранявший контроль. Согласно этому сообщению, Абдаллах ибн Фаррух находился в присутствии Тальхи в Медине, в Хашш Тальха, когда тот попросил его и племянника Тальхи, Абд ар-Рахмана ибн Усмана, выяснить, что стало с Усманом. Они нашли его тело во дворце, покрытое белой тканью. Когда они сообщили об этом Тальхе, он велел им похоронить его. Они одели его в его одежду и вынесли тело из дворца. Египетские мятежники попытались воспрепятствовать

кладбище Баки' аль-Гаркад, и он был похоронен поблизости, в Хашш Каукаб, которое позднее было включено в состав кладбища. Согласно Нияру аль-Аслами (Благому), при его похоронах присутствовали Хаким ибн Хизам, Джубайр ибн Мут'им, Абу Джахм ибн Хузайфа и сам Нияр. Погребальную молитву возглавил Джубайр[289]. Из других сообщений несомненно следует, что с ними были его жёны На'ила и Умм аль-Банин бинт Уяйна[290]. В иных местах названы и другие лица, но их присутствие сомнительно или маловероятно[291]. Никого из омейядской родни Усмана там не было. Они нашли убежище у Умм Хабибы бинт Аби Суфьян, вдовы Мухаммада, которая спрятала большинство из них в зернохранилище (*kandūj*), а остальных — в другом месте. Муавия позднее, по-видимому, шутил по поводу их непристойного укрытия[292].

Суннитская традиция и современные западные учебники помнят Усмана прежде всего как благочестивого старого халифа, который был убит, тихо читая Коран. Этот образ не вполне искажает его. До самого конца он оставался верен своему религиозному обязательству не проливать мусульманской крови. Утром Дня Дворца он ещё раз подтвердил Са'ду ибн Аби Ваккасу своё покаяние во всех своих проступках и приказал своим защитникам сложить оружие. Покинутый всеми, кроме жены, он встретил неизбежный конец в мире с самим собой. Однако он, должно быть, чувствовал, что и сам несёт большую долю вины за эту катастрофу. Рак в теле халифата, который он вскормил и который оказался неспособен удалить из-за своей дряхлой любви к испорченной и алчной родне, погубил его. Он должен был и далее разрастаться и смести халифат Умара, основанный на исламской заслуге. Преемник Усмана, Муавия, превратил его, как это было предсказано в известном пророчестве, приписываемом Мухаммаду, в традиционную деспотическую монархию.

совершению над ним погребальной молитвы, но Абу аль-Джахм ибн Хузайфа упрекнул их. Усман просил у Аиши место для погребения рядом с могилой Пророка, и она уступила его ему. Однако египтяне не позволили похоронить его там, возражая, что он не следовал образу действий Пророка и двух первых халифов, похороненных рядом с ним. Поэтому Усмана похоронили в Хашш Каукаб, который он купил как расширение кладбища Баки' аль-Гаркад. См.: Ибн Шабба, *Та'рих аль-Мадина*, 114–115, 1306–1307.

[289] Балазури, *Ансаб*, V, 86; Ибн Асакир, *Усман*, 540.

[290] См. в особенности сообщение Мухаммада ибн Юсуфа у Ибн Са'да, *Табакат*, III/1, 54–55; Ибн Асакир, *Усман*, 541; Зубайри, *Насаб*, 102.

[291] Семейная традиция, переданная Маликом ибн Анасом, чей дед Малик ибн Аби Амир утверждал, что нёс тело Усмана на двери, несомненно, ошибочна в нескольких пунктах и в целом должна считаться ненадёжной. Малик говорит о двенадцати мужчинах, участвовавших в погребении, среди них Хувайтиб ибн Абд аль-Узза, Абдаллах ибн аз-Зубайр и дочь Усмана Аиша. См.: Ибн Асакир, *Усман*, 542–543.

[292] Балазури, *Ансаб*, V, 80.

Глава 3.
Али: альтернативный халифат хашимитов
Спор о преемстве и Верблюжья битва

Правление Али носило все признаки альтернативного халифата. По нормам раннего халифата его власть была лишена легитимности. Али не был избран *шурой* из числа наиболее выдающихся ранних сподвижников — именно такое условие Умар установил для законной передачи власти. Не пользовался Али и поддержкой большинства курайшитов, которых при Абу Бакре признали правящим слоем, исключительно полномочным решать вопрос о халифате.

Сам Али, однако, был твердо убежден в законности собственных притязаний. Основанием для них служили его близкое родство с Пророком, теснейшая связь с Мухаммадом, знание ислама с самого начала и заслуги в служении его делу. Критерии законной власти, установленные Абу Бакром и Умаром, с его точки зрения, значения не имели. Еще Абу Бакру Али объяснял, что медлил с принесением ему присяги как преемнику Мухаммада именно потому, что считал собственное право на преемство первоочередным. И когда в конце концов он присягнул сначала Абу Бакру, затем Умару и Усману, своего мнения он не изменил. Он поступил так ради единства ислама, убедившись, что мусульмане отвернулись от него — законного, в его понимании, преемника Мухаммада. Но если мусульманская община — или хотя бы значительная ее часть — вновь обращалась к нему, принять руководство было для него не только законным правом, но и обязанностью.

Убийство Усмана оставило столицу в руках мятежников и их мединских союзников, а главными возможными кандидатами на преемство стали Тальха и Али. По-видимому, часть египтян поддерживала Тальху: он выступал их советником, и ключи от казны находились у него. Однако куфийцы и басрийцы, прислушавшиеся к призывам Али не прибегать к насилию, а также большинство ансаров, судя по всему, склонялись на сторону двоюродного брата Пророка. Вскоре они взяли верх, причем особенно значительную роль в обеспечении избрания Али, по-видимому, сыграл куфийский предводитель аль-Аштар.

Сообщения о событиях и действиях Али, предшествовавших его публичному признанию преемником, отчасти запутанны и противоречат друг другу. Поэтому восстановить ход событий можно лишь с довольно значительной долей неопределенности.

Сообщение Алькамы ибн Ваккаса аль-Лайси из племени Кинана[1], близкого советника Тальхи[2], позволяет предположить, что первоначально была предпринята неудачная попытка созвать *шуру* из видных курайшитов для обсуждения вопроса о преемстве.

Алькама рассказывал о собрании в доме Махрамы ибн Науфаля, отца аль-Мисвара. Абу Джахм ибн Хузайфа потребовал:

---

[1] Ибн Са‘д, Табакат, V, 43; Ибн Хаджар, Тахзиб, VII, 280.

[2] См. ат-Табари, I, 3104, где Тальха изображён как человек, предпочитавший совет Алькамы совету собственного сына Мухаммада.

— Кому бы из вас мы ни принесли присягу, он не должен препятствовать возмездию за Усмана.

Аммар ибн Ясир возразил:

— В отношении крови Усмана — нет.

Абу Джахм ответил:

— Ибн Сумайя, ты требуешь возмездия за несколько ударов плетью, которые тебе нанесли, но отказываешь в возмездии за кровь Усмана?

После этого собрание распалось.[3]

Имена остальных участников не называются. Присутствие Алькамы ибн Ваккаса может указывать на участие Тальхи, но весьма маловероятно, что там находился Али. Вероятно, Аммар стремился воспрепятствовать избранию Тальхи: тот теперь, судя по всему, был готов разрешить отомстить за смерть Усмана, чтобы получить халифат, хотя прежде сам активнее многих подстрекал мятежников к действиям.

Когда Али вместе со своим сыном Мухаммадом — Ибн аль-Ханафийей — находился в мечети, он получил известие об убийстве Усмана. Вскоре он отправился домой. По рассказу Мухаммада, туда стали приходить сподвижники, настойчиво убеждая Али принять их присягу. Сначала он отказался, а затем потребовал, чтобы присяга была принесена публично, в мечети.[4]

На следующее утро, в субботу, Али направился в мечеть. Атийя ибн Суфьян ас-Сакафи[5], сопровождавший его, рассказывал, что увидел там собравшуюся группу людей, единодушно поддерживавших Тальху.

Абу Джахм ибн Хузайфа подошел к Али и сказал:

— Пока ты был беспечен, люди уже сошлись на Тальхе.

Али ответил:

— Моего двоюродного брата убили — и теперь меня еще и лишат его власти?

Он направился к казне и открыл ее. Услышав об этом, люди покинули Тальху и перешли к Али.[6]

Последняя часть этого сообщения, вероятно, недостоверна. Сомнительно, что Али открыл казну именно в этот момент. Вероятнее, он отправился на рынок, сопровождаемый сторонниками, которые вновь стали убеждать его принять присягу. Затем он посетил дом

---

3 Ибн Асакир, Та’рих мадинат Димашк: Тарджамат аль-имам Али ибн Аби Талиб, изд. Мухаммад Бакир аль-Махмуди (Бейрут, 1975), III, 96.

4 Ат-Табари, I, 3066, 3069; аль-Балазури, Ансаб, II, 209–210.

5 О нём см. Ибн Хаджар, Тахзиб, VII, 226–227.

6 Аль-Балазури, Ансаб, II, 214–215. Параллельный рассказ аль-Мисвара ибн Махрамы (там же, 210) хронологически ошибочен и менее надёжен. Согласно этой версии, после известия об убийстве Усмана Али покинул мечеть, поскольку люди, казалось, склонялись к Тальхе. По дороге домой он встретил курайшита, который насмешливо сказал ему: «Посмотрите на человека: его двоюродного брата убили, а теперь у него ещё и отнимают власть». Али повернул обратно и поднялся на минбар. Люди тотчас оставили Тальху, перешли к Али и принесли ему присягу. Абу Джахм ибн Хузайфа явно поддерживал Тальху и, несомненно, не хотел, чтобы Али выступил против него.

Амра ибн Михсана аль-Ансари из Бану Амр ибн Мабзуль ветви ан-Наджжар, где и были принесены первые присяги.

Согласно куфийской традиции, первым присягнул аль-Аштар.[7]

Вероятно, именно на этом этапе Тальха и аз-Зубайр также, хотя и неохотно, принесли свою первую присягу на верность, как передавал аль-Мадаини со слов басрийца Абу-ль-Малиха ибн Усамы аль-Хузали[8]. На это же указывает заявление аль-Хасана аль-Басри, вспоминавшего, как он видел аз-Зубайра, присягавшего Али в огороженном саду (*hashsh*), Медины.[9]

Тальха также рассказывал Бану Рабиа в Басре, что принес присягу в огороженном саду когда над его головой был занесен меч.[10]

Затем Али, согласно сообщению Зайда ибн Аслама, вновь настоял на том, чтобы присяга была принесена публично, в мечети[11]. Во всяком случае, именно там в субботу, 19 зу-ль-хиджжа 35 года / 18 июня 656 года, состоялась официальная церемония принесения присяги.

Согласно основному повествованию о принесении присяги — *бай‘а*, восходящему к умеренному куфийскому усманиту аш-Ша‘би и переданному Абу Михнафом, первым из видных сподвижников присягнул Тальха. Очевидно, именно присяга главного соперника Али была необходима, чтобы придать его избранию убедительность и запустить весь процесс.

Тальха явился против своей воли.

По словам аш-Шаби, аль-Аштар грубо потащил его за собой, тогда как Тальха требовал:

— Оставьте меня пока. Я хочу увидеть, как поступят остальные.[12]

Позднее, как уже говорилось, Тальха утверждал, что принёс присягу под угрозой меча.

---

7 Ат-Табари, I, 3075. Абу Амра (Башир) ибн Амр ибн Михсан, участник битвы при Бадре, стал одним из видных сторонников Али и погиб при Сиффине (Ибн Хаджар, Тахзиб, XII, 186). Внук Абу Амры, Абдаллах ибн Абд ар-Рахман ибн Аби Амра, был важным информатором Абу Михнафа: U. Sezgin, Abu Mihnaf: ein Beitrag zur Historiographie der umaiyadischen Zeit (Leiden, 1971), 190. Некоторые сообщения предполагают, что Али посетил дом Амра ибн Михсана ещё в пятницу; см. Ибн Асакир, Али, III, 97. На это может указывать и сообщение Умара ибн Шаббы (ат-Табари, I, 3068), согласно которому событие произошло в субботу, 18 зу-ль-хиджжи, то есть фактически в ночь на субботу. Но поскольку Усман был убит во второй половине пятницы, для всех этих событий оставалось бы крайне мало времени. В любом случае публичная присяга состоялась в субботу. Сообщение мединца Салиха ибн Кайсана, будто после присяги в мечети Пророка Али посетил мечеть Бану Амр ибн Мабзул и там принял присягу ансаров, вероятно, недостоверно (аль-Балазури, Ансаб, II, 205).

8 Ат-Табари, I, 3068. См. также сообщение Сухбана, вольноотпущенника асламитов, у аль-Балазури, Ансаб, II, 215–216.

9 Ат-Табари, I, 3068. Однако это свидетельство может быть ненадёжным: аль-Хасану в то время было всего четырнадцать лет. Кроме того, возникает вопрос, как он мог так быстро вернуться в Медину, если, согласно сообщениям, в момент получения вести о смерти Усмана находился за её пределами: Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 58; см. выше, с. 134, прим. 260.

10 Ибн Аби Шайба, аль-Мусаннаф, изд. Са‘ид Мухаммад аль-Лаххам (Бейрут, 1409/1989), VIII, 709.

11 Аль-Муфид, Джамал, 130.

12 Аль-Балазури, Ансаб, II, 206.

Са‘д ибн Аби Ваккас прокомментировал это заявление так: о мече ему ничего неизвестно, но Тальха определённо присягнул против своей воли.[13]

Обстановка в мечети, несомненно, была достаточно угрожающей, чтобы Тальха присягнул и без открытой угрозы.

Тем самым Али и его сторонники могли утверждать, что формально он сделал это добровольно.

После этого Али послал человека забрать у Тальхи ключи от казны.

Аз-Зубайра привёл предводитель басрийских мятежников Хукайм ибн Джабала аль-Абди, и тот также принёс присягу.

Позднее аз-Зубайр жаловался, что его привёл «один из воров Абд аль-Кайса» и что присяга была вырвана у него силой.[14]

Аз-Зубайр едва ли мог быть доволен необходимостью присягать Али.

После общей позиции, которую они занимали сразу после смерти Пророка, отношения между ними резко ухудшились. Аз-Зубайр не без оснований мог считать себя тем ранним сподвижником, который имел наибольшее право претендовать на наследие убитого халифа.

Семейная традиция Зубайридов передавала рассказ вольноотпущенника аз-Зубайра Абу Хабибы, согласно которому аз-Зубайр вообще не приносил Али присяги.

Однако этот рассказ носит слишком легендарный характер и не может отменить многочисленные сообщения о том, что присяга всё же была принесена.[15]

Медина находилась под властью мятежников из провинций и тех ансаров, которые всё ещё болезненно переживали унижение, нанесённое им Абу Бакром и Умаром.

Поэтому присутствовавшие в городе курайшиты испытывали серьёзное давление и вынуждены были принять выбор в пользу Али.

Абдаллах ибн Са‘лаба ибн Су‘айр аль-Узри, союзник Бану Зухра, находившийся в Медине, утверждал, что главным распорядителем бай‘а был аль-Аштар.

По его словам, тот заявил:

— Кто не присягнёт — тому я отсеку голову.

Ему помогали Хукайм ибн Джабала и его люди.

---

[13] Ат-Табари, I, 3082.

[14] Аль-Балазури, Ансаб, II, 207. Из высокомерной курайшитской насмешки аз-Зубайра Сайф ибн Умар — или его источник — создал рассказ о «воре» Хукайме ибн Джабале, который якобы регулярно покидал мусульманскую армию в Фарсе, нападал на ахль аз-зимма и крал всё, что мог унести, а затем в Басре принимал у себя шиитского агитатора Абдаллаха ибн Сабу (ат-Табари, I, 2922). В действительности Хукайм был весьма уважаемым вождём Абд аль-Кайса в Басре. Усман посылал его в Синд, чтобы выяснить, пригодна ли страна для завоевания, и тот вернулся с отрицательным заключением. Позднее Хукайм жаловался на действия Абдаллаха ибн Амира: Халифа, Та’рих, 180; Ибн Абд аль-Барр, аль-Исти‘аб, I, 121–122. Надёжных свидетельств того, что Усман приказал заключить его в тюрьму, как утверждает Сайф, нет.

[15] Ат-Табари, I, 3072–3073. Абу Хабиба сообщал, что после принесения народом присяги Али пришёл к аз-Зубайру. Узнав о его прибытии, аз-Зубайр спрятал меч под постелью так, чтобы посетитель мог его заметить. Али вошёл и ушёл, не потребовав присяги. Затем он сказал людям, что между ним и аз-Зубайром всё в порядке, и поэтому возникло впечатление, будто аз-Зубайр присягнул. Если Али действительно навещал аз-Зубайра, то, вероятнее всего, это было до публичной церемонии, когда Али ещё не стал бы требовать от него присяги.

— Какое принуждение может быть сильнее этого? — замечал Абдаллах.[16]

Однако это, несомненно, искажение.

Свидетельств реального применения насилия здесь меньше, чем в случае с бай‘а Абу Бакру.

Тем не менее, кроме Тальхи и аз-Зубайра, было явно немало людей, которые позднее заявляли, что присягнули под давлением.

Когда Са‘ид ибн аль-Мусайяб спросил Са‘ида ибн Зайда ибн Амра ибн Нуфайля, присягнул ли он Али, тот ответил:

— А что мне оставалось делать? Если бы я не присягнул, аль-Аштар и его сторонники убили бы меня.[17]

Хаким ибн Хизам, ещё один близкий сторонник Усмана, также присягнул, но вскоре, по-видимому, уехал в Мекку, где морально поддерживал тех, кто требовал от Али отмщения за кровь Усмана.

Сам Али, насколько можно судить, воздерживался от давления на людей ради получения присяги.

Когда привели Са‘да ибн Аби Ваккаса и попросили присягнуть, он ответил, что не сделает этого, пока не присягнут остальные, но заверил Али:

— От меня тебе нечего бояться.

Али распорядился отпустить его.[18]

Затем привели Абдаллаха ибн Умара.

Он также заявил, что присягнёт Али лишь после того, как народ объединится вокруг него.

Али потребовал от него поручителя, который гарантировал бы, что он не сбежит.

Ибн Умар отказался.

Тогда аль-Аштар сказал Али:

— Этот человек не боится ни твоей плети, ни твоего меча. Позволь мне с ним разобраться.

Али ответил:

— Оставь его. Я сам буду его поручителем. Клянусь Богом, я никогда не знал его иным — ни ребёнком, ни взрослым — кроме как человеком дурного нрава.

Позиция Ибн Умара, в отличие от позиции Са‘да, была откровенно враждебной к Али.

После избрания он пришёл к нему и сказал:

— Али, бойся Бога и не бросайся на власть над общиной без совещания — мушавары.

---

16 Аль-Муфид, Джамал, 111.

17 Там же, 111–112.

18 Ат-Табари, I, 3068. Аш-Ша‘би упоминал отказ Абдаллаха ибн Умара раньше отказа Са‘да (аль-Балазури, Ансаб, II, 207). Его рассказ здесь, очевидно, основан на собственном сообщении Са‘да, переданном его сыном Мухаммадом и внуком Исмаилом ибн Мухаммадом: аль-Муфид, Джамал, 131.

После этого он уехал в Мекку и присоединился к оппозиции.[19]

Аш-Ша‘би добавлял, что Али послал за Мухаммадом ибн Масламой и предложил ему присягнуть.

Тот отказался, объяснив, что Пророк велел ему, если среди людей вспыхнет смута, сломать меч и оставаться дома.

Али отпустил его.

То же произошло с неким почти неизвестным Вахбом ибн Сайфи аль-Ансари, давшим похожий ответ.

Али предложил присягнуть и Усаме ибн Зайду.

Тот заверил Али, что любит его больше всех людей, но отказался, ссылаясь на обязательство, данное Пророку: никогда не сражаться с человеком, произносящим: «Нет божества, кроме Бога».[20]

Аргументы, которые аш-Ша‘би приписывает этим людям, едва ли могли прозвучать в момент первоначальной присяги, когда ещё не было ясно, что Али столкнётся с вооружённым сопротивлением.

Скорее всего, они были высказаны позже — когда Али начал мобилизацию для войны против Аиши и мекканских мятежников.

Согласно другому сообщению, переданному Абу Михнафом и другими, именно тогда Али спросил Са‘да ибн Аби Ваккаса, Мухаммада ибн Масламу, Усаму ибн Зайда и Абдаллаха ибн Умара об их позиции.

Он сказал, что не станет принуждать их участвовать в походе, но спросил, остаются ли они верны принесённой присяге.

Все ответили, что да, однако сражаться против мусульман не желают.

Ответ Усамы ибн Зайда здесь приведён почти в тех же выражениях, что и у аш-Ша‘би.[21]

Поэтому вполне возможно, что по крайней мере Усама и Ибн Маслама первоначально действительно присягнули Али.

Ученик аль-Вакиди Ибн Са‘д прямо включал Са‘да ибн Аби Ваккаса, Усаму, Ибн Масламу и Зайда ибн Сабита в число тех, кто принёс присягу.[22]

А вот сообщение о присяге Абдаллаха ибн Умара, вероятно, следует отвергнуть.[23]

---

[19] Аль-Балазури, Ансаб, II, 208. Несомненно недостоверно сообщение Халида ибн Шумайра ас-Садуси, басрийского передатчика от Абдаллаха ибн Умара, будто утром после убийства Усмана Али пришёл к Ибн Умару и предложил ему отправиться в Сирию наместником вместо Муавии. Когда Ибн Умар отказался, Али якобы стал ему угрожать, после чего тот уехал в Мекку (там же, II, 208–209). Этот рассказ отражает общую враждебность Ибн Умара и его последователей к Али.

[20] Там же, 207–208.

[21] Аль-Муфид, Джамал, 95–96.

[22] Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 20; Caetani, Annali, IX, 50.

[23] Шиитский автор аль-Муфид утверждал, что все эти сподвижники, включая Ибн Умара, первоначально присягнули Али (Джамал, 94–96). Основное содержание приводимой аль-Муфидом традиции содержится также в рассказе о бай‘а Али у Абд аль-Джаббара, аль-Мугни, XX/2, изд. Абд аль-Халим Махмуд и Сулайман Дунья (Каир, б. г.), 65–68, восходящем к Китаб аль-Макамат Абу Джа‘фара аль-Искафи. Из этого рассказа ясно следует, что Ибн Умар, Са‘д и Ибн Маслама — Усама не упоминается —

Абдаллах ибн аль-Хасан ибн аль-Хасан, правнук Али, перечислял ещё нескольких видных ансаров, называя их усманидами, отказавшимися присягать:

поэтов Хассана ибн Сабита и Ка‘ба ибн Малика; казначея Усмана Зайда ибн Сабита; Масламу ибн Мухаллада из Хазраджа, будущего наместника Египта при Муавии и Язиде;[24] близких сподвижников Абу Са‘ида аль-Худри[25] и ан-Ну‘мана ибн Башира, обоих из Хазраджа; Рафи‘а ибн Хадиджа из Бану Хариса ветви Аус; Фадалу ибн Убайда аль-Ауси, который в то время, вероятно, был кади Дамаска;[26] и Ка‘ба ибн Уджру аль-Балави, союзника ансаров.[27]

Однако подавляющее большинство ансаров присягнуло Али с готовностью.[28]

Нерегулярное избрание Али, опиравшееся на мятежников из провинций и ансаров, лишённых политического влияния при Абу Бакре, раскололо общину на три крупных лагеря.

Первый поддерживал халифат Али.

Второй составляли Омейяды и их сторонники, убеждённые, что при Усмане халифат стал «их собственностью».

Третьим была партия большинства курайшитов, надеявшаяся восстановить курайшитский халифат на принципах, заложенных Абу Бакром и Умаром.

Поскольку каждая из сторон была готова сражаться за то, что считала своим законным правом, исламский мир оказался втянут в жестокую гражданскую войну, продолжавшуюся и после гибели Али.

Зло той самой *фальты* — внезапного, поспешного решения, — которое, как считал Умар, Бог когда-то отвёл, теперь вырвалось наружу с удвоенной силой.

Мекка естественным образом превратилась в центр курайшитской оппозиции.

Именно там Аиша подняла знамя мести за Усмана.

По мединской версии, она покинула Мекку после хаджа, довольная известием, будто преемником Усмана стал Тальха.

Однако в Сарифе, в шести или двенадцати милях к северу от Мекки,[29] она встретила Убайда ибн Масламу аль-Лайси, известного как Ибн Умм Килаб, сторонника Али.

Он сообщил ей, что власть перешла к её родственнику по браку — Али.

первоначально Али не присягнули. Однако Али изображён спрашивающим их, «отступают ли они от моей бай‘а». Они отрицали это, но заявляли, что не будут сражаться с мусульманами. По словам Ибн Аби-ль-Хадида, позднейшие мутазилиты также утверждали в своих книгах, что сподвижники-нейтралисты сперва все присягнули Али, а оправдания стали приводить лишь тогда, когда он выступил к Верблюжьей битве: Шарх, IV, 9–10. Того же мнения придерживался ортодоксальный суннитский традиционалист Абу Бакр ибн аль-Араби (ум. 543/1148) в книге аль-Авасим мин аль-кавасим фи тахкик маукиф ас-сахаба ба‘да вафат ан-наби, изд. Мухибб ад-Дин аль-Хатиб (Каир, 1387/1968), 147.

[24] Ибн Хаджар, аль-Исаба, VI, 97–98. Вероятно, в тот момент он находился в Египте, а не в Медине.

[25] Следует отметить, что Абу Са‘ид аль-Худри позднее поддержал Али.

[26] Там же, 210. Муавия назначил его кади Дамаска после Абу-д-Дарды, умершего около 32/652 года. Поэтому маловероятно, что тогда он находился в Медине.

[27] Там же, V, 304–305.

[28] Ат-Табари, I, 3069–3070.

[29] Якут, Булдан, III, 77–78.

Аиша немедленно повернула обратно, укрылась за завесой в Святилище и заявила:

— Мы упрекали Усмана за некоторые поступки, открыто говорили ему о них и указывали на ошибки. Он раскаялся и попросил Господа о прощении. Мусульмане приняли его покаяние, потому что иного выбора у них не было.

После этого она обвинила Али в том, что тот захватил власть и убил Усмана, один палец которого, по её словам, был лучше всего Али целиком.[30]

Теперь из Медины в Мекку начался исход видных курайшитов.

Тальха и аз-Зубайр, увидев, что другим удалось отказаться от присяги Али, быстро нарушили собственные клятвы и уехали без разрешения.

Абдаллах ибн аль-Аббас возвращался из Мекки в Медину и прибыл через пять дней после убийства Усмана. По дороге, в ан-Навасифе, он встретил их в сопровождении махзумита Абу Са‘ида ибн Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама[31] и группы других курайшитов.[32]

Омейяды, должно быть, также быстро покинули убежище в амбаре Умм Хабибы, и вскоре Марван вместе со многими другими собрался в Мекке.

Аль-Валид ибн Укба, однако, направился в Сирию и присоединился к Муавии.

Ансары-усманиды Хассан ибн Сабит, Ка‘б ибн Малик и ан-Ну‘ман ибн Башир тоже предпочли уехать в Дамаск.[33]

Зайд ибн Сабит и Са‘д ибн Аби Ваккас остались в Медине.

Мухаммад ибн Маслама добровольно удалился в ар-Рабазу.

Аиша осталась в Мекке, тогда как Умм Салама — махзумитская вдова Мухаммада, совершавшая хадж вместе с ней, — безуспешно предостерегла Аишу от участия в мятежном походе, затем вернулась в Медину и поддержала Али.[34]

---

[30] Аль-Балазури, Ансаб, II, 217–218; V, 91. Абу Юсуф аль-Ансари, источник Абу Михнафа в этом рассказе, — это Мухаммад ибн Сабит аль-Ансари аль-Хазраджи, один из его важных, хотя в остальном почти неизвестных информаторов; см. Sezgin, Abu Mihnaf, 212–213. Абу Юсуф Мухаммад ибн Сабит — то же лицо, что и Мухаммад ибн Юсуф ибн Сабит. В указателях к ат-Табари Абу Юсуф аль-Ансари ошибочно отождествлён с Я‘кубом ибн Ибрахимом аль-Ансари аль-Кади.

[31] Аз-Зубайри перечисляет Абу Са‘ида среди сыновей Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама: Насаб, 306. Его отец Абд ар-Рахман участвовал в Верблюжьей битве на стороне Аиши. См. ниже, прим. 153.

[32] Ат-Табари, I, 3080. Утверждения аз-Зухри, будто Тальха и аз-Зубайр покинули Медину через четыре месяца и будто они просили Али назначить их наместниками Куфы и Басры, но были разочарованы отказом (там же, 3068–3069; аль-Балазури, Ансаб, II, 218–219), недостоверны. Эти двое, несомненно, участвовали в подготовке мекканского похода против Али с самого начала, а не присоединились к нему в последний момент. Это подтверждается сообщением Матери верующих Умм Саламы: ещё находясь в Мекке в начале мухаррама 36 года / июле 656 года, она получила от Тальхи и аз-Зубайра посланника с призывом присоединиться вместе с Аишей к их походу против Али: аль-Муфид, Джамал, 232–233, со ссылкой на аль-Вакиди.

[33] Рассказ об их беседе с Али и приёме у Муавии в аль-Агани, XV, 29, плохо засвидетельствован и носит легендарный характер. Во всяком случае, ан-Ну‘ман ибн Башир не был тогда назначен Муавией наместником Химса, как утверждается в этом рассказе. Два поэта-усманида, Хассан и Ка‘б, вернулись в Медину до Верблюжьей битвы, но сохранили враждебное отношение к Али. Дочь Ка‘ба Кабша рассказывала, что отец глубоко скорбел об убийстве Усмана и лишь потеря зрения помешала ему присоединиться к восстанию против Али. Он не присягнул Али и держался от него в стороне из-за своей неприязни и отвращения к нему: аль-Муфид, Джамал, 378.

[34] Аль-Балазури, Ансаб, V, 91; ат-Табари, I, 3101; аль-Муфид, Джамал, 232–233.

Когда Абдаллах ибн аль-Аббас прибыл в Медину через четыре дня после вступления Али во власть и пришёл к нему, то, по собственному рассказу, застал там мугиру ибн Шу‘бу ас-Сакафи,[35] знаменитого политической хитростью.

После ухода аль-Мугиры Ибн аль-Аббас спросил Али, что тот говорил.

Али рассказал, что аль-Мугира уже приходил раньше и тогда советовал оставить на местах Абдаллаха ибн Амира, Муавию и остальных наместников, назначенных Усманом, поручив им принимать присягу Али в своих провинциях — чтобы успокоить население.

Али отверг совет, заявив, что подобных людей нельзя назначать ни на какие должности.

Теперь аль-Мугира пришёл снова и сказал, что изменил мнение: теперь Али следует сместить этих людей, поскольку они уже не столь сильны, как прежде, и назначить тех, кому он доверяет.

Ибн аль-Аббас заметил, что в первый раз аль-Мугира давал искренний совет, а теперь обманывает его.

— Ты знаешь, — сказал он Али, — что Муавия и его люди — люди этого мира. Если ты оставишь их на местах, им будет всё равно, кто правит. Но если сместишь, они скажут: «Он захватил власть без шуры и убил нашего товарища», — и поднимут людей против тебя. Сирия и Ирак восстанут, а я вовсе не уверен, что Тальха и аз-Зубайр не повернут оружие против тебя.

Али признал: в краткосрочном мирском смысле сохранение наместников Усмана действительно было бы выгоднее и помогло бы восстановить порядок.

Однако он обязан поступать так, как считает правильным, исходя из того, что знает об этих людях.

— Я никогда не назначу ни одного из них. Если они отвернутся — я встречу их мечом.

Тогда Ибн аль-Аббас стал убеждать его уехать в своё имение в Янбу‘ и запереть двери.

По его словам, после долгих потрясений арабы всё равно не найдут никого, к кому можно обратиться, кроме Али.

Но если Али прямо сейчас выступит со своими нынешними сторонниками, уже завтра на него непременно возложат ответственность за кровь Усмана.

Али отказался и предложил самому Ибн аль-Аббасу отправиться наместником в Сирию.

Ибн аль-Аббас возразил:

— Это неразумно. Муавия — Омейяд, двоюродный брат Усмана и его наместник Сирии. Я не уверен, что он не отрубит мне голову в отмщение за Усмана. В лучшем случае он посадит меня в тюрьму и будет распоряжаться мной по своей воле.

---

[35] По словам аз-Зухри, аль-Мугира ибн Шу‘ба был среди тех, кто не присягнул Али: ат-Табари, I, 3070. По-видимому, вскоре после второго визита к Али он покинул Медину, вероятно ожидая, что халифат Али потерпит неудачу.

Али спросил:

— Почему он должен это сделать?

Ибн аль-Аббас ответил:

— Из-за нашего родства. Всё, что припишут тебе, припишут и мне. Лучше напиши Муавии, сыграй на его алчности и пообещай ему что-нибудь.

Али поклялся:

— Клянусь Богом, этого никогда не будет.[36]

В целом этот рассказ выглядит достоверным.

Определённое сомнение вызывает лишь то, не повлияли ли позднейшие события на утверждение Ибн аль-Аббаса, будто он советовал Али покинуть Медину и удалиться в Янбу‘, чтобы избежать обвинений в причастности к убийству Усмана.

В другой традиции, вероятно восходящей к Усаме ибн Зайду, именно он ещё до убийства Усмана дал Али такой совет.

Ибн аль-Аббас, напротив, якобы упрекнул Усаму за то, что тот предлагает Али отступить после того, как его уже оттеснили от власти трое курайшитов.[37]

Как бы то ни было, рассказ прекрасно подчёркивает различие характеров двух двоюродных братьев.

Ибн аль-Аббас — проницательный наблюдатель политической сцены, накопивший опыт благодаря близости к Умару; он прекрасно понимал мотивы, амбиции и оппортунизм сильных мира сего и не питал несбыточных надежд в отношении самого себя.

Али — глубоко убеждённый в собственном праве и религиозной миссии, не желающий поступаться принципами ради политической выгоды и готовый сражаться даже при подавляющем превосходстве противника.[38]

Политическая наивность Али, недостаток осторожности и расчёта дали повод обвинять его в «неразумии» — *да‘аба*, как, по преданию, характеризовал его Умар.

Эти качества проявились уже в самом начале правления — например, когда Али открыл казну и начал раздавать деньги простым людям, как обещал, и как продолжал делать на протяжении всего халифата; а также в его твёрдом намерении сместить всех наместников Усмана, кроме Абу Мусы аль-Аш‘ари, избранного куфийскими мятежниками.

В своей первой проповеди, переданной басрийцем Абу Убайдой Ма‘маром ибн аль-Мусанной, Али резко укорял верующих, намекая на случаи, когда после смерти Пророка они склонялись не в его пользу.

Он говорил, что Бог установил для этой общины два лекарства — меч и плеть, и имам не вправе проявлять чрезмерную мягкость в их применении.

---

[36] Там же, 3083–3085. Параллельный рассказ, там же, 3085–3086, отличается более выраженной литературной обработкой.

[37] Аль-Балазури, Ансаб, V, 77; иснад отсутствует. В версии, которую Ибн Шабба приводит в Та’рих аль-Мадина, 1211–1212, со слов басрийца Ауфа аль-А‘раби, участие Ибн аль-Аббаса вообще не упоминается. Усама там приходит к Усману и предлагает поддержку своих соплеменников из Кальба, чтобы безопасно переправить его в Сирию. Усман, однако, отказался покидать Медину.

[38] Хишам Джаит справедливо характеризует Али прежде всего как воина: La Grande Discorde, 397. Описание Каэтани, представляющего его пассивным и бездеятельным, совершенно ошибочно.

Если сочтёт нужным, он может попросить Бога простить людям прошлые поступки.

Двое людей, сказал Али, уже ушли прежде, а затем поднялся третий, подобный ворону, которого заботит только собственное брюхо. Лучше было бы, если бы ему обрезали крылья и отсекли голову.

Если после их ошибок положение людей вернётся к тому, каким оно было при жизни Пророка, им повезёт.

Но Али опасался, что они вступили в эпоху религиозного упадка — *фатры*.

Всё, что оставалось делать и ему, и им, — сообща прилагать усилия.

Абу Убайда сообщал далее, что, согласно потомку Али Джа‘фару ас-Садику ибн Мухаммаду, в той же проповеди Али напомнил верующим о высоком положении добродетельных представителей его рода — семьи, причастной к знанию Бога и судящей согласно Его суду.

Если верующие последуют за ними, их прозрение приведёт к прямому пути.

Если же отвернутся — Бог погубит их собственными руками.[39]

Точная формулировка и дата этой проповеди остаются спорными.

Однако её общий тон и содержание совершенно соответствуют стилю речей и публичных заявлений Али на протяжении всего его правления.

Вполне вероятно, что именно такой тон он задал с самого начала.

Для его выступлений были характерны резкие упрёки и тяжёлые обвинения в неверности, недостатке искренней преданности, нежелании откликнуться на призыв к очевидно справедливому делу — и временами горячая похвала проявлениям верности.

Подобная манера отталкивала многих колеблющихся сторонников, но одновременно возбуждала горячую поддержку небольшого круга благочестивых последователей.

Али не оставлял им сомнений в том, что истинное религиозное руководство можно найти лишь через него и Семью Пророка, и укорял общину за то, что она отвернулась от них.

При этом, обвиняя общину в целом, он воздерживался от критики первых двух халифов и временами даже высоко оценивал их правление.

Особенно, судя по всему, Али восхищался суровым и строгим порядком Умара и в целом старался не нарушать созданных им прецедентов.

Он принял официальный титул Умара — «Повелитель верующих», но отвергал титул «халиф», который, по его мнению, был обесценен претенциозным заявлением Усмана о том, что он является не заместителем Пророка, а Наместником Бога.

Лишь при Усмане, с точки зрения Али, стало очевидно, что община сошла с прямого пути.

---

[39] Аль-Джахиз, аль-Баян ва-т-табйин, изд. Абд ас-Салам Мухаммад Харун (Каир, 1367/1948), II, 50–52. По словам аль-Муфида, эту проповедь, помимо Абу Убайды, приводил в своих книгах также аль-Мадаини: Джамал, 125. Более пространную версию цитирует кади ан-Ну‘ман в Шарх аль-ахбар, I, 369–373, утверждая, что она была произнесена через два дня после присяги. Согласно этой версии, Али объявил недействительными все земельные пожалования, сделанные Усманом. Другие источники этого не подтверждают.

Али сурово осуждал отступления Усмана от норм ислама.

При этом он, как правило, не оправдывал его насильственную смерть, но и не осуждал убийц.

Усман сам вызвал народное восстание своими несправедливыми поступками и погиб в ходе вооружённого конфликта.

Только когда Тальха, Аиша и их сторонники прямо обвинили Али в причастности к убийству, он переадресовал обвинение им самим.

Желание Али радикально порвать с непотистским режимом Усмана проявилось в его решимости заменить всех наместников.

Лишь в Куфе он вновь утвердил Абу Мусу аль-Аш‘ари — по-видимому, по рекомендации аль-Аштара, хотя отношение Абу Мусы к новому халифу было довольно сдержанным.[40]

Когда весть о вступлении Али во власть впервые дошла до Куфы, наместник посоветовал людям подождать дальнейшего развития событий.

Племянник Са‘да ибн Аби Ваккаса, Хашим ибн Утба, в то время страстно провозглашавший свою верность Али в стихах, демонстративно заявил, что делает это, не боясь своего аш‘аритского эмира.[41]

Только когда Язид ибн Асим аль-Мухариби[42] прибыл с приказом принимать присягу куфийцев от имени Али, Абу Муса тоже присягнул.

Аммар ибн Ясир, как сообщается, предсказал, что тот непременно нарушит клятву.[43]

Наместником Басры Али назначил Усмана ибн Хунайфа аль-Ансари из Бану Аус — видного сподвижника, которому Умар некогда поручил земельную перепись иракского *савада*.

Когда тот прибыл в город, наместник Усмана Абдаллах ибн Амир ибн Курайз уже уехал в Мекку, оставив своим заместителем Абдаллаха ибн Амира аль-Хадрами.

Усман ибн Хунайф без труда арестовал Ибн аль-Хадрами и взял город под контроль.[44]

---

[40] Сообщение Салиха ибн Кайсана об этом (аль-Балазури, Ансаб, II, 230), по-видимому, надёжно. Аль-Аштар в своё время заставил Усмана назначить Абу Мусу и в целом поддерживал йеменцев. См. также сообщение Ибн Аби Лайлы (ат-Табари, I, 3172), согласно которому Али говорил Хашиму ибн Утбе, что намеревался сместить Абу Мусу, но аль-Аштар попросил оставить его, утверждая, что куфийцы им довольны.

[41] Вероятно, вскоре после этого Хашим ибн Утба отправился в Медину, чтобы присоединиться к Али. Он находился с Али, когда тот выступил против Тальхи и аз-Зубайра в Басру.

[42] Позднее Язид ибн Асим стал одним из предводителей хариджитов и был убит вместе с тремя братьями при ан-Нахраване: ат-Табари, I, 3361–3362.

[43] Аль-Балазури, Ансаб, II, 213. Рассказ Сайфа ибн Умара о том, будто Али назначил Умара ибн Шихаба наместником Куфы, но тому не позволили войти в город (ат-Табари, I, 3087–3088), является вымыслом.

[44] Аль-Балазури, Ансаб, II, 222. Абдаллах ибн Амир аль-Хадрами приходился Абдаллаху ибн Амиру ибн Курайзу двоюродным братом по матери. Его матерью была Умм Тальха Амаль бинт Курайз: аз-Зубайри, Насаб, 147.

Для Египта Али выбрал Кайса ибн Са‘да ибн Убаду — сына несчастливого вождя Хазраджа, с которым Умар так грубо обошёлся в Сакифе, а позднее вытеснил из родной Медины.

Это было своего рода возмещение ансарам.

Курайшитская оппозиция в Мекке наверняка увидела в этом подтверждение своего страха: Али намерен лишить курайшитов привилегированного положения правящего сословия ислама.

При этом Али проигнорировал Мухаммада ибн Аби Хузайфу, которого египетские мятежники считали своим вождём и который теперь контролировал Фустат.

Очевидно, Али не чувствовал себя обязанным египетским мятежникам, уже вернувшимся домой, так, как чувствовал себя обязанным аль-Аштару и куфийцам, и предпочитал держаться от них на расстоянии.

Он также проигнорировал Амра ибн аль-Аса, возвращения которого на пост требовала Аиша, ссылаясь на его популярность среди египетских войск.

Главная роль Амра в агитации против Усмана, вызванная скорее личной выгодой, чем исламскими принципами, едва ли могла понравиться Али.

Вообще Амр воплощал тип беспринципного оппортуниста, которым Али не желал обременять своё правление.

По рассказу Сахля ибн Са‘да ас-Са‘иди из Хазраджа,[45] Али предложил Кайсу ибн Са‘ду выбрать в Медине вооружённую охрану для сопровождения в Египет.

Кайс отказался:

— Если я могу войти в Египет только под охраной войска, лучше мне вообще туда не входить.

Он отправился всего с семью спутниками и без происшествий достиг Фустата.[46]

В мечети было зачитано письмо Али, извещавшее египетских мусульман о назначении Кайса.

Как и в мединской проповеди, халиф писал, что после Пророка власть перешла сначала к двум праведным эмирам, действовавшим согласно Книге и Сунне.

После них власть принял правитель, который ввёл такие новшества — *ахдас*, — что община получила основание протестовать и упрекать его.

Теперь верующие обратились к Али и принесли ему присягу.

О насильственной смерти Усмана и роли египетских мятежников не говорилось ни слова.

Али явно не хотел затрагивать этот раскалывающий вопрос.

---

[45] О Сахле ибн Са‘де см. Ибн Хаджар, Тахзиб, IV, 252. Он умер в 88/707 или 91/710 году и был пятнадцатилетним юношей, когда умер Мухаммад. Вполне возможно, он сопровождал Кайса в Египет, где, как известно, некоторое время жил и передавал хадисы; см. Ибн Абд аль-Хакам, Футух Миср, 275–276.

[46] Ат-Табари, I, 3235–3236. Рассказ Сайфа о том, будто Кайс обманул сирийский конный отряд в Айле, выдав себя за беглеца из Медины (там же, 3087), вероятно, является вымыслом.

Письмо было составлено в сафаре 36 года хиджры, то есть в августе 656 года, примерно через два месяца после вступления Али во власть, его секретарём Убайдаллахом ибн Аби Рафи‘ — сыном вольноотпущенника Мухаммада.[47]

После этого Кайс восхвалил Али как лучшего человека после Мухаммада и принял присягу от его имени.

Группа сторонников Усмана, ещё после восстания Ибн Аби Хузайфы отделившаяся и обосновавшаяся в деревне Харбита близ Александрии, отказалась подчиниться Кайсу ибн Са‘ду.

Ими руководил Язид ибн аль-Харис аль-Мудлиджи из Кинаны.[48]

Они сообщили Кайсу, что не намерены сражаться с ним и не будут препятствовать сборщикам налогов, однако хотят подождать и посмотреть, как будут развиваться события.

Наместник согласился не принуждать их к присяге.

Родственник Кайса Маслама ибн Мухаллад ас-Са‘иди также поднялся, требуя отмщения за кровь Усмана.

Кайс заверил, что ни при каких обстоятельствах не захочет его убивать, а Маслама обязался не выступать против него, пока Кайс остаётся наместником Египта.

Благодаря этим соглашениям Кайс смог беспрепятственно собирать земельный налог по всему Египту.[49]

Мухаммад ибн Аби Хузайфа и египетские мятежники против Усмана в рассказе Сахля ибн Са‘да вообще не упоминаются.

Согласно египтянину аль-Лайсу ибн Са‘ду, после назначения Кайса наместником Ибн Аби Хузайфа покинул Египет и направился в Медину, желая присоединиться к Али.

Однако Муавия узнал о его отъезде и выставил заставы.

Ибн Аби Хузайфу схватили, доставили к Муавии и заключили в тюрьму.

Позднее он бежал, но был настигнут и убит неким йеменцем.[50]

По тому же аль-Лайсу, он и Абд ар-Рахман ибн Удайс были убиты в зу-ль-хиджже 36 года — в мае–июне 657 года.[51]

Это наиболее правдоподобные сообщения о конце Ибн Аби Хузайфы.

---

[47] Там же, 3237. Дата назначения доказывает, что рассказ Мухаммада ибн Юсуфа аль-Ансари со слов Аббаса, сына Сахля ибн Са‘да ас-Са‘иди, о реакции Абдаллаха ибн Са‘да ибн Аби Сарха на назначение Кайса (ат-Табари, I, 3233–3235) — анахроничный вымысел. Об Аббасе см. Ибн Хаджар, Тахзиб, V, 118–119.

[48] О Язиде ибн аль-Харисе больше ничего не известно. В египетских источниках предводителями отделившихся сторонников Усмана выступают Муавия ибн Худайдж, Буср ибн Аби Артат и Маслама ибн Мухаллад.

[49] Ат-Табари, I, 3237–3238. Маслама ибн Мухаллад в этом рассказе выступает независимо от отделившихся в Харбите. Возможно, он присоединился к ним позднее.

[50] Аль-Балазури, Ансаб, II, 408. Наср ибн Музахим называет убийцей Мухаммада ибн Аби Хузайфы Малика ибн Хубайру аль-Кинди, или ас-Сакуни: аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 44. Он был вождём Кинда в Химсе при Муавии и впоследствии видным военачальником во время его халифата; см. ссылки в указателях к ат-Табари, статья Malik b. Hubayra al-Sakuni; Ибн Манзур, Мухтасар, XXIV, 74–76.

[51] Аль-Кинди, Вулат, 20. Упоминание аль-Лайсом здесь Кинаны ибн Бишра среди убитых в то же время ошибочно.

Его сопровождала группа мятежников, среди которых определённо находились Абд ар-Рахман ибн Удайс, Абу Шамир ибн Абраха ибн ас-Саббах и, вероятно, Абу Амр ибн Будайл аль-Хузаи.

Муавия держал их в Джабаль аль-Джалиле близ Химса.

Они бежали и были убиты.[52]

Лишь Абу Шамир — гордый потомок химьяритского царского дома Зу Асбах — счёл бегство из тюрьмы недостойным.

Муавия освободил его, и тот отправился вместе с сирийцами к Сиффину, где вскоре перешёл в армию Али и погиб в сражении.[53]

Египетская усманидская традиция передавала со слов Ибн Удайса следующий хадис Пророка:

— Некоторые люди восстанут, выйдя из веры так же, как стрела проходит сквозь дичь. Бог убьёт их у горы Ливан и аль-Джалиля.[54]

---

[52] Якут, Булдан, II, 110; аль-Кинди, Вулат, 18–20. В в остальном крайне ненадёжном рассказе аль-Кинди Ибн Удайс, Кинана ибн Бишр и Абу Шамир ибн Абраха ибн Шурахбиль ибн Абраха ибн ас-Саббах «и другие» перечислены вместе с Ибн Аби Хузайфой. Кинаны ибн Бишра среди них определённо не было, поскольку он погиб позднее вместе с Мухаммадом ибн Аби Бакром. Об Абу Шамире см. Ибн Хаджар, аль-Исаба, VII, 99; аль-Хамдани, аль-Иклиль, изд. Мухаммад ибн Али аль-Аква аль-Хивали (Багдад, 1980), II, 153–154; Ибн Манзур, Мухтасар, XXIX, 12. Якут ошибочно называет брата Абу Шамира — Курайба ибн Абраху. Позднее Курайб наносил визиты вежливости Муавии и Абд аль-Малику и умер в 75/694–695 или 78/697–698 году: Ибн Манзур, Мухтасар, XXI, 166–168.
Согласно Ибн Абд аль-Хакаму (Футух Миср, 113), Бану Абраха были четырьмя братьями: Курайб, Абу Ришдин, Абу Шамир и Ма‘ди Кариб; при Умаре они поселились в аль-Гизе. Их сестра Курайба была замужем за Зу-ль-Кала Самайфой ибн Накуром, вождём химьяритов в Химсе: аль-Хамдани, аль-Иклиль, II, 158. Не сообщается, участвовал ли Абу Шамир лично в походе египетских мятежников на Медину, однако это вполне возможно. Его дом находился рядом с домом Шияйма аль-Лайси, отца одного из четырёх предводителей мятежников.
Присутствие Абу Амра ибн Будайла среди захваченных и убитых весьма вероятно, поскольку его брат Абдаллах в битве при Сиффине призывал отомстить за своего брата Усмана — кунья Абу Амр часто сочеталась с именем Усман: аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 245. Ибн Хаджар (аль-Исаба, IV, 40) приводит сообщение, согласно которому Абдаллах ибн Будайл встретился с Убайдаллахом ибн Умаром после прибытия последнего в Куфу и предупредил его, чтобы тот не проливал его кровь в этой фитне. Убайдаллах ответил таким же предупреждением, а Ибн Будайл сказал: «Я требую отмщения за кровь моего брата, убитого несправедливо». Убайдаллах возразил: «А я требую мести за кровь несправедливо убитого халифа». Если встреча действительно состоялась в Куфе, это означало бы, что Абу Амр ибн Будайл погиб раньше остальных. Но возможно, она произошла позднее, когда Убайдаллах посетил лагерь Али перед битвой при Сиффине: аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 186. Упоминание аль-Кинди (Вулат, 27) о том, будто Абу Амр по приказу Мухаммада ибн Аби Бакра разрушал дома отделившихся, в любом случае анахронично.

[53] См. ниже, с. 232. Согласно сообщению египтянина Хармалы ибн Имрана, цитируемому ат-Табари (II, 210–211), из тюрьмы Муавии отказался бежать не Абу Шамир, а Абраха ибн ас-Саббах. Абраха ибн ас-Саббах ибн Абраха, по-видимому, был двоюродным братом отца Абу Шамира — Абрахи ибн Шурахбиля ибн Абрахи — и старшим представителем химьяритской царской семьи, переселившейся из Йемена: аль-Хамдани, аль-Иклиль, II, 158–160. Абраха ибн Шурахбиль остался в Йемене, в Вади Дахр (там же, 154). Матерью их деда Абрахи ибн ас-Саббаха была Райхана, дочь абиссинского правителя Йемена Абрахи аль-Ашрама, а сам Абраха ибн ас-Саббах правил Тихамой — прибрежной областью Йемена. Его внук Абраха ибн ас-Саббах упоминается в связи с завоеванием аль-Фарамы в Египте (ат-Табари, I, 2586–2587), однако иных сведений о его поселении в Египте нет. Поэтому маловероятно, хотя и не невозможно, что Муавия держал его в тюрьме. При Сиффине он находился в армии Муавии; см. ниже, с. 235.

[54] Ибн Абд аль-Хакам, Футух Миср, 304; Ибн Манзур, Мухтасар, XIV, 305–306.

Тем самым Ибн Удайс был превращён в передатчика пророчества о собственном осуждении.

В Йемене Али назначил хашимита Убайдаллаха ибн аль-Аббаса наместником Саны, а Са‘ида ибн Са‘да ибн Убаду, брата Кайса, — наместником аль-Джанада.[55]

Наместники Усмана — Я‘ла ибн Умайя, он же Ибн Мунья, аль-Ханзали ат-Тамими, союзник Бану Науфаль из курайшитов,[56] в Сане, и махзумит Абдаллах ибн Аби Раби‘а в аль-Джанаде — уже покинули свои посты.

Согласно некоторым сообщениям, они уехали ещё во время осады дворца Усмана, намереваясь прийти ему на помощь.

Абдаллах ибн Аби Раби‘а упал с верхового животного и сломал бедро, не доехав до Мекки.[57]

Оба прибыли туда с большими суммами денег, а Я‘ла привёл множество верблюдов, собранных в Йемене.[58]

Когда Ибн Аби Раби‘а прибыл в Мекку, он увидел, как Аиша призывает народ к восстанию ради отмщения за кровь Усмана.

Он велел поставить для себя сиденье в мечети и объявил, что снабдит всем необходимым любого, кто выступит мстить за убитого халифа.

Услышав этот призыв, Я‘ла ибн Мунья, прибывший раньше для хаджа, присоединился к нему.[59]

Попытка Али установить контроль над Меккой провалилась.

По сообщению Салиха ибн Кайсана, Али написал махзумиту Халиду ибн аль-Асу, которого Усман во время осады безуспешно пытался назначить наместником Мекки как популярную кандидатуру.

Али назначил его наместником и попросил принять присягу от его имени.

Однако мекканцы отказались присягать Али.

Молодой курайшит Абдаллах ибн аль-Валид из Абд Шамса выхватил письмо Али, разжевал его и выбросил.

Позднее этот Абдаллах ибн аль-Валид погибнет среди курайшитов, сражавшихся на стороне Аиши в Верблюжьей битве.[60]

---

[55] Ибн Самура, Табакат фукаха аль-Йаман, изд. Фуад Сайид (Каир, 1957), 42–43. Дополнительные ссылки см.: A. M. M. al-Mad‘aj, The Yemen in Early Islam 9–233/630–847: A Political History (London, 1988), 150, прим. 2.

[56] По имени своей матери он был известен также как Я‘ла ибн Мунья: Ибн Хаджар, аль-Исаба, VI, 353.

[57] Аль-Муфид, Джамал, 231–232, со ссылкой на сообщения аль-Вакиди. Следует отметить, что здесь Абдаллах ибн Аби Раби‘а назван наместником Саны, а Я‘ла ибн Мунья — наместником аль-Джанада. За пределами Мекки Ибн Аби Раби‘а ехал на муле и встретил верхом на коне Сафвана ибн Умайю аль-Джумахи. Мул понёс и сбросил Ибн Аби Раби‘у. Сообщения о том, будто он умер, не добравшись до Мекки (Ибн Хаджар, аль-Исаба, IV, 64–65), по-видимому, ошибочны.

[58] Ат-Табари, I, 3102.

[59] Аль-Муфид, Джамал, 231–233. Из-за сломанного бедра Ибн Аби Раби‘а не смог участвовать в походе на Басру. Я‘ла ибн Мунья участвовал в нём и бежал после поражения.

[60] Аль-Балазури, Ансаб, II, 210–211. Дальнейшее утверждение Салиха ибн Кайсана, будто во время убийства Усмана наместником Мекки был Али ибн Ади из Абд Шамса, ошибочно. Последним наместником Усмана в Мекке был Абдаллах ибн Амир аль-Хадрами, который, по Сайфу ибн Умару, всё ещё

Мекка теперь открыто восстала против Медины.

Аиша задала тон, и мекканские курайшиты возложили ответственность за убийство Усмана на Али, призывая к мести в страстных военных стихах.

Сафван ибн Умайя ибн Халаф аль-Джумахи, один из старейших курайшитских аристократов и бывший заклятый враг Мухаммада, который при завоевании Мекки предпочёл бежать, лишь бы не принимать ислам, а затем получил от Пророка разрешение остаться в Мекке, а не переселяться в Медину,[61] обратился к Али:

Воистину, именно твоя родня — Абд аль-Муттaлиб —
Убила Усмана, и в этом нет сомнения.
Из беззакония и вражды, не ради кровной мести.
И среди всех людей ты более всего достоин того,
Чтобы на тебя обрушились — так пусть же обрушатся.[62]

Обвиняя весь род Хашима, он, очевидно, видел возможность рассчитаться со старым врагом, когда-то союзным мединцам и унизившим Мекку во времена Мухаммада.

Марван ибн аль-Хакам — тот самый человек, который сознательно спровоцировал катастрофу в Медине, — обвинял Али:

Если ты, Али, и не поразил убитого открыто,
То, несомненно, ударил его тайно.

Затем он утверждал, будто Аммар, убивший старика, и Мухаммад ибн Аби Бакр оба признались в преступлении, а значит, люди обязаны совершить возмездие.[63]

Тем самым, говорил Марван, Али сам «отрезал себе нос» и оставил после себя великое зло.

Они убили в Медине человека, ближе всех стоявшего к добру и дальше всех — от зла.

Если сам Марван или Муавия переживут этот год, угрожал он, Али ещё почувствует горечь преступления, которое они совершили.[64]

Хаким ибн Хизам спрашивал, кто сможет найти оправдание Али, отвернувшемуся в сторону, пока Усман лежал мёртвый, поражённый множеством мечей, тогда как поддержали его лишь немногие представители всех племён.[65]

При этом сам Хаким присягнул Али в Медине и решил не воевать против него.

контролировал город: ат-Табари, I, 3098. Однако в это время его двоюродный брат Абдаллах ибн Амир ибн Курайз вызвал его в Басру, чтобы тот управлял городом в его отсутствие.

61 Ибн Хаджар, аль-Исаба, III, 246–247. Сообщается, что Али особенно болезненно воспринял враждебность некоторых представителей Джумаха и после Верблюжьей битвы сожалел, что они избежали справедливого возмездия: аль-Балазури, Ансаб, II, 261. Одним из немногих курайшитов не из Хашима, поддерживавших Али, был Мухаммад ибн Хатиб аль-Джумахи, родившийся в Абиссинии в семье раннего сподвижника: Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 705; аль-Балазури, Ансаб, II, 250.

62 Ибн Бакр, Тамхид, 181. Имя «Сафван ибн Умайя ибн Сафван» следует исправить на «Сафван ибн Умайя ибн Халаф»; вместо yutlab следует читать tulib.

63 Нет сведений о том, что Аммар участвовал в убийстве Усмана или в самом сражении. Его «признание», возможно, означает лишь отказ признать требование кровной мести за Усмана.

64 Там же, 180–181.

65 Там же, 179.

Его сын Абдаллах присоединился к мятежному походу и погиб в Верблюжьей битве.

Когда Али увидел его тело среди павших, он заметил, что тот отклонился от поведения своего отца.

Хаким же, который не поддержал Али, но после присяги остался дома, не заслуживал порицания.[66]

Са‘ид ибн аль-Ас был менее других убеждён в причастности Али.

В стихах он говорил лишь о трёх группах — очевидно, египтянах, куфийцах и басрийцах, — которым ещё предстоит испить чашу горькой колоцинты за убийство имама в Медине, находившегося в состоянии ритуальной святости — *мухрим*.[67]

Полностью возложить ответственность за убийство Усмана на Али — хотя, по словам Марвана, тот «не ударил его открыто» — лучше всего соответствовало политическим целям мекканских мятежников.

В действительности их главной целью было не отомстить за несправедливо убитого халифа, а сместить его преемника и исключить Али из шуры, которую предполагалось созвать для выбора следующего халифа.

Кроме того, если именно Али объявлялся главным виновником, тогда всякого, кто его поддерживал, можно было — и следовало — считать соучастником и сражаться против него.

Именно это преступление Каэтани характерно называл «ужасным цареубийством».

На военном совете, который, по словам аз-Зухри, проходил в доме Аиши, сначала предложили напасть на Али в Медине.

Но от этой идеи быстро отказались: стало ясно, что мединцы в военном отношении сильнее.

Идею соединиться с Муавией в Сирии тоже отбросили — главным образом, вероятно, потому, что Муавия мог бы навязать будущей шуре собственную волю.

Решение идти в Басру и мобилизовать там сторонников под лозунгом мести было принято во многом под влиянием Абдаллаха ибн Амира.

Он уверял, что располагает там сильной поддержкой, и готов был предоставить материальные средства.[68]

Я‘ла ибн Мунья пожертвовал деньги, вывезенные из Йемена.

Говорят, он дал 400 000 дирхамов и предоставил верховых животных для семидесяти курайшитов.

Он же заплатил восемьдесят динаров за знаменитого верблюда Аиши, давшего название будущей битве.[69]

---

66 Аль-Муфид, Джамал, 393.

67 Ибн Бакр, Тамхид, 180.

68 Аль-Балазури, Ансаб, II, 219, 221–222; ат-Табари, I, 3102.

69 Ат-Табари, I, 3102. По словам Салиха ибн Кайсана, Я‘ла предоставил для похода 400 верблюдов: аль-Балазури, Ансаб, II, 222. Пространный рассказ, приписанный человеку из Бану Урайна, о том, как он продал верблюда стороннику Аиши, затем сопровождал сначала Аишу до аль-Хауаба, а потом Али до Зу-Кара (ат-Табари, I, 3108–3111), полностью вымышлен.

Теперь Тальха и аз-Зубайр стали убеждать Аишу присоединиться к походу.

Она спросила:

— Вы хотите, чтобы я воевала?

Они ответили:

— Нет. Но ты объявишь людям, что Усман был убит несправедливо, и призовёшь их восстановить шуру среди мусульман, чтобы они вернулись к тому положению, в котором их оставил Умар. А ты примиришь стороны.[70]

Присутствие Аиши было необходимо и из-за её огромного авторитета Матери верующих, и как посредницы между двумя мужчинами, соперничавшими за халифат.

До смерти Усмана Аиша явно отдавала предпочтение Тальхе.

Теперь же, вероятно, она была готова поддержать аз-Зубайра, если Тальху исключат из-за его причастности к мятежникам.

Вероятно, в конце раби‘ ас-сани 36 года хиджры — в октябре 656 года — мекканские мятежники выступили в поход.

По разным сообщениям, их было от шестисот[71] до девятисот человек.

По дороге к Басре к ним присоединились другие, и численность выросла примерно до трёх тысяч.

У Бир Маймун Марван, которому поручили произносить призыв к молитве, подошёл к аз-Зубайру и Тальхе и спросил:

— Кого из вас мне приветствовать как эмира?

Абдаллах ибн аз-Зубайр назвал своего отца.

Мухаммад ибн Тальха — своего.

Тогда Аиша передала Марвану:

— Ты хочешь расколоть наше дело? Пусть молитву ведёт сын моей сестры.

И Абдаллах ибн аз-Зубайр продолжал возглавлять молитвы до самого прибытия в Басру.[72]

Во время остановки в Зат Ирк среди находившихся в лагере Омейядов вспыхнула серьёзная ссора.

---

[70] Аль-Балазури, Ансаб, II, 223. Аль-Аштар утверждал, что именно Абдаллах ибн аз-Зубайр заставил — акраха — Аишу отправиться в Басру: ат-Табари, I, 3200.

[71] Это число приводит Абдаллах ибн аль-Аббас: ат-Табари, I, 3105. Среди участников он называет Абд ар-Рахмана, сына Абу Бакра — именно так следует читать вместо «Абу Бакры», — и Абдаллаха, сына Сафвана ибн Умайи аль-Джумахи. Сам Сафван, очевидно, был уже слишком стар для участия в походе и вскоре умер. Его сын Абдаллах позднее стал убеждённым сторонником Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Ибн Аби-ль-Хадид перечисляет среди представителей Бану Джумах, участвовавших в Верблюжьей битве и оставшихся в живых, помимо Абдаллаха ибн Сафвана: его племянника Яхью ибн Хакима ибн Сафвана, Амира ибн Мас‘уда ибн Умайю ибн Халафа и Айюба ибн Хабиба ибн Алькаму ибн Раби‘а: Шарх, XI, 125. Брат Аиши Абд ар-Рахман, очевидно, пошёл вместе с ней ради неё самой, но заметной роли не играл. Абдаллах ибн Умар в походе не участвовал. По Абу Михнафу (Шарх, VI, 225) и Сайфу ибн Умару (ат-Табари, I, 3101), он также убедил свою сестру Хафсу не присоединяться к Аише, как та первоначально намеревалась. Хотя политически Ибн Умар был противником Али, он последовательно защищал его от обвинений в причастности к убийству Усмана; см., например, аль-Балазури, Ансаб, II, 99.

[72] Ат-Табари, I, 3105–3106, со слов Ибн аль-Аббаса. По Салиху ибн Кайсану и Абу Михнафу, Аиша, напротив, решила, что молитву должен возглавлять аз-Зубайр как старший: аль-Балазури, Ансаб, II, 225.

По рассказу Утбы ибн аль-Мугиры ибн аль-Ахнаса,[73] Са‘ид ибн аль-Ас пришёл к Марвану и его спутникам и спросил, куда они направляются.

Вероятно, это держалось в тайне, чтобы Али не узнал об их намерениях.

Са‘ид заявил:

— Те, кому вы должны мстить, прямо здесь — на спинах верблюдов. Убейте их и возвращайтесь домой.

Марван и его люди ответили, что идут, надеясь убить всех убийц Усмана.

Тогда Са‘ид спросил Тальху и аз-Зубайра, кому они собираются отдать власть, если победят.

Они ответили:

— Одному из нас — тому, кого выберут люди.

Са‘ид возразил:

— Тогда передайте власть сыновьям Усмана, раз вы выступаете ради мести за его кровь.

Они ответили:

— Неужели мы обойдём вождей мухаджиров и отдадим власть их сыновьям?

Са‘ид объявил, что не станет бороться за то, чтобы отнять власть у Бану Абд Манаф, и повернул назад.[74]

Как уже отмечалось, он не присоединился к хору обвинителей Али и, очевидно, не видел смысла лишать его халифата ради Тальхи или аз-Зубайра.

Вместе с Са‘идом ибн аль-Асом ушёл Абдаллах ибн Халид ибн Асид.

Аль-Мугира ибн Шу‘ба, соглашавшийся с его мнением, призвал присутствовавших сакафитов также повернуть назад.

Остальные Омейяды, среди них сыновья Усмана Абан и аль-Валид,[75] продолжили путь вместе с Марваном, который, судя по всему, скрывал весьма мрачные намерения.[76]

Если рассказ Утбы ибн аль-Мугиры достоверен, после этого неудачного эпизода возник спор о том, куда идти дальше и чьей поддержки искать.

Аз-Зубайр посоветовался с сыном Абдаллахом, который предпочитал Сирию.

Тальха обратился к своему близкому советнику Алькаме ибн Ваккасу аль-Лайси, который выступал за Басру.

---

[73] Утба и его брат Абдаллах, несомненно, участвовали в походе, чтобы отомстить за своего отца. Абдаллах погиб в Верблюжьей битве: аль-Муфид, Джамал, 393–394. Был убит также их племянник Абдаллах ибн Аби Усман — так его имя приводится у аль-Муфида, Иршад, 122 — ибн аль-Ахнас ибн Шарик. Сообщается, что Али, увидев его бегущим, пытался спасти его, однако приказ не причинять ему вреда не был услышан: там же; аль-Муфид, Джамал, 394.

[74] Ат-Табари, I, 3103.

[75] Старший сын Усмана Амр не упоминается. По-видимому, он не участвовал в Верблюжьей битве. Однако известно, что Са‘ид ибн Усман также присутствовал там: аль-Муфид, Джамал, 382.

[76] В параллельном рассказе Ибн Са‘да (Табакат, V, 23–24) Са‘ид ибн аль-Ас изображён выступающим перед собравшимися публично, после чего он возвращается в Мекку и остаётся там во время Верблюжьей битвы и Сиффина. Двоюродный брат Абдаллаха ибн Халида — Абд ар-Рахман ибн Аттаб ибн Асид — был среди тех, кто продолжил путь в Басру.

В итоге договорились идти в Басру.[77]

Вполне возможно, что аз-Зубайр и его сын предпочли бы объединиться с Муавией.

Тальха и Аиша, несомненно, были против.

Муавия, похоже, действительно пытался привлечь аз-Зубайра.

Согласно Яхье ибн Са‘иду ибн Михнафу, отцу Абу Михнафа, он написал аз-Зубайру — вероятно, когда мекканские мятежники уже находились в Басре, — приглашая его присоединиться к нему в Сирии и обещая признать его халифом вместе со своими сторонниками.

Аз-Зубайр попытался сохранить приглашение в тайне, но Тальха и Аиша узнали и были крайне встревожены.

Аиша поговорила с Абдаллахом ибн аз-Зубайром, а тот спросил отца, действительно ли тот намерен уйти к Муавии.

Сначала аз-Зубайр подтвердил, что хочет этого, поскольку Тальха выступает против него.

Затем он передумал.

Но поскольку ранее поклялся перейти на другую сторону, то в качестве искупления за нарушение клятвы освободил раба и призвал войско к сражению.[78]

Когда мятежная армия подошла к Басре, наместник Али Усман ибн Хунайф отправил навстречу двух послов — Абу Нуджайда Имрана ибн Хусайна аль-Хузаи[79] и Абу-ль-Асвада ад-Дуали, чтобы выяснить намерения пришедших.

Они встретили Аишу и её спутников у Хафар Аби Муса — водопоя на дороге из Мекки в Басру.[80]

Им сообщили, что они пришли требовать отмщения за кровь Усмана и добиться созыва избирательного совета, который решит вопрос о преемстве.[81]

Абу-ль-Асвад, известный своей преданностью Али, рассказывал, что спросил Аишу:

— Ты пришла по наставлению, оставленному Пророком, или по собственному решению?

Она ответила, что приняла решение после убийства Усмана.

---

77 Ат-Табари, I, 3104.

78 Аль-Балазури, Ансаб, II, 257–258. Сообщается, что аз-Зубайр был крайне недоволен, когда его сын, поддержанный Тальхой, воспротивился его предложению раздать деньги басрийской казны жителям Басры, чтобы заручиться их поддержкой, а Аиша встала на сторону сына и упрекнула аз-Зубайра. После этого он пригрозил уйти к Муавии: аль-Муфид, Джамал, 287.

79 Имран ибн Хусайн, сподвижник, принявший ислам либо ещё в ранний период, либо в год Хайбара, нёс знамя Хуза‘а при завоевании Мекки. Умар отправил его в Басру обучать людей исламу: Ибн Хаджар, аль-Исаба, V, 26.

80 Якут, Булдан, II, 294.

81 Аль-Балазури, Ансаб, II, 225. Согласно рассказу Абу Михнафа со ссылкой на аль-Кальби, Тальха и аз-Зубайр ещё из Хафар Аби Муса написали Усману ибн Хунайфу, требуя передать им дворец наместника. Ибн Хунайф посоветовался с аль-Ахнафом ибн Кайсом и Хукаймом ибн Джабалой. Оба рекомендовали призвать басрийцев к оружию и выступить против мятежников, прежде чем те достигнут города. Наместник, однако, хотел избежать войны и решил послать Абу-ль-Асвада и Имрана ибн Хусайна выяснить намерения пришедших. Утверждение этого рассказа, будто Ибн Хунайф тогда получил от Али письмо с предупреждением о мятежниках, маловероятно: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, IX, 311–313.

— Мы сердились на него, — сказала она, — за удары плетью, за то, что он отводил заповедные земли, за назначения Са‘ида и аль-Валида наместниками. Но затем вы напали на него и нарушили три святыни: святость города Медины, святость халифата и святость запретного месяца — после того как мы «омыли» его, как моют сосуд, и он очистился.[82]

Вы поступили с ним несправедливо.

Неужели мы должны были гневаться ради вас на плеть Усмана — и не гневаться ради Усмана на ваши мечи?

Абу-ль-Асвад ответил:

— Какое тебе дело до наших мечей и плети Усмана, если Посланник Божий удержал тебя ради твоей же защиты? Он велел тебе оставаться в своём доме, а теперь ты приходишь и сталкиваешь людей лбами.

Аиша спросила:

— Разве найдётся кто-то, кто станет со мной сражаться или скажет иначе?

Абу-ль-Асвад и Имран ответили:

— Да.

— Кто же? — спросила она. — Неужели тот незаконнорождённый из Бану Амир?

Она имела в виду Аммара,[83] который открыто выступал против требования мести за Усмана.

Поняв, что, возможно, зашла слишком далеко, Аиша спросила:

— Ты ведь не выдашь мои слова, Имран?

Тот успокоил её:

— Нет. Я не стану доносить на тебя — ни в хорошем, ни в дурном.

Абу-ль-Асвад возразил:

— А вот я расскажу. Так что говори всё, что хочешь.

Тогда она прокляла:

— О Боже, убей Музаммама [то есть её брата Мухаммада] в отмщение за Усмана; порази аль-Аштара одной из Твоих стрел, которые не промахиваются, а Аммара заключи в его могиле ради Усмана.[84]

Проклятие Аиши в адрес аль-Аштара особенно ясно обнажало несостоятельность её лозунга мести за Усмана.

---

[82] Три обвинения против Усмана и три нарушения, совершённые его противниками, которые упоминаются здесь, по-видимому, составляли стандартный набор аргументов Аиши. По словам Мусы ибн Тальхи, переданным аль-Вакиди, незадолго до Верблюжьей битвы он слышал, как она, отвечая на вопрос людей об Усмане, изложила тот же довод «самым красноречивым языком»: аль-Муфид, Джамал, 309–310; аль-Балазури, Ансаб, II, 239–240.

[83] Аммар был внуком Амира ибн Малика из Бану Амир аль-Акбар ибн Ям ибн Анс и вольноотпущенником Бану Аби Раби‘а из Махзума.

[84] Аль-Джахиз, аль-Баян, II, 295–296. Музаммам — «порицаемый» — представляет собой игру слов с именем Мухаммад — «восхваляемый». Аш-Ша‘би передал смягчённую версию рассказа Абу-ль-Асвада, опустив проклятия Аиши. По его версии, она попросила Абу-ль-Асвада передать Усману ибн Хунайфу, которого назвала таликом Ибн Аби Амира, что слышала о его намерении сражаться против неё: аль-Муфид, Джамал, 273–274. Почему Усман ибн Хунайф должен был именоваться таликом Ибн Аби Амира, непонятно.

Ведь именно аль-Аштар, как уже отмечалось, прислушался к предупреждениям Аиши и Али против насилия и публично выступал против убийства халифа.[85]

Теперь он стал для Аиши ненавистен потому, что энергично обеспечил избрание Али и силой привёл её фаворита Тальху к присяге.

Затем этот сомнительный лозунг о мести был использован для оправдания открытой агрессии, разрушившей внутренний мир Басры.

Вернувшись в город, Абу-ль-Асвад посоветовал Усману ибн Хунайфу сопротивляться мятежной армии.

Наместник согласился и призвал людей вооружиться.

Имран ибн Хусайн, судя по всему, склонялся к примирению с Матерью верующих и в Верблюжьей битве сохранил нейтралитет.[86]

Когда мятежная армия достигла Мирбада — рыночной площади за пределами Басры — и остановилась у квартала Бану Сулайм, наместник и жители Басры вышли им навстречу.

Первым к ним обратился Тальха.

Он повторил аргумент Аиши: Усман совершал предосудительные поступки, его призывали отказаться от них, и он раскаялся.

— Затем, — сказал Тальха, — на него напал человек, который лишил эту общину права самой решать свою судьбу, не имея ни общего согласия, ни шуры, и убил его.

Тому помогали люди, не отличавшиеся ни благочестием, ни богобоязненностью.

— Поэтому мы призываем вас отомстить за его кровь, ибо он был несправедливо убитым халифом.

Аз-Зубайр говорил примерно то же самое.

Затем громким, решительным голосом выступила Аиша, особо подчеркнув необходимость созыва шуры.

Эта риторика расколола басрийцев.

Одни кричали, что пришедшие говорят правду.

Другие называли их лжецами.

Люди начали бить друг друга сандалиями, а затем разошлись: часть присоединилась к Аише.

Хукайм ибн Джабала, командовавший конницей Ибн Хунайфа, призвал сражаться с курайшитами, которые, по его словам, погибнут из-за своей изнеженности и праздности.

Стороны уже готовились к бою, но наступившая ночь развела их.

Мятежники воспользовались передышкой, чтобы перейти на более выгодную позицию в аз-Забуке, неподалёку от продовольственного склада — *дар ар-ризк*.

---

[85] См. ат-Табари, I, 3200, где Алькама обращается к аль-Аштару: «Ты осуждал убийство Усмана — что же тогда заставило тебя отправиться в Басру [сражаться за Али]?» См. также Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1313; кади ан-Ну‘ман, Шарх аль-ахбар, I, 397.

[86] Имран посетил Аишу в Басре и упрекнул её за то, что она покинула свой дом вопреки предписанию Корана, 33:33. Аиша оправдывалась тем, что случившегося уже не изменить, и попросила Имрана либо помочь ей, либо молчать. Тот заявил, что не станет поддерживать ни её, ни Али. Аиша ответила, что этого от него достаточно: аль-Муфид, Джамал, 310–311. Вероятно, позднее Имран был назначен кади Басры при Абдаллахе ибн Амире или Зияде ибн Абихи: Ибн Хаджар, аль-Исаба, V, 26–27.

На следующее утро наместник выступил против них. Завязалось ожесточённое, но не давшее решающего результата сражение, в котором погибло много людей.[87]

После этого стороны договорились о перемирии до прибытия Али.

Усман ибн Хунайф должен был сохранить за собой дворец наместника, казну и контроль над мечетью, а пришедшим разрешалось располагаться в городе где угодно и свободно пользоваться рынками и водопоями.[88]

Аиша, Тальха и аз-Зубайр решили поселиться среди Бану Тахия из племени Азд.[89]

Однако соглашение ждать прибытия Али было явно невыгодно мятежникам. Тальха убедил аз-Зубайра нарушить его и застать Ибн Хунайфа врасплох.

В ветреную тёмную ночь они напали на него и схватили прямо в мечети, когда он возглавлял вечернюю молитву.[90]

По рассказу хазраджита Сахля ибн Са‘да, после этого они отправили Абана ибн Усмана к Аише спросить, что делать с пленным.

Сначала она посоветовала убить Ибн Хунайфа.

Но одна женщина вступилась за него, напомнив Аише, что тот был сподвижником Пророка.

Тогда Аиша отозвала Абана и сказала:

— Заключите его под стражу. Не убивайте.

Абан ответил, что, если бы знал, зачем она зовёт его обратно, он бы не вернулся.

Тут басриец Муджаши‘ ибн Мас‘уд из Бану Сулайм [91]посоветовал пленившим его:

— Избейте его и выщипайте ему бороду.

Ибн Хунайфу нанесли сорок ударов плетью, вырвали волосы на голове, брови и ресницы, а затем бросили в тюрьму.[92]

На следующее утро Тальха и аз-Зубайр начали спорить, кому теперь возглавлять молитву.

---

87 По сообщению Абу-ль-Якзана, две армии лишь стояли друг против друга, не вступая в бой: Халифа ибн Хайят, Та’рих, 183.

88 Рассказ Сайфа о том, будто в это время в Медину был отправлен Ка‘б ибн Сур, чтобы выяснить, действительно ли Тальху и аз-Зубайра принудили присягнуть Али, а затем он вернулся и подтвердил их слова, является вымыслом, призванным оправдать вероломное нарушение соглашения Тальхой и аз-Зубайром. Как справедливо заметил Каэтани, времени на такую поездку практически не было. См. ат-Табари, I, 3124–3125; Caetani, Annali, IX, 85.

89 Халифа ибн Хайят, Та’рих, 183; Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 719.

90 Аль-Балазури, Ансаб, II, 226–228. По версии Абу Михнафа, речь шла не о вечерней, а об утренней молитве: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, IX, 330.

91 Ибн Хаджар, аль-Исаба, VI, 42; M. Lecker, The Banu Sulaym: A Contribution to the Study of Early Islam (Jerusalem, 1989), см. указатель, статья Mujashi‘. Муджаши‘ был сподвижником Пророка и сыграл заметную роль в ранних завоеваниях Ирака и Ирана. Однако приводимый Ибн Хаджаром рассказ, будто во время похода на Кабул он выковырял драгоценный камень из глаза идола, носит легендарный характер. При Умаре Муджаши‘ некоторое время был заместителем наместника Басры. В рассказах Джа‘фара аль-Мухаммади и Сайфа ибн Умара он назван командиром басрийского добровольческого отряда, который дошёл до ар-Рабазы, пытаясь оказать помощь осаждённому халифу Усману: ат-Табари, I, 2986, 3009.

92 Ат-Табари, I, 3126.

Поскольку аз-Зубайр был старше, сначала преимущество отдали ему, а затем они стали чередоваться: один возглавлял молитву в один день, другой — в следующий.[93]

На рассвете того же утра Абдаллах ибн аз-Зубайр с группой людей отправился к казне, которую охраняли сорок [94]сайабиджей — бывших рабов из Синда, принявших ислам.

Они оказали сопротивление.

Тогда их всех перебили, включая предводителя Абу Саламу аз-Зутти — благочестивого человека.[95]

После этого Абдаллах ибн аз-Зубайр решил снабдить своих людей зерном, приготовленным для раздачи населению на площади продовольственного квартала — *мадинат ар-ризк*.[96]

Хукайм ибн Джабала, узнав о жестоком обращении с Ибн Хунайфом, тоже пришёл туда с отрядом Абд аль-Кайса и Бакр ибн Ваиля.[97]

Абдаллах ибн аз-Зубайр спросил:

— Чего ты хочешь, Хукайм?

Хукайм ответил:

— Мы хотим получить свою долю этого зерна. И ещё — чтобы вы освободили Усмана ибн Хунайфа и позволили ему оставаться во дворце наместника, как было условлено между нами и вами, пока не прибудет Али.

Клянусь Богом, если бы я нашёл достаточно сторонников, чтобы ударить по вам, я не удовольствовался бы этим: я убил бы вас за тех, кого вы уже убили.

После убийства наших братьев ваша кровь стала для нас дозволенной.

Разве вы не боитесь Бога?

На каком основании вы считаете дозволенным проливать кровь?

Ибн аз-Зубайр ответил:

— За кровь Усмана ибн Аффана.

Хукайм возразил:

— Разве те, кого вы убили, убивали Усмана? Разве вы не боитесь гнева Божьего?

Ибн аз-Зубайр сказал:

---

93 Аль-Балазури, Ансаб, II, 228. Согласно Абу-ль-Малиху, Аиша распорядилась, чтобы молитву возглавлял Абдаллах ибн аз-Зубайр: ат-Табари, I, 3134–3135. Аз-Зубайр ибн Баккар в своём Ансаб Курайш сообщал, что Абдаллах ибн аз-Зубайр руководил молитвами по распоряжению Тальхи и аз-Зубайра: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, XX, 114.

94 Источники называют либо 40, либо 400 сайабиджей. Число 400, несомненно, сильно преувеличено.

95 Аль-Балазури, Ансаб, II, 228; аль-Балазури, Футух, 376.

96 Согласно основному рассказу аль-Балазури, это произошло утром. В версии аль-Джаруда ибн Аби Сабры, использованной здесь, можно понять, будто события произошли вечером предыдущего дня. Однако маловероятно, чтобы последовавшее затем сражение велось ночью.

97 Согласно общему рассказу аль-Балазури, сражение произошло в аз-Забуке, и в нём участвовали Тальха и аз-Зубайр. У Хукайма было около трёхсот человек, в том числе семьдесят из Абд аль-Кайса. По Халифе ибн Хайяту, их было 700. По Ибн Аби Сабре, большинство составляли люди Абд аль-Кайса. Абу Михнаф рассказывал, что мятежники вывели Аишу на верблюде и это столкновение получило название «малого Дня Верблюда», чтобы отличать его от последующей битвы с Али. См. аль-Балазури, Ансаб, II, 228; Халифа, Та’рих, 183; Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, IX, 322.

— Мы не позволим вам взять это зерно и не освободим Усмана ибн Хунайфа, пока он не откажется от Али.

Хукайм воскликнул:

— О Боже! Ты — справедливый Судья. Будь же свидетелем!

Затем он обратился к своим людям:

— У меня нет никаких сомнений в том, что с этими людьми нужно сражаться. Кто сомневается — пусть уходит.

Начался ожесточённый бой.

Хукайму отрубили ногу. Он поднял её с земли и ударил ею противника, нанеся смертельную рану, после чего сам был убит.

Погибли семьдесят человек из Абд аль-Кайса, среди них сын Хукайма аль-Ашраф и его брат ар-Ри‘л.[98]

Со стороны Ибн аз-Зубайра были убиты Муджаши‘ ибн Мас‘уд ас-Сулами и его брат Муджалид.[99]

Теперь мекканские мятежники полностью контролировали город.

Но жители были глубоко расколоты, и Тальха с аз-Зубайром не могли рассчитывать на их безусловную поддержку.

Сообщается, что аз-Зубайр призвал тысячу всадников присоединиться к нему, чтобы устроить засаду на Али или напасть на него — очевидно, до того, как тот успеет получить поддержку из Куфы.

Но никто не откликнулся.[100]

По словам Абу-ль-Малиха, после смерти Хукайма ибн Джабалы мятежники сначала хотели убить и Усмана ибн Хунайфа.

Однако тот предупредил их: его брат Сахль — наместник Медины и обязательно отомстит их семьям за его смерть.

Тогда его отпустили, и он присоединился к Али в ар-Рабазе.[101]

Аз-Зубайр предложил раздать жителям Басры продовольствие и деньги из казны.

Но его сын Абдаллах возразил: если это сделать, басрийцы разойдутся по домам и не станут сражаться с Али.

В итоге решили поставить во главе казны Абд ар-Рахмана ибн Аби Бакра.[102]

---

98 Ат-Табари, I, 3135–3136; Халифа, Та’рих, 183. В основном рассказе аль-Балазури аль-Ашраф назван братом Хукайма, причём говорится, что погибли трое его братьев: Ансаб, II, 228–229.

99 Ибн Хаджар, аль-Исаба, VI, 42.

100 Ат-Табари, I, 3136; аль-Муфид, Джамал, 288. Передатчик сообщения — Абу Амра, вольноотпущенник аз-Зубайра. В стратегическом отношении это был наиболее разумный план: басрийцы явно не хотели первыми становиться агрессорами.

101 Сообщение Салиха ибн Кайсана о том, будто Тальха и аз-Зубайр освободили Усмана после получения угрожающего письма от Сахля ибн Хунайфа, вероятно, недостоверно. По-видимому, Усмана отпустили вскоре после захвата города. См. аль-Балазури, Ансаб, II, 230.

102 Ат-Табари, I, 3135; аль-Муфид, Джамал, 287. Сайф ибн Умар рассказывает, будто после захвата Басры сторонники Аиши разыскивали по всем кварталам участников похода мятежников на Медину и убивали каждого, кроме Хуркуса ибн Зухайра, которого укрыли Са‘д Тамим. Этот рассказ не подтверждается другими источниками и, без сомнения, является вымыслом. Аиша, Тальха и аз-Зубайр в тот

После этого Аиша направила письма в Куфу, пытаясь заручиться там поддержкой, но, по-видимому, особого успеха не добилась.

Зайд ибн Сухан аль-Абди, один из ранних шиитских чтецов Корана — *курра'*, — которому она написала как своему «преданному сыну», прося либо присоединиться к ней, либо удержать людей от поддержки Али, ответил:

— Я буду твоим преданным сыном, если ты вернёшься домой.[103]

Али с самого начала знал о выступлении Аиши в Мекке и, несомненно, внимательно следил за развитием событий.

Но о подготовке похода в Ирак он, вероятно, узнал лишь довольно поздно.

Сообщается, что из Мекки его известила Умм аль-Фадль бинт аль-Харис, вдова аль-Аббаса.[104]

Тогда Али призвал своих сторонников в Медине взяться за оружие.

Аль-Хаджжадж ибн Амр ибн Газийя, поэт из Бану ан-Наджжар, [105]призвал действовать как можно быстрее, чтобы настичь Тальху и аз-Зубайра.[106]

Абу Катада ан-Ну'ман — или аль-Харис — ибн Риб'и аль-Хазраджи, видный сподвижник, [107]добровольно вызвался сражаться против «этих беззаконников, которые никогда не переставали обманывать эту общину», и предложил занять один из командных постов.

В Верблюжьей битве Али поручил ему командование пехотой.[108]

Умм Салама заверила Али, что сама присоединилась бы к его походу, если бы это не означало неповиновения Богу, и поручила ему своего сына Умара ибн Аби Саламу аль-Махзуми.[109]

Умар сражался за Али в Верблюжьей битве, а затем был назначен наместником аль-Бахрейна.[110]

момент стремились приобрести поддержку басрийцев против Али; массовое убийство участников похода на Медину настроило бы против них племена, в чьей помощи они нуждались. Требование мести за Усмана никогда не было для них ничем иным, кроме предлога для войны с Али. Позднее преследование и убийство всех, кто был связан с восстанием против Усмана, действительно стало политикой Омейядов вплоть до аль-Хаджжаджа.

103 Ат-Табари, I, 3138. Зайд ибн Сухан входил в делегацию Абд аль-Кайса, прибывшую к Пророку с выражением покорности: Ибн Хаджар, аль-Исаба, III, 36. Вероятно, именно поэтому Аиша обращалась к нему как к своему «сыну».

104 Аль-Балазури, Ансаб, II, 222. Утверждение Каэтани о тенденциозности этого сообщения не имеет оснований: сотрудничество Аббасидов с Али в тот период было несомненно тесным. Однако сообщается, что Умм аль-Фадль умерла раньше аль-Аббаса, ещё при Усмане. См. Caetani, Annali, IX, 32; Ибн Хаджар, аль-Исаба, VIII, 266–267.

105 Ибн Хаджар, аль-Исаба, I, 328.

106 Аль-Балазури, Ансаб, II, 233.

107 Ибн Хаджар, аль-Исаба, VII, 155–156.

108 В основном тексте автор указывает, что Абу Катада впоследствии командовал пехотой Али в Верблюжьей битве.

109 Умар ибн Аби Салама аль-Махзуми был сыном Умм Саламы, вдовы Пророка.

110 После участия на стороне Али в Верблюжьей битве Умар ибн Аби Салама был назначен наместником аль-Бахрейна.

По сообщению Абд ар-Рахмана ибн Аби Лайлы, Али вышел из Медины с семьюстами ансарами 29 раби‘ ас-сани 36 года хиджры — 25 октября 656 года.[111]

На время своего отсутствия наместником Медины он назначил Сахля ибн Хунайфа.

Первую остановку Али сделал в ар-Рабазе, лежавшей на дороге из Мекки в Ирак.

Скорее всего, он знал, что мекканцы уже прошли этим путём, и выбрал ар-Рабазу как удобное место для дальнейших действий.

Оттуда он послал Хашима ибн Утбу ибн Аби Ваккаса к своему куфийскому наместнику Абу Мусе с письмом, приказывая призвать жителей Куфы поддержать Али.

Абу Муса посоветовался с ас-Саибом ибн Маликом аль-Аш‘ари.

Тот рекомендовал исполнить приказ Али.

Но Абу Муса отказался, спрятал письмо и пригрозил Хашиму тюрьмой и смертью.

Тогда Хашим отправил Али письмо с аль-Мухиллем ибн Халифой ат-Таи, сообщая о враждебной позиции Абу Мусы.

Аль-Мухилль заверил Али, что куфийцы готовы его поддержать, но предупредил: если Абу Муса найдёт достаточно сторонников, он непременно выступит против него.

Али ответил, что сам никогда не доверял Абу Мусе и собирался сместить его, но аль-Аштар вступился за него, уверяя, что жители Куфы им довольны.

Теперь Али направил в Куфу Абдаллаха ибн аль-Аббаса и Мухаммада ибн Аби Бакра с резким письмом к Абу Мусе.

В нём он назвал его «сыном ткача» — *ибн аль-хаик* — и объявил смещённым.

На его место Али назначил ансара Каразу ибн Ка‘ба из Хазраджа.[112]

Али также узнал в ар-Рабазе о захвате Басры мятежниками и о гибели Хукайма и его товарищей из Абд аль-Кайс и других племен Раби‘а. Весть принес аль-Мусанна ибн Башир ибн Махраба аль-Абди. В стихах Али оплакал Раби‘а и воздал ей хвалу — «покорной», которая опередила его в битве и благодаря этому достигла высокого положения.[113]

Вероятно, вскоре после этого в ар-Рабазу прибыл Усман ибн Хунайф — с обритыми головой и бородой. Али утешил его, проклиная Тальху и аз-Зубайра за нарушение данной ими присяги.[114]

Теперь, когда Басра находилась в руках его противников, а Абу Муса в Куфе пытался удержать население от участия в конфликте, положение Али в ар-Рабазе выглядело весьма опасным. Когда он уже собирался выступить дальше, его сын аль-Хасан, как сообщается, выразил опасение, что Али погибнет напрасно. Али отослал его, настаивая, что у него нет иного выбора: если он хочет остаться верным посланию Мухаммада, он должен сражаться со своими противниками.[115]

---

111 По сообщению Абд ар-Рахмана ибн Аби Лайлы, Али выступил из Медины 29 раби‘ ас-сани 36 года хиджры / 25 октября 656 года с семьюстами ансарами.

112 Али направил Абдаллаха ибн аль-Аббаса и Мухаммада ибн Аби Бакра в Куфу, сместил Абу Мусу аль-Аш‘ари и назначил вместо него Каразу ибн Ка‘ба аль-Ансари из Хазраджа.

113 Аль-Балазури, Ансаб, II, 233–234.

114 Ат-Табари, I, 3143; сообщение Мухаммада ибн аль-Ханафийи.

115 Аль-Балазури, Ансаб, II, 236; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1256–1258. Передатчик сообщения, куфиец Тарик ибн Шихаб аль-Баджали аль-Ахмаси (Ибн Хаджар, Тахзиб, III, 3–4), присоединился к Али в

Следующей остановкой Али был Файд — примерно на полпути между Меккой и Куфой. Там его встретила группа из племени Бану Тайй. Их вождь Са‘ид ибн Убайд ат-Таи пообещал Али безоговорочную поддержку и впоследствии погиб, сражаясь на его стороне при Сиффине.[116]

Вероятно, именно в Файде Али узнал, что Абу Муса все еще удерживает власть в Куфе, велит людям оставаться по домам и предостерегает их от участия во внутримусульманской смуте — *фитне*. [117]Два посланника Али так и не смогли склонить куфийцев на его сторону.

Тогда он отправил туда своего сына аль-Хасана и Аммара ибн Ясира, чтобы собрать сторонников.[118]

Аль-Аштар, которому, должно быть, было особенно неловко из-за поведения Абу Мусы — ведь именно он сначала поставил его наместником, а затем рекомендовал Али, — сказал Али, что уже посылал в Куфу своего человека, но тот ничего не добился. Он попросил разрешения отправиться вслед за аль-Хасаном и Аммаром, утверждая, что куфийцы скорее всего послушаются именно его.

Аль-Аштар вошел в Куфу, собрал сторонников из различных племен и силой захватил дворец наместника, в то время как Абу Муса продолжал проповедовать в мечети, а аль-Хасан и Аммар спорили с ним.

Когда люди Абу Мусы сообщили ему, что их изгнали из дворца, он попытался войти туда сам, но аль-Аштар приказал ему убираться, назвав его лицемером.

Толпа попыталась разграбить имущество Абу Мусы, однако аль-Аштар остановил ее.[119]

Теперь аль-Хасан без особого труда собрал войско численностью от 6 000 до 7 000 человек. В [120]него вошли представители почти всех племен, поселившихся в Куфе; армия

ар-Рабазе, прибыв из Ирака (см. Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 138). Обращение аль-Хасана к Али также передается со слов Ибн Аббаса (Ибн Асакир, Али, III, 138).

116 Ат-Табари, I, 3140. Сообщение, переданное Абу Михнафом, восходит к аш-Ша‘би, который помещал встречу в ар-Рабазе. Однако в своем общем изложении Абу Михнаф, вероятно вернее, относил ее к Файду (аль-Балазури, Ансаб, II, 234).

117 Позиция Абу Мусы состояла в решительном неприятии любого сражения между мусульманами и была близка к позиции Ибн Умара и других нейтралов в Мекке. Он не поддерживал Аишу и ее сторонников. Сообщения куфийского усманида Абд ар-Рахмана ибн Аби Лайлы и Ибн Исхака искажают его позицию, утверждая, будто он заявлял, что присяга Усману по-прежнему связывает и его самого, и Али и что он не станет сражаться за Али, пока все убийцы Усмана, где бы они ни находились, не будут уничтожены (ат-Табари, I, 3139; Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XIV, 9). Абу Муса, пусть и неохотно, принес присягу Али и нарушил ее лишь из-за предостережения Пророка о фитне.

118 Аль-Балазури, Ансаб, II, 234. Согласно рассказу Абу Михнафа, источники расходились в том, покинули ли Ибн аль-Аббас и Ибн Аби Бакр Куфу или остались после прибытия новых посланников. В версии Абу Михнафа, цитируемой Ибн Аби аль-Хадидом (Шарх, XIV, 10–11), Али послал из Зу-Кара аль-Хасана, Аммара, Зайда ибн Сухана и Кайса ибн Са‘да ибн Убаду. Упоминание здесь Кайса ибн Са‘да, как отметил аль-Балазури (Ансаб, II, 235), ошибочно.

119 Ат-Табари, I, 3153. В иснаде Ну‘айм, ошибочно отождествленный в указателях к ат-Табари с Ну‘аймом ибн Хаммадом, — это Ну‘айм ибн Хаким аль-Мадаини (ум. 148/765) (Ибн Хаджар, Тахзиб, X, 457).

120 Число, приведенное куфийским шиитом Саламой ибн Кухайлем (ум. 121/739 или 122/740) (Халифа, Та’рих, 184), подтверждается свидетельством Мухаммада ибн аль-Ханафийи, который лучше других мог

была разделена на семь отрядов — *асба‘*. Аль-Хасан повел их к Зу-Кару, неподалеку к востоку от Куфы, куда тем временем прибыл Али.

В Басре раскол проходил в большей степени по племенным линиям.

Присутствие Аиши вызвало мощное чувство народного долга: люди считали себя обязанными выступить в защиту «Матери правоверных». [121]Некоторые религиозные авторитеты, однако, склонялись к нейтралитету и, подобно Абу Мусе в Куфе, проповедовали воздержание от участия в *фитне*.

Ка‘б ибн Сур из племени Азд, кади Басры, назначенный еще Умаром, ходил среди соплеменников и убеждал их сохранять нейтралитет. Но те оскорбляли его, называли христианином с посохом и заявляли, что не оставят Мать правоверных.

До принятия ислама Ка‘б действительно был христианином.

Поняв, что его не слушают, он удалился к себе домой и намеревался покинуть Басру. Однако Аиша лично пришла к нему и убедила присоединиться к ее сторонникам.[122]

Имран ибн Хусайн аль-Хузаи послал Хужайра ибн Раби‘а к [123]своему народу — Бану Ади — [124]убеждать их не сражаться ни на одной стороне.

Они презрительно ответили:

— Ты велишь нам сидеть сложа руки и не защищать сокровище и неприкосновенную супругу Посланника Божьего? Мы этого не сделаем.[125]

Аль-Ахнаф ибн Кайс, глава Бану Са‘д из Тамима, лично склонялся к Али и не собирался нарушать принесенную ему присягу.

Он сказал Тальхе и аз-Зубайру, что не станет сражаться ни против Матери правоверных, ни против двоюродного брата Пророка, и попросил позволения уйти в Персию, Мекку или куда-либо за пределы Басры.

После некоторого раздумья Тальха и аз-Зубайр решили, что ему следует оставаться неподалеку, чтобы они могли наблюдать за его действиями.

Аль-Ахнаф отошел в открытую местность — *джахда* — примерно в двух фарсахах от Басры вместе с 4 000 или 6 000 человек.[126]

знать точное число. По его словам, партия Али покинула Медину в составе 700 человек; позднее к ней присоединились 7 000 куфийцев и еще 2 000 человек, главным образом из Бакр ибн Ваиль. Абу Михнаф и другие источники называют от 10 000 до 12 000 куфийцев (аль-Балазури, Ансаб, II, 234; ат-Табари, I, 3174).

121 Существовало, однако, и сопротивление самой идее поддерживать движение, возглавляемое женщиной. Абу Бакра ас-Сакафи, единоутробный брат Зияда ибн Абих, был готов присоединиться к Тальхе и аз-Зубайру, но, обнаружив, что во главе стоит Аиша, отступил и сохранил нейтралитет, заметив, что слышал от Пророка: народ, чьи дела находятся в руках женщины, не преуспеет (аль-Муфид, Джамаль, 297; Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, VI, 227, со ссылкой на аш-Ша‘би; Abbott, Aishah, 175).

122 Аль-Балазури, Ансаб, II, 238.

123 Хужайр ибн Раби‘ аль-Адави передавал хадисы от Имрана (Ибн Хаджар, Тахзиб, II, 215–216).

124 Имеются в виду Бану Ади ибн Абд Манат из племенной федерации ар-Рибаб. Велльхаузен ошибочно относил их к Азду (Skizzen, VI, 139). Каэтани считал, что речь идет о Бану Ади из Курайша, и предполагал, что они естественно поддерживали Аишу, помня, что Умар пал жертвой партии Али, находившейся теперь у власти (Annali, IX, 108). В действительности Бану Ади из Курайша не поддержали Аишу и сохранили нейтралитет, хотя ранее были заметны среди защитников дворца Усмана.

125 Аль-Балазури, Ансаб, II, 238; ат-Табари, I, 3177.

126 Ат-Табари, I, 3170–3171; аль-Балазури, Ансаб, II, 232.

Когда Али остановился в аз-Завии близ Басры, аль-Ахнаф послал к нему человека с предложением: либо он лично присоединится к Али вместе с 200 членами своей семьи, [127]либо удержит 4 000 мечей от выступления против него.

Очевидно, сам аль-Ахнаф был готов поддержать Али, но его соплеменники склонялись на сторону Аиши. Али решил, что лучше всего будет удержать как можно больше людей от присоединения к противнику.[128]

Из других групп Тамима за Аишу сражались Бану Амр, Ханзала — за исключением Ярбу‘ — и Бану Дарим, кроме части Муджаши‘.[129]

Когда две армии уже стояли друг против друга, а Али призывал басрийцев к примирению, басрийские Абд аль-Кайс и Бакр ибн Ваиль — племена Раби‘а, ранее пострадавшие от нападения мекканцев, — перешли на его сторону.

Их возглавляли соответственно Амр ибн Марджум аль-Абди и Шакик ибн Саур ас-Садуси. По сведениям Абу Михнафа, всего их было около 3 000 человек.

Однако Бану Кайс ибн Са‘лаба из Бакр ибн Ваиля остались на стороне противников Али под руководством Малика ибн Мисма‘ аш-Шайбани.[130]

Эти значительные переходы, очевидно, окончательно изменили соотношение сил в пользу Али.

Общее командование басрийским войском было поручено аз-Зубайру.

Однако Аиша настояла, чтобы его провозглашали лишь *амиром*, а не халифом.

Вопрос о халифате должен был решаться уже после победы.[131]

Басрийское войско выступило из аль-Фурды, куфийское — из аз-Завии. Они сошлись на месте, где позднее был построен замок Зияда ибн Абих.

Три дня армии стояли друг против друга.

Между ними установили войлочный шатер, в котором встречались Али, аз-Зубайр и Тальха.

На третий день, после полудня, Али поднял край шатра и приказал готовиться к сражению.[132]

Перед битвой решимость аз-Зубайра, по-видимому, поколебалась.

Однако точные обстоятельства остаются неясными.

Сообщается, что сначала Али послал к нему Ибн аль-Аббаса, велев говорить именно с аз-Зубайром, поскольку Тальха был настроен гораздо непримиримее.

---

127 Так в рассказе аль-Муфида, Джамаль, 295. Другие версии утверждают, что аль-Ахнаф предложил присоединиться к Али один.

128 Ат-Табари, I, 3174; аль-Балазури, Ансаб, II, 237. Рассказ аль-Муфида (Джамаль, 295) упоминает соперничество за руководство Тамимом между аль-Ахнафом и Хилялем ибн Ваки‘ аль-Ханзали, настаивавшим на поддержке мекканских мятежников. Хиляль был убит в Битве Верблюда.

129 Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, IX, 320, со ссылкой на Абу Михнафа.

130 Ат-Табари, I, 3174; аль-Балазури, Ансаб, II, 237.

131 Аль-Балазури, Ансаб, II, 229, 264. Абдаллах ибн аз-Зубайр якобы заметил отцу, что Аиша намерена поручить ему тяжелую работу, а своему родственнику Тальхе — приятную (там же, 265–266). К этой цитате следует относиться осторожно, поскольку Ибн аз-Зубайр обычно изображается безоговорочным сторонником своей тетки.

132 Ат-Табари, I, 3174–3175; Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 709–710.

Ибн аль-Аббас от имени Али спросил аз-Зубайра, почему тот признавал его в Хиджазе, а теперь выступает против него в Ираке.

Аз-Зубайр, однако, твердо ответил, что между ними возникла непреодолимая пропасть.[133]

Согласно нескольким сообщениям, затем сам Али напомнил аз-Зубайру один случай из их детства, когда Пророк якобы предсказал, что аз-Зубайр однажды несправедливо выступит против Али.

Вспомнив об этом, аз-Зубайр поклялся, что никогда не станет сражаться с Али.

Но его сын Абдаллах обвинил отца в трусости.

Тогда аз-Зубайр вновь переменил решение и, по совету Абдаллаха, освободил раба в искупление нарушенной клятвы.[134]

Очевидно, эта история носит легендарный характер, а эпизод с освобождением раба дублирует рассказ о письме Муавии аз-Зубайру.

Тем не менее вполне возможно, что увещевания Али действительно заставили аз-Зубайра вновь задуматься о своей позиции.

Он мог понять, что его используют как пешку в борьбе за амбиции Аиши и Тальхи, которые были куда более виновны в разжигании мятежа против Усмана, чем Али.

Кроме того, настойчивое требование Аиши именовать его лишь *амиром* могло убедить аз-Зубайра в том, что она на самом деле не желает видеть его следующим халифом, хотя он сам считал себя наиболее достойным этого поста — и из-за первоначального предпочтения, которое отдавал ему Усман, и благодаря собственной верности Усману незадолго до его гибели.

В таких обстоятельствах кровавая битва против двоюродного брата Пророка, где мусульмане должны были убивать мусульман, могла показаться аз-Зубайру и глупой, и безнравственной.

Его сын Абдаллах, напротив, был гораздо ближе к своей тетке Аише и твердо намеревался сражаться против Али, мстя за кровь Усмана.

Возможности для переговоров и компромисса, очевидно, уже не оставалось.

Аиша и ее сторонники требовали смещения Али и созыва *шуры*.

Али считал себя законным халифом, невзирая на широкую оппозицию со стороны курайшитов.

Они обвиняли его в нравственной ответственности за насильственную смерть Усмана; он, в свою очередь, обвинял Тальху и Аишу.

Ни одна сторона не проявляла особого интереса к расследованию вопроса о том, кто именно в действительности нанес Усману смертельные удары.[135]

---

133 Аль-Джахиз, Баян, III, 221–222.

134 Ат-Табари, I, 3175–3176; аль-Балазури, Ансаб, II, 254–255; Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 719.

135 Рассказ Сайфа об успешных переговорах и соглашении наказать убийц Усмана, которое затем было сорвано сабаийей и нуффар, испугавшимися за свои жизни и потому спровоцировавшими сражение (ат-Табари, I, 3155–3158, 3162–3163, 3181–3183), — чистый вымысел, не подтверждаемый ни одним другим источником.

Сражение произошло в четверг, 15 джумада I 36 года хиджры / 8 декабря 656 года и [136]продолжалось от полудня до заката.

Али приказал одному человеку из Абд аль-Кайс поднять между линиями сражающихся экземпляр Корана и призвать обе стороны придерживаться его установлений и примириться.

Когда этого человека поразили стрелами и убили, Али приказал наступать.[137]

Этот эпизод передается многими источниками с различными подробностями, в том числе легендарными, но по существу вполне правдоподобен.

Басрийцев убедили, что они сражаются с убийцами Усмана; боевым кличем их стороны стала «месть за Усмана».

Они были нападающей стороной, и Али хотел, чтобы это было очевидно для всех.

До начала сражения куфийцы даже не думали всерьез, что их мусульманские братья из Басры действительно станут с ними воевать.[138]

Знамя армии Али нес его сын Мухаммад ибн аль-Ханафийя.

Когда тот дрогнул перед стеной вражеских копий, Али выхватил знамя у него из рук и сам повел атаку. [139]Позднее он вернул его сыну.

Сражение стало особенно ожесточенным после того, как аль-Аштар, командовавший правым крылом армии Али, убил Хиляля ибн Ваки‘ ибн Бишра ат-Тамими из Дарима — командующего левым крылом басрийцев.[140]

Аз-Зубайр покинул поле боя довольно рано — по-видимому, вообще не вступив в сражение — и сразу направился в сторону Хиджаза.

Сообщается, что один человек из Муджаши‘ — ветви Дарим Тамим — предоставил ему защиту.

По рассказу Катады, аз-Зубайр сначала отправился в мечеть Бану Муджаши‘ и спросил Ияда ибн Хаммада, вероятно желая получить от него покровительство.

Ему сказали, что Ияд находится в Вади ас-Сиба‘, и аз-Зубайр отправился туда.[141]

Аль-Ахнаф ибн Кайс узнал от своих людей, что аз-Зубайр проходит поблизости.

Он заметил, что аз-Зубайр заставил мусульман сражаться друг с другом мечами, а теперь сам бежит домой.

Трое мужчин отправились вслед за ним, и Амр ибн Джурмуз аль-Муджашии убил аз-Зубайра в Вади ас-Сиба‘.

После битвы Ибн Джурмуз пришел к Али и объявил себя убийцей аз-Зубайра.

---

136 Большинство источников называет днем сражения четверг. Однако Катада сообщает, что армии встретились в четверг, а битва произошла в пятницу (Халифа, Та’рих, 184–185).

137 Аль-Балазури, Ансаб, II, 240.

138 Басриец Кулайб аль-Джарми, посетивший армию Али в Зу-Каре, рассказывал, что куфийцы подходили к нему смеясь и с удивлением спрашивали: «Неужели ты действительно думаешь, что наши братья-басрийцы станут с нами сражаться?» (Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 705).

139 Ат-Табари, I, 3193.

140 Аль-Балазури, Ансаб, II, 241.

141 Агани, XVI, 131.

Согласно некоторым сообщениям, предпочитаемым суннитской традицией, Али отказался принять его и воскликнул:

— Возвести убийцу сына Сафийи о пламени ада![142]

Однако более достоверные сообщения рассказывают иначе.

Ибн Джурмуз был послан аль-Ахнафом ибн Кайсом к Али с мечом и головой аз-Зубайра.

Али принял его и расспросил об обстоятельствах убийства.

Затем он вынул из ножен меч аз-Зубайра, внимательно посмотрел на него и сказал, что хорошо знает этот клинок: аз-Зубайр много раз сражался им перед Посланником Божьим, но сам пришел к дурному концу.[143]

Участники сражения явно не понимали, чем объяснить уход аз-Зубайра.

Джаун ибн Катада из Са‘д Тамим, находившийся рядом с ним в начале битвы, рассказывал, что аз-Зубайр испугался, узнав, что на стороне Али сражается Аммар.[144]

В других сообщениях Аммар встречается с аз-Зубайром прямо во время битвы.[145]

Очевидно, фигура Аммара была введена в рассказы для объяснения поведения аз-Зубайра из-за хадиса, приписываемого Мухаммаду: в нем Аммар называется праведником и предсказывается, что его убьет мятежная сторона.

Но аз-Зубайр, несомненно, и раньше знал, что Аммар будет сражаться вместе с Али.

Будучи опытным и храбрым воином, он едва ли мог бежать в самом начале битвы просто от страха.

Куда вероятнее, что его мучили серьезные сомнения в справедливости дела Аиши.

Вероятно, он решил полностью выйти из конфликта и потому направился к Хиджазу.

Менее вероятно, что он по-прежнему собирался воспользоваться предложением Муавии.

Са‘д Тамим, хотя формально сохраняли нейтралитет, были возмущены его бегством: они считали аз-Зубайра одним из главных зачинщиков конфликта между мусульманами.

Они убили его скорее как человека, утратившего честь, чем ради того, чтобы угодить Али.

Вскоре после этого смертельное ранение получил Тальха.

Сообщается, что в начале битвы он, командуя конницей, сражался храбро. [146]Однако когда куфийцы начали брать верх, он повернул назад в общей суматохе.

Марван выстрелил ему в спину из лука. Стрела пробила седалищную вену — *наса* — возле колена.

---

142 Матерью аз-Зубайра была Сафийя, дочь Абд аль-Мутталиба.

143 См. рассказы Марвана ибн аль-Хакама и мединца Мухаммада ибн Ибрахима ибн аль-Хариса ат-Тайми, цитируемые аль-Муфидом, Джамаль, 387–390. Шиитская традиция предпочитала эти сообщения как доказательство того, что Али не простил аз-Зубайра.

144 Ат-Табари, I, 3187–3188; аль-Балазури, Ансаб, II, 256–257. В версии Ибн Са‘да (Табакат, III/1, 77–78) Аммар не упоминается.

145 Ат-Табари, I, 3290; аль-Балазури, Ансаб, II, 259.

146 Аль-Балазури, Ансаб, II, 245.

Рана сильно кровоточила. Тальха и его спутники пытались остановить кровь и перевязать его, но все попытки оказались безуспешными.

Тальха умер либо в доме Бану Са‘д Тамим, либо под деревом.[147]

Предательское убийство Тальхи Марваном, очевидно, не было спонтанным.

Еще в Зат Ирке Марван намекал Омейядам, покидавшим войско Аиши, что намерен мстить и среди ее сторонников.

Но, по всей видимости, он выжидал до тех пор, пока не стало ясно, что победившая Мать правоверных уже не сможет призвать его к ответу.

После урока, полученного в День дворца, он держался позади, выжидая подходящего момента и не бросая врагу хвастливых вызовов.

Лишь после совершенного им убийства выяснилось, что сам Марван получил лишь легкое ранение.

Сообщается, что он повернулся к сыну Усмана Абану и сказал:

— Одного из убийц твоего отца мы для тебя уже убрали.[148]

После гибели двух вождей поражение фактически было предрешено, и вооруженное столкновение можно было прекратить.

Но присутствие Аиши в паланкине на верблюде побудило ее войско к последнему — хотя совершенно бессмысленному — усилию защитить ее.

Теперь ожесточенная битва разгорелась вокруг ее верблюда и паланкина, защищенного металлическими пластинами, и продолжалась еще много часов.

Людей, державших повод верблюда, убивали одного за другим.

Первым погиб благочестивый Ка‘б ибн Сур, на шее которого висел Коран.

Затем повод один за другим брали курайшиты.

Омейяд Абд ар-Рахман ибн Аттаб ибн Асид, которого называли «господином» — *я‘субом* — арабов или курайшитов, был убит аль-Аштаром.

Аиша особенно тяжело переживала его гибель.[149]

Сообщается также, что повод взял сын Тальхи Мухаммад, известный своей набожностью, и был убит на этом месте.[150]

Аль-Асвад ибн Аби аль-Бахтари из Асад Курайш был сбит на землю, но остался невредим.

Затем повод перешел к Абдаллаху ибн аз-Зубайру, на которого напал аль-Аштар.

Согласно распространенному рассказу, они сцепились в рукопашной; Ибн аз-Зубайр был ранен, после чего их разняли.[151]

---

147 Там же, 246; аль-Муфид, Джамаль, 383, 389. Марван рассказывал внуку Али — Али Зайн аль-Абидину, — что поразил Тальху двумя стрелами.

148 Халифа, Та’рих, 185; аль-Балазури, Ансаб, II, 246.

149 Ат-Табари, I, 3227–3228. Отождествление ат-Табари я‘суб аль-араб с Мухаммадом ибн Тальхой, как отметил Леви делла Вида (Annali, IX, 149), ошибочно.

150 Аль-Балазури, Ансаб, II, 243.

151 Ат-Табари, I, 3199–3200.

По собственному рассказу аль-Аштара, он ударил Ибн аз-Зубайра мечом по голове и оставил лежать, считая его мертвым.[152]

Аль-Асвад нашел его на земле, посадил на своего коня и вывез с поля боя в дом человека из Бану аль-Габра из Азда.[153]

После этого повод начали брать простые соплеменники.

Особенно гордились своей службой Матери правоверных Бану Дабба.

Сообщается, что 40 их мужчин погибли один за другим у повода верблюда.[154]

Бойня внезапно прекратилась, когда Али приказал кому-нибудь подрубить верблюду сухожилия.

По одному сообщению, это сделал Буджайр ибн Дульджа, куфиец из Дабба, позднее объяснявший, что опасался: если бой продолжится, в живых не останется ни одного из его басрийских родственников.[155]

Другой источник называет аль-Мусаллима (?) ибн Ма‘дана из Бану Шазан ибн Нукра, входивших в Абд аль-Кайс.[156]

Когда животное рухнуло под своей ношей, Али и его ближайшие спутники смогли подойти.

По приказу Али брат Аиши Мухаммад перерезал ремни, которыми паланкин был прикреплен к телу верблюда, и вместе с другими людьми отнес его в сторону.

Мухаммад ибн Хатиб аль-Джумахи рассказывал:

«В День Верблюда я подошел вместе с Али к паланкину, который весь торчал стрелами, словно иглы ежа.

Али ударил по нему и сказал:

---

152 Ан-Ну‘ман, Шарх аль-ахбар, I, 397. Аль-Аштар объяснял, что стремился убить Ибн аз-Зубайра, поскольку считал его ответственным за то, что тот вовлек свою тетку Аишу в поход. Человеком, которого он сбил на землю и с которым боролся врукопашную, по словам аль-Аштара, был Абд ар-Рахман ибн Аттаб.

153 Так согласно собственному рассказу Абдаллаха ибн аз-Зубайра, приведенному аль-Муфидом, Джамаль, 362. По дороге, всякий раз, когда аль-Асвад проходил мимо кого-нибудь из сторонников Али, он снимал Ибн аз-Зубайра с коня. Однажды они встретили человека, узнавшего Ибн аз-Зубайра; тот напал, но промахнулся. Другой человек ранил коня. Аль-Асвад благополучно доставил Ибн аз-Зубайра в дом человека из Бану аль-Габра, у которого было две жены — одна из Тамима, другая из Бакра. Они промыли рану и обработали ее камфарой. Кровь почти не шла, и рана быстро зажила.
Абд ар-Рахман ибн аль-Харис ибн Хишам из Махзума рассказывал, что он, аль-Асвад ибн Аби аль-Бахтари и Абдаллах ибн аз-Зубайр заключили в Басре договор: либо они убьют Али в сражении, либо погибнут сами. Во время битвы они искали подходящий момент, но увидели, как сначала правое, затем левое крыло противника разбили их соответствующие фланги. Затем Абд ар-Рахман увидел, как Али последовательно убил двух человек из Даббы. В конце концов троих смело общим поражением. После битвы Абд ар-Рахман сумел избежать вооруженных патрулей Али (аль-Муфид, Джамаль, 375). Абдаллах ибн аз-Зубайр, спасавшийся отдельно, случайно встретил его (там же, 363), и, очевидно, вместе они вернулись в Хиджаз. Согласно сообщению аль-Вакиди, Абд ар-Рахман ибн аль-Харис после битвы принес присягу Али и затем уехал (там же, 413–414).

154 Ат-Табари, I, 3198.

155 Там же, 3204.

156 Аль-Балазури, Ансаб, II, 248.

— Эта Хумайра из Ирама, [157]несомненно, хотела убить меня так же, как убила Усмана ибн Аффана.

Тогда ее брат Мухаммад спросил:

— Тебя что-нибудь задело?

Она ответила:

— Стрела попала мне в верхнюю часть руки.

Он просунул руку внутрь паланкина, притянул ее к себе и вытащил стрелу».[158]

Когда Али оказался лицом к лицу с Аишей, он сурово упрекнул ее за бедствия, которые она навлекла на мусульман.

Теперь уже ей пришлось смиренно просить мира:

— Ты одержал верх, Ибн Аби Талиб. Так прости великодушно.[159]

Али приказал ее брату Мухаммаду сопроводить ее в город.

Там Аишу поселили в доме Сафийи бинт аль-Харис ибн Тальха ибн Аби Тальха из Абд ад-Дар.[160]

Она оставалась там несколько дней.

Аль-Аштар купил дорогого верблюда и послал ей взамен погибшего в битве, но Аиша отказалась принять подарок.[161]

Затем Али послал к ней Абдаллаха ибн аль-Аббаса с приказом покинуть Басру.

По собственному рассказу Ибн аль-Аббаса, он попросил разрешения войти в дом, где находилась Аиша, но получил отказ и вошел без разрешения.

В комнате Аиша скрывалась за занавесом.

Ибн аль-Аббас не нашел ничего, на что можно было бы сесть, но заметил сбоку седло, покрытое ковриком — *танфаса*.

Он развернул коврик и сел.

Аиша спросила:

— Ибн Аббас, что ты делаешь? Входишь ко мне в дом без разрешения и садишься на мои вещи без разрешения. Ты нарушил Сунну.

Ибн аль-Аббас ответил:

— Это мы научили тебя и других Сунне; у нас больше права на нее, чем у тебя. Твой единственный дом — тот, в котором оставил тебя Посланник Божий и который ты покинула, поступив несправедливо к самой себе, проявив дерзость перед своим Господом

---

157 Хумайра — «рыжеватая», «маленькая красная» — ласковое имя, которое Мухаммад, как сообщается, давал Аише. Позднее ее противники использовали его как прозвище. Ирам — название легендарного доисламского арабского племени, уничтоженного Богом. В доисламских преданиях и поэзии фигурировал зловещий Ахмар или Ухаймир из Ад или Самуд, навлекший бедствие и гибель на свой народ. Выражение «Хумайра из Ирама» должно было создавать женский аналог этой фигуры.

158 Аль-Балазури, Ансаб, II, 250.

159 Ат-Табари, I, 3186; аль-Балазури, Ансаб, II, 250.

160 Муж Сафийи, Абдаллах ибн Халаф аль-Хузаи, был назначен Умаром секретарем дивана Басры. Он погиб в битве, сражаясь на стороне Аиши (Ибн Хаджар, Исаба, VIII, 5–6; IV, 62).

161 Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 705; ат-Табари, I, 3227–3228.

и ослушавшись своего Пророка. Когда ты вернешься туда, я не войду без твоего разрешения и не сяду иначе как по твоему приказу.

Она заплакала.

Ибн аль-Аббас сказал:

— Повелитель правоверных послал меня приказать тебе покинуть Басру и вернуться домой.

Она спросила:

— А кто такой Повелитель правоверных? Повелителем правоверных был Умар.

Ибн аль-Аббас ответил:

— Умара называли Повелителем правоверных. Но этот — клянусь Богом — Али, истинный Повелитель правоверных, ибо именно так назвал его Посланник Божий. Клянусь Богом, он ближе к Посланнику Божьему по родству, раньше принял ислам, обладает большими знаниями и большей выдержкой, чем твой отец и Умар.

Когда она стала возражать, Ибн аль-Аббас сказал, что правление ее отца было недолгим, но имело тяжелые последствия, сопровождалось очевидным дурным предзнаменованием и принесло явное несчастье.

И все же именно его правлением она воспользовалась, чтобы открыто проявить враждебность к родне Пророка.

Аиша продолжала рыдать, но вызывающе сказала:

— Клянусь Богом, я уеду от вас. Нет для меня места ненавистнее того, где находитесь вы.

Ибн аль-Аббас спросил:

— Почему же? Ведь мы не причинили тебе никакого бедствия и не ставили себя выше тебя или твоего отца. Это мы сделали тебя Матерью правоверных, когда ты была всего лишь дочерью Умм Руман, и мы сделали твоего отца ас-Сиддиком, когда он был лишь сыном Абу Кухафы.

Аиша ответила:

— Ты утверждаешь, что оказал нам благодеяние через Посланника Божьего?

Ибн аль-Аббас сказал:

— Почему бы нам не утверждать, что сделали тебе благо через того, от кого, имей ты хотя бы один его волос, ты сама стала бы извлекать пользу и гордиться им? Но мы — его плоть и кровь, а ты всего лишь одна из девяти набитых постелей, оставшихся после него. И даже не та из них, у которой корень крепче всего, листья зеленее и тень шире.

Затем он процитировал несколько стихов, иллюстрируя свою мысль.

Аиша умолкла.

Ибн аль-Аббас ушел и рассказал обо всем Али, который остался доволен его поведением.[162]

Аиша попросила отсрочки и получила ее.

---

[162] Ан-Ну‘ман, Шарх аль-ахбар, I, 390–392; аль-Маджлиси, Бихар аль-анвар (Тегеран/Тебриз, 1303–1315/[1888–1898]), VIII, 450–451.

Однако через несколько дней Али вновь настоял на отъезде, и она отправилась в Медину в сопровождении группы басрийских женщин и нескольких мужчин, которых сама выбрала.[163]

По прибытии в Медину ее сначала посетил ансарский поэт-усманид Ка‘б ибн Малик, а затем его дочь Кабша вместе с группой женщин из ансаров.

Кабша передала рассказ самой Аиши о пережитом в битве.

Теперь Аиша утверждала, что непосредственно перед сражением встала перед людьми и призвала их к перемирию, к Книге Божьей и Сунне, но никто не хотел слушать ни слова — все стремились начать бой.

Сначала были убиты один или два сторонника Али, затем боевые линии сошлись.

По ее словам, все внимание было приковано к ее верблюду.

Несколько стрел пробили защищенный паланкин и ранили ее.

Когда Аиша показала женщинам рану на верхней части руки, все заплакали.

Затем она рассказала, как один за другим погибали люди, бравшиеся за повод ее верблюда, и как она тщетно пыталась отогнать от него племянника Абдаллаха ибн аз-Зубайра.

Молодые курайшиты на их стороне, поясняла она, были неопытны в военном деле и потому стали легкой добычей для противника.

После короткой передышки в бою она увидела сына Абу Талиба, лично сражавшегося, и услышала, как он кричит:

— Верблюда! Верблюда!

Она сказала себе:

— Клянусь Богом, он хочет меня убить.

Затем Али приблизился вместе с ее братом Мухаммадом, Му‘азом ибн Убайдаллахом ат-Тамими и [164]Аммаром ибн Ясиром.

Они перерезали ремни, удерживавшие паланкин на спине верблюда, и унесли его, пока сторонники Аиши рассеивались.

После этого она услышала глашатая Али:

— Не преследовать тех, кто обращается в бегство! Не убивать раненых! Тот, кто бросит оружие, находится в безопасности!

Аишу доставили в дом Абдаллаха ибн Халафа аль-Хузаи, погибшего в битве. Его семья оплакивала его.

Все, кто открыто враждовал с Али и теперь скрывался в страхе, собрались возле нее.

Когда Аиша спросила о Тальхе и аз-Зубайре, ей сказали, что оба погибли.

Сначала ей также сообщили, будто погиб ее племянник Абдаллах.

Это повергло ее в еще более глубокое горе.

---

163 Аль-Балазури, Ансаб, II, 249.

164 Му‘аз ибн Убайдаллах ат-Тамими сражался в битве на стороне мекканских мятежников. Возможно, до окончания сражения он перешел к Али; его рассказы о битве выражают восхищение Али (аль-Муфид, Джамаль, 364–365, 373–374).

Три дня она ничего не ела и не пила, хотя хозяева проявляли к ней величайшее гостеприимство и хлеба было в изобилии.

Свой рассказ Аиша завершила, подчеркивая раскаяние в том, что подстрекала к восстанию против Усмана.

Мусульмане, сказала она, больше никогда не увидят такого халифа.

Он был самым кротким из них, самым настойчивым в поклонении, самым щедрым в несчастье и самым ревностным хранителем родственных связей.[165]

Однако отношение Аиши к Али, очевидно, изменилось не слишком сильно.

Некоторое время спустя, когда ан-Ну‘ман ибн Башир пришел к ней с посланием от Муавии, который теперь открыто воевал с Али, она приняла его благосклонно.

Затем доверительно рассказала, что однажды слышала, как Пророк в присутствии Хафсы, дочери Умара, трижды сказал Усману, что Бог облачит его в одеяние, которое он не должен снимать, даже когда лицемеры потребуют этого.

Обрадованный, но удивленный ан-Ну‘ман спросил:

— Мать правоверных, где же был этот хадис раньше?

Она ответила, что забыла его так, словно никогда прежде не слышала.[166]

Поражение в Битве Верблюда положило конец политической карьере Аиши и окончательно похоронило ранний патриархальный мединский халифат, который она надеялась восстановить.

После смерти Муавии ее племянник Абдаллах ибн аз-Зубайр предпримет еще одну попытку возродить его — и тоже потерпит неудачу.

Память об ужасной резне вокруг ее паланкина, где погибло столько близких ей людей, и о собственной роли Матери правоверных, подталкивавшей мусульман убивать мусульман, должна была преследовать ее до конца жизни.

Многочисленные сообщения о ее раскаянии и желании не дожить до того дня, несомненно, отражают действительность.

Хорошо передает это настроение рассказ куфийца Джундаба ибн Абдаллаха аль-Азди.

Амр ибн аль-Ашраф аль-Атаки из басрийского Азда держал повод верблюда Аиши, и никто не мог приблизиться к нему, не получив удара мечом.

Тогда к нему подошел аль-Харис ибн Зухайр из куфийского Азда, сподвижник Пророка, произнося стихи:

О наша Мать, лучшая из матерей, которых мы знаем,
разве ты не видишь, сколько храбрецов гибнет,
скольким отрубают головы и руки?

«Затем они обменялись двумя ударами, — рассказывал Джундаб, — и я видел, как перед смертью оба ногами разрывали землю.

Позднее я посетил Аишу в Медине.

---

165 Там же, 378–380, со ссылкой на аль-Вакиди.

166 Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1068–1069. Хафса подтвердила рассказ Аиши (там же, 1069–1070).

Она спросила:

— Кто ты?

Я ответил:

— Человек из Азда. Живу в Куфе.

Она спросила:

— Ты был с нами в День Верблюда?

Я ответил:

— Да.

Она спросила:

— За нас или против нас?

Я сказал:

— Против вас.

Она спросила:

— Знаешь того, кто сказал: “О наша Мать, лучшая из матерей, которых мы знаем”?

Я ответил:

— Да. Это был мой двоюродный брат.

Тогда она заплакала так сильно, что мне казалось, она уже никогда не успокоится».[167]

Потери с обеих сторон были значительными, хотя в лагере Аиши они, несомненно, оказались тяжелее.

Курайш, сражавшийся за свой халифат и за положение единственного правящего слоя, заплатил высокую цену — потери затронули почти все его роды.

Среди погибших [168]были:

из Абд Шамс — Абд ар-Рахман ибн Аттаб ибн Асид; Абдаллах ибн аль-Валид ибн Язид ибн Ади ибн Раби‘а ибн Абд аль-Узза; Мухриз ибн Хариса ибн Раби‘а ибн Абд аль-Узза; его двоюродный брат Али ибн Ади ибн Раби‘а, бывший наместником Мекки при Усмане; и Абд ар-Рахман, сын усмановского наместника Басры Абдаллаха ибн Амира ибн Курайза;[169]

из Науфаля — Муслим ибн Караза ибн Абд Амр ибн Науфаль, брат Фахиты, жены Муавии;[170]

---

[167] Ат-Табари, I, 3201. В версии Абу Михнафа выражение «лучшая мать» заменено на «самая безжалостная мать» (Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, I, 264).

[168] По следующему списку см. в целом некролог за 36 год хиджры в Annali, IX, и Халифа, Та’рих, 177–178, где некоторые имена и родословные нуждаются в исправлении.

[169] Абд ар-Рахман родился, когда его отцу было всего 13 лет (Ибн Манзур, Мухтасар, XII, 285). Следовательно, на момент гибели ему было 19 лет.

[170] Найдя тело Муслима ибн Каразы среди погибших, Али саркастически спросил, не доброта ли — бирр — побудила этого человека выступить против него. Али пояснил, что Муслим однажды попросил его вмешаться в спор с Усманом по одному требованию в Мекке. Али настаивал перед Усманом, пока тот не удовлетворил требование, сказав Муслиму: «Если бы не Али, я бы тебе этого не дал». Теперь же Муслим погиб, поддерживая Усмана (аль-Муфид, Джамаль, 393).

из Асада — аз-Зубайр и Абдаллах ибн Хаким ибн Хизам, несший знамя армии Аиши и убитый Ади ибн Хатимом ат-Таи и аль-Аштаром;[171]

из Абд ад-Дар — Абдаллах ибн Мусафи‘ ибн Тальха ибн Аби Тальха;

из Зухры — аль-Асвад ибн Ауф, брат Абд ар-Рахмана ибн Ауфа;[172]

из Махзума — Абд ар-Рахман ибн ас-Саиб ибн Аби ас-Саиб ибн Аиз; Абд ар-Рахман ибн Аби Бурда ибн Ма‘бад ибн Вахб ибн Амр ибн Аиз; Ма‘бад ибн аз-Зухайр ибн Аби Умайя ибн аль-Мугира;

из Тайма — Тальха; его сын Мухаммад; его брат Абд ар-Рахман ибн Убайдаллах ибн Усман; и Абд ар-Рахман ибн Аби Салама ибн аль-Харис;[173]

из Джумаха — Абдаллах ибн Убайй ибн Халаф ибн Вахб; Абдаллах ибн Раби‘а ибн Даррадж ибн аль-Анбас; [174]Абд ар-Рахман ибн Вахб ибн Асид ибн Халаф; и Муслим ибн Амир ибн Хумайль;[175]

из Сахма — один из сыновей Кайса ибн Ади ибн Са‘да, «саййида Курайша своего времени»;

из Амира — Абд ар-Рахман и Амр, сыновья Хумайра ибн Амра ибн Абдаллаха ибн Аби Кайса; Абу Суфьян ибн Хувайтиб ибн Абд аль-Узза ибн Аби Кайс; [176]Убайдаллах ибн Анас ибн Джабир ибн Абада ибн Вахб; и [177]Абдаллах ибн Язид ибн аль-Асамм.[178]

Самые низкие из приводимых цифр потерь — около 2 500 человек в армии Аиши и от 400 до 500 у Али.[179]

Эти числа выглядят правдоподобными.

Наибольшие потери среди басрийцев понесли Дабба и Азд.

Амр ибн Ясриби ад-Дабби, видя, как один за другим гибнут его соплеменники, подбадривал их стихами в размере *раджаз*, призывая не беспокоиться за Аишу.

---

171 Ат-Табари, I, 3202.

172 Среди погибших противников Али нашел также Ма‘бада, сына аль-Микдада ибн аль-Асвада (Амра), союзника Зухры. Аль-Микдад, один из первых принявших ислам, был убежденным сторонником Али еще во время избрания Усмана, а мать Ма‘бада происходила из Хашимитов. Али сурово осудил Ма‘бада за предательство родственных связей, одновременно похвалив его отца (аль-Балазури, Ансаб, II, 264–265; аль-Муфид, Джамаль, 392–393).

173 Упомянут только Халифой (Та’рих, 186); в других источниках не прослеживается.

174 Аз-Зубайри, Насаб, 396; Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XI, 125. Глядя на его тело, Али сказал: «Этот несчастный — вовсе не поддержка Усмана заставила его выступить. Клянусь Богом, Усман невысоко ценил и его, и его отца» (аль-Муфид, Джамаль, 396).

175 Упомянут только Халифой (Та’рих, 186); в других источниках не прослеживается.

176 Согласно сообщению Са‘ида ибн Аби Хинда, Али попытался спасти Абу Суфьяна ибн Хувайтиба, выглядевшего в битве испуганным, предложив ему перейти на свою сторону. Абу Суфьян попытался это сделать, но наступление басрийцев на позиции Али настигло его. Куфиец из Хамдана напал на него и убил, не успев понять приказ Али оставить его в покое (аль-Муфид, Джамаль, 361). Отец Абу Суфьяна Хувайтиб, согласно некоторым сообщениям, присутствовал при погребении Усмана (аз-Зубайри, Насаб, 426; см. гл. 3, прим. 291). Его племянник Мусахик ибн Абдаллах ибн Махрама ибн Абд аль-Узза выжил после битвы; он принес Али извинения и был помилован (аль-Муфид, Джамаль, 413, 416).

177 Аз-Зубайри, Насаб, 434.

178 Там же, 439.

179 Аль-Балазури, Ансаб, II, 264; Халифа, Та’рих, 186; ат-Табари, I, 3232.

Он убил троих сторонников Али: Ильба ибн аль-Хайсама ас-Садуси, Хинда ибн Амра аль-Джамали и Зайда ибн Сухана из Абд аль-Кайс.

И Ильба, и Зайд были известны как давние и убежденные сторонники Али.[180]

Сообщается, что престарелый Аммар встретился в бою с Ибн Ясриби.

Тот ударил его мечом, но клинок застрял в кожаном щите Аммара, а куфийцы осыпали нападавшего стрелами.

Падая на землю, Ибн Ясриби произнес:

Если вы убьете меня, то я — Ибн Ясриби,
тот, кто убил Ильбу и Хинда аль-Джамали,
а затем Ибн Сухана —
последователей религии Али.

Его взяли в плен и привели к Али.

Хотя он просил сохранить ему жизнь, Али приказал казнить его.

Это был единственный пленник Битвы Верблюда, которого Али не помиловал.[181]

Когда его спросили о причине, Али, как сообщается, объяснил, что Ибн Ясриби убил троих людей, называя их приверженцами «религии Али».

Но религия Али, подчеркнул он, была религией Мухаммада.[182]

Вполне возможно, что отказ в помиловании был хотя бы отчасти вызван именно этими стихами.

Али всегда болезненно реагировал на любые намеки на то, что он якобы не следует Корану и примеру Мухаммада вернее всех остальных.[183]

Позднее эта черта подтолкнет его к самой тяжелой ошибке.

Другие сообщения подтверждают, что среди басрийцев действительно существовало понятие «религии Али».

Мухаммад ибн аль-Ханафийя рассказывал, что напал на одного человека, но когда уже собирался пронзить его копьем, тот выкрикнул:

— Я последовал религии Али ибн Аби Талиба!

Ибн аль-Ханафийя понял, что тот хотел сказать, и оставил его в живых.[184]

Когда ход битвы повернулся против басрийского Азда и люди начали бежать, они кричали:

— Мы следуем религии Али ибн Аби Талиба!

---

180 Брат Зайда ибн Сухана Сайхан также погиб в битве. Третий брат, Са‘са‘а ибн Сухан, был заметной фигурой среди сторонников Али и очевидцем, от которого аш-Ша‘би получал сведения о событиях правления Али (Sezgin, Abu Mihnaf, 137; ан-Наджаши, Риджаль, изд. Муса аш-Шабири аз-Занджани, Кум, 1407/[1987], 203). Сообщается, что, узнав после битвы о гибели Зайда, Аиша сказала о нем: «Да помилует его Бог» (Ибн Манзур, Мухтасар, IX, 146).

181 Ат-Табари, I, 3198–3199.

182 Ибн Дурайд, аль-Иштикак, изд. Абд ас-Салам Мухаммад Харун, Багдад, 1399/1979, 413.

183 Леви делла Вида, очевидно, неверно истолковал это объяснение, предположив, что оно отражает ту же тенденцию, что и сообщения о наказании Али Абдаллаха ибн Сабы и его крайних сторонников — гулат (Annali, IX, 142). Здесь речь идет не о проповеди крайних доктрин именем Али, а о приписывании самому Али отклоняющегося от нормы вероучения.

184 Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 711.

Очевидно, это делалось лишь ради спасения жизни.

Позднее один куфиец из Бану Лайс высмеял их в стихах, осуждая столь позорное поведение.[185]

Вероятно, он имел в виду и их притворство — утверждение, будто они сторонники Али, — и саму идею приписывать Али какую-то особую религию.

Таким образом, конфликт имел и религиозное измерение.

На этом этапе выражение *дин Али* — «религия Али» — могло иметь лишь ограниченный смысл: вероятнее всего, утверждение, что Али — лучший из людей после Мухаммада, его преемник — *васи* — и потому наиболее достоин возглавить Общину.[186]

Вероятно, именно это подразумевается в двух строках, которые произнес один старейшина Бану Ади, державший повод верблюда Аиши:

Мы — Ади, мы ищем Али,
с копьями и машрафийскими мечами,
в шлемах и кольчугах из витого железа;
мы убиваем всякого, кто противится преемнику.

Поскольку эти слова произнес шейх Бану Ади, сражавшийся на стороне Аиши, «преемником» здесь не мог быть Али.[187]

Столь же маловероятно, что в рассказ случайно проникли какие-то проалидские стихи, тем более что его передавал Абу На‘ама Амр ибн Иса ибн Сувайд — известный ученый из Бану Ади.[188]

Здесь «преемник» — Абу Бакр, которому, по мнению говорящего, противятся Али и его последователи, воюя против его дочери.

В более поздней традиции Абу Бакра обычно не называли преемником — *васи* — Мухаммада.

Очевидно, термин использован здесь именно как ответ на утверждение противников, что *васи* был Али.[189]

Регулярное сражение мусульман против других мусульман было для ислама совершенно новым явлением.

Али мог бы, следуя прецеденту Абу Бакра, объявить своих противников вероотступниками и неверующими и применить к ним обычные правила войны.

---

185 Ат-Табари, I, 3189–3190.

186 Аль-Балазури, Ансаб, II, 245–246.

187 Так истолковал этот фрагмент Леви делла Вида, переведя сообщение без дальнейшего комментария («Il califfato di ‘Ali secondo il Kitab Ansab al-Asraf di al-BaladurT», Rivista degli Studi Orientali, 6 [1914–1915], 427–507, здесь 444; Annali, IX, 155). Шиитский редактор аль-Балазури, Ансаб, II, отметил неожиданное употребление термина словом кадха — «так [в тексте]».

188 Ибн Хаджар, Тахзиб, VIII, 87.

189 Выражение набтаги Алиян — «мы ищем» или «мы желаем Али» — само по себе двусмысленно. Здесь оно, очевидно, означает: «мы ищем его, чтобы заставить ответить за убийство Усмана». Сравните жалобу Амра ибн Ясриби: «Я бью их, но не вижу Абу Хасана [Али] — вот действительно досада» (ат-Табари, I, 3199).

Но с учетом высокого положения его ведущих противников в исламе подобный вариант едва ли был приемлем.

Перед началом битвы Али приказал:

раненых и пленных противников не убивать;

тех, кто бросил оружие, не трогать;

бегущих с поля боя не преследовать.

Военной добычей могли считаться лишь захваченные оружие и животные.

После сражения он распорядился не обращать в рабство пленных, женщин и детей, а имущество погибших врагов передать их законным мусульманским наследникам.

В качестве возмещения каждому своему воину он выплатил по 500 дирхамов из басрийской казны.[190]

Эти правила позднее стали авторитетной нормой исламского права ведения войны против мусульманских мятежников — *бугат*.

Большинство воинов Али, очевидно, приняли их без возражений.

Но некоторые радикалы поставили его решение под сомнение.

Сообщается, что Али сказал им: если они настаивают на обращении противников в рабство, тогда им придется бросать жребий и за право владения самой Аишей.

Позднее хариджиты превратят этот эпизод в одно из своих обвинений против Али: по их мнению, он нарушил нормы ислама, лишив воинов законной доли добычи.

Пленных Али освободил после того, как они вновь принесли ему присягу.

Еще в день битвы к нему привели пленными сыновей Усмана — Абана и Са‘ида.

Один из присутствующих предложил убить их.

Али укорил его:

— Как я могу убить этих двоих после того, как объявил всеобщее помилование?

Затем он повернулся к пленникам и сказал:

— Оставьте свое заблуждение и отправляйтесь куда пожелаете. Если хотите, можете остаться со мной — я буду чтить наши родственные связи.

Они ответили, что принесут ему присягу, а затем уедут.

Очевидно, после этого оба отправились в Хиджаз.[191]

Сын Тальхи Муса вспоминал, что вечером после битвы среди собранных пленных говорили:

— Завтра Мусу ибн Тальху убьют.

На следующее утро, после первой молитвы, пленных начали вызывать.

Мусу первым привели к Али.

Повелитель правоверных спросил:

— Принесешь ли ты присягу? Присоединишься ли к тому, к чему присоединились остальные?

---

[190] Аль-Балазури, Ансаб, II, 261–262. Многочисленные связанные сообщения приведены у Ибн Аби Шайбы, Мусаннаф, VIII, 707–708, 710–711, 713, 718–721.

[191] Аль-Муфид, Джамаль, 382. Аль-Балазури описывает Абана ибн Усмана как первого человека, бежавшего с поля боя в Битве Верблюда (Ансаб, V, 120).

Он ответил:

— Да.

После присяги Али сказал ему:

— Возвращайся к семье и своему имуществу.

Когда остальные увидели, что Муса вышел невредимым, они охотно стали входить и приносить присягу.[192]

Муса оказался одним из наследников огромного состояния Тальхи.[193]

Мусахик ибн Абдаллах ибн Махрама аль-Амири аль-Кураши рассказывал, что он и группа курайшитов, включая Марвана ибн аль-Хакама, решили принести Али извинения за мятеж против него.

Они поняли, что после Пророка Али проявил себя как самый благородный и снисходительный человек, тогда как они поступили с ним несправедливо.

Али принял их и спросил в речи:

разве он не был ближайшим к Пророку человеком и наиболее достойным править людьми после него?

Когда они согласились, он напомнил:

они отвернулись от него и принесли присягу Абу Бакру;

не желая раскалывать мусульманскую Общину, Али не воспротивился их выбору;

так же он поступил, когда Абу Бакр назначил своим преемником Умара, хотя Али знал, что сам имеет больше прав занять место Посланника Божьего;

затем Умар включил Али в число шести кандидатов на власть, однако они избрали Усмана, а после этого сами же стали критиковать его и в конце концов убили, в то время как Али оставался у себя дома.

И Али спросил:

— Потом вы пришли ко мне и принесли мне присягу так же, как присягали Абу Бакру и Умару. Почему же им вы сохранили верность, а мне — нет?

Они попросили его поступить с ними так, как Юсуф поступил со своими братьями, и простить их, процитировав Коран, 12:92.

Али принял их присягу и отпустил.[194]

Некоторым врагам Али удалось избежать новой присяги.

О Марване источники сообщают противоречиво.

---

192 Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 716. В тексте сообщения имеется лакуна; ср. Ибн Манзур, Мухтасар, XXV, 290–291.

193 Аз-Зубайри, однако, пишет, что после Битвы Верблюда Али посетил Имран ибн Тальха и попросил вернуть ему имущество отца в ан-Наштастадже. Али отнесся к нему благосклонно, попросил Бога помиловать его отца и распорядился вернуть Имрану все имущество вместе с собранным урожаем (Насаб, 281–282). Имран, в отличие от Мусы, был родным братом Мухаммада ибн Тальхи и, возможно, старшим из оставшихся в живых сыновей. Судя по всему, в битве он не участвовал.

194 Аль-Муфид, Джамаль, 413–414, 416–417; ан-Ну‘ман, Шарх аль-ахбар, I, 392–394.

По одним сведениям, получив помилование, Марван сам выразил желание принести присягу, и Али принял ее.[195]

Абу Михнаф, напротив, сообщает, что раненый Марван сначала укрылся у Аназа.

Затем он попросил защиты у Малика ибн Мисма‘ аш-Шайбани, который добился для него помилования от Али.

Когда все жители Басры вновь принесли Али присягу, тот предложил и Марвану сделать то же самое.

Но Марван отказался, напомнив Али, что он уже помилован.

Присягу, заявил он, он даст лишь в том случае, если Али принудит его.

Али ответил ему прямо в лицо:

— Я не стану тебя принуждать. Какую бы присягу ты ни дал, ты все равно ее предашь.

Марван уехал в Сирию к Муавии.[196]

Независимо от того, присягнул он в действительности или нет, Али, очевидно, не питал никаких иллюзий относительно ценности клятвы такого человека, как Марван.

Но то, что он просто позволил ему уйти, показывает, насколько Али не был готов принять новые правила политической игры, которые в результате гражданской войны начали утверждаться в исламе.

Ни Муавия, ни сам Марван наверняка не поколебались бы избавиться от столь опасного и жестокого врага, который только что открыто показал себя, предательски убив одного из ближайших сподвижников Пророка, предварительно грозя гибелью самому Али.[197]

Абдаллах ибн аз-Зубайр, также раненый, как уже говорилось, укрылся в доме человека из Азда.

Он послал весть своей тетке Аише, сообщая, где находится.

Она попросила своего брата Мухаммада привести его.

По дороге двое мужчин грубо бранили друг друга из-за Усмана.

Брат Муавии Утба ибн Аби Суфьян, которому первоначально предоставил защиту Исма ибн Убайр из Бану Тайм аль-Рибаб, также перебрался к Аише.

Али, узнав об этом, не стал вмешиваться.[198]

---

195 См. в особенности сообщение Нафи‘а (Ибн Са‘д, Табакат, V, 26), ошибочно утверждающее, что Марван уехал в Медину и оставался там до прихода Муавии к власти. В сообщении имеются и другие ошибки, и в целом оно выглядит ненадежным. Согласно рассказу шиитского имама Джа‘фара ас-Садика, сам Марван позднее говорил его деду Али ибн аль-Хусайну, что добровольно принес присягу Али, который разрешил ему отправиться куда пожелает (аль-Балазури, Ансаб, II, 262–263).

196 Аль-Балазури, Ансаб, II, 263.

197 См. экскурс 6 о Мусе ибн Тальхе и Омейядах.

198 Аль-Балазури, Ансаб, II, 263–264, со ссылкой на Абу Михнафа. Согласно собственному рассказу Абдаллаха ибн аз-Зубайра, он отправил хозяина дома, где первоначально скрывался, к Аише, поручив ему не попадаться на глаза Мухаммаду ибн Аби Бакру. Хозяин сообщил Аише о своих опасениях, но она велела ему позвать своего брата, а затем попросила того привести племянника. Ибн аз-Зубайр сначала испугался при виде Мухаммада и начал его проклинать. Но Мухаммад успокоил его, объяснив, что пришел по поручению Аиши. В доме Аиши Ибн аз-Зубайр услышал, как Усмана открыто проклинают, и решил не

Вероятно, ни один из них не принес ему присяги.

Вскоре Утба добрался до своего брата в Дамаске.

Неизвестно, присягнул ли Али Абдаллах ибн Амир ибн Курайз.

Он хорошо знал Басру и имел там множество друзей, поэтому ему, вероятно, не составило труда спрятаться и бежать.

Он тоже отправился в Сирию.[199]

В проповеди к басрийцам Али сурово укорил их за то, что именно они первыми из его подданных нарушили присягу и раскололи единство Общины.

Однако он простил их и предостерег от новой *фитны*.

После этого басрийцы вновь принесли ему присягу.

Али написал Каразе ибн Ка‘бу, своему наместнику в Куфе, сообщив о победе и похвалив куфийцев.[200]

Готовясь отправиться в Куфу, он назначил Абдаллаха ибн аль-Аббаса наместником Басры, а Зияда ибн Убайда — Ибн Абих — его секретарем.[201]

Возможно, примерно тогда же Али назначил Умара ибн Аби Саламу наместником Бахрейна, а Кусама ибн аль-Аббаса — наместником Мекки.

Последний, однако, не упоминается среди участников Битвы Верблюда; возможно, Али направил его из Медины или ар-Рабазы уже после того, как курайшитские мятежники покинули Мекку.

Назначение Абдаллаха ибн аль-Аббаса вызвало недовольство аль-Аштара, надеявшегося, что за решающую роль в сражении наместничество достанется ему.[202]

Очевидно, роптали и те, кто критиковал привилегированное положение Курайша: теперь сразу трое хашимитских родственников Али занимали посты наместников.

оставаться в городе, где это допускается. Он взял верблюда у своего спутника — вероятно, хозяина дома — и покинул Басру, обходя вооруженные патрули. Затем он заметил человека, который тоже старался не попадаться на глаза. Это оказался его друг Абд ар-Рахман ибн аль-Харис ибн Хишам. Дальше они увидели человека с конем, которого Ибн аз-Зубайр узнал как коня своего отца. Он хотел убить этого человека, но Абд ар-Рахман посоветовал не спешить, поскольку тот все равно от них не уйдет. Оказалось, что это раб аз-Зубайра. На вопрос Абдаллаха, где находится его отец, раб ответил, что не знает. Тогда, по словам самого Абдаллаха, он понял, что отец погиб (аль-Муфид, Джамаль, 362–363).

199 Панегирическое сообщение Ибн Асакира изображает Абдаллаха ибн Амира перед битвой убеждавшим аз-Зубайра отказаться от похода и тем самым спасти Общину Мухаммада. Когда аз-Зубайр не прислушался к его совету, Ибн Амир якобы отправился в Сирию, не участвуя в сражении (Ибн Манзур, Мухтасар, XII, 288). Это крайне неправдоподобно: Абдаллах ибн Амир едва ли оставил бы собственного сына сражаться и погибнуть, сам спасаясь бегством. Тот же источник ошибочно утверждает, будто Ибн Амир не присутствовал при Сиффине.

200 Аль-Балазури, Ансаб, II, 264. Текст письма, цитируемого аль-Муфидом, Джамаль, 403–404, вероятно, подложный. Указанная дата — раджаб 36 г. х. / декабрь 656 — январь 657 года — не может быть правильной.

201 Аль-Балазури, Ансаб, II, 271.

202 Ат-Табари, I, 3162; некоторые различия см. у Ибн Аби Шайбы, Мусаннаф, VIII, 706. Аль-Аштар якобы заметил: «Ради чего тогда мы убили старика в Медине?» — и призвал своих соплеменников Мазхидж уйти вместе с ним. Маловероятно, что он намеревался перейти к Муавии, как предположил передатчик Кулайб аль-Джарми. По словам Кулайба, Али ускорил собственный отъезд, чтобы не дать аль-Аштару уйти отдельно со своими людьми.

Али заверил аль-Аштара, что тот нужен ему для борьбы с сирийцами, среди которых было немало его соплеменников.

Покидая Басру, Али до Маукы сопровождали городские знатные люди.

Аль-Ахнаф ибн Кайс и Шарик ибн аль-А‘вар аль-Хариси из Дахи ибн Ка‘б продолжили путь вместе с ним в сторону Куфы, хотя источники расходятся в том, насколько далеко они его сопровождали.[203]

По словам аш-Ша‘би, Али вошел в Куфу в начале раджаба 36 года хиджры / 24 декабря 656 года, а [204]по сведениям Абу аль-Кануда — в понедельник, 12 раджаба / 2 января 657 года, [205]то есть менее чем через месяц после битвы.

Он отказался жить во дворце наместника, назвав его «дворцом порока» — *каср аль-хабаль*, — и предпочел остановиться у своего племянника Джа‘ды ибн Хубайры аль-Махзуми.[206]

В своей первой проповеди Али подверг резкой критике тех, кто не присоединился к его войску.

Са‘ид ибн Кайс аль-Хамдани и Сулейман ибн Сурад аль-Хузаи — два его близких сторонника — получили от него личный выговор за то, что остались в стороне.[207]

Муавия и Сиффин

Уладив в свою пользу конфликт с мекканскими курайшитами, Али теперь мог обратить внимание на Муавию. Хотя со времени его вступления на престол прошло уже семь месяцев, никаких отношений с наместником Сирии по-прежнему установлено не было. Позднейшим авторам, которые смотрели на правление Али прежде всего сквозь

---

203 Аль-Балазури, Ансаб, II, 271.

204 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 80. Утверждение аш-Ша‘би, что Али оставался в Куфе 17 месяцев, обмениваясь письмами с Муавией и Амром ибн аль-Асом, следует понимать так: переписка продолжалась до конца 37 г. х. / июня 658 года, когда Али выступил во второй поход против них, а не так, будто он непрерывно находился в Куфе весь этот период.

205 Там же, 3; христианская дата скорректирована так, чтобы она соответствовала понедельнику. Альтернативная дата, приводимая аль-Балазури (Ансаб, II, 273), — рамадан 36 г. х. / февраль–март 657 года, вероятно восходящая к аз-Зухри (см. там же, 293, прим. 1), — слишком поздняя. Из сообщений создается впечатление, что Али пробыл в Басре совсем недолго. Более ранняя дата аш-Ша‘би выглядит вполне правдоподобно.

206 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 3, 5. Мать Джа‘ды, Умм Хани, была сестрой Али (аз-Зубайри, Насаб, 39; аль-Балазури, Ансаб, II, 41). В рассказе Абу Михнафа о возвращении Али в Куфу после Сиффина говорится, что он вошел во дворец (ат-Табари, I, 3349). Однако в рассказе аль-Балазури об убийстве Али, основанном на аль-Вакиди, Абу Михнафе и Аване, прямо утверждается, что Али жил не во дворце, а в домах с деревянными крышами — ахсас — на площади, известной как Рахбат Али (аль-Балазури, Ансаб, II, 492). Возможно, дворец использовался им только для церемониальных целей.

207 Аль-Балазури, Ансаб, II, 272–274; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 4, 6–7. Сулейман ибн Сурад рассказывал, что пожаловался аль-Хасану на то, что тот не передал его оправдания отцу должным образом. Аль-Хасан ответил, что Али укоряет Сулеймана, хотя сам Али во время битвы выражал сомнения из-за того, что оказался ответственным за столкновение двух враждебных лагерей. Согласно другому сообщению, аль-Хасан сказал Сулейману ибн Сураду, что во время сражения Али высказал желание умереть двадцатью годами раньше (аль-Балазури, Ансаб, II, 272–273; на с. 272 следует читать би-мр?ин вместо би-амрин кад). Эти сообщения отражают неприятие аль-Хасаном самого сражения.

призму его борьбы с Омейядами, такая задержка казалась совершенно неправдоподобной, и они сочинили различные истории о якобы имевших место ранних контактах.

Сайф рассказывал, будто Али назначил Сахля ибн Хунайфа своим наместником в Сирии, но, когда тот достиг Табука, сирийская пограничная стража повернула его назад, поскольку назначил его не законный халиф Усман. [208]Другие придумали истории, призванные продемонстрировать хитроумие Муавии: тот якобы ответил на попытки Али установить контакт пустым листом бумаги, на котором стоял лишь адрес: «От Муавии ибн Абу Суфьяна — Али ибн Абу Талибу».[209]

В действительности после беседы с Ибн Аббасом Али, безусловно, понимал, что разговаривать с Муавией сможет лишь с позиции силы. В то же время угроза его халифату со стороны Аиши, Тальхи и аз-Зубайра явно казалась ему куда серьёзнее. Муавия, принявший ислам поздно и не имевший ранних заслуг перед новой верой, едва ли мог тогда претендовать на халифат и не располагал возможностью самостоятельно выступить против Али.

Муавия поначалу тоже считал наиболее выгодным наблюдать за развитием событий и не связывать себе руки.

Однако к нему присоединился брат Усмана — аль-Валид ибн Укба, который настойчиво требовал немедленно отомстить за кровь халифа. После унизительного наказания за пьянство аль-Валид в гневе обратился к Бану Умайя, заявив, что разрывает с ними родственные узы из-за отсутствия семейной солидарности.[210]

Не потому ли он оставил брата в час нужды?

Теперь, во всяком случае, аль-Валид увидел возможность вновь сплотить своих омейядских родственников, выступить их поэтическим глашатаем и заодно свести счёты со множеством личных врагов.

Первое его поэтическое увещевание Муавии и сирийцам, вероятно, звучало так:

Клянусь Богом, Хинд вам больше не мать,
если минует день, а мститель
не отомстит за Усмана.
Неужели раб народа убьёт господина своего дома,
а вы не убьёте его?
Лучше бы ваши матери были бесплодны!

---

[208] Ат-Табари, I, 3087.

[209] Аль-Балазури, Ансаб, II, 211–212. В версии, переданной Абу Михнафом «и другими», посланником Али к Муавии назван аль-Мисвар ибн Махрама. В действительности аль-Мисвар, солидаризируясь с курайшитами, не принёс Али присягу и, по-видимому, оставался в Мекке всё время его халифата. В этой версии Али лишь пытается склонить Муавию к присяге. Другая версия, переданная Вахбом ибн Джариром со слов Салиха ибн Кайсана, описывает Али как человека, пытавшегося подкупить Муавию обещанием сохранить его на посту наместника.

[210] Аз-Зубайри, Насаб, 139; Ибн Шабба, Тарих аль-Мадина, 974.

Если мы убьём их, никто не сможет по праву
потребовать за них кровной мести —
колесо судьбы повернулось против вас.[211]

Под «рабом народа» подразумевался Амр ибн аль-Ас, а теми, кого предлагалось убить вместе с ним, были египетские мятежники, которые, как предполагал аль-Валид, действовали в интересах своего бывшего наместника.

Назвать Амра рабом, убившим своего господина, было подходящим ответом на давнее состязание в похвальбе между Амром и Усманом относительно благородства их отцов.

Мать Амра, ан-Набига, действительно была рабыней и проституткой. Широко ходило мнение, что настоящим отцом Амра являлся омейяд Абу Суфьян, который оспаривал своё отцовство у сахмита аль-Аса ибн Ваиля.

Говорили, что ан-Набига признала отцом аль-Аса, поскольку тот щедро содержал её, тогда как Абу Суфьян был известен своей скупостью. Однако внешне Амр больше всего походил именно на Абу Суфьяна.[212]

Обращаясь к Муавии как к сыну Хинд — гордой омейядской матери Муавии, — аль-Валид тем самым стремился вбить клин между ним и незаконнорождённым сводным братом, простым «рабом Умайи».

У аль-Валида были и личные счёты с Амром: тот осмелился развестись с его сестрой, демонстрируя гнев из-за того, что Усман снял его с должности.

Примерное наказание Амра, удалившегося в своё палестинское поместье, было бы для Муавии также самым удобным способом показать и своё право, и свою решимость отомстить за убитого халифа.

Примерно тогда же аль-Валид написал стихотворение своему брату Умаре, жившему в Куфе. По-видимому, аль-Валида раздражало, что брат оставался в городе, откуда самого его когда-то изгнали при позорных обстоятельствах, даже после того как куфийцы восстали против Усмана.

Он хотел заставить Умару примкнуть к омейядской коалиции, которую надеялся собрать вокруг Муавии:

За Усмана, которого я потерял, мне дали Амра;
пусть Бог рассудит господина и сторонников Амра!
Воистину, лучший из людей после троих —
тот, кого убил туджибит, пришедший из Египта.

---

211 Агани, IV, 177.

212 См. Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, VI, 284–285, где цитируется Китаб аль-Ансаб Абу Убайды. Отцовство Абу Суфьяна в отношении Амра ибн аль-Аса было предано огласке Хассаном ибн Сабитом в сатире, написанной в ответ на насмешки Амра над Пророком. Сообщение, которое Ибн Аби-ль-Хадид приводит из Раби аль-абрар аз-Замахшари, о шести мужчинах из главных кланов курайшитов, включая Абу Лахаба, претендовавших на отцовство, очевидно является поздним клеветническим развитием темы.

Если меня не обманывает моё мнение
о сыне моей матери, Умаре,
он не станет искать кровной мести и воздаяния.
Он останется там, хотя долг отомстить за Ибн Аффана
лежит на нём,
разбив шатёр между аль-Хаварнаком и аль-Касром.[213]

И здесь Амр ибн аль-Ас представлен человеком, ответственным за убийство халифа. Именно его египетские сторонники — прежде всего туджибит Кинана ибн Бишр — убили Усмана.

Утверждение аль-Валида, что Усман был лучшим из людей после Мухаммада, Абу Бакра и Умара, вызвало ответ с другой стороны.

Ат-Табари приписывает его аль-Фадлю ибн Аббасу, правнуку дяди Мухаммада Абу Лахаба, однако куда вероятнее, что автором был отец аль-Фадля — аль-Аббас ибн Утба ибн Абу Лахаб.

Как уже отмечалось, аль-Аббас ибн Утба был женат на Амине, дочери аль-Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, и, по всей видимости, в то время выступал поэтическим глашатаем Бану Хашим — подобно тому как аль-Валид ибн Утба был глашатаем Бану Умайя.

Он ответил аль-Валиду:

Ты требуешь мести, на которую не имеешь права,
и которая тебе не принадлежит?
Где сын Заквана, варварский раб из Саффурии,[214]
а где Амр?
Он подобен дочери осла, что льнёт к матери
и забывает отца,
когда пытается состязаться в благородстве со славными.
Воистину, лучший из людей после Мухаммада —
преемник Пророка Избранного,
для тех, кто способен это понять;
первый, кто совершил молитву,
и брат своего Пророка,
первый, кто сразил заблудших при Бадре.

---

213 Ат-Табари, I, 3064; Ибн Бакр, Тамхид, 209. В версии ат-Табари отсутствует первая строка, из-за чего приписываемый там аль-Фадлю ибн аль-Аббасу ответ выглядит немотивированным. Ещё одна строка стихотворения приводится у Ибн Манзура, Мухтасар, XXVI, 247.

214 Закван ас-Сафури. Дед аль-Валида Закван, по мнению некоторых генеалогов, был клиентом Умайи, усыновлённым им. По аль-Кальби, Закван был сыном еврейской рабыни из Лахма в Саффурии близ Тивериады, с которой Умайя вступил в незаконную связь. Умайя признал его сыном и забрал у матери. Поэтому аль-Валида ибн Укбу в одном из хвалебных состязаний называют «варваром из Саффурии».

Если бы ансары увидели,
что вашему двоюродному брату причиняют несправедливость,
они охотно защитили бы его.
Но достаточно позора уже в том,
что они сами подали знак убить его
и выдали его чёрным ордам из Египта.[215]

Муавия, разумеется, вовсе не собирался следовать совету своего разгневанного родственника.

На данном этапе для него важнее всего было удержать Сирию.

Усман значил для него немного. Муавия ничего не сделал, чтобы помочь ему, и не чувствовал личной обязанности мстить за его смерть.

Однако он мгновенно понял политическую пользу лозунга мести за кровь несправедливо убитого халифа — при условии, что сам Муавия сможет решать, на кого возложить вину.

Мухаммада ибн Абу Хузайфу и египетских мятежников, имевших неосторожность пройти через его владения, он вполне мог заключить под стражу.

Но Амр ибн аль-Ас был совсем иным случаем.

Муавия отнюдь не был уверен, что за «раба, убившего своего господина», как выразился аль-Валид, действительно никто не станет требовать кровной мести.

Он знал, что Аиша поддерживала Амра в его конфликте с Усманом, и меньше всего хотел поссориться с Матерью правоверных.

Кроме того, Амр теперь не представлял для него угрозы и вскоре мог оказаться полезным.

Небольшое давление, однако, могло лишь пойти на пользу.

Муавия оставил Амра в покое в его палестинском поместье, но не стал мешать аль-Валиду продолжать свою вендетту.

Амр ибн аль-Ас почувствовал, как вокруг него становится жарко.

Когда он впервые узнал об убийстве Усмана, то, как сообщалось, с гордостью приписал себе часть заслуги, похваляясь:

«Я — Абу Абдаллах! Если уж я расчешу язву, то сдеру корку прежде, чем она успеет зажить».[216]

Но теперь он понял: когда официальный поэтический представитель Омейядов требует за него кровной мести, к этому нельзя относиться легкомысленно.

Амр начал ёрзать и быстро сменил тон.

В стихотворении, адресованном Муавии, он отмежевался от египетских мятежников, которых подозревали в действиях от его имени.

---

215 Ат-Табари, I, 3065.

216 Аль-Балазури, Ансаб, V, 74.

До нас, писал он, дошли страшные известия, настолько тяжёлые, что верблюды гонцов хромали под их бременем. Совершили всё это люди из самой низкой черни, и если с ними не расправиться решительно, положение станет лишь хуже.

Поэтому Амр публично заявлял: эти люди совершили против «нас» преступления, пламя которых можно погасить лишь убив их всех — или изгнав в [217]пустыню.

Муавия, говорил он, обязан предать огласке их вину в двух преступлениях — убийстве Усмана и захвате Египта.

Муавия, не закрывай глаз!
Встань в стременах этого дела:
поступи справедливо — или уйди.
Третьего пути нет.
Возьмёшься ли ты за великое дело
и ухватишь ли за чуб возможность
в эти мерзостные времена?[218]

«Великое дело», за которое Амр призывал взяться Муавию, заключалось в завоевании Египта — и Амр, несомненно, рассчитывал сыграть там роль, которую считал для себя естественной.

В другом стихотворении, предназначенном уже для широкой публики, особенно для сирийцев, Амр вновь говорил о тяжких событиях, известия о которых дошли до него и которые он полностью признавал достоверными, поскольку, по его словам, заранее всё предвидел.

Он утверждал, что аз-Зубайр и Тальха выпустили стрелу, разрушившую опору народа — Усмана, — а Али руководил их делами.

Разве Али убьёт убийцу или хотя бы остановит его?

Как можно надеяться, что он поможет убитому, если ещё раньше покинул «нашего Усмана»?

Теперь, предсказывал Амр, Али сотрёт следы преступления ради убийц и будет ходить за ними босиком или в сандалиях — как им только угодно.[219]

Эти строки, очевидно, относятся к раннему времени, ещё до восстания Тальхи и аз-Зубайра вместе с Аишей.

Поэтому Амру пока не приходилось выбирать между ними и Али, и он мог представить трёх выдающихся сподвижников участниками единого заговора с целью убийства «нашего Усмана», а Али — человеком, теперь скрывающим их общее преступление.

---

217 Амр, возможно, добавил более мягкую альтернативу — изгнание, предполагая, что Муавия не захочет казнить Мухаммада ибн Абу Хузайфу, приходившегося двоюродным братом по матери его жене Фахите.

218 Ибн Асакир, Усман, 308.

219 Ибн Бакр, Тамхид, 180.

Сам Амр, принявший ислам исключительно из соображений выгоды, никогда особенно не заботился ни об одном из них.

По меньшей мере, теперь можно было сказать, что они оказались глупцами: не озаботились алиби заранее, как сделал он сам благодаря своей мудрой политической предусмотрительности.

Амр понимал, что аз-Зубайр для Омейядов приемлемее двух остальных. Но разве Умар не отправил аз-Зубайра в Египет лишь для того, чтобы лишить самого Амра славы единственного завоевателя страны и наблюдать за его действиями?

Нет, Амр вовсе не хотел видеть аз-Зубайра халифом и потому первым назвал его среди убийц.

Почему бы ему, Амру, и Муавии не поделить между собой плоды мусульманских завоеваний, вместо того чтобы отдавать лучшую их часть какому-нибудь благочестивому номинальному правителю в Медине?

Амр был уверен, что довод хорош и понравится Муавии, хотя тот, возможно, ещё не был готов принять его.

Муавия, несомненно, внимательно слушал.

Но не последовал ни одному из двух советов Амра.

И пока не пригласил нового сторонника «нашего Усмана» ко двору.

Наверное, у всех ещё звучало в ушах последнее язвительное предупреждение Усмана: с тех пор как он снял Амра с должности, его джубба полна вшей.

Тем временем драма столкновения великих сподвижников в Хиджазе продолжалась, и аль-Валид ибн Укба увидел возможность ещё шире раскинуть сеть своей вендетты.

Теперь Али стал уязвим, и омейядский придворный поэт с удовольствием присоединился к мекканскому хору, объявлявшему его главным виновником.

Аль-Валид ненавидел Али, пожалуй, даже сильнее Амра, считая именно его ответственным за наказание плетьми за пьянство.

Однако полностью снять вину с Амра он пока тоже не собирался.

В одном стихотворении аль-Валид обращал внимание слушателей на раскол среди ансаров и курайшитов, вызванный шайкой, в которой высокое место занимали аз-Замим и его спутник.

Аз-Замимом был Мухаммад ибн Абу Бакр, а его спутником — Амр ибн аль-Ас.

Как мы увидим, аль-Валид тесно связывал этих двоих, намекая, что сын Абу Бакра действовал от имени Амра, разжигая смуту в Египте.

Поскольку Аиша поддерживала Амра в его конфликте с Усманом, такое предположение, возможно, не было совершенно беспочвенным.

Третьим важным членом шайки, продолжал аль-Валид, был

Спутник Усмана, который подал знак убить его,
пока его скорпионы — злые наветы —
ежедневно ползли к нам.

Разве не видите вы, как Али [220]сегодня выставляет напоказ оправдания,
тогда как внутри него скрывается преступление, которое он совершил?
Мне по душе Кааб, Зайд ибн Сабит, Тальха
и ан-Нуман — да не будет сломана его холка!
Они удерживали тех, кто порицал Усмана,
а самый достойный порицания
из сыновей разных матерей — тот, кто порицает его.[221]

Таким образом, превращая Али в руководителя заговора, аль-Валид умудрился заодно вписать имя Тальхи в число трёх давних мединских сторонников Усмана — Кааба ибн Малика, Зайда ибн Сабита и ан-Нумана ибн Башира, уже присоединившихся к Муавии.

Тальха, наиболее яростный критик Усмана среди ранних сподвижников, после своей резкой перемены позиции внезапно получал безупречное прошлое: будто он сдерживал критиков халифа.

Тем самым Муавии и сирийцам давали понять, что им следует сотрудничать с Тальхой в его борьбе против Али.

Но Муавия снова не спешил следовать советам горячего родственника.

Тот факт, что Аиша и Тальха сделали ставку на Басру вместо того, чтобы присоединиться к нему, вызывал подозрение.

Правда, Аиша когда-то рекомендовала Муавию Усману и настаивала, чтобы тот, назначенный ещё Умаром, оставался наместником Дамаска.

Но согласится ли Тальха — человек надменный и уверенный в себе — терпеть полунезависимого омейядского правителя этой ключевой провинции, если сам придёт к власти?

Возможно, с Тальхой Муавии в итоге оказалось бы ничуть не лучше, чем с Али.

Поэтому он предпочёл написать аз-Зубайру и пригласить его в Дамаск, даже если тем самым пришлось бы расколоть антиалидскую коалицию.

Несмотря на кажущееся равнодушие Муавии к его увещеваниям, аль-Валид теперь был уверен, что вендетта движется по правильному пути.

В другом стихотворении, написанном примерно в то же время, он угрожал:

Так скажите [222]Амру и аз-Замиму:
вы оба поступили неправедно,
убив Ибн Аффана, хотя никто из ваших не был убит,

---

220 В тексте вместо Али стоит «Дулайм» — Аммар. Вероятно, эта замена была произведена Сайфом ибн Умаром. По смыслу в обоих случаях должен быть Али. Аммар меньше всех был склонен оправдываться за убийство Усмана, тогда как Али действительно дистанцировался от какой-либо причастности.

221 Ибн Асакир, Усман, 552–553; Ибн Бакр, Тамхид, 205–206.

222 Чтение фа-килла вместо кула. Начало фрагмента, вероятно, утрачено.

и обвинив Абу Амра — Усмана —
во всяком тяжком проступке
без основания, кроме пустых слухов.
И вот вы здесь — а Бог непременно исполнит Свою волю, —
не получив от своих обвинений ни гроша.
Если вы отрубили себе носы из-за сына Арвы[223]
и совершили недоброе дело,
то мы — пока вы остаётесь жалкой шайкой,
несущей бремя ненависти и кровной мести —
будем наблюдать за вами днём и ночью
взглядом, проникающим в то, что скрыто в сердцах,
пока не увидим того, что порадует глаз
и утолит палящую жажду.
Говорят, Али [224]*укрылся в глубине своего дома,*
но и это было недоброе дело;
ведь его местонахождение не было тайной,
и он прекрасно знал, что произошло.
Если бы он сказал: «Оставьте его»,
они вложили бы мечи в ножны
и отошли с вечной печалью в груди.
Но он закрыл глаза; его путь был их путём,
а беззаконие — худший из путей.
И потому каждый из них должен нам долг вины,
который мы взыщем,
а вина Али перед ним — вовсе не мала.[225]

Победа Али при Басре подтолкнула Муавию к действиям.

Он не питал иллюзий относительно решимости Али сместить его с поста наместника и столь же твёрдо намеревался удержать то, что после своего брата Язида считал наследственным владением Суфьянидов.

Присутствие Али в Ираке и непрочное положение Кайса ибн Сада в Египте создавали для Муавии угрозу нападения с двух направлений.

Он усилил пропаганду, обвиняя Али в убийстве Усмана, и написал наместнику Египта, надеясь угрозами и обещаниями переманить того на свою сторону.[226]

---

223 Арва — мать Усмана и аль-Валида.

224 Здесь и в последней строке также вместо Али стоит «Дулайм», хотя по смыслу явно имеется в виду Али.

225 Ибн Бакр, Тамхид, 206–207. Более короткая версия стихотворения приводится аль-Джахизом и приписывается Яхье ибн аль-Хакаму, младшему брату Марвана. Эта атрибуция почти наверняка ошибочна.

226 Сахль ибн Сад сообщает, что Муавия написал Кайсу, когда Али уже находился в Куфе. Это, по-видимому, слишком поздняя дата, если учитывать события, предшествовавшие замене Кайса Мухаммадом ибн Абу Бакром.

Муавия обвинил Кайса в том, что тот был одним из подстрекателей восстания, и потребовал покаяться — «если покаяние за убийство верующего вообще может принести пользу».

Что же касается господина Кайса — Али, — Муавия, по его словам, установил, что именно тот побуждал людей восстать против Усмана и склонял их к его убийству.

Никто из знатных людей племени Кайса, утверждал он, в сущности, не был невиновен в крови Усмана.

Однако если Кайс присоединится к требованию отомстить за кровь Усмана и последует за Муавией, то после победы Муавии власть над «двумя Ираками» — Куфой и Басрой — будет принадлежать Кайсу до конца жизни, а Хиджазом станет править один из его родственников, которого он сам выберет.

Кайс ибн Сад не хотел провоцировать нападение сирийцев на Египет и ответил на обман Муавии собственным обманом.

Он вежливо отмежевался от убийства Усмана, заявил, что ничего не знает об участии своего господина, и утверждал, что его собственное племя первым поднялось на защиту халифа.

Предложение Муавии последовать за ним и обещанная награда, писал он, заслуживают тщательного размышления.

А пока Кайс обещал не нападать на Муавию и не причинять ему неприятностей — до дальнейшего решения.

Муавия понял, что Кайс тянет время, и снова перешёл к угрозам.

Таких, как он, писал Муавия прямо, обманом не проведёшь: людей у него больше, а поводья коней — в его руках.

Но к этому времени Муавия, очевидно, испытывал уже достаточно сильное давление с востока, и Кайс позволил себе ответить столь же прямо.

Неужели Муавия настолько заблуждается, что думает купить его и заставить покинуть того, кто более всех достоин власти, наиболее правдив и верен правильному пути, ближе всех к Посланнику Божьему, — ради повиновения тому, кто дальше всех от законной власти, наиболее вероломен и заблудился, дальше всех от Бога и Его Посланника?

Муавия оставил надежду переманить Кайса ибн Сада.[227]

Тогда он подделал письмо якобы от Кайса к самому себе, в котором наместник Али объявлял о покорности Муавии и безоговорочной поддержке войны во имя мести за несправедливо убитого имама правильного пути.

Муавия распространил это письмо среди своих военачальников.

Али, узнав о нём от шпионов, был расстроен и не поверил известию. Он созвал сыновей и племянника Абдаллаха ибн Джафара на совет.

Абдаллах посоветовал сместить Кайса, но Али возразил, что не верит в эту историю.

Затем пришло письмо самого наместника, где тот объяснял свои практические договорённости с усманитскими мятежниками, собравшимися в Харбите.

---

[227] Ат-Табари, I, 3238–3241; аль-Балазури, Ансаб, II, 390–391.

Абдаллах увидел в этом подтверждение своих подозрений и предложил приказать Кайсу сражаться с мятежниками.

Когда Али так и сделал, наместник ответил, указав на безрассудство нападения на мирных людей: после этого они неизбежно объединятся с врагом.

Тогда Абдаллах ибн Джафар вновь посоветовал Али снять Кайса и отправить вместо него Мухаммада ибн Абу Бакра — единоутробного брата самого Абдаллаха, который, по его словам, сумеет разобраться с этими людьми.

Он слышал, что Кайс говорил: правление, требующее убить его родственника Масламу ибн Мухаллада, не может быть хорошим.

В конце концов Али сместил Кайса и отправил вместо него сына Абу Бакра.[228]

Грамота о назначении была составлена Убайдаллахом ибн Абу Рафи 1 рамадана 36 года хиджры — 21 февраля 657 года.[229]

Это решение оказалось неудачным.

Мухаммад ибн Абу Бакр, по-видимому, без труда добрался до Египта, пройдя через владения Муавии.

Кайс спросил его, не настроил ли кто-нибудь Повелителя правоверных против него, но Ибн Абу Бакр это отрицал и заверил Кайса, что тот может оставаться в Египте.[230]

Кайс, однако, был оскорблён и уехал в Медину.

Там к нему пришёл Хассан ибн Сабит.

Как уже отмечалось, Хассан раньше вместе с Каабом ибн Маликом и ан-Нуманом ибн Баширом присоединился к Муавии в Дамаске.

Два поэта из ансаров сочинили там длинные произведения, упрекая мединцев в том, что они не защитили Усмана, и угрожая им местью.

Однако возлагать вину на Али они отказывались.

По мере того как сирийцы всё сильнее давили на них, требуя присоединиться к общему хору обвинений против двоюродного брата Пророка, Хассан, как сообщается, добавил к одному стихотворению строку:

О, если бы птицы поведали мне,
что произошло между Али и Ибн Аффаном![231]

Возможно, именно это давление побудило Хассана, остававшегося сторонником Усмана, покинуть Муавию и вернуться в родной город.

Он намекнул Кайсу ибн Саду, что Али неблагодарно снял его с должности после того, как Кайс якобы навлёк на себя вечную вину участием в убийстве Усмана.

---

228 Ат-Табари, I, 3243–3245. Параллельный рассказ аз-Зухри менее надёжен. Аз-Зухри ошибочно утверждает, что Али сначала отправил аль-Аштара заменить Кайса; в действительности миссия аль-Аштара относится к более позднему времени, после Сиффина.

229 Там же, 3247.

230 Кайс ибн Сад был женат на Курайбе бинт Абу Кухафа, тётке Мухаммада ибн Абу Бакра по отцу.

231 По Ибн Абд аль-Барру, строка была добавлена сирийцами. См. также Диван Хассана, II, 92.

Кайс в гневе выставил его за дверь и присоединился к наместнику Али Сахлю ибн Хунайфу, который отправлялся к Али для участия в битве при Сиффине.[232]

Когда Сахль покинул Медину, Али передал управление городом Кусаму ибн аль-Аббасу, уже бывшему наместником Мекки.[233]

После прибытия в Куфу Али назначил аль-Аштара наместником Мосула, Насибина, Дары, Синджара, Хита, Аната и всех земель Верхней Месопотамии — аль-Джазиры, — которые тот сумеет завоевать.

Западные города провинции — Харран, ар-Ракка, Эдесса и Каркисия — прочно находились под властью Муавии и служили убежищем многочисленным сторонникам Усмана, бежавшим из Басры и Куфы.

В ар-Ракке, где поселился аль-Валид ибн Укба, командовал Симак ибн Махрама из Бану Амр ибн Асад — беглец из Куфы, которого поддерживали семьсот соплеменников.[234]

Против аль-Аштара Муавия сначала отправил ад-Даххака ибн Кайса аль-Фихри.

Когда аль-Аштар двинулся на Харран, ад-Даххак объединился с Симаком, и они встретились с аль-Аштаром у Мардж Марина между Харраном и ар-Раккой.

Битва продолжалась до вечера, а ночью ад-Даххак отступил в укреплённый Харран.

Аль-Аштар преследовал сирийцев, но те отказались дать новое сражение.

Тогда Муавия отправил конный отряд под командованием Абд ар-Рахмана ибн Халида ибн аль-Валида.

Аль-Аштар отошёл и, обнаружив, что ар-Ракка и Каркисия также укреплены, вернулся на свою территорию.[235]

Вскоре после прибытия в Куфу Али потребовал присяги от Джарира ибн Абдаллаха аль-Баджали и аль-Ашаса ибн Кайса аль-Кинди — наместников Усмана соответственно в Хамадане и Азербайджане — и отозвал их.

Оба были выдающимися вождями, поэтому существовали сомнения, принесут ли они присягу Али.

Джарир сделал это немедленно.

Аль-Ашас, чья дочь была замужем за старшим сыном Усмана, Амром, был недоволен требованием Али отчитаться за казну Азербайджана и, как сообщается, даже подумывал перейти к Муавии.

Однако соплеменники убедили его остаться в Куфе.[236]

---

232 Ат-Табари, I, 3245; аль-Балазури, Ансаб, II, 392. В ряде других сообщений утверждается, что Кайс покинул Медину и присоединился к Али из-за угроз его жизни со стороны Марвана и аль-Асвада ибн Абу-ль-Бахтари. Каэтани принял эту версию, но автор считает, что оснований сомневаться в твёрдой поддержке Али Медины нет.

233 Аль-Балазури, Ансаб, II, 300. Сахль ибн Хунайф писал Али, что некоторые люди переходят к Муавии, и просил разрешения присоединиться к халифу. Али разрешил ему.

234 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 146. Аль-Балазури упоминает также нескольких усманитских беженцев из Джуфи.

235 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 12–14.

236 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 21; аль-Балазури, Ансаб, II, 296. Сообщается, что Усман позволял аль-Ашасу ибн Кайсу ежегодно брать 100 000 дирхамов из земельного налога Азербайджана для личного пользования.

Несколько куфийских кланов кинда, остававшихся сторонниками Усмана, после появления Али в Куфе всё же ушли в Эдессу — ар-Руху.[237]

Когда Али искал подходящего посланника к Муавии, Джарир вызвался сам, поскольку состоял с Омейядом в хороших личных отношениях.

Он уверял, что сможет добиться от Муавии присяги Али при условии, что тот останется одним из его наместников, и ожидал, что сирийцы — многие из которых принадлежали к его собственному народу, — последуют его призыву подчиниться Али.

Аль-Аштар предостерёг Али: Джарира нельзя посылать к сирийцам, поскольку тот склоняется на их сторону.

Али всё же решил отправить его.

Он поручил Джариру передать письмо Муавии и потребовать от него лишь присяги, ясно дав понять, что сохранять его в должности наместника Али не намерен.[238]

В письме Али сообщал Муавии, что публичная присяга, принесённая ему в Медине, обязательна и для Муавии в Сирии.

Присягнули ему те же люди, которые раньше присягали Абу Бакру, Умару и Усману.

Если присутствующие сделали выбор, отсутствующие не могут его отвергать.

Право совещательного выбора — шуры — принадлежит мухаджирам и ансарам.

Если они согласились относительно имама, их выбор угоден Богу, а всякого, кто выступит против него, можно принудить силой вернуться на путь верующих.

Наделяя ансаров правом участия в шуре, Али в некотором смысле возвращался к практике Мухаммада, который ставил мухаджиров и ансаров Медины на равную ступень.

Далее Али писал, что Тальха и аз-Зубайр нарушили принесённую ему присягу.

Это было равносильно отказу от неё, и потому он законно сражался с ними.

Теперь Муавия должен присоединиться к мусульманам и принести присягу — иначе Али будет воевать с ним.

Муавия много говорит об убийцах Усмана, продолжал Али. Так пусть передаст их на суд Али, который рассудит между ним и ими согласно Книге Божьей.

На самом же деле, обвинял Али, Муавия играет в детскую игру обмана.

Если бы он смотрел здравым разумом, а не страстью, то увидел бы: среди курайшитов именно Али наиболее свободен от крови Усмана.

Кроме того, Али напоминал Омейяду, что тот — **талик**, один из людей, которых Мухаммад помиловал и освободил после завоевания Мекки, а не мухаджир, и потому не имеет права участвовать в шуре.[239]

---

237 По Ибн аль-Кальби, ряд кланов кинда покинули Куфу после прибытия Али, поскольку не желали жить в стране, где поносили Усмана. Муавия поселил этих беженцев в Месопотамии — сначала в Насибине, затем в Эдессе — опасаясь, что они могут испортить сирийцев. Они сражались за него при Сиффине.

238 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 27–28.

239 Там же, 29–30. Термин талик — «освобождённый пленник» — обычно применялся к бывшим курайшитским противникам ислама, принявшим его под давлением во время завоевания Мекки. Они не получали статуса мухаджиров даже при переселении в Медину, поскольку после завоевания Мекки Мухаммад объявил эпоху хиджры завершённой. Проомейядская традиция пыталась возвысить Муавию, представляя его одним из писцов Пророка, однако эта функция, по мнению автора, была малозначительной.

Джарир передал письмо Али Муавии и в своей речи призвал его и сирийцев присоединиться ко всем мусульманам и принести присягу Али.

Он сказал Муавии, что тому не подобает ссылаться на то, будто Усман назначил его и не сместил, ибо Бог не ставит власть прежнего правителя выше власти нынешнего.[240]

Ответ Муавии был уклончив:

— Дай нам подумать. Я выясню мнение жителей Сирии.

Он, несомненно, уже решил отвергнуть требование Али, но хотел выиграть время, заручиться максимальной поддержкой и мобилизовать силы.

На следующей молитве в мечети Муавия обратился к народу, апеллируя к местному сирийскому патриотизму.

Бог, говорил он, сделал Святую землю обителью пророков и Своих праведных рабов.

Бог поселил там жителей Сирии, ибо в Своём предвечном знании ведал об их послушании и искренности по отношению к Его наместникам и исполнителям Его заповедей.

Он сделал их образцом порядка для общины, путеводными знаками на дороге всякого добра, через которых Бог обуздывает неверных и объединяет верующих.

«О Боже, — молился Муавия, — поддержи нас против людей, которые будят наших спящих, пугают тех из нас, кто чувствовал себя в безопасности, желают пролить нашу кровь и сделать наши дороги опасными.

Бог знает, что мы не хотели их наказывать, срывать с них покровы и заставлять ступать по скользкой земле.

Но Бог, Достохвальный, облачил нас в одежду благородства, которую мы не снимем добровольно, пока звучит эхо, падает роса и признаётся истинное руководство.

Лишь мятежность и зависть заставили их выступить против нас, и потому мы просим Бога о помощи против них».

Затем наступила кульминация речи:

«Вы знаете, что я был наместником среди вас от Повелителя правоверных Умара ибн аль-Хаттаба; что я был наместником Повелителя правоверных Усмана ибн Аффана; что никого из вас я никогда не поставил в унизительное положение; и что я — ближайший родственник и защитник Усмана, убитого несправедливо.

А Бог говорит:

“Если кто-либо убит несправедливо, Мы даём его ближайшему родственнику власть, но пусть он не преступает меру в убийстве — ему уже оказывается помощь” [Коран, 17:33].

Я хочу, чтобы вы сказали мне, что лежит у вас на сердце относительно убийства Усмана».

Жители Сирии — точнее, присутствовавшие в мечети — все поднялись, потребовали мести за кровь Усмана и на этом основании принесли Муавии присягу.[241]

Пока этого Муавии было достаточно.

---

240 Там же, 28–31.

241 Там же, 31–32.

Он был уверен: если и дальше раздувать их исступлённое чувство собственной патриотической правоты, они не станут слишком задумываться над Божьим повелением не преступать меру в убийстве и будут готовы зарезать любого, кого их начальники объявят соучастником преступления.

Ведь Муавия только что заверил их, что они — самые послушные слуги этих начальников.

Однако давать Джариру окончательный ответ он пока не спешил.

В верности его дамасских сторонников никогда не могло быть серьёзных сомнений.[242]

Но Муавии требовалась более широкая поддержка.

Он немедленно написал Амру ибн аль-Асу.

Пора было похоронить нелепую личную вендетту аль-Валида против человека, способного столь сильно помочь омейядскому делу — хитроумного курайшита, непризнанного незаконнорождённого брата самого Муавии.

Теперь на карту была поставлена большая политика, где цель оправдывала средства.

Муавия только что объявил себя ближайшим родственником своего довольно дальнего кузена Усмана.

Теперь брат Усмана должен был отступить в сторону и плясать под дудку Муавии.

Он написал Амру:

«Ты слышал, что произошло между Али, Тальхой и аз-Зубайром.

Теперь Марван ибн аль-Хакам вместе с теми жителями Басры, которые отвергают Али, присоединился к нам, а Джарир ибн Абдаллах прибыл потребовать присяги Али.

Я не дам окончательного ответа, пока ты не приедешь.

Приходи, я хочу обсудить с тобой одно дело».[243]

Амр был доволен: его поэтический совет, как он и ожидал, произвёл на Муавию впечатление.

Он принял приглашение, уверенный, что теперь сможет заключить сделку, полностью удовлетворяющую его собственные желания.

Условие было простым:

Египет пожизненно — или никакой сделки.

Муавия, как сообщается, колебался, но его брат Утба, один из тех, кто теперь находился рядом с ним, убедил согласиться.[244]

Амр принёс Муавии присягу на том условии, что поможет Омейяду в войне против Али, а Муавия поможет ему вернуть Египет и гарантирует владение страной до конца жизни.

---

[242] Именно такое впечатление создаёт большинство исторических источников. Однако существует сообщение, которое при трактовке Каэтани могло бы означать, что Муавия в то время не пользовался в Дамаске столь безусловной поддержкой, как принято считать. Автор, однако, считает более вероятным другое толкование текста.

[243] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 34. Сходный рассказ у аль-Балазури, Ансаб, II, 285.

[244] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 39–40; аль-Балазури, Ансаб, II, 288.

Амр позаботился о том, чтобы договор стал достоянием общественности.

Он был слишком опытен, чтобы не понимать: частные обещания таких людей, как его новый господин, стоят не больше бумаги, на которой они могут быть записаны — а могут и не быть.

При более внимательном рассмотрении выяснялось, что выгода Муавии была вовсе не столь скромной, как могло показаться.

Выполнить свою часть сделки он мог лишь в том случае, если не только удержит Сирию, но и получит возможность распоряжаться Египтом.

То есть Амр, фактически и в собственных интересах, обязался обеспечить Муавии халифат.

Однако вслух этого в договоре не писали.

Ещё не время было выпускать кота из мешка: подобная откровенность могла напугать благочестивых нейтралов и толкнуть их в лагерь Али.

Сделка, которая за одну ночь превратила главного обвиняемого в убийстве несправедливо погибшего халифа в официального общественного обвинителя, чрезвычайно заинтересовала современников и ранних историков.[245]

Они рассказывали длинные истории о том, как всё произошло, подробно описывали — и снабжали подходящими стихами — беседы Амра сначала с его сыновьями Абдаллахом и Мухаммадом, а затем с Муавией.

В этих рассказах Амр признавался — или даже хвастался, — что продаёт религию ради мирской выгоды.

Большая часть таких подробностей, очевидно, является вымыслом.[246]

И всё же Амр, столь остро замечавший слабости других людей, несомненно, прекрасно понимал и собственную внутреннюю гниль.

Обвинение аль-Валида в причастности к крови Усмана сильно его напугало и заставило почувствовать, будто он «скачет над пропастями».

Но, в отличие от Усмана, каяться Амр не собирался.

Он предпочёл принять роль «раба Умайи», которую отвёл ему аль-Валид.

И в этой роли снова почувствовал себя у руля.

Союз Муавии и Амра ибн аль-Аса представлял собой грозную политическую силу.

Омейяду нужен был Амр не только из-за знания египетских дел и поддержки среди тамошней армии.

---

[245] Из современных западных историков Велльхаузен писал о договоре примерно так: месть за Усмана стала основанием, на котором Муавия строил своё право на наследование власти; истинный смысл этой мести виден уже из того, что ради неё он заключил союз с Амром ибн аль-Асом, прежде яростнее всех выступавшим против Усмана. Благочестие не было его мотивом.

[246] Источник аль-Мадаини для пространного рассказа у аль-Балазури — Иса ибн Язид аль-Лайси аль-Кинани, известный также как Ибн Даб, мединский историк при аббасидском дворе в Багдаде, которого часто обвиняли в грубых подделках. Сирийский авторитет Хишам ибн Аммар называл некоторые переданные им рассказы «сочинёнными» и говорил, что соответствующие стихи были подделаны и пришли из Ирака. Однако в оценке поведения Амра сирийская историография была не менее сурова, чем иракская.

За почти два десятилетия правления Сирией Муавия приобрёл вкус к деспотизму римско-византийского типа.

Природный инстинкт власти и господства у него был развит прекрасно, но его понимание человеческой природы, вопреки сложившейся репутации, было довольно ограниченным и примитивным.

Он усвоил одно: в государственном управлении, если противника нельзя склонить взяткой или запугиванием, самым удобным и эффективным средством остаётся убийство — открытое или тайное.

Приверженность первых халифов раннеисламскому запрету проливать кровь мусульман до сих пор мешала Муавии свободно следовать этой склонности.

Он всё ещё скрежетал зубами, вспоминая аль-Аштара и других куфийских мятежников, которых Усман сослал к нему в Дамаск, но не позволил расправиться с ними традиционным римским способом обращения с бунтовщиками.

Теперь, надеялся Муавия, всё будет иначе: во внутренней войне, развязанной его кузеном Марваном, уже пролилось столько мусульманской крови.

Амр ибн аль-Ас, хотя совесть беспокоила его ничуть не больше, был куда изобретательнее и тоньше в выборе средств.

Он обладал острым пониманием человеческих побуждений и слабостей и в целом презирал людей.

Ему доставляло удовольствие с помощью хитрости и уловок вытаскивать наружу и выставлять напоказ их пороки, лицемерие и глупость.

Амр был мастером политического планирования, умел разыгрывать сложные сценарии и манёвры и виртуозно манипулировать публикой с помощью внешне убедительных аргументов, обращённых к её скрытым желаниям и алчности.

Муавия нуждался в нём в то время, когда его собственная власть ещё не была прочной.

Он нуждался в Амре и как в человеке с реальным боевым опытом и надёжным пониманием стратегии и тактики — хотя уже не столь остро.

Сам Муавия, будучи лично трусливым и не обладая значительными военными способностями, инстинктивно не доверял собственным талантливым и популярным полководцам, которые потенциально могли угрожать его власти.

Амру же на этом этапе он мог доверять: Али никогда не стал бы заключать с ним сделку за счёт Муавии.

Аль-Валиду оказалось нетрудно примириться с компромиссом, навязанным союзом Муавии и Амра, и теперь полностью перенести свою вендетту на Али.

В конце концов, именно Али, а не Амр, был ответственен за наказание аль-Валида плетьми.

Да и стоило ли теперь разбираться, кто больше виноват в крови мертвеца?

Аль-Валид прекрасно понимал, что теперь хочет услышать Муавия.

Он написал ему:

Муавия, хребет власти перерублен,
и сегодня ты господин того, что находится в твоих руках.
К тебе пришло письмо Али, написанное его рукой;
настал час решения:
заключай с ним мир или воюй.
Если ты собираешься отвечать на его письмо —
позор тому, кто будет диктовать, и тому, кто будет писать!
Но если решишь отвергнуть его письмо —
а какой-то путь тебе всё равно придётся избрать, —
то скажи несколько слов йеменскому племени,
и через них получишь то, чего добиваешься.
Скажи им: “Повелитель правоверных был сражён людьми,
которых поддерживал его родственник,
разными людьми — среди них были убийца и подстрекатель,
хотя он не совершил преступления,
и другой, который разграбил его имущество.
Я прежде был повелителем Сирии среди вас;
для меня и для вас достаточно обязанности,
которая ныне стала обязательной!
Так идём же — клянусь Тем, Кто укрепил гору Сабир на её месте, —
мы остановим море, чьи высокие волны невозможно обратить вспять”.
Говори мало или много:
сегодня у этого бедствия нет хозяина, кроме тебя.
Так скажи прямо: “Я не из тех, кого можно обмануть”.
Никогда не выпускай власть из рук:
дело движется вперёд,
и добивайся даже того, что кажется недостижимым.
Али не спишет с тебя ни одной хитрости,
пока люди будут пить воду.
И не примет он того, чего не желает;
из-за этой беды однажды женщины будут рыдать.
Так воюй с ним, если воевать —
как сын свободной женщины.
А если нет — заключай такой мир,
при котором его скорпионы к тебе не доползут.[247]

---

[247] Ибн Асакир, Усман, 552; аль-Минкари, Вакат Сиффин, 53–54. Порядок строк существенно различается. В переводе в основном использована версия Ибн Асакира, но в ряде мест предпочтены чтения аль-Минкари.

Аль-Валид прежде всего призывал Муавию удержать Сирию, которая теперь, после гибели суверенного халифа, фактически принадлежала ему как собственность.

Следовательно, Муавия должен отвергнуть требование Али о присяге и сражаться с ним изо всех сил.

Лишь как второстепенную мысль аль-Валид упомянул возможность мира, при котором «скорпионы Али не будут ползти к нему».

Он имел в виду соглашение, предоставляющее Муавии полную независимость и исключающее любое право Али вмешиваться в дела Сирии.

Но аль-Валид ясно давал понять: он не верит, что Али согласится на такой мир.

Чтобы заручиться поддержкой народа, Муавия должен был рассказать йеменцам, что Усман был убит и ограблен собственным родственником Али.

Под «йеменцами» аль-Валид, вероятно, не имел в виду сирийских калбитов, которых тогда ещё не относили к ним.

В любом случае калбиты были прочно связаны с Муавией брачными союзами, и на их послушание можно было рассчитывать.

Речь шла о йеменцах Химса и северной Сирии — сакунах и сакасиках из кинда, химьяритах и хамданитах.

Их поддержка была крайне важна, но пока оставалась неопределённой.

Под власть Муавии они попали только при Усмане и чрезвычайно гордились своей йеменской идентичностью, своей ведущей ролью в завоевании Сирии и походах в Анатолию против Византии.

Кроме того, у них были тесные связи с многочисленными соплеменниками в Куфе.

А там йеменские племена кинда, хамдан и мазхидж были — наряду с рабией, не представленной в Сирии, — самыми деятельными сторонниками Али.

Северные арабы — мудар — в Ираке в основном либо враждебно относились к Али, либо сохраняли прохладу, поэтому о сирийских представителях этих племён Муавии беспокоиться почти не приходилось.

Теперь совет Амра Муавии полностью совпадал с советом аль-Валида.

Амр рекомендовал возложить вину за убийство Усмана на Али и всеми средствами заручиться поддержкой Шурахбиля ибн ас-Симта аль-Кинди — сына завоевателя Химса ас-Симта ибн аль-Асвада.

Шурахбиль был не только влиятельным знатным человеком Химса, наследовавшим положение отца, но и одним из местных благочестивых аскетов — **нуссак**.

Он и его отец были единственными мужчинами из своего клана, Бану Муавия племени кинда, которые во время ридды [248]не отреклись от ислама и не отказались платить Абу Бакру закят.

Поэтому Шурахбиля широко уважали во всей Сирии, далеко за пределами родного города.

---

[248] Ибн Манзур, Мухтасар, X, 286–287.

Во время завоевания Ирака при Саде ибн Абу Ваккасе между Шурахбилем и Джариром ибн Абдаллахом произошёл какой-то инцидент.

Следовательно, Джариру было трудно повлиять на него — особенно если внушить Шурахбилю, будто Али собирается назначить Джарира своим наместником в Химсе в случае успеха его миссии.

Сам Шурахбиль, как он однажды признался Муавии, обладал большой головой, но слабым умом, и [249]Амр был уверен, что его удастся провести.

Он посоветовал Муавии подослать нескольких доверенных людей, в том числе йеменцев, чтобы они внушили Шурахбилю твёрдую убеждённость: Усмана убил Али.

Муавия написал Шурахбилю:

«Джарир ибн Абдаллах прибыл к нам от Али со страшным делом. Приезжай».

Шурахбиль сначала посоветовался с йеменцами Химса, как ему поступить, и обнаружил, что мнения разделились.

Абд ар-Рахман ибн Ганм аль-Ашари, [250]сподвижник и близкий соратник Муаза ибн Джабаля, [251]сказал ему:

им преподнесли дело Усмана с обвинением, будто его убил Али.

Но даже если Али действительно сделал это, мухаджиры и ансары уже принесли ему присягу, а именно они являются судьями над людьми.

Если же Али Усмана не убивал, почему Шурахбиль должен верить Муавии на слово и губить себя и свой народ?

Если он не хочет, чтобы выгоду получил Джарир, то пусть сам отправится к Али и принесёт ему присягу от имени Сирии и своего народа.

Шурахбиль всё же настоял на поездке к Муавии.

Аскет Ияд ас-Сумали прислал ему стихотворение, призывая не поддаваться на обман Муавии, который хочет стать их имамом и царём и пролить кровь Бану Кахтан — йеменцев — ради выгоды Луайя ибн Галиба, то есть курайшитов.

Лучше присягнуть Али — лучшему человеку из Хашимитов, «чей договор лежит на шее народа так же, как договор Абу Хафса — Умара — и Абу Бакра».[252]

Когда Шурахбиль прибыл в Дамаск, его приняли с большим почётом.

Муавия сказал ему:

— Шурахбиль, Джарир ибн Абдаллах призывает нас присягнуть Али. Али был бы лучшим из людей, если бы не убил Усмана ибн Аффана. Я отложил решение до твоего приезда. Я всего лишь один из жителей Сирии: мне нравится то, что нравится им, и ненавистно то, что ненавистно им.

Шурахбиль ответил:

---

249 См. анекдот там же, 288.

250 Аль-Минкари ошибочно называет его аль-Азди. О нём см. Ибн Манзур, Мухтасар, XV, 7–10.

251 Муаз ибн Джабаль из хазраджей был наместником в Йемене при Мухаммаде и сыграл важную роль в завоевании Сирии. После смерти Абу Убайды некоторое время управлял Химсом и умер во время чумы Амваса.

252 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 44–46.

— Дай мне выйти и обдумать дело.

Когда он вышел, его встретили люди, заранее подготовленные Муавией, и каждый уверял Шурахбиля, что Усмана убил именно Али.

Шурахбиль вернулся к Муавии в гневе и сказал:

— Муавия, народ не согласится ни с чем иным, кроме признания, что Усмана убил Али. Клянусь Богом, если ты присягнёшь ему, мы либо выгоним тебя из Сирии, либо убьём.

Муавия невозмутимо пропустил мимо ушей хвастливую угрозу и кротко повторил:

— Я всего лишь один из жителей Сирии.

— Тогда отошли этого человека назад к его господину, — сказал Шурахбиль.

После этого он отправился к Хусайну ибн Нумайру, вождю сакуна, и попросил вызвать Джарира.

Когда тот пришёл, Шурахбиль обрушился на него с упрёками: мол, тот пытается пустить им пыль в глаза и восхваляет Али — убийцу Усмана.

Джарир защищался и предположил, что Шурахбиль стал жертвой жажды мирской власти и старой обиды ещё со времён Сада ибн Абу Ваккаса.

Муавия узнал об их встрече и вызвал Джарира, запретив ему тайно спорить с его подданными.

Однако Джарир ещё раз попытался повлиять на Шурахбиля, отправив стихотворение с призывом к здравому смыслу: обвинения против Али — ложь и клевета; Али — единственный среди своего народа преемник Посланника Божьего и ближайший к нему витязь, о котором складывают пословицы.

Письмо Джарира посеяло в Шурахбиле сомнения.

Муавии пришлось вновь отправить к нему своих людей — на этот раз с ложными свидетельствами и поддельными документами, призванными убедить его в чудовищности преступления Али.

Когда Шурахбиля окончательно обработали и разожгли его решимость, один из аскетов Химса из племени Барик, сын его сестры, предпринял последнюю отчаянную попытку.

В сатирическом стихотворении он высмеял Шурахбиля как туповатого йеменца, которого обманул и подкупил сын Хинд и чья стрела в конце концов непременно убьёт его самого.

Теперь Шурахбиль уверился, что этот человек — посланец дьявола и что Бог испытывает его сердце.

Он поклялся силой изгнать автора стихов, если тот вовремя не убежит.

Тот бежал в Куфу, откуда родом, и принёс присягу Али.

Муавия понял: Шурахбиля необходимо постоянно держать занятым, иначе он может снова начать размышлять.

Поэтому Муавия поручил ему объехать сирийские города и рассказать людям «правду» об Али, которую он якобы установил.

Шурахбиль начал с Химса.

Там он проповедовал:

«О люди! Али убил Усмана ибн Аффана.

Затем некоторые люди поднялись в гневе за Усмана, но Али убил и их.

Он победил всех и овладел всей землёй, и осталась одна Сирия.

Теперь он взвалил меч на плечо и готов пройти с ним через потоки смерти, пока не придёт к вам — если только Бог не вмешается каким-либо событием.

Мы не видим никого, кто был бы способен сразиться с ним лучше Муавии.

Так приложите усилие и поднимайтесь!»

Люди откликнулись на его призыв, за исключением нескольких благочестивых аскетов.

Те встали и сказали:

— Наши дома и наши мечети станут нашими могилами. А вы лучше знаете, что считаете правильным.

Шурахбиль продолжал объезжать города Сирии, и повсюду люди принимали его послание.

Тогда поэт ан-Наджаши — Кайс ибн Амр из Бану аль-Харис ибн Кааб — прислал ему стихотворение.

Ан-Наджаши был старым другом Шурахбиля и теперь выступал поэтическим глашатаем Али.

Позднее, спустя некоторое время после Сиффина, Али наказал его за пьянство — обычный порок поэтов.

Ан-Наджаши вновь попытался внушить Шурахбилю, что тот уклонился от истины вовсе не ради религии, а из ненависти к Джариру и из-за старой вражды, возникшей между Садом ибн Абу Ваккасом и Джариром.

Тогда, писал он, Шурахбиль оказался плохим помощником, когда у Баджилы были основания порицать курайшитов.

А теперь он судит о новом деле по слухам, которые не примет ни один здравомыслящий человек.

Стихотворение пришло слишком поздно: изменить мнение Шурахбиля оно уже не смогло.[253]

Вскоре после прибытия Джарира в Дамаск Муавия получил ещё одно стихотворение — от Кааба ибн Джуайля, поэта племени таглиб.

Бану Таглиб в основном жили в северной пограничной области Месопотамии между Сирией и Ираком.

Поддержка поэта, несомненно, ободрила Муавию, хотя, вероятно, не отражала мнения всего племени.

---

[253] Там же, 46–51.

На деле часть таглибитов, вероятно из Басры, активно поддерживала Али при Сиффине и сражалась под командованием Курдуса ибн Хани аль-Бакри.[254]

Ибн Джуайль начинал стихотворение так:

Я вижу: Сирия ненавидит власть Ирака,
а жители Ирака ненавидят её.
Каждый ненавидит своего соседа
и при этом считает свою ненависть религией.
Когда они бросают обвинение нам —
мы бросаем обвинение им
и возвращаем им то же, что получили.
Они сказали: “Али — наш имам”.
Мы ответили: “Мы довольны Ибн Хинд. Да, довольны”.
Они сказали: “Мы считаем, что вы должны ему подчиниться”.
Мы ответили: “Мы не считаем, что должны”.
Прежде чем это случится, трагакант сбросит все листья,
а дело решат удары мечей и копий.
Каждый доволен тем, что имеет,
и считает тощее в своей руке жирным.

Далее Ибн Джуайль высмеивал Али, который прежде был свободен от обвинений, но теперь укрывает преступников и снимает с убийц закон возмездия.

На вопрос о собственном участии в преступлении Али, говорил поэт, отвечает уклончиво: будто он и не одобрял, и не гневался; будто не принадлежал ни к запрещавшим убийство, ни к приказывавшим его совершить.

Но, утверждал Ибн Джуайль, неизбежно приходится принадлежать к одной из этих сторон.[255]

Хотя в Сирии дела явно складывались для Муавии успешно, барабаны войны уже гремели по всей стране, а крики о мести за несправедливо убитого халифа звучали повсюду, он пока не хотел отправлять посланника Али домой с пустыми руками.

Муавия пришёл к Джариру в его жилище и сказал, что ему пришла в голову одна мысль.

Он предлагал, чтобы Али уступил ему Сирию, Египет и доходы этих провинций и пообещал не обязывать его приносить присягу кому-либо после смерти Али.

На этих условиях Муавия был готов признать правление Али и обращаться к нему как к халифу.

---

[254] См. стихи там же, 486–487. Курдус ибн Хани был сыном Хани ибн Кабисы, предводителя всей Рабии в битве при Зу Каре. Поэтому Халид ибн аль-Муаммар аль-Садуси называл Курдуса «сыном вождя Таглиба». Утверждение, будто всё племя Таглиб сражалось при Сиффине за Муавию, требует уточнения.

[255] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 56–57; аль-Мубаррад, аль-Камиль, I, 184–185. В пятой строке предпочтено чтение аль-Мубаррада.

Джарир согласился передать Али предложение Муавии вместе с собственным письмом.[256]

Личный визит Муавии к Джариру объяснялся необходимостью сохранить инициативу в строгой тайне.

Если бы предложение Али стало известно народу, ложность заявления Муавии о мести за убитого халифа сделалась бы очевидной для всех, и тщательно поставленная кампания мобилизации немедленно остановилась бы.

Основные исторические источники ничего не знают об этой тайной дипломатии Муавии.

Однако её подтверждает стихотворение аль-Валида ибн Укбы, который, очевидно, находился достаточно близко к верхушке власти, чтобы услышать о происходящем.[257]

Аль-Валид был явно потрясён.

Его возмущало не столько то, что собственная вендетта, уже пострадавшая из-за сделки с Амром, вновь приносится в жертву высшим государственным интересам.

Ведь он сам допускал приемлемый мир, при котором Али должен был признать полную независимость омейядской Сирии.

Но теперь Муавия при определённых условиях предлагал признать верховную власть Али.

Аль-Валид по-прежнему видел ползущих «скорпионов Али», но теперь называл их уже змеями.

Он написал:

Муавия, Сирия — твоя Сирия,
держись за неё,
не позволяй змеям вползти к тебе.
Защищай её легионами и копьями,
не будь слаб с иссохшими руками.
Али смотрит, что ты ему ответишь,
так предложи ему войну,
от которой волосы на челе станут седыми.
А если нет — заключай мир:
в мире есть покой для того, кто не хочет войны.
Так выбирай, Муавия!
Но письмо, которое ты, Ибн Харб, написал из алчности,
притянет к тебе бедствия.
Ты попросил у Али того, чего не получишь;
а даже если бы получил — продлилось бы это лишь несколько ночей.

---

256 Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 52; псевдо-Ибн Кутайба, аль-Имама ва-с-сийаса, I, 157.

257 Аль-Валид ибн Укба обычно описывается как живший перед Сиффином в ар-Ракке. Однако, вероятно, значительную часть времени он проводил при дворе в Дамаске.

После этого ты столкнулся бы с ним так,
что выжить уже было бы невозможно.
Не тешь себя надеждами.
Неужели ты хитростью одолеешь такого, как Али?
Достаточно того, что ты уже испытал прежде.
Если его когти хоть однажды вцепятся в тебя,
он, Ибн Хинд, отплатит тебе тем же,
чем до сих пор платил другим ты.[258]

Реакция аль-Валида показывает: предложение Муавии, вероятно, не было простой уловкой ради затягивания времени.

Хотя позднее Муавия, несомненно, предпочёл бы, чтобы потомки считали именно так.

Надежды на согласие Али едва ли были высоки.

Колкое замечание аль-Валида об алчности, породившей предложение Муавии, возможно, намекало на нечто большее, чем лежало на поверхности.

Требование отдать Египет и его доходы явно не было сделано ради исполнения договора с Амром ибн аль-Асом.

Если бы Али добровольно передал Египет Муавии и заключил мир, услуги Амра больше не понадобились бы.

«Раб» мог бы уходить.

Следовательно, Амр едва ли стоял за этим предложением.

А если знал о нём, то наверняка особенно остро чувствовал собственное бессилие.

Как и ожидал аль-Валид, Али отверг предложение Муавии.

Он написал Джариру, что Муавия стремится к независимости и тянет время, проверяя настроение сирийцев.

Аль-Мугира ибн Шуба в Медине когда-то советовал Али оставить Муавию наместником Сирии, но Али отказался.

Бог не должен видеть, как он берёт обманщиков себе в помощники.

Либо Муавия принесёт безоговорочную присягу, либо Джарир должен возвращаться.[259]

Джарир всё ещё оставался у Муавии, и в Куфе уже распространялись подозрения в его неверности.

Наконец Али приказал ему потребовать немедленного решения: война или мир.

Джарир показал Муавии письмо Али.

Омейяд обещал объявить решение на следующем заседании совета — маджлисе.

Убедившись в поддержке сирийцев, Муавия на публичном заседании сказал:

— Возвращайся к своему господину, Джарир.

---

[258] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 52–53. Последняя строка, возможно, позднее добавление; в версии Ибн Аби-ль-Хадида она отсутствует.

[259] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 52; псевдо-Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 157–158.

И вручил ему декларацию войны:

«Клянусь жизнью, если бы люди приносили тебе присягу, а ты был невиновен в крови Усмана, ты был бы подобен Абу Бакру, Умару и Усману — да будет доволен ими всеми Бог.

Но ты подстрекал мухаджиров против Усмана и склонял ансаров оставить его.

Поэтому невежды послушались тебя, а слабые благодаря тебе стали сильными.

Жители Сирии не желают ничего, кроме войны с тобой, пока ты не выдашь им убийц Усмана.

Если сделаешь это, среди мусульман будет проведена шура.

Прежде люди Хиджаза были судьями над людьми, ибо право находилось в их руках.

Но после того как они отказались от него, право теперь находится в руках жителей Сирии.

Клянусь жизнью, твой довод против меня — не тот же, что против Тальхи и аз-Зубайра: они принесли тебе присягу, а я — нет.

И твой довод против сирийцев — не тот же, что против басрийцев: басрийцы сначала подчинились тебе, а сирийцы — никогда.

Что касается твоего благородства в исламе, близкого родства с Посланником Божьим и положения среди курайшитов, я этого не отрицаю».

К письму Муавия приложил стихотворение Кааба ибн Джуайля.[260]

В отличие от его тайного письма, это было написано рукой советника Муавии — Амра.

Письмо, предназначенное прежде всего для ушей сирийских сторонников, было настоящим шедевром военной пропаганды.

Получалось, что с Али желали воевать именно **они**, а Муавия — всего лишь один из них.

Апеллируя к их шовинистическому патриотизму, Муавия внушал сирийцам, что теперь только они среди всех мусульман занимают нравственно безупречную позицию.

Все остальные, включая сторонников Матери правоверных, якобы запятнали честь, присягнув подстрекателю убийства Усмана.

После победы должна была состояться шура о халифате — но уже **их шура**, сирийская, а не шура людей Хиджаза с их нечистой совестью.

Сирийцы, услышав, что в исламской иерархии их ставят выше всех почтенных старых сподвижников Пророка, должно быть, были почти ошеломлены открывавшейся перспективой.

Сам Муавия был уверен, что подобная шура его вполне устроит.

Результат можно было считать предрешённым — и, скорее всего, даже сама шура не понадобилась бы.

---

[260] Псевдо-Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 166–167; аль-Мубаррад, аль-Камиль, I, 184. У аль-Мубаррада отсутствует ключевая фраза о том, что теперь именно сирийцы, а не жители Хиджаза, имеют право на шуру. Из ответа Али видно, что фраза действительно входила в письмо Муавии.

В принципе Муавия вовсе не был сторонником этого принципа, когда на карту ставились его жизненно важные интересы.

Позднее, во время собственного правления, он назначит преемником своего распущенного сына Язида, не проведя даже формальной сирийской шуры.

Письмо ясно показывало: теперь Муавия принял прежний совет Амра ибн аль-Аса и уже сам начал претендовать на халифат.[261]

Али ответил Муавии, опровергая его утверждения одно за другим.

Что касается заявления Муавии, будто проступок Али перед Усманом аннулирует обязательность присяги Муавии, Али отвечал: он был лишь одним из мухаджиров и действовал вместе с ними.

Усмана он не убивал, следовательно, закон возмездия к нему неприменим.

Безумная ложь Муавии об участии Али в деле Усмана не основывается ни на свидетельстве очевидцев, ни на достоверных сведениях.

На заявление же Муавии, что сирийцы теперь имеют право судить людей Хиджаза, Али предложил назвать хотя бы одного курайшита в Сирии, которого можно было бы принять в шуру или считать достойным халифата.

Если Муавия попытается сделать такое заявление, мухаджиры и ансары назовут его лжецом.

Далее Али писал:

«Что касается твоих слов: “Выдай убийц Усмана”, — какое отношение ты имеешь к Усману?

Ты всего лишь человек из Бану Умайя, а сыновья Усмана имеют на это больше прав, чем ты.

Но если ты утверждаешь, что сильнее их и способен взыскать возмездие за кровь Усмана, тогда войди под мою власть, а потом приведи этих людей ко мне на суд.

Я поставлю и тебя, и их на путь справедливости.

Что же касается твоего различия между Сирией и Басрой и между тобой, Тальхой и аз-Зубайром, то, клянусь жизнью, дело везде совершенно одинаково.

Присяга была всеобщей.

После неё нельзя ни высказывать второго мнения, ни заново выбирать».

В завершение Али заметил: если бы Муавия мог отрицать его заслуги перед исламом, родство с Пророком и благородство среди курайшитов, он бы непременно это сделал.

Затем Али попросил ан-Наджаши ответить на стихотворение Кааба ибн Джуайля.

По обычаю ан-Наджаши написал стихотворение в той же рифме и том же размере.

Он предупреждал Муавию против ложных надежд на будущее:

Али идёт к нему вместе с людьми Хиджаза и Ирака, уже разгромившими войско аз-Зубайра и Тальхи и шайку клятвопреступников.

---

[261] Вопреки мнению Каэтани и Леви делла Виды.

Обращаясь к «вводящему в заблуждение из Ваиля» — Каабу ибн Джуайлю, — ан-Наджаши говорил:

«Ты поставил Али и его сторонников на одну ступень с Ибн Хинд. Неужели тебе не стыдно?»

А затем восхвалял Али как первого из людей после Посланника.[262]

Более убедительные доводы Али не могли скрыть того факта, что миссия Джарира закончилась провалом.

Муавия сумел удерживать его неделями, если не месяцами.

За время пребывания Джарира он обеспечил себе поддержку северной Сирии, обманув Шурахбиля ибн ас-Симта.

А затем отправил посланника назад с великолепным образцом лживой военной пропаганды.

Теперь сомнения в верности Джарира высказывались повсюду.

Аль-Аштар, который с самого начала предостерегал против его отправки, сказал ему в присутствии Али:

— Клянусь Богом, Повелитель правоверных, если бы ты отправил к Муавии меня, я сделал бы для тебя больше, чем этот человек. Он ослабил петлю на его шее и оставался у него до тех пор, пока Муавия не распахнул все двери, откуда надеется получить облегчение, и не закрыл все те, откуда боится беды.

Джарир защищался:

— Клянусь Богом, если бы ты отправился к ним, они убили бы тебя. Они утверждают, что ты один из убийц Усмана.

И попытался напугать аль-Аштара, назвав Амра, Зу-ль-Кала и Хаушаба Зу Зулайма.

Аль-Аштар уверенно ответил:

— Если бы я отправился к нему, Джарир, клянусь Богом, мне было бы что ответить им, и их обвинение нисколько меня не обременило бы. Я повёл бы его таким путём, что ему некогда было бы размышлять.

— Тогда отправляйся к ним теперь, — сказал Джарир.

— Теперь? После того как ты их испортил и зло уже пустило среди них корни?[263]

Аль-Аштар был прав.

Отправив Джарира, Али совершил серьёзную ошибку.

Ранее он совершенно верно понимал: если он не собирается снова назначать Муавию наместником, разговаривать с ним можно только с позиции силы.

Но когда после победы при Басре Али наконец оказался в такой позиции, он послал Джарира — человека, считавшего себя другом Муавии и надеявшегося ласковыми уговорами склонить его к покорности.

---

[262] Аль-Минкари, Вакат Сиффин, 57–59.

[263] Там же; диалог между аль-Аштаром и Джариром завершает рассказ о провале миссии Джарира и переходе конфликта к открытому противостоянию

Аль-Аштар, которого Муавия ненавидел ещё с тех времён, когда Усман сослал его в Дамаск, был бы куда более подходящим человеком.

Он мог бы вынудить Муавию немедленно ответить прямыми и жёсткими угрозами.

На этом этапе Муавия уже не мог убить или заключить аль-Аштара в тюрьму под предлогом его участия в убийстве Усмана — как, вероятно, поступил бы с Ибн Аббасом в то время, когда Али ещё был слаб и беспомощен в Медине.

Если бы теперь Муавия тронул аль-Аштара, на него обрушилась бы ярость йеменцев Химса и северной Сирии — и его судьба была бы решена.

Позже он уже сможет спокойно отравить аль-Аштара и даже хвастаться этим.

Но сейчас, пока северный фланг Муавии оставался ненадёжен, положение было совершенно иным.

Трудно сказать, капитулировал бы он сразу или попытался сопротивляться, опираясь на Дамаск и калбитов.

Но перспективы сохранить власть выглядели бы крайне сомнительно.

Согласно рассказу аш-Ша‘би, аль-Аштар прямо обвинил Джарира перед Али во враждебности и двуличии, заявив, что Усман купил его веру, назначив наместником Хамадана. По мнению аль-Аштара, Повелителю верующих следовало заключить Джарира и ему подобных под стражу до тех пор, пока дело с беззаконниками не будет решено. [264]Как сторонник Усмана, аш-Ша‘би не питал симпатии к аль-Аштару, поэтому достоверность его рассказа здесь вызывает некоторые сомнения. В стихотворении, обращённом к Джариру, аль-Аштар насмешливо отзывался об угрозах Амра, Муавии, Зу-ль-Кала и Хаушаба Зу Зулайма, но самому Джариру не угрожал и ни в чём его не обвинял.

Тем не менее Джарир почувствовал себя в Куфе преданным и оказался в крайне неудобном положении. Он уехал в Каркисию. Сообщается, что оттуда он написал Муавии, который радушно его принял, [265]однако в битве при Сиффине Джарир на стороне Муавии не сражался. Вместе с ним ушли несколько членов его рода Каср из племени Баджила. В результате при Сиффине на стороне Али сражались лишь девятнадцать человек из Касра, тогда как из другой ветви Баджилы — Ахмаса — в битве участвовало семьсот человек.[266]

Али, разгневанный уходом Джарира, хотел сжечь его дом, однако внук Джарира напомнил ему, что часть имущества принадлежит другим людям. Тогда Али отправился разрушать и сжигать дом Сувайра ибн Амира, знатного человека, также присоединившегося к Джариру.[267]

Это была, безусловно, безобразная ссора — причём именно в тот момент, когда более всего требовалось единство. Аз-Зибрикан ибн Абдаллах, поэт из сакунской ветви кинда, тревожно писал о том, что слышал о Джарире и Малике аль-Аштаре. Он предполагал, что вражду между ними разжигал Амр ибн аль-Ас, и замечал, что оба ведут

---

264 Наср ибн Музахим аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 60; аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, II, 277.

265 Ат-Табари, I, 3205.

266 Там же, 59–60; ат-Табари, I, 3255–3256.

267 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 60–61; аль-Балазури, Ансаб, II, 277.

себя совсем не как опытные мужи. Вероятно, справедливо, он считал Джарира искренним по отношению к своему имаму — правда, эти слова были сказаны ещё до его ухода.[268]

Заручившись широкой поддержкой в Сирии, Муавия попытался привлечь на свою сторону часть религиозной аристократии священных городов посредством целой кампании писем. Говорят, Амр советовал ему не делать этого, но Муавия настоял на своём. Насмешка Али — что в Сирии нет ни одного курайшита, достойного участвовать в шуре и претендовать на халифат, — очевидно, задела его и побудила испытать удачу.

Муавия направил общее послание жителям Медины и Мекки, а также отдельные письма наиболее видным нейтралам: Абдаллаху ибн Умару, Са‘ду ибн Аби Ваккасу и Мухаммаду ибн Масламе. [269]Если эти письма переданы достоверно, они представляли собой довольно грубую смесь запугивания, обвинений в том, что адресаты не поддержали убитого халифа, и ложных обещаний — в общем, вполне в духе политической переписки Муавии.

Особенно настойчиво он пытался привлечь на свою сторону сына Умара — Абдаллаха: его поддержка могла значительно укрепить дело Муавии. Тот уверял его, что после убийства Усмана предпочёл бы видеть общину единодушно избравшей Абдаллаха прежде любого другого курайшита. Но затем, писал Муавия, он вспомнил о том, что Ибн Умар покинул халифа, [270]критиковал его сторонников, и потому изменил своё мнение.

Однако враждебность Ибн Умара к Али смягчила прежнее недовольство Муавии им. Поэтому тот призывал его поддержать борьбу за отмщение за несправедливо убитого халифа. Муавия уверял, что не желает властвовать над Ибн Умаром, напротив — хочет передать власть ему. Лишь если тот откажется, вопрос следовало бы решить посредством шуры среди мусульман.[271]

Широко ходили слухи, что Абдаллах ибн Умар согласился бы принять халифат только в том случае, если бы ему буквально преподнесли его на блюде. Муавия, очевидно, понимал, что его нужно соблазнить чем-то большим, чем одним лишь обещанием шуры, которым он пытался обмануть остальных.

Все трое нейтральных пацифистов ответили возмущённым отказом.

От имени жителей священных городов аль-Мисвар ибн Махрама написал Муавии, что тот ищет поддержку не там, где следует: какое отношение к халифату имеет он — *талик*, человек из числа прощённых завоеванием Мекки, сын предводителя враждебных Пророку «союзников» — *аль-ахзаб*, упомянутых в суре 33 Корана?[272]

Муавии, однако, удалось привлечь представителя семьи Умара — и на этот раз без ложных обещаний.

---

268 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 62.

269 Там же, 62–64, 71–77; (псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама ва-с-сийаса, I, 161–162.

270 В действительности Ибн Умар был среди защитников дворца Усмана.

271 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 71–72; (псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 163.

272 (Псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 162–163. У аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 62, этот ответ, менее правдоподобно, приписан Абдаллаху ибн Умару и обращён одновременно к Муавии и Амру.

Убайдаллах ибн Умар, совершивший тройное убийство, после помилования получил от Усмана имение близ Куфы, позднее известное как Кувайфат Ибн Умар: Усман явно хотел удалить его из Медины.

Когда Али прибыл в Куфу, Убайдаллах осторожно обратился к нему через посредников с просьбой об амнистии, поскольку Али ещё раньше выступал против его помилования. Али вновь отказал, заявив, что обязан применить закон возмездия — *lex talionis* — и казнить Убайдаллаха, если тот окажется у него в руках.

Аль-Аштар, бывший одним из посредников, сообщил Убайдаллаху об ответе, и тот немедленно бежал к Муавии.[273]

Появление сына Умара явно воодушевило Муавию. Согласно несколько легендарному рассказу, он пытался заставить Убайдаллаха публично обвинить и опорочить Али, но тот отказался.[274]

Тем не менее Убайдаллах участвовал в битве при Сиффине как один из командиров армии Муавии. Сирийцы гордились его присутствием и кричали:

— С нами достойный, сын достойного, сын Умара ибн аль-Хаттаба!

Сторонники Али отвечали:

— С вами мерзавец, сын достойного![275]

Муавия поручил ему возглавить тяжеловооружённый элитный отряд — *шахба* — против Раби‘а, которых считал самыми стойкими сторонниками Али.

По сообщению сирийца Язида ибн Язида ибн Джабира аль-Азди, один из вольноотпущенников предупредил Убайдаллаха, что Муавия сознательно посылает его на верную смерть: если тот победит, власть достанется Муавии, а если погибнет — Муавия избавится от опасного соперника.

Жена Убайдаллаха Бахрия, дочь Хани ибн Кабисы, великого вождя Раби‘а в битве при Зу-Каре, тоже сказала мужу, что он наверняка погибнет — и именно этого, по её мнению, хочет Муавия.

Но Убайдаллах настоял на том, что обязан подчиняться своему эмиру, — и был убит.[276]

По меньшей мере четыре человека впоследствии утверждали, что именно они его сразили.

При Убайдаллахе находился меч Умара, носивший имя Зу-ль-Вишах, доставшийся ему по наследству. [277]После капитуляции Ирака Муавия стал требовать этот меч от племени Бакр ибн Ваиль в Куфе. Ему сообщили, что Убайдаллаха убил житель Басры Мухриз ибн ас-Сахсах из Бану Аиш ибн Малик ибн Тайм ал-Лат ибн Са‘лаба.

---

273 Аль-Балазури, Ансаб, II, 295–296.

274 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 82–84.

275 Аль-Балазури, Ансаб, II, 305; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 293.

276 Ибн Са‘д, Табакат, V, 10–11.

277 Ибн Манзур, Мухтасар, XV, 348.

Муавия послал людей в Басру, забрал у него меч и [278]отправил Абдаллаху ибн Умару, стараясь снискать расположение безобидного сына прославленного халифа.[279]

Тем временем Сирию охватила военная истерия, разжигаемая публичными призывами отомстить за несправедливо убитого Усмана.

Сирийские чтецы Корана, до этого отвергавшие саму мысль о войне с мусульманами, испытывали всё большее давление и были вынуждены определиться.

Группа во главе с Абу Муслимом аль-Хаулани пришла к Муавии и спросила, почему он ведёт войну против Али, хотя не может сравниться с ним ни положением сподвижника, ни статусом мухаджира, ни близким родством с Мухаммадом, ни заслугами перед исламом.

Муавия смиренно ответил, что вовсе не ставит себя на одну ступень с Али. Но разве они не знают, спросил он, что Усман был убит несправедливо?

— Конечно, — ответили они.

— Тогда пусть Али выдаст нам его убийц, чтобы мы могли отомстить им, — продолжил Муавия, — и между нами не будет войны.

Они попросили Муавию написать письмо Али, а один из них должен был доставить его.

Абу Муслим аль-Хаулани отправился с письмом Муавии и, встретившись с Али, заверил его, что предпочёл бы видеть правителем именно его, а не кого-либо другого.

— Несомненно, Усман был несправедливо убит, — сказал он, — как мусульманин, чья кровь священна. Выдай нам его убийц — и ты будешь нашим эмиром.

Али попросил его прийти на следующее утро за ответом.

Тем временем известие о цели миссии распространилось по Куфе. Сторонники Али — его *ши‘а* — вооружились, заполнили мечеть и начали кричать:

— Мы все убили Усмана!

На следующий день Али передал Абу Муслиму письмо для Муавии.

Абу Муслим сказал:

— Я увидел народ, над которым ты не властен.

— Почему? — спросил Али.

— Люди узнали, что ты собираешься выдать нам убийц Усмана. Они подняли шум, собрались, надели доспехи и утверждают, что все участвовали в его убийстве.

Али ответил:

— Клянусь Богом, ни на мгновение я не собирался выдавать их вам. Я рассмотрел это дело со всех сторон и не вижу оснований выдавать их ни вам, ни кому-либо другому.

Абу Муслим ушёл с письмом, бросив:

---

278 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 298; ат-Табари, I, 3314–3315; аль-Балазури, Ансаб, II, 325.

279 Ибн Манзур, Мухтасар, XV, 351. По сообщению Нафи‘, вольноотпущенника Ибн Умара, Муавия купил меч у убийцы. Вероятно, эта версия возникла, чтобы снять с Ибн Умара обвинение в принятии отнятого имущества, и едва ли надёжна. Муавия, никогда не отличавшийся рыцарским благородством по отношению к врагам, желал преподать Раби‘а урок за то, что те бросили вызов Наместнику Бога на земле. Во время битвы он поклялся обратить их женщин в рабство и казнить пленённых воинов. Лишь условия капитуляции помешали ему четыре года спустя последовать своим мстительным наклонностям.

— Ну что ж, теперь сражаться будет сладко.[280]

Муавия начал своё письмо Али с [281]восхваления Бога, избравшего Мухаммада Посланником к Своему творению и даровавшего ему помощников, которыми Он его поддержал. Эти помощники, писал Муавия, различались перед Богом в зависимости от своих заслуг в исламе. Лучшим из них в исповедании ислама и самым искренним перед Богом и Его Посланником был его преемник, затем преемник преемника, а третьим — несправедливо убитый халиф Усман.

После этого Муавия обращался непосредственно к Али:

«Но каждому из них ты завидовал и против каждого восставал. Мы знали это по твоим косым взглядам, резким словам, тяжёлым вздохам и нежеланию поддерживать халифов. К каждому из них тебя приходилось вести к присяге, словно верблюда ведут за деревянное кольцо, продетое в нос, а ты повиновался против воли.

Но сильнее всего зависть пожирала тебя по отношению к твоему двоюродному брату Усману, хотя именно перед ним ты более всего должен был воздержаться от такого отношения из-за вашего родства и брачных связей.

Однако ты порвал с ним узы родства, принижал его достоинства, тайно и открыто возбуждал против него людей — пока к нему не погнали верблюдов с удилами, не повели благородных коней и не подняли оружие в святилище Посланника Божьего.

Его убили, когда ты находился с ним в одном городе и слышал страшные крики.

И всё же ты даже не попытался ни словом, ни делом отвести от себя подозрение и обвинение в его смерти.

Клянусь истиной: если бы ты хотя бы однажды встал на его защиту и удержал людей от него, никто из наших сторонников не счёл бы кого-либо равным тебе, и это стерло бы в их глазах всё, что они видели прежде: твоё отстранение от Усмана и выступления против него.

---

280 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 85–86.

281 Тексты писем Муавии и Али были переданы Абу Рауку Атийе ибн аль-Харису аль-Хамдани, раннему куфийскому толкователю Корана и историку, во времена наместничества аль-Хаджжаджа сыном Амра ибн Салимы. Амр ибн Салима аль-Архаби был наместником при Али, участвовал в переговорах, приведших к капитуляции аль-Хасана ибн Али перед Муавией, и был важным информатором Абу Раука. О его сыне ничего не известно. И Амр ибн Салима, и Абу Раук принадлежали к йеменской племенной аристократии Куфы и не были сектантскими шиитами. Письма почти наверняка подлинные и представляют первостепенный интерес для истории эпохи. Каэтани предполагал, что письмо, приписываемое Муавии, возможно, не было написано им именно в тот момент и именно в такой форме, однако безусловно отражало позицию омейядской партии, враждебной Али. Он подозревал преувеличения и литературную обработку — словно Муавия и Амр не умели писать выразительной и убедительной арабской прозой. Письма предназначались для публичного распространения. Ни Муавия, ни Али не были настолько наивны, чтобы рассчитывать переубедить друг друга этой риторикой. В изложении Каэтани ответ Али был сокращён до нескольких строк. Хишам Джаит считал его поздней фабрикацией, поскольку видел в нём более позднюю шиитскую аргументацию. Он вообще объявлял переписку Али и Муавии в Вак‘ат Сиффин апокрифической. Между тем аль-Балазури воспроизводит важнейшие письма практически в тех же выражениях, что Наср ибн Музахим, и получил их через аль-Кальби от Абу Михнафа, тот — от Абу Раука аль-Хамдани. Именно ат-Табари исключил этот материал из своих цитат Абу Михнафа, поскольку считал его неудобным с суннитской точки зрения.

Другое обстоятельство, вызывающее подозрения сторонников Усмана, — то, что ты укрываешь его убийц. Они — твой хребет, твои помощники, твоя рука и твоя свита.

Мне передали, что ты отрицаешь свою причастность к его крови. Если ты говоришь правду — передай нам его убийц, чтобы мы могли отомстить им, и тогда мы будем первыми, кто присоединится к тебе.

Если же нет — между тобой, твоими сторонниками и нами останется лишь меч.

Клянусь Тем, кроме Которого нет божества: мы будем искать убийц Усмана в горах и пустынях, на суше и на море, пока Бог не уничтожит их или пока наши души не отправятся к Богу».[282]

Это была ловкая карикатура на притязание Али считаться наиболее достойным из сподвижников Мухаммада.

Упоминание того, что Али находился в Медине во время убийства Усмана, выдаёт здесь руку Амра ибн аль-Аса, который предусмотрительно исчез из города после того, как собственными речами довёл ситуацию вокруг Усмана до кипения.

Али начал ответ с упоминания «брата из Хаулана», принёсшего ему письмо Муавии, где тот напоминал о милости Бога к Мухаммаду.

Затем Али вспомнил яростное сопротивление, которое собственный народ Мухаммада оказывал своему пророку: его называли лжецом, арабов подстрекали воевать против него, пока, вопреки всей их ненависти, дело Бога не восторжествовало.

Ближайшие родственники Пророка, сказал Али, были наиболее жестоки к нему — кроме тех, кого защитил Бог.

И вот теперь Муавия дерзко собирался рассказывать им о милости Бога к Его пророку и к ним самим.

По словам Али, Муавия напоминал человека, который несёт финики в Хаджар, или ученика, вызывающего своего наставника на поединок.

Далее Али отвечал:

«Ты упомянул, что Бог избрал для него среди мусульман помощников, которыми поддержал его, и что степень их перед Ним соответствовала их заслугам в исламе. Самыми выдающимися в исламе и самыми искренними перед Богом и Его Посланником, по твоему утверждению, были халиф и халиф халифа.[283]

Клянусь жизнью, их место в исламе действительно велико, а их утрата стала для него тяжёлой раной. Да помилует их Бог и воздаст им лучшей наградой.

Далее ты сказал, что третьим по достоинству был Усман.

Если Усман творил добро, Бог вознаградит его за это; если же творил зло, то встретит Господа Милосерднейшего, для Которого нет греха слишком великого, чтобы его простить.

---

[282] Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 86–87; аль-Балазури, Ансаб, II, 278–279. Разночтения несущественны.

[283] В тексте аль-Балазури: «его [Мухаммада] халиф и халиф его халифа».

Клянусь Богом, я надеюсь, что когда Он будет воздавать людям в соответствии с их заслугами в исламе и искренностью перед Богом и Его Посланником, наша доля окажется самой обильной.[284]

Когда Мухаммад призвал людей уверовать в Бога и провозгласить Его единство, мы — люди его Дома, *ахль аль-байт*, — первыми уверовали в него и признали истиной то, что он принёс.

Долгие годы продолжалось время, когда ни в одном арабском квартале никто, кроме нас, не поклонялся Богу.

Затем наш народ пожелал убить нашего Пророка и уничтожить нашу опору. Против нас строили козни и приводили их в исполнение. Нас лишали пищи и воды, нас окружали страхом, за нами ставили стражу и соглядатаев, нас вытеснили на неприступную гору, разожгли против нас огонь войны и заключили между собой договор не есть и не пить вместе с нами, не вступать с нами в браки и не торговать.

Мы не должны были чувствовать себя в безопасности среди них, пока не выдадим им Пророка, чтобы они могли убить и подвергнуть его мучениям».

Далее Али продолжил описание преследований семьи Пророка со стороны курайшитов:

«Что касается тех курайшитов, которые приняли ислам позднее, они были избавлены от испытаний, выпавших нам, ибо среди них были либо люди, защищённые союзными договорами, либо члены сильных родов, за которых заступались их соплеменники. Поэтому никто не мог поступить с ними так, как поступали с нами, стремясь нас уничтожить.

Они находились под защитой и были в безопасности от убийства.[285]

Так было угодно Богу.

Затем Он повелел Своему Посланнику совершить переселение и разрешил ему сражаться с многобожниками.

Всякий раз, когда становилось тяжело и раздавался боевой клич, Пророк ставил людей своего Дома в первый ряд и заслонял ими своих сподвижников от жара копий и мечей.

Так Убайда [ибн аль-Харис ибн аль-Мутталиб] погиб при Бадре, Хамза — в день Ухуда, Джа‘фар и Зайд [ибн Хариса] — в [286]день Му‘ты.

А тот, чьё имя я мог бы назвать, если бы пожелал, не раз стремился ради Бога к той же мученической смерти, к которой стремились они. Но их сроки были ускорены, тогда как его смерть была отсрочена.

Теперь Бог одаряет их за всё добро, которое они совершили прежде.

---

[284] У аль-Балазури: «наша доля будет самой обильной среди всех семей — ахль аль-байт — мусульман».

[285] Али, очевидно, прежде всего имел в виду Усмана.

[286] Включение мутталибида Убайды и вольноотпущенника Мухаммада Зайда в число ахль аль-байт совершенно несовместимо с «поздней шиитской аргументацией». Для позднейших шиитов эти люди не относились к Семье Пророка.

Ибо я не слышал и не видел среди людей никого более искреннего перед Богом в повиновении Его Посланнику, более покорного Посланнику в послушании своему Господу и более стойкого в бедствиях, лишениях, в часы тяжелейших испытаний рядом с Пророком, чем эти немногие, чьи имена я назвал тебе.

Хотя и среди мухаджиров было много добра, которое мы признаём. Да воздаст им Бог за лучшие из их деяний».

Затем следовал отрывок, из-за которого, по мнению автора, ат-Табари, вероятно, и исключил эту переписку из своего повествования:

«Ты упомянул мою зависть к халифам, моё нежелание поддерживать их и моё восстание против них.

Что касается восстания — упаси Бог, чтобы оно имело место.

Что же касается того, что я медлил с поддержкой и не был доволен их делом, — за это я не намерен оправдываться перед людьми.

Когда Бог забрал Своего Пророка, курайшиты сказали: “Эмир должен быть из нас”.

Ансары сказали: “Эмир должен быть из нас”.

Тогда курайшиты ответили: “Мухаммад — из нас, поэтому это дело принадлежит нам”.

Ансары признали этот довод и уступили им власть и правление.

Но если курайшиты получили это право благодаря Мухаммаду, исключив ансаров, тогда те, кто ближе всех к Мухаммаду, имеют на него ещё большее право.

Если же это не так, тогда среди арабов именно ансары обладают наибольшей долей права на власть.

Поэтому я не знаю, считают ли мои товарищи себя невиновными в том, что отняли моё право, или в том, что поступили несправедливо с ансарами.

Я знаю лишь, что моё право было отнято, но оставил это им — да простит Бог их поступок».[287]

После этого Али переходил к Усману:

«Что касается твоих слов о деле Усмана и о том, будто я подстрекал против него, — ты слышал, что сделал Усман.

Затем люди поступили с ним так, как ты сам видел и знаешь.

Я держался в стороне от этого — если только ты не желаешь ложно обвинить меня; тогда обвиняй, как тебе угодно.

---

[287] Отрывок от слов «курайшиты сказали» до этого места отсутствует у аль-Балазури. Теоретически это может быть поздней шиитской вставкой. Однако более вероятно, что сам аль-Балазури предпочёл опустить его. Из-за этого ему пришлось перенести вперёд аргумент об Абу Суфьяне. Формулировка последнего показывает, что первоначально он, вероятно, завершал письмо как кульминация. Утверждение о том, что в Сакифе несправедливость была совершена также по отношению к ансарам, тоже, скорее всего, принадлежало самому Али.

Что же касается убивших Усмана, я рассмотрел это дело со всех сторон и не вижу оснований выдавать их тебе или кому-либо другому.[288]

Клянусь жизнью: если ты не прекратишь своё беззаконие и неповиновение, очень скоро ты познакомишься с ними сам — когда они придут искать тебя и избавят тебя от необходимости разыскивать их на суше и море, в горах и на равнинах».

В заключение Али напомнил Муавии:

«Твой отец пришёл ко мне, когда люди поставили Абу Бакра своим правителем, и сказал:

“После Мухаммада именно ты более всех достоин этого дела. Я поддержу тебя против любого, кто станет тебе противиться. Протяни руку — я присягну тебе”.

Но я этого не сделал.

Ты знаешь, что твой отец действительно говорил это и желал этого.

Я отказался лишь потому, что люди тогда ещё были слишком близки к неверию, и я боялся раскола среди мусульман.

Поэтому твой отец скорее признавал моё право, чем ты.

Если ты признаешь то право, которое признавал твой отец, ты вернёшься к здравому рассудку.

Если же нет — Бог избавит нас от нужды в тебе».[289]

Ответ Али прозвучал мощно и расставил всё по местам.

Если отбросить отдельные преувеличения и риторические украшения, он излагал простую истину. Да, письмо Муавии заставило Али открыто заговорить о том, чего в тот момент он предпочёл бы не касаться.

Сначала он безоговорочно высоко оценил поведение Абу Бакра и Умара. Но когда ему пришлось объяснить собственную медлительность и нежелание признавать их власть, Али понял: скрывать факты больше бессмысленно.

Он чувствовал, что правда — в истории, как и в личной жизни, — порой причиняет боль, но одновременно освобождает тех, кто готов её принять.

На собрании в Сакифе его действительно лишили права — причём не только с точки зрения принципов Писания, но даже согласно традиционным нормам арабского племенного устройства.

И кто, как не Абу Суфьян — отец Муавии, — сам признавал это?

Теперь же сын Абу Суфьяна обвинял Али в зависти, хотя, как некогда Умар объяснял Ибн Аббасу, именно курайшиты не могли вынести мысли, чтобы дом Хашима объединил в себе и пророчество, и имамат.

Пусть почитателей Абу Бакра и Умара ранит эта правда: Али больше не имел с двумя патриархами никакой распри и мог искренне оплакивать их утрату для ислама.

---

[288] В версии аль-Балазури: «Я не знаю конкретно ни одного его убийцы. Я рассмотрел дело со всех сторон, но не вижу возможности выдать тебе тех, кто находится со мной и кого ты обвиняешь или подозреваешь».

[289] Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 88–91; аль-Балазури, Ансаб, II, 279–283.

Но если их прежние сторонники теперь готовы поддержать самозванца Муавию, они делают это на свой страх и риск.

Позиции обеих сторон были окончательно сформулированы.

Война стала неизбежной.

Али созвал совет правящей исламской элиты, под которой он, как и во времена Мухаммада, понимал мухаджиров и ансаров на равных основаниях.

Когда он попросил их совета, все призвали его повести их на джихад против обманщиков.

Первым выступил Хашим ибн Утба, заявив, что врагами движет исключительно мирская алчность.

Затем заговорил Аммар ибн Ясир. Будучи вольноотпущенником курайшитов, при первых халифах он, несмотря на своё раннее принятие ислама, не входил в высший совет. Теперь Аммар советовал действовать быстро, пока огонь мятежников не разгорелся во всю силу.

После него выступил Кайс ибн Са‘д. Он заверил Али, что джихад против этих людей для него дороже, чем война против тюрок или византийцев.

Особенно горько Кайс говорил о дурном обращении с верующими и вновь поднял старую обиду ансаров, которую ещё при Абу Бакре выражал Хассан: курайшиты присвоили их *фай’* и обращались с ними словно со слугами.

Несколько старших ансаров, среди которых были Хузайма ибн Сабит и Абу Айюб аль-Ансари, возразили Кайсу, спросив, почему он говорит прежде старейшин своего народа.

Кайс извинился и признал их достоинство, добавив, что кровь в нём вскипела при воспоминании о «союзниках» — *ахзаб* — времён Пророка.

Тогда ансары решили, что от их имени выступит Сахль ибн Хунайф. Он заверил Али, что они одинаково готовы быть с ним и в мире, и на войне, но посоветовал прежде всего заручиться поддержкой жителей Куфы, от которых многое зависело.[290]

Сами куфийцы были куда менее единодушны в вопросе войны.

Как бы они ни относились к Муавии, они прекрасно понимали: в войне, с её безжалостной шахматной логикой, кровь будут проливать прежде всего они и их сирийские братья — задолго до того, как опасность коснётся предводителей обеих сторон.

Некоторые считали, что сирийцев и Муавию нельзя ставить в один ряд с басрийцами.

Басрийцы присягнули Али, а затем нарушили клятву. Сирийцы же вообще никогда ему не присягали — хотя ещё Абу Бакр создал прецедент, когда непризнание халифа было приравнено к отступничеству.

---

290 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 92–94.

Даже аль-Аштар, как передавали, в частной беседе со своим кланом ан-Наха говорил, что война против сирийцев нравственно сложнее войны в Басре именно потому, что никакая *бай‘а* их не связывала.[291]

Для тех, кто ещё помнил прежнюю племенную свободу и автономию, это был весьма привлекательный аргумент.

Когда Али призвал куфийцев:

— Выступайте против врагов Бога! Выступайте против остатков Союзников, убийц мухаджиров и ансаров!

— Арбад ибн Раби‘а из Бану Фазара встал и выкрикнул:

— Ты хочешь повести нас против наших сирийских братьев, чтобы мы убивали их ради тебя, как ты уже водил нас против наших басрийских братьев и мы убивали их? Клянусь Богом, мы этого не сделаем!

Аль-Аштар поднялся:

— Кто займётся этим человеком, о люди?

Арбад бросился бежать. Толпа погналась за ним, настигла на конном рынке, избила и затоптала насмерть.

Али пришёл и спросил, кто его убил.

Ему ответили:

— Хамдан и всякая смешанная толпа.

Он постановил, что человек погиб в междоусобной свалке, где невозможно установить убийцу, и поэтому кровная цена должна быть выплачена из казны.

Абу Тлака ат-Тайми сложил по этому поводу стихи:

К Господу прибегаю, чтоб мне не умереть
Так, как Арбад погиб на рынке боевых коней.
Хамданцы били его сандалиями по очереди:
Едва одна рука поднималась — другая уже падала вниз.[292]

Когда собрание продолжилось, аль-Аштар поднялся и заверил Али в верности куфийцев, отмежёвываясь от слов «этого жалкого предателя».

Весь народ, сказал он, — сторонники Али, его *ши‘а*, и желает, чтобы он повёл их против врага.

Положение удалось спасти.

Али завершил обсуждение примирительной фразой:

---

[291] Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 711. Однако усманидское происхождение сообщения заметно по тому, что аль-Аштару приписывается признание, будто община напала на своего лучшего человека и убила его.

[292] Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 54–55. В версии аль-Балазури в двух стихах избивавшие Арбада названы «нашими чтецами Корана», а не хамданитами.

— Путь един, и в истине люди равны. Кто искренне высказал своё мнение ради общего блага — тот исполнил свой долг.[293]

Однако не все противники войны и сомневающиеся успокоились.

Абдаллах ибн аль-Му‘тамм из племени Абс, сподвижник и видный военачальник своего племени при завоевании Ирака, и [294]Ханзала ибн ар-Раби из Тамима, известный как аль-Катиб — «Писец», поскольку прекрасно владел письмом и некогда составлял письмо для самого Пророка, [295]пришли к Али в сопровождении большой группы гатафанцев и тамимитов.

Оба советовали не воевать с сирийцами, поскольку исход войны непредсказуем, а вместо этого ещё раз написать Муавии. Некоторые поддержали их.

Али ответил, что непокорные Богу в любом случае окажутся проигравшими, независимо от того, какая сторона победит в сражении.

По его словам, он слышит речи людей, которые не готовы «поддерживать дозволенное и отвергать предосудительное».

Один из его верных сторонников, Ма‘киль ибн Кайс аль-Ярбу‘и ар-Рияхи, поднялся:

— Повелитель верующих, эти люди пришли к тебе не с искренним советом, а с обманом. Остерегайся их: они ближе к врагу, чем к тебе.

Начальник полиции Али Малик ибн Хабиб аль-Ярбу‘и добавил:

— Повелитель верующих, мне стало известно, что этот Ханзала постоянно пишет Муавии. Передай его нам, чтобы мы держали его под стражей до завершения похода и твоего возвращения.

Двое абситов также утверждали, что Абдаллах ибн аль-Му‘тамм переписывается с Муавией, и попросили разрешения арестовать его до окончания кампании.

Обвинённые возмутились:

— Так вы вознаграждаете тех, кто тщательно всё обдумывает и даёт вам советы относительно вас самих и вашего врага?

Али сказал им:

— Пусть Бог рассудит между мной и вами. Я вверяю вас Ему и прошу Его помощи против вас. Идите куда хотите.

Позиция Ханзалы особенно беспокоила Али — вероятно, потому, что ему доверял сам Пророк.

Али снова вызвал его и прямо спросил:

— Ты за меня или против меня?

— Ни за тебя, ни против, — ответил Ханзала.

— Что же ты намерен делать?

— Уйду в Эдессу — ар-Руху. Это место, где можно укрыться от обеих сторон. Останусь там до тех пор, пока дело не завершится.

---

293 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 95.

294 См. Ибн Хаджар, аль-Исаба, IV, 132; ат-Табари, указатели, соответствующая статья.

295 Ибн Хаджар, аль-Исаба, II, 43–44.

Знать его рода, Бану Амр из Тамима, возмутилась.

Но Ханзала сказал:

— Вы не совратите меня с моей веры. Оставьте меня. Я знаю лучше вас.

Ему пригрозили, что не позволят забрать с собой рабыню, родившую ему ребёнка, и детей, а возможно, даже убьют его.

Другие соплеменники встали на его защиту и обнажили мечи.

Ханзала попросил дать ему время, заперся дома — а ночью бежал к Муавии.

За ним последовали двадцать три человека из его рода.

Ибн аль-Му‘тамм также присоединился к Муавии, уведя с собой тринадцать соплеменников.

Однако оба отказались сражаться за Муавию и сохранили нейтралитет между двумя сторонами.

После бегства Ханзалы Али приказал разрушить его дом. Приказ исполнили старейшина Тамима Бакр ибн Тамим и Шабас ибн Риб‘и ат-Тамими.

В одном стихотворении Ханзала горько жаловался на них обоих, а в другом подстрекал Муавию убивать и карать ансаров, которых, как истинный мударит, по-видимому, считал особенно виновными в расколе общины.[296]

Ади ибн Хатим ат-Таи, вождь Таййи, тоже советовал Али ещё раз использовать письма и посланников, прежде чем выступать в поход.

Ему возразил Зайд ибн Хисн [297]ат-Таи, один из «законоведов в бурнусах» — *асхаб аль-баранис аль-муджтахидин*, впоследствии видный хариджит.

Он заявил: если они сомневаются в справедливости войны, отсрочка не сделает её справедливой. Но сомневаться невозможно, поскольку враг явно требует крови неправедно.

Другой человек из Таййи возмутился:

— Зайд ибн Хисн, ты принижаешь слова нашего вождя Ади ибн Хатима?

Зайд ответил:

— Ты не лучше меня знаешь достоинство Ади. Но я не перестану говорить правду, даже если она раздражает людей.

Ади великодушно повторил слова Али:

— Кто искренне высказал своё обдуманное мнение, тот исполнил свой долг.[298]

Племя Бахила, немногочисленное в Куфе, но имевшее много родственников в Сирии, тоже не горело желанием воевать с сирийцами.

Али сказал им прямо:

— Призываю Бога в свидетели: вы ненавидите меня, и я ненавижу вас. Получите своё жалованье и идите воевать с дейлемитами.[299]

---

296 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 95–98.

297 В источниках встречаются обе формы — Хисн и Хусайн. У аль-Минкари здесь стоит Хусайн. Однако рукописи Ансаб аль-ашраф аль-Балазури последовательно дают Хисн. В своём издании аль-Махмуди регулярно исправлял его на Хусайн. Здесь во всём тексте предпочтена форма Хисн.

298 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 99–100.

299 Там же, 116.

Другие, напротив, убеждали Али выступить как можно быстрее, пока враг ещё не успел полностью подготовиться.

Язид ибн Кайс аль-Архаби и Зияд ибн ан-Надр аль-Хариси, оба предводители йеменских племён, возможно, первыми сообщили, что их люди и снаряжение готовы, и попросили Али через глашатаев приказать войску собираться в лагере ан-Нухайла, в двух милях от Куфы.

«Знаток войны» — *ахy-ль-харб* — Язид ибн Кайс [300]сказал Али:

— Знаток войны — не тот, кто медлит из нежелания, тратит время на сон, откладывает решение или начинает советоваться, когда возможность уже появилась; и не тот, кто переносит сегодняшнюю войну на завтра или послезавтра.

Зияд ибн ан-Надр тоже призывал Али вести их против врага.

В тот же день Абдаллах ибн Будайл ибн Варка аль-Хузаи, выступавший от имени сподвижников Мухаммада, предупредил Али: не следует надеяться, что противники изменят позицию, ибо ими движут старая ненависть и злоба.

Обращаясь к народу, он спросил:

— Как Муавия может присягнуть Али, если Али в одном сражении убил его брата Ханзалу, дядю по матери аль-Валида и деда Утбу?[301]

Таких людей, заключил он, можно исправить только копьями и мечами.

После этого Али приказал аль-Харису ибн Абдаллаху аль-Хамдани, известному как аль-Харис аль-А‘вар, созвать людей в военный лагерь ан-Нухайла.[302]

Двое наиболее деятельных сторонников Али — Худжр ибн Ади аль-Кинди и Амр ибн аль-Хамик аль-Хузаи — ходили по городу, проклиная сирийцев и публично объявляя о своём отречении — *бара’а* — от них.

Али вызвал обоих и потребовал прекратить.

Не следует превращаться в ругателей и проклинателей, сказал он. Лучше описывать дурные поступки врага и просить Бога наставить его на прямой путь и сохранить кровь обеих сторон.

Они приняли упрёк и обещали следовать совету.[303]

Религиозная прослойка — чтецы Корана и другие — в большинстве своём принадлежала к самым энергичным сторонникам Али.

Однако ученики Абдаллаха ибн Мас‘уда занимали более осторожную позицию.

Когда Али уже готовился выступить в поход, группа из них, включая Абиду ибн Кайса ас-Салмани из Мурада и его товарищей, заявила, что отправится вместе с ним, но останется отдельным отрядом. Они намеревались наблюдать, какая сторона окажется преступившей границы, и лишь тогда вступить в бой против неё.

---

300 По другим сведениям, эти слова произнёс Абдаллах ибн Будайл аль-Хузаи.

301 Ханзала ибн Аби Суфьян, аль-Валид ибн Утба ибн Раби‘а — брат матери Муавии Хинд — и его отец Утба ибн Раби‘а ибн Абд Шамс погибли при Бадре. Последнего, согласно распространённой версии, убил мутталибид Убайда ибн аль-Харис, прежде чем погибнуть самому.

302 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 102–103; аль-Балазури, Ансаб, II, 294.

303 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 103–104.

Али похвалил такую позицию как соответствующую религии и здравому смыслу.

Другая группа — около четырёхсот человек во главе с Раби ибн Хусаймом ас-Саури — сказала, что, несмотря на признание превосходства Али, сомневается в правомерности этой войны, и попросила отправить их в какой-нибудь пограничный город.

Али послал их в ар-Райй против дейлемитов и лично вручил им знамя.[304]

В Куфе возникли также трудности из-за племенного соперничества между йеменцами и Раби‘а.

Али сместил аль-Аш‘аса ибн Кайса с общего командования куфийскими Кинда и Раби‘а и передал его Хассану ибн Махдуджу из Зухля.

Несколько йеменских вождей — аль-Аштар, Ади ибн Хатим ат-Таи, Захр ибн Кайс аль-Джуфи и Хани ибн Урва аль-Муради — пришли к Али и заявили, что аль-Аш‘ас, происходящий из рода вождей Кинда, может быть заменён только человеком равного с ним достоинства, тогда как Хассан ему не ровня.

Раби‘а возмутились за своего Хассана: по их мнению, он был ничуть не менее знатен, чем вождь Кинда.

Поэт ан-Наджаши, сам йеменец, встал на их сторону и заявил, что доволен всем, чем доволен Али — наследник Посланника Божьего.

Са‘ид ибн Кайс аль-Хамдани предупредил йеменцев: при Муавии им будет ещё хуже, ибо там им придётся иметь дело с Мударом.

Но йеменцы не успокоились.

Тогда Хассан предложил, чтобы аль-Аш‘ас нёс знамя Кинда, а он сам — знамя Раби‘а.

Аль-Аш‘ас отказался, сказав, что всё принадлежащее одному из них в равной степени принадлежит и другому.

Муавия узнал о ссоре и посоветовался с Маликом ибн Хубайрой, предводителем сирийских Кинда и другом аль-Аш‘аса.

Они нашли поэта из Кинда, который сочинил стихи, позорившие иракских кинда за то, что те допустили унижение своего вождя, и отправили стихотворение йеменцам в армии Али.

Шурайх ибн Хани аль-Хариси предупредил их, что сирийский соплеменник всего лишь пытается поссорить их с Раби‘а.

Хассан водрузил знамя в доме аль-Аш‘аса, и Али предложил вернуть тому командование.

Аль-Аш‘ас снова отказался, подчёркивая свою преданность, но согласился принять командование правым крылом армии.[305]

Али велел некоторым своим наместникам присоединиться к походу.

---

304 Там же, 115.

305 Там же, 137–140.

Из Исфахана прибыл Михнаф ибн Сулайм аль-Азди — прадед историка Абу Михнафа. Своими заместителями в Исфахане и Хамадане он оставил аль-Хариса ибн аль-Хариса ибн ар-Раби и Са‘ида ибн Вахба.[306]

Пока Али находился в ан-Нухайле, Абдаллах ибн аль-Аббас прибыл с басрийскими войсками.

В своё отсутствие он поручил Абу-ль-Асваду ад-Дуали возглавлять молитву, а сбор земельного налога доверил Зияду ибн Абихи.

Басрийцы были разделены на пять отрядов.

Бакр ибн Ваиль возглавлял Халид ибн аль-Муаммар ас-Садуси; Абд аль-Кайс — Амр ибн Марджум аль-Абди; Азд — Сабра ибн Шайман; Тамим, Дабба и ар-Рибаб — аль-Ахнаф ибн Кайс; а жителей возвышенностей Хиджаза — *ахль аль-Алия* — Шарик ибн аль-А‘вар аль-Хариси.[307]

В Сирии подготовка к войне также шла полным ходом.

Вернувшись из Куфы, Абу Муслим аль-Хаулани взял окровавленную рубаху Усмана, которую, как говорили, сестра Муавии Умм Хабиба прислала из Медины, и начал объезжать гарнизонные города Сирии, призывая народ к мести.

Кади Дамаска Ка‘б ибн Уджра аль-Ансари тоже, по сообщениям источников, делал всё возможное, чтобы разжечь народные страсти.[308]

Но, несмотря на эту пропаганду, желание воевать со своими иракскими братьями было среди сирийцев далеко не всеобщим.

По сообщению басрийца Абу Бакра аль-Хузали, Амр ибн аль-Ас, чтобы подбодрить сирийцев, преуменьшал силы противника. Он утверждал, что после Верблюжьей битвы враги расколоты и ослаблены, а басрийцы выступают против Али.

Когда Муавия узнал о наращивании армии Али, он встревожился, отложил собственное выступление и начал писать всем, кого считал противником Али и кого возмущало убийство Усмана, призывая прийти ему на помощь.

Аль-Валид ибн Укба потерял терпение и написал Муавии:

Передайте Муавии ибн Харбу:
Тебя по праву порицает верный брат.
Ты проводишь дни, словно запертый жеребец,
Ржёшь от страсти в Дамаске — но с места не двигаешься.
Ты со своими письмами к Али
Подобен кожевнице, чью шкуру проели черви.
Каждый конный отряд сулит тебе халифат,
Когда тяжко ступает к развалинам Ирака.

---

306 Там же, 104–105.

307 Там же, 117; аль-Балазури, Ансаб, II, 293, 295. Сообщается также, что из басрийских Азд в походе участвовали только Абд ар-Рахман ибн Убайд и менее десяти человек вместе с ним.

308 Аль-Балазури, Ансаб, II, 291.

Мститель за кровь — не тот, кто медлит;
Искатель возмездия должен быть свиреп.
Если бы убит был ты, а он оставался жив,
Он обнажил бы меч — без слабости и колебаний,
Не страшась кровавых преступлений,
Не отрицая их, не утомляясь и не оставаясь сидеть.
Твой народ уничтожен в Медине,
Лежит скошенный, словно сухие стебли.[309]

Пять лет спустя, когда Муавия победителем вошёл в Куфу, он велел аль-Валиду подняться на ту самую кафедру, которую некогда пришлось отмывать от его рвоты, и прочесть эти стихи перед униженными противниками.

Сам Муавия затем процитировал строку доисламского поэта Ауса ибн Хаджара:

Многие дивятся нашей медлительности,
Но когда война прижмёт их — уже не скажут ни слова.[310]

Теперь «свирепый» праздновал победу.

Публично назвав халифат военным призом, аль-Валид мог вернуться к старому тезису Марвана: халифат — собственность дома Омейядов, и за него они будут сражаться.

Он вспомнил оружие и общественных верблюдов — *ибл ас-садака* — [311]во дворце Усмана, которые после его гибели захватил Али.

От имени Омейядов он обратился к Хашиму, теперь коллективно объявленному виновным:

Бану Хашим, верните оружие сына вашей сестры,
Не грабьте его — добыча эта вам не дозволена.
Бану Хашим, не спешите навлекать возмездие:
Для нас равны его убийцы и тот, кто разграбил его имущество.
Бану Хашим, какие переговоры могут быть между нами,
Когда меч его у Али — и его благородные кони?
Они убили его, чтобы занять его место,
Как некогда хосрова предали его марзбаны.

---

309 Ат-Табари, I, 3257–3258. Стихотворение приводится с вариантами и в иной последовательности строк у аль-Балазури, Ансаб, II, 290–291; Ибн Манзура, Мухтасар, XXVI, 347–348, и в других источниках. Здесь переведена версия ат-Табари, однако слово «эмират» — имара — заменено на «халифат» — хилафа, как в большинстве других версий. Аль-Валид определённо соблазнял Муавию надеждой на халифат: эмиром тот уже был.

310 Ибн Манзур, Мухтасар, XXVI, 347–348. Версия, согласно которой Муавия процитировал стих Ауса ибн Хаджара именно в этом случае, кажется более вероятной, чем рассказ ат-Табари, будто он отправил строку аль-Валиду на пустом свитке в качестве ответа.

311 См. аль-Агани, IV, 168.

Я непременно приду к вам с бескрайним войском,
Чей грохот и смятение оглушат слух.[312]

За Хашима ответил аль-Аббас ибн Утба ибн Аби Лахаб:

Не спрашивай нас об оружии — оно пропало:
Его хозяин сам бросил его в ужасе боя.
Ты сравнил его с хосровом — да, он был на него похож:
И нравами своими, и толпами вокруг себя.[313]

Чтобы сосредоточить силы для вторжения в Ирак, Муавии необходимо было обезопасить северную и западную границы.

Он заключил перемирие с византийским императором, отправил подарки и согласился платить дань.

Муавия мог не сомневаться, что Али не станет объединяться против него с врагом ислама.

Египет теперь тоже вызывал меньше тревоги: способного Кайса ибн Са‘да сменил Мухаммад ибн Аби Бакр.

Последний был искренне предан Али, но политическими способностями не отличался.

Через месяц после прибытия он написал отделившимся сторонникам в Харбите, с которыми Кайс заключил мир, и потребовал либо подчиниться, либо покинуть страну.

Они отказались. Попросили времени, чтобы посмотреть, чем закончится предстоящая борьба Али и Муавии, и начали готовиться к сопротивлению.

Ибн Аби Бакр не нападал на них до самого Сиффина. [314]Но, настроив их против себя, он превратил их в постоянную угрозу.

Ещё до Сиффина сын Абу Бакра вступил в публичную перепалку с Муавией.

Ат-Табари не привёл её текст, объяснив, что простые люди — *амма* — не вынесут подобных слов. [315]Однако переписку сохранили аль-Балазури и другие источники.

Мухаммад ибн Аби Бакр обращался к Муавии как к «заблудшему, сыну Сахра», называл его «проклятым сыном проклятого», который всегда стремился погубить религию Бога и теперь укрывает остатки Союзников.

Этому он противопоставлял Али — первого, кто откликнулся на призыв Пророка к исламу, его брата и двоюродного брата, всегда стоявшего в первых рядах его сторонников,

---

312 Самая полная версия из девяти строк приводится в аль-Агани, IV, 176. Частичный перевод основан на ней, за исключением одного чтения. Другие версии см. у аль-Балазури, Ансаб, V, 104, и в приведённых там ссылках.

313 Аль-Агани, IV, 177. Альтернативная атрибуция Абу-ль-Фараджа, называющего автором аль-Фадла ибн аль-Аббаса, почти наверняка ошибочна.

314 Ат-Табари, I, 3248.

315 Там же.

его наследника и отца его потомства, которого теперь поддерживают ансары, восхвалённые самим Богом.

Не забыл Ибн Аби Бакр и Амра ибн аль-Аса — партнёра Муавии в игре мошенничества и обмана.

Скоро, писал он, станет ясно, кому достанется благой исход. Бог наблюдает за Муавией.

Муавия, несомненно при содействии Амра, ответил тем же.

Письмо было адресовано «человеку, порочащему собственного отца — Мухаммаду, сыну Абу Бакра».

Он сразу увидел слабое место в семейной истории Мухаммада, связанной с правом наследника Пророка, и безжалостно ударил именно туда.

Муавия писал, что речи Мухаммада фактически являются обвинением против его собственного отца:

«Ты упомянул право Ибн Аби Талиба, его древние заслуги, близость к Посланнику Божьему, его поддержку и утешение Пророка во всякий час страха и ужаса.

Но твой довод против меня основан на достоинствах другого человека, а не на твоих собственных.

Так возблагодари Бога, Который отвёл достоинство от тебя и даровал его другому.

Мы — и твой отец вместе с нами — ещё при жизни Пророка признавали право Ибн Аби Талиба обязательным для нас и считали его достоинства превосходящими наши.

Но когда Бог избрал для Своего Пророка то, что предназначил ему, исполнил Своё обещание, сделал его призыв явным, а довод победоносным и затем забрал его к Себе, твой отец и его Фарук [Умар] [316]первыми отняли у Али преемство и выступили против него.

Они договорились и действовали сообща.

Затем вызвали его к себе, но он медлил, держался в стороне и не спешил к ним.

В то время оба замышляли против него и намеревались причинить тяжкое зло, однако он всё же присягнул и подчинился им.

Они не дали ему доли в своей власти и не посвящали в свои тайные дела до самой смерти, пока их правление не закончилось.

Затем после них поднялся третий — Усман ибн Аффан, следовавший их прямым путём и поступавший согласно их примеру.

Но ты и твой господин обвиняли его, пока даже самые далёкие из грешников не возжелали его жизни.

Вы скрывали и одновременно обнаруживали ненависть и злобу против него, пока не достигли желаемого».

---

316 Формулировка примечательна. Неужели знаменитое прозвище Умара — Фарук — дал ему Абу Бакр? В версии аль-Балазури местоимение относится к Мухаммаду. Последующий текст у аль-Балазури явно смягчён и риторически ослаблен, чтобы сделать его приемлемее с суннитской точки зрения. Текст аль-Масуди подтверждает чтение аль-Минкари. Об истории прозвища Умара см. S. Bashear, “The Title ‘Faruq’ and its Association with ‘Umar I”, Studia Islamica, 72 (1990), 47–70.

Затем Муавия высмеивал сына Абу Бакра, осмелившегося бросить вызов такому гиганту политической выдержки — *хильм* — как он сам, хотя именно отец Мухаммада, Абу Бакр, расчистил, построил и возвысил дорогу к власти Муавии:

«Если дело, которое мы ныне совершаем, неправильно, тогда твой отец был первым, кто начал его.

Если это несправедливость, тогда именно твой отец положил ей основание, а мы лишь его соучастники.

Мы следовали его руководству и подражали его поступку.

Если бы твой отец не опередил нас в этом и не счёл его непригодным к власти, [317]мы бы не противились Ибн Аби Талибу и подчинились бы ему.

Но поскольку мы видели, что твой отец поступил именно так, мы следуем его примеру.

Так что вини своего отца сколько угодно — или замолчи».[318]

Сам того не желая, сын Абу Бакра подставился под очередной блестящий образец той насмешливой промывки мозгов, которой властители мира любят развлекать доверчивых подданных и водить их за нос.

Теперь, когда Муавия уже метил в халифы, мог ли он придумать что-либо выгоднее, чем представить себя истинным хранителем и восстановителем здания, которое воздвигли Абу Бакр и его Фарук?

Разве их головокружительный успех не объяснялся тем, что они держали «подрывного крота» Али в стороне и не давали ему участвовать ни в управлении, ни в тайных советах?

Муавия будто бы всего лишь следовал их мудрости и руководству, спасая халифат от «заблудшего сына» Абу Бакра и его господина.

Несчастный третий — Усман — всё ещё был необходим, чтобы обеспечить цепь апостольского преемства: от самого верного друга Пророка и двух прославленных сподвижников — к их самому преданному слуге, пусть и обращённому *талику*, а затем со временем — к его слегка распущенному сыну, будущему убийце внука Пророка.

Должно быть, вши в джуббе Амра снова приятно щекотали его, когда он представлял Ибн Аби Бакра и Али зачинщиками кампании против Усмана, приведшей к его печальному концу.

Для позднейших суннитов письмо Муавии звучало уже далеко не так забавно, как для его современников.

Действительно ли Муавия имел в виду то, что говорил: будто ещё при Пророке все они признавали превосходство и первенство Али?

Или это была всего лишь допустимая военная хитрость?

---

317 Слова «и счёл его непригодным к власти» взяты из версии аль-Балазури.

318 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 118–120; аль-Балазури, Ансаб, II, 393–397; аль-Масуди, Мурудж, III, 197–201, §§ 1790–1791.

Ат-Табари имел веские причины решить, что письмо непригодно для ушей простонародья.

Гораздо удобнее было забыть свидетельство «писца Пророка» и придерживаться слов Абдаллаха ибн Умара, сохранившихся в *Муснаде* Ахмада ибн Ханбала:

«При жизни Посланника Божьего, когда его сподвижников было ещё много, мы перечисляли: Абу Бакр, Умар, Усман — а затем умолкали».[319]

Поскольку Мухаммад ибн Аби Бакр испытывал трудности в Египте, Муавия мог доверить охрану западной границы трём второстепенным палестинским командирам.[320]

Незадолго до этого его встревожили вести, что Натиль ибн Кайс, вождь Джузама, захватил Палестину и присвоил казну.

Однако Амр посоветовал позволить Натилю спокойно растратить добычу и даже поздравить его, поскольку тот сражался не ради религиозного дела.[321]

Муавия так и поступил.

При Сиффине Натиль командовал для него Лахмом и Джузамом.[322]

Когда стало известно, что Али лично возглавляет свою армию, Муавия по совету Амра решил сам принять командование сирийцами.[323]

Али выступил из ан-Нухайлы, вероятно, в начале зу-ль-хиджжи 36 года хиджры — в конце мая 657 года.[324]

Наместником Куфы на время своего отсутствия он назначил Абу Мас‘уда Укбу ибн Амра аль-Ансари из Ауф ибн аль-Харис ибн аль-Хазрадж, ветерана Бадра.[325]

Это было рискованное решение: в отличие от Хузайфы ибн аль-Ямана, Абу Мас‘уд решительно выступал против куфийского восстания против наместника Усмана Са‘ида ибн аль-Аса и [326]явно склонялся к нейтралитету.

Кроме того, Али приказал начальнику полиции Малику ибн Хабибу аль-Ярбу‘и собрать всех, кто попытается уклониться от похода.[327]

Армия двинулась через Музлим Сабат к аль-Мадаину, оттуда — к аль-Анбару, затем вдоль восточного берега Евфрата к ар-Ракке.

---

319 Ахмад ибн Ханбал, Муснад, II, 14. См. также W. Madelung, Der Imam al-Qasim ibn Ibrahim und die Glaubenslehre der Zaiditen (Berlin, 1965), 226.

320 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 128. Из трёх названных лиц лишь Сумайр (Самир?) ибн Ка‘б ибн Аби-ль-Химьяри известен также как участник ранних завоеваний.

321 Ат-Табари, II, 210–211.

322 Ибн Манзур, Мухтасар, XXVI, 96.

323 Ат-Табари, I, 3256–3257.

324 Дата Абу-ль-Кануда — 5 шавваля / 27 марта — примерно на два месяца слишком ранняя. Али едва ли мог добираться до Сиффина два с половиной месяца.

325 Ибн Хаджар, аль-Исаба, IV, 252.

326 Ат-Табари, I, 2934.

327 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 121, 131. Сообщается, что Малик обезглавил одного человека, пытавшегося остаться в Куфе.

Из аль-Мадаина Али отправил Ма‘киля ибн Кайса ар-Рияхи во главе трёх тысяч человек северным маршрутом через Мосул, Нисибин и Ра’с аль-Айн с приказом снова соединиться с ним у ар-Ракки.[328]

По дороге некоторые из воинов попросили Али ещё раз написать Муавии и его сторонникам, призвав их признать его власть и отказаться от заблуждения.

Али обратился к Муавии и находившимся при нём курайшитам, напомнил об обязанности мусульман признать власть наиболее добродетельного и достойного среди них и призвал следовать Книге Бога и Сунне Его Пророка, пощадив кровь общины.

Муавия ответил строкой стихотворения, смысл которой сводился к одному: между ними теперь могут рассудить лишь копьё и меч.[329]

Неподалёку от Каркисии к армии Али сзади подошёл его авангард под командованием Зияда ибн ан-Надра и Шурайха ибн Хани.

Они двигались из Куфы вдоль западного берега Евфрата.

Достигнув Аната, узнали, что Али идёт по восточному берегу, а Муавия приближается из Дамаска.

Жители Аната не позволили им переправиться через реку.

Отряд повернул назад и перешёл Евфрат у Хита.

Они хотели отомстить жителям Аната, но те укрепили город, и потому войско двинулось дальше к основной армии.

В ар-Ракке Симак ибн Махрама запер ворота и укрепил город при приближении войск Али.

Али остановился снаружи и попросил враждебно настроенных жителей построить для армии понтонный мост через реку.

Они отказались.

Тогда Али направился вверх по течению к Джиср Манбиджу, намереваясь переправиться там.

Но аль-Аштар выкрикнул в адрес защитников крепости несколько угроз.

Зная, что он не склонен шутить, жители быстро передумали и построили мост.

Вся армия переправилась через реку.[330]

Двигаясь от ар-Ракки на запад к Сиффину, Али вновь послал вперёд авангард под командованием Зияда ибн ан-Надра и Шурайха ибн Хани.

У Сур ар-Рума они встретили сирийский отряд Абу-ль-А‘вара Суфьяна ибн Амра ас-Сулами.[331]

---

328 Аль-Балазури, Ансаб, II, 296.

329 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 151.

330 Там же, 151–152; ат-Табари, I, 3259–3260; аль-Балазури, Ансаб, II, 297–298.

331 Об Абу-ль-А‘варе ас-Сулами см. статью Х. Ламменса в Encyclopaedia of Islam. Ламменс замечает, что тот «по-видимому, не принадлежал к ближайшему кругу Пророка». В действительности, будучи союзником Абу Суфьяна, он являлся одним из наиболее яростных врагов Мухаммада. См. M. J. Kister, “O God, Tighten Thy Grip on Mudar…: Some Socio-economic and Religious Aspects of an Early Hadith”, Journal of the Economic and Social History of the Orient, 24 (1981), 242–273, особенно 258–259. Он упомянут среди тех, кого Мухаммад проклинал в своём кунуте.

Убедить его подчиниться не удалось.

Они сообщили Али, и тот отправил к ним аль-Аштара с конницей, приказав не нападать первым.

Вечером сирийцы сами атаковали, а затем отступили.

На следующее утро аль-Аштар перешёл в наступление.

Известный сирийский воин Абдаллах ибн аль-Мунзир ат-Танухи был убит молодым тамимитом Зубьяном ибн Умарой.

Аль-Аштар послал к Абу-ль-А‘вару человека с вызовом на поединок.

В ответ Абу-ль-А‘вар обвинил его в изгнании наместников Усмана из Ирака, оскорблении халифа и заявил, что теперь аль-Аштара разыскивают как одного из убийц Усмана.

Он сказал посланнику, что не нуждается в поединке с аль-Аштаром, и отпустил его, не дав тому возможности ответить на обвинения.

Аль-Аштар заметил:

— Он дорожил своей жизнью.

Оба отряда провели остаток дня напротив друг друга.

На следующее утро подошёл Али с основной армией.

Сирийцы ночью отступили.[332]

По сообщению аль-Балазури, это произошло во второй половине зу-ль-хиджжи 36 года — после 5 июня 657 года.[333]

Когда армия Али разбила лагерь, выяснилось, что место водопоя на Евфрате занято Абу-ль-А‘варом и сирийцами.

Те не позволяли иракцам приблизиться к воде.

Других источников воды поблизости найти не удалось.

Люди пожаловались Али.

Тот отправил Са‘са‘а ибн Сухана к Муавии со словами: Али и его люди пришли сюда, не желая начинать войну прежде должного предупреждения, призыва и разъяснения доводов.

Но конница и пехота Муавии сами начали боевые действия, а теперь ещё и не дают людям Али брать воду.

Али просил Муавию разрешить доступ к реке, пока стороны окончательно не выяснят отношения.

Если же Муавия предпочитает, добавил он, пусть спор о воде и станет тем вопросом, из-за которого они вступят в сражение, вместо основного дела, ради которого пришли сюда.

Муавия собрал советников.

---

332 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 152–156; ат-Табари, I, 3261–3264.

333 Аль-Балазури, Ансаб, II, 299. Другие источники, включая Абу Михнафа, относят начало боевых действий при Сиффине к началу зу-ль-хиджжи / 10 мая. Однако сведений о сражениях до перерыва в месяце мухаррам / июне–июле крайне мало. Маловероятно, что боевые действия могли идти целый месяц, не оставив сколько-нибудь запоминающихся эпизодов.

Аль-Валид ибн Укба призвал лишить врага воды — как, по его утверждению, они сами лишали воды Усмана, не давая ему ни холодного питья, ни мягкой пищи в течение сорока дней.

Амр ибн аль-Ас, напротив, советовал дать иракцам доступ к воде: иначе они непременно будут сражаться за неё.

Аль-Валид повторил своё мнение.

К нему присоединился Абдаллах ибн Са‘д ибн Аби Сарх, заявив, что враг будет вынужден позорно отступить:

— Не давайте им воды! Да лишит их Бог воды в День воскресения!

Са‘са‘а вмешался:

— Бог, Могущественный и Возвышенный, лишит её в День воскресения неверных грешников и пьяниц — таких, как ты и этот нечестивец!

Он имел в виду аль-Валида.

Те пришли в ярость, начали ругать и угрожать ему.

Но Муавия остановил их:

— Он посланник.

Перед уходом Са‘са‘а спросил Муавию:

— Каков твой ответ?

Муавия сказал:

— Моё решение скоро дойдёт до вас.

И приказал коннице усилить Абу-ль-А‘вара и не подпускать противника к воде.[334]

Это была, как сразу понял Амр, глупейшая ошибка.

Ничто не могло быстрее превратить людей, большинство из которых вовсе не жаждало сражаться со своими сирийскими братьями, в разъярённых львов, чем лишение питьевой воды.

Как часто случается с деспотами, Муавия сам оказался пленником собственной пропаганды: он действительно начал воспринимать противника как «убийц Усмана», которые должны умереть от жажды.

Некий ас-Салиль ибн Амр из Сакуна даже поддержал его стихами.[335]

Однако аскет из Хамдана аль-Му‘арра ибн аль-Акбал поддержал позицию своего друга Амра ибн аль-Аса и сказал Муавии, что это уже начало притеснения — *джаур*, ведь в лагере врага есть рабы, наёмные слуги и слабые невинные люди.

Муавия сорвал гнев на Амре.

Тогда хамданит сочинил язвительное стихотворное прощание с Ибн Хинд и ночью перешёл на сторону Али.[336]

Самому Али даже не пришлось поднимать людей в атаку.

---

334 Ат-Табари, I, 3268–3269; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 160–162.

335 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 162–163.

336 Там же, 163–164.

Проведя без воды целые сутки, аль-Аш‘ас ибн Кайс пришёл к нему и попросил разрешения атаковать, а также приказать аль-Аштару присоединиться со своей конницей.

— Мы не отступим, — сказал он, — пока либо не доберёмся до воды, либо не погибнем.

Али согласился.[337]

Добровольцами вызвались двенадцать тысяч человек.

Они обрушились на Абу-ль-А‘вара и его войска.

Даже присутствие Амра ибн аль-Аса с сирийской конницей их не остановило.

Противника отбросили, оставив считать потери.

Аль-Аштар лично убил семерых, аль-Аш‘ас — пятерых.[338]

«День Евфрата» надолго остался одним из приятных воспоминаний куфийцев и басрийцев.

Сначала они объявили, что теперь сами не позволят сирийцам подходить к воде.

Но Али приказал им взять столько воды, сколько необходимо, и вернуться в лагерь.[339]

Он всё ещё надеялся добиться соглашения убеждением.

Две армии простояли друг против друга два дня.

Затем Али вызвал ансара Абу Амру Башира ибн Амра ибн Михсана, Са‘ида ибн Кайса из Хамдана и Шабаса ибн Риб‘и из Тамима и приказал им отправиться к Муавии, призвать его к Богу, повиновению и единству общины.

Шабас спросил Али, не следует ли соблазнить Муавию обещанием наместничества и высокого положения.

Али ответил:

— Нет. Спорьте с ним и выясните его взгляды.

Первым заговорил Абу Амра.

Он произнёс проповедь о бренности мира и о том, что Всемогущий потребует отчёта за человеческие дела.

Затем призвал Муавию не раскалывать единство общины и не проливать кровь в междоусобице.

Муавия остался невпечатлён и перебил его:

— Почему ты не советуешь этого своему господину?

Абу Амра ответил:

— Мой господин не похож на тебя. Из всех людей он более всех достоин этого дела благодаря своим достоинствам, религии, раннему принятию ислама и близкому родству с Посланником Божьим.

— И чего он хочет? — спросил Муавия.

---

337 Там же, 166.

338 Там же, 174.

339 Ат-Табари, I, 3269; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 162.

— Он велит тебе бояться Бога и откликнуться на справедливый призыв твоего двоюродного брата. Для тебя это лучше и в земной жизни, и в исходе твоём.

Муавия ответил:

— Значит, мы должны позволить, чтобы кровь Усмана была пролита напрасно? Нет, клянусь Богом, этого я никогда не сделаю.

Тогда вперёд вышел Са‘д ибн Кайс, но Шабас ибн Риб‘и нетерпеливо перебил его:

— Муавия, я понял твой ответ Ибн Михсану. Клянусь Богом, нам совершенно ясно, чего ты добиваешься.

Ты не нашёл ничего лучшего, чтобы обмануть людей, привлечь их сочувствие и добиться искреннего повиновения, кроме лозунга: “Ваш имам несправедливо убит — мы требуем мести за его кровь”.

И кучка простаков тебе поверила.

Но мы знаем: ты сам не пришёл ему на помощь, потому что хотел его смерти ради той власти, которой теперь добиваешься.

Однако сколько бы человек ни стремился к чему-либо, Бог Своей силой может не дать ему этого — а может позволить получить и желаемое, и даже больше.

Клянусь Богом, ни в одном случае добра для тебя нет.

Если желаемое ускользнёт, ты окажешься в худшем положении среди всех арабов.

А если достигнешь цели, то достигнешь её лишь ценой огня твоего Господа.

Побойся Бога, Муавия. Откажись от того, что задумал, и не оспаривай власть у тех, кому она принадлежит.

Муавия почувствовал себя неловко.

Он понял, что Шабас, лишь немного преувеличив, раскрыл его истинные мотивы, и забеспокоился, какое влияние такие крамольные слова могут оказать на собственных сторонников.

Надо было показать себя тем гигантом политической мудрости, каким недавно изображал его Амр, и добавить немного омейядской надменности.

Воздав должную хвалу Богу, Муавия сказал:

— Первое доказательство твоей глупости и ничтожности твоего рассудка — то, что ты перебил речь этого почтенного и знатного человека, предводителя своего народа. А затем полез рассуждать о том, чего не понимаешь.

Ты лжёшь и говоришь низости, грубый, неотёсанный бедуин, во всём, что только что сказал.

Убирайтесь от меня. Между нами отныне может быть только меч.

В гневе Муавия даже забыл о собственной показной учтивости и так и не выслушал того самого «почтенного вождя народа».

Но кем вообще был этот человек рядом с самим Муавией, который уже примерял на себя будущую роль Наместника Бога на земле?

Когда послы уходили, бесстрашный Шабас, которого не впечатлил бег Муавии в высшие сферы политики, бросил напоследок:

— Думаешь напугать нас мечом? Клянусь Богом, очень скоро этот меч принесут прямо к тебе![340]

После этого стычки происходили ежедневно вплоть до конца зу-ль-хиджжи — 18 июня.

Али каждый день посылал вперёд одного из знатных военачальников с небольшим отрядом; Муавия отвечал тем же.

Обе стороны опасались массовой бойни, если основные армии сойдутся целиком.

Однажды аль-Аштар выступил с группой чтецов Корана, и завязался тяжёлый бой.

Из сирийских рядов вышел неизвестный громадный воин и вызвал противника на поединок.

Никто не решался принять вызов, кроме аль-Аштара.

Они обменялись несколькими ударами, после чего аль-Аштар убил противника.

Им оказался Сахм ибн Аби-ль-Айзар из Бану Зара племени Азд.

Один из его людей поклялся либо убить убийцу своего товарища, либо погибнуть самому.

Аль-Аштар повернул коня ему навстречу, но когда тот оказался перед его лошадью, его товарищи бросились вперёд и спасли его.[341]

В начале мухаррама 37 года хиджры — 19 июня 657 года — стороны договорились о месячном перемирии в надежде найти мирное решение.

Послы вновь начали ходить между лагерями.

Али направил Ади ибн Хатима ат-Таи, Язида ибн Кайса аль-Архаби, Шабаса ибн Риб‘и ат-Тамими и Зияда ибн Хасафу ат-Тайми.

Разговор прошёл не лучше предыдущего.

Муавия обвинил вождя Таййи Ади в том, что тот был одним из подстрекателей восстания против Усмана и участвовал в его убийстве, добавив, что надеется увидеть его среди тех, кого казнят в отмщение.

Шабас и Зияд ибн Хасафа предложили Муавии прекратить пустую болтовню и наконец ответить на их предложения.

Тогда Язид ибн Кайс перечислил достоинства и заслуги их господина и призвал Муавию вернуться к согласию, единству общины и повиновению.

Муавия ответил, что община, к которой его призывают, находится именно на его стороне.

А повиноваться их господину он не считает правильным, поскольку тот убил халифа, расколол общину и укрывает его убийц.

— Ваш господин утверждает, что не убивал его, — сказал Муавия, — и мы не обвиняем его прямо в этом. Но разве вы не видите убийц нашего господина? Разве не знаете, что они находятся среди сторонников вашего господина?

---

340 Ат-Табари, I, 3270–3272; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 186–188.

341 Ат-Табари, I, 3272–3273; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 195–196.

Пусть выдаст их нам. Мы отомстим им за Усмана — и тогда откликнемся на ваш призыв к повиновению и единству.

Шабас неосторожно спросил:

— Тебе понравилось бы, Муавия, если бы ты получил власть над Аммаром и смог его убить?

Муавия сразу увидел возможность вновь продемонстрировать омейядское высокомерие перед «неотёсанным бедуином»:

— А что мне помешало бы? Клянусь Богом, если бы Ибн Сумайя оказался в моих руках, я убил бы его даже не за Усмана. Я убил бы его за Натиля, вольноотпущенника Усмана.

Шабас изумился и поклялся, что Муавия никогда не доберётся до Аммара.

Когда послы уходили, Муавия позвал Зияда ибн Хасафу обратно.

Он понимал, что Раби‘а — до сих пор самые верные сторонники Али — могут сыграть решающую роль в предстоящей битве.

Как настоящий омейядский торговец, Муавия решил попробовать подкуп.

Обратившись к «брату Раби‘а», он сказал:

— Али порвал родственные узы с нами и укрывает убийц нашего товарища. Прошу тебя помочь мне против него вместе с твоей семьёй и племенем.

Если я одержу победу, даю тебе договор и завет Бога: назначу тебя наместником любого из двух городов, какой сам выберешь.

Тот ответил словами Корана:

«Воистину, я опираюсь на ясное доказательство от моего Господа и на милость, которой Он меня одарил; я не стану помощником преступников»[342]

— и встал, чтобы уйти.

Уже уходя, он услышал, как Муавия говорит сидевшему рядом Амру ибн аль-Асу:

— Ни один из нас не может сказать кому-нибудь из них хоть слово и получить хороший ответ! Что с ними такое? Да отсечёт Бог им руки и ноги во зле! У всех них сердца словно одно сердце.

В свою очередь Муавия послал к Али курайшита Хабиба ибн Масламу аль-Фихри, Шурахбиля ибн ас-Симта аль-Кинди и Ма‘на ибн Язида ибн аль-Ахнаса ас-Сулами.

Хабиб ибн Маслама обратился к двоюродному брату Пророка:

— Усман был праведно ведомым — *махди* — халифом, поступавшим согласно Книге Бога и покорявшимся Его повелениям.

Но вы тяготились его жизнью и считали смерть слишком медленной. Поэтому напали на него и убили.

Если утверждаете, что не убивали его, выдайте нам убийц Усмана, чтобы мы могли отомстить им.

---

[342] Ат-Табари, I, 3274–3277; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 196–200. Цитата объединяет Коран 6:57 и 28:17 в форме, приведённой в источнике.

Затем откажись от власти над людьми, пусть между ними будет шура, и они сами назначат правителем того, на ком сойдутся.

Али велел ему замолчать: он не имеет никакого права рассуждать о смещении кого-либо с власти.

Они обменялись угрозами, после чего Али выставил его вон.

Шурахбиль сказал Али, что его слова будут теми же, что и у товарища, и спросил, есть ли для него иной ответ.

Али ответил, что для него и оставшегося посланника ответ действительно будет другим.

Он рассказал им историю халифата.

Люди избрали Абу Бакра халифом, а тот назначил Умара преемником. Оба, сказал Али, вели себя достойно и справедливо управляли общиной.

«Мы сердились на них за то, что они приняли власть над нами, хотя именно мы — Семья Посланника Божьего. Но мы простили им это.

Затем власть принял Усман и совершил поступки, за которые люди стали его порицать.

Они пришли к нему и убили его.

Затем пришли ко мне, хотя я держался в стороне от их дел».

Люди просили Али принять присягу.

Сначала он отказывался.

Но когда ему сказали, что община не согласится ни на кого другого, он принял её.

А затем неожиданно столкнулся с предательством двух людей, которые сначала сами ему присягнули.

Что же касается противостояния Муавии, то это, по словам Али, было сопротивление человека без прежних заслуг в вере, без ранней искренности в исламе — *талика*, сына *талика*, союзника прежних Союзников, который вместе со своей семьёй не переставал быть врагом Посланника Божьего и мусульман до тех пор, пока они не приняли ислам против своей воли.

Теперь Али призывал их к Книге Бога, Сунне Его Пророка, уничтожению лжи и возрождению основ веры.

Послы сказали:

— Засвидетельствуй, что Усман был убит несправедливо.

Али ответил:

— Я не говорю, что он был убит несправедливо. Но и не говорю, что его убили как беззаконника.

Они объявили, что отрекаются от любого, кто не признаёт Усмана несправедливо убитым, и ушли.

Али процитировал Коран, суру 27, аяты 80–81:

«Ты не заставишь мёртвых слышать и не выведешь слепых из заблуждения. Ты можешь заставить слышать только тех, кто верует в Наши знамения и является мусульманином».

И сказал своим людям:

— Они не могут быть более усердными в своей лжи, чем мы — в истине и повиновении нашему Господу.[343]

Когда солнце зашло в последний день мухаррама — 18 июля 657 года, — Али приказал Марсаду ибн аль-Харису аль-Джушами провозгласить сирийцам, что они отвергли его призыв к Книге Бога и упорно держатся за ложь.

Время битвы пришло.[344]

В течение первых семи дней сафара — с 19 по 25 июля, со среды по вторник, — обе стороны ежедневно выставляли видных военачальников с небольшими отрядами, почти словно на рыцарский турнир.

На четвёртый день Мухаммад ибн аль-Ханафия встретился с Убайдаллахом ибн Умаром, который вызвал его на поединок.

Мухаммад согласился.

Но когда Али сообщили, кто именно должен сражаться, он отозвал сына и предложил сам выйти против Убайдаллаха.

Сын Умара ответил, что не нуждается в поединке с Али, и повернул назад.

Мухаммад спросил отца:

— Почему ты не позволил мне сражаться с Убайдаллахом?

Али ответил:

— Если бы ты вышел против него, я надеялся бы, что ты убьёшь его. Но не был уверен, что он не убьёт тебя.

Мухаммад сказал:

— Отец, и ты сам собирался биться с этим преступником? Клянусь Богом, если бы даже его отец вызвал тебя на поединок, я не хотел бы, чтобы ты соглашался.

Али сказал ему:

— Сын мой, о его отце говори только хорошее.

На этом противники разошлись до следующего дня.

На пятый день встретились Абдаллах ибн аль-Аббас и аль-Валид ибн Укба.

Шёл ожесточённый бой. Затем Ибн аль-Аббас приблизился к аль-Валиду. Тот принялся поносить бану Абд аль-Мутталиб и сказал Ибн аль-Аббасу, который от имени Усмана зачитывал его письмо паломникам в Мекке:

— Ибн Аббас, вы разорвали узы родства и убили своего имама. Ну и как вам теперь то, что творит с вами Бог? Вы не получили того, к чему стремились, и не достигли того, на что надеялись. Если будет угодно Богу, Он уничтожит вас и поможет нам одолеть вас.

---

343 Ат-Табари, I, 3277–3279; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 200–202.

344 Ат-Табари, I, 3281–3282; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 203.

Ибн аль-Аббас вызвал его на поединок, но аль-Валид, куда больше уверенный в своём злословии, чем во владении оружием, отказался.[345]

Абу Шамир ибн Абраха ибн ас-Саббах, находившийся в войске Муавии, к тому времени уже услышал и увидел достаточно. В тот же день он вместе с группой сирийских чтецов Корана перешёл на сторону Али. Позднее Абу Шамир погиб в битве.[346]

Полномасштабное сражение при Сиффине началось в среду, 8 сафара / 26 июля. По свидетельству аш-Шаби, Абу Михнафа и аль-Вакиди, представляющих основную историческую традицию, оно продолжалось «три дня и три ночи» — до полудня пятницы. [347]Однако существует и другая версия, восходящая к Абд ар-Рахману ибн Абзе, сражавшемуся на стороне Али: по ней битва длилась четыре дня, до утра субботы.[348]

Источники приводят огромное количество подробностей о событиях сражения, часть которых носит явно легендарный характер, отражая эпический масштаб этого решающего конфликта ранней исламской истории. Но восстановить основные линии происходившего чрезвычайно трудно. Если первый день, среда, действительно прошёл без крупных событий, как утверждают традиционные рассказы, [349]то, вероятнее всего, битва продолжалась до субботы: все значительные эпизоды, описанные источниками, едва ли могли уместиться в один день. Однако здесь не место подробно разбирать этот вопрос.

В четверг правым крылом армии Али командовал Абдаллах ибн Будайл; напротив него, на левом фланге Муавии, стоял Хабиб ибн Маслама. Ибн Будайл сумел далеко продвинуться в направлении шатра Муавии. Тогда Муавия приказал своим отборным войскам преградить ему путь и одновременно велел Хабибу ибн Масламе атаковать всеми силами.

Правое крыло Али, состоявшее главным образом из йеменцев, было отброшено. Ибн Будайл оказался отрезан от основных сил вместе с 250 или 300 чтецами Корана, а затем весь фланг окончательно рассыпался.

Али послал Сахля ибн Хунайфа с ансарами им на помощь, но сирийцы и их оттеснили к центру. Мудариты в центре тоже дрогнули, и Али пришлось переместиться к левому крылу, основу которого составляла Рабиа.

Они устояли.

Тогда Али послал аль-Аштара, чтобы собрать и вернуть в строй отступавших на правом фланге. При поддержке мадхиджитов и хамданитов аль-Аштар сумел восстановить правое крыло, а затем, оттеснив сирийцев, во второй половине дня пробился к Ибн Будайлу и его людям. Те с облегчением узнали, что Али жив.

---

345 ат-Табари, I, 3285–3286; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 221–222.

346 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 222, 369. В обоих местах имя следует читать Абу Шамир, а не просто Шамир.

347 ат-Табари, I, 3327; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 369; аль-Балазури, Ansāb, II, 318, 323.

348 Халифа, Taʾrīkh, 193–194.

349 ат-Табари, I, 3287–3289; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 230; аль-Балазури, Ansāb, II, 305.

Несмотря на совет аль-Аштара, Ибн Будайл снова двинулся вперёд к Муавии, стремясь отомстить за своего брата Абу Амра. Но его окружили, и он погиб вместе с несколькими соратниками.[350]

В целом этот день, по-видимому, складывался для Муавии удачно.

Теперь он решил сосредоточить удар на Рабиа — левом крыле армии Али. Если бы они отступили, победа сирийцев была бы близка.

Муавия приказал Убайдаллаху ибн Умару возглавить его тяжеловооружённую элиту — *шахба* — и повести её в наступление.

Убайдаллах, судя по всему, был удивлён, что выбор пал именно на него. Вероятно, он считал, что для подобной роли больше подошёл бы кто-либо из Омейядов, поскольку именно они прежде всего требовали мести за Усмана.

Тем не менее он согласился, несмотря на предостережения своего мавлы и жены — дочери знаменитого предводителя Рабиа Хани ибн Кабисы.

Против Рабиа уже стояли сильные отряды химьяритов из Хомса под командованием Зу-ль-Кала Самайфы ибн Накура, известного как «царь Химьяра».

Первый натиск поколебал ряды Рабиа.

Сирийцы отступили, затем вновь пошли в атаку.

На этот раз Рабиа удержались, за исключением нескольких человек, пытавшихся покинуть строй. Их командующий Халид ибн аль-Муаммар ас-Садуси последовал за ними, но, увидев, что знамёна Рабиа всё ещё стоят, призвал бегущих вернуться.[351]

Зияд ибн Хасафа, предводитель куфийской Рабиа, обратился к Абд аль-Кайс с призывом вступить в бой, иначе, говорил он, после этого дня от Бакр ибн Ваиль никого не останется.

Абд аль-Кайс откликнулись на его призыв.

Вскоре были убиты и Зу-ль-Кала, и Убайдаллах ибн Умар.[352]

Ход сражения изменился, и сирийцев оттеснили обратно к их лагерю.

---

350 ат-Табари, I, 3289–3299; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 233–234, 245–247. По словам Ибн аль-Кальби, брат Абдаллаха ибн Будайла, Абд ар-Рахман, также погиб в битве (Ибн Хаджар, Iṣāba, IV, 39–40). Это, по-видимому, подтверждается строкой поэта из ансаров аль-Хаджжаджа ибн Газийи (аль-Балазури, Ansāb, II, 320). Однако в рассказе Абу Михнафа он погиб в начале Верблюжьей битвы (Ибн Аби-ль-Хадид, Sharḥ, IX, 111).

351 ат-Табари, I, 3312–3313; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 291. Рассказ явно изображает Халида ибн аль-Муаммара в невыгодном свете — как одного из первых, кто был готов бежать. Сам Халид, как сообщается, оправдывался тем, что лишь хотел остановить отступающих. Подобно аль-Ашасу ибн Кайсу, его верность Али ставится основной традицией под сомнение, вероятно потому, что оба были среди наиболее заметных сторонников принятия сирийского предложения о перемирии. Некоторые соплеменники, включая Шакика ибн Саура ас-Садуси, обвиняли Халида в тайной переписке с Муавией. Али потребовал объяснений, но принял его клятвы в том, что обвинения ложны (ат-Табари, I, 3310–3311; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 287–288). Сообщается также, что именно Халид первым от имени Рабиа подчинился Муавии, когда аль-Хасан ибн Али заключал мир с Омейядом (аль-Балазури, Ansāb, III, 39).

352 Кажущееся утверждение Ибн Шаббы (Taʾrīkh al-Madīna, 654), будто при Сиффине погибли и Убайдаллах, и его родной брат Зайд аль-Асгар, основано на ошибочном прочтении двойственного числа qutilā. Текст заимствован у Ибн Сада (Ṭabaqāt, III/1, 190), где стоит единственное число qutila. Зайд аль-Асгар вообще нигде не упоминается среди участников битвы.

Муавия бежал из своего шатра и укрылся в одной из палаток армии.[353]

В другой части поля боя в тот же день, сражаясь за Али, погибли Аммар ибн Ясир, которому, как передавали, было уже за девяносто, и Хашим ибн Утба ибн Абу Ваккас.

Вечером, когда армии отошли назад, Бахрийя, жена Убайдаллаха, в сопровождении нескольких слуг села на мула и отправилась к своим родственникам в лагерь Али.

В полном соответствии с духом племенной солидарности она поздравила их с тем, что Бог не посрамил их лица — именно этого она и не хотела бы увидеть.

Они приветствовали дочь своего великого вождя и позволили ей забрать тело погибшего мужа.

Она приказала слугам выкопать могилу, похоронила его и уехала, прочитав два стиха из элегии Кааба ибн Джуайла, посвящённой ему.[354]

Гибель Убайдаллаха ибн Умара была для Муавии политическим ударом, хотя личной утраты он, по-видимому, не испытывал. Маловероятно, что Муавия действительно желал избавиться от него, как подозревали родственники Убайдаллаха.

Убайдаллах примкнул к Муавии лишь потому, что Али не признал помилование, дарованное ему Усманом после совершённого им тройного убийства.

Однако именно Убайдаллах служил едва ли не единственным живым доказательством притязаний Омейядов на то, что они якобы представляют славное раннее халифатское наследие против «подрывника» Али.

Люди Муавии гордо отмечали его присутствие в своих рядах, называя его «достойным, сыном достойного».

После его гибели стало всем очевидно: курайшиты, потерпев поражение от Али, ещё менее склонны поддерживать Муавию.[355]

Смерть Зу-ль-Кала была совсем иным делом.

Сообщается, что Муавия сказал своим приближённым:

— Гибель Зу-ль-Кала радует меня больше, чем радовало бы завоевание Египта.

---

353 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 306–307. Сообщается, что Муавия послал Халиду ибн аль-Муаммару обещание отдать ему управление Хорасаном, если тот прекратит наступление, и поэтому Халид якобы не стал развивать успех. Это, несомненно, часть кампании по очернению Халида его критиками. Однако то, что Муавия в какой-то момент действительно бежал с поля боя, а затем вернулся, хорошо засвидетельствовано и впоследствии признавалось им самим.

354 Аль-Балазури, Ansāb, II, 326.

355 Велльхаузен создал совершенно ложное впечатление о характере битвы при Сиффине, утверждая, что брат Али Акиль и сыновья халифов Абу Бакра и Умара сражались на стороне сирийцев (Das arabische Reich, 52). Акиль при Сиффине не сражался. Под «сыном/сыновьями Абу Бакра» Велльхаузен, вероятно, имел в виду Абд ар-Рахмана. Тот при Сиффине не присутствовал, но позднее находился в армии Амра при завоевании Египта. Его сестра Аиша послала его не воевать, а защищать жизнь их брата Мухаммада. Абд ар-Рахман впоследствии оставался одним из главных противников и критиков Муавии: осуждал арбитраж, отвергал признание Зияда незаконнорождённым сыном отца Муавии и отказался присягнуть Язиду, несмотря на попытку Муавии его подкупить (Abbott, Aishah, 178–179, 189, 194–196). Семья Умара — Аль Умар — широко признавалась нейтральной в конфликте между Али и Муавией. Ещё более показательно для отсутствия поддержки Муавии со стороны религиозной элиты Медины то, что сыновья халифа Усмана при Сиффине отсутствовали.

Зу-ль-Кала, «царь Химьяра», сыграл заметную роль в завоевании Сирии и, по-видимому, надеялся восстановить в Дамаске Химьяритское царство — уже под знаменем ислама.

Муавия недолюбливал его за то, что тот «возражал ему и пользовался послушанием людей» в Хомсе.[356]

И всё же до Сиффина Зу-ль-Кала горячо поддерживал военную политику Муавии — и на совете, и в пламенных публичных выступлениях.

Казалось бы, Муавия мог бы проявить хоть немного признательности.

Но для деспота верность — дорога с односторонним движением.

Химьяриты Хомса, вероятно ещё накануне, потеряли другого влиятельного человека — Хаушаба Зу Зулайма, вождя Альхана.[357]

Смерть двух их вождей положила начало постепенному и длительному упадку политического влияния химьяритов Хомса.[358]

Тем временем исход битвы по-прежнему оставался неясным, а резня продолжалась.

Всё могло бы решиться в один миг — поединком двух главных соперников.

Али и некоторые сторонники Муавии не раз предлагали такой вариант, но Муавия, словно шахматный король, и слышать об этом не хотел.

Потрясённый огромными потерями своего народа, Абраха ибн ас-Саббах аль-Химьяри, внук последнего правившего химьяритского царя, предложил в речи, чтобы два вождя сошлись друг с другом, а остальные признали бы того, кто убьёт противника.

Услышав это, Муавия отошёл за боевые порядки и сказал окружающим:

— По-моему, Абраха повредился рассудком.

Однако сирийцы поддержали Абраху, заявив, что он один из лучших среди них по вере, здравости суждений и твёрдости духа.

Поскольку Муавия продолжал отказываться от поединка, Урва ибн Дауд ад-Димашки из бану Амир предложил выйти против Али вместо него.

Сподвижники советовали Али не связываться с «этой собакой», которая ему не ровня.

Но Али ответил, что сегодня гневается на Муавию не больше, чем на этого человека.

Он сошёлся с Урвой и рассёк его надвое.

Двоюродный брат Урвы, попытавшийся отомстить, постигла почти та же участь.[359]

---

356 См. Madelung, “Apocalyptic Prophecies”, 183–184; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 303.

357 Что Хаушаб погиб в тот же день, что и Абдаллах ибн Будайл, следует из рассказа аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 400–401. В стихах, приписываемых аль-Аштару, ibid., 264, где подразумевается, что Зу-ль-Кала погиб раньше Хаушаба, слово qablahu («до него»), возможно, следует читать как baʿdahu («после него»).

358 Ещё одним заметным хомсцем, погибшим при Сиффине, был Амр ибн аль-Хадрами, заколотый Саидом ибн Кайсом аль-Хамдани (Халифа, Taʾrīkh, 194; аль-Балазури, Ansāb, II, 322). Он был одним из ранних поселенцев в Хомсе при Абу Убайде и, вероятно, принадлежал к влиятельной семье мавлов Харба ибн Умайи (Ибн Хаджар, Iṣāba, V, 4–5).

359 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 457–459. Урва ибн Дауд ад-Димашки перечислен Халифой (Taʾrīkh, 194) среди видных сирийцев, погибших при Сиффине.

Князья дома Омейядов тоже предпочитали, чтобы за их родственника мстили другие.

Муавия, по-видимому, замечал разительное несоответствие между их словами и поступками и безуспешно пытался заставить их принять более заметное участие в бою.

Сообщается, что он попросил Марвана возглавить конный отряд кала и яхсуб и выступить против аль-Аштара.

Марван холодно посоветовал ему обратиться к Амру ибн аль-Асу, которого Муавия столь щедро оплачивал.

Если же он хочет послать именно Марвана, говорил тот, пусть сначала либо уравняет его жалование с жалованием Амра, либо уравняет Амра с ним в лишениях.

Если Муавия победит, продолжал Марван, Амру достанется великолепное положение; а если проиграет — Амру будет нетрудно бежать.[360]

Призыв Муавии к кому-нибудь из своих родственников вызвать на поединок одного из курайшитов Ирака также встретил насмешки со стороны аль-Валида ибн Укбы и Марвана.[361]

Однако брат Муавии, Утба, предложил поединок Джаде ибн Хубайре.

Муавия одобрил выбор, признав, что Джада — представитель Махзума с матерью из Хашимитов — благородный соперник.

Утром Утба вышел вперёд и вызвал Джаду.

Али позволил ему принять вызов, и люди собрались послушать их разговор.

Утба сказал Джаде, что тот, мол, сражается лишь из любви к своему дяде по матери — Али — и к дяде по отцу, Умару ибн Абу Саламе, наместнику Бахрейна.

Затем он сказал:

— Клянусь Богом, мы и сами не стали бы утверждать, что Муавия имеет больше прав на халифат, чем Али, если бы не дело Усмана. Но Муавия имеет больше прав на Сирию, потому что сирийцы довольны им. Так оставьте нам её. Клянусь Богом, в Сирии нет человека, который в войне был бы решительнее Муавии, а в Ираке нет никого решительнее Али. Мы послушнее своему господину, чем вы — своему. Как отвратительно, что в сердцах мусульман Али считается самым достойным из людей управлять ими, но, получив власть, истребляет арабов.

Джада ответил:

— Что касается моей любви к дяде по матери, то будь у тебя такой дядя, ты забыл бы собственного отца — Абу Суфьяна. Что до Ибн Абу Саламы, то более достойного по положению человека трудно найти, а джихад мне милее власти. Что касается превосходства

---

360 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 439.

361 Аль-Балазури описывает встречу Утбы ибн Абу Суфьяна, аль-Валида ибн Укбы «и других» в присутствии Муавии при Сиффине, на которой Утба упомянул Омейядов, убитых Али при Бадре. Муавия предложил им направить копья против Али в поисках мести. Тогда аль-Валид поднялся и импровизировал стихотворение, высмеивая предложение Муавии. Он сравнил Али со змеёй на дне долины, от укуса которой нет лекаря, и напомнил, что в битве Али вызывал Муавию, но тот, хотя и слышал вызов, не ответил (аль-Балазури, Ansāb, 4/1, 117–118).

Али над Муавией, то об этом не спорят даже двое. Что до вашей любви к Сирии — вчера вы уже были довольны ею, а мы вам её не отдали. Ты говоришь, что в Сирии нет более решительного человека, чем Муавия, а в Ираке — более решительного, чем Али. Так и должно быть. Али движет уверенность, а Муавию удерживает сомнение. Решимость людей истины выше усердия людей лжи. Что же до твоих слов: «Мы послушнее Муавии, чем вы Али», — клянусь Богом, мы не спрашиваем его, когда он молчит, и не возражаем ему, когда он говорит. А что касается убийства арабов — Бог Сам предписал сражение и убийство, и тот, кто погибает от руки истины, предстаёт перед судом Бога.

Утба пришёл в ярость и осыпал Джаду бранью.

Тот не ответил и отвернулся.

Оба были готовы к бою.

Утба собрал всех своих людей и конницу и выступил с отрядами Сакуна, Азда и Садифа.

Джада тоже приготовился, используя всё, что было в его распоряжении.

Они сошлись, и некоторое время люди стойко держались.

Сам Джада в тот день сражался лично.

Но Утба испугался, бросил свою конницу и поспешно бежал к Муавии.

Иракские поэты ан-Наджаши и аль-Авар аш-Шанни получили прекрасный повод высмеять его и прославить Джаду.[362]

Амру ибн аль-Асу, командовавшему сирийской конницей, оставалось руководить общим ходом боя и время от времени вмешиваться в сражение.

Делал он это осторожно, но особой личной доблестью не отличился.

Когда Амр возглавил химьяритов и яхсубитов и повёл их против аль-Аштара, тот ударил его копьём в лицо.

Забрало спасло Амра от ранения, но от удара он был оглушён и, держась за лицо, повернул обратно к лагерю.

Юноша из Яхсуба догнал его, выхватил знамя из его рук и призвал химьяритов стоять твёрдо.

Аль-Аштар обратился к своему сыну Ибрахиму:

— Забери у него знамя — юноша против юноши.

Два молодых воина сошлись и некоторое время сражались, пока яхсубит не пал мёртвым.

Йеменцы обвинили Муавию в том, что он поставил над ними человека, бежавшего с поля боя, и потребовали, чтобы командовать ими назначили кого-нибудь из их собственных людей.

Муавия уступил.[363]

После решающего, но не принёсшего победы дня битва продолжалась всю ночь, которая вошла в историю как **Ночь грохота — *лайлат аль-харир*.**

---

362 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 462–466.

363 Там же, 439–442.

Теперь сражались главным образом мечами, и число погибших стремительно росло.

Продвинувшись вперёд, Али на некоторое время получил возможность забрать многих павших из своей армии.[364]

Муавия, в отличие от него, не позволял противнику забирать и хоронить своих мёртвых.[365]

Нуайм ибн Сухайль ибн аль-Улайя аль-Баджали, сражавшийся на сирийской стороне, обнаружил среди погибших иракцев своего двоюродного брата Нуайма ибн аль-Хариса ибн аль-Улайю и попросил Муавию разрешить похоронить его.

Муавия ответил, что эти люди недостойны погребения, поскольку не позволили устроить публичные похороны Усмана.

Когда Нуайм пригрозил перейти к противнику, Муавия в гневе сказал ему делать что угодно.

Нуайм похоронил двоюродного брата.[366]

К утру чаши весов, похоже, начали медленно склоняться в пользу Али.

Около полудня некоторые сирийцы, стоявшие против центра армии Али, подняли на наконечниках копий привязанные к ним свитки Корана.

Сражение остановилось.

АРБИТРАЖ, ВОССТАНИЕ ХАРИДЖИТОВ И КОНЕЦ

Поднятие свитков Корана означало призыв разрешить конфликт на основании Священной книги.

Одновременно сирийцы кричали:

— Пусть Книга Божья рассудит нас и вас! Кто будет защищать пограничные города сирийцев, когда все они погибнут? И кто будет защищать пограничные города иракцев, когда погибнут все они?[367]

Это вполне могло выглядеть как предложение капитуляции.

До сих пор Муавия отказывался подчиниться Корану — по крайней мере на условиях Али — и утверждал, что между ними должен решить лишь меч.

Он обещал своим сторонникам повести их в Ирак и преследовать убийц Усмана, где бы те ни пытались скрыться.

Когда Амр ибн аль-Ас понял, что сирийцы не смогут выиграть битву и что противник постепенно берёт верх, он посоветовал Муавии прибегнуть к этой уловке.

Муавия согласился — вероятно, не без колебаний.

В армии Али расчёт Амра полностью оправдался: уловка мгновенно вызвала смятение и раскол.

Али убеждал своих людей продолжать бой.

---

364 Там же, 369.

365 Существует, однако, сообщение, что Амр ибн аль-Ас согласился на предложение Али прервать бой, чтобы каждая сторона могла забрать своих погибших с территории противника и похоронить их: аль-Балазури, Ansāb, II, 383.

366 ат-Табари, I, 3302–3303.

367 ат-Табари, I, 3329; аль-Балазури, Ansāb, II, 323.

Он предупреждал: Муавия, Амр и их ближайшие сторонники — не люди религии и не люди Корана; они подняли Священную книгу только ради обмана и хитрости.

Но для многих чтецов Корана призыв к Писанию оказался непреодолимым.

Разве они не выступили против сирийских братьев именно для того, чтобы научить их уважать Коран?

Как же теперь отвергнуть предложение подчиниться суду Священной книги?

Два предводителя чтецов Корана, впоследствии ставшие заметными хариджитами, — Мисар ибн Фадаки из Тамима и Зайд ибн Хисн ат-Таи — пригрозили Али:

— Али, ответь Книге Божьей, раз тебя призвали к ней. Если нет, мы выдадим тебя этим людям или поступим с тобой так же, как поступили с Ибн Аффаном. Мы обязаны действовать по Книге Божьей и принимаем её суд.

Столкнувшись с открытым мятежом, Али был вынужден уступить их требованию и отозвать аль-Аштара, который уже далеко продвинулся к сирийскому лагерю и чувствовал, что победа близка.

Поначалу аль-Аштар отказался возвращаться.

Ему пришлось сообщить, что армия бросит его.

Его упрёки — что люди отказываются от битвы именно тогда, когда он надеется на победу, и позволяют обмануть себя ради мирских интересов, — встретили проклятия.

Али пришлось восстановить порядок, публично подтвердив, что он согласился признать Коран судьёй между двумя сторонами.

Тогда к нему подошёл аль-Ашас ибн Кайс и заверил, что люди армии рады принять предложение противника. Он вызвался встретиться с Муавией и выяснить, что именно тот подразумевает под обращением к Корану.

Муавия предложил, чтобы каждая сторона избрала представителя, который рассудит конфликт в соответствии с Книгой Божьей, а обе стороны заранее обязались принять их совместное решение.

Аль-Ашас без дальнейших вопросов приветствовал предложение.

Большинство армии Али немедленно заявило о согласии.[368]

Но когда последствия предложения Муавии начали становиться яснее, значительное меньшинство выступило против.

Согласно рассказу аш-Шаби, около четырёх тысяч рассудительных и благочестивых людей возразили против самого принципа арбитража.

Они, очевидно, понимали: Муавия вовсе не искренне подчиняется Корану, а хочет превратить происходящее в политический торг между двумя представителями противоборствующих сторон, который позволит ему сохранить власть.

Другая, меньшая группа не поддержала ни сторонников, ни противников предложения.

Противники арбитража пришли к Али и потребовали возобновить войну.

По словам аш-Шаби, сам Али был склонен именно к этому.

---

[368] ат-Табари, I, 3329–3333.

Но сторонники арбитража настаивали, что предложение правильно, справедливо и законно.

Особенно решительно против возобновления войны выступали аль-Ашас ибн Кайс и йеменцы.

Али указал противникам арбитража, что они находятся в меньшинстве и что, если они возобновят войну, большинство выступит против них даже ожесточённее сирийцев и вместе с ними уничтожит их.

Сам Али, говорил он, был недоволен случившимся, но подчинился большинству, опасаясь бессмысленной гибели людей.

Затем он процитировал строку доисламского поэта Дурайда ибн ас-Симмы:

Я лишь один из племени Газийя: если они заблудились — заблуждаюсь и я; если идут верным путём — и я иду с ними.

Противники арбитража ушли в гневе.

Некоторые из них отправились в Куфу ещё до подписания соглашения.

Другие остались, говоря:

— Возможно, он раскается и отступит.[369]

Аль-Ашас ибн Кайс, наиболее деятельный и заметный сторонник перемирия и арбитража, очевидно, выражал сильное стремление к миру, преобладавшее среди большинства йеменцев, особенно кинда.

Но ещё важнее для Али, вероятно, была позиция Рабиа.

Именно они приняли на себя главный удар битвы, сорвали надежды Муавии на победу и, наряду с йеменцами, понесли самые тяжёлые потери.

Когда Али посоветовался с их вождями, один из них, Хурайс ибн Джабир аль-Ханафи, высказался за продолжение войны.

Курдус ибн Хани аль-Бакри и аль-Худайн ибн аль-Мунзир ар-Ракаши ар-Рабаи, самый молодой из них, заявили о безусловной поддержке Али; первый, по-видимому, склонялся к перемирию, второй — к возобновлению войны.

Халид ибн аль-Муаммар ас-Садуси, осуществлявший общее командование Рабиа, поддержал перемирие, и его мнение разделил Шакик ибн Саур ас-Садуси.

Вероятно, именно они выражали мнение большинства.

Бакр ибн Ваиль отнеслись к аль-Худайну враждебно, когда стало известно о его позиции, и Али пришлось вмешаться, чтобы примирить их.[370]

Вождь Баджилы Рифаа ибн Шаддад тоже высказался за перемирие, утверждая, что сирийцы, после боёв и убийств, теперь наконец готовы принять то, к чему их прежде призывали.

Если они нарушат договорённость, последователи Али смогут возобновить войну с новыми силами.[371]

---

369 Аль-Балазури, Ansāb, II, 338–339.

370 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 484–488.

371 Там же, 488.

Впрочем, численность Баджилы на поле боя была невелика.

Среди тех, кто в той или иной степени выступал против перемирия, помимо аль-Аштара, были Ади ибн Хатим, вождь Тайй; Амр ибн аль-Хамик, предводитель Хузаа; и [372]аль-Ахнаф ибн Кайс из Саад Тамим.

Тамимиты не играли заметной роли в большей части боёв при Сиффине, и их потери, по-видимому, были меньше, чем среди йеменцев и Рабиа.

Возможно, именно поэтому они легче соглашались продолжать войну в надежде на победу.

Саид ибн Кайс, вождь Хамдана, по сообщениям, колебался между принятием и отказом от перемирия.[373]

Некоторое время решение висело на волоске, пока Али совещался со своими командирами.

Сирийцы, явно жаждавшие перемирия, которое при сложившихся обстоятельствах было им чрезвычайно выгодно, убеждали Муавию добиваться соглашения.

Муавия попросил Абдаллаха ибн Амра ибн аль-Аса, пользовавшегося репутацией благочестивого человека, обратиться к армии Али.

Но его призыв в интересах обеих сторон прекратить конфликт встретил ответ Саида ибн Кайса, напомнившего, что армия Али до сих пор как раз и сражалась за власть Корана, к которому теперь призывают сирийцы.[374]

Муавия также убедил Маскалу ибн Хубайру из бану Шайбан племени Рабиа попытаться стихами склонить всю Рабиа к перемирию.[375]

В сирийской армии лишь Буср ибн Абу Артат, как сообщается, решительно возражал против арбитража и даже пригрозил перейти к иракцам.

Муавия лишь посмеялся над угрозой, прекрасно понимая, что Буср — не тот человек, который станет поддерживать Али.[376]

Сразу после прекращения боёв, очевидно ещё до заключения соглашения об арбитраже, Муавия вновь попытался договориться с Али напрямую, отложив в сторону свои публичные требования мести за Усмана.

Он написал Али, что если бы они оба заранее знали, до какой степени разорение, вызванное войной, обрушится на них, то, вероятно, не стали бы причинять друг другу столь страшный вред.

Да, начиная войну, говорил Муавия, они оба будто лишились здравого рассудка, но теперь ещё не поздно раскаяться в прежней глупости и спасти то, что осталось.

Он напомнил Али, что раньше уже просил отдать ему Сирию на условиях, при которых он не обязан был бы подчиняться Али, и теперь вновь просил того же, о чём просил вчера.

---

372 Там же, 482.
373 Там же, 484.
374 Там же, 483.
375 Там же, 486.
376 Там же, 504.

Али, писал Муавия, желает выжить так же, как и он сам, и должен бояться того же, чего боится Муавия: их армии ослаблены, люди погибли, а ведь оба они происходят от Абд Манафа и ни один не обладает таким превосходством над другим, которое позволило бы одному унизить гордого или поработить свободного.

Али ответил по пунктам.

Если бы его убивали на пути Бога и возвращали к жизни семьдесят раз, писал он, он не ослаб бы в служении Богу и джихаде против врагов Божьих.

Он, Али, не терял здравого рассудка и не раскаивается в совершённом.

Что до требования Муавии отдать ему Сирию, он не даст ему сегодня того, в чём отказал вчера.

Что до равенства в страхе и надежде, то Муавия настолько же глубоко пребывает в сомнении, насколько Али — в уверенности.

Сирийцы не более усердны в погоне за этим миром, чем иракцы — в стремлении к миру иному.

Да, оба происходят от одного предка — Абд Манафа.

Но, писал Али, **Умайя не равен Хашиму, Харб не равен Абд аль-Мутталибу, Абу Суфьян не равен Абу Талибу; мухаджир не равен освобождённому после завоевания Мекки, законный претендент — ложному.**

И заключил:

— В наших руках превосходство пророчества, благодаря которому мы унизили гордых и возвысили униженных.[377]

Перед лицом мощного стремления к миру среди большинства своей армии Али, вопреки собственному мнению, решил принять предложение об арбитраже.

Его публичное нежелание лишь укрепило решимость партии мира: добившись первоначальной победы, они теперь чувствовали, что могут диктовать условия.

По-видимому, Али был убеждён, что арбитраж окончится неудачей, и поэтому почти не сопротивлялся.

Сначала между линиями двух армий встретились группы чтецов Корана с обеих сторон, чтобы обсудить процедуру.

Они договорились «оживить то, что оживляет Коран, и умертвить то, что умерщвляет Коран».

Сирийцы выдвинули своим арбитром Амра ибн аль-Аса.

Аль-Ашас и иракские чтецы Корана во главе с Зайдом ибн Хисном ат-Таи и Мисаром ибн Фадаки предложили Абу Мусу аль-Ашари.

Али возразил: он не хочет назначать Абу Мусу.

Но ему ответили, что не согласятся ни на кого другого, поскольку именно Абу Муса прежде предупреждал их о том, во что они теперь оказались втянуты.

Так обсуждение переросло в открытую критику прежней военной политики Али.

---

[377] Там же, 470–471; аль-Масуди, Murūj, III, 201–202, §§ 1792–1793; (псевдо-)Ибн Кутайба, Imāma, I, 191–192.

Али напомнил, что не доверяет Абу Мусе: тот выступал против него, убеждал людей оставить его, а затем и сам бежал.

Лишь спустя несколько месяцев Али простил его.

Он предложил назначить Абдаллаха ибн аль-Аббаса.

Ему ответили, что между ним и Ибн аль-Аббасом нет никакой разницы: им нужен человек, одинаково удалённый и от Али, и от Муавии.

Тогда Али предложил аль-Аштара.

Аль-Ашас резко выступил против своего йеменского соперника:

— Разве не аль-Аштар поджёг всю землю?

По его словам, именно решения аль-Аштара заставили мусульман поднять мечи друг против друга ради интересов Али и самого аль-Аштара.

В конце концов Али уступил.

За Абу Мусой, жившим в уединении в Урде, между Тадмуром и ар-Русафой на сирийской территории, [378]послали гонца.

Абу Муса охотно согласился стать арбитром.

И аль-Аштар, и аль-Ахнаф ибн Кайс безуспешно пытались убедить Али изменить решение.

Аль-Аштар говорил, что именно он способен сорвать замыслы Амра и готов его убить.

Аль-Ахнаф утверждал, что Абу Муса нерешителен и поверхностен и не сможет соперничать с таким хитрым противником, как Амр.

Если Али не хочет назначить арбитром его, аль-Ахнафа, говорил он, пусть хотя бы поставит его вторым или третьим человеком в делегации: он сумеет развязать узлы, которые станет завязывать Амр, и сам завяжет для Али ещё более крепкие.

Но партия мира не хотела никого, кроме Абу Мусы.[379]

Когда начали составлять текст соглашения об арбитраже, возникла новая проблема.

Муавия возразил против того, чтобы рядом с именем Али стоял титул **«Повелитель верующих»**.

Он заметил: если бы он признавал Али Повелителем верующих, то вообще не стал бы с ним воевать.

Амр ибн аль-Ас, находившийся для переговоров в лагере Али, предложил записать лишь имя и имя отца, поскольку Али — эмир своих сторонников, но не сирийцев.

Аль-Ахнаф ибн Кайс советовал Али не убирать титул: он опасался, что если Али однажды от него откажется, то уже никогда не вернёт.

Лучше, говорил аль-Ахнаф, снова начать войну.

Поначалу Али действительно отказался вычеркнуть титул.

Но аль-Ашас попросил его уступить, сказав, что Бог не желает, чтобы из-за этого возникали новые беды.

---

378 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 500; Якут, Buldān, III, 644–645.

379 ат-Табари, I, 3333–3334; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 409–501.

Тогда Али согласился, вспомнив пример Мухаммада при Худайбийе, когда Пророк по требованию язычников позволил убрать из договора слова **«Посланник Божий»**.

Амр изобразил оскорбление:

— Хвала Господу! В этом примере нас сравнили с неверующими, хотя мы верующие.

Али ответил:

— Сын ан-Набиги, когда ты был кем-либо иным, кроме друга распутников и врага мусульман? Разве ты не похож на свою мать-рабыню, которая тебя родила?

Амр поднялся и сказал:

— После этого дня ни одно собрание больше не соединит меня с тобой.

Али ответил:

— Надеюсь, Бог очистит моё собрание от тебя и тебе подобных.[380]

Некоторые сторонники Али переживали из-за происходившего чрезвычайно сильно.

Группа воинов подошла к нему с мечами на плечах и сказала:

— Повелитель верующих, прикажи нам всё, что пожелаешь.

Сахль ибн Хунайф успокоил их, вновь напомнив о прецеденте Мухаммада при Худайбийе.[381]

Соглашение об арбитраже было составлено в двух экземплярах и подписано в среду, 15 сафара 37 года / 2 августа 657 года, через четыре дня после прекращения боёв.[382]

В основном оно отражало настроения партии мира.

Обе стороны обязались придерживаться Книги Божьей.

Два названных по имени арбитра должны были строго следовать нормам Корана.

В тех вопросах, по которым в Коране невозможно было найти прямого решения, они должны были руководствоваться «справедливой сунной, соединяющей, а не разделяющей» — очевидно, доброй практикой, приемлемой для обеих сторон.

Что именно они должны были рассудить, в документе не уточнялось.

Однако они обязались вынести справедливое решение в отношении Общины, чтобы не ввергнуть её вновь в раскол и войну.

Именно это, очевидно, больше всего заботило партию мира, которая в остальном была готова предоставить арбитрам широкую свободу.

Решение следовало вынести к рамадану — через семь месяцев после соглашения, хотя дату можно было либо приблизить, либо отложить.[383]

---

380 ат-Табари, I, 3334–3335; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 508–509.

381 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 509.

382 Эта дата содержится в обеих версиях текста, приведённых аль-Минкари (Waqʿat Ṣiffīn, 507–508, 511), и подтверждается ат-Табари (I, 3340). Однако Абу Михнаф, согласно аль-Балазури (Ansāb, II, 337–338), называл «пятницу сафара», а басриец Абу Амр ибн аль-Ала, цитируемый Абу Убайдой, указывал пятницу, 17 сафара 37 года / 4 августа 657 года. Из двух версий текста у аль-Минкари более короткая (Waqʿat Ṣiffīn, 510–511; ат-Табари, I, 3339) в основном достоверна, как показал M. Hinds, “The Siffīn Arbitration Agreement”, JSS, 17 (1972), 92–129, особенно 93–129.

383 Различные версии текста расходятся в том, можно ли было только приблизить дату, только отложить её или допускались оба варианта.

Встретиться они должны были в месте, равноудалённом от Дамаска и Куфы, но по взаимному согласию могли выбрать и другое место.

Никто не имел права присутствовать на встрече без их разрешения.

Свидетелей, которые должны были подписать решение, они тоже выбирали сами.

В тексте, приведённом аль-Минкари, содержалась оговорка, отсутствующая в других версиях: обе стороны освобождались от обязанности признавать любое решение, противоречащее Божьему откровению.[384]

Если этот пункт действительно входил в первоначальный документ, его, вероятно, включили по настоянию Али.

Но даже без него было очевидно: любое решение, противоречащее Корану, автоматически считалось недействительным.

В этот тяжёлый и решающий момент лидерство Али, несомненно, дало серьёзный сбой.

Он позволил большинству своей армии навязать ему собственную волю — словно он был обычным племенным шейхом, как намекает процитированная им строка Дурайда ибн ас-Симмы, а не Повелителем верующих.

Конечно, поднятые сирийцами свитки Корана поставили его в крайне трудное положение.

Он не мог просто игнорировать этот жест и обязан был выяснить его смысл.

Но как только стало ясно, что Муавия вовсе не собирается подчиняться Корану, а хочет использовать его как политический мяч, чтобы удержаться у власти, Али должен был возобновить сражение.

Сделать это теперь было труднее: бой уже остановили, породив ложные надежды на мирное урегулирование.

И всё же у него оставалось достаточно влиятельных командиров — аль-Аштар, аль-Ахнаф ибн Кайс, Ади ибн Хатим, — которые были готовы и желали продолжать войну до решительной победы.

Крайне маловероятно, что сколько-нибудь значительная часть его людей, несмотря на всю риторику, в тот момент действительно собиралась перейти к Муавии.

Аль-Ашас ибн Кайс не был предателем, хотя с самого начала не хотел сражаться против своих соплеменников на сирийской стороне.[385]

Но именно готовность Али уступить мнению большинства, уже после того как он ясно высказался за продолжение битвы, вдохновила партию мира продемонстрировать свою силу и открыто поставить под сомнение даже первоначальное решение Али начать кампанию.

Похоже, его преследовал прежний опыт — воспоминание о том, как люди «отвернулись от него», — и это парализовало его решимость.

---

384 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 511.

385 Hinds, однако, ошибается, предполагая, что аль-Ашас не участвовал в битве при Сиффине (“The Siffīn Arbitration Agreement”, 93).

Позднее, приближаясь к Куфе, Али спросил, что думают рассудительные жители города о его действиях.

Ему ответили: они считают, что он позволил огромной армии, которую собрал, разойтись и разрушил крепкую крепость, которую сам построил.

Люди спрашивали: когда теперь ему удастся снова собрать рассеявшихся и восстановить разрушенное?

Если часть армии действительно ослушалась его, говорили они, следовало продолжать бой с теми, кто оставался верен, — до победы или смерти.

Али возразил: рассеялись и разрушили всё именно они, а не он.

Он и сам думал продолжить сражение с верным меньшинством, потому что собственной жизни не жалел.

Но, посмотрев на аль-Хасана и аль-Хусайна, понял: если они погибнут, потомство Мухаммада исчезнет из Общины.

Он беспокоился и за жизнь своего племянника Абдаллаха ибн Джафара, и за своего сына Мухаммада, рождённого не от Фатимы, которые участвовали в походе только ради него.

Если ему снова придётся встретиться с врагом, говорил Али, этих дорогих ему людей он больше не возьмёт с собой.[386]

Последний довод вполне заслуживает сочувствия.

Али был человеком исключительной храбрости, и его нерешительность после Сиффина невозможно объяснить ни трусостью, ни простым пораженчеством.

Если он действительно потерял веру в преданность основной массы своей армии, то забота о двух единственных оставшихся в живых внуках Пророка и других родственниках была вполне разумным мотивом не возобновлять самоубийственную борьбу.

Если в его решении отступить и есть вина, то сравнительно небольшая.

А вот принятие предложения об арбитраже было **серьёзной и политически неоправданной ошибкой**.

Он мог заключить с Муавией простое военное перемирие.

Мог вообще уйти с поля боя без какого-либо соглашения.

Арбитраж на условиях Муавии был худшим вариантом.

Али прекрасно понимал: арбитраж на основе Корана, при котором одним из арбитров является Амр ибн аль-Ас, может закончиться лишь провалом.

Какими бы красивыми ни были слова соглашения о независимости арбитров и их единственной обязанности судить по Корану ради мира всей Общины, было очевидно: Амр — не свободный посредник, а ставленник Муавии, действующий исключительно в его интересах.

Али поэтому заранее понимал, что неизбежно будет вынужден отвергнуть любое соглашение арбитров, если они вообще сумеют его достичь.

---

386 ат-Табари, I, 3346–3347.

Он позволил аль-Ашасу и партии мира диктовать условия скорее из раздражения, надеясь преподать им урок и показать иллюзорность надежд на честное соглашение с Муавией.

Нельзя согласиться с более поздними защитниками Али, утверждавшими, будто он действовал под принуждением неверных сторонников.[387]

Как только Али принял их требование прекратить войну, они уже не могли диктовать ему отношения с Муавией.

Даже если бы несколько человек перешли к врагу, это мало что изменило бы.

И всё же главная проблема заключалась даже не в невыгодных для Али условиях соглашения, навязанных партией мира.

Порочным был сам **принцип арбитража**.

Как мог Али, который столь последовательно отказывался назначать на государственные должности таких людей, как Муавия и Амр ибн аль-Ас, теперь позволить им заседать в качестве судей над Кораном?

Соглашение подорвало уверенность верных сторонников Али в том, что они сражались за правое дело, и одновременно внушило сирийцам мысль, будто мошеннические притязания Муавии всё же имеют какое-то основание в Коране.

Таким образом, Муавия получил **моральную победу** ещё до того, как арбитраж привёл к катастрофическому расколу среди сторонников Али.

Впоследствии сирийская пропаганда могла на этом основании представлять Сиффин как победу Муавии, хотя в военном отношении он был близок к поражению.

Разумеется, Муавия и Амр не хуже Али понимали, что арбитраж обречён на провал.

Но Муавия выигрывал время, чтобы укрепить власть в Сирии, и намеревался извлечь из переговоров максимальную пропагандистскую выгоду.

Когда аль-Аштара позвали подписать соглашение, он отказался.

Он заявил, что ни секунды не сомневается: противник находится в заблуждении, а партия мира попросту сдаётся из-за моральной слабости.

Аль-Ашас возразил и потребовал подписи, заявив, что аль-Аштар не может обойтись без поддержки людей.

Тот в ярости ответил: прекрасно может обойтись без аль-Ашаса и в этом мире, и в будущем.

По его словам, аль-Ашас ничем не лучше и его кровь ничем не священнее крови тех людей, которую Бог уже пролил мечом аль-Аштара.

Аль-Ашас побледнел.

После этого аль-Аштар добавил, что доволен поступками Али и не видит правильного пути ни в чём, кроме следования за ним.[388]

Аль-Ашас взял текст соглашения и зачитывал его перед каждым знаменем обеих армий.

---

387 См., например, аргументацию Ибн аль-Аббаса у аль-Балазури, Ansāb, II, 337.

388 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 511–512; ат-Табари, I, 3338.

Сирийцы остались полностью довольны.

Когда он прочёл его перед Аназа, которых в армии Али насчитывалось четыре тысячи, два молодых брата — Мадан и Джад — выступили вперёд с возгласом:

— Нет суда, кроме суда Божьего!

Они бросились на сирийскую линию и были убиты.

Говорили, что именно они первыми произнесли боевой клич, который впоследствии стал лозунгом хариджитов.

Среди Мурада один из их вождей, Салих ибн Шакик, также выразил неодобрение.

Бану Расиб из Азда тоже возражали против того, чтобы люди становились арбитрами в религии Божьей.

Когда аль-Ашас прочитал соглашение тамимитам, Урва ибн Худайр, известный по имени матери как Урва ибн Удайя, вышел вперёд и воскликнул:

— Неужели вы назначите людей судьями в делах Бога? Нет суда, кроме Божьего! Где наши погибшие, Ашас?

После этого он бросился на аль-Ашаса с мечом.

Промахнувшись, он лишь слегка задел заднюю часть его коня, отчего тот рванулся вперёд.

Спутники Урвы закричали:

— Удержи руку!

И он отступил.

Люди аль-Ашаса и многие йеменцы поднялись в гневе, защищая его.

Тогда аль-Ахнаф ибн Кайс, Джария ибн Кудама, Макиль ибн Кайс ар-Рияхи, Мисар ибн Фадаки аль-Анбари, Шабас ибн Риби и другие тамимитские вожди пришли принести извинения.

Аль-Ашас их принял.[389]

После битвы оставшихся погибших похоронили.

На сирийской стороне пал Хабис ибн Сад ат-Таи, вождь бану Тайй в Хомсе.

Его тело обнаружил куфиец Зайд, сын Ади ибн Хатима, приходившийся погибшему племянником по матери.

Он сказал отцу:

— Клянусь Богом, это мой дядя по матери.

Отец подтвердил и проклял Хабиса.

Зайд снова и снова кричал, спрашивая, кто его убил.

Наконец вышел один человек из Бакр ибн Ваиль и признался, что убил его.

Зайд расспросил его об обстоятельствах, а затем пронзил копьём насмерть.

Тогда собственный отец набросился на Зайда, проклиная его и его мать, и пригрозил выдать его Бакру.

Зайд вскочил на коня и поспешно бежал к Муавии, который принял его с распростёртыми объятиями.

---

389 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 512–513; ат-Табари, I, 3338–3339; аль-Балазури, Ansāb, II, 336, 339.

Среди сторонников Али раздался ропот против Ади ибн Хатима, одного из ближайших соратников Али.

Ади извинился перед Али за поступок сына, заверил, что убьёт его, если найдёт, и Али похвалил его за верность.[390]

Пленных с обеих сторон освободили.

Сообщается, что ранее Амр ибн аль-Ас советовал Муавии казнить иракских военнопленных.

Но когда Али отпустил сирийских пленников, Муавия выразил облегчение, что не последовал совету Амра, и сделал то же самое.[391]

Через два дня после заключения соглашения обе армии покинули поле боя.[392]

Али пошёл вдоль западного берега Евфрата к Хиту, где переправился через реку.

Он провёл ночь в Сандауде, затем через ан-Нухайлу двинулся в Куфу.

По дороге глубокий раскол в его армии проявился во всей полноте.

Сторонники и противники соглашения об арбитраже проклинали друг друга и даже били друг друга плетьми.

Лозунгом противников стали слова:

«Нет суда, кроме Божьего».

Они обвиняли сторонников соглашения в том, что те недостойно поступили в деле Божьем, назначив человеческих арбитров.

Сторонники соглашения, в свою очередь, клеймили противников как людей, покинувших своего имама и общину.

Видя раскол среди своих людей, Али, по сообщениям, признал в стихах, что совершил ошибку — *асра* — но не такую, за которую должен оправдываться.

Он скорее намеревался действовать разумно и твёрдо, чтобы залечить раскол.[393]

Но раскол оказался слишком глубоким.

Когда Али вошёл в Куфу и распустил армию в раби I 37 года / августе–сентябре 658 года, [394]около двенадцати тысяч человек отделились от него и в знак протеста против арбитража ушли в Харуру, за пределы города.

Они были полностью готовы сражаться за своё дело.

Военным предводителем они избрали Шабаса ибн Риби ат-Тамими, а руководителем молитвы — Абдаллаха ибн аль-Кавву аль-Яшкури из Бакр ибн Ваиль.

---

390 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 521–524; аль-Балазури, Ansāb, II, 306. Согласно версии аль-Балазури, месть Зайда и его переход на сторону Муавии произошли ещё во время битвы.

391 ат-Табари, I, 3339–3340; аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 518–519. Замечание аль-Минкари, что Али освобождал сирийских пленников, кроме тех, кто убил кого-нибудь из его людей или был захвачен повторно — в таком случае их казнили, — очевидно, не относится к ситуации при Сиффине. Вероятно, оно касается более поздних сирийских набегов.

392 Аль-Балазури, Ansāb, II, 337.

393 Там же, 342.

394 Мухаммад ибн ас-Саиб аль-Кальби датирует возвращение Али в Куфу 20 раби I 37 года / 5 сентября 657 года (там же, 345–346). Эта дата кажется несколько поздней.

Среди них, очевидно, было много людей, которые первоначально сами выступали за перемирие или соглашались на арбитраж, но теперь признали это ошибкой.

Выбор Шабаса ибн Риби может указывать на значительное присутствие Тамима среди «первых харуритов».

По словам Салиха ибн Кайсана, среди них находился даже аль-Ахнаф ибн Кайс, [395]однако надёжность этого сообщения сомнительна.

Одним из наиболее заметных отделившихся был йеменец Язид ибн Кайс аль-Архаби, бывший наместник Али в аль-Мадаине.[396]

Больше не признавая Али своим имамом, мятежники решили, что после победы создадут **шуру**.

Пока же они присягнули непосредственно Богу на основе принципа:

«повелевать одобряемое и запрещать порицаемое».[397]

В Куфе Али сделал выговор своему временному наместнику Абу Масуду аль-Ансари.

Во время отсутствия Али тот поощрял дезертиров из его армии выходить из укрытия, обещая им безопасность, а в проповедях критиковал мятежников против Усмана.

Али назвал его «цыплёнком» и стариком, потерявшим здравый рассудок.

Но Абу Масуд защищался, напоминая Али, что сам Пророк обещал ему рай.

Затем он отправился в паломничество и продолжал призывать людей держаться Общины.[398]

Для переговоров с отделившимися Али сначала послал Абдаллаха ибн аль-Аббаса.

Он велел ему тянуть время, отвечая на их вопросы и споря с ними, пока Али сам не присоединится к нему.

Однако Ибн аль-Аббас втянулся в спор.

Он спросил, почему они возмущаются арбитражем, если сам Бог предписал назначение двух посредников в случае серьёзного конфликта между мужем и женой — сура IV, 35.

Отделившиеся ответили: в том случае, где Бог прямо позволил арбитраж, люди действительно вправе судить.

Но там, где Бог уже установил Своё решение — например, сто ударов плетью за прелюбодеяние или отсечение руки вору, — Его постановление обязательно и не подлежит человеческому пересмотру.

Ибн аль-Аббас привёл другой пример: Коран предписывает решение «двух справедливых мужей» в вопросе компенсации за незаконное убийство дичи паломником, находящимся в состоянии ихрама — сура V, 95.

---

395 Там же, 342.

396 ат-Табари, I, 3352.

397 Там же, 3349; аль-Балазури, Ansāb, II, 342.

398 Ибн Аби Шайба, Muṣannaf, VIII, 728.

Отделившиеся ответили: эти случаи нельзя сравнивать с делом, в котором пролита кровь мусульман.

Кроме того, спросили они, неужели Ибн аль-Аббас считает Амра ибн аль-Аса «справедливым мужем» после того, как тот сражался против них и проливал их кровь?

Бог уже вынес решение относительно Муавии и его сторонников: с ними следует сражаться, пока они не отступят.

Их призвали к Книге Божьей, но они отказались.

А заключать мир мусульман с немусульманами после ниспослания суры «Отречение» дозволено лишь с христианами и иудеями, если те платят джизью.[399]

Таким образом, отделившиеся совершенно недвусмысленно объявили Муавию и сирийцев неверующими.

Они остались при своём мнении, а слабые аргументы Ибн аль-Аббаса, по-видимому, почти не повлияли на них.[400]

Али послал Зияда ибн ан-Надра в лагерь отделившихся выяснить, кто из их вождей пользуется наибольшим авторитетом.

Зияд сообщил, что большинство собирается вокруг Язида ибн Кайса.

Тогда Али пришёл к Язиду в шатёр, совершил там омовение и молитву.

По-видимому, он без труда вернул Язида к повиновению и назначил наместником Исфахана и Рея.

Затем Али подошёл туда, где Ибн аль-Аббас спорил с отделившимися, и прервал дискуссию.

Он обратился к ним и напомнил: именно они хотели откликнуться на сирийский призыв обратиться к Корану, тогда как он предупреждал их против этого.

Когда они настояли на своём, Али оговорил, что арбитры обязаны строго следовать решению Корана.

Если они этого не сделают, их решение не будет иметь силы.

Отделившиеся спросили, считает ли он допустимым человеческий арбитраж в делах, связанных с кровопролитием.

Али ответил, что соглашался не на суд людей, а на суд Корана.

Но Коран записан на страницах и сам не говорит.

Следовательно, его должны истолковать люди.

Они спросили, зачем же он согласился установить определённый срок перемирия.

Али ответил: в надежде, что за это время Бог восстановит мир в Общине.

После этого он призвал их вернуться в город.

И все они вернулись.[401]

---

399 ат-Табари, I, 3351–3352.

400 Согласно основному сообщению, никто из отделившихся не откликнулся на призыв Ибн аль-Аббаса вернуться в Куфу. В других версиях сообщается, что вернулись 2 000 или 4 000 человек (аль-Балазури, Ansāb, II, 349).

401 ат-Табари, I, 3352–3353.

Абу Михнаф добавлял к этому рассказу Умары ибн Рабиа и Джундаба ибн Абдаллаха аль-Азди сообщение, которое сами хариджиты передавали о своём ответе Али.

Они сказали ему:

— Да, мы действительно сделали то, о чём ты говоришь. Но это было с нашей стороны актом неверия, и мы раскаялись перед Богом. Так раскайся, как раскаялись мы, и тогда присягнём тебе. Если нет — выступим против тебя.

Али ответил общим заявлением:

— Я каюсь перед Богом и прошу Его прощения за всякий грех.

После этого они вновь присягнули ему на том условии, что через шесть месяцев он возобновит войну.

Тем временем они собирались собирать земельный налог и откармливать верховых животных.[402]

Полного согласия, однако, восстановить не удалось.

После возвращения отделившихся в Куфу возникла вражда между наиболее радикальными из них и теми куфийцами, которые продолжали поддерживать соглашение об арбитраже.

Радикалы теперь утверждали, что Али раскаялся и признал арбитраж актом неверия и греховной ошибкой — *далала*.

Они заявляли, что лишь ждут, пока их животные наберутся сил, после чего отправятся в Сирию.

Али был вынужден отмежеваться от этих слов.

Он заявил, что не отказывался от соглашения и не считает его греховной ошибкой.

Многие из «первых харуритов», включая избранных ими лидеров Шабаса ибн Риби и Абдаллаха ибн аль-Кавву, приняли это объяснение.

Но некоторые вновь начали публично осуждать арбитраж.[403]

Они прерывали проповеди Али в мечети криком:

— Нет суда, кроме Божьего!

Али отвечал:

— Это слово истины, которым они стремятся к лжи.[404]

По сути, они отвергали сам институт власти — *имара*.

Но без эмира, отмечал Али, религиозная жизнь Общины невозможна.[405]

---

402 Там же, 3353; аль-Балазури, Ansāb, II, 349.

403 Аль-Балазури, Ansāb, II, 356. Предположение Вечча-Вальери, будто Али каким-то образом отказался от уступок, сделанных отделившимся (“Il conflitto ʿAlī-Muʿāwiya e la secessione Kharigita riesaminati alla luce di fonti ibadite”, Annali Istituto Orientale di Napoli, NS 4 (1952), 1–94, особенно 42–47; “Ḥarūrāʾ” в EI²), недостаточно обосновано. Али действительно обязался возобновить войну с Муавией — но, очевидно, лишь в том случае, если арбитраж, как он и ожидал, не приведёт к здравому решению, основанному на Коране. Этого, по-видимому, было достаточно, чтобы умеренные отделившиеся вновь подчинились ему. Али не мог обещать нарушить соглашение об арбитраже, и даже ибадитские источники этого не утверждают. Радикалы, особенно те, кто сами признали грехом первоначальную поддержку арбитража и покаялись, теперь хотели заставить Али и большинство Общины сделать такое же признание.

404 ат-Табари, I, 3361–3362.

405 Аль-Балазури, Ansāb, II, 352, 361, 377.

Хотя в основе своей он понимал их позицию, он не хотел позволять племенам расправляться с ними.

Он приказал не отстранять их от мечетей и не лишать доли доходов *фай*.

Сражаться с ними следовало лишь в том случае, если они сами первыми начнут сражение.[406]

Из-за этого раздора среди куфийцев Али отложил подготовку к арбитражу.

Рамадан прошёл.

В начале шавваля / середине марта 658 года прибыл посланник Муавии — Ман ибн Язид ибн аль-Ахнас ас-Сулами, [407]который пожаловался на задержку.

Муавия, сообщил он, выполнил свои обязательства, и теперь Али обязан выполнить свои, не позволяя «бедуинам Бакра и Тамима» сбить себя с пути.[408]

Тогда Али приказал приступить к арбитражу.

Он направил четыреста человек под командованием Шурайха ибн Хани аль-Хариси для сопровождения своего арбитра в Думат аль-Джандаль.

Поскольку Абу Мусе он доверял мало, вместе с ними Али отправил Абдаллаха ибн аль-Аббаса как своего личного представителя.

Ибн аль-Аббас должен был руководить молитвой куфийцев и ведать их делами.

Кроме того, через него шла переписка между Али и его арбитром.

Амр ибн аль-Ас прибыл в Думат аль-Джандаль в сопровождении четырёхсот сирийцев.

Среди куфийцев, очевидно, существовали серьёзные сомнения, сможет ли Абу Муса аль-Ашари противостоять Амру ибн аль-Асу и защищать дело Али.

Сообщается, что Шурайх ибн Хани сказал Абу Мусе: теперь ему придётся искупить прежний отказ поддержать Али.

Абу Муса ответил, что люди, сомневающиеся в его честности, вообще не должны были посылать его защищать их дело.

Тогда Шурайх изменил тон и стал хвалить Абу Мусу, стараясь укрепить его авторитет.

Но поэт аль-Авар аш-Шанни предупредил Шурайха в стихах: Абу Муса — человек без достаточной проницательности и твёрдости суждения, и он не ровня хитрому Амру.

Если оба будут судить по истинному руководству, говорил поэт, люди последуют за ними.

Если же они станут судить, руководствуясь ложными склонностями, дело кончится тяжёлым столкновением.

Ан-Наджаши, друг Абу Мусы, напротив, выражал в нём уверенность и призывал обрушить на Амра свои громы.[409]

---

406 ат-Табари, I, 3362–3363; аль-Балазури, Ansāb, II, 352.

407 Он был сподвижником Пророка и погиб при Мардж Рахите, сражаясь на стороне ад-Даххака ибн Кайса (Ибн Манзур, Mukhtaṣar, XXV, 150–152).

408 ат-Табари, I, 3353; аль-Балазури, Ansāb, II, 346–350.

409 Аль-Минкари, Waqʿat Ṣiffīn, 534–535.

Даже когда Абу Муса уже находился в Думат аль-Джандале, аль-Авар аш-Шанни и ас-Салтан продолжали посылать ему стихи.

Последний, поэт из Абд аль-Кайс, заявлял, что никогда не согласится на смещение Али лишь на основании решения, вынесенного Абу Мусой и Амром.[410]

Как только стало известно о решении Али направить Абу Мусу на третейский суд, к нему пришли двое хариджитов — Зур‘а ибн аль-Бурдж ат-Таи и Хуркус ибн Зухайр ас-Са‘ди. [411]Они протестовали и убеждали его отказаться от арбитража и повести их на войну с врагами.

Али ответил, что и сам хотел этого, но они ослушались его. Между двумя сторонами уже был составлен и подтверждён договор, и теперь они были обязаны соблюдать его в соответствии со словами Корана — сура 16, аят 91.

Хуркус заявил, что сам арбитраж был грехом, в котором Али должен покаяться. Али возразил: это был не грех, а лишь ошибочное решение и проявление слабости в действиях — именно против этого он прежде их и предостерегал.

Тогда вмешался Зур‘а ибн аль-Бурдж. Он объявил, что, если Али не откажется от решения людей относительно Книги Божией, он будет сражаться против него, стремясь тем самым заслужить благоволение и довольство Бога.

Али укорил его и предсказал ему смерть. Зур‘а ответил, что такая смерть была бы для него желанной.

Али сказал ему: если бы он действительно сражался за правое дело, смерть во имя истины стала бы утешением перед лицом этого мира. Но дьявол обманул его. Оба они должны бояться Бога, ибо нет добра в борьбе ради доли земного мира.

Они ушли, провозглашая: «Нет суда, кроме суда Божьего!»[412]

Радикальные противники арбитража теперь собрались в доме Абдаллаха ибн Вахба ар-Расиби. [413]Все согласились, что более не могут оставаться в этом несправедливом городе и должны уйти туда, где смогут объединиться, осуждать заблуждения его жителей и бороться против них.

Они решили выбрать себе предводителя.

Зайд ибн Хисн ат-Таи, Хуркус ибн Зухайр, Джамра [414]ибн Синан аль-Асади и Шурайх ибн Ауфа аль-Абси отказались принять руководство.

Абдаллах ибн Вахб ар-Расиби, которого называли Зу-с-Сафинат — «Обладатель мозолей» — из-за следов на лбу и руках от многочисленных земных поклонов, неохотно согласился возглавить их.

---

410 Там же, 537–538.

411 Так говорится в сообщении Абу Михнафа со слов Ауна ибн Аби Джухайфы: ат-Табари, I, 3360. В двух сообщениях аш-Ша‘би наряду с этими 2 людьми называются также Шурайх ибн Ауфа аль-Абси, Фарва ибн Науфаль аль-Ашджаи, Абдаллах ибн Шаджара ас-Сулами, Джамра ибн Синан аль-Асади, Абдаллах ибн Вахб ар-Расиби и Зайд ибн Хисн ат-Таи: аль-Балазури, Ансаб, II, 359, 361.

412 Ат-Табари, I, 3360–3361.

413 Согласно версии аш-Ша‘би, они собрались либо в доме Абдаллаха ибн Вахба, либо Зайда ибн Хисна: аль-Балазури, Ансаб, II, 359; см. также 363.

414 У аль-Балазури это имя передано как Джамра; у ат-Табари — Хамза.

10 шавваля 37 года хиджры, 21 марта 658 года, они принесли ему присягу.[415]

После того как Абу Муса отправился на арбитраж, [416]они вновь собрались — теперь в доме Шурайха ибн Ауфы. Тот предложил занять аль-Мадаин, изгнать его жителей и призвать своих басрийских единомышленников присоединиться к ним.

Зайд ибн Хисн возразил: если они выступят все вместе, их непременно станут преследовать. Лучше покидать город по одному, тайно.

Он также считал, что их наверняка не допустят в аль-Мадаин, и потому предлагал направиться к Джиср ан-Нахравану, восточнее Тигра, и предложить басрийцам встретиться там.

Предложение было принято.

Абдаллах ибн Вахб написал своим сторонникам в Басре, сообщил о принятом решении и призвал их присоединиться. Басрийцы ответили согласием.

Первыми Куфу покинули Шурайх ибн Ауфа и Зайд ибн Хисн.

Тарафа, [417]сын Ади ибн Хатима, также намеревался присоединиться к мятежникам. Отец отправился за ним в погоню, но догнать не смог.

Добравшись до аль-Мадаина, Тарафа передумал и решил вернуться.

На обратном пути, в Сабате, он встретил Абдаллаха ибн Вахба с 20 всадниками. Абдаллах хотел его убить, но Амр ибн Малик ан-Набхани и Бишр ибн Зайд аль-Баулани [418]воспрепятствовали ему.

Ади ибн Хатим предупредил Са‘да ибн Мас‘уда, наместника Али в аль-Мадаине, о приближении мятежников.

Са‘д запер городские ворота и выступил им навстречу.

У аль-Карха произошло небольшое столкновение, но ночью Абдаллах ибн Вахб переправился через Тигр и благополучно достиг ан-Нахравана.[419]

Постепенно там собралось около 2000 человек.

Некоторых из тех, кто пытался присоединиться к ним, родственники задержали и заключили под стражу. Среди них были аль-Ка‘ка‘ ибн Кайс ат-Таи, дядя будущего хариджитского поэта ат-Тириммаха, Абдаллах ибн Хаким аль-Баккаи и [420]Ка‘б ибн Умайра.[421]

---

415 Аль-Балазури (Ансаб, II, 363) датирует присягу ночью пятницы, 20 шавваля. Это соответствовало бы 22 марта 658 года.

416 Аль-Балазури, Ансаб, II, 363.

417 Аль-Балазури, вероятно, ошибается, настаивая, что к хариджитам присоединился сын Ади ибн Хатима по имени Зайд: Ансаб, II, 364. Он утверждает, что Тарафа погиб при ан-Нахраване, сражаясь на стороне Али. Согласно Абу Михнафу, Тарафа погиб там на стороне хариджитов: ат-Табари, I, 3384. В любом случае именно он, по-видимому, первоначально пытался присоединиться к хариджитам. Зайд ранее перешёл к Муавии.

418 Набхан и Баулан были родами племени Тайй.

419 Ат-Табари, I, 3366–3367.

420 Там же, 3367. Бакка был племенем из Амир ибн Са‘са‘а.

421 Аль-Балазури, Ансаб, II, 364.

Итрис ибн Уркуб аш-Шайбани, один из сподвижников Абдаллаха ибн Мас‘уда, подвергся преследованию со стороны Сайфи ибн Фушайля аш-Шайбани и его людей, но сумел уйти.[422]

Али сообщили, что Салим ибн Раби‘а аль-Абси также собирается покинуть Куфу. Али велел привести его к себе и убедил остаться.[423]

После ухода хариджитов из Куфы сторонники Али вновь принесли ему присягу, обязавшись быть друзьями тех, кого он считает друзьями, и врагами тех, кого он считает врагами.

Али включил в формулу присяги требование следовать Сунне Пророка.

Когда он предложил Раби‘а ибн Шаддаду аль-Хас‘ами — человеку, который сражался за него в Верблюжьей битве и при Сиффине и нёс знамя племени Хас‘ам, — присягнуть на основе Книги Божией и Сунны Посланника Божьего, Раби‘а предложил добавить:

— И на сунне Абу Бакра и Умара.

Али возразил:

— Если бы Абу Бакр и Умар действовали иначе, чем согласно Книге Божией и Сунне Его Посланника, они были бы далеки от истины.

Раби‘а всё же присягнул.

Но Али сказал ему, что предвидит его смерть в рядах мятежников.

Так и случилось: Раби‘а погиб при ан-Нахраване среди басрийских хариджитов.[424]

Таким образом, спор об арбитраже вывел на поверхность гораздо более глубокий догматический раскол.

Хариджиты отвергали личную верность имаму, выраженную формулой сторонников Али: быть другом тех, кого он считает друзьями, и врагом тех, кого он считает врагами.

Они обвиняли сторонников Али в том, что те подражают сирийцам, впавшим, по их мнению, в неверие, когда присягнули Муавии, руководствуясь личными симпатиями и антипатиями.[425]

Для хариджитов верность должна была быть обращена не к человеку, а к Книге Божией и Сунне праведников — Пророка, Абу Бакра и Умара.

Они, очевидно, критически относились и к притязанию Али на особое право на имамат благодаря его ранним заслугам в исламе и близкому родству с Мухаммадом.

Ранние заслуги, считали они, человек способен утратить в любой момент, нарушив Божий закон, как это произошло с Усманом.

Родство же с Пророком в их глазах вообще не имело значения.

Против притязаний Али они подчёркивали собственную верность сунне Абу Бакра и Умара, не замечая при этом, что эта сунна предполагала привилегированное положение курайшитов, которое сами хариджиты, будучи политическими эгалитаристами, отвергали.

---

422 Там же, 363.

423 Ат-Табари, I, 3367.

424 Там же.

425 Там же, 3350.

Формула новой присяги Али совпадала с мольбой, которую, согласно преданию, Пророк произнёс о нём в Гадир Хумме:

«О Боже, будь другом тому, кто дружит с ним [Али], и врагом тому, кто враждует с ним».[426]

Вероятнее всего, именно в это время Али распорядился публично огласить хадис о Гадир Хумме.

Во многих версиях этого хадиса говорится, что однажды Али обратился к людям, собравшимся на площади — *рахбе* — перед мечетью Куфы, и попросил тех, кто слышал слова Пророка в Гадир Хумме, выступить со свидетельством.

Вперёд вышли 12 или 13 сподвижников.

Они засвидетельствовали, что слышали, как Мухаммад объявил Али покровителем — *мауля* — каждого, чьим покровителем был сам Мухаммад, а затем произнёс молитву за своего двоюродного брата.

Тем самым Али недвусмысленно заявлял о религиозном авторитете, превосходящем авторитет Абу Бакра и Умара.

Басрийские хариджиты — около 500 человек под предводительством Мис‘ара ибн Фадаки — выступили единым отрядом.

За ними был послан Абу-ль-Асвад ад-Дуали, [427]который настиг их у аль-Джиср аль-Акбар.

Стороны простояли друг против друга до темноты, после чего Мис‘ар вместе со своими людьми сумел уйти под покровом ночи.

Далее они направились к ан-Нахравану.

По дороге басрийские хариджиты, как сообщается, впервые стали допрашивать встреченных людей об их убеждениях и убивать тех, чьи ответы их не удовлетворяли.[428]

Согласно одному сообщению, незадолго до прибытия в ан-Нахраван они убили Абдаллаха ибн Хаббаба ибн аль-Аратта и нескольких других людей.[429]

Однако вероятнее, что эти убийства произошли несколькими месяцами позже, когда Али уже собирался выступить в Сирию.

Иначе трудно объяснить, почему Али мог игнорировать подобные действия и предлагать хариджитам присоединиться к его войску, не потребовав ответа за совершённые преступления.

Тем временем два третейских судьи встретились в Думат аль-Джандале.

---

426 О вариантах хадиса Гадир Хумма, содержащих эту молитву, см. ссылки в Wensinck, Concordance, s.v. wali. Неоднозначность местоимений позволяет понимать Али либо как субъект, либо как объект «дружбы и вражды». Выбранный здесь перевод соответствует формуле присяги, предложенной Али его сторонниками.

427 Сообщение Абу Михнафа, согласно которому Абу-ль-Асвад был послан вслед за ними Ибн аль-Аббасом: ат-Табари, I, 3367, — вероятно, ошибочно. Ибн аль-Аббас в то время находился на арбитраже в Думат аль-Джандале. Предположительно он оставил Абу-ль-Асвада управлять Басрой.

428 Ат-Табари, I, 3368.

429 Там же, 3374–3375.

Поскольку они докладывали своим покровителям в Куфе и Дамаске и получали от них инструкции, переговоры, должно быть, продолжались несколько недель и, вероятно, растянулись до начала зу-ль-ка‘да 37 года хиджры — середины апреля 658 года.

Куфийцы, сопровождавшие делегацию, явно стремились немедленно узнавать обо всём, что происходило на переговорах.

Они давили на Ибн аль-Аббаса, требуя сообщать им содержание писем Али сразу после прибытия гонца.

Ибн аль-Аббас резко отчитал их и указал, что сирийцы проявляют дисциплину и не вмешиваются в переписку Муавии с его арбитром.[430]

Сирийцы, очевидно, могли быть уверены, что Амр не предаст интересов Муавии.

В Куфе же по мере продолжения переговоров росли сомнения в верности Абу Мусы Али.

Поэт ас-Салатан аль-Абди написал уже упоминавшиеся стихи, в которых клялся, что никогда не признает низложения Али на основании решения Абу Мусы и Амра.

По мере роста напряжения среди куфийцев оба арбитра договорились держать свои обсуждения в строжайшей тайне.[431]

История арбитража давно вызывает споры, поскольку источники противоречат друг другу относительно времени, места, процедуры и результатов переговоров.

Ещё Каэтани [432]предположил, что состоялось 2 встречи — одна в Думат аль-Джандале, другая в Адрухе. Эту точку зрения решительно поддержала Вечча-Вальери.

Позднее Джаит снова стал отстаивать мнение, что встреча была только одна — в Адрухе, вероятно в мухарраме 38 года хиджры, июне–июле 658 года.[433]

Однако более внимательный анализ ранних сообщений показывает, что встреч между Абу Мусой и Амром всё же было 2.

Только первая, в Думат аль-Джандале, представляла собой настоящую попытку выполнить условия сиффинского соглашения об арбитраже.

Когда эта попытка провалилась, Али счёл перемирие утратившим силу и возобновил военные действия.

Вторая встреча, в Адрухе, как будет показано далее, была созвана исключительно по инициативе Муавии.

---

430 Там же, 3354; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 533–534. Сообщение явно показывает, что Муавия не находился в Думат аль-Джандале, вопреки некоторым сообщениям и мнению большинства современных исследователей, включая Вечча-Вальери. Муавия присутствовал в Адрухе, и этот факт, очевидно, повлиял на часть рассказов о Думат аль-Джандале. Соглашение об арбитраже предполагало, что арбитры встретятся без присутствия своих покровителей.

431 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 538.

432 Каэтани, Annali, X, 30–31.

433 Джаит, La Grande Discorde, 276. Джаит предполагает, что в рамадан 37 года в Думат аль-Джандал прибыла только сирийская делегация, тогда как Али, занятый хариджитами, не прислал представителей. Подобного мнения придерживался и Х. Ламменс: Études sur le règne du Calife Omaiyade Mo‘âwia Ier, Париж, 1908, 126–129.

К тому времени Абу Муса уже не считался признанным представителем Али, а сам Али проигнорировал эту встречу. Поэтому происходившее в Адрухе не являлось частью первоначального арбитража.

Куфийская историческая традиция сосредоточилась на встрече в Думат аль-Джандале — единственной, имевшей непосредственное значение для Али и куфийцев.

При этом, почти игнорируя встречу в Адрухе, она включила некоторые произошедшие там события — прежде всего знаменитую финальную сцену — в рассказ о первой встрече.

Мединская традиция, напротив, чаще сосредоточивалась на Адрухе, но при этом включала в повествование и отдельные детали переговоров в Думат аль-Джандале.

Вечча-Вальери предполагала, что главный вопрос, который арбитры должны были рассмотреть в Думат аль-Джандале, заключался в том, был ли Усман убит неправомерно.[434]

По её мнению, арбитры пришли к заключению, что его убийство было неправомерным, но сохранили решение в тайне.

Когда о нём всё же стало известно, Али отверг решение как противоречащее Корану, тогда как сирийцы встретили его с восторгом и принесли Муавии присягу как халифу.

Это верно лишь отчасти.

Согласно сиффинскому соглашению, задача арбитров состояла в том, чтобы всесторонне урегулировать конфликт между мусульманами, а не просто определить виновность или невиновность Усмана.

Вероятно, именно Амр ибн аль-Ас первым поставил вопрос об Усмане, поскольку справедливо рассчитывал, что здесь ему будет легко достичь согласия с Абу Мусой.

Если бы было признано, что Усман убит неправомерно и что Муавия как его ближайший родственник вправе требовать возмездия за кровь, это укрепило бы поддержку Омейяда в Сирии и ослабило позиции Али.

Амр, несомненно, понимал, что большего от Абу Мусы он едва ли добьётся и что арбитраж в конечном счёте обречён на провал.

Абу Муса принадлежал к нейтралистам и искренне хотел восстановить мир в мусульманской общине.

Общее признание того, что Усман был убит неправомерно, он, вероятно, воспринимал как жест примирения и надеялся, что Амр ответит ему подобной уступкой в главном вопросе — о руководстве общиной.

Вряд ли Абу Муса считал, что Али обязан выдать Муавии для кровной мести таких людей, как аль-Аштар, который некогда поддержал Абу Мусу и способствовал его назначению наместником Куфы.

Не был он в то время готов и обвинить Али или просто низложить его с поста халифа, чтобы освободить место для другого.

Вероятно, Абу Муса согласился бы оставить Али халифом, если бы тот признал Муавию наместником Сирии, а Муавия, в свою очередь, признал власть Али.

---

434 Вечча-Вальери, «Il conflitto», 26–31.

В идеале Абу Муса предпочёл бы созвать *шуру* — совет религиозной аристократии, в котором мог участвовать и Али.

Однако его собственным любимым кандидатом оставался Абдаллах ибн Умар.

Сам Абу Муса, будучи одним из ранних сподвижников, определённо не был готов признать халифом Муавию — человека из числа *тулака*, мекканцев, получивших прощение после завоевания города.

Муавии, однако, можно было оставить управление Сирией, поскольку его любила собственная армия.

Итак, признание неправомерности убийства Усмана было политической сделкой, а не результатом судебного расследования.

Абу Муса, вероятно, оправдывал её тем аргументом, который ранее использовала Аиша: Усман раскаялся в совершённых им проступках.

Но настоящее судебное расследование должно было прежде всего установить, было ли неправомерным убийство Нияра «Злодея», поскольку именно оно непосредственно спровоцировало насильственную смерть Усмана.

Действительно, по закону возмездия наказанию подлежал бы либо сам убийца Нияра, либо его хозяин Марван, а не Усман, который, скорее всего, выступал против убийства.

В этом смысле можно утверждать, что сам Усман не заслуживал смерти.

Однако он воспрепятствовал законному возмездию, отказавшись расследовать убийство, вероятно потому, что знал или подозревал причастность к нему своего двоюродного брата Марвана.

Поэтому суждение Али, что смерть Усмана нельзя назвать ни правомерной, ни неправомерной, в сущности было справедливым.

Абу Мусе особенно следовало бы насторожиться перед безоговорочным признанием невиновности Усмана, поскольку предложение исходило от Амра — одного из главных агитаторов против Усмана и первой мишени мести аль-Валида ибн Укбы.

Вероятно, Абу Муса был достаточно наивен, чтобы поверить в искреннее раскаяние Амра в его прежнем поведении.

Так судебно ошибочный приговор превратился в политическую, а для суннитов впоследствии и религиозную догму, имевшую для ислама тяжёлые долговременные последствия.

После того как первоначальное соглашение о невиновности Усмана было достигнуто, стратегия Амра заключалась в том, чтобы не допустить ни сохранения халифата за Али, ни созыва шуры.

Вероятно, в тот момент он ещё не слишком настойчиво выдвигал Муавию в халифы, поскольку сам Муавия пока официально не заявлял подобных притязаний.

Шура же, которую предпочитал Абу Муса, почти неизбежно означала бы избрание одного из нейтралистов.

В тот момент Муавия, возможно, ещё мог бы согласиться на это — но только при гарантии пожизненного управления Сирией.

Такой гарантии Абу Муса дать не мог.

Поэтому для Амра было выгоднее позволить переговорам рухнуть.

Он рассчитывал, что признание неправомерности убийства Усмана ещё сильнее расколет сторонников Али и удержит благочестивых нейтралистов от перехода на его сторону.

Подробности переговоров в Думат аль-Джандале остаются неясными.

Многое из того, что рассказывается о них, скорее относится к Адруху — прежде всего потому, что в этих сообщениях Муавия уже выступает серьёзным кандидатом на халифат.

Тем не менее несомненно, что вопрос о самом халифате обсуждался: об этом свидетельствует поэма ас-Салатана.

Несомненно и другое: вопреки предположению Вечча-Вальери, встреча закончилась полным разладом и без какого-либо соглашения.[435]

Когда участникам стало известно о провале переговоров, уступках Абу Мусы и непримиримости Амра, присутствовавшие куфийцы пришли в ярость.

Шурайх ибн Хани ударил Амра ибн аль-Аса плетью.

Один из сыновей Амра ответил ударом Шурайху, после чего окружающие разняли их.

Позднее Шурайх говорил, что единственное, о чём он сожалел, — что воспользовался плетью, а не мечом.[436]

Абу Муса был опозорен и бежал в Мекку.

Амр и сирийцы, напротив, с триумфом вернулись к Муавии и приветствовали его как Повелителя правоверных.[437]

Ещё до конца зу-ль-ка‘да 37 года хиджры — апреля–мая 658 года — Муавия получил общую присягу сирийцев как халиф.[438]

Когда Ибн аль-Аббас и Шурайх вернулись к Али и доложили о случившемся, Али осудил поведение обоих третейских судей.

---

435 Вечча-Вальери придала чрезмерное значение сообщению аль-Минкари о договорённости арбитров «ничего не говорить»: Вак‘ат Сиффин, 538. В контексте это означает лишь, что после того, как они услышали поэму ас-Салатана, арбитры решили сохранять ход переговоров в тайне. Когда стало ясно, что согласия достичь невозможно, необходимость в секретности исчезла.

436 Ат-Табари, I, 3359; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 546. Между Шурайхом и Амром уже произошёл конфликт в начале переговоров. Шурайх передал Амру послание от Али с призывом не поддерживать предателей и угнетателей. Амр язвительно спросил, прислушивался ли он когда-нибудь к советам Али. Шурайх ответил, что Абу Бакр и Умар, которые были лучше Амра, советовались с Али и следовали его советам. Амр высокомерно заявил, что человек его положения не станет разговаривать с человеком уровня Шурайха. Тот в ответ уничижительно отозвался об отце и матери Амра, после чего они расстались врагами: ат-Табари, I, 3357–3358; аль-Минкари, 542–543.

437 Ат-Табари, I, 3359; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 546.

438 Ат-Табари, I, 3396; II, 199.

Обращаясь с проповедью к куфийцам, он напомнил, что предупреждал их и о самих арбитрах, и об арбитраже вообще.

Теперь эти 2 человека, которых они сами избрали, отбросили установление Корана за спину, вынесли решения без веских доводов и признанных прецедентов, а затем ещё и разошлись между собой.

Али призвал сторонников готовиться к походу в Сирию и приказал собраться в военном лагере в понедельник.[439]

Когда стало известно, что Муавия принял присягу как халиф, Али прекратил с ним все отношения и переписку.

В молитвенном *кунуте* утренней молитвы он стал призывать проклятие на Муавию, Амра, Абу-ль-А‘вара ас-Сулами, Хабиба ибн Масламу, Абд ар-Рахмана ибн Халида ибн аль-Валида, ад-Даххака ибн Кайса и аль-Валида ибн Укбу.[440]

Тем самым он следовал практике самого Мухаммада, который также призывал проклятие на некоторых своих врагов в *кунуте*.[441]

Муавия ответил тем же и стал проклинать Али, Ибн аль-Аббаса, аль-Аштара, аль-Хасана и аль-Хусайна.[442]

После призыва возобновить войну с Муавией Али написал хариджитам, собравшимся в ан-Нахраване, адресовав письмо их лидерам Зайду ибн Хисну и Абдаллаху ибн Вахбу.

Он снова осудил арбитров за то, что те не последовали Сунне и не вынесли решения согласно Корану.

Али предложил хариджитам вновь объединиться с ним и совместно выступить против общего врага на тех же основаниях, на которых они прежде сражались вместе.

Хариджиты ответили, что теперь он поднимается не ради Бога, а ради самого себя.

Если он признает, что совершил акт неверия, согласившись на арбитраж, и раскается, они готовы пересмотреть своё отношение к нему.

В противном случае они продолжат противостояние.

Прочитав их письмо, Али потерял надежду вернуть их поддержку.

Он решил оставить их в покое и продолжить поход на Сирию.[443]

---

439 Там же, I, 3368; аль-Балазури, Ансаб, II, 365–366.

440 Ат-Табари, I, 3360. Аль-Минкари (Вак‘ат Сиффин, 552) вместо Абу-ль-А‘вара называет Абу Мусу аль-Аш‘ари.

441 См. Wensinck, «Kunut», EI; Kister, «O God, Tighten Thy Grip on Mudar», 252–273. Предположение Кистера, что сторонники Али, вероятно, не одобряли его проклятия в адрес Муавии, считая их возможным новшеством — бид‘а, основано на сообщении усманита аш-Ша‘би, служившего Омейядам, и не может считаться отражением позиции сторонников Али. Исторические источники не свидетельствуют о какой-либо оппозиции подобным проклятиям в Куфе. Хотя большинство куфийцев не стремилось вновь сражаться с сирийцами, после провала арбитража общественное мнение было крайне возмущено поведением Амра ибн аль-Аса и решительно настроено против Муавии.

442 Ат-Табари, I, 3360. Аль-Минкари (Вак‘ат Сиффин, 552) вместо аль-Аштара называет Кайса ибн Са‘да. Вероятно, имя Кайса позднее заменило имя аль-Аштара после убийства последнего Муавией.

443 Ат-Табари, I, 3368–3369; аль-Балазури, Ансаб, II, 461, 467.

Али явно стремился выступить как можно быстрее, прежде чем Муавия успеет собрать все свои силы.

Он приказал Ибн аль-Аббасу мобилизовать басрийцев.

Согласно сообщению Абу Михнафа, [444]сначала к аль-Ахнафу ибн Кайсу присоединилось лишь 1500 человек.

После второго обращения Ибн аль-Аббаса Джария ибн Кудама набрал ещё 1700 басрийцев.[445]

В Куфе Али, как сообщается, приказал племенным вождям зарегистрировать всех воинов, достигших боеспособного возраста сыновей воинов, рабов и клиентов и таким образом якобы собрал армию в 65 000 человек.[446]

Эта цифра, несомненно, сильно завышена.

Многие, вероятно, просто проигнорировали новый призыв к оружию.

В одной из речей Али призывал куфийцев сражаться против людей, не имеющих заслуг перед исламом и способных править ими подобно Хосрову и Ираклию.[447]

Ему сообщили, что его воины хотят сначала расправиться с хариджитами и лишь после этого выступить против сирийцев.

Али ответил, что война против «людей, которые станут тиранами и царями и обратят рабов Божьих в собственных слуг», важнее борьбы с хариджитами.

Тогда все заверили его в послушании и верности.[448]

Али двинулся на север через Шахи и Дабаху к восточному берегу Евфрата и аль-Анбару.

Тем временем до него дошли тревожные известия об убийстве хариджитами Абдаллаха ибн Хаббаба ибн аль-Аратта, его беременной жены и Умм Синан ас-Сайдавийи.

Али послал аль-Хариса ибн Мурру [449]расследовать происшедшее и допросить хариджитов.

Вскоре стало известно, что они встретили его посланника и также убили.

Воины Али обратились к нему и заявили, что не могут оставить свои семьи и имущество на милость подобных людей.

Они убеждали его сначала расправиться с хариджитами.

Их поддержал аль-Аш‘ас ибн Кайс, который, очевидно, предпочитал сражаться именно с хариджитами, а не с сирийцами, поскольку среди хариджитов почти не было йеменцев.

Таково, по всей видимости, было настроение большинства.

---

444 Со слов Абу-ль-Ваддака аль-Хамдани.

445 Аль-Балазури (Ансаб, II, 367) говорит о 3000, 5000 или более человек под командованием Джарии ибн Кудамы.

446 Ат-Табари, I, 3370–3372.

447 Там же, 3369–3370.

448 Там же, 3572–3573.

449 В версии Абу Михнафа назван аль-Харис ибн Мурра аль-Абди. Как указывает аль-Балазури (Ансаб, II, 368), это ошибка, поскольку аль-Харис ибн Мурра аль-Абди погиб в Синде несколькими годами позже. Ад-Динавари приводит нисбу аль-Фак‘аси: Annali, I, 127, 240–241. Возможно, однако, это лишь догадка.

Однако были и другие: они были готовы идти против сирийцев, но покинули войско, когда Али решил сначала заняться внутренними мятежниками.[450]

Али отправил Кайса ибн Са‘да ибн Убаду вперёд, в аль-Мадаин, чтобы тот объединился с местным наместником Са‘дом ибн Мас‘удом ас-Сакафи.

Когда сам Али приблизился, он послал хариджитам требование выдать убийц.

Если они это сделают, он оставит остальных в покое до завершения войны с сирийцами — в надежде, что за это время они одумаются и вернутся на путь истины.

Ответ был вызывающим.

Хариджиты заявили, что все они участвовали в убийствах и все считают дозволенным проливать кровь убитых ими людей — как и кровь сторонников Али.

Тогда Кайс ибн Са‘д обратился к ним, пытаясь внушить им представление о тяжести совершённых преступлений.

Но Абдаллах ибн Шаджара ответил, что истина уже озарила их и они не присоединятся к партии Кайса, пока противники не приведут им человека, подобного Умару ибн аль-Хаттабу.

Кайс сказал:

— Я не знаю в нашей партии никого, подобного Умару, кроме вашего прежнего господина Али. А знаете ли вы среди своих кого-либо, равного ему?

Он убеждал их не губить собственные жизни.

Абу Айюб аль-Ансари также попытался их вразумить.

Он говорил, что теперь между ними нет причины для раскола.

Зачем хариджитам сражаться против сторонников Али?

Они ответили:

— Если сегодня мы принесём вам присягу, завтра вы снова согласитесь на арбитраж.

Абу Айюб ответил, что не следует начинать мятеж сегодня из страха перед тем, что, возможно, случится завтра.

Али ещё раз обратился к хариджитам и попытался оправдать своё поведение в вопросе арбитража, на который они сами его вынудили согласиться.

Он спросил:

— По какому праву вы считаете дозволенным покинуть свою общину, обнажать мечи против своих же людей, допрашивать их об убеждениях и проливать их кровь?

Хариджиты стали призывать друг друга не вступать в разговор с противниками, а готовиться к встрече с Господом и к раю.

Обе стороны построились для боя.

Али передал Абу Айюбу знамя безопасности для каждого, кто захочет отказаться от сражения.

Абу Айюб громко объявил:

---

450 Аль-Балазури, Ансаб, II, 485.

— Тот, кто придёт под это знамя, или уйдёт в Куфу или аль-Мадаин и при этом не совершал убийства, будет в безопасности. Нам незачем проливать вашу кровь после того, как мы покараем убийц наших братьев.[451]

Мис‘ар ибн Фадаки с 1000 человек перешёл под знамя Абу Айюба.

Фарва ибн Науфаль аль-Ашджаи заявил, что теперь уже сам не понимает, почему следует сражаться против Али, и ему необходимо время, чтобы обдумать, как поступить правильно.

С 500 всадниками он ушёл в аль-Банданиджайн и ад-Даскару, восточнее ан-Нахравана.

От 100 до 300 человек перешли на сторону Али.

Абдаллах ибн Аби-ль-Хауса ат-Таи удалился с 300 людьми, Хаусара ибн Вада — ещё с 300, Абу Марьям ас-Са‘ди — с 200.

Из первоначальных 4000 рядом с Абдаллахом ибн Вахбом осталось лишь 1800 или даже 1500 человек.[452]

Али приказал предоставить хариджитам возможность атаковать первыми.

Их противники значительно превосходили их числом: армия Али, по сообщениям, насчитывала около 14 000 человек.[453]

Хариджиты сражались отчаянно, не надеясь выжить.

Битва превратилась в одностороннюю резню.

Абдаллах ибн Вахб, Зайд ибн Хисн, Джамра ибн Синан, Абдаллах ибн Шаджара и Шурайх ибн Ауфа погибли.

Среди тел на поле боя обнаружили 400 раненых.

Али распорядился передать их племенам для лечения.

Со стороны Али погибло всего 7 человек, а по другому сообщению — 12 [454]или 13.

Ади ибн Хатим обнаружил среди мёртвых своего сына Тарафу и похоронил его.

Когда Али узнал, что некоторые его воины также хоронят погибших родственников, он немедленно приказал выступать.

Он не проявил сочувствия к людям, которые прежде были его страстными сторонниками, а теперь превратились в ожесточённых врагов.

Аль-Балазури датирует битву при ан-Нахраване 9 сафара 38 года хиджры, то есть 17 июля 658 года.[455]

Ат-Табари, следуя Абу Михнафу, приводит рассказ о ней под 37 годом, хотя сам полагает, что она произошла в 38 году, как её датирует большинство источников.[456]

---

451 Ат-Табари, I, 2277–2280.

452 Аль-Балазури, Ансаб, II, 371: следует читать wa-yuqdi вместо yuqdi. Число 1800 одних только хариджитских всадников выглядит совершенно невероятным, поскольку далее Джамра ибн Синан, командующий их конницей, представлен как предводитель всего 300 всадников: ат-Табари, I, 3380–3381.

453 Аль-Балазури, Ансаб, II, 371.

454 Халифа, Та’рих, 197.

455 Аль-Балазури, Ансаб, II, 362.

456 Ат-Табари, I, 3387–3389.

Современные историки обычно принимают дату аль-Балазури и считают битву при ан-Нахраване современницей завоевания Египта Муавией и Амром, которое, согласно аль-Вакиди и аль-Кинди, произошло в сафаре 38 года.

Однако крайне маловероятно и противоречит целому ряду сообщений, чтобы Муавия решился на вторжение в Египет именно в тот момент, когда ожидал второго наступления армии Али с востока.

Как будет показано далее, существуют серьёзные основания считать, что битва при ан-Нахраване, в соответствии с сообщением Абу Михнафа, произошла ещё в 37 году — вероятнее всего в начале зу-ль-хиджжа, то есть в середине мая 658 года.

Резня хариджитов при ан-Нахраване стала самым проблематичным событием правления Али.

С точки зрения обычного государственного управления это был разумный и даже необходимый шаг.

Эти люди являлись мятежниками, нарушившими присягу, демонстративно отвергавшими общественный порядок и открыто угрожавшими пролить кровь любого мусульманина — даже собственного родственника, — который отказывался присоединиться к ним.

Сам Али, стремившийся возобновить войну со своим настоящим врагом Муавией, предпочёл бы пока не трогать хариджитов и разобраться с ними уже после сирийского похода.

Но их было слишком много.

Он не мог исключить, что в своём безрассудном состоянии они попытаются захватить Куфу, когда основная армия уйдёт.

После убийства его посланника никакое временное соглашение уже не представлялось возможным.

И Али снова оказался вынужден уступить тем в своём войске, кто меньше всего желал сражаться с сирийцами, — и сначала выступить против внутренних мятежников.

И всё же эти мятежники, как и сам Али, были искренними и бескомпромиссными сторонниками власти Корана.

Некоторые их предводители ранее поддерживали его именно на этом основании, ещё во время скандального правления Усмана.

По существу, хариджиты и Али одинаково считали арбитраж в конфликте с Муавией бессмысленным.

Да, некоторые из них первоначально сами вынудили его принять арбитраж.

Но позднее они признали это ошибкой и раскаялись в ней как в акте неверия.

В войне против тех, кто, по их мнению, искажал власть Корана, они могли бы стать самыми энергичными союзниками Али.

Он должен был сделать всё возможное, чтобы вернуть их верность, даже если ради этого пришлось бы отложить сирийский поход.

Конечно, сделать это было нелегко.

Их радикализм почти исключал компромисс.

Али не мог принять ни одно из 2 требований хариджитов: ни объявить себя неверующим за согласие на арбитраж, ни считать мусульманских политических противников неверными.

Не мог он и просто закрыть глаза на совершённые ими убийства.

Но терпеливый спор и убеждение, возможно, постепенно вернули бы большинство из них — если не всех.

Первой задачей Али должно было стать восстановление единства среди чтецов Корана, по крайней мере среди наиболее активных из них, поскольку именно они были его естественными союзниками.

Однако стремление как можно скорее возобновить войну с Муавией заставило его прибегнуть к угрозам и насилию против прежних сторонников — и в итоге это лишь ухудшило его положение.

Битва при ан-Нахраване окончательно закрепила раскол между шиитами и хариджитами.

Слабость поддержки Али теперь проявилась очень быстро.

Он хотел прямо из ан-Нахравана двинуться на Сирию.

Но его воины стали жаловаться: стрелы израсходованы, мечи затупились, наконечники копий расшатались.

Они просили вернуться в Куфу, чтобы привести оружие в порядок и пополнить силы.

И вновь их главным представителем выступил аль-Аш‘ас ибн Кайс.

Али уступил.

Когда войско достигло ан-Нухайлы, он приказал людям оставаться в лагере и готовиться к войне, лишь изредка навещая жён и семьи.

Но всего за несколько дней армия растаяла.

При Али осталось лишь несколько вождей.

Он понял, что потерял над людьми контроль, вошёл в Куфу и отказался от похода.[457]

Теперь инициатива перешла к Муавии.

Получив известия о военных приготовлениях Али после провала арбитража, он поспешно собрал сирийскую армию под Дамаском.

Хабиб ибн Маслама, как сообщается, советовал ему снова занять оборонительную позицию при Сиффине.

Амр же предлагал вторгнуться во владения Али в северной Месопотамии.

Пока Муавия колебался, он узнал, что Али свернул с пути в Сирию, чтобы подавить мятеж в собственных рядах.

Муавия обрадовался и решил ждать дальнейших событий.

Затем пришла новость: Али уничтожил мятежников, но его армия вынудила его отложить поход в Сирию.

---

457 Там же, 3385–3386.

Письмо Умары ибн Укбы ибн Аби Муайта подтвердило разложение армии Али и глубокий раскол и вражду среди куфийцев.

Тогда Муавия вызвал ад-Даххака ибн Кайса и приказал ему нападать на бедуинов, верных Али, в пустыне западнее Куфы, атаковать небольшие отряды вражеского войска, но избегать столкновения с крупными силами.

В его распоряжение было передано от 3000 до 4000 всадников.

Ад-Даххак пересёк пустыню, убивая встречавшихся бедуинов и захватывая их имущество.

Он достиг ас-Са‘лабийи [458]на паломнической дороге из Куфы в Мекку.

Там он напал на паломников, вероятно возвращавшихся из Мекки, и ограбил их.

Повернув затем на север по паломническому пути, он встретил у аль-Куткутаны Амра ибн Умайса ибн Мас‘уда аз-Зухли, племянника Абдаллаха ибн Мас‘уда.

Ад-Даххак убил его и нескольких его спутников.

Али призвал куфийцев отомстить за кровь Амра ибн Умайса и своих земляков.

Сначала они не откликались.

Наконец Худжр ибн Ади выступил с 4000 всадников и бросился в погоню за сирийцами.

В пустыне ас-Самава, на территории племени кальб, ему помог Имру-ль-Кайс ибн Ади аль-Кальби, связанный брачными узами с Али и его сыновьями.

Его соплеменники стали проводниками Худжра в пустыне.

Он настиг ад-Даххака неподалёку от Тадмура.

Произошёл бой.

Были убиты 19 сирийцев и лишь 2 человека из войска Худжра.

Под покровом ночи сирийцы бежали.[459]

Подобный обычный разбой — грабежи на дорогах и убийства — отныне стал постоянной чертой набегов, которые Муавия направлял во владения Али.

Это знаменовало новый уровень падения нравов во внутримусульманской войне.

Позднее, уже будучи наместником Куфы в 55/674–675 году, ад-Даххак в одной из проповедей хвастался убийством Амра ибн Умайса как героическим подвигом.

Куфиец Абд ар-Рахман ибн Убайд аль-Азди язвительно поздравил его с «героической» последней стойкой под Тадмуром, свидетелем которой сам был.[460]

Спустя некоторое время после набега ад-Даххака Али получил письмо от своего старшего брата Акиля.

---

458 В письме брату Акилю Али упоминает Вакису и Шараф — оба пункта находились на паломническом пути севернее ас-Са‘лабийи и были пройдены ад-Даххаком во время набега: ас-Сакафи, Гарат, 331–332. Вакиса также упоминается у аль-Балазури (Ансаб, II, 437) и ат-Табари (I, 3447).

459 Ас-Сакафи, Гарат, 416–426; аль-Балазури, Ансаб, II, 437–438.

460 Ас-Сакафи, Гарат, 336–338; аль-Балазури, Ансаб, II, 438–439. Ат-Табари относит набег ад-Даххака ибн Кайса к 39 году хиджры, то есть датирует его на 2 года позднее. Каэтани последовал этой датировке. Аль-Балазури подтверждает, что это был первый из набегов, организованных Муавией, а Ибн А‘сам аль-Куфи, чей рассказ восходит к Абу Михнафу, утверждает, что набег произошёл сразу после арбитража в Думат аль-Джандале.

Тот сообщал, что недавно совершил внесезонное паломничество — *умру*.

По дороге он встретил Абдаллаха ибн Са‘да ибн Аби Сарха и около 40 молодых людей, сыновей *тулака*, двигавшихся на запад от Кудайда.[461]

Увидев на их лицах недобрые намерения, Акиль спросил, не направляются ли они к Муавии из-за старой, уже не скрываемой вражды к исламу.

Между ними произошёл обмен оскорблениями.

Прибыв в Мекку, Акиль услышал разговоры о набеге ад-Даххака на аль-Хиру — как тот захватил всё имущество, какое пожелал, и благополучно вернулся в Сирию.

Узнав об этом, Акиль решил, что Али, вероятно, остался без поддержки.

Он спросил брата, собирается ли тот сражаться до смерти, и предложил присоединиться к нему вместе со своими сыновьями и двоюродными братьями, чтобы разделить его судьбу.

В ответ Али пренебрежительно отозвался об Ибн Аби Сархе, назвав его непримиримым врагом Мухаммада и Корана.

Он осудил курайшитов, которые разорвали с ним родственные узы, сговорились лишить его права и передали власть человеку, не равному ему ни по родству с Пророком, ни по ранним заслугам в исламе.

Что касается ад-Даххака, Али заверил брата, что послал против него сильный отряд мусульман, который наказал его во время бегства.

Али заявил, что намерен продолжать джихад против нарушителей святыни — *мухиллун* — до самой встречи с Богом.

Многочисленные сторонники не способны увеличить его силу, а их уход не делает его более одиноким, ибо он стоит на стороне истины, а Бог — с истиной.

Что же касается предложения Акиля прийти вместе с сыновьями и родственниками, Али ответил, что не нуждается в этом и не желает, чтобы они погибли вместе с ним, если погибнет он сам.

Акилю не следует думать, писал он, что сын его матери, даже если все люди бросят его, унизится настолько, чтобы молить о помощи или покорно склониться перед несправедливостью.[462]

---

461 Неизвестно, где в то время жил Акиль. Ибн Аби-ль-Хадид выступает в пользу Медины, однако возможна и Сирия. Кудайд находится близ Мекки. «На запад» здесь, очевидно, означает в направлении Сирии.

462 Ас-Сакафи, Гарат, 434–435; Агани, XV, 46; аль-Балазури, Ансаб, II, 74–75. Письма производят впечатление в основе своей подлинных и в любом случае должны относиться к довольно раннему периоду. Письмо Акиля передал Абд ар-Рахман ибн Убайд аль-Азди, участвовавший в преследовании ад-Даххака ибн Кайса и, вероятно, встретивший Акиля в Мекке или посетивший его вскоре после этого. Акиль, следовательно, был хорошо осведомлён о дезертирстве куфийцев и лишь из вежливости писал, будто только предполагает, что Али оставили без поддержки. Куфиец Абу Сулайман Зайд ибн Вахб аль-Джухани, передатчик писем у ас-Сакафи, собрал книгу речей Али и, вероятно, получил тексты писем от Абу-ль-Кануда. Абу Михнаф передавал письма через Сулаймана ибн Аби Рашида от Абу-ль-Кануда. Из писем также ясно, что Абдаллах ибн Са‘д ибн Аби Сарх в то время ещё был жив, и его присутствие при Сиффине, вероятно, не является вымыслом, как полагал К. Х. Беккер.

Ламменс признавал письмо Акиля подлинным, [463]но одновременно называл его «заклятым врагом Али».[464]

Сообщается, что Акиль однажды посетил Али в Куфе и попросил у него денег.

В этой связи следует отметить, что Акилю принадлежал в Куфе дом, который он продал аль-Валиду ибн Укбе во время наместничества последнего.[465]

Следовательно, он, вероятно, состоял в куфийском списке получателей государственного содержания.

Али отказался выдавать ему деньги из доходов *фай'*, однако, как сообщается, предложил средства из собственного имущества в Янбу.

После этого Акиль отправился в Дамаск, где Муавия дал ему крупную сумму.

Вероятно, это произошло ещё до битвы при Сиффине.

Неясно, платил ли ему Муавия потому, что Акиль теперь числился в сирийском списке получателей содержания, или это была обычная взятка.

Как отмечал Ламменс, [466]одна из жён Акиля была тёткой Муавии.

Сообщения об отношениях Акиля с Муавией носят анекдотический характер и изображают его человеком, относившимся к Омейяду и его выдающимся сподвижникам с крайним презрением.

Нет надёжных свидетельств того, что он когда-либо поддерживал Муавию против своего брата Али.

Поэтому предположение Вечча-Вальери, будто «отчуждение между братьями, вероятно, имело политические причины», совершенно неосновательно.[467]

Следующей целью Муавии стал Египет.

Положение правительства Мухаммада ибн Аби Бакра там было тяжёлым.

Как уже отмечалось, Мухаммад настроил против себя усманитских сепаратистов, собравшихся в Харбите, с которыми его предшественник Кайс ибн Са'д сумел наладить рабочие отношения.

Успешное сопротивление сирийцев Али при Сиффине вдохновило их на открытое выступление против наместника.

Мухаммад направил против мятежников армию под командованием аль-Хариса ибн Джумхана аль-Джуфи.

Мятежниками всё ещё руководил Язид ибн аль-Харис аль-Кинани.

Аль-Харис ибн Джумхан потерпел поражение и погиб.[468]

Второй отряд, направленный наместником под командованием кальбита Ибн Мудахима, постигла та же участь.

---

463 Ламменс, Mo'âwia, 175.

464 Там же, 112.

465 Агани, IV, 182.

466 Ламменс, Mo'âwia, 175.

467 См. «'Aqil b. Abi Talib», EI, 2-е изд.

468 Аль-Харис ибн Джумхан аль-Джуфи сражался за Али при Сиффине. Вероятно, Али затем отправил его в Египет на помощь Мухаммаду ибн Аби Бакру. Однако у аль-Балазури и ас-Сакафи его нисба дана как аль-Балави, а не аль-Джуфи. Поэтому возможно, что речь идёт о другом человеке.

Ибн Мудахим был убит сепаратистами.[469]

Теперь руководство движением перешло к более известному человеку — Муавии ибн Худайджу ас-Сакуни, который привлёк в лагерь усманитов новых сторонников.[470]

Маслама ибн Мухаллад также независимо от группы в Харбите возобновил кампанию мести за Усмана.

Оба ранее сражались за Муавию при Сиффине и [471]теперь, очевидно, вернулись в Египет.

Таким образом, первоначально самостоятельное египетское усманитское движение всё сильнее склонялось к поддержке Муавии.

Али понимал слабость положения Мухаммада ибн Аби Бакра и рассматривал возможность заменить его либо Кайсом ибн Са‘дом, либо аль-Аштаром.

После возвращения из Сиффина он назначил Кайса начальником своей полиции и пообещал ему после завершения арбитража управление Азербайджаном.

Аль-Аштар тем временем вернулся в свою область в Верхней Месопотамии.

Сразу после арбитража Али вызвал его из Насибина и [472]отправил в Египет, чтобы тот сменил Ибн Аби Бакра, которого Али охарактеризовал как молодого человека, неопытного в войне и политике.

То обстоятельство, что Али отправил аль-Аштара в Египет именно тогда, когда собирался начать второй поход в Сирию, показывает, насколько важное место Египет занимал в его планах.

Через своих шпионов Муавия узнал о назначении аль-Аштара.

Он подкупил сборщика налогов и поручил тому убить его.

Аль-Аштар постарался избежать сирийской территории.

Из Хиджаза он отправился морем к аль-Кульзуму на египетском берегу Красного моря.[473]

Там его гостеприимно встретил подкупленный Муавией сборщик налогов.

Он подал аль-Аштару напиток из отравленного мёда.

Аль-Аштар умер.[474]

Муавия хвастался убийством старого врага, а Амру приписывают слова:

«У Бога есть воинства и в мёде».[475]

Вероятно, это было первое убийство Муавии с помощью яда — но далеко не последнее.

---

469 Ат-Табари, I, 3248; аль-Балазури, Ансаб, II, 398; ас-Сакафи, Гарат, 254–255.

470 Согласно аль-Балазури (Ансаб, II, 398), Муавию ибн Худайджа убедил возглавить египетских усманитов Муавия ибн Аби Суфьян. Если это так, Муавия тем самым нарушил перемирие с Али.

471 См. аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, указатель по именам обоих.

472 Аль-Аштар оставил вместо себя в Верхней Месопотамии Шабиба ибн Амира аль-Азди: ас-Сакафи, Гарат, 258.

473 Аль-Балазури, Ансаб, II, 399.

474 Ат-Табари, I, 3392–3393; ас-Сакафи, Гарат, 254–260. Существуют различные версии убийства аль-Аштара: ас-Сакафи, 262–263.

475 Аль-Кинди, Вулат, 23.

Публично он поздравлял сторонников и говорил:

— У Али ибн Аби Талиба было 2 правые руки. Одну отсекли при Сиффине, — имея в виду Аммара ибн Ясира, — а вторую — сегодня.

Под второй он подразумевал аль-Аштара.[476]

Потеря аль-Аштара — исключительно верного и способного, хотя и не всегда покорного сторонника — стала тяжёлым ударом для Али.

Он не скрывал горя и отзывался о нём с величайшей похвалой перед старейшинами его племени ан-Наха, пришедшими его навестить.[477]

Али написал Мухаммаду ибн Аби Бакру, которого обеспокоила отправка аль-Аштара.

Он заверил его, что действовал не из-за недовольства ходом войны и не потому, что сомневался в серьёзности Мухаммада.

Если бы он и снял его с нынешнего поста, то назначил бы на должность, менее тяжёлую и более приятную.

Затем Али похвалил человека, которого направил управлять Египтом: тот был искренне предан ему и суров к его врагам.

Он встретил смерть, когда Али был полностью им доволен.

Али молил Бога быть довольным аль-Аштаром и удвоить ему награду.

Он призвал Ибн Аби Бакра проявлять стойкость перед врагом и готовиться к войне.

Мухаммад ибн Аби Бакр в ответ заверил Али в своей неизменной верности.[478]

После рейда ад-Даххака ибн Кайса Муавия собрал старших военачальников и Амра на совет относительно захвата Египта.

Амр ибн аль-Ас, желавший наконец получить обещанную ему награду, советовал немедленно отправить в Египет крупную армию.

Тогда египтяне, разделявшие их взгляды, стекутся к ним и помогут против врага.

Муавия предпочитал сначала написать сторонникам в Египте, призывая их держаться и обещая скорую помощь, а также противникам — пытаясь сломить их решимость одновременно обещаниями и угрозами.

Если это не сработает, всегда можно будет начать войну.

Амр ответил, чтобы Муавия поступал, как считает нужным.

Сам он по-прежнему был убеждён, что всё закончится тяжёлой битвой.

Муавия написал совместное письмо Масламе ибн Мухалладу и Муавии ибн Худайджу.

---

476 Ат-Табари, I, 3394.

477 Ас-Сакафи, Гарат, 264–265. Сообщение, будто Али был рад избавиться от аль-Аштара, переданное усманитом аш-Ша‘би от Абдаллаха ибн Джафара ибн Аби Талиба, тенденциозно. Абдаллах ибн Джафар, единоутробный брат Мухаммада ибн Аби Бакра, советовал сместить Кайса ибн Са‘да и назначить Ибн Аби Бакра, что оказалось серьёзной ошибкой. Очевидно, он не питал симпатии к аль-Аштару, которого теперь пришлось отправлять в безуспешной попытке спасти положение. Его утверждение, будто именно он первоначально посоветовал Али отправить аль-Аштара, маловероятно.

478 Ат-Табари, I, 3315–3316; ас-Сакафи, Гарат, 267–270; аль-Балазури, Ансаб, II, 400.

Он похвалил их благородную стойкость в стремлении отомстить за кровь несправедливо убитого халифа, обещал скорую поддержку «друзей Божьих» как на земле, так и из владений Муавии, призывал продолжать джихад и приглашать тех, кто всё ещё не присоединился к их пути.

Письмо доставил клиент Муавии Субай ибн Малик аль-Хамдани.

Маслама, прочитав его, вернул гонцу и попросил показать Ибн Худайджу, а затем снова принести ему, чтобы он мог ответить от имени обоих.

Ибн Худайдж согласился.

Маслама написал Муавии, что они надеются получить награду Бога, сражаясь против тех, кто восстал против их имама.

Они вступили на этот путь не ради материальной выгоды и прежде не рассчитывали на помощь Муавии.

Однако теперь просили его как можно скорее прислать людей и конницу, чтобы обеспечить победу.[479]

Хотя после Сиффина и арбитража египетские усманиты значительно усилились, самостоятельно выступить против наместника они, очевидно, ещё не решались.

Муавия получил письмо в Палестине, куда переместился, чтобы руководить событиями с меньшего расстояния.

Он передал Амру командование 6000 человек и [480]приказал вторгнуться в Египет.

Когда Амр вошёл в свою прежнюю провинцию, египетские усманиты присоединились к нему.

Он остановился и написал Мухаммаду ибн Аби Бакру, советуя тому покинуть Египет, если он хочет сохранить жизнь.

Народ Египта, утверждал Амр, единодушно отвергает его власть и сожалеет, что когда-то последовал за ним.

Амр предпочёл не напоминать своему бывшему союзнику об убийстве Усмана, к которому сам некогда подстрекал.

Зато он приложил к письму послание Муавии.

Муавия обвинял Мухаммада ибн Аби Бакра в том, что именно тот был одним из самых ожесточённых мятежников против Усмана и пролил его кровь.

Теперь, писал Муавия, Мухаммад пытается управлять страной, большинство жителей которой поддерживают Муавию и разделяют его взгляды.

Муавия добавлял, что пишет ему лишь потому, что ему неприятна мысль о том, чтобы калечить и убивать курайшита.

Но от возмездия Бог всё равно не спасёт Ибн Аби Бакра, где бы тот ни находился.

Мухаммад ибн Аби Бакр переслал оба письма Али и добавил записку, описывая опасность своего положения: собственные сторонники покидали его.

---

479 Ат-Табари, I, 3396–3400; ас-Сакафи, Гарат, 270–276.

480 По версии аль-Вакиди, армия Амра насчитывала 4000 человек: ат-Табари, I, 3406.

Если Али хочет сохранить Египет, писал он, необходимо прислать подкрепление и деньги.

Али ответил, чтобы Мухаммад держался, укрепил город и направил против врага Кинану ибн Бишра, известного преданностью и твёрдостью.

Сам Али обещал направить ему конное подкрепление.

Он пренебрежительно отозвался о письмах Муавии и Амра и велел Ибн Аби Бакру дать им достойный ответ.

Мухаммад ответил Муавии, что не намерен оправдываться перед ним за события вокруг Усмана.

Угрозы изувечить его — лишь попытка запугивания, а притворная забота Муавии о его судьбе неискренна.

Он всё ещё надеется победить врагов.

Если же нет, Бог покарает их за несправедливость и убийство верующих.

Амру он написал, что тот лжёт, изображая заботу о его безопасности.

Египтяне, которые якобы отвергают его власть и раскаиваются в прежней поддержке, — всего лишь последователи Амра и дьявола.

Сам Мухаммад продолжит уповать на Бога.

Мухаммад ибн Аби Бакр решил перейти в наступление, хотя имел всего 2000 воинов.

Авангард под командованием Кинаны ибн Бишра он направил вперёд.

Амр стал высылать против Кинаны один отряд за другим, постепенно втягивая его всё дальше.

Наконец у аль-Мусанната Кинану окружили войска Муавии ибн Худайджа с египетскими усманитами, а следом подошли основные сирийские силы.

Кинана и его люди оказались в подавляющем меньшинстве и были перебиты.

Когда известие дошло до Мухаммада ибн Аби Бакра, все его люди оставили его.

Он укрылся в развалинах, а Амр тем временем занял столицу — аль-Фустат.

Муавия ибн Худайдж стал разыскивать Ибн Аби Бакра.

Несколько крестьян указали ему место укрытия.

Мухаммада схватили почти умирающим от жажды и собирались доставить в аль-Фустат.

Узнав о его пленении, брат Мухаммада, Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр, вмешался.

Аиша специально отправила его в армию Амра, чтобы попытаться спасти жизнь брата.[481]

Амр приказал Муавии ибн Худайджу доставить сына Абу Бакра к нему живым.

Ибн Худайдж пришёл в ярость.

Амр позволил убить его родственника Кинану ибн Бишра — племя туджиб было ветвью сакун, — но теперь требовал пощадить курайшита Ибн Аби Бакра.

Он отказался дать пленнику воды, прикрываясь ложным обвинением омейядской пропаганды, будто мятежники некогда лишили воды самого Усмана.

---

[481] Ибн Манзур, Мухтасар, XIV, 281; Abbott, Aishah, 179–180.

После яростной перепалки Муавия ибн Худайдж убил сына Абу Бакра.

Затем положил его тело в тушу осла и сжёг вместе с ней.

Когда Аиша узнала о страшной смерти брата, её охватило глубокое горе.

В своих молитвах во время *кунута* она стала призывать проклятие на Муавию и Амра.

Она взяла под опеку семью брата и воспитала его сына аль-Касима, который впоследствии стал одним из выдающихся религиозных учёных Медины.[482]

Амр сообщил Муавии о победе и гибели Мухаммада ибн Аби Бакра и Кинаны ибн Бишра.

И снова он написал лишь о том, что оба «упорствовали в своём заблуждении», ничего не сказав о мести за Усмана.[483]

Получив просьбу Ибн Аби Бакра о помощи, Али обратился к куфийцам, призывая к немедленным действиям.

Он велел добровольцам собраться в аль-Джара‘а между Куфой и аль-Хирой.

На следующий день Али сам прибыл туда.

К нему присоединилось менее 100 человек.

Вернувшись в Куфу, он вызвал племенных вождей и резко упрекнул их за бездействие.

Малик ибн Ка‘б аль-Архаби выступил в поддержку Али.

Тогда Али приказал глашатаю созывать людей для похода в Египет под его командованием.

Тем не менее понадобился целый месяц, [484]прежде чем за пределами Куфы удалось собрать небольшую армию в 2000 человек.

Али отправил её в путь.

Через 5 дней он получил сразу 2 сообщения: от аль-Хаджжаджа ибн Газийи аль-Ансари, прибывшего из Египта, и от своего разведчика Абд ар-Рахмана ибн аль-Мусайяба аль-Фазари, прибывшего из Сирии.

Оба сообщили, что Мухаммад ибн Аби Бакр убит.

Али послал Абд ар-Рахмана ибн Шурайха аль-Ями вернуть войско Малика ибн Ка‘ба.

Аль-Вакиди датирует победу Амра при аль-Мусаннате сафаром 38 года хиджры, то есть июлем–августом 658 года.[485]

Аль-Кинди называет датой гибели Ибн Аби Бакра 14 сафара 38 года — 23 июля 658 года, [486]хотя эта дата, вероятно, слишком ранняя.

---

482 Ат-Табари, I, 3400–3406; ас-Сакафи, Гарат, 276–285. Согласно аль-Вакиди, Ибн Аби Бакр скрывался в доме Джабалы ибн Масрука. Муавия ибн Худайдж окружил дом, и Ибн Аби Бакр погиб в бою. О том, как Аиша взяла на попечение дочь брата Курайбу и сына аль-Касима, см. Abbott, Aishah, 209.

483 Ат-Табари, I, 3407; ас-Сакафи, Гарат, 288–289.

484 Ас-Сакафи, Гарат, 294.

485 Ат-Табари, I, 3407.

486 Аль-Кинди, Вулат, 31. Утверждение аль-Кинди, что наместничество Ибн Аби Бакра длилось 5 месяцев, совершенно ошибочно.

До битвы Амр ибн аль-Ас стоял лагерем в Египте от 1 до 2 месяцев.

Али, согласно одному сообщению, говорил куфийцам, что более 50 дней пытался собрать армию для помощи египетским братьям.[487]

Вероятнее всего, сражение произошло не ранее конца сафара 38 года — начала августа 658-го.

Аль-Кинди датирует начало второго наместничества Амра в Египте раби‘ I 38 года, то есть августом–сентябрём 658 года.[488]

Али был глубоко потрясён как потерей Египта, так и смертью своего приёмного сына Мухаммада ибн Аби Бакра и не скрывал горя.

В одной проповеди он противопоставил собственную готовность встретиться с врагом нежеланию куфийцев подчиняться ему.

В письме Абдаллаху ибн аль-Аббасу, сообщая о завоевании Египта и смерти Ибн Аби Бакра, он с горечью жаловался на отсутствие поддержки со стороны своих людей.

Если бы не желание умереть мучеником, писал Али, он предпочёл бы не оставаться с ними ни единого дня.

Двоюродный брат ответил ему молитвой о Божьей поддержке и советом мягче обращаться с подданными — возможно, со временем они изменят своё отношение.

Очевидно, теперь Али сожалел, что доверил Египет Ибн Аби Бакру.

Он вновь охарактеризовал его как неопытного юношу — *гулям хадас*.

Али рассказал, что рассматривал возможность назначить Хашима ибн Утбу.

По его мнению, тот не оставил бы поле боя открытым перед Амром ибн аль-Асом и его помощниками и не погиб бы, не держа меча в руке.

Однако, добавил Али, это вовсе не было упрёком Мухаммаду ибн Аби Бакру.

Тот пожертвовал жизнью и исполнил свой долг.[489]

Когда Али спросили, почему он так сильно скорбит по сыну Абу Бакра, он ответил:

«Он был моим приёмным сыном, братом моих собственных сыновей. Я был ему отцом и считал его своим ребёнком».[490]

Разочарованный потерей реальной власти, Али всё больше посвящал силы наставлению тех сторонников, которые ещё желали его слушать.

Вскоре после завоевания Египта, когда он всё ещё находился в состоянии горя и подавленности, к нему пришли 5 близких последователей: Амр ибн аль-Хамик, Худжр ибн Ади, Хабба ибн Джувайн аль-Урани аль-Баджали, аль-Харис аль-А‘вар аль-Хамдани и Абдаллах ибн Саба аль-Хамдани.

Они спросили его, как он относится к Абу Бакру и Умару.

Али упрекнул их:

— Неужели сейчас ваш ум свободен для подобных вопросов, когда Египет только что завоёван, а мои сторонники — *ши‘ати* — там убиты?

---

487 Ат-Табари, I, 3412; ас-Сакафи, Гарат, 297.

488 Аль-Кинди, Вулат, 31.

489 Ат-Табари, I, 3411–3413; ас-Сакафи, Гарат, 295–301.

490 Ас-Сакафи, Гарат, 301.

Затем он сказал:

— Я дам вам письмо, в котором будет изложено то, о чём вы меня спрашивали. А от вас прошу беречь мои права, которыми вы прежде пренебрегли. Читайте это письмо моим сторонникам и помогайте истине.[491]

Содержание письма в основном совпадало с тем, что Али прежде писал Муавии о своих отношениях с первыми 2 халифами.

Али рассказал о миссии Пророка, о бедствии, которое его смерть принесла как ближайшей семье, так и всей общине, и о борьбе вокруг власти после него.

Он утверждал, что был удивлён и глубоко потрясён, увидев, как люди отвернулись от семьи Пророка и устремились к Абу Бакру, чтобы принести ему присягу.

Некоторое время Али не протягивал руки для присяги, считая себя более достойным занять место Посланника Божьего среди людей, чем кто-либо другой.

Но затем отступничество части арабов заставило его поставить интересы ислама выше собственных притязаний.

Он принёс присягу Абу Бакру, помогал ему бороться с отступниками и искренне советовал ему.

При этом Али не был убеждён, что Абу Бакр имеет больше прав на власть, и продолжал надеяться, что тот в конце концов передаст правление ему.

Если бы не особенно тесные отношения между Абу Бакром и Умаром, Али, по его словам, даже не предполагал бы, что Абу Бакр может передать власть другому.

Однако незадолго до смерти Абу Бакр призвал Умара и назначил его преемником.

Али подчинился и искренне поддерживал Умара.

Правление Умара, по его словам, оказалось успешным и благословенным.

Когда Умар приблизился к смерти, Али был уверен, что на этот раз власть не минует его.

Однако Умар включил его лишь в число 6 кандидатов.

И именно эти люди, писал Али, оказались наиболее решительно настроены против его правления.

Причина заключалась в том, что после смерти Пророка он спорил с Абу Бакром и сказал курайшитам:

«Мы, семья Пророка, имеем больше прав на это дело, чем вы, пока среди нас есть человек, читающий Коран, знающий Сунну и придерживающийся истинной религии».

Люди, утверждал Али, испугались, что, если власть достанется ему, при его жизни они уже никогда не получат собственной доли в правлении.

---

[491] Ас-Сакафи, Гарат, 302–303; аль-Балазури, Ансаб, II, 382–383. Аль-Балазури сообщает, что затем Али передал им письмо, которое следовало постоянно читать его сторонникам для назидания. У Ибн Сабы была копия, однако он изменил текст. Аль-Балазури сам письмо не приводит, заметив лишь, что оно не принесло Али пользы. Текст сохранился у ас-Сакафи. В цитате Ибн Аби-ль-Хадида из книги ас-Сакафи тот же текст представлен как речь Али после убийства Мухаммада ибн Аби Бакра. Возможно, вводная часть была опущена из-за упоминания в ней Абдаллаха ибн Сабы.

Поэтому все они согласились передать власть Усману и лишить её Али в надежде, что впоследствии она перейдёт к ним самим.

Они потребовали, чтобы Али принёс присягу, угрожая в противном случае вступить с ним в борьбу.

И он подчинился принуждению.

Один из них сказал ему:

— Ибн Аби Талиб, ты явно слишком жаждешь этой власти.

Али ответил:

«Вы жаждете её сильнее меня, хотя ваши права на неё куда слабее. Неужели я более жаден, если прошу вернуть мне моё наследие и моё право, на которое Бог и Его Посланник сделали меня наиболее достойным? Или жаднее вы, когда бьёте меня по лицу, лишь бы не допустить меня к нему?»

Они не нашли ответа.

Затем Али молил Бога помочь ему против курайшитов, которые разорвали с ним родственные связи, обманом лишили его права, унизили его высокое положение и сговорились оспаривать то, на что он имел более раннее право, чем они сами.

Оглядевшись вокруг, Али, по его словам, не увидел никого, кто готов был бы помочь ему и защитить его, кроме собственной семьи.

Он опасался погубить их и потому сдержал гнев.

После этого Али напомнил верующим, как они сами разгневались на Усмана, пришли в Медину и убили его.

Затем они пришли к Али, чтобы принести присягу.

Сначала он отказывался.

Но они настойчиво убеждали его, заявляя, что не согласятся ни на кого другого.

В конце концов Али принял власть.

Затем он изложил историю собственного правления:

мятеж Тальхи и аз-Зубайра;

отказ сирийцев ответить на его призыв;

мятеж собственной армии при Сиффине;

провал арбитров, которые не вынесли решения согласно Корану и в итоге разошлись между собой;

восстание хариджитов;

и, наконец, массовое уклонение куфийцев от второго похода в Сирию.

В завершение Али призвал своих сторонников исполнить долг по защите ислама.

Их враги уже захватывали города, убивали его последователей и разоряли их земли.[492]

Примерно в это же время, вскоре после потери Египта, между Али и его двоюродным братом Абдаллахом ибн аль-Аббасом произошла резкая ссора.

---

[492] Ас-Сакафи, Гарат, 303–322.

Готовясь ко второму походу в Сирию, Али назначил Ибн аль-Аббаса руководителем паломничества в Мекку, как уже делал годом ранее, во время сиффинских событий.[493]

По-видимому, именно из-за этой миссии Абдаллах отсутствовал при битве у ан-Нахравана.

Отправляясь в Мекку, он оставил Абу-ль-Асвада ад-Дуали руководить общей молитвой в Басре, а Зияда ибн Абихи — земельным налогом.

Во время его отсутствия между ними вспыхнула ссора.

Абу-ль-Асвад высмеял Зияда в сатирическом стихотворении.

Зияд ответил грубыми оскорблениями, и Абу-ль-Асвад сочинил новую сатиру. Когда Абдаллах ибн аль-Аббас вернулся, Зияд пожаловался ему на Абу-ль-Асвада. Абдаллах резко отчитал последнего, сравнив его с верблюдом, за то, что тот неподобающим образом задел честь свободных людей, и прогнал его.[494]

После этого Абу-ль-Асвад написал Али письмо, в котором восхвалял его честность в обращении с *файем* мусульманской общины: Али щедро распределял эти средства между людьми и ничего из принадлежащего им не присваивал себе. Его двоюродный брат, напротив, без ведома Али пользовался деньгами, находившимися в его распоряжении. Абу-ль-Асвад не мог скрыть этого от Али и потому просил у него совета.

В ответ Али поблагодарил его за искренность по отношению к своему имаму и сообщил, что напишет Ибн аль-Аббасу, не упоминая письма Абу-ль-Асвада.

Он написал Ибн аль-Аббасу, что получил о нем сведения, которые, если они верны, означают, что тот запятнал доверие, ослушался своего имама и обманул мусульман. Али потребовал представить отчет о государственных средствах, находившихся в его распоряжении.

Ибн аль-Аббас ответил, что дошедшие до Али сведения ложны и что он надлежащим образом распоряжается всем вверенным ему имуществом и сохраняет его.

Али снова написал ему, потребовав точного отчета о поступлениях с немусульман — *джизье*, об источниках этих доходов и произведенных расходах.

Ибн аль-Аббас был глубоко задет столь настойчивым недоверием к человеку, который в самых тяжелых обстоятельствах неизменно и преданно поддерживал Али. Он ответил, что прекрасно понимает, насколько серьезно Али воспринял сообщение о том, будто он присвоил деньги жителей Басры.

---

493 Ат-Табари ошибочно утверждает, что в 37 году хиджры паломничество возглавлял брат Абдаллаха — Убайдаллах, наместник Йемена. Халифа правильно называет Абдаллаха.

494 Предыстория ссоры между Ибн аль-Аббасом и Абу-ль-Асвадом приводится только у Ибн Асама (Футух, IV, 72–73). Рассказ Абу-ль-Кануда, на котором основаны остальные версии, начинается с того, что Абдаллах почти теми же словами отчитывает Абу-ль-Асвада. Дальнейшее изложение Ибн Асама (там же, 74–75), очевидно, сокращает рассказ Абу-ль-Кануда и сообщает, будто Ибн аль-Аббас лишь удалился в свой дом в Басре. Затем Али написал ему, упрекнув в гневной реакции, и восстановил в должности. Эта часть явно ненадежна в свете рассказа Абу-ль-Кануда.

Он поклялся, что предпочел бы предстать перед Богом со всем золотом, находящимся над землей и под ней, в своих руках, нежели пролить кровь общины ради власти и господства.

«Пошли в свою провинцию кого пожелаешь. Я ухожу».

Когда Али прочел это письмо, он недоверчиво заметил:

«Разве Ибн Аббас не участвовал вместе со мной в пролитии этой крови?»[495]

Упоминание Ибн аль-Аббасом пролитой крови Вечча-Вальери истолковала как критику резни хариджитов при ан-Нахраване, которая, по ее мнению, и стала главной причиной его отхода от Али.[496]

Вполне возможно, что Ибн аль-Аббас сожалел о случившемся при ан-Нахраване, хотя сам он там не присутствовал. На это косвенно указывает и хронологически ошибочное замечание аль-Балазури, [497]согласно которому Абдаллах ибн аль-Аббас спустя некоторое время после сирийского завоевания Египта разошелся с Али по вопросу ан-Нахравана и уехал в Мекку.

Как отмечала Вечча-Вальери, впоследствии Ибн аль-Аббас пользовался большим уважением среди хариджитов, которые обращались к нему за советами по юридическим вопросам.[498]

И все же его гневные слова в письме едва ли были вызваны ан-Нахраваном.

Скорее, Ибн аль-Аббас напоминал Али, что сам он никогда не стремился к власти, но из чувства солидарности неизменно поддерживал его и ради него даже запятнал руки мусульманской кровью в битвах при Верблюде и Сиффине — кровью, с которой ему предстояло предстать перед Господом.

И после всего этого заслуживал ли он недоверия Али? Должен ли был Али верить клеветническим намекам против него?

Теперь Ибн аль-Аббас открыто, демонстративно отправился в Мекку.

Прежде всего он заручился поддержкой Бану Хиляль, с которыми состоял в родстве по линии своей матери Лубабы бинт аль-Харис.

Начальник полиции ад-Даххак ибн Абдаллах аль-Хиляли, назначенный самим Ибн аль-Аббасом, взял его под личную защиту — *аджараху*. К нему присоединились также Абдаллах ибн Разин ибн Аби Амр, Кабиса ибн Абд Ауф и другие.

Вскоре к Хиляль примкнули Хавазин, Сулайм и остальные племена Кайс.

Ибн аль-Аббаса сопровождали также Синан ибн Салама ибн аль-Мухаббик аль-Хузали, аль-Хусайн ибн Аби-ль-Хурр аль-Анбари и ар-Раби ибн Зияд аль-Хариси.

После этого он завладел казной, наполнил мешки деньгами — по некоторым сообщениям, речь шла о 6 миллионах дирхамов — и двинулся в путь под охраной своих сторонников.

Другие племена бросились за ними через пустынное плоскогорье — *тафф*.

---

495 Аль-Балазури, Ансаб, II, 169–171.

496 Вечча-Вальери, «Il conflitto», 77.

497 Аль-Балазури, Ансаб, II, 405.

498 Вечча-Вальери, «Il conflitto», 78.

Кайс предупредили преследователей, что будут сражаться, защищая Ибн аль-Аббаса.

Однако особого желания затевать войну из-за денег, по-видимому, никто не испытывал.

Первым Сабра ибн Шайман аль-Худдани из племени Азд объяснил своим людям, что Кайс — их братья по исламу и соседи по Басре, тогда как их собственная доля в этих деньгах, даже если казну вернуть, будет ничтожной.

Затем Бакр ибн Ваиль и Абд аль-Кайс также решили сохранять нейтралитет.

Только Тамим были готовы сражаться, но аль-Ахнаф ибн Кайс заметил им, что некоторые из отказавшихся от боя племен состоят с Кайс в куда более отдаленном родстве, чем они сами, и покинул их.

Тогда Тамим выбрали себе другого предводителя. Произошла небольшая стычка: несколько человек получили ранения, но никто не погиб.

Нейтральные племена вмешались и пристыдили Тамим, заявив, что, оставляя эти деньги двоюродным братьям Тамим, они проявляют больше великодушия, чем сами Тамим.

После этого все разошлись.

Ибн аль-Аббас продолжил путь в Мекку в сопровождении нескольких людей из Кайс, среди которых были ад-Даххак ибн Абдаллах и Абдаллах ибн Разин.

По дороге Ибн аль-Аббас раздавал деньги бедным — независимо от того, просили они милостыню или нет.

В Мекке он купил у Хабтара, [499]клиента Бану Кааб, трех невольниц смешанного происхождения из Хиджаза за 3 тысячи динаров.[500]

Рассказ, восходящий к Абу-ль-Кануду, изображает расточительность Ибн аль-Аббаса в самых резких красках, и некоторые его детали вполне могут вызывать сомнение.

Трудно поверить, что все Кайс стали бы защищать Ибн аль-Аббаса, если бы тот просто вынес всю казну Басры; еще менее вероятно, что остальные басрийские племена так легко с этим примирились бы.

Аргумент Сабры ибн Шаймана о том, что доля Азд после возвращения денег была бы ничтожной, указывает либо на то, что в тот момент казна была почти пуста, либо на то, что Ибн аль-Аббас взял лишь небольшую часть средств.

Цифра в 6 миллионов дирхамов, скорее всего, вымышлена.

Сам Ибн аль-Аббас позднее настаивал в письме Али, что взял лишь часть того, что причиталось ему по праву.

Басрийский историк Абу Убайда утверждал, что он забрал накопившееся содержание — *арзак*, на которое имел право.[501]

Однако ясно, что Ибн аль-Аббас сознательно хотел бросить Али вызов.

---

499 Такое чтение — Хабтар, а не Хабира, как у аль-Балазури (Ансаб, II, 174), — содержится в лучших рукописях. Ибн Абд Раббих, аль-Икд аль-фарид, изд. Муфид Мухаммад Кумайха и Абд аль-Маджид ат-Тархини, Бейрут, 1983, V, 105, приводит имя Ата ибн Джубайр.

500 Аль-Балазури, Ансаб, II, 171–174.

501 Ат-Табари, I, 3454–3455.

О поступке Ибн аль-Аббаса Али сообщил тот же Абу-ль-Кануд, который передал весь рассказ о конфликте между двумя двоюродными братьями Пророка.

В этом месте Абу-ль-Кануд называет себя одним из помощников Ибн аль-Аббаса в Басре.

Узнав о произошедшем, Али процитировал Коран, суру 7:175:

«Прочти им рассказ о том, кому Мы даровали Наши знамения, а он от них отступил; тогда сатана последовал за ним, и оказался он среди заблудших».

После этого Али написал Ибн аль-Аббасу.

Он напомнил, какое доверие оказывал ему: никому из своей семьи он не доверял столь глубоко, ни в ком не видел столь надежной опоры, утешения и поддержки.

Но едва настали тяжелые времена — враг поднял голову, община стала раздробленной и мятежной, — как Ибн аль-Аббас отвернулся от своего двоюродного брата, покинул его и самым постыдным образом предал.

Он схватил деньги народа и бежал с ними в Хиджаз, словно получил наследство от отца и матери.

Теперь, писал Али, Ибн аль-Аббас ест и пьет за счет запретных денег, покупает невольниц и женится на них — и все это на имущество сирот, вдов и воинов, сражающихся на пути Бога.

Али потребовал вернуть деньги народу, пригрозив в противном случае самым суровым наказанием, если тот попадет к нему в руки.

Он добавил, что, даже если бы подобное совершили его собственные сыновья аль-Хасан или аль-Хусайн, он не проявил бы к ним снисхождения.

Ибн аль-Аббас ответил коротко.

Он подтвердил, что получил письмо Али, в котором тот превратил его распоряжение басрийской казной в огромный проступок, и заверил:

его доля в Божьей казне — *байт маль Аллах* — была больше той суммы, которую он взял.

Али отправил новое, гневное письмо.

Он выражал удивление тем, что Ибн аль-Аббас считает себя вправе получать из Божьей казны больше любого другого мусульманина.

На самом деле, писал Али, тот живет во грехе.

Он снова упомянул дошедшие до него сведения о том, что Ибн аль-Аббас покупал невольниц в Медине и ат-Таифе, выбирая их для себя, но расплачиваясь чужими деньгами.

Али уверял, что сам никогда не посчитал бы дозволенным оставить своим детям в наследство хотя бы часть денег, взятых Ибн аль-Аббасом.

Как же тот может спокойно пользоваться ими, зная, что это запретное имущество?

Ему следует покаяться.

На этот раз Ибн аль-Аббас ответил еще резче:

«Клянусь Богом, если ты не избавишь меня от своих басен, я отнесу эти деньги Муавии, чтобы он воевал ими против тебя».

После этого Али оставил его в покое.[502]

Так заканчивается рассказ Абу-ль-Кануда.

Из переписки видно, что конфликт касался доли «Божьих денег» — *файя*, — на которую Ибн аль-Аббас считал себя вправе претендовать.

Куфийский традиционалист Абу Бакр ибн Аби Шайба, явно стремясь оправдать Ибн аль-Аббаса, объяснял, что тот считал *фай* дозволенным для себя на основании «толкования» — *та'виля* — аята 8:42 Корана, предоставляющего родственникам Пророка долю в пятой части военной добычи мусульман.

В целом это объяснение верно, однако Ибн аль-Аббасу вовсе не требовалось «толковать» коранический текст: он достаточно ясен, как и параллельный аят 59:7, прямо относящийся к *файю*.

Поэтому позиция Ибн аль-Аббаса была сильной, и он вполне мог со спокойной совестью предложить Али оставить свои «басни» при себе.

Всю жизнь он с полным основанием утверждал, что Абу Бакр и Умар лишили родственников Пророка принадлежащего им по Корану права.

Али, напротив, настаивал, что ни Ибн аль-Аббас, ни он сам не имеют права получать из *файя* больше любого другого мусульманина.

Очевидно, он следовал прецеденту Абу Бакра, который считал соответствующие коранические предписания утратившими силу после смерти Пророка.

Такой же позиции придерживался Умар, пытавшийся частично компенсировать родственникам Пророка эту утрату повышенными выплатами в системе жалованья.

Усман, напротив, восстановил действие коранического правила в пользу собственных родственников из Омейядов как «дома Наместника Бога».

Именно это уже действительно представляло собой толкование Корана, а не простое следование его предписанию, и вызвало бурю общественного возмущения.

Али изо всех сил старался соблюдать сунну двух популярных преемников Пророка — сунну, которую Усман, вопреки обещаниям, данным при избрании, столь демонстративно нарушил.[503]

Таким образом, демонстративный протест Ибн аль-Аббаса был вызван не только обидой на проявленное Али недоверие, но и недовольством политикой Али, который распределял *фай* строго поровну между всеми имеющими на него право.

В письме аль-Хасану уже после смерти Али Ибн аль-Аббас дошел до того, что заявил:

---

502 Аль-Балазури, Ансаб, II, 174–176; Ибн Абд Раббих, аль-Икд, V, 106–107.

503 Такое отношение Али отмечал его правнук Мухаммад аль-Бакир. Он говорил Ибн Исхаку, что во время своего правления в Ираке Али в вопросе коранической доли родственников Пророка следовал практике Абу Бакра и Умара. По его словам, Али поступал так потому, что не желал, чтобы его обвиняли в нарушении обычая двух халифов. См.: Ибн Шабба, Та'рих аль-Мадина, 217.

«Ты знаешь: люди отвернулись от твоего отца Али и перешли к Муавии лишь потому, что он уравнивал их доли в *файе* и одинаково относился ко всем при выплате жалованья — и это было для них тяжело».[504]

Как уже отмечалось, отказ Али выдать своему брату Акилю дополнительные средства из *файя* подтолкнул того обратиться за деньгами к Муавии.

Позднее Маскала ибн Хубайра аш-Шайбани, видный вождь Рабиа и наместник Али в Ардаширхурре, перешел к Муавии, поскольку не мог расплатиться с государственной казной по накопившимся долгам.

Он заявил, что, если бы задолжал Муавии или Усману, они простили бы ему долг.

Усман, добавлял он, позволял аль-Ашасу ибн Кайсу ежегодно присваивать 100 тысяч дирхамов из земельного налога Азербайджана.[505]

Отказ Али делать финансовые уступки знати и племенным вождям явно делал их особенно восприимчивыми к подкупу со стороны Муавии.

Согласно сирийскому сообщению, после того как Муавия получил присягу как халиф и узнал о битве при ан-Нахраване, он разослал письма видным куфийцам — среди них аль-Ашасу ибн Кайсу — с обещаниями и денежными предложениями, чтобы склонить их на свою сторону и заставить уклоняться от участия в походе Али против Сирии.

Позднее Муавия любил говорить, что после Сиффина вел войну против Али без армий и почти без усилий.[506]

Обвиняя Али в том, что тот уравнивал доли мусульман в *файе*, Ибн аль-Аббас, вероятно, имел в виду практику Али распределять излишек казны поровну между всеми имеющими право на выплаты.

Он поступил так сразу после вступления в должность в Медине и, по-видимому, придерживался этой практики на протяжении всего халифата.[507]

Маловероятно, чтобы Али пытался изменить установленное Умаром неравенство в размере жалованья и пенсий, выплачиваемых из *файя*.

Поскольку при Умаре *фай* с завоеванных земель принадлежал завоевателям, а не государству, Али, очевидно, стремился лишь к тому, чтобы распределять его преимущества поровну и исключительно среди тех, кто имел на них право.

---

504 Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, XVI, 23; Ибн Асам, Футух, IV, 149. Очень сходным было мнение Фудайля ибн аль-Джада, приведенное аль-Мадаини: главной причиной отказа арабов от поддержки Али стало то, что при распределении денег он никому не отдавал предпочтения, каким бы знатным тот ни был, и не подкупал племенных вождей, как поступают цари. См.: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, II, 197. Проалидский мутазилит Абу Джафар аль-Искафи утверждал, что первой причиной оппозиции Али стало равное распределение содержимого мединской казны сразу после его вступления в должность. В подтверждение он приводил длинный, очевидно вымышленный рассказ о событиях после присяги Али. См.: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, VII, 37–43.

505 Ат-Табари, I, 3440; аль-Балазури, Ансаб, II, 416; ас-Сакафи, Гарат, 364.

506 Аль-Балазури, Ансаб, II, 383. Комментарий Каэтани, будто «традиция, благоприятная Али, естественно, объясняет все его неудачи злобными происками врагов, а не недостатками и слабостью самого халифа» (Annali, X, 108), здесь совершенно неуместен. Рассказ имеет чисто сирийское, проомейядское происхождение и, вероятно, заслуживает доверия.

507 Аль-Балазури, Ансаб, II, 131–136; Ибн Асакир, Али, III, 180–188; Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, II, 198–203.

Умар, однако, регулярно раздавал курайшитской знати и племенным вождям участки пустующих земель в Аравии и других областях, не относившихся к землям *файя*.

Нет никаких свидетельств, что Али предоставлял подобные земельные пожалования, хотя он и не отменял пожалования своих предшественников, в том числе Усмана.

Похоже, он даже не затронул оазис Фадак, подаренный Усманом Марвану.

Ибн аль-Аббас пробыл в Мекке недолго.

Когда посланный Муавией Абдаллах ибн Амир аль-Хадрами прибыл в Басру, чтобы поднять там смуту, Ибн аль-Аббас уже находился вместе с Али в Куфе.

Как именно произошло примирение, неизвестно.

Али, очевидно, не мог позволить себе лишиться поддержки политически опытного двоюродного брата, чьи братья Кусам и Убайдаллах служили его наместниками в Хиджазе и Сане.

Со своей стороны, Абдаллах ибн аль-Аббас высоко ценил личные качества Али и глубину его преданности исламу, несмотря на обиду за пережитое и несогласие с некоторыми сторонами политики двоюродного брата.

Али не сменил его на посту наместника Басры.

Зияд ибн Абих, которого Ибн аль-Аббас оставил управлять городом вместо Абу-ль-Асвада ад-Дуали, продолжал действовать как его заместитель.

Даже ад-Даххак ибн Абдаллах аль-Хиляли, начальник полиции Ибн аль-Аббаса, помогавший ему при захвате казны, не был ни смещен, ни наказан.

Через некоторое время после провала миссии Ибн аль-Хадрами Ибн аль-Аббас вернулся в Басру и вновь занял должность наместника.

Только аль-Якуби сообщает, будто по настоянию Али Ибн аль-Аббас вернул все или большую часть денег, взятых из казны, и позднее говорил, что никакое наставление не произвело на него большего впечатления, чем слова Али в тот момент.[508]

Хотя в целом это сообщение едва ли надежно, вполне возможно, что Ибн аль-Аббас возвратил часть денег, позволив Али сохранить лицо.

Вероятно, взамен он добился от халифа обещания впредь не вмешиваться в управление Басрой.

Драматический рассказ Абу-ль-Кануда о ссоре двух двоюродных братьев Пророка и отсутствие в нем упоминания об их примирении заставили ранних историков предположить, что Ибн аль-Аббас окончательно покинул Али.

Понимая, что в последние годы правления Али Ибн аль-Аббас все еще управлял Басрой, аль-Мадаини перенес его разрыв с Али на время незадолго до убийства халифа.

Опираясь на некоторые ранние сообщения, он считал, что во время деятельности Ибн аль-Хадрами в Басре Ибн аль-Аббас находился в Куфе, куда прибыл утешить Али после смерти Мухаммада ибн Аби Бакра.[509]

---

508 Аль-Якуби, Та’рих, II, 242.

509 Ат-Табари, I, 3414; ас-Сакафи, Гарат, 387.

Версию аль-Мадаини приняли Умар ибн Шабба, аль-Балазури и [510]ат-Табари, который поместил уход Ибн аль-Аббаса под 40/660 годом.[511]

Независимый басрийский историк Абу Убайда, напротив, утверждал, что Ибн аль-Аббас окончательно покинул Басру лишь после смерти Али, когда аль-Хасан отказался от халифата в пользу Муавии.

Тогда он забрал из казны некоторую сумму, утверждая, что это его жалованье.[512]

Из современных исследователей Каэтани и [513]Вечча-Вальери верно заметили, что конфликт, описанный Абу-ль-Канудом, должен был произойти в начале 38 года хиджры, то есть в конце лета 658 года, до миссии Ибн аль-Хадрами.

Однако они были склонны считать, что тогда Ибн аль-Аббас окончательно порвал с Али, а сообщения о его последующем управлении Басрой ненадежны.

Вечча-Вальери предположила, что позднее, уже после разрыва с Али, он вновь вернулся в Басру и опустошил казну.[514]

Все это совершенно несостоятельно.

Через несколько месяцев после успеха в Египте Муавия решил направить в Басру своего омейядского клиента Абдаллаха ибн Амира аль-Хадрами с задачей подорвать власть Али и склонить город на свою сторону.

Неудачи Али укрепили позиции усманидской партии повсюду, и момент казался подходящим, чтобы испытать настроение города, столь энергично поддержавшего восстание Аиши.

Муавия говорил Ибн аль-Хадрами, что большинство жителей Басры разделяют омейядское возмущение убийством Усмана.

Они злятся на Али из-за потерь, понесенных от его рук, и лишь ждут человека, который призовет их отомстить за кровь Усмана и поведет за собой.

Муавия приказал ему остановиться среди племен Мудар, держаться подальше от Рабиа и искать дружбы Азд: почти все они, по его расчетам, должны были поддержать его, а немногие несогласные не осмелятся выступить против.[515]

Отъезд Ибн аль-Хадрами задержался: Муавию встревожили неблагоприятные астрологические знаки предыдущей ночи.

---

510 Аль-Балазури, Ансаб, II, 176. Однако аль-Балазури считал, что во время миссии Ибн аль-Хадрами Ибн аль-Аббас находился в Куфе из-за ссоры с Али, а не вследствие смерти Мухаммада ибн Аби Бакра. См.: там же, 426–427.

511 Ат-Табари, I, 3453–3456.

512 Там же, 3456. Абу Убайда также сообщал о более раннем временном отъезде Ибн аль-Аббаса в Мекку, утверждая, что тот взял из казны накопившееся жалованье. См.: там же, 3454–3455.

513 Каэтани, Annali, X, 195–206.

514 Вечча-Вальери, «Il conflitto», 77–78; «Abd Allah b. al-Abbas», EI, 2-е изд.

515 Ас-Сакафи, Гарат, 375; аль-Балазури, Ансаб, II, 423. Рассказчик у ас-Сакафи — Арар ибн Михсан — сопровождал Ибн аль-Хадрами по пути в Басру, но, по-видимому, вскоре после его прибытия ушел, возможно вернувшись к Муавии. Это явно не ансар Амр ибн Михсан ибн Амр из ан-Наджжара, чей сын Абу Амра Башир был известным сторонником Али и погиб при Сиффине. Возможно, речь идет об Амре ибн Михсане ибн Хурсане аль-Асади, брате Уккаши ибн Михсана, союзника Абд Шамс. См.: Ибн Хаджар, Исаба, V и IV, 256. Ас-Сакафи (Гарат, 510) также ссылается на него в рассказе о хадже в Мекке в 39/660 году.

Тогда он написал Амру ибн аль-Асу в Египет, прося совета.

Амр горячо поддержал план.

На этот раз его обычное политическое чутье подвело его.

Следуя указанию Муавии, Ибн аль-Хадрами остановился среди Тамим.

Бану Муджаши, прежде предательски убившие аз-Зубайра, предоставили ему защиту.[516]

Когда он обратился к басрийским вождям, пытаясь поднять их на месть Али как убийце Усмана, ад-Даххак ибн Абдаллах аль-Хиляли — начальник полиции Ибн аль-Аббаса — встал и предупредил его: не следует вновь подталкивать жителей Басры к войне друг с другом лишь для того, чтобы Муавия стал их эмиром, а Ибн аль-Хадрами — его визирем.

Один день с Али и Пророком, сказал он, лучше, чем всю жизнь терпеть бедствие в лице Муавии и дома Муавии.

Тогда поднялся Абдаллах ибн Хазим из Сулайм и велел ад-Даххаку замолчать, поскольку тот не вправе говорить от имени простого народа.

Он заверил Ибн аль-Хадрами, что они все его сторонники и сделают все, чего он пожелает.

Ад-Даххак высмеял его самомнение, и они обменялись оскорблениями.

Тут вмешался курайшит Абд ар-Рахман ибн Умайр ибн Усман из клана Тайм Абу Бакра.

Он поддержал Ибн аль-Хадрами, заявив, что тот стремится объединить их, а не расколоть, и предложил прочитать привезенное письмо Муавии.

Письмо раскрыли и прочитали собравшимся.

Муавия обращался к ним как Повелитель правоверных.

Усмана он изображал образцом благочестия, справедливости и защиты угнетенных, человеком, любившим слабых; он был убит мусульманином, в состоянии паломника, испытывая жажду и соблюдая пост.

Муавия призывал отомстить за него.

Об Али он не упоминал, но цель письма была очевидна.

В награду за праведную позицию Муавия обещал править ими в соответствии с Писанием, выплачивать им жалованье дважды в год и не забирать у них никакой доли *файя*.

Многие басрийские вожди поддались этой риторике и воскликнули:

«Слышим и повинуемся».

Но единства среди присутствующих не было.

Аль-Ахнаф ибн Кайс ушел, заметив:

«Что до меня — не будет в этом ни моего верблюда, ни верблюдицы».

Амр ибн Марджум из Абд аль-Кайс предупредил собравшихся не нарушать присягу, иначе на них обрушится бедствие и уничтожит их.[517]

---

516 См. сатиру Джарира на Муджаши у ат-Табари, I, 3418.

517 Ас-Сакафи, Гарат, 378–385; аль-Балазури, Ансаб, II, 424–425.

На следующей встрече Ибн аль-Хадрами попросил басрийских вождей помочь ему против Зияда ибн Убайда — Ибн Абих, которого Ибн аль-Аббас оставил своим заместителем.

Сухар ибн Айяш [518]аль-Абди, выступавший против собственного племени Абд аль-Кайс, поддерживавшего Али, охотно предложил помощь «мечами и руками».

Говорили, что еще раньше он написал Муавии, приглашая воспользоваться ситуацией в Басре, пока наместник Ибн аль-Аббас отсутствует.

Муавия ответил ему, обещая действовать без промедления.

Однако аль-Мусанна ибн Махраба аль-Абди выступил против Сухара и предупредил Ибн аль-Хадрами:

если тот не вернется туда, откуда пришел, они встретят его мечами, руками, стрелами и копьями.

«Неужели мы бросим двоюродного брата нашего Пророка, чтобы повиноваться партийному тирану?»

Ибн аль-Хадрами понял, что настало время, как и велел Муавия, обратиться за поддержкой к Азд.

Он воззвал к их вождю Сабре ибн Шайману, напомнив о прежней позиции его людей, требовавших мести за Усмана.

Сабра осторожно ответил:

«Если придешь и поселишься у меня в доме, я поддержу и защищу тебя».

Ибн аль-Хадрами возразил:

«Повелитель правоверных Муавия приказал мне остановиться среди его народа — Мудар».

Сабра холодно ответил:

«Тогда делай, что он тебе приказал», —

и ушел.

Ибн аль-Хадрами оскорбил Азд, предпочтя их соперников — Тамим.

Именно Азд понесли основные потери в битве при Верблюде, тогда как Тамим частью остались нейтральными, частью сражались без особого рвения.

Теперь же человек, претендующий на звание Повелителя правоверных, демонстративно отдавал предпочтение «своему народу Мудар».

Зияд по-прежнему находился во дворце наместника, но по мере роста числа сторонников Ибн аль-Хадрами все сильнее беспокоился.

Он вызвал аль-Худайна ибн аль-Мунзира и Малика ибн Мисма — вождей Рабиа — и попросил предоставить ему защиту до получения приказа Повелителя правоверных.

Аль-Худайн сразу согласился.

Малик же, ранее уже не поддержавший Али, сделал вид, будто сначала должен посоветоваться со своими людьми.

---

[518] Чтение «Аббас» вместо «Айяш» в некоторых источниках, включая Гарат ас-Сакафи, скорее всего, ошибочно. См.: Caskel, Gamharat an-nasab, указатель, ст. Suhar b. Aiyas.

Зияд понял, что доверять ему нельзя, и, как говорили, по совету Абу-ль-Асвада ад-Дуали позвал Сабру ибн Шаймана.

Тот без колебаний согласился защищать его и государственную казну при условии, что Зияд поселится в его доме.

Ночью Зияд перебрался туда, забрав с собой казну.[519]

Сабра настоял, чтобы он не выглядел человеком, скрывающимся от врагов.

Он выделил ему охрану и устроил в мечети Худдан минбар и церемониальное кресло, чтобы Зияд мог руководить пятничной молитвой.

Объясняя своим людям изменение политической позиции, Сабра говорил:

в день Верблюда они заявляли: «Мы защищаем свой город, повинуемся нашей Матери и поддерживаем обиженного халифа».

Когда остальные отступили, они стояли твердо, и лучшие из них погибли.

Сегодня же Зияд — их гость под защитой, и от Али им не следует опасаться того, чего они опасались бы от Муавии.

Очевидно, он имел в виду пристрастие Муавии к Мудар.

Зияд написал Ибн аль-Аббасу, который все еще находился в Куфе, рассказал о происходящем и попросил сообщить обо всем Али и получить его распоряжения.

Тем временем сторонники Ибн аль-Хадрами из Тамим и Кайс убеждали его занять дворец наместника.

Когда он уже готовился двинуться туда, Азд вышли навстречу большой силой и предупредили, что не позволят поселиться во дворце человеку, которого они не одобряют.

Сторонники Ибн аль-Хадрами отказались отступить.

Вмешался аль-Ахнаф ибн Кайс.

Он объяснил им, что у них не больше прав на дворец наместника, чем у их противников, и нет права навязывать городу правителя, которого другая сторона не желает видеть.

Когда они повернули назад, аль-Ахнаф заверил Азд, что ничего не будет сделано против их воли, и те тоже разошлись.[520]

Ибн аль-Хадрами начал вести себя как наместник, собирая налоги в районах, подконтрольных его сторонникам.

Но значительная часть его поддержки была весьма прохладной.

Бану Тамим, видя, как решительно Азд защищают Зияда, предложили им одновременно выслать обоих подопечных и ждать, кто из двух Повелителей правоверных одержит верх.

Азд ответили, что до предоставления Зияду защиты такое предложение было бы приемлемо.

Но теперь изгнать его значило бы для них почти то же, что позволить его убить.

Они дали ему защиту исключительно из великодушия.

---

519 Ас-Сакафи, Гарат, 393.

520 Там же, 485–491; аль-Балазури, Ансаб, II, 425–429.

В этом ответе содержался намек: Тамим поддерживают Ибн аль-Хадрами лишь для того, чтобы снискать расположение Муавии, которого считают вероятным победителем в борьбе за халифат.

Соперничество Азд и Тамим в Басре отозвалось и в Куфе.

Тамимит Шабас ибн Риби призвал Али направить кого-нибудь из Тамим, чтобы вернуть его басрийских соплеменников к повиновению, и не отдавать власть над ними «чуждым по родству и ненавистным» Азд Омана.

«Конечно, — говорил он Али, — один человек из твоего собственного народа полезнее тебе всех остальных».

Михнаф ибн Сулайм из Азд возразил:

«Чуждые и ненавистные — это те, кто ослушивается Бога и выступает против Повелителя правоверных. И это твои люди. А дорогие и близкие — те, кто повинуется Богу и поддерживает Повелителя правоверных. И это мои люди. Один из них полезнее Повелителю правоверных, чем десять твоих».

Али пришлось прервать спор.

Он напомнил им, что ислам пришел именно для того, чтобы положить конец взаимной ненависти и раздорам.

Тем не менее он последовал совету Шабаса и вызвал Айяна ибн Дубайа аль-Муджашии, чтобы спросить о поведении его соплеменников в Басре, которые вместе с Ибн аль-Хадрами нападали на представителя власти.

Айян извинился за них и предложил сам разобраться.

Али немедленно отправил его в Басру с письмом Зияду: пусть Айян сначала попробует урезонить своих людей, а вступать с ними в бой следует лишь в случае неудачи.

Айян без особого труда переманил на свою сторону большинство соплеменников, однако оставалась группа непримиримых сторонников Ибн аль-Хадрами.

Он выступил против них вместе с присоединившимися к нему людьми и целый день пытался вразумлять мятежников.

В ответ они лишь оскорбляли его.

Вечером, когда Айян направился к своему дорожному багажу, за ним последовали десять человек, которых считали хариджитами.

Они застали его в постели, когда тот не ожидал опасности, и ударили мечами.

Айян выбежал голым, но убийцы настигли его и зарубили.

Зияд был готов вместе с Азд и другими союзниками атаковать Ибн аль-Хадрами, мстя за убийство.

Однако Тамим отправили Азд послание:

они не тронули ни их гостя, которому обещали защиту, ни его деньги, ни кого-либо из несогласных с ними.

Почему же Азд хотят воевать против них и их гостя?

Получив это сообщение, Азд отказались от боя.[521]

---

521 Ас-Сакафи, Гарат, 394–410; аль-Балазури, Ансаб, II, 428–429.

Все-таки Айян принадлежал к Тамим.

Тогда Зияд уже напрямую написал Али.

Он рассказал о случившемся и попросил прислать Джарию ибн Кудаму — человека, как он выражался, острого ума, пользующегося влиянием среди соплеменников и сурового к врагам Повелителя правоверных.

Джария, сам басрийский тамимит, оставался в Куфе после неудавшегося похода Али против сирийцев.[522]

Али отправил его в Басру с 50 тамимитами и суровым письмом к басрийцам, пригрозив гибелью всем, кто продолжит мятеж.

Когда Джария зачитал письмо, Азд и другие были готовы сражаться.

На следующий день они вернули Зияда во дворец наместника.

Убедить ядро сторонников Ибн аль-Хадрами выдать посланника Муавии Джарии не удалось, и ему пришлось обратиться за помощью к Азд.

Завязался бой.

Ибн аль-Хадрами и его сторонники потерпели поражение и укрылись в укрепленном доме Сунбуля ас-Сади — старой персидской крепости.

Когда Джария приказал обложить здание дровами, Азд заявили, что не желают участвовать в поджоге: находившиеся внутри были людьми Джарии.

Аджла, эфиопская мать Абдаллаха ибн Хазима ас-Сулами, явилась за своим сыном — командиром конницы Ибн аль-Хадрами.

Стоя перед крепостью, она звала его, обнажив голову и грудь, и угрожала раздеться полностью.

В конце концов Ибн Хазим вышел, и мать увела его.

Ибн аль-Хадрами и 70 его сторонников были заживо сожжены в крепости.

Среди погибших находился курайшит из Тайм Абд ар-Рахман ибн Умайр ибн Усман.

Ибн аль-Хадрами безуспешно просил охранную грамоту и у Джарии, и у Зияда — того самого, которого позднее признают сводным братом Муавии.

Посланнику Муавии трудно было рассчитывать на милосердие после того, как Муавия отравил аль-Аштара, а Амр ибн аль-Ас умыл руки в судьбе своего бывшего союзника Мухаммада ибн Аби Бакра и позволил сжечь его.

О реакции Муавии ничего не сообщается.

Едва ли он сильно скорбел по своему верному омейядскому клиенту.

Шахматный король знает, какими пешками можно пожертвовать.

С тех пор Джарию ибн Кудаму стали называть «Поджигателем» — *аль-мухаррик*.[523]

---

[522] Дату подрывной деятельности Ибн аль-Хадрами можно было бы определить точнее, если бы было известно, произошло ли отправление Джарии в Басру до или после его сражения с хариджитским предводителем Абу Марьямом ас-Сади, датируемого рамаданом 38/февралем 659 года. См.: аль-Балазури, Ансаб, II, 485–486. В целом вероятнее, что это сражение произошло позднее, поскольку сообщения указывают, что Муавия отправил Ибн аль-Хадрами вскоре после завоевания Египта. Джария, похоже, постоянно оставался в Куфе в последние годы правления Али и находился там в начале набега Бусра ибн Аби Артаха на Хиджаз и Йемен.

[523] Ас-Сакафи, Гарат, 401–412; аль-Балазури, Ансаб, II, 429–435.

По аль-Вакиди, в шабане 38 года хиджры, то есть в январе 659 года, в Адрухе на севере Иордании состоялась встреча двух арбитров — Абу Мусы аль-Ашари и Амра ибн аль-Аса.[524]

Ни подтвердить, ни опровергнуть эту датировку косвенными данными невозможно.

Куфийская традиция практически проигнорировала это событие.

С ее точки зрения, арбитраж закончился еще в Думат аль-Джандале, когда двое посредников не смогли прийти к соглашению, после чего Али осудил их поведение и отказался от собственного арбитра.

Абу Мусу он больше не считал своим представителем и никого другого на его место не назначил.

Мединская традиция, напротив, считала встречу в Адрухе главным событием арбитража.

Там присутствовали некоторые виднейшие представители мединской религиозной аристократии, не приглашенные в Думат аль-Джандаль и надеявшиеся договориться о будущем халифата.

Адрух стал демонстрацией силы Муавии.

Встреча проходила на его территории, и сам он присутствовал вместе с высшими сирийскими советниками.

В Сирии его уже твердо признавали халифом, и от притязаний на верховную власть над всеми правоверными он явно отказываться не собирался.

Однако, чтобы привлечь на встречу нейтральную религиозную знать, Муавия и Амр должны были дать им какие-то конкретные обещания относительно *шуры* — совета выборщиков.

В Думат аль-Джандале оба арбитра не смогли договориться, поскольку Амр категорически отвергал и кандидатуру любимца Абу Мусы Абдаллаха ибн Умара, и идею *шуры*.

Тем не менее их ссора, очевидно, оказалась недостаточно серьезной, чтобы помешать Амру убедить Абу Мусу, что на этот раз он действительно готов к переговорам и компромиссу.

Абу Муса по глупости позволил превратить себя в орудие имперских амбиций Муавии, хотя юридически уже не представлял Али.

Столь же обманутой оказалась религиозная аристократия второго поколения — в основном сыновья халифов и наиболее выдающихся сподвижников.

На встречу прибыли Абдаллах ибн Умар, Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр, Абдаллах ибн аз-Зубайр, Абд ар-Рахман ибн аль-Асвад ибн Абд Ягус из Зухра, Абд ар-Рахман ибн аль-Харис ибн Хишам из Махзума, Абу-ль-Джахм ибн Хузайфа из Ади и аль-Мугира ибн Шуба.[525]

---

524 Ат-Табари, I, 3360.

525 По аз-Зубайру ибн Баккару, Абу Муса и Амр ибн аль-Ас договорились специально пригласить для совещания пять человек: Абдаллаха ибн аз-Зубайра, Абдаллаха ибн Умара, Абу-ль-Джахма ибн Хузайфу,

Только Сад ибн Аби Ваккас, входивший в избирательный совет Умара, отказался приехать, несмотря на настойчивые уговоры своего сына Умара.

Очевидно, он понял, что перед ним ловушка.

Муавия и Амр вряд ли всерьез рассчитывали, что исламская аристократия и Абу Муса признают притязания Муавии на халифат.

Правда, Муавия отправил Абу Мусе собственноручную записку, в которой напоминал: Амр уже признал его халифом на определенных условиях.

Если Абу Муса поддержит его на тех же условиях, Муавия обещал назначить двух его сыновей наместниками Куфы и Басры.

Самому Абу Мусе будут открыты все двери, и любое его желание будет исполнено.

Подобный подкуп, однако, был для Муавии привычным делом, и едва ли он удивился, когда Абу Муса с негодованием отверг предложение.

Позднее Муавия все же проявил признательность за значительные услуги, которые Абу Муса невольно ему оказал, хотя в качестве арбитра тот неизменно отвергал его претензии на халифат.[526]

Для Муавии и Амра было достаточно самого факта, что Абу Муса и видная мединская религиозная аристократия приняли приглашение.

Тем самым они косвенно признавали, что будущее халифата зависит от Муавии и Амра, а не от Али.

Это был крупный политический успех, особенно если учесть, что Хиджаз — родина этих людей — формально все еще находился под властью Али.

Однако священные города сильно зависели от поставок продовольствия из Египта, и завоевание этой провинции Муавией в глазах хиджазцев решительно изменило баланс сил в его пользу.

Во время переговоров Амр, по-видимому, какое-то время делал вид, будто готов обсуждать разные кандидатуры на халифат.

Когда Абу Муса поддержал Абдаллаха ибн Умара, Амр предложил собственного сына Абдаллаха, чьи заслуги перед исламом были куда убедительнее, чем у самого Амра.

Абу Муса отверг его как участника конфликта.

Амр выдвинул также имя племянника Мухаммада по матери — Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада аз-Зухри, известного своим высоким положением при Аише.

Абу Муса, как, вероятно, и ожидал Амр, возразил, что ни Абд ар-Рахман, ни его отец аль-Асвад не обладали заслугой *хиджры*.[527]

Джубайра ибн Мутима и Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама. См.: Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, XX, 113–114.

526 Ибн Сад, Табакат, IV/1, 82–83. Замечание Каэтани, будто традиция коварно намекает на то, что Абу Муса был куплен Муавией или тайно договорился с ним (Annali, X, 54), очевидно лишено оснований. Нет причин сомневаться, что рассказ восходит к сыну Абу Мусы — Абу Бурде.

527 Аз-Зубайри, Насаб, 262. Согласно менее надежному Салиху ибн Кайсану, кандидатуру Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада предложил сам Абу Муса. См.: аль-Балазури, Ансаб, II, 344. Несомненно, Амр стремился добиться от Абу Мусы признания, что допустим кандидат из сподвижников, не совершивший хиджру, поскольку это укрепляло бы позицию Муавии.

Амр даже беседовал наедине с Абдаллахом ибн Умаром, по всей видимости пытаясь добиться от него повторного признания, что он примет власть лишь при всеобщем согласии.

По одному сомнительному сообщению, Муавия так встревожился, что едва не ворвался в комнату, где шла беседа.

Но привратник успокоил его: договориться им не удалось, Ибн Умар отказался от халифата.[528]

Знаменитая финальная сцена арбитража, где Амр грубо обманул Абу Мусу, нарушив предварительное обещание сместить Муавию ради созыва *шуры*, а затем спровоцировал обмен оскорблениями, была с самого начала тщательно срежиссирована.

Наглая манера Амра была задумана как пощечина не Али, уже отвергшему арбитраж, а Абдаллаху ибн Умару и другим мединским мечтателям о *шуре*.

Муавия торжествовал.

Абу Муса возмущенно уехал в Мекку, а вновь утвержденный халиф вечером пригласил именитых гостей на прощальное собрание вместе со своим сирийским высшим командованием.

Теперь, решил он, настало время дать волю омейядской надменности.

Он заявил:

«Кто хочет говорить об “этом деле”, пусть теперь выставит против нас свой рог».

Вызов был брошен сыну Умара ибн аль-Хаттаба.

Муавия продолжил:

«Мы имеем на это больше права, чем он и его отец».

Кто такой простолюдин Умар ибн аль-Хаттаб, чтобы назначать его, Муавию, наместником страны, которая по праву принадлежит дому Абу Суфьяна?

А Сирии — Земле переселения Авраама — самой судьбой предназначено править исламской империей.

Пусть сын Умара и ему подобные отныне занимаются мелочными спорами о деталях сунны Пророка, а высокую политику оставят профессионалам — таким как Муавия и Амр ибн аль-Ас.

Абдаллах ибн Умар, по собственному рассказу, уже расправил одежду, собираясь встать и ответить Муавии, что большего права на «это дело» заслуживают те, кто во имя ислама сражался против его отца Абу Суфьяна.

Но затем он промолчал, опасаясь, что слова вызовут раскол общины, кровопролитие и будут использованы для искажения его взглядов.

Обещанный Богом рай был ему дороже.

После того как Ибн Умар ушел к себе, его посетил советник Муавии Хабиб ибн Маслама и спросил, почему он не ответил на вызов.

Ибн Умар объяснил.

Хабиб заметил:

---

528 Аль-Балазури, Ансаб, II, 345. Источник — Салих ибн Кайсан.

«Ты уберег себя».[529]

Утверждение Ибн Умара, будто он промолчал из заботы о единстве общины, звучало бы убедительнее, останься он в Медине.

После того как он принял приглашение Муавии и тем самым показал собственный интерес к халифату, его молчание в ответ на унижение памяти отца выглядело явным проявлением трусости.

Там, где не сработал пряник Муавии, сработала большая дубинка.

Сын грозного Повелителя правоверных оказался запуган.

Еще хуже он сделал собственное положение, намекнув, будто отправился в Сирию лишь по настоянию сестры Хафсы.

Очевидно, его отец был прав, считая его непригодным к халифату: человек, который даже не может развестись с собственной женой, едва ли способен править.

В защиту Ибн Умара, однако, следует сказать: намек Хабиба ибн Масламы, что молчанием он спас себе жизнь, был вполне реалистичен.

Теперь Муавия убедился, что Ибн Умар ему не угрожает, и перестал видеть в нем возможного соперника.

Впрочем, в тот момент Муавия едва ли тронул бы его.

Но позднее, обеспечивая наследование власти своим сыном Язидом, он вполне мог бы убить Ибн Умара из предосторожности — как убивал других, способных встать на пути сына.

Его расчет оказался верен: Ибн Умар быстро присягнул Язиду и потребовал того же от собственных сыновей.[530]

Он понял: времена изменились.

В начале правления Али он мог безнаказанно требовать *шуры*, прежде чем приносить присягу.

Тогда он почему-то не опасался, что подобное поведение вызовет новый раскол общины.

Для Муавии встреча в Адрухе стала безусловным успехом, хотя исламская аристократия и не признала его притязания на халифат.

Перед сирийскими сторонниками он продемонстрировал политическое бессилие и незначительность религиозной аристократии.

В будущем ее вообще перестанут спрашивать о важных государственных делах.

Сирийцы ликовали по поводу поведения Муавии и Амра.

---

[529] Ат-Табари, I, 3343; аль-Бухари, Сахих, Магази, XXIX. Аз-Зухри предпочитал опускать хвастливое заявление Муавии о том, что он имеет больше прав на халифат, чем Умар и его сын. См.: ат-Табари, I, 3343. Каэтани ошибочно назвал Хафсу, дочь Умара и Мать правоверных, женой Али и, вероятно, на этом основании пытался дискредитировать рассказ как проалидский. См.: Annali, X, 423. Ничего проалидского в нем нет, и нет причин сомневаться, что он восходит к самому Ибн Умару. Совершенно нереалистично и предположение Каэтани, будто Ибн Умар легко мог добиться всеобщей поддержки, если бы активнее интриговал в собственных интересах.

[530] Ибн Сад, Табакат, IV/1, 134.

Придворный поэт Муавии Кааб ибн Джуайль прославил примитивную хитрость Амра как победу легендарной мудрости Лукмана над коварством Абу Мусы, якобы пытавшегося лишить Муавию наследства Мухаммада.[531]

В последние два года правления Али межмусульманская война вошла в свою последнюю и наиболее ожесточенную фазу.

Инициатива теперь принадлежала Омейядам.

Несмотря на серьезный разлад в лагере Али, Муавия, утверждавший, будто его противник был смещен арбитражем, а он сам признан единственным халифом, все же не решался на широкомасштабное наступление и тревожно избегал даже небольших столкновений с вражеской армией.

Для укрепления притязаний на власть над всеми мусульманами он предпочитал внезапные набеги на гражданское население, убийства тех, кто не признавал его халифом, грабежи и разорение.

Цель состояла в том, чтобы подорвать власть Али, терроризируя и запугивая его подданных, одновременно подкупая племенных вождей в его армии.

Ранние историки объединяли эти нападения под общим названием «набеги» — *гарат*.

Ат-Табари поместил их — за исключением последнего, похода Бусра ибн Аби Артаха в Хиджаз и Йемен — под 39/659–660 годом.[532]

Однако те набеги, которые удается датировать, на самом деле происходили либо раньше, либо в 40/660–661 году.

Похоже, в 39/659–660 году наблюдалось некоторое затишье, хотя часть событий с неясной датой, вероятно, относится именно к этому периоду.

Первый набег — ад-Даххака ибн Кайса — произошел, как уже говорилось, в конце 37 года хиджры, в мае–июне 658 года.

Вторым, вероятно, был набег ансара ан-Нумана ибн Башира.[533]

Еще до Сиффина Муавия посылал его вместе с Абу Хурайрой к Али с пропагандистской миссией, требуя выдачи убийц Усмана.

Тогда Али прямо спросил ан-Нумана, почему тот оказался одним из трех или четырех ансаров, порвавших со своими людьми и выступивших против него.

Ан-Нуман, похоже, смутился и ответил, что всего лишь надеется примирить Али и Муавию и готов остаться с Али, если тот считает иначе.

Когда Абу Хурайра ни с чем вернулся в Сирию, ан-Нуман около месяца [534]оставался при Али, делая вид, будто находится на его стороне, а затем тайно бежал.

---

531 Минкари, Вакат Сиффин, 549.

532 Ат-Табари, I, 3444–3448.

533 Аль-Балазури перечисляет набег ан-Нумана как третий — после нападения Суфьяна ибн Ауфа, — но отмечает, что, по некоторым сведениям, ан-Нуман выступал раньше Суфьяна. См.: Ансаб, II, 447.

534 У ас-Сакафи (Гарат, 447) и аль-Балазури (Ансаб, II, 445) говорится о нескольких месяцах — ашхуран. Это невозможно, поскольку ан-Нуман находился среди сирийцев при Сиффине. Параллельный рассказ Ибн Аби-ль-Хадида (Шарх, II, 302) дает один месяц — шахран.

У Айн ат-Тамра его задержал наместник Малик ибн Каб аль-Архаби.

Сначала Малик хотел запросить у Али указания, что делать с пленником.

Но ан-Нуман умолял его не сообщать Али.

Тогда Малик посоветовался с ансаром Каразой ибн Кабом, собиравшим поблизости земельный налог для Али.

Караза предложил тихо отпустить его.

Малик дал ан-Нуману два дня на исчезновение и пригрозил отрубить ему голову, если после этого снова увидит его.

Через два или три месяца после набега ад-Даххака ибн Кайса [535]Муавия спросил, кто добровольно возьмется атаковать земли вдоль Евфрата.

Ан-Нуман вызвался сам — очевидно, горя желанием отомстить Малику ибн Кабу.

Муавия дал ему отряд из 2 тысяч человек и приказал избегать городов и крупных скоплений людей, не нападать на гарнизоны — *маслаха*, [536]совершать набеги на население вдоль Евфрата и быстро возвращаться.

Ан-Нуман подошел к Айн ат-Тамру, где Малик ибн Каб командовал тысячным гарнизоном.

Но большинство солдат находились в отпуске в Куфе, и при нем оставалось лишь около ста человек.[537]

Малик обратился за помощью к Михнафу ибн Сулайму аль-Азди, отвечавшему за сбор налогов вдоль Евфрата вплоть до земель Бакр ибн Ваиль.

Михнаф послал сына — Абд ар-Рахмана или Абдаллаха — с 50 воинами.

Они прибыли вечером, когда Малик и его люди едва сдерживали сирийцев у Айн ат-Тамра.

Сирийцы решили, что к противнику подошли крупные подкрепления, и отступили.

Малик преследовал их.

Погиб один его воин и трое сирийцев.

Сообщается, что Али затем отправил Ади ибн Хатима ат-Таи в погоню за ан-Нуманом.

Ади дошел почти до Киннасрина, но повернул назад.[538]

В неустановленное время Муавия отправил Зухайра ибн Махуля из Бану Амир аль-Адждар племени Кальб в пустыню ас-Самава к западу от Евфрата для сбора закята.

Большинство кочевников этого района принадлежало к Кальб, а Муавия, связанный с ними брачным союзом, очевидно, надеялся распространить на них свое влияние.

---

535 Следует читать бада залика в тексте ас-Сакафи, Гарат, 499, и Ибн Аби-ль-Хадида, Шарх, II, 303, вместо кабла залика, что лишено смысла. Либо залика должно относиться к самому набегу ан-Нумана, а не ад-Даххака. Если датировать нападение ан-Нумана двумя-тремя месяцами после набега ад-Даххака, оно приходится примерно на раби I или раби II 38 года, август–сентябрь 658 года.

536 Таков текст у аль-Балазури, Ансаб, II, 447. В версии ас-Сакафи, Гарат, 449, Муавия, напротив, якобы велел нападать только на гарнизоны.

537 По версии ас-Сакафи, их было всего 30.

538 Аль-Балазури, Ансаб, II, 445–448; ат-Табари, I, 3444–3445; ас-Сакафи, Гарат, 445–459.

Узнав об этом, Али направил туда трех человек: Джафара ибн Абдаллаха аль-Ашджаи, Урву [539]ибн аль-Ушбу из Абд Вадд племени Кальб и аль-Джуласа ибн Умайра из Бану Ади ибн Джанаб племени Кальб — последний исполнял обязанности писца.

Они должны были собирать закят с Кальб и Бакр ибн Ваиль, признававших власть Али.

В землях Кальб они столкнулись с Зухайром, вступили в бой и потерпели поражение.

Джафар ибн Абдаллах погиб, аль-Джулас спасся.

Ибн аль-Ушба вернулся к Али, который обвинил его в трусости и бегстве из племенной солидарности с Зухайром-Кальбитом.

В гневе Али ударил его плетью — *диррой*.

На самом деле после победы Зухайр сам посадил Ибн аль-Ушбу на коня.

Когда тот впоследствии перешел к Муавии, Али приказал разрушить его дом.

Аль-Джулас в конце концов вернулся в Куфу, обменяв шелковую джуббу на шерстяную одежду пастуха.[540]

Успех среди Кальб ас-Самавы, возможно, подтолкнул Муавию попытаться подчинить себе также Кальб Думат аль-Джандаля.

До этого они не присягали ни Али, ни Муавии.

Муавия отправил к ним Муслима ибн Укбу аль-Мурри, потребовав признать его власть и платить ему закят.

Они отказались.

Муслим осадил оазис.

Тогда Али отозвал Малика ибн Каба из Айн ат-Тамра, велев оставить вместо себя заместителя, и направил его с тысячей всадников в Думат аль-Джандаль.

Они застали Муслима врасплох.

Произошло несколько стычек без решительного результата.

На следующий день сирийцы ушли.

Малик ибн Каб еще несколько дней оставался в оазисе, призывая жителей присягнуть Али.

Но они настаивали, что не присягнут никому, пока все мусульмане не договорятся об одном имаме.

Малик не стал на них давить и ушел.[541]

Поскольку сирийские набеги в Месопотамии и Ираке приносили мало успехов, Муавия решил испытать ситуацию в Хиджазе.

---

539 В рассказе ас-Сакафи (Гарат, 461–462) он назван Амром, а не Урвой.

540 Аль-Балазури, Ансаб, II, 465–466.

541 Там же, 467; ас-Сакафи, Гарат, 462–464. Али и его сыновья аль-Хасан и аль-Хусайн женились на дочерях Имру-ль-Кайса ибн Ади ибн Ауса аль-Кальби еще в правление Умара. См.: аль-Балазури, Ансаб, II, 194–195; также экскурс 7. По-видимому, Имру-ль-Кайс в это время был вождем Кальб в Думат аль-Джандале. См. примечание редактора у ас-Сакафи, Гарат, 815–817.

Вероятно, в 39/659–660 году [542]он отправил Абдаллаха ибн Масаду ибн Хакаму аль-Фазари с 1700 воинами в Тайму.

Он приказал собирать закят с бедуинов, встречавшихся на пути, принимать от покорившихся присягу Муавии, а отказывающихся убивать.

Из Таймы отряд должен был двигаться к Медине и Мекке, поступая там так же и ежедневно докладывая Муавии о действиях и намерениях.

К Ибн Масаде присоединилось множество его соплеменников из Фазара.

Узнав об этом, Али приказал аль-Мусайябу ибн Наджабе аль-Фазари преследовать Ибн Масаду с сильным отрядом.

К аль-Мусайябу также присоединилось много людей из Фазара.

Через аль-Джанаб он направился к Тайме и настиг противника.

Бой начался сразу и продолжался до темноты.

Аль-Мусайяб трижды ударил Ибн Масаду и ранил его, однако сознательно не стал убивать своего соплеменника и дал ему возможность уйти.

Ибн Масада и часть его людей укрылись в крепости Таймы, остальные бежали в Сирию.

Верблюдов, собранных ими в качестве закята, разграбили бедуины.

Тех, кто укрылся в крепости, осаждали три дня.

Затем вокруг стены сложили дрова и подожгли.

Увидев, что им грозит гибель, осажденные из Фазара закричали сверху:

«Мусайяб! Это твои люди!»

Аль-Мусайяб приказал потушить огонь и ночью устроил им побег.[543]

Абд ар-Рахман ибн Шабиб аль-Фазари предложил преследовать беглецов.

Аль-Мусайяб отказался.

Тогда Ибн Шабиб обвинил его в предательстве Повелителя правоверных ради врага.

По рассказу аль-Балазури, Али на несколько дней заключил аль-Мусайяба под стражу и упрекнул в чрезмерном покровительстве своему племени.[544]

Тот оправдывался, за него ходатайствовала куфийская знать.

Тем не менее Али привязал его к столбу в мечети или, по другой версии, посадил в тюрьму.

Позднее он вызвал его, простил и вместе с Абд ар-Рахманом ибн Мухаммадом аль-Кинди поручил сбор закята в Куфе.

---

[542] Ат-Табари, I, 3446, датирует событие 39/659–660 годом. В любом случае маловероятно, что Муавия приказал напасть на Медину и Мекку до встречи в Адрухе. С другой стороны, рейд, вероятно, произошел до спора о руководстве хаджем в 39 году, апреле 660 года.

[543] По рассказу аль-Балазури, Абд ар-Рахман ибн Асма аль-Фазари, прежде храбро сражавшийся против сирийцев, теперь позволил им бежать через пролом в стене и выйти на дорогу в Сирию.

[544] Вероятно, Али питал мало симпатии к Абдаллаху ибн Масаде аль-Фазари. В детстве тот попал в число мусульманских пленников из Фазара и был подарен Мухаммадом Фатиме как раб. Она освободила его, и он вырос в доме Фатимы и Али. Однако впоследствии он примкнул к Муавии, сражался за него при Сиффине и, как сообщается, стал одним из наиболее непримиримых врагов Али. См.: Ибн Манзур, Мухтасар, XIV, 41.

Через некоторое время Али проверил их отчеты и не обнаружил нарушений.

После этого он высоко похвалил обоих.[545]

После неудачных попыток расширить свое влияние в Аравии Муавия решил использовать хадж в конце 39 года хиджры — апреле–мае 660 года — чтобы добиться признания себя законным халифом в Мекке.

Он рассчитывал, что Мекка — родной город курайшитов, первыми выступивших против Али, — окажется более склонной к сотрудничеству, чем Медина и другие районы Аравии.

Муавия тайно вызвал Язида ибн Шаджару из Мазхиджа, одного из командиров его северосирийской армии.

Язид был известен как благочестивый человек и убежденный усманид; при Сиффине он сражался за Муавию.

Муавия сообщил ему, что отправляет его в Святилище Бога и к собственному племени, на «мою защищенную родину, которая откололась от меня».

Наместником Мекки, утверждал он, является «один из тех, кто убил Усмана и пролил его кровь».

Свержение этого наместника принесет «удовлетворение мне и тебе» и будет угодно Богу.

Язид должен отправиться в Мекку, куда в сезон хаджа соберется множество людей.

Он должен призвать их повиноваться Муавии.

Если они согласятся — не трогать их.

Если откажутся — объявить им войну, но прежде ясно сообщить, что действует по приказу Муавии.

Муавия, объяснял он, считает мекканцев своим корнем и племенем и предпочитает, чтобы они остались живы.

После этого Язид должен был возглавить молитву и руководить хаджем.[546]

Кусам ибн аль-Аббас, наместник Али в Мекке, имел не больше отношения к убийству Усмана, чем его братья Абдаллах и Убайдаллах.

Малолетних сыновей последнего вскоре убьет Буср ибн Аби Артах по приказу Муавии.

Официальная омейядская пропаганда, коллективно обвинявшая Бану Хашим в убийстве Усмана, уже приносила плоды.

---

[545] Аль-Балазури, Ансаб, II, 449–451; ат-Табари, I, 3446–3447. Ат-Табари, I, 3447, приводит также сообщение аль-Вакиди и Абу Машара со слов мекканца Ибн Аби Мулайки, умершего в 118/736 году, будто Муавия лично выступил в поход и в 39/659–660 году дошел до Тигра, после чего повернул назад. Каэтани считал этот краткий рассказ чрезвычайно важным доказательством новой энергии и силы Муавии, способного пройти через всю Месопотамию без боя, и бессилия Али, чья власть якобы ограничивалась окрестностями Куфы и, возможно, Басрой и Фарсом. См.: Annali, X, 289–290. Вероятнее всего, сообщение ложно и отражает слабую осведомленность хиджазской традиции о Сирии и Ираке этого времени. Куфийская традиция не знает о подобном походе Муавии. Учитывая его крайнюю осторожность в вопросах личной безопасности, трудно представить, что он вдруг подверг бы себя такому риску.

[546] Ас-Сакафи, Гарат, 504–505.

Однако даже обманутый этой пропагандой Язид ибн Шаджара сомневался, допустимо ли применять насилие в Святилище во время священного месяца хаджа.

Он заявил Муавии, что согласен ехать лишь при условии полной свободы действий и возможности самому искать мирное соглашение.

Если же Муавию удовлетворяет только насилие — *гашм*, меч и террор против невинных, — пусть найдет другого человека.

Муавия отступил и заверил, что полностью доверяет его суждениям.

Он дал ему армию в 3 тысячи человек.

Солдаты даже не знали цели похода, пока не покинули Сирию.

Через Вади-ль-Кура и аль-Джухфу, обходя враждебную Медину, они подошли к Мекке 10 зу-ль-хиджжа, 27 апреля.

Когда Кусам ибн аль-Аббас узнал, что сирийцы достигли аль-Джухфы, он обратился к мекканцам.

Сообщил об угрозе и спросил прямо: готовы ли они вместе с ним сопротивляться?

Поначалу никто не ответил.

Тогда он заявил:

«Теперь ваши намерения ясны», —

сошел с минбара и приготовился покинуть город.

Тут поднялся Шайба ибн Усман ибн Аби Талха из Абд ад-Дар, ведавший должностью хранителя дверей Каабы — *хиджаба*.[547]

Он заверил наместника, что люди стоят за ним и за халифом, его двоюродным братом, и будут исполнять его распоряжения.

Но Кусам им не доверял и продолжал говорить, что уйдет из Мекки и спрячется в ущелье.

Затем из Медины прибыл ансар Абу Саид аль-Худри, личный друг Кусама.

Он убеждал наместника не уходить: прибывшие в Медину паломники из Ирака сообщили, что куфийцы уже спешно направляют в Мекку отряд под командованием Макиля ибн Кайса ар-Рияхи.

Кусам показал Абу Саиду письмо Али.

В нем халиф сообщал, что его разведчик донес о направлении в Мекку вражеского отряда с целью вмешаться в хадж.

Али посылает Макиля ибн Кайса, чтобы выгнать их из Хиджаза, и призывает Кусама стойко выдержать испытание до его прибытия.

Прочитав письмо, Абу Саид услышал от Кусама:

пользы от него немного, поскольку сирийская конница прибудет раньше, чем Макиль, который появится только после завершения хаджа.

Но Абу Саид продолжал уговаривать его остаться.

Так он заслужит благодарность имама и народа.

---

[547] Бану Абд ад-Дар традиционно ведали хранением дверей Каабы — хиджабой, тогда как Бану Хашим отвечали за снабжение паломников водой — сикая.

Враг, несомненно, дважды подумает, прежде чем нападать на Святилище, неприкосновенность которого соблюдалась и во времена джахилии, и в исламе.

Кусам решил остаться.

Прибыв в Мекку, Язид ибн Шаджара приказал глашатаю объявить:

всем гарантируется безопасность, кроме тех, кто попытается вмешаться «в наши дела и власть».

Курайшиты, ансары, сподвижники и благочестивые люди поспешили посредничать между сторонами.

На самом деле оба лагеря были рады их усилиям.

Кусам — потому что не доверял мекканцам.

Язид — потому что, будучи человеком аскетического благочестия, не хотел совершать преступление в Святилище.

Язид обратился к мекканцам и сказал, что послан молиться с людьми, повелевать одобряемое и запрещать предосудительное.

Он понимает, что наместнику неприятна цель его прибытия и тот не желает молиться под его руководством, тогда как сам Язид и его люди также не хотят молиться за Кусамом.

Поэтому, если Кусам согласится, пусть оба откажутся от руководства молитвой и предоставят мекканцам самим выбрать имама.

Если же Кусам откажется, Язид тоже не уступит.

И зловеще добавил: он вполне способен увезти Кусама в Сирию, поскольку защищать его некому.

Посредником Язид попросил выступить Абу Саида аль-Худри.

Кусам немедленно согласился.

Люди выбрали имамом Шайбу ибн Усмана, и он возглавил молитву.

После этого Язид быстро покинул Мекку.

Конница Макиля прибыла уже после окончания хаджа, узнала об уходе сирийцев и бросилась в погоню.

В Вади-ль-Кура они захватили десятерых сирийцев, задержавшихся позади, тогда как остальные уже ушли.

Язиду ибн Шаджаре сообщили о случившемся, но он не повернул назад для сражения.

Макиль вернулся через Думат аль-Джандаль в Куфу с пленниками.[548]

Теперь сторонники Муавии требовали освобождения десяти захваченных воинов.

Он приказал аль-Харису ибн Нумайру ат-Танухи, командовавшему авангардом армии Язида ибн Шаджары, вторгнуться в Верхнюю Месопотамию и захватить сторонников Али.

Аль-Харис прошел через Сиффин к району Дары и увел оттуда восемь человек из Таглиб, верных Али.

---

[548] Ас-Сакафи, Гарат, 504–512; аль-Балазури, Ансаб, II, 461–464; Ибн Асам, Футух, IV, 38–45; ат-Табари, I, 3448.

Некоторые представители Таглиб, ранее перешедшие от Али к Муавии, попросили их освободить.

Муавия отказался, и тогда они отказались повиноваться уже ему.

Верный Али вождь Таглиб Утба ибн аль-Ваиль собрал людей, переправился через Евфрат у Джиср Манбиджа, вторгся на сирийскую территорию и захватил большую добычу.

Он отправил Муавии вызывающее стихотворение, гордо заявив, что совершил такой же набег, как «сын Сахра», то есть сам Муавия.

Муавия предложил Али обмен пленными.

Али согласился.[549]

После обмена Али решил, что Муавия прекратит набеги.

Однако примерно через месяц тот предпринял гораздо более серьезное нападение, направив Суфьяна ибн Ауфа ибн аль-Мугаффаля аль-Азди аль-Гамиди к аль-Анбару.[550]

По собственному рассказу Суфьяна, Муавия вызвал его и сообщил, что отправляет с сильной армией совершить набег вдоль Евфрата.

Суфьян должен был переправиться через реку у Хита.

Если обнаружит там гарнизон — атаковать.

Если нет — двигаться к аль-Анбару.

Если и там не будет вражеских войск — дойти до аль-Мадаина и после этого повернуть назад.

К Куфе приближаться не следовало.

Муавия объяснил:

нападение на аль-Анбар и аль-Мадаин произведет тот же эффект, что и удар по Куфе.

Оно вселит страх в сердца жителей Ирака и придаст смелости тем, кто склоняется к сирийцам.

Суфьяну было приказано приглашать на сторону сирийцев всех, кто опасается нападений, разрушать деревни на пути, убивать каждого встреченного, кто не разделяет его взглядов, и грабить имущество:

«Ибо это подобно убийству и причиняет сердцу самую сильную боль».[551]

Суфьян обнаружил Хит на западном берегу Евфрата покинутым.

Гарнизон и жители, узнав о его приближении, переправились на восточный берег.

Он прошел через Сандавда на западном берегу — там тоже никого не оказалось — и направился к аль-Анбару на востоке.

Жители города также были предупреждены.

Командир гарнизона Ашрас ибн Хассан аль-Бакри вышел ему навстречу.

---

549 Аль-Балазури, Ансаб, II, 469–470; Ибн Асам, Футух, IV, 45–47; Ибн аль-Асир, Камиль, III, 319. По версии Ибн Асама, инициатором обмена был Али, а не Муавия.

550 Ибн Асам, Футух, IV, 47. На основании этого сообщения набег Суфьяна ибн Ауфа следует датировать летом 40/660 года.

551 Ас-Сакафи, Гарат, 464–467.

Суфьян расспросил мальчиков из города о численности гарнизона и узнал, что в нем около 500 человек, но многие разошлись.

Он приказал начать пешую атаку, за которой немедленно должна была последовать кавалерия.

Понимая превосходство противника, Ашрас предложил оставшимся людям выбор:

либо остаться с ним и сражаться до смерти, либо уйти под прикрытием тех, кто решит сопротивляться.

Ашрас погиб вместе примерно с 30 воинами.

Суфьян приказал полностью разграбить город.

С женщин срывали ножные браслеты и ожерелья.

После этого он быстро ушел в Сирию, даже не направившись к аль-Мадаину.

В собственном рассказе Суфьян гордо заявлял, что никогда не совершал более «чистого» — *аслам* — и приятного набега.

Муавия высоко его похвалил и обещал назначить на любую должность, какую тот пожелает.

Заканчивал Суфьян свой рассказ словами:

прошло совсем немного времени, и жители Ирака толпами начали бежать в Сирию.[552]

По Абу Михнафу, о набеге на аль-Анбар Али сообщил местный крестьянин.

С минбара халиф призвал куфийцев отомстить за смерть Ашраса и изгнать врага из Ирака.

Никто сразу не откликнулся.

Тогда Али пешком отправился в ан-Нухайлу.

За ним пошли люди и группа знатных вождей — *ашраф*.

Они обещали, что сами разберутся с врагом.

Не особенно веря их искренности, Али все же вернулся в Куфу и приказал Саиду ибн Кайсу аль-Хамдани преследовать сирийцев с 8 тысячами воинов, поскольку ему сообщили, будто армия противника огромна.

Задержка, вызванная сбором столь крупного войска, вероятно, позволила Суфьяну уйти без потерь.

Саид ибн Кайс двигался вдоль Евфрата и дошел до Аната.

Оттуда он отправил Хани ибн аль-Хаттаба аль-Хамдани с отдельным отрядом.

Тот преследовал противника до района Киннасрина, но так и не настиг.

Когда Саид ибн Кайс ни с чем вернулся в Куфу, Али был болен.

Он написал гневное послание, которое следовало зачитать куфийцам.

В нем он сурово осуждал их за то, что они не откликнулись на призыв к джихаду.

Из-за этого, жаловался Али, курайшиты и другие говорят о нем:

«Али — храбрый человек, но воевать не умеет».[553]

---

552 Там же, 468.

553 Ас-Сакафи, Гарат, 464–482; аль-Балазури, Ансаб, II, 441–443; ат-Табари, I, 3445–3446.

Командиром гарнизона Хита был Кумайл ибн Зияд ан-Нахаи, один из ранних шиитских сторонников Али.

Во время набега Суфьяна он покинул пост с большей частью людей и двинулся к Каркисии: ему сообщили, что там собираются люди, намеренные напасть на Хит, и он хотел ударить первым.

Когда Суфьян подошел к Хиту, жители и оставшиеся 50 воинов гарнизона, как уже говорилось, покинули город и переправились на восточный берег.

Али направил Кумайлу суровое письмо, обвиняя в неисполнении обязанностей, и отказался принять его оправдания.

Однако должности не лишил.

Вскоре Кумайл получил сообщение от Шабиба ибн Амира аль-Азди [554]из Насибина.

По данным разведчика, Муавия направляет Абд ар-Рахмана ибн Кабаса ибн Ашьям аль-Кинани в [555]сторону Верхней Месопотамии.

Шабиб не знал, направлен ли набег на Насибин или в район Евфрата и Хита.

Кумайл увидел возможность вернуть расположение Али и немедленно выступил с 400 всадниками, оставив в Хите 600 пехотинцев.

Ему советовали сначала запросить приказ Али, но он отказался, чтобы не терять времени.

Он выяснил, что Ибн Кабас прошел ар-Ракку в направлении Рас аль-Айна и достиг Кафар-туты.

Кумайл стремительно двинулся туда и неожиданно столкнулся с Ибн Кабасом и Маном ибн Язидом ас-Сулами, располагавшими 2400 сирийцами.

Похоже, он застал их врасплох, рассеял войско и убил множество людей, потеряв лишь двоих своих.

Опасаясь, что противник перегруппируется и вновь атакует, Кумайл запретил преследование, чтобы сохранить строй.

Когда Шабиб ибн Амир прибыл из Насибина с 600 конных и пеших воинов, оказалось, что Кумайл уже разгромил налетчиков.

Он поздравил его.[556]

После этого Шабиб продолжил преследование сирийцев и вторгся на их территорию.

Он переправился через Евфрат у Джиср Манбиджа и послал конницу атаковать район Баальбека.

Когда Муавия направил против него Хабиба ибн Масламу, Шабиб отступил и совершил набег на район ар-Ракки, захватив скот, лошадей и оружие.

Али написал Кумайлу и Шабибу, похвалив их действия.

---

554 Шабиб ибн Амир был предком Джудая ибн Али аль-Кирмани, соперника Насра ибн Сайяра в Хорасане в конце омейядского периода. См.: аль-Балазури, Ансаб, II, 469; Ибн Асам, Футух, IV, 50.

555 Об отце Абд ар-Рахмана — Кабасе ибн Ашьяме — см.: Caskel, Gamharat an-nasab, II, указатель, ст. Qabath b. Ashyam.

556 Согласно Ибн Асаму, Футух, IV, 50–52, Шабиб и Кумайл объединились еще до сражения и затем совместно разгромили сирийцев. Шабиб потерял четырех человек.

Однако Шабибу он отдельно запретил захватывать скот и личное имущество — кроме лошадей и оружия.[557]

В год после ан-Нахравана Али столкнулся также с враждебной активностью нескольких отколовшихся хариджитских групп.

Аль-Балазури упоминает пять таких восстаний и приводит даты их разгрома.

Это были небольшие отряды, не представлявшие серьезной военной угрозы, но их участники были решительно настроены последовать примеру товарищей, погибших при ан-Нахраване, и обрести мученичество за дело, которое считали праведным.

Первую группу численностью около 200 человек возглавил Ашрас ибн Ауф аш-Шайбани.

Очевидно, он принадлежал к тем хариджитам, которые непосредственно перед битвой при ан-Нахраване отошли к ад-Даскаре.

Оттуда он направился к аль-Анбару.

Али послал против него аль-Абраша ибн Хассана с 300 воинами.

Ашрас погиб в раби I 38 года, то есть в августе–сентябре 658 года.[558]

Затем восстали Хиляль ибн Алькама и его брат Муджалид из Тайм ар-Рибаб.

С более чем 200 людьми они двинулись на восток, в Масабадан, призывая других присоединяться.

Против них Али отправил Макиля ибн Кайса ар-Рияхи, который уничтожил всех мятежников в джумада I 38 года, октябре 658 года.[559]

За ними последовал мятеж куфийца аль-Ашхаба — или аль-Ашаса — ибн Башира аль-Карани из Баджилы.

С ним было 130 или 180 человек.

Он прошел тем же путем, что Хиляль ибн Алькама, совершил молитву за него на месте гибели и похоронил останки тех, кого еще нашел.

Али направил против него Джарию ибн Кудаму или Худжра ибн Ади.

Аль-Ашхаб и его сторонники были убиты при Джарджарайе в джумада II 38 года, в ноябре 658 года.[560]

Саид — или Сад — ибн Кафаль ат-Тайми из Тайм Аллах ибн Салаба ибн Укаба племени Рабиа поднял восстание в аль-Бандамджайне с 200 сторонниками.

Когда он двинулся к аль-Мадаину, Али приказал своему наместнику Сааду ибн Масуду ас-Сакафи выступить против него.

Наместник встретил мятежников у Кантарат ад-Дарзиджан.

Ибн Кафаль и его люди погибли в раджабе 38 года, декабре 658 года.[561]

Абу Марьям ас-Сади из Сад Тамим, как уже упоминалось, покинул хариджитские боевые порядки перед битвой при ан-Нахраване вместе с 200 людьми.

---

557 Аль-Балазури, Ансаб, II, 473–476.

558 Там же, 481.

559 Там же, 482.

560 Там же, 483.

561 Там же, 484.

Он отправился в Шахразур и прожил там несколько месяцев, призывая мстить за мучеников ан-Нахравана и успешно привлекая новых сторонников.

Затем с 400 людьми двинулся к аль-Мадаину, а оттуда — к Куфе.

Большинство его людей составляли клиенты и неарабы — *аджам*.

По аль-Мадаини, кроме самого Абу Марьяма, арабами среди них были лишь пятеро представителей Бану Сад.

Когда они подошли к Куфе, Али предложил Абу Марьяму присягнуть.

Взамен тот сможет войти в Куфу и присоединиться к людям, которые не сражаются ни за Али, ни против него.

Абу Марьям ответил:

между ними возможна только война.

Тогда Али направил против мятежников Шурайха ибн Хани с 700 воинами.

Шурайх повторил предложение Али.

Абу Марьям ответил:

«Враги Бога! Неужели мы присягнем Али и останемся среди вас, когда ваш имам нас притесняет? Вы убили Абдаллаха ибн Вахба, Зайда ибн Хисна, Хуркуса ибн Зухайра и наших праведных братьев».

После этого мятежники выкрикнули боевой лозунг:

«Нет суда, кроме суда Бога!» —

и атаковали.

Войско Шурайха побежало.

Сам он с 200 людьми отступил в соседнюю деревню.

Позднее часть его солдат снова присоединилась к нему, остальные вернулись в Куфу, где распространился слух, будто Шурайх погиб.

Тогда Али выступил лично.

Вперед он отправил Джарию ибн Кудаму с 500 людьми, а сам шел следом с еще 2 тысячами.

Когда Джария встретился со своим соплеменником Абу Марьямом, он сказал:

«Горе тебе! Неужели ты готов погибнуть вместе с этими рабами? Клянусь Богом, как только они почувствуют железо, они тебя бросят».

Абу Марьям ответил:

«Мы слышали удивительный Коран, который ведет по прямому пути. Мы уверовали в него и не приобщим к нашему Господу никого».

Тут прибыл Али и снова предложил им присягнуть.

Они отказались и атаковали его, ранив несколько человек.

Затем мятежников перебили.

Уцелели лишь 50 человек, попросивших охранную грамоту; им ее предоставили.

Еще 40 нашли ранеными.

Али приказал отвезти их в Куфу и лечить, а затем разрешил отправиться в любую страну, какую они пожелают.

Битва произошла в рамадане 38 года, в феврале 659 года.[562]

Других хариджитских восстаний во время правления Али источники не отмечают.

Последние месяцы перед убийством Али в рамадане 40 года хиджры, январе 661 года, прошли под знаком нового резкого обострения конфликта с Муавией.

Али по-прежнему намеревался начать новый поход против Омейядов в Сирии и, похоже, сумел заручиться достаточной поддержкой, чтобы запланировать его на весну.

Возможно, чтобы предупредить это наступление, открыв второй фронт, Муавия спешно направил крупные силы под командованием Бусра ибн Аби Артаха в Хиджаз и Йемен.[563]

Велльхаузен предположил, что «Абу Исхак» в *иснаде* следует читать как Ибн Исхак и что перемирие, заключенное в начале 40/660 года, впоследствии было нарушено Али после того, как Муавия принял титул халифа и получил присягу сирийцев в Иерусалиме. См.: *Das arabische Reich*, 64. На деле Муавия давно уже претендовал на титул халифа и был признан таковым сирийцами. Едва ли Али стал бы нарушать перемирие лишь из-за формальной церемонии в Иерусалиме.

Ранний куфийский историк Абу Раук аль-Хамдани следующим образом описывает предысторию набега Бусра ибн Аби Артата.

После убийства Усмана его сторонники в Йемене — *шиат Усман*, «партия Усмана» — поначалу оставались без руководства и были дезорганизованы, поэтому принесли присягу Али. Наместником Али в Сане тогда был Убайдаллах ибн аль-Аббас, а его наместником в аль-Джанаде — Саид ибн Нимран аль-Хамдани ан-Наити.[564]

Но положение Али постепенно ухудшалось: Мухаммад ибн Аби Бакр был убит в Египте, сирийцы регулярно совершали набеги на территории, подвластные Али. На этом фоне усманиты в Йемене вновь подняли голову. Они потребовали отмщения за кровь Усмана и отказались платить обязательный налог-милостыню — закят.

Убайдаллах написал некоторым из их предводителей, требуя объяснить такое поведение. Те ответили вызывающе: они, мол, всегда осуждали убийство Усмана и намерены сражаться с теми, кто восстал против него.

---

562 Там же, 485–486.

563 Ат-Табари, напротив, сообщает о заключении в 40/660–661 году перемирия между Али и Муавией после длительного обмена письмами: Али должен был удержать Ирак, Муавия — Сирию. См.: ат-Табари, I, 3452–3453. Сообщение, приписываемое куфийцу Абу Исхаку ас-Саби, очевидно несостоятельно, поскольку Али был убит в тот момент, когда Буср еще совершал набеги в Аравии. Каэтани, однако, считал его «абсолютно достоверным» и утверждал, что оно показывает, насколько низко пал опозоренный Али, вынужденный теперь признать «веские причины» Муавии не признавать его халифом. Отказ Али от прежних притязаний, по Каэтани, стал своего рода моральным самоубийством, делавшим понятным, почему один из его сторонников, разочаровавшись в нем, мог его убить. См.: Annali, X, 329–330. Трудно понять, почему такое перемирие было бы менее позорным для Муавии, которому пришлось бы отказаться от своего благородного лозунга мести за несправедливо убитого халифа именно в тот момент, когда он, по версии Каэтани, мог свободно передвигаться по Ираку без сопротивления. По сообщению Абу Исхака, именно Муавия предложил перемирие Али.

564 Неизвестно, когда именно Али заменил Саида ибн Сада ибн Убаду на посту наместника аль-Джанада Саидом ибн Нимраном.

Когда Убайдаллах заключил их под стражу, они обратились к своим сторонникам в аль-Джанаде. Те подняли мятеж против Саида ибн Нимрана и изгнали его из города. К восставшим присоединились усманиты из Саны, а также люди, вовсе не разделявшие их взглядов, но желавшие уклониться от выплаты закята.

Убайдаллах теперь советовался с Саидом ибн Нимраном и сторонниками Али. Он указывал, что силы противников примерно равны их собственным и потому нельзя быть уверенным в победе, если дело дойдет до сражения. По его предложению оба наместника написали Али, подробно изложив положение и попросив указаний.

Али разгневался на их бездействие и направил строгий приказ: призвать мятежников вернуться к повиновению, а если они откажутся — сражаться с ними.

Согласно Ибн аль-Кальби, Али затем обратился к Йазиду ибн Кайсу аль-Архаби из племени Хамдан и укоризненно спросил:

— Разве ты не видишь, что делают твои соплеменники?

Йазид заверил его, что, по его мнению, люди Хамдана в основном остаются верны Повелителю верующих. Он предложил два выхода: либо Али отправит его в Йемен, чтобы привести их к повиновению, либо сам напишет им письмо и дождется ответа.

Али написал мятежникам лично. Он призывал их вновь подчиниться, обещая справедливое обращение, если они согласятся. Если же откажутся, он угрожал послать против них конное войско, которое сокрушит непокорных.

Письмо он передал человеку из племени Хамдан.

Поскольку мятежники долго не отвечали, посланник сообщил им, что, когда он покидал Куфу, Повелитель верующих уже готов был отправить Йазида ибн Кайса во главе огромной армии и удерживал его лишь в ожидании их ответа.

Тогда усманиты заявили:

— Мы будем слушать и повиноваться, если он уберет от нас этих двоих — Убайдаллаха и Саида.

Посланник вернулся к Али и передал их слова.

Но, как выяснилось, услышав о том, что Али готов послать Йазида ибн Кайса, мятежники одновременно сочинили стихотворное обращение к Муавии, призывая его немедленно прислать помощь, иначе они будут вынуждены присягнуть Али.

Муавия тотчас приказал Бусру ибн Аби Артату выступить в Йемен.[565]

Со стороны сирийцев Абд ар-Рахман ибн Масада аль-Фазари уже при халифе Абд аль-Малике рассказывал другую версию событий.

Когда начался 40 год хиджры — лето 660 года, — в Сирии говорили, что Али пытается мобилизовать жителей Ирака, но те не откликаются на его призыв: их симпатии разделены, среди них царит раскол.

Ибн Масада вместе с группой сирийцев пришел к аль-Валиду ибн Укбе и сказал ему:

---

565 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 592–598.

— Люди не сомневаются, что жители Ирака расходятся во мнениях относительно Али. Иди к своему человеку и убеди его выступить с нами против них прежде, чем они снова объединятся после раскола или положение их вождя среди них исправится.

Аль-Валид ответил, что уже много раз говорил об этом Муавии, увещевал и упрекал его до такой степени, что тот начал раздражаться и не желал его видеть.

Тем не менее он поклялся передать Муавии просьбу пришедших.

Когда аль-Валид сообщил обо всем Муавии, тот допустил их к себе и спросил, что их тревожит.

Они рассказали о настроениях народа, призвали воспользоваться моментом и ударить по противнику, пока обстоятельства не изменились. Надо выступить против Али прежде, чем Али выступит против него. Ведь, утверждали они, противник давно бы уже напал на Муавию, если бы не раскол среди его собственных сторонников.

Муавия ответил резко: он вполне способен обойтись без их мнения и советов; если они понадобятся, он сам их позовет.

Он не настолько стремится уничтожить людей, о которых идет речь, чтобы подвергать свою армию риску, не зная, на какую из сторон обрушится бедствие.

И пусть, предупредил он, никто не обвиняет его в медлительности. Он избрал наиболее действенный способ уничтожения врага — непрерывные набеги.

В результате, говорил Муавия, знатные люди Ирака — *ашраф* — видят Божье благоволение к нему и каждый день прибывают в Сирию на своих верблюдах, укрепляя сирийцев и одновременно ослабляя противника.

Посетители ушли, удовлетворенные мудростью его расчета.

Муавия же немедленно вызвал Бусра ибн Аби Артата и приказал ему совершить набег на Медину и Мекку, а затем идти вплоть до Саны и аль-Джанада, где у Муавии были сторонники, чье письмо как раз только что прибыло.

Когда Буср проводил смотр войска у Дайр-Муррана близ Дамаска, аль-Валид ибн Укба проворчал:

— Мы ясно сказали Муавии: надо идти на Куфу, а он посылает армию на Медину. Мы с ним как тот человек, который сказал: «Я показываю ей слабую звезду ас-Суха, а она показывает мне Луну».

Когда эти слова дошли до Муавии, он пришел в ярость и сказал:

— Клянусь Богом, так и тянет наказать этого глупца, который не способен выработать здравый план и ничего не понимает в правильном управлении делами.

Однако карать аль-Валида он все же не стал.[566]

Представление самого Муавии о «правильном управлении делами» ярко проявилось в его выборе Бусра ибн Аби Артата командующим новым набегом на Аравию.

Предыдущая кампания под командованием набожного Йазида ибн Шаджары не принесла тех результатов, которых добивался омейядский халиф. Йазид настоял, чтобы ему

---

566 Там же, с. 598–601.

предоставили свободу действий, поскольку он хотел избежать кровопролития в Священном городе, и в результате даже потерял нескольких собственных людей, попавших в плен.

Муавия был уверен: Буср подобными угрызениями совести страдать не станет.

Если бы ему приказали собрать всех противников в одном месте и сжечь их в Святилище, он с удовольствием исполнил бы приказ.

Муавия велел Бусру по дороге к Медине преследовать людей, запугивать их и грабить имущество всех, кто откажется подчиниться Омейядам.

Войдя в Медину, он должен был привести жителей в ужас, внушив им, что у него для них не будет ни прощения, ни оправдания; а затем, когда они уже решат, что он намерен их убить, — остановиться.

На дороге между Мединой и Меккой он должен был терроризировать и изгонять людей, но самих мекканцев не трогать.

В Сане ему надлежало поддержать сторонников Муавии против наместников и сторонников Али, убивать всякого, кто откажется присягнуть Муавии, и захватывать все их имущество, какое удастся найти.[567]

Когда содержание приказа Бусру стало известно, Ман ибн Йазид ибн аль-Ахнас ас-Сулами — либо его брат Амр — и Зияд ибн аль-Ашхаб аль-Джади обратились к Муавии с просьбой не давать Бусру власти над племенем Кайс.

Они опасались, что Буср станет убивать кайситов в отместку за людей из Бану Фихр — курайшитов — и Кинаны, которых Бану Сулайм перебили при вступлении Мухаммада в Мекку.

Муавия понял, что не может пренебречь пожеланиями столь влиятельных людей, и объявил Бусру, что Кайс не находится под его властью.[568]

Буср отправился в Дайр-Мурран и провел смотр войск.

Четыреста человек он отсеял, а с оставшимися двумя тысячами шестьюстами двинулся в Аравию.

Направляясь к Медине, он останавливался у каждого водопоя, отбирал верблюдов у местных племен и сажал на них своих воинов, сберегая собственных коней, которых вели рядом.

У следующего водопоя старых верблюдов отпускали и отбирали свежих.

При приближении Бусра к Медине наместник Али, Абу Айюб аль-Ансари, бежал в Куфу.

Буср вошел в город без сопротивления и произнес с кафедры яростную речь, полную оскорблений и угроз в адрес ансаров. Он грозил перебить их всех.

Наконец вмешался его родственник и отчим Хувайтиб ибн Абд аль-Узза аль-Амири. Он поднялся к нему на кафедру и стал умолять:

— Это твои люди, Помощники Посланника Божьего, а не убийцы Усмана.

---

567 Аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, т. II, с. 453–454; ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 600.

568 A. A. Bevan (ред.), The Naka'id of Jarir and al-Farazdaq (Лейден, 1905–1912), с. 716–717; аль-Агани, т. IV, с. 131–132.

К счастью, Буср вспомнил наставление своего повелителя и успокоился.

Он потребовал от жителей присягнуть Муавии и сжег дома бежавших Зурары ибн Джарвала из Бану Амр ибн Ауф, Рифаа ибн Рафи аз-Зураки, Абдаллаха ибн Сада из Абд аль-Ашхала и Абу Айюба аль-Ансари.

Когда люди Бану Салима пришли приносить присягу, Буср спросил у них о Джабире ибн Абдаллахе, который скрывался, и пригрозил всему племени коллективной карой, если они не приведут его.

Под давлением соплеменников Джабир попросил совета у Умм Саламы, Матери верующих, благожелательно относившейся к Али.

Она посоветовала ему присягнуть, чтобы сохранить и свою кровь, и кровь своих людей.

Она заверила Джабира, что сама велела своему племяннику [569]принести присягу, хотя прекрасно понимала, что это «присяга заблуждения» — *байат далала*.[570]

Через несколько дней, покидая Медину, Буср заявил горожанам, что простил их, хотя они этого не заслуживали, и выразил надежду, что в будущей жизни Бог их не помилует.

Управлять Мединой в свое отсутствие он поставил Абу Хурайру, предупредив жителей, чтобы они ему не противились.

Из Медины Буср направился в Мекку, по дороге убивая людей и грабя имущество.

На этот раз наместник Али в Священном городе, Кусам ибн аль-Аббас, немедленно бежал, и из города началось массовое бегство жителей.

Оставшиеся избрали своим эмиром Шайбу ибн Усмана аль-Абдари, кандидатура которого ранее устраивала Йазида ибн Шаджару.

Делегация курайшитов вышла навстречу Бусру.

Он осыпал их бранью и заверил, что, будь ему позволено поступать по собственному желанию, он не оставил бы на земле ни одной живой души из их числа.

Они стали умолять его пощадить собственный народ и собственное племя.

После этого он больше ничего не сказал.

В Мекке Буср убил нескольких потомков Абу Лахаба.[571]

Вероятно, он не считал это нарушением приказа Муавии не трогать мекканцев, поскольку халиф, по-видимому, одновременно приказал ему убивать всякого хашимита, которого удастся схватить: весь род считался коллективно виновным в убийстве Усмана.

Несчастные потомки дяди Мухаммада, проклятого в Коране вместе с женой, после победы ислама примкнули к своему роду Хашим, хотя так и не были полностью им приняты.

---

569 Так говорится в собственном рассказе Джабира у ас-Сакафи (аль-Гарат, с. 606). Согласно версии Аваны, Умм Салама сказала, что велела присягнуть собственному сыну Умару ибн Аби Саламе и своему зятю Абдаллаху ибн Заме ибн аль-Асваду из курайшитского рода Асад; см.: ат-Табари, т. I, с. 2451.

570 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 603–606.

571 Аль-Агани, т. X, с. 45.

Теперь именно они стали первыми жертвами, когда *тулáка* — люди, помилованные Мухаммадом после завоевания Мекки, прежние союзники Хашимитов в доисламскую эпоху, — пришли к власти от имени ислама.

Источники, весьма немногословные о судьбе этой ветви родни Мухаммада, даже не называют погибших поименно.

Был ли среди них поэт аль-Аббас ибн Утба, столь метко ответивший когда-то на нападки аль-Валида ибн Укбы против Амра ибн аль-Аса?

В Мекке скрывался и Абу Муса аль-Ашари, но его нашли и привели к Бусру.

Ранее он написал йеменцам письмо, предупреждая, что Муавия посылает конный отряд, который казнит всякого, кто откажется «признать [решение] арбитража».

Буср, помня, насколько доволен был Муавия тем, что Абу Муса дважды позволил Амру ибн аль-Асу себя перехитрить, увидел, что тот не в силах скрыть страх смерти, и сказал:

— Уж конечно, я не стану делать этого со Сподвижником Посланника Божьего.

И отпустил его.[572]

Совершив обход Каабы и два раката молитвы, Буср поднялся на кафедру и в проповеди вознес хвалу Богу, который, по его словам,

«унижал убийствами и изгнаниями нашего врага, этого сына Абу Талиба, который теперь находится в Ираке, испытывая крайнюю нужду и бедствие. Бог поразил его за его проступок и оставил за его преступление, так что спутники его рассеялись, исполненные злобы против него. И Бог передал власть Муавии, который требует отмщения за кровь Усмана. Так присягните ему и не давайте повода для мести против самих себя».

Мекканцы покорно принесли присягу.

Однако омейяд Саид ибн аль-Ас предпочел скрыться, а не отдавать дань новому «Наместнику Бога».

Буср искал его, но найти не смог.[573]

Саид все еще не был убежден в разумности возложения коллективной вины за убийство Усмана на хашимитских родственников Омейядов — потомков их общего предка Абд Манафа.

Его собственный сын Амр впоследствии станет первой жертвой, когда при Абд аль-Малике сами Омейяды начнут убивать друг друга в борьбе за престол.

Следующей целью Бусра стал ат-Таиф.

Здесь своим племенем Сакиф фактически управлял аль-Мугира ибн Шуба.

Всегда оставаясь проницательным оппортунистом, аль-Мугира до сих пор успешно держался в стороне от гражданской войны, хотя присутствовал на встрече арбитров в Адрухе как наблюдатель.

Увидев, что баланс сил склоняется в пользу Омейядов, он решил, что пора примкнуть к победителю.

---

572 Ат-Табари, т. I, с. 3451.

573 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 608–609.

Он написал Бусру письмо, поздравляя его с порученной миссией и восхваляя мудрость, с которой тот проявляет суровость к мятежникам — *мухриб* — и великодушие к людям разумным — *ули-н-нуха*.

Аль-Мугира призывал его продолжать столь добродетельное поведение, ибо Бог лишь умножит Свое благоволение к творящим добро, и закончил молитвой о том, чтобы Бог причислил их обоих к тем, кто повелевает правильное, стремится к справедливости и часто поминает Бога.

После этого он лично вышел навстречу военачальнику Муавии.

Буср знал, что ему запрещено распоряжаться племенем Сакиф, однако не хотел отпускать их совсем уж без страха.

Он сказал аль-Мугире:

— Мугира, я хочу проверить твой народ.

Аль-Мугира притворился встревоженным:

— Прошу Бога уберечь тебя от этого. С тех самых пор, как ты выступил в поход, до меня доходят вести о том, как суров ты к врагам Повелителя верующих Усмана, и твой подход в этом достоин всякой похвалы. Но если ты одинаково обращаешься и с врагом, и с другом, ты грешишь перед своим Господом и лишь подталкиваешь врага выступить против тебя.

Довод произвел на Бусра впечатление, и в ат-Таифе он никому не причинил вреда.[574]

Находясь там, Буср отправил отряд в Табалу с приказом убить местных сторонников Али.

Согласно рассказу, который приводит ас-Сакафи, их чудесным образом спасла самоотверженность Мани аль-Бахили, которого сирийский командующий в Табале послал к Бусру просить помилования пленников.

Буср намеренно медлил с выдачей помилования, надеясь, что пленных успеют казнить прежде, чем приказ дойдет до Табалы.

Однако посланник мчался без остановки днем и ночью и прибыл в самый последний момент, до казни.

По версии Ибн Асама, все пленники все же были убиты.[575]

Когда Буср покидал ат-Таиф, аль-Мугира ибн Шуба некоторое время сопровождал его, а затем простился.

Проходя по земле Бану Кинана, Буср случайно наткнулся на двух малолетних сыновей Убайдаллаха ибн аль-Аббаса — Абд ар-Рахмана и Кусама.

Их матерью была Умм Хаким Джувайрия, дочь Кариза — или Карита — ибн Халида из Кинаны, союзника Бану Зухра из курайшитов.

Поэтому Убайдаллах доверил обоих сыновей человеку из Кинаны, чтобы мальчики, по обычаю знатных курайшитских семей, пожили в пустыне.

---

574 Там же, с. 609–610; Ибн Асам, аль-Футух, т. IV, с. 62. Сообщается также, что сакифиты заявили Бусру: он не имеет над ними власти, поскольку они составляют самое ядро Кайса; см.: Bevan (ред.), Naka'id, с. 717; аль-Агани, т. IV, с. 132.

575 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 610–611; Ибн Асам, аль-Футух, т. IV, с. 62.

Когда Буср схватил детей и пригрозил убить их, их опекун из Кинаны обнажил меч и вышел навстречу Бусру.

Полководец Муавии сердито спросил:

— Мы не собирались убивать тебя. Зачем же ты сам идешь на смерть?

Кинанит ответил в истинно бедуинском духе:

— Да, я погибну, защищая своего гостя. Перед Богом и людьми это будет лучшим оправданием для меня.

Он бросился с мечом на захватчиков и сражался, пока его не убили.

После этого Буср велел привести к себе обоих мальчиков и зарезал их ножом.

К нему подошла группа женщин из Кинаны, и одна из них сказала:

— Ты убиваешь мужчин, но зачем убивать детей? Клянусь Богом, детей не убивали ни во времена джахилии, ни в исламе. Клянусь Богом, режим, который способен обрести силу лишь убийством слабых, смиренных и дряхлых стариков, отказом от милосердия и разрывом родственных уз, — это режим зла.

Буср, уже окончательно разъяренный, закричал:

— Клянусь Богом, мне хочется пустить меч и среди вас!

Женщина предложила ему так и сделать.

Но Буср воздержался, вспомнив, что его повелитель запретил трогать Кинану.[576]

Вступив в Южную Аравию, Буср больше не был связан ограничениями Муавии.

В Таслисе он убил благочестивого аскета Каба ибн Абду Зу-ль-Хабаку ан-Нахди. Того прежде высекли и сослали из Куфы в Рей за критику поведения Усмана, хотя впоследствии сам Усман его помиловал.[577]

В Наджране Буср убил Абдаллаха аль-Асгара ибн Абд аль-Мадана аль-Хариси, вождя Бану-ль-Харис, его сына Малика и брата Йазида ибн Абд аль-Мадана.

Абдаллах происходил из одного из самых знатных арабских домов — *буйутат аль-араб*. Он возглавлял делегацию своего народа к Мухаммаду, чтобы объявить о подчинении, и Пророк дал ему имя Абдаллах вместо доисламского Абд аль-Хаджар.

После смерти Пророка он пытался удержать свой народ от участия в ридде — отпадении.

Его дочь Аиша была замужем за Убайдаллахом ибн аль-Аббасом, которому он помогал в управлении Йеменом.[578]

Убив Малика, Буср собрал жителей Наджрана и обратился к ним:

— О сборища христиан и братья обезьян! Клянусь Богом, если до меня дойдет о вас хоть что-нибудь, что мне не понравится, я вернусь и сделаю такое, что истреблю ваше потомство, опустошу ваши поля и разрушу ваши дома. Так берегитесь, берегитесь![579]

---

576 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 614–616.

577 Аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, т. II, с. 455; т. V, с. 40.

578 Ибн Хаджар, аль-Исаба, т. IV, с. 98; Ибн аль-Кальби, Насаб Мадд, т. I, с. 271–272.

579 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 616–617.

В Йемене Буср прежде всего напал на архабитов из Хамдана и перебил сторонников Али, в том числе Абу Кариба, знатного вождя Хамдана.[580]

Тогда хамданиты укрепились на горе Шибам и вызывающе кричали:

— Буср! Мы — Хамдан, а это — Шибам!

Буср сделал вид, будто не обращает на них внимания, и ушел.

Когда они вернулись в свои селения, он внезапно напал, одолел их, убил мужчин и обратил женщин в рабство.

Говорили, что это были первые мусульманки, проданные в рабство.[581]

Из двух наместников Али в Йемене только Саид ибн Нимран, по-видимому, попытался оказать захватчикам сопротивление, хотя и безуспешно.

Затем оба наместника бежали в Куфу.[582]

Убайдаллах ибн аль-Аббас оставил вместо себя сакифита Амра ибн Араку, который тщетно пытался не допустить Буср в Сану.

Военачальник Муавии убил его и многих других жителей города.

Затем прибыла делегация из Мариба, чтобы заявить о покорности.

Буср убил всех ее участников, кроме одного, которому позволил вернуться к своему народу и сообщить страшную новость.

Из Саны Буср совершил поход к Джайшану, где позиции сторонников Али были особенно сильны.

Они вышли ему навстречу и вступили в бой, но потерпели поражение и были перебиты.

Оставшиеся укрепились и продолжили сопротивление, а Буср вернулся в Сану.

Всего, как утверждали, в ходе набега на Аравию Буср убил тридцать тысяч человек — цифра, без сомнения, преувеличенная.[583]

Затем Буср получил письмо от Ваиля ибн Худжра, знатного правителя — *кайля* — Хадрамаута.

Тот заверял, что половина Хадрамаута поддерживает Усмана, и приглашал Буср прийти туда, поскольку помешать ему некому.[584]

Буср охотно принял приглашение.

Ваиль встретил его дарами — деньгами и тканями.

---

580 Там же, с. 617–618; Ибн Асам, аль-Футух, т. IV, с. 63. Некий Абу Кариб из Хамдана упоминается как чиновник Усмана, отвечавший за охрану казны незадолго до гибели халифа; см.: ат-Табари, т. I, с. 3020, 3046. Неясно, был ли он тем же человеком, что и сторонник Али, убитый Бусром.

581 Bevan (ред.), Naka'id, с. 717; аль-Агани, т. IV, с. 132; Ибн аль-Асир, Усд аль-габа, т. I, с. 180; ас-Сафади, аль-Вафи би-ль-вафайат, ред. H. Ritter и др. (Стамбул/Висбаден, 1931–), т. X, с. 130–131.

582 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 619–620.

583 Там же, с. 640.

584 Согласно рассказу Фудайля ибн Хадиджа, Ваиль находился вместе с Али в Куфе, хотя тайно придерживался усманитских взглядов. Он попросил у Али разрешения съездить на родину, чтобы уладить имущественные дела, обещая быстро вернуться. Али не знал о его склонностях и отпустил его. Узнав затем о предательстве Ваиля и его сговоре с Бусром, Али арестовал двух его сыновей; см.: ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 630–631. Ваиль ибн Худжр поддержал мусульман во время ридды и возглавлял соплеменников в борьбе с отпавшим вождем Кинды аль-Ашасом ибн Кайсом; см.: Lecker, «Kinda on the Eve of Islam», с. 344.

Когда Ваиль спросил, что он намерен сделать с жителями Хадрамаута, Буср ответил:

— Хочу убить четверть населения.

Ваиль посоветовал, если уж тот намерен это сделать, начать с Абдаллаха ибн Саубы, который чувствует себя в безопасности и не ожидает смерти.

Абдаллах ибн Сауба был еще одним крупным правителем Хадрамаута и врагом Ваиля.

Он жил в неприступной крепости, построенной абиссинцами во время их первого завоевания Южной Аравии.

Буср подошел к подножию крепости и вежливо пригласил правителя спуститься.

Ничего не подозревая, Ибн Сауба вышел к нему.

Его встретил приказ:

— Отрубите ему голову.

Тот спросил Бусра:

— Ты хочешь меня убить?

Полководец Муавии ответил:

— Да.

По просьбе пленника ему позволили совершить молитву.

Затем его подвели к Бусру и обезглавили.

Буср конфисковал все его имущество, в том числе и ту треть, которая принадлежала сестре убитого.

Позднее Муавия великодушно возвратил ей эту треть.[585]

Дальнейшим планам Бусра перебить четверть жителей Хадрамаута помешали известия о приближении армии помощи под командованием Джарии ибн Кудамы.

Реакция Али на вторжение Бусра в Аравию была небыстрой.

Куфийские источники, как обычно, изображают его сначала тщетно пытающимся поднять своих сторонников на месть, пока Джария сам не вызвался выступить.

Однако вероятнее, что Али, собиравший в тот момент силы для третьего похода в Сирию, не хотел отвлекать часть войска на второстепенное направление.

Он уже разгневался на недостаток инициативы своих йеменских наместников, не сумевших подавить восстание местных усманитов, и, очевидно, поначалу был склонен предоставить им самим отражать сирийское нападение.

Но сообщения о жестокостях военачальника Муавии вынудили Али вмешаться.

Джария выступил из Куфы с тысячей воинов и набрал еще тысячу в Басре — вероятно, главным образом из собственного племени Сад Тамим.

Затем Али послал из Куфы еще две тысячи человек под командованием Вахба ибн Масуда аль-Хасами. В Хиджазе они присоединились к Джарии ибн Кудаме, которому было поручено общее командование.

Али дал ему строгие указания: не причинять вреда ни мусульманам, ни немусульманам, находящимся под защитой договора; не отбирать имущество и верховых

---

585 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 629–631.

животных, даже если собственные кони выбьются из сил и придется идти пешком; регулярно совершать молитвы.

Джария стремительно прошел через Хиджаз в Йемен, минуя города и укрепленные поселения и нигде не задерживаясь.

Когда он достиг Йемена, находившиеся у власти сторонники Усмана бежали и укрылись в горах.

Теперь уже сторонники Али преследовали и убивали их.

Джария предоставил местным самим сводить счеты, избегал городов и двинулся дальше — в Хадрамаут, преследуя Бусра.

При его приближении Буср немедленно бежал, словно вор, даже не попытавшись принять бой.[586]

Впрочем, этим он, несомненно, следовал приказу Муавии, а не собственным желаниям.

Целью его набега было не завоевание и не постоянная оккупация территории.

Задача заключалась в том, чтобы посеять террор и страх, нанести населению максимальный ущерб при минимальных потерях среди сирийских воинов.

Вернувшись, Буср, как рассказывают, гордо заявил своему повелителю, что вел армию, убивал врагов халифа и грабил их, не потеряв ни одного человека.[587]

Опасаясь оказаться зажатым между наступающей и преследующей армиями, Буср решил не отступать через Хиджаз.

Он избрал восточный путь через аль-Джауф к землям Тамима.

Узнав об этом, Джария ибн Кудама заметил, что Буср направляется к людям, умеющим защищать себя.

Сам Джария остановился на месяц в Джураше, чтобы дать воинам отдохнуть.

Именно там он получил известие об убийстве Али.[588]

Как и ожидал Джария, Буср не решился нападать на основные силы Тамима, хотя тамимиты отняли у него часть добычи.[589]

Однако в аль-Фаладже он наткнулся на группу Бану Сад из Тамима, остановившуюся там среди Бану Джада.

Он напал на них, часть убил, остальных увел в плен.[590]

Затем Буср двинулся в аль-Ямаму.

Здесь жители во время гражданской войны сохраняли нейтралитет под властью своего эмира аль-Касима ибн Вабары.[591]

Буср пригрозил напасть на Бану Ханифа.

---

586 Там же, с. 621–632.

587 Там же, с. 639.

588 Там же, с. 624, 633, 638, 640.

589 Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, т. II, с. 16.

590 Bevan (ред.), Naka'id, с. 717; аль-Агани, т. IV, с. 132.

591 Аль-Касим ибн Вабара, по-видимому, в других источниках неизвестен.

Но сын их знаменитого прежнего вождя Муджjаа ибн Мурары предложил отправиться вместе с ним к Муавии и заключить мир от имени своего народа.

Вероятно, это происходило уже после смерти Али, и Бану Ханифа были готовы присягнуть омейядскому халифу.

Однако Буср хотел наказать их за прежний нейтралитет.

Он забрал сына Муджjаа с собой и через пустыню ас-Самаву вернулся в Сирию.[592]

Буср советовал Муавии казнить пленника.

Но Муавия теперь был настроен на примирение.

Он принял его покорность и утвердил вождем своего народа.[593]

Зверства, совершенные Бусром во время аравийского похода, потрясли Куфу и помогли Али в подготовке нового наступления против Муавии.

Куфийцы начали обвинять друг друга в прежнем бездействии.

Группа племенной знати — *ашраф* — пришла к Али и предложила назначить одного из них командиром армии, которая выступит против Буср.

Али успокоил их, сказав, что человек, уже посланный против Буср, не вернется, пока не изгонит его либо пока один из них не погибнет.

А им самим, сказал Али, следует подняться и готовиться к его призыву в поход на Сирию.

Саид ибн Кайс аль-Хамдани, Зияд ибн Хасафа и Ваила ибн Махдудж аз-Зухли [594]выступили с речами, заявляя о безоговорочной верности Повелителю верующих.

Сувайд ибн аль-Харис ат-Тайми из Тайм ар-Рибаб призвал Али приказать каждому из предводителей его *шиа* собрать своих людей, побуждать их участвовать в походе чтением Корана и предупреждать о последствиях измены и неповиновения.

Худжр ибн Ади аль-Кинди быстро собрал четыре тысячи человек.

Зияд ибн Хасафа аль-Бакри — две тысячи.

Макил ибн Кайс ар-Рияхи — также две тысячи.

Абдаллах ибн Вахб ас-Сабаи — [595]около тысячи.

Когда Али спросил, кого можно назначить твердым и надежным командиром для сбора людей, рассеянных по *саваду*, и привести их в Куфу для похода, Саид ибн Кайс предложил Макила ибн Кайса ар-Рияхи.

Макил отправился выполнять поручение.

---

592 Ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 639.

593 Там же, с. 643; Ибн Аби-ль-Хадид, Шарх, т. II, с. 16–17. Имя сына Муджjаа ибн Мурары не называется. Возможно, речь идет о его сыне Сиradже, передатчике хадисов, которого признавали Сподвижником Пророка; см.: Ибн Хаджар, аль-Исаба, т. III, с. 67. Сообщение о том, что Буср на обратном пути прошел через Мекку и лишь затем повернул к аль-Ямаме, по-видимому, ошибочно. После ухода Буср из Мекки в Йемен Кусам ибн аль-Аббас, вероятно, быстро восстановил контроль над городом; см.: ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 620–621.

594 В тексте ас-Сакафи (аль-Гарат, с. 637) стоит Ваила ибн Махду. О его идентификации см. примечание 4 редактора на той же странице.

595 Чтение ас-Сабаи вместо ас-С-м-ни принято по аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, т. II, с. 478. Возможно, этот человек тождествен Ибн Сабе, которого впоследствии обвиняли в основании крайнего шиизма.

Добравшись до ад-Даскары, он узнал, что курды совершают набеги на Шахразур.

Он напал на них и преследовал в горах Джибаля.

Закончив набор людей и достигнув аль-Мадаина на пути обратно в Куфу, он получил известие о смерти Али.

Зияд ибн Хасафа вызвался совершить набег на сирийские территории вдоль Евфрата, а затем быстро вернуться и присоединиться к общему походу.

Причиненный им ущерб, вероятно, был ограниченным, поскольку Али приказал ему никого не притеснять, сражаться лишь с теми, кто нападает первым, и не вмешиваться в дела бедуинов.

Муавия отправил против него Абд ар-Рахмана ибн Халида ибн аль-Валида, но Зияд сумел уклониться от столкновения и повернул назад.

Находясь в Хите и ожидая Али с его армией, он узнал об убийстве халифа.[596]

Готовясь к походу, Али написал Кайсу ибн Саду ибн Убаде, который тогда был наместником Азербайджана.

Он приказал ему оставить вместо себя Убайдаллаха ибн Шубайля аль-Ахмаси и как можно быстрее прибыть в Куфу.

Али писал, что там уже собралась огромная масса мусульман, подчинившихся его приказу и готовых выступить против нарушителей святости — *мухиллун*.

Сам Али задерживал выступление только потому, что ждал прибытия Кайса.

Начало похода действительно было назначено на конец зимы 40/661 года.[597]

В пятницу, 17 рамадана 40 года хиджры — 26 января 661 года, — когда Али вошел в мечеть Куфы для утренней молитвы, убийца встретил его словами:

— Суд принадлежит Богу, Али, а не тебе!

И ударил его по голове отравленным мечом.

Нападавшим был Абд ар-Рахман ибн Амр ибн Мулджам аль-Муради — хариджит из Египта, по отцовской линии происходивший из Химьяра, но причислявшийся к Мураду по родству со стороны матери и состоявший в союзе с Бану Джабала из Кинды.

Он прибыл в Куфу с намерением убить Али, мстя за хариджитских вождей, павших при Нахраване.

Там он нашел двух местных сообщников-хариджитов: Шабиба ибн Буджру из Ашджа и Вардана ибн аль-Муджалида из Тайм ар-Рибаб.

Удар Шабиба не достиг Али и пришелся по деревянной раме двери или арке.

Шабиб бросился бежать, но близ ворот Кинды его настиг человек из Хадрамаута по имени Уваймир.

Хадрамиец выхватил у него меч и прижал беглеца к земле.

Но тут появились другие преследователи и стали кричать друг другу:

— Хватайте человека с мечом!

Опасаясь, что его самого примут за убийцу, Уваймир бросил меч и убежал.

---

596 Аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, т. II, с. 478–479; ас-Сакафи, аль-Гарат, с. 637–638.

597 Аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, т. II, с. 480.

В возникшей суматохе Шабибу удалось скрыться.

Вардан добежал до своего дома, где после признания в участии в заговоре был убит собственным родственником Абдаллахом ибн Наджабой ибн Убайдом.

Ибн Мулджама, как рассказывали, схватил хашимит аль-Мугира ибн Науфаль ибн аль-Харис, ударив его по лицу покрывалом — *катифа* — и повалив на землю.

Ибн Мулджама привели к Али.

Али распорядился: если он умрет от раны, Ибн Мулджама следует казнить в порядке возмездия; если выживет, он сам решит, как с ним поступить.

Через два дня, в ночь на воскресенье, 19 рамадана — 28 января, — Али умер.

Его тело омыли сыновья аль-Хасан, аль-Хусейн, Мухаммад ибн аль-Ханафия и племянник Абдаллах ибн Джафар.

Они же вместе с Убайдаллахом ибн аль-Аббасом похоронили его.

После смерти Али Ибн Мулджам был казнен в соответствии с его распоряжением.

Шабиб ибн Буджра впоследствии восстал против наместника Муавии аль-Мугиры ибн Шубы и нападал на людей в окрестностях Куфы.

Наместник послал против него конный отряд, и Шабиб был убит.[598]

Али был убит именно в тот момент, когда его положение после затяжного кризиса, последовавшего за Сиффином, неудачным арбитражем и Нахраваном, словно начало улучшаться.

Настроения в Куфе и Басре изменились в его пользу, поскольку жестокие методы ведения войны Муавией — особенно поход Бусра по Аравии — показали истинный характер его власти.

Теперь куфийцы и басрийцы были готовы воевать с сирийцами за собственную независимость, если даже не ради славы Али.

Исход третьей сирийской кампании вовсе не был предрешен.

После Сиффина сирийцы, несомненно, обрели больше уверенности и теперь могли не опасаться удара со стороны Египта.

И все же опыт до сих пор показывал: всякий раз, когда сирийцы и иракцы сходились в бою примерно равными силами, первыми обычно уступали именно сирийцы.

Иракцы, возвращавшиеся к войне с ожесточенной решимостью политически обманутых и проигравших, вполне могли на этот раз добиться военной победы.

Впрочем, при жизни Али его правление так и не стало по-настоящему популярным в Куфе.

Верная ему группа сторонников, сформировавшаяся в последние годы его правления, состояла из людей, убежденных, что после Пророка он является лучшим из мусульман и единственным, кто имеет законное право ими править.

Но это оставалось небольшим меньшинством.

Город был глубоко расколот в своем отношении к Али.

---

598 Там же, т. II, с. 487–496; ат-Табари, т. I, с. 3456–3464.

Большинство объединяла теперь не столько любовь к нему, сколько недоверие и враждебность к Муавии и его сирийским сторонникам.

Со временем произвол, дурное правление и репрессии Омейядов превратят меньшинство почитателей Али в большинство.

В памяти последующих поколений Али станет идеальным Повелителем верующих.

На фоне ложных притязаний Омейядов на законную исламскую власть как «Наместников Бога на земле», а также их вероломства, произвола, политики раскола и мстительности люди начнут все сильнее ценить честность Али, его непреклонную преданность исламскому правлению, глубину его личной верности, равное отношение ко всем своим сторонникам и великодушие, с которым он прощал побежденных врагов.

Теперь они были готовы забыть жесткие стороны его правления и даже серьезные ошибки в суждениях, которые при жизни раскалывали его последователей.

Вместо этого потомки обвиняли собственных предков в том, что те не поддержали Али безоговорочно.

Наиболее радикальные почитатели возвысили его еще выше, окружив ореолом безошибочности и сверхъестественных качеств.

Подобные представления были весьма далеки от того, как сам Али воспринимал себя.

Хотя он — и не без оснований — утверждал, что лучше всех после Мухаммада знает послание и практику Пророка и искреннее других предан исламу, он хорошо понимал и признавал некоторые собственные человеческие слабости и стремился исправить последствия своих ошибок.

В конечном счете именно одни и те же качества во многом стали причиной и неудачи его правления, и последующего возвышения Али до образа глубоко почитаемого святого героя ислама.

Его *дуаба* — то качество, которое отмечал еще Умар, — его «простодушие», выражавшееся в отказе участвовать в новой игре политического предательства, беспринципных интриг и ловкого оппортунизма, которые именно тогда начинали укореняться в управлении исламским государством, лишило Али успеха при жизни.

Но именно оно же возвысило его в глазах почитателей до идеального воплощения добродетелей первоначального, еще не испорченного ислама — и одновременно древнего арабского рыцарского благородства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановление общины и деспотическая монархия

Смерть Али, наступившая в разгар подготовки к новому походу в Сирию, оставила исход гражданской войны неопределенным. Его старший сын аль-Хасан, внук Мухаммада, без споров стал преемником отца. По-видимому, следуя примеру Пророка, Али перед смертью отказался назначить себе преемника. Однако он неоднократно заявлял о своем убеждении, что право управлять Общиной принадлежит лишь *ахль аль-байт* — Семье

Пророка; поэтому аль-Хасан, которого Али назначил своим душеприказчиком, [599]казался естественным выбором. Некоторый дефект речи, из-за которого он говорил медленнее обычного, очевидно, не считался препятствием.[600] Напротив, его обычно считали искусным оратором.

В соборной мечети Куфы аль-Хасан объявил о смерти своего отца. Он назвал Али человеком, чьи деяния не имели и никогда не будут иметь равных; человеком, который сражался рядом с Посланником Божьим и защищал его собственной жизнью. Мухаммад посылал Али вперед со своим знаменем, когда справа от него находился Джибраил, а слева — Микаил, и Али не возвращался, пока Бог не даровал ему победу.

Он умер этой ночью — в ту самую ночь, когда Иисус, сын Марии, был вознесен на небо и когда умер Иисус Навин, сын Нуна, преемник Моисея. После себя он не оставил ни серебра, ни золота, кроме 700 дирхамов из своего жалованья, на которые хотел купить слугу для семьи.

Тут аль-Хасан задохнулся от слез, и народ заплакал вместе с ним. Затем он продолжил:

«О люди! Кто знает меня — тот знает. А кто не знает, пусть знает: я аль-Хасан, сын Мухаммада. Я сын принесшего благую весть, сын предостерегавшего, сын призывавшего к Богу — Могущественному и Возвышенному — с Его дозволения; я — сияющий светильник. Я из Семьи Пророка, от которой Бог удалил скверну и которую очистил; любовь к нам Он сделал обязательной в Своей Книге, сказав: “Кто совершит доброе деяние, тому Мы приумножим в нем благо” (Коран 42:23). Доброе деяние — это любовь к нам, Семье Пророка».

После этого Убайдаллах ибн аль-Аббас, наместник Саны, бежавший в Куфу, поднялся и призвал людей присягнуть аль-Хасану. Они присягнули, признав его наиболее достойным власти и самым дорогим для них человеком.[601]

Эта демонстрация верности покойному Повелителю верующих и прославление его джихада во имя ислама лишь на время скрыли глубокие разногласия между отцом и сыном.

Аль-Хасан по характеру был миролюбив и склонен к примирению. Уже некоторое время он испытывал тревогу и даже открыто критиковал воинственную настойчивость Али в отстаивании своего дела, хотя в справедливости самого дела он не сомневался. Он питал искреннюю симпатию, даже восхищение, к своему дяде Усману — к его аристократической манере держаться и отвращению к кровопролитию — и считал, что отец мог сделать больше, чтобы попытаться спасти его.

---

599 Аль-Балазури, Ansab al-ashraf, II, 497, 504.

600 Абу аль-Фарадж аль-Исфахани, Maqatil al-Talibiyyin, ред. Ахмад Сакр, Каир, 1949, с. 49–50. Веккья-Вальери ошибочно поняла текст как указание на то, что аль-Хасан унаследовал дефект речи «от одного из своих дядей». Под «дядей» (амм) в тексте имеется в виду Моисей.

601 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 51–52; аль-Балазури, Ansab, III, 28. Мединская традиция обычно называет Кайса ибн Сада ибн Убаду человеком, предложившим аль-Хасана как преемника и первым принесшим ему присягу. Куфийская традиция, отводящая главную роль Убайдаллаху ибн аль-Аббасу, вероятно, надежнее.

Непримиримое противостояние Али старой религиозной элите и большинству курайшитов пугало аль-Хасана, и он умолял отца отказаться от курса на конфронтацию и конфликт. Продолжение и расширение жестокой гражданской войны после неожиданной победы Али при Басре ужасало его.

Муавия, прекрасно понимал он, был не более чем негодяем. Но оправдывала ли попытка сместить его массовое кровопролитие среди мусульман, уносившее жизни друзей и врагов и порождавшее все более глубокую ненависть между родственниками, когда-то объединенными племенным братством?

Высшая власть, к которой теперь подталкивало его происхождение — он был внуком Пророка, — совершенно его не привлекала.

Что до него самого, он охотно удалился бы в пустыню — именно это он раньше предлагал сделать своему отцу.

Но он понимал: просто бросить сторонников отца на милость мстительных инстинктов Муавии было бы непростительно. Муавия совсем недавно показал свое настоящее лицо во время чудовищно жестокого рейда Бусра ибн Аби Артата.

Если аль-Хасан хотел войти в историю как человек, восстановивший хотя бы подобие согласия и мира в Общине, основанной его дедом, ему следовало добиться по меньшей мере почетного мира и всеобщей амнистии.

Присяга аль-Хасану включала, помимо обычного обязательства следовать Книге Бога и Сунне Пророка, еще и обещание воевать с теми, с кем аль-Хасан объявит войну, и хранить мир с теми, с кем он заключит мир.

Правда, именно такую формулу прежде требовал от своих сторонников Али, и именно ее осуждали хариджиты. Однако, как сообщают источники, у куфийцев она сразу вызвала подозрение: не намерен ли аль-Хасан отказаться от похода на Сирию, который готовил его отец?[602]

Учитывая его известное неприятие войны, такие подозрения были небезосновательными.

Сомнения могло усиливать и заметное положение Убайдаллаха ибн аль-Аббаса — человека, которого Али совсем недавно сурово упрекал за то, что, будучи наместником Саны, тот не оказал никакого сопротивления Бусру.[603]

Первые 50 дней или 2 месяца после вступления в должность аль-Хасан оставался пассивным. Он никого не посылал против Муавии и даже не упоминал ни похода, ни войны.[604] Армия, мобилизованная его отцом, явно начинала беспокоиться.

Тогда из Басры пришло письмо от Абдаллаха ибн аль-Аббаса, подталкивавшее его к действию.

---

602 Аль-Балазури, Ansab, III, 29; ат-Табари, II, 1, 5.

603 Ас-Сакафи, Gharat, 619–620.

604 Аль-Балазури, Ansab, III, 29; Ибн Асам, Futuh, IV, 148.

Ибн аль-Аббас обращался к нему как к сыну Посланника Божьего и писал, что мусульмане, поставившие его своим правителем после отца, теперь недовольны его бездействием в отношении Муавии и тем, что он не требует принадлежащего ему права.

«Готовься к войне, сражайся со своим врагом, привлекай на свою сторону сторонников, назначай на должности людей из знатных и известных домов — этим ты купишь их сердца.

Следуй практике справедливых имамов (*аиммат аль-адль*), соединяя сердца (*та'лиф аль-кулуб*, то есть располагая к себе влиятельных людей дарами) и восстанавливая согласие среди народа.

Знай также, что война — это обман (*худ'а*), и во время войны тебе дозволено пользоваться этим, пока ты не лишаешь мусульманина принадлежащего ему права.

Ты знаешь, что люди отвернулись от твоего отца Али и перешли к Муавии лишь потому, что Али уравнял их при распределении *фая* и назначил всем одинаковое жалованье. Это оказалось для них тяжким».

Ибн аль-Аббас напоминал аль-Хасану и о том, что его враги — это те самые люди, которые прежде воевали против Бога и Его Посланника.

Когда Бог даровал победу Своей религии, они внешне приняли веру и читали Коран, но втайне насмехались над его стихами; исполняли обязанности ислама, ненавидя их; увидев, что в этой религии почетом пользуются только богобоязненные пророки и люди, отличившиеся знанием и добродетелью, они надели на себя внешние признаки праведности, чтобы мусульмане хорошо о них думали, тогда как в сердце отворачивались от знамений Бога.

Теперь, писал Ибн аль-Аббас, аль-Хасану приходится иметь дело с этими людьми, их сыновьями и им подобными, а их надменное беззаконие со временем только усилилось.

Он призывал аль-Хасана сражаться с ними и не соглашаться на унизительный компромисс (*данийя*). Его отец принял третейский суд по вопросу о своем праве лишь под принуждением и зная, что, если арбитры будут судить справедливо, они признают его самым достойным власти. Когда же они стали судить по прихоти, Али вернулся к прежней позиции и оставался полон решимости сражаться с этими людьми, пока не наступил его срок и он не отошел к своему Господу.

«Так подумай же, Абу Мухаммад, да смилуется над тобой Бог, и никогда не отказывайся от права, на которое ты имеешь больше оснований, чем кто-либо другой, даже если между тобой и ним встанет смерть».[605]

Ибн Асам описывает реакцию аль-Хасана на это письмо как радость: теперь он якобы понял, что Ибн аль-Аббас присягает ему и требует исполнить долг перед Богом.

Но едва ли именно это занимало мысли аль-Хасана.

Возможно, он и был отчасти рад моральной поддержке дяди, который, несомненно, и без того уже присягнул ему, однако доводы в пользу войны его ничуть не убедили.

---

605 Ибн Асам, Futuh, IV, 149–150; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 23–24; аль-Балазури, Ansab, III, 29, 51.

Если он сам не желал смерти других людей ради собственного права на власть, то почему должен был жертвовать ради него собственной жизнью?

Следовало искать соглашения с Муавией.

Теперь аль-Хасан написал Омейяду письмо, начинавшееся так:

«От раба Божьего, Повелителя верующих аль-Хасана — Муавии ибн Сахру».

Мухаммад, писал он, был послан Богом как милость для миров и как предостерегающий для всех живых. Он передал послание Бога, и Бог через него явил истину, уничтожил многобожие, укрепил верующих, возвеличил арабов и особенно почтил курайшитов.

Когда Пророк умер, арабы начали спорить о власти после него. Но курайшиты сказали им:

«Мы его племя, его семья (*усра*), его ближайшие сторонники. Вам не дозволено спорить с нами о власти Мухаммада над людьми и о его праве».

Арабы признали справедливость их довода и передали им власть.

«Затем мы стали спорить с курайшитами так же, как они спорили с арабами. Но курайшиты не проявили к нам той справедливости, какую проявили к ним арабы…

Когда мы, Семья Мухаммада (*ахль аль-байт*) и его ближайшие сторонники, стали приводить перед ними свои доводы и требовать справедливости, они отстранили нас и объединились, чтобы причинять нам несправедливость и бойкотировать нас…

Мы тогда изумлялись тем, кто посягнул на наше право и на власть нашего Пророка, хотя среди них были люди добродетели и ранних заслуг в исламе.

Однако мы не стали бороться с ними внутри ислама, опасаясь за веру: как бы лицемеры и Союзники (*ахзаб*) не нашли брешь, через которую смогут проникнуть и творить развращение по своему желанию.

Но сегодня, Муавия, пусть люди удивляются тому, как ты посягаешь на право, которого не заслуживаешь ни какой-либо известной заслугой в религии, ни достойным деянием во имя ислама.

Ты — сын одного из Союзников, сын человека, который среди курайшитов был одним из самых непримиримых врагов Посланника Божьего.

Но Бог расстроил твои надежды».

После смерти Али, продолжал аль-Хасан, мусульмане поставили его преемником. И он просил Бога не увеличивать ему благ в этом преходящем мире ценой уменьшения благ в мире грядущем.

Единственной причиной, по которой он писал Муавии, было желание исполнить перед Богом свой долг справедливости и по отношению к нему.

Если Муавия примет его предложение, писал аль-Хасан, это принесет ему великое благо и пользу мусульманам:

«Перестань упорствовать во лжи и вступи в мою присягу, как это сделали люди. Ты знаешь, что перед Богом и в глазах всякого, кто готов вернуться к повиновению и чье сердце способно раскаяться, я имею больше прав на это дело, чем ты.

Бойся Бога, оставь мятеж и пощади кровь мусульман.

Клянусь Богом, нет для тебя добра в том, чтобы предстать перед Ним с еще большим количеством их крови на руках, чем то, с которым ты уже предстанешь.

Войди в мир и повиновение. Не оспаривай власть у тех, кто имеет на нее право… чтобы ты мог восстановить согласие.

Но если ты отвергнешь все и продолжишь свое надменное беззаконие, я выступлю против тебя вместе с мусульманами и попрошу Бога рассудить нас, ибо Он — лучший из судей».[606]

Письмо доставили Муавии Джундаб ибн Абдаллах аль-Азди, один из давних сторонников Али, и аль-Харис ибн Сувайд аль-Тайми из Тайм аль-Рибаб.[607]

Муавия прекрасно знал миролюбивый характер аль-Хасана и от своих шпионов понимал, что тот не собирается нападать.

Сам Муавия тоже хотел избежать нового полномасштабного столкновения с куфийцами и басрийцами, поэтому угрожать и запугивать внука Пророка не имело смысла.

Его привычный прием — возлагать на противников вину за кровь Усмана, который он столь успешно использовал, по крайней мере для сирийской аудитории, против Али, — теперь был рискованным: даже сирийцы, вероятно, знали, что аль-Хасан находился среди защитников дворца в Медине.

Следовало действовать иначе: обращаться с ним с величавой снисходительностью, льстить ему и обманывать ложными обещаниями.

Муавия перевернул формулу обращения:

«От раба Божьего, Повелителя верующих, аль-Хасану ибн Али».

Отвечая на письмо, он полностью согласился с похвалой аль-Хасана Мухаммаду. Но затем заявил, что, говоря о смерти Пророка и раздорах мусульман после нее, аль-Хасан фактически обвинил Абу Бакра ас-Сиддика, Умара аль-Фарука, Абу Убайду аль-Амина, аз-Зубайра — «апостола» (*хавари*) Посланника, — а также праведных мухаджиров и ансаров.

«Мне это не понравилось, — писал Муавия, — ведь ни в моих глазах, ни в глазах людей ты не считаешься подозрительным человеком, несправедливым или низким. Я хотел бы слышать от тебя здравые слова и доброе упоминание».

Далее Муавия принялся поучать аль-Хасана.

Когда Община разошлась во мнениях после смерти Пророка, писал он, никто не отрицал достоинств его семьи, их ранних заслуг, родства с ним, их положения в исламе и среди мусульман.

Но вся Община признала близость курайшитов к Пророку и выбрала Абу Бакра как одного из первых принявших ислам, лучше всех знавшего Бога, наиболее дорогого Ему и самого стойкого в Его деле.

Таково было мнение людей разума, веры, достоинства и заботы об Общине — тех самых людей, которых родственники аль-Хасана несправедливо обвиняют.

---

606 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 55–57; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 24–25.

607 Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 25; Ибн Асам, Futuh, IV, 152.

Если бы мусульмане нашли среди семьи Пророка человека, равного Абу Бакру по способностям и способного так же охранять святыни мусульман, они бы не отвернули от них право власти.

Нынешнее положение Муавии по отношению к аль-Хасану, продолжал он, такое же, как положение Абу Бакра после смерти Пророка.

Если бы Муавия знал, что аль-Хасан лучше него управляет подданными, эффективнее собирает налоги и искуснее обманывает врага, он без колебаний принял бы его призыв, ибо признал бы его достойным власти.

Но Муавия знал, что дольше находится у власти, лучше разбирается в делах Общины, опытнее в государственном управлении и старше по возрасту.

Поэтому, утверждал он, правильнее было бы, чтобы аль-Хасан признал: положение, на которое он претендует, принадлежит самому Муавии.

Если аль-Хасан подчинится ему, после смерти Муавии власть перейдет к нему.

Все деньги, находящиеся сейчас в казне Ирака, он сможет взять и увезти куда пожелает.

Земельный налог любой области Ирака, которую он выберет, будет отдан ему на расходы, а доверенный человек сможет ежегодно собирать эти средства и передавать ему.

Аль-Хасан будет защищен от всякого вреда; решения не станут принимать без него, и никто не осмелится отказать ему в деле, которое он потребует в повиновении Богу.

Передавая письмо Муавии аль-Хасану, Джундаб ибн Абдаллах предупредил своего имама:

«Этот человек идет на тебя. Выступи против него первым, чтобы сразиться с ним на его земле. И даже тогда он не сможет добраться до тебя, прежде чем увидит битву страшнее дня Сиффина».

Аль-Хасан ответил, что последует его совету.

Но Джундаб добавил:

«После этого он перестал советоваться со мной и вел себя так, словно забыл мои слова».[608]

На самом деле аль-Хасан не ответил на письмо Муавии.

Он понимал, что его щедрые обещания обманчивы, да и сами эти предложения его не интересовали.

Зная о личной трусости Омейяда, аль-Хасан, по-видимому, надеялся: если он не будет трогать Муавию, тот тоже оставит его в покое.

Теперь Муавия прислал более угрожающее письмо:

«Остерегайся возлагать надежды на чернь и надеяться найти слабое место в нашей броне. Но если откажешься от своего пути и присягнешь мне, я сохраню обещанное и выполню то, что тебе предложил…

---

608 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 57–59; аль-Балазури, Ansab, III, 31–32. Версия письма Муавии у Ибн Аби аль-Хадида со ссылкой на аль-Мадаини содержит резкое обвинение Али в убийстве Усмана и узурпации власти без шуры.

После меня халифат будет твоим, ибо ты более всех достоин его».

Ответ аль-Хасана был слаб:

«Твое письмо дошло до меня, и в нем ты упоминаешь то, что упоминаешь. Я воздержался от ответа, чтобы не совершить против тебя несправедливость (*абги*). Прибегаю к защите Бога от этого. Следуй истине, и ты узнаешь, что я достоин ее. Пусть вина падет на меня, если мои слова окажутся ложью».[609]

Теперь Муавия окончательно убедился, что сможет проглотить Ирак без битвы.

Он разослал своим наместникам и военачальникам приказ о мобилизации и воздал хвалу Богу, который избавил их от врага и убийц их халифа и по Своей благости и мудрому промыслу послал против Али ибн Аби Талиба одного из Своих рабов, который тайно нанес ему смертельный удар.

Теперь сторонники Али, писал он, разделены и враждуют между собой, а письма от их знати и командиров уже приходят к нему с просьбами о прощении для них самих и их племен.

«Так поспешите ко мне, когда получите это письмо, со своими воинами, решимостью и хорошим снаряжением. Ибо, хвала Богу, вы получите месть и достигнете желаемого, а Бог погубит людей мятежа и беззакония».[610]

На этот раз Муавию не пришлось уговаривать лично участвовать в походе.

Когда Амр ибн аль-Ас увидел его внезапную решимость выступить самому, он насмешливо заметил:

«Клянусь Богом, Муавия понял, что лев Али погиб, коварно убит ничтожными верблюжьими жеребятами».[611]

Оставив ад-Даххака ибн Кайса аль-Фихри своим заместителем в Дамаске, [612]Муавия выступил со всей армией, численность которой, по сообщениям, достигала 60 000 человек, и [613]перешел Евфрат у Джиср-Манбиджа.

Только теперь аль-Хасан начал действовать.

Он отправил Худжра ибн Ади к местным наместникам с приказом готовиться к походу и обратился к куфийцам с довольно прохладной военной речью.

Бог, сказал он, предписал Своему творению джихад и назвал его ненавистной обязанностью — *курх* (Коран 2:216).

Ему сообщили, что Муавия, узнав о намерении выступить против него, сам двинулся навстречу.

Поэтому аль-Хасан призвал людей собраться в военном лагере ан-Нухайла, где они решат, что делать дальше.

---

609 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 59–60.

610 Там же, 60. По аль-Балазури, Муавия собрал армию еще до первого письма аль-Хасана и уже тогда торжествующе говорил о смерти Али, подчеркивая молодость и неопытность его сына.

611 Аль-Балазури, Ansab, III, 37. Молодые самцы верблюда в арабской поговорке символизировали ничтожество и низость.

612 Там же, 36.

613 Ибн Асам, Futuh, IV, 153.

Сначала никто не откликнулся.

Некоторые племенные вожди, получавшие деньги от Муавии, явно не горели желанием выступать.

Тогда поднялся Ади ибн Хатим и стал укорять их:

неужели они не ответят на призыв своего имама, сына дочери Пророка?

Обратившись к аль-Хасану, он заверил его в послушании и сразу отправился в лагерь.

Затем другие верные сторонники Али — Кайс ибн Сад, Макиль ибн Кайс и Зияд ибн Хасафа — также стали упрекать людей и призывать их последовать примеру Ади.

Аль-Хасан похвалил их и позднее присоединился к ним в ан-Нухайле, куда люди уже стекались в значительном числе.

Своим заместителем в Куфе он назначил аль-Мугиру ибн Науфаля ибн аль-Хариса ибн Абд аль-Мутталиба, велев ему побуждать людей к войне и отправлять всех отстающих вслед за армией.

В Дайр Абд ар-Рахман аль-Хасан остановился на 3 ночи, ожидая прибытия новых воинов.

Он вызвал Убайдаллаха ибн аль-Аббаса и назначил его командовать авангардом из 12 000 человек с приказом двигаться вдоль Евфрата к Маскину.

Там Убайдаллах должен был задержать Муавию до прибытия аль-Хасана с основной армией.

Он не должен был начинать бой, если враг не нападет первым, и обязан был советоваться с Кайсом ибн Садом и Саидом ибн Кайсом, которые в случае его гибели должны были поочередно принять командование.

Убайдаллах двинулся через Шинвар и Шахи вдоль западного берега Евфрата, затем к аль-Фаллудже и Маскину.[614]

То, что аль-Хасан предпочел Убайдаллаха ибн аль-Аббаса воинственным Кайсу ибн Саду и Саиду ибн Кайсу, отражало его по-прежнему сильное нежелание вступать в сражение.

Он все еще надеялся договориться о мире с Муавией.

Аль-Хасан знал: Убайдаллах прекрасно понимает его настроение и, как прежде во время своего наместничества в Йемене, постарается сделать все, чтобы избежать боя.

Он даже не попросил Абдаллаха ибн аль-Аббаса, призывавшего его решительно продолжать войну против Муавии, привести в его армию басрийцев.[615]

Тем временем аль-Хасан двинулся на север через Хаммам Умар и Дайр Каб к Сабату близ аль-Мадаина.

Там во время утренней молитвы он произнес проповедь.

---

614 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 62–63; аль-Балазури, Ansab, III, 32–33.

615 Велльхаузен ошибочно считал, что именно Абдаллах ибн аль-Аббас, а не Убайдаллах, был доверенным лицом аль-Хасана, первым предавшим его ради мира с Муавией.

Он заявил, что просит Бога сделать его самым искренним среди Его творений по отношению к Его творениям.

Он не питает злобы или ненависти ни к одному мусульманину и не желает никому зла и вреда.

«То, что вы ненавидите в единстве, — сказал он, — лучше того, что вы любите в расколе».

Он уверял людей, что заботится об их интересах лучше, чем они сами, и просил их не противиться его решениям и не спорить с ним.[616]

Его люди переглянулись и решили — вероятно, совершенно справедливо:

«Он хочет заключить перемирие с Муавией и отдать ему власть. Он слаб и растерян».

Начался мятеж.[617]

Люди ворвались в шатер аль-Хасана и разграбили его, вырвав даже молитвенный коврик из-под него.

Затем Абд ар-Рахман ибн Абдаллах ибн Джаал аль-Азди напал на него, сорвал с плеч одежду и оставил полураздетым, вцепившимся в меч.

Аль-Хасан велел привести коня и уехал в окружении слуг и нескольких преданных сторонников.

Они отталкивали тех, кто пытался до него добраться, тогда как другие по-прежнему упрекали его и называли слабаком за сказанное им.

Он попросил друзей призвать племена Рабиа и Хамдан — наиболее верные его отцу.

Те окружили аль-Хасана и оттеснили толпу.

Но среди них затесались и другие.

Когда процессия проходила через Музлим Сабат, аль-Джаррах ибн Синан из бану Наср ибн Куайн племени Асад ибн Хузайма, человек с хариджитскими симпатиями, схватил поводья коня аль-Хасана и крикнул:

«Бог велик! Хасан, ты приобщил к Богу сотоварищей, как до тебя твой отец!»

После этого он ударил аль-Хасана киркой в бедро и глубоко рассек его.

Аль-Хасан, обхватив нападавшего, ударил его мечом, и оба упали на землю.

Абдаллах ибн аль-Хисл [618]бросился на аль-Джарраха, вырвал у него кирку и ударил ею в живот.

Зубьян ибн Умара ат-Тамими набросился на него и отрубил ему нос.

Затем подоспели другие и забили нападавшего насмерть обожженными кирпичами, раздробив лицо и голову.

---

616 В версии аль-Мадаини, приведенной Ибн Аби аль-Хадидом, аль-Хасан якобы цитировал Али: «Не тяготитесь правлением Муавии». Автор считает это сообщение очевидно недостоверным.

617 Куфийская усманитская традиция утверждала, будто мятеж вызвало ложное известие о гибели Кайса ибн Сада. Автор расценивает этот рассказ как явно антишиитскую выдумку, изображающую сторонников Али столь непостоянными и недисциплинированными, что при дурной вести они напали на собственного имама.

618 Аль-Мадаини называет этого человека Убайдаллахом ат-Таи.

Аль-Хасана на носилках доставили в аль-Мадаин, где он остановился у наместника Сада ибн Масуда ас-Сакафи для лечения раны.[619]

Муавия тем временем прошел от Джиср-Манбиджа через ар-Ракку, Насибин и Мосул к аль-Ахнунийе — позднейшей Харбе — [620]возле Маскина.

Повсюду он успокаивал население и объявлял амнистию.

Когда туда подошел и куфийский авангард Убайдаллаха, Муавия отправил к куфийцам Абд ар-Рахмана ибн Самуру ибн Хабиба ибн Абд Шамса.

Тот сообщил им, будто Муавия получил письма от аль-Хасана с просьбой о перемирии, что именно ради этого он и пришел и уже приказал своим людям прекратить бой.

Муавия просил куфийцев не нападать, пока переговоры с аль-Хасаном не завершатся.

Вероятно, это было ложью.

Однако у Муавии были основания полагать, что ему удастся запугать аль-Хасана и заставить его уступить.

Куфийцы объявили посланника лжецом и осыпали бранью.

Тогда Муавия отправил Абд ар-Рахмана к самому Убайдаллаху для тайной встречи.

Посланник поклялся ему, что аль-Хасан действительно попросил Муавию о перемирии.

Муавия предлагал Убайдаллаху 1 000 000 дирхамов: половину сразу, вторую половину — в Куфе, если он перейдет на его сторону.

Зная склонность аль-Хасана к мирному соглашению ради сохранения мусульманской крови, Убайдаллах принял предложение и ночью перебежал в лагерь Муавии.

Муавия был чрезвычайно доволен и выполнил свое обещание.[621]

Когда Убайдаллах был столь радушно принят Муавией, он увидел рядом с ним Бусра ибн Аби Артата и спросил:

«Ты приказал этому проклятому убить моих двух сыновей?»

Халиф ответил:

«Клянусь Богом, не приказывал — и сам ненавидел это».

Это было меньше чем полуправдой.

Вероятно, Муавия действительно не давал прямого приказа убить именно этих двух мальчиков, однако он несомненно приказал Бусру убивать всех хашимитов, которых тот сможет захватить.

Невозможно представить, чтобы Буср осмелился убить потомков Абд Манафа — родственников своего господина — без явного разрешения.

---

619 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 63–64; аль-Балазури, Ansab, III, 34–36. Историю о том, будто молодой аль-Мухтар советовал своему дяде заковать аль-Хасана и выдать его Муавии, автор считает анти-мухтаровской клеветой.

620 См. Якут, Buldan, I, 167.

621 Аль-Балазури, Ansab, III, 37–38; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 64–65.

Муавия не наказал и даже не упрекнул Бусра за поступок, который теперь якобы осуждал.

Напротив, он наградил его за зверства, назначив командиром своего авангарда.

У Бусра были все основания прийти в ярость от такой демонстрации лицемерия за его счет.

Он бросил меч перед Муавией и воскликнул:

«Забери его у меня! Ты приказал мне поражать им людей, и я исполнял твой приказ. А теперь говоришь этому человеку то, что только что сказал, хотя еще вчера он был твоим врагом, а я — твоим искренним помощником и сторонником против него».

Муавия ответил:

«Подними свой меч. Ты, видно, слаб умом, если бросаешь меч перед человеком из бану Хашим, сыновей которого убил».

Это была пустая лесть: Муавия прекрасно знал, что Убайдаллах ибн аль-Аббас не тот человек, который станет мстить за сыновей.

Подняв меч, униженный Буср услышал, как Убайдаллах хвастливо сказал:

«Клянусь Богом, я не стал бы убивать Бусра за одного из своих сыновей — он слишком низок, подл и ничтожен для этого.

Клянусь Богом, я не считаю себя отомщенным за обоих, пока не доберусь до Язида и Абдаллаха, сыновей Муавии».

Муавия лишь рассмеялся:

«А в чем вина Язида и Абдаллаха? Клянусь Богом, я не приказывал, не знал и не желал этого».[622]

На следующее утро куфийцы напрасно ждали Убайдаллаха, чтобы тот вышел и возглавил утреннюю молитву.

Тогда командование принял Кайс ибн Сад.

В проповеди он резко осудил Убайдаллаха, его отца и брата, заявив, что от них никогда не было добра.

Аль-Аббас выступил против собственного племянника — Пророка — при Бадре, попал в плен к ансару Абу аль-Юсру Кабу ибн Амру и был выкуплен.

Абдаллах, назначенный Али наместником Басры, похитил деньги Бога и мусульман и купил на них рабынь, утверждая, что имеет на это право.

А нынешний Убайдаллах, будучи наместником Йемена, бежал от Бусра ибн Аби Артата, бросив двух сыновей на смерть, — а теперь сделал то же самое здесь.

Воины закричали:

«Хвала Богу, что Он избавил нас от него! Веди нас против врага!»

Кайс был именно тем человеком, которого они хотели видеть во главе.[623]

---

622 Аль-Балазури, Ansab, II, 459–460; рассказ по Хишаму аль-Кальби. Сюжет встречается во многих вариантах.

623 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 65.

Муавия решил, что бегство Убайдаллаха сломило дух противника, и послал Бусра с отрядом склонить их к сдаче.

Кайс атаковал его и отбросил.

На следующий день Буср пришел с более крупными силами, но снова потерпел поражение.

Тогда Муавия написал Кайсу, предлагая взятки и приглашая его перейти на свою сторону.

Кайс ответил, что встретится с ним только с копьем между ними.

В следующем письме Муавия назвал его «иудеем, сыном иудея», который стремится погибнуть ради награды, которой все равно никогда не получит.

Он писал: если победит партия, дорогая Кайсу, самого Кайса отстранят и заменят; если же победят его враги, его станут пытать и убьют.

Отец Кайса, добавлял Муавия, уже пускал стрелы в бесплодной борьбе, пока собственный народ не оставил его, и он не погиб изгоем в Хауране.

Кайс ответил, назвав Муавию «идолом, сыном мекканского идола»:

«Ты вошел в ислам по принуждению, оставался в нем из страха и покинул его добровольно — без того, чтобы вера когда-либо предшествовала этому и без того, чтобы лицемерие было чем-то новым для тебя».

Отец Кайса, писал он, сражался честно и попадал в цель, но против него поднял людей тот, «чью пыль ты не способен рассечь и [624]до чьей щиколотки не достаешь».

Муавия назвал его иудеем, сыном иудея, однако:

«Ты и люди знают, что я и мой отец — из ансаров религии, которую ты покинул, и враги религии, к которой ты присоединился».

Муавия умолк.

Амр ибн аль-Ас предложил ответить, но Муавия признался, что боится: следующий ответ Кайса может оказаться еще хуже.[625]

Когда пришли вести о мятеже против аль-Хасана и его ранении, обе стороны прекратили боевые действия, ожидая дальнейшего развития событий.

Теперь Муавия отправил к аль-Хасану двух посланников — Абдаллаха ибн Амира ибн Курайза и Абд ар-Рахмана ибн Самуру.

Ибн Амир умолял аль-Хасана пощадить кровь Общины Мухаммада.

Муавия, говорил он, упрям, поэтому аль-Хасану следует самому не проявлять упрямства, иначе между ними погибнет народ.

Муавия назначит его своим преемником и даст все, чего он пожелает.

Абд ар-Рахман ибн Самура говорил в том же духе.

Аргумент о сохранении мусульманской крови явно совпадал с собственными чувствами аль-Хасана.

---

[624] Выражение «рассечь чью-либо пыль» означало «сравниться с ним, догнать его». Кайс таким образом ставил Муавию, хваставшегося превосходством над Умаром, на его «настоящее место».

[625] Аль-Балазури, Ansab, III, 39–40; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 65–66.

Он принципиально принял предложение и отправил Амра ибн Салиму аль-Хамдани аль-Архаби и своего зятя Мухаммада ибн аль-Ашаса аль-Кинди обратно к Муавии в качестве своих переговорщиков вместе с посланниками последнего.

Муавия написал теперь письмо в подчеркнуто смиренном тоне:

«Аль-Хасану ибн Али — от Муавии ибн Аби Суфьяна».

Он заявлял, что заключает с ним мир на условии, что после него власть перейдет к аль-Хасану.

Он торжественно поклялся Богом и Посланником Мухаммадом, что не причинит аль-Хасану несправедливости и не станет замышлять против него зло.

Он будет ежегодно выплачивать ему из казны (*байт аль-мал*) 1 000 000 дирхамов, а земельный налог Фасы и Дарабджирда будет принадлежать ему.

Аль-Хасан сможет посылать туда собственных сборщиков и распоряжаться доходами обеих областей по своему усмотрению.

Письмо засвидетельствовали 4 посланника.

Оно было датировано месяцем раби II 41 года хиджры — августом 661 года.

Прочитав письмо, аль-Хасан заметил:

«Он пытается пробудить во мне жадность к тому делу, которое я, если бы действительно желал его, не уступил бы ему».

Затем он послал к Муавии Абдаллаха ибн аль-Хариса ибн Науфаля ибн аль-Хариса ибн Абд аль-Мутталиба, мать которого Хинд была сестрой Муавии, с поручением:

«Иди к своему дяде и скажи ему: если ты гарантируешь людям безопасность, я присягну тебе».

Муавия дал ему чистый лист со своей печатью внизу и предложил аль-Хасану вписать любые условия.

Аль-Хасан написал, что заключает мир с Муавией и передает ему власть над мусульманами при условии, что тот будет править согласно Книге Бога, Сунне Его Пророка и практике праведных халифов.

Он постановил, что Муавия не имеет права назначать себе преемника, а вопрос должен решаться советом — *шурой*.

Людям, где бы они ни находились, должна быть гарантирована безопасность их жизни, имущества и детей.

Муавия не должен тайно или открыто причинять вред аль-Хасану и не должен запугивать никого из его сторонников.

Документ засвидетельствовали Абдаллах ибн аль-Харис и Амр ибн Салима и доставили Муавии, чтобы тот ознакомился с условиями и подтвердил согласие.[626]

Муавия двинулся с армией из Маскина к Куфе и сначала расположился между ан-Нухайлой и продовольственным складом.

Аль-Хасан и Кайс ибн Сад также вернулись со своими людьми в ан-Нухайлу.

---

626 Аль-Балазури, Ansab, III, 40–42. У Ибн Асама содержится несколько более пространная версия.

Перед уходом из аль-Мадаина аль-Хасан обратился к воинам с проповедью и процитировал Коран 4:19:

«Быть может, вам ненавистно что-либо, а Бог заключил в этом великое благо».

Когда он встретился с Муавией в Куфе, он и Амр ибн Салима аль-Хамдани публично присягнули ему.

Муавия потребовал:

«Встань и оправдайся».

Сначала аль-Хасан отказался, но Муавия настоял.

Тогда аль-Хасан напомнил народу, что он и его брат аль-Хусайн — единственные внуки Пророка.

Муавия оспаривал право, принадлежавшее аль-Хасану, но аль-Хасан уступил его ради пользы Общины и сохранения ее крови.

«Вы присягнули мне на условии, что будете хранить мир с теми, с кем заключу мир я.

Я счел правильным примириться с ним и присягнул ему, ибо все, что сохраняет кровь, я считаю лучше того, что приводит к ее пролитию.

Я желал вам блага, а то, что я сделал, должно служить доводом против всякого, кто жаждет власти».[627]

В собственной речи перед куфийцами в ан-Нухайле Муавия изложил свое представление о правильном государственном управлении.

Он заявил, что, хорошо обдумав дело, понял: люди будут вести себя надлежащим образом лишь при соблюдении 3 условий.

Во-первых, врага следует встречать на его собственной земле, иначе он нападет первым.

Во-вторых, жалованье и продовольствие необходимо выдавать вовремя.

В-третьих, походы в близлежащие области должны продолжаться 6 месяцев, а в отдаленные — год.

Затем он напомнил, что давал обещания, соглашался на условия и возбуждал надежды.

Но делал это лишь затем, чтобы погасить огонь мятежа, прекратить войну, задобрить людей и успокоить их.

В наиболее резких версиях этой речи Муавия прямо заявил:

все обещания, данные аль-Хасану и кому бы то ни было еще, — грязь у него под ногами, и выполнять их он не намерен.[628]

Затем он крикнул:

---

627 Аль-Балазури, Ansab, III, 42–44. Многие сторонники аль-Хасана открыто осудили его за капитуляцию. Суфьян ибн Аби Лайла назвал его «унижающим верующих», а Худжр ибн Ади заявил: «Ты очернил лица верующих». Аль-Хасан неизменно отвечал, что стремился сохранить их кровь.

628 Абу аль-Фарадж, Maqatil, 69; Ибн Асам, Futuh, IV, 164; аль-Балазури, Ansab, III, 44, 48. Куфийский традиционалист Абу Исхак ас-Сабии, утверждавший, что сам слышал слова Муавии, добавил: «Клянусь Богом, он был совершенно вероломен».

«Божья защита снимается со всякого, кто не выйдет и не принесет присягу.

Я отомстил за кровь Усмана — да погубит Бог его убийц! — и вернул власть тем, кому она принадлежит, несмотря на злобу некоторых людей.

Мы даем вам 3 ночи.

Кто за это время не присягнет, не будет иметь ни защиты, ни прощения».

Люди поспешили со всех сторон приносить присягу.[629]

Ни один проницательный наблюдатель политической игры не мог сомневаться, что Муавия и не собирался исполнять невероятно щедрые обещания, сделанные под благородным предлогом прекращения войны.

Однако к публичному признанию их обманом его подтолкнула вовсе не внезапно проснувшаяся честность.

Рядом стояла огромная сирийская армия, чей шовинистический патриотизм он сам разжег до предела клятвами отомстить за несправедливо убитого халифа.

Это вынудило его раскрыть карты быстрее, чем он, обычно осторожный человек, хотел бы.

В то же время эти люди понадобились бы ему снова, поэтому он не мог признаться, что и клятвы мести были лишь военным обманом.

Приходилось продолжать игру в притворство.

По рассказу Ибн Асама, слова Муавии вызвали немедленные протесты и брань, и он, испугавшись беспорядков, пожалел о сказанном.[630]

Более надежные источники этого не подтверждают; рассказ, вероятно, вымышлен.

Вскоре в мечети Куфы Муавия вновь хвастался своей жестокостью, желая угодить родственнику аль-Валиду ибн Укбе, опозорившему себя в этом городе.

Но пока Муавия еще стоял лагерем у Куфы, ему пришлось столкнуться с восстанием хариджитов под предводительством Фарвы ибн Науфаля аль-Ашджаи.

Фарва вместе с 500 хариджитами прежде находился в Шахразуре и воздерживался от нападений на Али и аль-Хасана.

Теперь же он не сомневался, что сражаться против Муавии дозволено, и вошел со своими людьми в Куфу.

Муавия послал против них сирийскую конницу, но мятежники отбросили ее.

Аль-Хасан к тому времени уже покинул город и отправился в Медину вместе с братом аль-Хусайном и двоюродным братом Абдаллахом ибн Джафаром.

Муавия проводил их до Кантарат аль-Хиры.

Всегда охотно заставлявший других вести его войны, Муавия послал вслед аль-Хасану приказ вернуться и сражаться с хариджитами.

Аль-Хасан уже достиг аль-Кадисии и ответил:

«Я отказался от борьбы с тобой, хотя по закону имел на нее право, ради мира и примирения Общины.

---

629 Аль-Балазури, Ansab, III, 46–47.

630 Ибн Асам, Futuh, IV, 164.

И ты думаешь, что теперь я стану сражаться вместе с тобой?»[631]

Тогда халиф обратился к куфийцам и пригрозил: если они сами не расправятся со своими мятежными братьями, он отменит дарованное им прощение.

Он сказал им:

«Я воевал с вами не потому, что хотел заставить вас молиться, поститься, совершать хадж или платить милостыню — вы и так все это делали.

Я воевал с вами ради того, чтобы повелевать вами как ваш эмир.

И Бог дал мне это, хотя вы того и не желали».[632]

Хариджиты, в свою очередь, попросили куфийцев оставить их в покое, ведь они сражаются с их общим врагом Муавией.

Если победят они — куфийцы избавятся от Муавии.

Если победит Муавия — куфийцы избавятся от хариджитов.

Но ненависть куфийцев к хариджитам ослепила их, и они настояли на войне.

Хариджиты сказали:

«Да помилует Бог наших братьев из Нахравана. Они знали вас, жители Куфы, лучше всех».

Когда собственное племя Ашджа захватило Фарву ибн Науфаля, хариджиты избрали своим вождем Абдаллаха ибн Аби аль-Хауса ат-Таи и погибли вместе с ним.[633]

Когда басрийцы узнали о капитуляции аль-Хасана и поведении Муавии в Куфе, они подняли волнения и объявили, что не признают власть нового халифа.

Абдаллах ибн аль-Аббас в рассказах уже не упоминается — вероятно, он покинул Басру сразу после отречения аль-Хасана.

Хумран ибн Абан из бану ан-Намир ибн Касит племени Рабиа, бывший клиент Усмана, которого тот когда-то сослал в Басру, поднял восстание и захватил город.

Сначала Муавия собирался послать для подавления басрийцев человека из бану аль-Кайн, имевшего кровную вражду с ними.[634]

Но либо Убайдаллах, либо Абдаллах ибн аль-Аббас [635]отговорил его, и Муавия отправил Бусра ибн Аби Артата.

Буср прибыл в Басру в раджабе 41 года хиджры — ноябре 661 года — и, по-видимому, без труда подавил мятеж Хумрана.

Он подтвердил свою репутацию убийцы детей, пригрозив казнить сыновей Зияда ибн Абихи, который все еще удерживал Истахр и не признавал власть Муавии.

В данном случае, правда, угроза могла быть лишь спектаклем: Муавия был уверен, что сумеет купить Зияда — пусть и за немалую цену.

---

631 Аль-Балазури, Ansab, III, 46; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 14–15.

632 Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 15; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 70.

633 Ат-Табари, II, 9–10.

634 В начале правления аль-Хасана Муавия, как сообщается, послал шпионов в Куфу и Басру. Оба были схвачены и убиты. Вероятно, этим объяснялся его выбор человека из аль-Кайна для расправы с басрийцами.

635 Большинство источников называет здесь Убайдаллаха ибн аль-Аббаса. Однако путаница с Абдаллахом вполне возможна; последний мог находиться при Муавии после ухода из Басры, и его совет о положении в городе был бы логичнее.

Когда сводный брат Зияда по матери Абу Бакра заступился за племянников, Буср ответил, что действует по приказу Муавии, но разрешил ему обратиться к Повелителю верующих.

Муавия немедленно приказал освободить сыновей Зияда.

После долгого торга с самим Зиядом о добыче — о «деньгах мусульман», отложенных им во время наместничества, — Муавия позволил ему присвоить их, а затем увенчал взятку официальным признанием Зияда сыном собственного отца.

Теперь Зияд был готов выдать бывших союзников, оказавшихся менее продажными, под нож Муавии.

41 год хиджры вошел в историю как *ам аль-джамаа* — «год Общины».

Фитна, межмусульманская война, завершилась.

Единство Общины под властью одного халифа было восстановлено.

Но воскресла уже не прежняя Община.

Всеобщее исламское братство и уважение к святости мусульманской крови, установленные Пророком, больше не вернулись.

Расколы, открывшиеся в ходе войны, не зажили.

Напротив, они становились глубже и тверже.

Омейядская власть, чья легитимность, как заметил Велльхаузен, основывалась на притязании отомстить за халифа Усмана, продолжала натравливать мусульман друг на друга, разжигая подозрительность, недоверие, ненависть и постоянную вражду.

Лишь при благочестивом халифе Умаре II была предпринята недолгая попытка широкого примирения между группировками вместо управления посредством провокаций, репрессий и угнетения.

Изменился и сам халифат.

Суннитская традиция осознавала глубину этой перемены и приписывала Пророку предсказание, согласно которому «преемство пророчества» (*хилафат ан-нубувва*) продлится 30 лет, после чего наступит «кусающаяся царская власть» — *мульк адуд*.

Принцип *сабика* — ранние заслуги и служение делу ислама — больше не признавался критерием выбора преемника Пророка.

Отныне личность наместника Бога на земле определяли мечи и солдатские сапоги — естественная опора деспотизма.

Подлинное содержание титула «Наместник Бога», принятого Усманом, — представление о правителе, стоящем над исламом, а не подчиненном ему, от которого сам Усман в конце концов лично отшатнулся, — теперь полностью воплотили Муавия и его преемники.

Халиф стал аналогом и преемником римско-византийского императора.

Он присвоил старые коронные земли, завоеванные мусульманскими армиями, как свое божественное право.

Он правил мусульманами как подданными, став абсолютным господином их жизни и смерти.

Сам он стоял выше закона и закона воздаяния — *lex talionis* — и по собственному усмотрению убивал всякого, кого считал возможной угрозой своей власти.

В более широкой исторической перспективе теперь ислам оказался поглощен государством.

Как 3 века прежде римско-византийский деспотизм присвоил христианство, задушил его пацифистское религиозное ядро и превратил его в инструмент имперского господства и репрессий, так теперь государство присвоило ислам.

Оно задушило его дух религиозного братства и общинности и стало использовать его как средство репрессивного социального контроля, эксплуатации и военного устрашения.

Римский император, которого в языческие времена обожествляли, чтобы подданные поклонялись ему, со времен Константина стал главой христианской церкви — наместником Христа на земле.

Сам Христос из Спасителя и брата людей превратился в грозного Пантократора и Судью.

Омейядский халиф — соперник и преемник римского императора во всем, кроме имени, — стал Наместником Бога на земле.

А Бог в такой системе прежде всего требовал абсолютного повиновения и беспрекословного подчинения Его произвольному Решению и Повелению.

Теперь арабы получили именно то, чего большинство из них так долго боялось и чему столь упорно сопротивлялось.

Они лишились свободы и племенной автономии и превратились в подданных государства, принявшего форму традиционной монархии, введенной в ислам через черный ход.

Первый шаг, как уже отмечалось, был сделан еще тогда, когда Абу Бакр превратил религиозную обязанность раздавать милостыню в исчисляемый и принудительно взимаемый налог.

Последний шаг был сделан при Муавии, когда обязанность повиноваться Повелителю верующих стала обеспечиваться угрозой смерти, а не заключения и ссылки, как при ранних халифах.

Теперь они получили, как предупреждал их Али, власть Цезаря и Хосрова.

Те, кто еще помнил прежнюю свободу, братство и уважение к жизни мусульманина при Пророке и первых халифах, вполне могли задаваться вопросом:

что общего имел государственный ислам Омейядов с посланием, которое проповедовал Мухаммад?

Глядя на отвратительного маленького самозванца, изображавшего из себя Наместника Бога на земле, они вполне могли поверить, что их Пророк произнес приписываемый ему хадис:

«Когда увидите Муавию на моей кафедре — убейте его!»

Остается лишь кратко проследить судьбы некоторых выживших участников истории раннего халифата при новом Омейядском царстве.

Внук Мухаммада аль-Хасан навсегда удалился в Медину и старался держаться в стороне от политики — как в пользу Муавии, так и против него.

Однако даже после отречения бану Хашим и сторонники Али продолжали считать его главой Дома Пророка и связывали с ним надежды на то, что после Муавии власть в конце концов перейдет к нему.

Согласно общему рассказу аль-Балазури (*калу*), аль-Хасан, основываясь на договоре с Муавией, отправил своих сборщиков налогов в Фасу и Дарабджирд.

Однако халиф будто бы поручил Абдаллаху ибн Амиру, вновь назначенному наместником Басры, подстрекнуть басрийцев заявить, что эти деньги принадлежат им по праву завоевания и что из-за аль-Хасана уменьшается их жалованье.

По некоторым сообщениям, басрийцы изгнали его сборщиков из обеих областей.

Муавия после этого якобы ограничился ежегодной выплатой аль-Хасану 1 000 000 или 2 000 000 дирхамов из земельного налога Исфахана и других мест.[636]

Все это почти наверняка вымысел.

Муавия включил налоговые доходы Фасы и Дарабджирда в первоначальное предложение аль-Хасану, чтобы испытать решимость аль-Хасана и басрийцев продолжать придерживаться постановления Умара, энергично поддержанного Али, согласно которому *фай* с завоеванных земель принадлежал завоевателям.

Скрытая цель Муавии заключалась в том, чтобы утвердить исключительное право государства на налогообложение и ограничить право гарнизонных городов получать выплаты, произвольно устанавливаемые властями.

Аль-Хасан прекрасно это понимал.

Он отверг предложение Муавии и в собственных условиях мира не потребовал никакой денежной компенсации.

Невероятно, чтобы теперь, уже открыто отказавшись воевать вместе с Муавией против хариджитов, он посылал из Медины сборщиков налогов в Иран.

Столь же маловероятно, чтобы Муавия при таких обстоятельствах ежегодно отправлял аль-Хасану 1 000 000 или 2 000 000 дирхамов, хотя договор его к этому даже не обязывал, поскольку аль-Хасан не принял первоначальное предложение.

Муавия мог какое-то время выплачивать внуку Пророка княжеское содержание, если бы тот присоединился к нему и своей недвусмысленной поддержкой как наследный принц укреплял легитимность режима.

Но когда стало ясно, что аль-Хасан решительно намерен удалиться в Медину и последовательно утверждает, что отказался от власти только ради сохранения мусульманской крови, а вовсе не потому, что признал Муавию более достойным халифата, Муавия потерял интерес к дальнейшим попыткам его задобрить.

---

636 Аль-Балазури, Ansab, III, 47.

Сирийская пропагандистская машина Муавии теперь обернулась против аль-Хасана и стала намекать, будто тот замышляет свержение власти.

Это отражено в рассказе Абд ар-Рахмана ибн Джубайра ибн Нуфайра аль-Хадрами, усманитского сторонника из Химса, [637]отец которого укорял аль-Хасана:

«Люди говорят, что ты хочешь халифата».

Аль-Хасан ответил:

«Черепа арабов были у меня в руках. Они были готовы заключать мир с тем, с кем заключу мир я, и воевать с тем, с кем объявлю войну я.

Но я оставил это, желая Лика Божьего.

Неужели теперь я стану добиваться этого через людей Хиджаза?»[638]

Разочаровавшись в надежде, что внук Пророка придаст режиму легитимность своей моральной поддержкой, Муавия попытался укрепить связи с Семьей Мухаммада браком с его внучкой Умамой — вдовой Али.

Умама была дочерью Абу аль-Аса ибн ар-Рабиа из Абд Шамса и старшей дочери Мухаммада Зайнаб.[639]

Через некоторое время после смерти Фатимы Али женился на ней, и она родила ему сына Мухаммада аль-Аусата.

После смерти Али ее двоюродный брат по отцовской линии Абд ар-Рахман ибн Мухриз ибн Хариса ибн Рабиа отвез ее в Медину.

Теперь Муавия приказал своему наместнику Марвану ибн аль-Хакаму передать ей предложение о браке.

Едва ли Умаму радовала перспектива выйти за правителя, который продолжал практику публичного проклятия ее убитого мужа и отца ее сына.

Она передала право решать вопрос о новом браке хашимиту аль-Мугире ибн Науфалю ибн аль-Харису ибн Абд аль-Мутталибу, который недолгое время был наместником Куфы при аль-Хасане.

Убедившись, что Умама полностью доверяет ему решение, аль-Мугира сам женился на ней, назначив махр в 400 динаров.

Марван сообщил Муавии.

Тот велел оставить ее в покое, поскольку она более всех имеет право распоряжаться собой.

Но поведение аль-Мугиры халиф счел достаточно подозрительным, чтобы позднее сослать его из Медины в расположенную неподалеку Вади ас-Сафра.

Там и он, и внучка Пророка умерли.

У них был сын Яхья.[640]

---

637 См. Madelung, «Apocalyptic Prophecies», 145–147, 178.

638 Аль-Балазури, Ansab, III, 49. В другом варианте: «через коз Хиджаза».

639 Абу аль-Ас ибн ар-Рабиа приходился Зайнаб двоюродным братом по матери. У них был также сын Али, умерший ребенком.

640 Аль-Балазури, Ansab, I, 400.

Щедрость Муавии к бану Хашим в основном распространялась на двоюродного брата аль-Хасана — Абдаллаха ибн Джафара ибн Аби Талиба, который после смерти Али и отречения аль-Хасана отказался от политических амбиций.

Абдаллах регулярно посещал Муавию и ежегодно получал от него 1 000 000 дирхамов, которые тратил на пиры и щедрые подарки поэтам, певцам и музыкантам Медины.[641]

Мотивы Муавии, добровольно осыпавшего деньгами хашимита, которому ничего не был должен, напоминали — хотя в более грубой форме — мотивы Умара, когда тот возвышал и приближал к себе аль-Аббаса и его сына Абдаллаха, одновременно удерживая Али, признанного главу бану Хашим, строго на одном уровне с другими старшими сподвижниками.

Абдаллах ибн Джафар не имел политической партии и, в отличие от Ибн аль-Аббаса, не занимался подрывным религиозным учительством.

Он не представлял угрозы Омейядскому режиму.

Напротив, он прекрасно соответствовал образу родственников Пророка, который Муавия хотел демонстрировать публике:

в лучшем случае — алчные расточители, любители удовольствий и женщин, совершенно непригодные для серьезного дела государственного управления, которое должно оставаться в руках славной династии.

Омейядская пропаганда отразилась и в плохо информированном рассказе аз-Зухри о переговорах аль-Хасана с Муавией, который ат-Табари предпочел куфийским сообщениям.

Аз-Зухри изображал аль-Хасана человеком, стремившимся выжать из Муавии максимум личной выгоды, а потом «войти в Общину».[642]

В его версии именно аль-Хасан первым написал Муавии и перечислил условия, на которых соглашался ему повиноваться.

Муавия получил это письмо после того, как уже послал аль-Хасану чистый лист со своей печатью, предложив вписать любые условия.

Жадный аль-Хасан якобы тут же удвоил первоначальные требования.

Муавия сохранил первое письмо аль-Хасана.

Когда они встретились, между ними возник спор о том, какое из двух писем имеет силу, и в конце концов Муавия, переиграв двурушника, не выполнил ни одного условия.[643]

Рассказ аз-Зухри — откровенная клевета на внука Мухаммада.

Муавия же изображается в полном соответствии с обычной омейядской пропагандой — хитрой лисой, *дахия*.

Однако рассказ подтверждает 2 важные вещи:

существовало 2 соглашения,

---

641 Madelung, «The Hashimiyyat», 18–22.

642 Ат-Табари, II, 3.

643 Там же, 5–6. Аз-Зухри также сообщал, в духе омейядской пропаганды, будто не аль-Хасан, а Кайс ибн Сад потребовал амнистии для себя и сторонников Али, не прося денег, а Муавия великодушно согласился.

и Муавия не выполнил условий ни одного из них.

Тенденциозные сообщения превратили аль-Хасана и в сладострастного чувственника, потратившего состояние и жизнь на бесконечные браки и разводы и содержание огромного гарема.

Фантастический, а нередко и откровенно враждебный анекдотический материал, поддерживающий этот образ, мало заслуживает доверия.

Число надежно засвидетельствованных браков аль-Хасана меньше, чем у Омейяда Усмана.[644]

Как наследник имущества Али, включая *садакат* — недвижимое имущество Пророка в Медине, которое Умар передал аль-Аббасу и Али, [645]аль-Хасан, несомненно, был состоятельным человеком.

Однако его богатство не шло ни в какое сравнение с огромными состояниями таких выдающихся сподвижников, как Тальха и аз-Зубайр, уже перешедшими к наследникам, или с богатством омейядских князей.

Кроме того, аль-Хасан получал одно из самых высоких жалований по пенсионной системе Умара и вполне мог позволить себе образ жизни курайшитской знати Медины без каких-либо княжеских субсидий Муавии.

Его интерес к женщинам не был более страстным, чем у большинства мужчин его круга, и был менее легкомысленным, чем у многих.

Отсюда ясно, что объяснение Ламменса, предложенное в его попытке очернить аль-Хасана, [646]будто Муавия обрадовался смерти внука Пророка в 49/669 или 50/670 году потому, что «его долголетие стало тяжким бременем для финансов Омейядов», [647]не выдерживает критики.

Причина радости Муавии заключалась в другом:

смерть аль-Хасана устранила препятствие на пути к назначению наследником его сына Язида — именно этого Муавия тогда настойчиво добивался.

Да, сам аль-Хасан был достаточно безобиден и едва ли намеревался возвращать себе халифат.[648]

Но многие недовольные, страдавшие под разобщающим деспотизмом Омейядов, не забыли ни о признании Муавией аль-Хасана своим законным преемником, ни об условии аль-Хасана о созыве *шуры*.

---

644 См. экскурс 7 о браках и детях аль-Хасана. Приписываемые ему 60, 70 или 90 жен и 300–400 наложниц автор считает совершенно абсурдными. По лучшим источникам, у аль-Хасана было 7–8 сыновей и 6 дочерей — число, вполне обычное для курайшитской знати и меньшее, чем у Усмана или Марвана.

645 Старший сын аль-Хасана Зайд унаследовал садакат Пророка, а второй сын, аль-Хасан ибн аль-Хасан, — управление садакат Али.

646 Речь идет о сочинении Ламменса Mo'awia, 147–154.

647 Там же, 153. Чтобы сделать довод убедительнее, Ламменс увеличил якобы полученные аль-Хасаном выплаты до более чем 5 000 000 дирхамов плюс доходы «одной области Персии». Его источник, ад-Динавари, такого требования не сообщает.

648 Проомейядская версия ад-Динавари, напротив, предполагает, что аль-Хасан сожалел о капитуляции, когда Худжр ибн Ади призывал его в Медине возобновить войну.

Именно эта ситуация придает правдоподобие сообщениям о том, что аль-Хасан был отравлен собственной женой Джадой, дочерью аль-Ашаса ибн Кайса, [649]по наущению Муавии.

Эти сообщения, вопреки часто повторяемому утверждению, принимаются не только шиитскими источниками, но и крупнейшими суннитскими историками — аль-Вакиди, аль-Мадаини, Умаром ибн Шаббой, аль-Балазури и аль-Хайсамом ибн Ади.[650]

По словам Абу Бакра ибн Хафса, правнука Сада ибн Аби Ваккаса и высоко уважаемого мединского суннитского передатчика от Урвы ибн аз-Зубайра, в то время было распространено убеждение, что Муавия отравил и аль-Хасана, и Сада ибн Аби Ваккаса, умершего в том же году.[651]

Ат-Табари умолчал об этих сообщениях не потому, как предполагал Ламменс, что считал их незначительными, а [652]потому, что видел в них потенциальную опасность для веры простого народа — *авамм*.

По той же причине он умолчал и о рассказах о признании Муавией Зияда своим незаконнорожденным братом.[653]

Погребение аль-Хасана в Медине едва не привело к вооруженному столкновению между хашимитами и Омейядами.

Согласно рассказу Урвы ибн аз-Зубайра, перед смертью аль-Хасан велел семье похоронить его рядом с дедом Мухаммадом.

Но если они опасались беды, следовало похоронить его рядом с матерью Фатимой.

Когда было предложено похоронить его возле Мухаммада, вмешался Марван и заявил:

«Усман будет лежать в Хашш Каукабе, а аль-Хасан — здесь? Не бывать этому».[654]

Бану Хашим и бану Умайя собрались со сторонниками, выставив оружие.

Абу Хурайра — на этот раз вставший на сторону Семьи Пророка — спросил Марвана:

«Ты не позволишь похоронить аль-Хасана здесь, хотя я слышал, как Посланник Божий говорил о нем и его брате аль-Хусайне, что они — господа юношей (*саййида шабаб*) обитателей Рая?»

Марван ответил:

---

649 По аль-Хайсаму ибн Ади, аль-Хасана отравила не Джада, а дочь Сухайла ибн Амра за 100 000 динаров, полученных от Муавии. Аль-Вакиди приводит и версию, по которой яд подал слуга аль-Хасана по наущению Муавии.

650 Даже в целом проомейядский Авана, по-видимому, намекает на причастность Муавии, сообщая, что тот велел Марвану немедленно уведомить его о смерти аль-Хасана.

651 Аль-Балазури, Ansab, I, 404; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 73. Абу Бакр ибн Хафс был внуком Умара ибн Сада, командовавшего куфийской армией, убившей аль-Хусайна и его спутников при Кербеле.

652 Lammens, Mo'awia, 149.

653 См. Wellhausen, Das arabische Reich, 76. Признание Зияда братом в вопиющем нарушении исламского права религиозные ученые обычно считали одним из наиболее скандальных поступков Муавии.

654 Марваниды тяжело переживали, что Усман не был похоронен рядом с Пророком вместе со своими предшественниками.

«Оставь нас. Хадис Посланника Божьего давно исчез бы, если бы его хранили только ты и Абу Саид аль-Худри. Ты ведь стал мусульманином лишь во время осады Хайбара».

Абу Хурайра возразил, что действительно принял ислам при Хайбаре, но затем постоянно находился рядом с Пророком и знал всех, кого тот любил и ненавидел, за кого молился и кого проклинал.

Увидев вооруженных людей, Аиша испугалась кровопролития и сказала:

«Комната принадлежит мне. Я не позволю никого в ней хоронить».

Мухаммад ибн аль-Ханафия предложил брату аль-Хусайну:

«Если бы он безусловно завещал похоронить себя здесь, мы бы сделали это, даже если пришлось бы умереть.

Но он оговорил: “если только вы не опасаетесь зла”.

Какое зло может быть больше того, что ты видишь сейчас?»

В итоге аль-Хасана похоронили рядом с матерью на кладбище Баки аль-Гаркад.[655]

Марван после этого присоединился к несшим носилки.

Когда его спросили почему, он воздал честь человеку, «чье великодушие (*хильм*) могло бы перевесить горы».[656]

Погребальную молитву возглавил омейядский наместник Саид ибн аль-Ас.

Радость Муавии по поводу смерти внука Пророка несколько омрачалась вопросом:

кто теперь станет признанным главой бану Хашим?

Мысль о том, что место пассивного и миролюбивого аль-Хасана может занять политически опытный и проницательный Абдаллах ибн аль-Аббас, тревожила его.

По одному сообщению, во время встречи с Ибн аль-Аббасом в Мекке Муавия заметил:

«Как удивительно: аль-Хасан выпил таифский медовый напиток с клейкой водой и умер!»

Ибн аль-Аббас ответил:

«Если аль-Хасан ушел, твой срок от этого не будет отсрочен».

Муавия сказал:

«А сегодня ты — господин своего народа».

Ибн аль-Аббас понял, что разговор становится опасным, и поспешил успокоить халифа:

«Пока жив Абу Абдаллах — аль-Хусайн, — конечно же нет».[657]

По другим сообщениям, Муавия выразил Ибн аль-Аббасу соболезнования и добавил:

«Да не причинит тебе Бог горя».

Ибн аль-Аббас ответил:

«Бог не причинит мне горя, Повелитель верующих, пока оставляет в живых тебя».

---

655 Аль-Балазури, Ansab, III, 60–62; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 13–14. Поскольку Али похоронил Фатиму тайно ночью, место ее могилы оставалось предметом споров.

656 Аль-Балазури, Ansab, III, 66–67; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 75–76.

657 Аль-Балазури, Ansab, III, 62–63.

Муавия велел подарить ему 100 000 дирхамов.[658]

Этот двоюродный брат Пророка научился обращаться с «людьми мира сего».

Сам он предпочел продолжать религиозное преподавание.

Кайс ибн Сад ибн Убада присягнул Муавии в присутствии аль-Хасана.

Он спросил аль-Хасана, освобождает ли тот его от прежней присяги, и аль-Хасан ответил утвердительно.

Перед троном Муавии для Кайса, человека огромного телосложения, придвинули стул.

Халиф спросил:

«Присягнешь мне, Кайс?»

Тот ответил:

«Да».

Но положил руку себе на бедро и не протянул ее Муавии.

Халиф наклонился с трона и сам коснулся его руки — Кайс так и не поднял ее.[659]

После этого Кайс удалился в Медину, жил там в стороне от политики и умер под конец правления Муавии — в 59/679 или 60/680 году.[660]

Муавии явно не был нужен неподкупный «иудей, сын иудея», который при Али управлял Египтом с такой мудрой сдержанностью.

Гораздо удобнее ему был Зияд — человек, которого можно купить и который способен держать подданных в повиновении, беспощадно используя их внутренние разногласия, как он прежде делал и при Али.

Но Кайс избежал судьбы своего столь же неподкупного мединского земляка Мухаммада ибн Масламы, ставшего жертвой сирийского убийцы.

Получив единоличную власть над исламским миром, Муавия успешно продолжал свое правление, прибегая к подкупу, обману, вымогательству, запугиванию и убийствам, чтобы укрепить контроль над деньгами и властью и обеспечить наследование своему малопривлекательному сыну.

Поскольку исламской легитимности у режима не было, притязание на месть за несправедливо убитого халифа оставалось его постоянной легитимирующей печатью.

Поэтому публичное проклятие Али во время соборных молитв стало важнейшим институтом.

Отменил его лишь через 60 лет благочестивый Умар II.

Во время хаджа вошло в сунну халифов поносить Али в день Арафата.

Уже после правления Умара II Абдаллах ибн аль-Валид, внук Усмана, публично напомнил халифу Хишаму, стоявшему на кафедре в Арафате:

«Повелитель верующих, это тот день, когда халифы считали желательным проклинать Абу Тураба — Али».

---

658 Там же, 63–64; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XVI, 11.

659 Аль-Балазури, Ansab, III, 50; Абу аль-Фарадж, Maqatil, 72.

660 Ибн Сад, Tabaqat, VI, 34–35; ас-Сафади, Wafi, XXIV, 284.

Хишам ответил, что приехал сюда не для того, чтобы кого-либо поносить и проклинать.[661]

Марван, архитектор омейядской династической монархии, ясно понимал значение проклятия как инструмента власти.

Однажды он сказал внуку Али — Али ибн аль-Хусайну — наедине:

«Никто среди исламской знати не был более сдержан по отношению к нашему господину, чем ваш господин».

Безобидный сын аль-Хусайна спросил:

«Тогда почему вы проклинаете его с кафедр?»

Марван ответил:

«Без этого наша власть не устоит».[662]

Особенно полезным для Муавии было публичное проклятие Али в Куфе.

Он надеялся таким образом вывести на поверхность скрытую оппозицию Омейядам и облегчить последующие репрессии.

Когда в джумада 41 года хиджры — сентябре–октябре 661 года — он назначил аль-Мугиру ибн Шубу наместником Куфы, то приказал ему:

«Никогда не прекращай поносить и порицать Али; просить Бога о милости и прощении для Усмана; унижать сторонников Али, отстранять их и не слушать их; и никогда не прекращай восхвалять сторонников Усмана — да будет доволен им Бог, приближай их к себе и выслушивай».[663]

Аль-Мугира скрупулезно выполнял указания, хотя, как оппортунист, больше склонный к политической интриге, чем к открытой конфронтации, мало симпатизировал политике Муавии, намеренно провоцировавшего насилие.

Представителем сторонников Али выступал Худжр ибн Ади.

Всякий раз, когда он слышал, как наместник в мечети поносит Али и молится за Усмана, он вставал, цитировал Коран 4:135:

«Будьте стойки в справедливости, свидетельствуя перед Богом»,

— и свидетельствовал, что тот, кого власти поносят и обвиняют, гораздо более достоин хвалы, а тот, кого оправдывают и восхваляют, гораздо более достоин порицания.

Аль-Мугира предупреждал его о гневе правителя, но затем оставлял в покое.

Сын аль-Мугиры Мутарриф, как сообщается, рассказывал, что отец безуспешно пытался убедить Муавию изменить политику.

Он говорил Повелителю верующих:

«Ты уже достиг преклонного возраста.

Если теперь проявишь справедливость и распространишь добро, покажешь заботу о хашимитских родственниках и укрепишь связи с ними, тем более что бояться их тебе уже нечего, то оставишь после себя добрую славу и заслужишь награду».

---

661 Аль-Балазури, Ansab, V, 116.

662 Там же, II, 184–185; Ибн Асакир, Ali, III, 98–99; Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, XIII, 100.

663 Ат-Табари, II, 112.

Муавия ответил:

«Где уж там. Хотел бы я верить в это.

На какую славу, которая переживет меня, я могу надеяться?

Брат из Тайма — Абу Бакр — правил, был справедлив и сделал то, что сделал.

Но стоило ему умереть — и его слава умерла вместе с ним, разве что кто-нибудь иногда скажет: “Абу Бакр”.

Потом правил брат из Ади — Умар. Он трудился, напрягался, десять лет тащил груз на плечах.

Но умер — и его слава тоже умерла, разве что иногда кто-нибудь скажет: “Умар”.

А вот Ибн Аби Кабша» — так мекканские враги называли Мухаммада— «[664]каждый день громогласно провозглашается 5 раз:

“Свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Божий”.

Какое деяние после этого способно сохраниться?

Какая слава может остаться?

Нет, клянусь Богом, остается только одно:

похоронить.

Похоронить».

Аль-Мугира, который прежде всегда хвалил перед сыном острый ум Муавии, теперь признался ему, что тот — самый неверующий и отвратительный из людей.[665]

Аль-Мугира продолжал проклинать Али и восхвалять Усмана до конца своего наместничества в 50/670 году, игнорируя протесты Худжра, становившиеся все более дерзкими.

Окружение наместника требовало расправиться с нарушителем порядка и восстановить авторитет, предупреждая, что мягкость разгневает халифа.

Но аль-Мугира отвечал:

Худжр непременно будет убит его преемником, потому что станет проявлять к нему ту же дерзость.

Сам же аль-Мугира не хотел терять будущий мир, проливая кровь лучших людей города ради укрепления власти Муавии в мире этом.[666]

Преемником аль-Мугиры стал Зияд — теперь уже официально признанный незаконнорожденным братом Муавии, который до этого некоторое время управлял Басрой.

Как и ожидал Муавия, Зияд был твердо настроен восстановить закон и порядок и готов был убивать ради демонстрации своей решимости.

На его руках уже была кровь нескольких басрийских хариджитов.

---

664 Абу Кабша, от которого происходило прозвище Мухаммада, был Ваджз ибн Галиб из Хузаа, отец Кайлы, бабушки Амины, матери Мухаммада. Сообщалось, что Абу Кабша отошел от религии своего народа и поклонялся Сириусу.

665 Ибн Аби аль-Хадид, Sharh, V, 129–130, со ссылкой на Muwaffaqiyyat аз-Зубайра ибн Баккара. Автор признает рассказ в этой форме вымышленным, но считает его отражением раннесуннитского образа Муавии до ат-Табари.

666 Ат-Табари, II, 113–114.

Эти казни, впрочем, можно было оправдать тем, что хариджиты открыто объявили войну Общине и угрожали жизни мирных мусульман.

Куфийские сторонники Али, с которыми Зияд теперь хотел расправиться, хотя и громко поносили Наместника Бога на земле, не участвовали в вооруженном мятеже и не угрожали жизни ни одного мусульманина.

Поэтому Зияду требовалось спровоцировать инцидент, который оправдал бы кровавые репрессии.

Поводом стали камешки, брошенные в его заместителя в мечети.

Зияд поспешно прибыл из Басры и произнес проповедь, угрожая Худжру показательным наказанием.

Затем он послал начальника полиции вызвать Худжра к наместнику.

Но Худжра окружили сторонники и ответили вместо него, что тот не явится.

Зияд отправил вместе с начальником полиции еще нескольких людей, но получил тот же ответ.

Тогда он обратился к племенным вождям и громовым голосом заявил:

телами они стоят рядом с ним, а их братья, сыновья и племена — с Худжром.

Он пригрозил натравить на них внешние силы.

Вожди поспешили заверить его в верности и ему, и Повелителю верующих, и в своей неприязни к Худжру.

Зияд приказал им взять племена под контроль.

Затем велел начальнику полиции и его людям вырвать шесты (*умуд*) из рыночных лавок и избивать ими мятежников, пока те не выдадут Худжра.

Сторонники Худжра были безоружны, кроме Абу аль-Аммарты, и никто не погиб.

Амр ибн аль-Хамик, правда, получил удар шестом по голове и упал.

Самого Абу аль-Аммарту тоже ударили шестом, после чего он поразил мечом Язида ибн Тарифа и повалил его на землю.[667]

Худжр ибн Ади бежал и некоторое время скрывался, переходя из квартала одного племени в другой.

Затем он добровольно сдался, получив от Зияда гарантию безопасности при условии, что его отправят на суд к Муавии.

Когда он предстал перед наместником, Зияд сказал, что после того как Бог отдал его в его руки, на помилование тот рассчитывать не может.

Он заключил Худжра в тюрьму и поклялся, что убил бы его немедленно, если бы не данная гарантия.[668]

Затем он приказал Абу Бурде, сыну Абу Мусы аль-Ашари и начальнику одного из 4 кварталов Куфы, составить обвинительный документ.

В нем утверждалось:

---

667 Там же, 114–120.

668 Там же, 126–127. По Аване, Зияд поклялся: «Клянусь Богом, я буду стремиться перерезать нить его шеи».

«Худжр ибн Ади отказался от повиновения, вышел из Общины, проклял халифа, призывал к войне и мятежу, собрал вокруг себя толпы, призывая их нарушить клятвы верности и свергнуть Повелителя верующих Муавию.

Он совершил явное неверие по отношению к Богу — *кафара би-Ллахи куфран сарихан*».

Так безобидный мятеж, искусственно спровоцированный самим наместником, был представлен как опасное вооруженное восстание и подстрекательство к гражданской войне.

А осуждение халифа — как отступничество от ислама, единственное преступление, помимо убийства и прелюбодеяния, за которое закон допускал смертную казнь.

Подписей 4 назначенных государством глав кварталов Зияду показалось мало.

Он созвал *ашраф* — знатных курайшитов и племенных вождей — и потребовал исполнить их долг.

Так он собрал 70 подписей.

Свидетельство ас-Сари ибн Ваккаса аль-Хариси записали, хотя тот вообще отсутствовал, находясь в своей налоговой области.

Шурайх ибн Хани аль-Хариси, который не давал показаний, узнал, что его имя тоже внесено в список.

Он пришел, отверг приписанное ему свидетельство и обличил подделку.

Кади Шурайх ибн аль-Харис, чьи показания особенно пригодились бы наместнику, на вопрос о Худжре заявил, что обвиняемый усердно постился и молился.

Зияд все равно включил его имя в список свидетелей.[669]

Тогда кади написал Муавии:

свидетельство, приписанное ему Зиядом, ложно.

Он свидетельствует, что Худжр — один из тех, кто совершает молитву, платит милостыню, часто отправляется в хадж и умру, велит одобряемое и запрещает порицаемое и чьи кровь и имущество неприкосновенны.

Получив обвинение и торжествующее сопроводительное письмо Зияда, Муавия сказал 2 посланникам:

«Похоже, этот человек исключил себя из числа ваших свидетелей».[670]

И затем вернулся к делу.

Из тюрьмы Худжр написал халифу, заверяя, что он и его товарищи сохраняют присягу Муавии и что свидетельствовали против них лишь враги.

Муавия постановил, что свидетельство Зияда — человека, чье мошенничество только что было ему прямо доказано, — заслуживает большего доверия.

В конце концов он освободил 6 из 14 обвиняемых, потому что за них ходатайствовали сирийские родственники.

---

669 Велльхаузен, стремившийся представить Зияда строгим, но корректным наместником, исказил рассказ Абу Михнафа, который, напротив, изображает его беспринципным и злонамеренным фальсификатором.

670 Ат-Табари, II, 137.

Но он отверг просьбу Малика ибн Хубайры ас-Сакуни из Кинды сохранить жизнь Худжру.

8 оставшимся предложили помилование, если они объявят, что отрекаются от Али и проклянут его.

Они отказались.

6 человек казнили.

2 оставшихся попросили палачей доставить их к Повелителю верующих, обещая сказать об Али все, что скажет сам халиф.

Когда Карим ибн Афиф аль-Хасами предстал перед Муавией, он сказал:

«Бойся Бога, Муавия.

Ты уйдешь из этого преходящего жилища в другое — вечное.

И там тебя спросят:

зачем ты хотел убить нас?

Почему пролил нашу кровь?»

Муавия спросил:

«Что ты скажешь об Али?»

Карим ответил:

«Скажу о нем то же, что и ты:

я отрекаюсь от той религии Али, которой он исповедовал повиновение Богу».

Муавия не собирался соблюдать свое обещание.

Но тут Шамир ибн Абдаллах из бану Кухафа, племени Хасам, попросил сохранить жизнь родственнику.

Муавия согласился, однако настоял, чтобы тот месяц провел в заключении.

Через день он посылал к нему человека с сообщением:

Ирак слишком дорог ему, чтобы позволить такому человеку там жить.

Шамир ибн Абдаллах продолжал ходатайствовать, и наконец Муавия освободил Карима при условии, что тот не вернется в Куфу до конца его правления.

Карим поселился в Мосуле и постоянно говорил:

если Муавия умрет, он вернется в город.

Но сам умер за месяц до Муавии.

Когда другой выживший осужденный — Абд ар-Рахман ибн Хасан аль-Анази — предстал перед Повелителем верующих, Муавия спросил:

«Ну, брат Рабиа, что теперь скажешь об Али?»

Он ответил:

«Оставь меня и не спрашивай. Так будет лучше для тебя».

Муавия сказал:

«Клянусь Богом, я не оставлю тебя, пока не скажешь».

Тот ответил:

«Свидетельствую, что он был из тех, кто часто поминает Бога, велит поступать справедливо, сам поступает по справедливости и прощает людей».

Муавия спросил:

«А что скажешь об Усмане?»

Абд ар-Рахман ответил:

«Он первым открыл врата угнетения и запер двери правды».

Муавия сказал:

«Ты сам себя убил!»

Абд ар-Рахман ответил:

«Нет, это я убил тебя.

Вот только в этой долине нет Рабиа».

Он имел в виду, что среди сирийцев нет представителей Рабиа, которые могли бы заступиться за него или отомстить за кровь.

Наместник Бога отправил его обратно Зияду и написал наместнику:

«Этот Анази — худший из всех, кого ты мне прислал…

Убей его самым страшным способом».

Зияд отправил пленника в Кусс ан-Назиф, где его заживо закопали в землю.[671]

Это было откровенное убийство, едва прикрытое нелепым обвинением в отступничестве.

Абу Бакр действительно создал прецедент во время Войн с вероотступниками.

Но он объявлял дозволенной войну против племен, отказавшихся признавать его преемником Пророка и платить ему налог-милостыню.

Он не узаконивал судебное убийство людей, которые признавали халифа, но осуждали его поступки.

Согласно существовавшему закону и практике, мятежников и повстанцев, не виновных в убийстве, можно было заключать в тюрьму, ссылать, разрушать их дома.

Но убивать их было нельзя.

Когда Муавия впервые советовался с сирийскими приближенными о судьбе обвиняемых, Язид ибн Асад аль-Баджали предложил расселить их по городам Сирии, где местные «тираны» — *тавагит* — сами о них позаботятся.[672]

Но для Муавии принцип, согласно которому правитель имеет право по собственному усмотрению убивать и миловать подданных, не подчиняясь закону равного воздаяния, был важнейшим инструментом управления.

Он давно ждал возможности его утвердить.

Так римская государственная идеология и тирания одержали победу над арабским племенным правом и исламом.

Шок, как и следовало ожидать, был огромным.

Муавии снова оказалось удобно воспользоваться привилегией правителя перекладывать вину на подчиненных и подданных.

---

671 Там же, II, 141–143. Велльхаузен на основании иной интерпретации считал, что Муавия обошелся с обвиняемыми сравнительно мягко.

672 Ат-Табари, II, 137.

Даже Аиша, которая после катастрофического провала своих прежних публичных выступлений обычно избегала политики, сочла, что не может молчать, несмотря на неприязнь к Али и его сторонникам.

Сообщается, что она отправила знатного махзумита Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама к Муавии просить за Худжра и его товарищей.

Но он прибыл уже после казни.

Он спросил Омейяда:

куда делось великодушие — *хильм* — Абу Суфьяна?

Муавия ответил:

оно ушло с тех пор, как великодушные люди его народа, такие как сам Абд ар-Рахман, перестали быть рядом с ним, а сын Сумайи — Зияд — подтолкнул его к этому поступку.

По другому сообщению, во время хаджа Муавия посетил Аишу.

Она спросила:

«Ты уверен, что я не спрятала здесь человека, который тебя убьет?»

Он ответил:

«Я вошел в дом безопасности».

Аиша сказала:

«Разве ты не боишься Бога за убийство Худжра и его товарищей?»

Муавия ответил:

«Не я убил его.

Его убили те, кто свидетельствовал против него».[673]

Басрийский сторонник Усмана аль-Хасан аль-Басри причислял убийство Худжра к 4 губительным преступлениям — *мубика* — Муавии.[674]

Однако убийства Муавии не ограничивались противниками его деспотического режима.

Из ревности он отравил и одного из собственных выдающихся военачальников — Абд ар-Рахмана ибн Халида ибн аль-Валида.

Абд ар-Рахман вместе с отцом, которого широко признавали настоящим завоевателем Сирии, участвовал в битве при Ярмуке.

Муавия назначил его наместником Химса — вероятно, чтобы как курайшит он уравновешивал влиятельное химьяритское присутствие.

Он возглавил несколько летних сирийских походов против Византии и сыграл заметную роль в войне Муавии с Али при Сиффине и в других местах.

Но его военные способности и популярность среди армии Северной Сирии тревожили Муавию.

Однажды он внезапно снял его с командования.

---

673 Там же, 145.

674 Там же, 146.

Это вызвало резкий обмен словами, в ходе которого гордый махзумит Абд ар-Рахман заметил:

будь они в Мекке, Муавия не осмелился бы так с ним обращаться.[675]

Когда Муавия начал подготавливать почву для наследования своему сыну Язиду, он, как сообщается, обратился к сирийским вождям:

Повелитель верующих стареет и хочет назначить вам преемника.

Он спросил, кого они считают подходящим.

Они назвали Абд ар-Рахмана ибн Халида.[676]

Халиф замолчал.

Судьба Абд ар-Рахмана была решена.

После возвращения из очередного летнего похода в Анатолию в 46/666 году один из рабов подал ему отравленный напиток, приготовленный христианским врачом Муавии Ибн Усалем по наущению халифа.

Так Муавия без труда устранил потенциального соперника.[677]

Некоторое время спустя он сказал придворному поэту Кабу ибн Джуайлю, который посвятил Абд ар-Рахману множество панегириков:

«Поэты не знают верности.

Абд ар-Рахман был твоим другом, но стоило ему умереть — и ты забыл его».

Каб отверг упрек и прочитал стихи, написанные после смерти Абд ар-Рахмана.

В них он прославлял «Меч ислама» — отца Абд ар-Рахмана — как завоевателя Дамаска, Баальбека и Химса и человека, утвердившего там Муавию ибн Харба.[678]

Муавия, должно быть, был доволен собственным достижением.

Племянник Абд ар-Рахмана — Халид ибн аль-Мухаджир ибн Халид — узнал об убийстве в Мекке, где тогда жил.

Его отец аль-Мухаджир при Сиффине сражался на стороне Али против Муавии и собственного брата Абд ар-Рахмана.

Поэтому Халид не питал особенно высокого мнения об убитом дяде.

Но через некоторое время Урва ибн аз-Зубайр побудил его отомстить христианскому отравителю.

Халид взял с собой своего клиента Нафи — крепкого и решительного человека — и отправился в Дамаск.

Там они устроили засаду и убили Ибн Усаля, когда тот выходил из дворца Муавии.

Халиф сразу догадался, что за убийством стоит Халид ибн аль-Мухаджир.

Когда его схватили и привели к Муавии, тот обвинил его в убийстве врача.

---

675 Аль-Балазури, Ansab, 4/1, 104.

676 Ламменс ошибочно превратил наводящий вопрос Муавии в нечто вроде парламентской дискуссии среди сирийских арабов.

677 Как и убийство аль-Аштара, внезапное отравление Абд ар-Рахмана ибн Халида породило поговорку. Абу Убайд аль-Касим ибн Саллам передает слова Муавии одной из рабынь: «Убей сразу и избавься от того, кого ненавидишь».

678 Аз-Зубайри, Nasab, 325.

Халид ответил:

«Я убил того, кому приказали.

А тот, кто приказал, остался».

Муавия сказал:

«Да проклянет тебя Бог!

Клянусь Богом, если бы он хотя бы раз произнес исповедание веры, я убил бы тебя за него».

Но поскольку Ибн Усаль был христианином, закон равного воздаяния на его убийство не распространялся.

Позднее Муавия приказал дать Нафи 100 ударов плетью, а Халида лишь заключил в тюрьму.

На бану Махзум он наложил выплату кровной компенсации в размере 12 000 дирхамов.[679]

За подлое убийство своего военного героя — сына «Меча ислама» — махзумиты ответили тем, что единодушно поддержали антихалифа Абдаллаха ибн аз-Зубайра против сына Муавии.[680]

Пока Муавия, казалось, успешно готовил будущее правление Суфьянидов, в его макиавеллиевской броне оставалось слабое место.

Пока легитимность династии основывалась на наследовании прав несправедливо убитого халифа, трудно было скрыть очевидное:

существовали люди, имевшие гораздо больше прав на власть, чем дальний родственник Усмана, которого сам Усман всегда держал на определенном расстоянии.

Суфьянид сумел приручить и удовлетворить поэта и брата Усмана аль-Валида ибн Укбу, чьи безудержные требования кровной мести могли на раннем этапе легко разрушить его планы.

Он, как ему казалось, обезвредил и старшего сына убитого халифа Амра, не отличавшегося политическими амбициями, выдав за него свою дочь Рамлу.

Но двоюродный брат Усмана Марван ибн аль-Хакам, архитектор Омейядского царства, был совсем другим человеком.

Муавия тщетно надеялся сдержать его амбиции, назначив наместником Медины.

Марван никогда не скрывал намерения вернуть бану Аби аль-Ас их «законное наследие» вместо Суфьянидов.

Под этим он, конечно, подразумевал самого себя.

---

679 Aghani, XV, 13. По этому рассказу, половину кровной выплаты Муавия отправил в казну, а половину присвоил. Такая практика в отношении компенсаций за смерть немусульман, находившихся под договорной защитой, сохранялась у Омейядов до Умара II.

680 Ламменс отрицал причастность Муавии и Ибн Усаля к убийству Абд ар-Рахмана. Однако участие Халида ибн аль-Мухаджира подтверждается также аз-Зубайри; версия о том, что тот отправился из Мекки в Сирию убивать врача лишь ради расположения антихристиански настроенных мусульман Химса, выглядит крайне неправдоп

Это было особенно ясно хотя бы из того, что он сам пожертвовал своим двоюродным братом Усманом, когда стало очевидно, что иначе пожертвовать придется уже Марваном.

Муавия не мог сомневаться:

с точки зрения здравого государственного расчета ради безопасности правления Суфьянидов Марвана следовало устранить.

Но перед этим родственником он был совершенно беспомощен. Злой гений Марвана и его холодно рассчитанная злоба внушали ему странную смесь очарования, восхищения и страха.

Сначала Марван попытался подтолкнуть Амра ибн Усмана к борьбе за власть. Когда Амр пожаловался на болезнь, Марван стал регулярно навещать его и оставался после того, как уходили все прочие посетители. Жена Амра, Рамла, заподозрила неладное и стала подслушивать их разговор через отверстие, которое проделала в стене.

Она услышала, как Марван говорил:

— Эти люди, — имея в виду Бану Харб ибн Умайя, — завладели халифатом лишь именем твоего отца. Что мешает тебе подняться и потребовать свое право? Ведь людей у нас наверняка больше, чем у них.

После этого он принялся перечислять мужчин из потомства Абу аль-Аса, сопоставляя каждого с одним из потомков Харба. Первых оказалось на несколько человек больше.

Когда ее муж отправился в паломничество, Рамла воспользовалась случаем, поехала к отцу в Сирию и все ему рассказала.

— Он продолжал считать, насколько мужчин у Абу аль-Аса больше, чем у Бану Харб, — сказала она, — и даже включил в счет двух моих сыновей от Амра — Усмана и Халида. Лучше бы они умерли.

Муавия написал Марвану, приведя уместные стихи, а затем добавил:

— Свидетельствую, Марван, я слышал, как Посланник Божий сказал: «Когда потомки аль-Хакама достигнут тридцати мужчин, они станут по очереди присваивать себе имущество Бога, использовать религию Бога для обмана и превращать рабов Божьих в собственных рабов».

Марван с восторгом ответил:

— Муавия, ведь я отец десятерых, брат десятерых и дядя десятерых.[681]

К женским потомкам Абу аль-Аса Марван относился куда менее трепетно. По совету Муавии он без особых колебаний избавился от своей племянницы — дочери его брата Яхьи.

Марван пригласил ее к себе, приказал выкопать колодец и прикрыть его циновками. По дороге она провалилась в яму, и колодец стал ее могилой.

Она и другая женщина, Умм Саид аль-Асламийя, много времени проводили в сомнительном обществе бисексуального певца ад-Даляля и описывались как самые

---

[681] Zubayrī, Nasab, 109–110; Balādhurī, Ansāb, 4/1, 46, 58. Этот хадис приводит Ибн Ханбаль (Musnad, III, 80), называя первым передатчиком Абу Саида аль-Худри. Как добропорядочный суннит, Ибн Ханбаль опустил имя аль-Хакама, заменив его выражением Abī Fulān — «отца такого-то» (возможно, вместо Абу аль-Аса).

бесстыдные женщины своего времени. Особенно возмутительным считалось то, что они вместе выезжали верхом и устраивали скачки, так что становились видны их ножные браслеты.[682]

Когда речь заходила об общественной морали, убийца Тальхи предпочитал выглядеть образцовым мусульманином.

Марван так и не смог заставить Амра заявить свои права на омейядский халифат. Зато его доводы сильнее подействовали на сводного брата Амра — Саида ибн Усмана.

Когда в 56/676 году Муавия потребовал присягнуть своему сыну Язиду как наследнику, мединские Омейяды — Марван, Саид ибн аль-Ас и Абдаллах ибн Амир — подчинились неохотно, открыто выражая неодобрение.[683]

Ансарам Медины наследник также был не по душе: Язид поощрял поэта аль-Ахталя сочинять на них злые насмешки.

Вскоре среди мальчишек, рабов и женщин разошлась песенка в ритме *урджузы*:

Клянусь Богом, Язиду власти не видать,
пока клинок его главу не срежет.
А после него эмиром станет Саид.

Марван, наместник Муавии, едва ли особенно старался остановить распространение этих мятежных стишков.

Когда Саид ибн Усман прибыл в Дамаск, рассчитывая получить высокий пост, халиф спросил его о песенке.[684]

Саид гордо ответил:

— А что здесь предосудительного? Разве мой отец не лучше отца Язида? Моя мать не лучше его матери? И разве я сам не лучше его? Мы поставили тебя у власти и не смещали. Мы соблюдали родственные связи с тобой и не рвали их. Благодаря нам власть оказалась в твоих руках — а ты совершенно отстранил нас от нее.

Муавия не мог не понять, кто стоял за этими речами.

Он ответил:

— Ты прав, говоря, что твой отец лучше меня и что твоя мать лучше его матери, ведь твоя мать — курайшитка, а [685]его мать — женщина из племени Кальб. Впрочем, женщине достаточно принадлежать к их достойным женщинам. А что до твоего утверждения, будто ты лучше Язида, — клянусь Богом, мне не хотелось бы, чтобы между мной и Ираком натянули веревку с такими людьми, как ты.

После этого Муавия отправил Саида к Убайдаллаху ибн Зияду в [686]Басру и приказал назначить этого хвастливого соперника своего сына командующим в войне в Хорасане.

---

682 Aghānī, IV, 64.

683 Там же, XVIII, 71.

684 Согласно рассказу ат-Табари, восходящему к аль-Мадаини, Саид просил у Муавии наместничество в Хорасане: Tabarī, II, 177. Из сообщения аль-Балазури следует, что он скорее рассчитывал получить пост наместника в Ираке.

685 Матерью Саида была махзумитка Фатима бинт аль-Валид. На этом основании Саид мог также утверждать, что благороднее своего старшего брата Амра, чья мать происходила из племени Азд.

686 Рассказ аль-Балазури (Ansāb, V, 118) анахронично называет Зияда, умершего тремя годами ранее.

Возможно, Муавия надеялся, что там Саид погибнет.

Но Саид, напротив, завоевал Самарканд.

Тогда Муавия, опасаясь, что тот заявит права на халифат, сместил его.

Саид вернулся в Медину примерно с пятьюдесятью сыновьями согдийских князей и вождей, переданных ему в качестве заложников. Он жестоко обращался с ними: отобрал дорогие одежды и раздал их своим рабам, самих заложников одел в шерсть и заставил выполнять тяжелую работу.

Они задумали убить его в огороженном саду, где работали лопатами. Убив Саида, они покончили с собой.

Марван прибыл слишком поздно, чтобы спасти племянника: вход в сад был заперт.[687]

У халифа стало одним потомком Абу аль-Аса меньше, о котором следовало беспокоиться.

Когда Муавия сместил Марвана с должности наместника Медины и назначил вместо него Саида ибн аль-Аса — вероятно, в 49/669 году, — Марван решил, что пришло время преподать своему заносчивому родственнику урок, и без приглашения отправился в Дамаск.

Его брат Абд ар-Рахман, находившийся тогда в Дамаске, посоветовал подождать, пока он разведает обстановку. Если Муавия сместил Марвана в гневе, брату следовало идти к нему одному. Если же нет — можно было явиться вместе.

Абд ар-Рахман сначала вызвал недовольство халифа своим вызывающим появлением, а затем неосторожно намекнул на стих, в котором сторонник Али поэт ан-Наджаши высмеивал Муавию за его стремительное бегство при Сиффине.

Муавия отплатил той же монетой, напомнив о ночной вылазке Абд ар-Рахмана, когда тот перелез через стену, чтобы навестить жену Марвана — дочь Усмана Умм Абан.

Пристыженный Абд ар-Рахман смиренно спросил:

— Повелитель верующих, что побудило тебя сместить своего двоюродного брата? Какой-то проступок, вызвавший твой гнев? Или соображение, которое ты счел разумным? Или замысел, в котором ты увидел благо?

Муавия ответил, что последнее.

— Тогда в этом нет ничего дурного, — заметил Абд ар-Рахман и ушел.

Когда он рассказал все брату, Марван пришел в ярость и обругал его слабаком.

— Ты намекаешь человеку на то, что его злит, а когда он отвечает ударом — сразу отступаешь?

Затем Марван надел почетное одеяние, сел на коня, опоясался мечом — он прекрасно знал, как произвести впечатление на своего невоинственного родственника, — и явился к Муавии.

Увидев его и заметив гнев на лице, халиф приветливо сказал:

---

687 Там же, 117, 119; Tabarī, II, 179.

— Добро пожаловать, Абу Абд аль-Малик! Ты пришел как раз тогда, когда мы тосковали по тебе.

Марван ответил:

— Нет, клянусь Богом, я пришел вовсе не поэтому. Всякий раз, когда я приходил к тебе, я видел только пренебрежение и холодность. Клянусь Богом, ты несправедливо обходишься с нами и не воздаешь нам по заслугам. Первенство среди Бану Абд Шамс принадлежало дому Абу аль-Аса.

Марван прекрасно понимал, что сейчас уместнее ссылаться на деда, а не на собственного отца, которого Пророк некогда объявил вне закона.

— Именно с ними Посланник Божий был связан браком. Халифат принадлежал им. Они сохраняли родственные связи с вами, Бану Харб, оказывали вам почет, давали высокие должности, не смещали и не предпочитали вам других. А когда вы укрепились у власти и правление перешло к вам, вы только и делали, что предпочитали других, дурно обращались с нами и безжалостно рвали родственные связи. Но подожди: сыновей аль-Хакама и сыновей его сыновей уже больше двадцати, а скоро их станет сорок. Тогда каждый поймет, чего ему ждать от них: они не забудут ни добра, ни зла.

Муавия еще не смягчился и принялся спорить:

— Я сместил тебя по трем причинам, и любой из них было бы достаточно. Во-первых, я дал тебе власть над Абдаллахом ибн Амиром, хотя между вами была известная вражда, а ты не сумел добиться от него того, чего требовалось. [688]Во-вторых, ты возражал против дела Зияда. В-третьих, моя дочь Рамла просила тебя помочь ей в споре с мужем Амром, а ты отказался.

Марван ответил:

— Что до Ибн Амира, я не нуждаюсь в помощи в собственной юрисдикции; когда условия равны, он прекрасно знает свое место. [689]Что касается моего недовольства делом Зияда, оно было общим для Бану Умайя, но затем Бог вложил великое благо в то, что нам было ненавистно: «Быть может, вам неприятно что-либо, а Бог вложил в это много добра».

---

688 В версии аль-Балазури этот пункт звучит так: «Ты пришел ко мне, когда Абдаллах ибн Амир находился в моей власти и признал долг передо мной в размере миллиона дирхамов, но ты вырвал его у меня» (Ansāb, 4/1, 65). Муавия, очевидно, хотел обобрать Абдаллаха ибн Амира после его смещения с поста наместника Басры в 44/664 году. Согласно ат-Табари, халиф потребовал его владения в Арафате и дома в Мекке. Он также старался посеять вражду среди родственников-Омейядов и, по-видимому безуспешно, пытался заставить Марвана оказать давление на Ибн Амира. Такая грубая политика divide et impera — «разделяй и властвуй» — дала обратный эффект и скорее объединила родственников против Муавии. Позднее он пытался поссорить Саида ибн аль-Аса с Марваном. Будучи наместником Медины, Саид получил приказ снести дом Марвана или, согласно аль-Вакиди, конфисковать его имущество и превратить владения, включая Фадак, в государственную землю. Саид приказ не исполнил. Затем Муавия вновь назначил Марвана наместником и приказал разрушить дом Саида. Марван был готов выполнить распоряжение, но Саид показал ему прежние письма Муавии, и Марван отступил, признав, что Саид поступил благороднее. См.: Tabarī, II, 164–165; Balādhurī, Ansāb, 4/1, 33.

689 В версии аль-Балазури Марван отвечает: «Что касается Ибн Амира, его родство со мной и с тобой одинаково, и у меня не больше прав над ним, чем у тебя. Если ты добровольно простишь ему его долг, это будет похвально. Если нет, я поручусь за сумму, которую он признал своим долгом перед тобой» (Ansāb, 4/1, 65).

Что же касается просьбы Рамлы помочь против Амра — клянусь Богом, дочь Усмана могла бы жить у меня целый год и больше, но я не поднял бы даже края ее платья.

Он явно намекал, что дочь Повелителя верующих просила помощи лишь затем, чтобы добиться от мужа удовлетворения своих супружеских потребностей.

Муавия вспылил:

— Ты, сын геккона, еще не настолько силен!

Марван холодно ответил:

— Пока — да. Но, клянусь Богом, я отец десятерых, брат десятерых и дядя десятерых. Мои сыновья почти довели число до полного. Когда их станет столько, ты узнаешь, каково твое положение по отношению ко мне.

Муавии осталось лишь перейти к стихам, намекая, что Марван — слабая птица с множеством птенцов, тогда как сам он — ястреб, пусть и с немногочисленным потомством.

Но к концу разговора Повелитель верующих уже стал в руках Марвана словно мягкая глина.

Он предложил:

— Будь доволен. Я возвращаю тебе должность.

Марван вскочил и легко побил его в этой корыстной игре:

— Нет, клянусь Богом и твоей жизнью, ты никогда больше не увидишь меня на этом посту.

И вышел.[690]

Абд ар-Рахман ибн Сихан ибн Арта аль-Мухариби был союзником Бану Харб и жил в Медине. Одаренный поэт и великолепный собеседник, он славился необычными рассказами об арабах, их битвах и поэзии. Его панегирики хозяевам делали его полезной опорой режима.

Но у него была слабость, обычная для поэтов, — вино. Он пил его в больших количествах в обществе представителей правящего слоя, особенно Омейядов.

Когда Саид ибн аль-Ас был наместником Медины, он однажды спросил Ибн Сихана о стихе, где тот описывал, как его качает от опьянения.

Поэт стал отрицать и то, что пьет, и то, что пишет стихи о вине, и демонстративно процитировал произведение, где хвастался союзом с Харбом, поднявшим его к вершинам благородства.

Когда он высокомерно вышел, сын Саида Амр сказал отцу:

— Если бы ты приказал всыпать этой собаке двести плетей, это пошло бы ему на пользу.

Саид ответил:

---

690 Aghānī, XII, 72–73. Рассказ восходит к аль-Хайсаму ибн Ади со слов Салиха ибн Хассана. Более краткую и менее красочную версию приводит аль-Балазури. В ней Муавия в конце хвалит свою дочь, когда она признается, что желала бы видеть собственных сыновей «в море», и замечает, что Суфьяниды слишком сильно страдают от противостояния с Марваном, чтобы она могла исправить положение, пытаясь вести себя как мужчина. Анекдот отражает недовольство Суфьянидов тем, что Марваниды вытеснили их с престола.

— Сын мой, как же я стану бить его, если он союзник Харба ибн Умайи, а Муавия — халиф в Сирии? Думаешь, ему это понравится?

Позднее, встретив Саида во время паломничества в Мине, Муавия сказал:

— Эй, Саид, твой глупец советовал тебе дать моему союзнику двести плетей? Клянусь Богом, если бы ты дал ему один удар, я дал бы тебе два.

Саид возразил:

— Почему? Разве ты сам не порол своего союзника Амра ибн Джабалу?

Муавия ответил:

— Он — моя плоть. Я могу ее есть, но другим не позволю.[691]

Эта самодовольная и совершенно ненужная похвальба Муавии дала Марвану возможность преподать ему еще один урок — блестящей проделкой.

Прошло много лет. В зу-ль-када 58 года / сентябре–октябре 678 года Муавия вновь сместил Марвана и назначил наместником Медины собственного племянника аль-Валида ибн Утбу ибн Абу Суфьяна.[692]

Новый наместник любил в частной обстановке хорошо выпить и нашел приятного собутыльника в лице Абд ар-Рахмана ибн Сихана, которого регулярно приглашал на пирушки.

Об этом эпизоде рассказал Абу аз-Зинад, мединец, считавшийся одним из самых надежных ранних передатчиков.[693]

Ибн Сихан когда-то оскорбил Марвана, но впоследствии воспел его в стихах и получил положенное вознаграждение. Он не ожидал, что вероломный Марван все еще хочет ему отомстить. В действительности Марвана интересовала добыча куда крупнее безобидного поэта.

Ночью он устроил ему засаду в мечети.

На рассвете Ибн Сихан, сильно пьяный, вышел из примыкавшего к мечети дворца наместника через правительскую ложу — *максуру*. Тут Марван и его люди набросились на него.

Нужные свидетели уже были рядом: Мухаммад ибн Амр и Абдаллах ибн Ханзала, два благочестивых чтеца Корана, которые обычно проводили ночи в молитвенных бдениях в мечети.

Ничего не подозревавшего Ибн Сихана попросили прочитать первую суру Корана, но он был настолько пьян, что не смог.

Тогда его передали начальнику полиции, [694]который посадил его в тюрьму.

---

691 Aghānī, II, 87–88; Balādhurī, Ansāb, 4/1, 97–98, 133–134.

692 Tabarī, II, 181.

693 Абу аз-Зинад Абдаллах ибн Закван (ум. 130/747–748) был клиентом одной из дочерей Шайбы ибн Рабиа ибн Абд Шамса или семьи Усмана. Его отца считали братом Абу Лулу — убийцы Умара. См.: Ibn Hajar, Tahdhīb, V, 203–204.

694 Буквально — «его начальнику полиции»: Aghānī, II, 82. Возможно, имеется в виду бывший начальник полиции Марвана.

Проснувшись, наместник узнал о случившемся. Новость уже разнеслась по городу словно пожар.

Он сразу понял: Марван метит в него самого и никогда не стал бы возиться с Ибн Сиханом, если бы тот вышел пьяным из дома кого-нибудь другого.

Аль-Валид решил, что спасти свою репутацию перед мединцами можно лишь одним способом — назначить нарушителю предусмотренное законом бичевание.

Начальник полиции исполнил приказ, после чего наместник освободил Ибн Сихана.

Некоторое время тот сидел дома, стыдясь показаться людям.

Махзумит Абд ар-Рахман ибн аль-Харис ибн Хишам, в чьем обществе поэт часто бывал, пришел навестить его вместе с сыновьями. Он принес красивые одежды и предложил выйти в мечеть так, словно ничего не произошло.

Затем, сказал он, следует отправиться к Повелителю верующих, который вознаградит Ибн Сихана и распорядится отменить наказание.

В мечети поэт расположился рядом с уважаемым махзумитом, прислонившись к колонне.

Люди начали спорить:

— Его не били.

Другие отвечали:

— Я сам видел, как его били.

Или:

— Его действительно наказали плетьми.

Через несколько дней Ибн Сихан отправился к халифу в Дамаск.

Сначала он посетил наследника Язида и выпил вместе с ним.

Язид рассказал о нем отцу.

Халиф вызвал Ибн Сихана, и тот поведал свою историю и рассказал, что сделал с ним Марван.

Муавия заметил:

— Да обезобразит Бог аль-Валида! Как же он глуп. Неужели ему не стыдно бить тебя за то, что вы вместе пили? Что касается Марвана, я не думал, что он способен зайти так далеко в низости по отношению к тебе после твоего доброго отношения и дружбы. Он хотел унизить аль-Валида в моих глазах, но не добился своего. Напротив, сам опустился до уровня, которого мы прежде считали ниже его достоинства. Он стал полицейским.

После этого Муавия продиктовал секретарю письмо к аль-Валиду.

Он упрекал наместника за то, что, наказав Ибн Сихана, тот фактически лишь поведал жителям Медины о собственном употреблении запрещенного напитка.

Муавия приказал отменить наказание, провести Ибн Сихана по мечети и объявить людям, что начальник полиции превысил полномочия и поступил с ним несправедливо, а Повелитель верующих отменил вынесенное наказание.

Разве Ибн Сихан не написал следующие стихи?

И Муавия пространно процитировал панегирик в честь Абд Шамс.

Аль-Валид должен был подарить Ибн Сихану четыреста овец и тридцать дойных верблюдиц породы, разводившейся в ас-Сайяле.

Сам Муавия дал обиженному поэту пятьсот динаров, а Язид добавил еще двести.

Наместник добросовестно выполнил приказ.

Но когда он снова пригласил поэта выпить с ним, тот ответил:

— Клянусь Богом, я больше никогда не прикоснусь к напитку вместе с тобой.

Муавия написал и Марвану, упрекнув его за случившееся с Ибн Сиханом и за скрытые намерения.[695]

Марван, вероятно, даже не удостоил письмо ответом.

Абу аз-Зинад в своем рассказе подразумевал, что целью Марвана был наместник аль-Валид, а Муавия, разгадав игру, сорвал его замысел, ограничившись выговором племяннику.

В действительности Марван целился выше — в самого халифа и в режим Суфьянидов.

И он добился именно того, чего хотел.

Он не только заставил Муавию проглотить собственную похвальбу о том, что лишь ему позволено трогать своего союзника-поэта, но и выставил Повелителя верующих перед мединцами защитником пьяниц из собственной семьи и клиентелы — защитником от обязательного наказания, предписанного религиозным законом.

Отмена наказания Ибн Сихана не сорвала планы Марвана.

Напротив, она опозорила коррумпированный режим, который обвинил послушного начальника полиции в злоупотреблении и отверг безупречные показания двух глубоко уважаемых чтецов Корана.

Преемнику Муавии Язиду вскоре предстояло пожать плоды.

В Медине ему так и не удалось избавиться от репутации пьяницы, недостойного своего положения.

Открытое восстание мединцев — направленное не столько в поддержку Абдаллаха ибн аз-Зубайра, сколько против Язида — открыло вторую, критическую фазу второй гражданской войны.

Марван исподтишка подталкивал Ибн аз-Зубайра предъявить права на халифат против его собственного омейядского родственника.

Он прекрасно понимал, что делает.

Для его планов важнейшей задачей было свергнуть режим Суфьянидов в Сирии.

Он был уверен, что после этого сможет справиться с Ибн аз-Зубайром в Мекке.

Поэтому Марван продолжал внешне поддерживать альтернативного халифа до тех пор, пока сирийцы не оказались готовы отказаться от Суфьянидов.

Сценарий, задуманный им много лет назад, когда он убивал Тальху, теперь был поставлен на сцене.

---

695 Aghānī, II, 82–83; Balādhurī, Ansāb, 4/1, 135–136. Другие сообщения, где сам Марван якобы распорядился избить Ибн Сихана, а затем Муавия заставил его отменить наказание, вторичны и ненадежны.

Его пропагандисты изображали Марвана первым мстителем за несправедливо убитого халифа, и сирийцы поняли, что нашли подходящего человека.

Им вовсе не обязательно было знать, что тщательное планирование сценариев началось у Марвана еще раньше — с того момента, когда он бросил своего престарелого двоюродного брата на растерзание волкам ради интересов омейядского халифата, который теперь наконец стал **его собственным халифатом**.

Вот это была настоящая высокая политика, доступная пониманию лишь самым утонченным ценителям искусства.

Грубоватые сирийские солдаты, возможно, не смогли бы оценить ее в полной мере.

Для далекого наблюдателя восхождение Марвана на престол могло казаться чудом.

Велльхаузен цитирует анонимного автора *Continuatio Byzantia Arabica A. DCCXLI*:

«Марван, коварно изгнанный из Медины, спустя недолгое время, с согласия части войска и при Божьем попущении, был вознесен к царской власти».[696]

Для человека, знавшего ситуацию изнутри и обладавшего острым умом, ничего чудесного здесь не было.

Разве Марван не говорил всем, кто хотел слушать, включая самого Муавию, что произойдет, когда «потомки Абу аль-Аса достигнут сорока мужчин»?

Вопрос был лишь во времени.

Марван сдержал слово и в отношении представителей свергнутого дома Абу Суфьяна, которые, по его словам, не проявили должного уважения к родственным узам с Бану Абу аль-Ас.

Стоя у могилы последнего суфьянидского халифа, только что погребенного, он спросил сопровождавших его сирийцев:

— Знаете, кого вы похоронили?

— Да, Муавию ибн Язида.

— Нет, — возразил Марван. — Вы похоронили Абу Лайлу.

Абу Лайла — кунья умершего халифа — одновременно служила прозвищем для слабого, безвольного человека.

Сирийцам шутка понравилась, и поэт из Бану Фазара сложил строки:

Не обманывайтесь: власть стала предметом спора,
а после Абу Лайлы она достанется тому, кто победит.[697]

Едва обеспечив себе преемство, Марван женился на Умм Халид Фахите — вдове Язида и матери его сыновей Муавии, Халида, Абдаллаха аль-Акбара и Абу Суфьяна.

---

696 Wellhausen, Das arabische Reich, 114; T. Mommsen (ed.), Chronica Minor a Saec. IV. V. VI. VII., II (Berlin, 1894), 346. Велльхаузен также считал событие почти чудесным: «Не благодаря собственным достижениям и даже не стремясь к этому, Марван после изгнания из Медины пришел к власти в Дамаске». Автор считает это поразительной ошибкой великого историка.

697 Balādhurī, Ansāb, 4/1, 356.

Как заметил Велльхаузен, это был «не столько союз, сколько захват наследства».[698]

Марван добился того, чего не смог Муавия: гордая вдова Усмана Наиля предпочла сломать себе передние зубы, лишь бы не уступить его требованиям.

Всего через несколько месяцев Марван нарушил соглашения о преемстве своего пасынка Халида и Амра ибн Саида аль-Ашдака, чтобы назначить наследниками собственных сыновей — Абд аль-Малика и Абд аль-Азиза.

Правда, в одном отношении Муавия отчасти превзошел его: договоренности с аль-Хасаном он объявил недействительными как военную хитрость уже через несколько дней, хотя назначить своего сына Язида наследником смог лишь спустя более десяти лет.

После этого Марван начал систематически публично унижать пасынка Халида ибн Язида.

Прежде он обычно усаживал его рядом с собой на троне.

Но однажды, когда Халид направился к своему привычному месту, Марван рявкнул:

— Слезай, сын такой-то…

Марван славился грязным языком, и [699]далее употребил грубейшее непристойное выражение, фактически назвав мать Халида, царицу, шлюхой.

— Я никогда не замечал в тебе никакого здравого ума.

Молодой Халид, не отличавшийся особой храбростью, в ярости ушел к матери.

— Ты опозорила меня и заставила склонить голову, выйдя замуж за этого человека, — сказал он и рассказал о произошедшем.

На этот раз шахматный король зашел слишком далеко.

Правила царской игры позволяют королю жертвовать ферзем, бросать его врагу на растерзание ради спасения собственной шкуры, заменять пешкой или брать вторую жену — независимо от желания первой.

Разве бывший царственный супруг Умм Халид, Язид, не поставил рядом с ней второй женой Умм Мискину, правнучку халифа Умара, лишь для того, чтобы досадить первой, а затем еще не высмеивал ее стихами за то, что она оплакивает свою предопределенную Богом «судьбу» — *кадар*?[700]

Умм Халид дорого заплатила за знание правил царской игры.

Но в каком своде правил королю разрешалось площадной бранью поносить свою госпожу, потакая низменным вкусам пешек, коней, слонов и ладей?

Неужели шахматный мастер забыл, каким грозным оружием сама игра снабдила ферзя для исполнения его неблагодарной роли?

А что, если ферзь хотя бы раз нарушит правила и обратится против собственного мужа вместо того, чтобы служить и угождать каждой его прихоти?

---

698 Wellhausen, Das arabische Reich, 114. Ламменс возражал Велльхаузену, полагая, что Марван прежде всего стремился укрепить союз со «старшей ветвью семьи Омейядов». На самом деле Марван всю жизнь утверждал обратное: Суфьяниды не являлись старшей ветвью Омейядов, а узурпировали первичные права Бану Абу аль-Аса.

699 См. Lammens, «L’avènement», 91.

700 Zubayrī, Nasab, 155; Aghānī, XVI, 88.

Горе тогда шахматному королю, этому бесполезному трутню.

Фахите надоела вся эта порода.

Она спокойно сказала сыну никому не рассказывать о случившемся, не давать Марвану понять, что он сообщил ей, и продолжать посещать ее как обычно.

— Я сама обо всем позабочусь.

У Марвана мелькнуло подозрение, и он спросил Фахиту, не рассказывал ли ей Халид в тот день что-нибудь о нем.

Она ответила, что ничего не слышала.

Марван настаивал:

— Разве он не жаловался тебе на меня? Не говорил, что я унизил его и что именно сказал?

Царица ответила:

— Повелитель верующих, ты слишком высок в глазах Халида, а его почтение к тебе слишком велико, чтобы он стал рассказывать мне что-либо о тебе или обижаться на твои слова. Ты для него словно отец.

Марван успокоился и поверил.

Это была его вторая — и гораздо более серьезная — ошибка.

Закоренелый презиратель женщин, он не считал их способными к военной хитрости, разве что ради любовника.

Кого боги хотят погубить, того сначала лишают зрения.

Разве он не видел, что эта женщина — из Абд Шамс, пусть и не из Умайи?[701]

Горе омейядскому трутню, встретившему львицу Абд Шамс.

Когда наступило время послеобеденного отдыха, Марван сделал третий — и роковой — шаг.

Он отправился в покои царицы, которые, сам того не ведая, превратил в львиное логово.

Когда он мирно уснул, двери закрылись.

Львица бросилась на добычу.

Она положила ему на лицо набитую перьями подушку и уселась сверху, прижав к его носу и рту именно ту часть своего тела, которую он столь грубо оскорбил.

Рабыням это пришлось по душе: они с радостью присоединились, радуясь неожиданному развлечению посреди однообразной дворцовой жизни.

Повелитель верующих едва ли успел подумать, что даже его соперник в Мекке, знаменитый борец Абдаллах ибн аз-Зубайр, не сумел бы сбросить с себя вес разъяренной царицы и десятка крепких дворцовых рабынь.

Марван задохнулся.[702]

Игра закончилась.

Мат от собственной царицы.

---

701 Фахита была дочерью Абу Хашима ибн Утбы ибн Рабиа ибн Абд Шамса: Zubayrī, Nasab, 155.

702 Ibn Sa‘d, Tabaqāt, V, 29–30; Tabarī, II, 576–577; Aghānī, XVI, 90; Balādhurī, Ansāb, V, 145, 159.

Шах мат — шах умер.

До самого конца Марван следовал совету, который когда-то безуспешно давал своему благочестивому двоюродному брату Усману:

— Упорствовать в грехе, за который можно попросить у Бога прощения, лучше, чем каяться из страха.

Его греко-римские боги, позавидовавшие головокружительному успеху, не дали ему времени на бесстрашное покаяние и столкнули в подземный мир теней.

Эта история о смерти Марвана, хотя она передана весьма авторитетными цепочками передатчиков и [703]настолько широко известна, что даже ат-Табари не смог избежать ее цитирования, не пользовалась особым доверием среди современных западных ученых.

Велльхаузен, историк не без чувства юмора, изложил ее одним предложением и добавил:

— Так говорит аль-Вакиди.[704]

Naqilu l-kufri laysa bi-kafir — «тот, кто передает неверие, сам неверующим не становится».

Серьезные историки по большей части либо прямо отвергали достоверность истории, либо просто обходили ее молчанием.[705]

Ламменс, старейшина современной историографии Омейядов, признавался:

«Но вместе с Нёльдеке я не решаюсь принять трагическую роль, которую традиция приписывает этой женщине».[706]

Он продолжал:

«Мы не видим, чтобы Абд аль-Малик, столь беспощадный к аль-Ашдаку, преследовал предполагаемых виновников и сообщников убийства своего отца».[707]

Ламменс выбрал для Марвана из вариантов смерти, предложенных аль-Масуди, чуму.[708]

Прекрасный выбор.

Нет ничего бесчестного в том, чтобы великий царь и герой войны пал жертвой великой жницы.

---

703 Версия Ибн Са‘да, на которой в основном основан данный рассказ, вводится иснадом: Муса ибн Исмаил — Джувайрия ибн Асма — Нафи‘.

704 Wellhausen, Das arabische Reich, 114.

705 Только Р. Зельхайм допускает возможность того, что Марван действительно мог погибнуть из-за своего предательства Суфьянидов — «если традиция достоверна»: R. Sellheim, Der zweite Bürgerkrieg im Islam (Wiesbaden, 1970), 104.

706 Lammens, «L’avènement», 91. В примечании Ламменс несколько неохотно приводит предположение Нёльдеке, что рассказ мог быть выдумкой Суфьянидов. Такое предположение вполне правдоподобно: у Суфьянидов были причины ненавидеть Марвана. Однако оно противоречило собственной теории Ламменса о союзе Марвана со «старшей ветвью семьи». Ламменс добавлял, что противники Омейядов охотно подхватили эту легенду.

707 Там же, 91. Аль-Ашдак — Амр ибн Саид, двоюродный брат Абд аль-Малика. Абд аль-Малик собственноручно убил его после восстания, в ходе которого Амр заявил права на престол на основании соглашения, заключенного Марваном при восшествии на власть.

708 Там же, 96. Аль-Масуди приводит несколько версий смерти Марвана: чума, естественная смерть, удушение Фахитой или отравленное молоко, которое она ему дала: Murūj, III, 288–289.

Это, кстати, могло бы объяснить, почему традиция не сохранила обязательных для царя сцен на смертном одре с мудрыми наставлениями преемнику и последними советами близким.

Кто стал бы ожидать подобных мыслей о будущем даже от нравственного гиганта, корчащегося от чумы?

Г. Роттер, позднее пересмотревший этот вопрос, выражался еще увереннее: рассказ о преступлении Умм Халид был придуман довольно рано.

Даже аль-Масуди, обычно любивший подобные истории, чувствовал необходимость отдать должное истине и упомянуть, что некоторые доступные ему источники утверждали: Марван умер от чумы или естественной смертью.

Чума действительно казалась наиболее вероятным вариантом, поскольку первая волна эпидемии достигла Сирии именно той весной.

Если бы рассказ об убийстве был правдой, заключал Роттер, Абд аль-Малик наверняка не позволил бы «убийце» остаться безнаказанной.[709]

Столкнувшись с таким единодушием и столь проницательными рассуждениями серьезных историков, защитник версии с подушкой почти готов капитулировать.

Почему бы однажды полушииту аль-Масуди не оказаться достовернее правоверного суннита ат-Табари?

Но затем возникает другой вопрос.

Что стояло за удивительным единодушием западных критических историков, столь стремившихся представить архитектора омейядской монархии великим государственным деятелем и воином, что они либо отвергали эту историю, либо предавали ее забвению?

Не могло ли именно понимание того, что гротескная сцена совершенно не вписывается в образ образцового государственного мужа, солдата и омейядского *дахии*, обеспокоить еще его преемника Абд аль-Малика — и породить альтернативные краски на палитре аль-Масуди?

Даже версия об отравлении женой, разгневанной обращением с сыном, выглядела бы благопристойнее.

Читатель, надеюсь, простит нас за то, что мы еще раз возвращаемся к смертному одру.

Добившись своего, царица встала, разорвала ворот своего платья и велела рабыням и служанкам разорвать свои одежды.

И тогда, как полагалось по обычаю, по дворцу разнесся женский вопль:

— Повелитель верующих внезапно умер![710]

Источники не пытаются проникнуть в мысли сына умершего халифа Абд аль-Малика, когда он услышал шум — или когда ему сообщили о случившемся.

Наблюдателю остается только вообразить.

Первой мыслью, мелькнувшей в его голове, должно быть, было осознание:

---

709 G. Rotter, Die Umayyaden und der zweite Bürgerkrieg (680–692) (Wiesbaden, 1982), 162–163.

710 Ibn Sa‘d, Tabaqāt, V, 30.

он стал Наместником Бога на земле.

Теперь судьба человечества зависела от его мудрых решений.

Что он подумал, услышав плач женщин?

Наверное, ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы понять произошедшее.

Еще минуту назад отец был здоров и крепок, а сердечные приступы в те суровые времена упоминались нечасто.

Что делать?

Схватить меч и в праведном сыновнем гневе отсечь голову вероломной мачехе?

Абд аль-Малик слишком долго учился у Марвана, чтобы не понимать: благородный человек — тем более царь — не должен пачкать руки женской кровью, словно обычный солдат.

Он вспомнил, что даже его отцу пришлось придумать хитроумную ловушку, чтобы избавиться от непокорной племянницы.

Конечно, можно было распорядиться, чтобы виновницу устранили слуги.

В распоряжении царя бесконечное множество способов убить, пытать или наказать.

Но что потом?

Не вынесет ли наказание на свет то, что лучше навсегда оставить за стенами покоев царицы?

Абд аль-Малик прекрасно знал то, что известно каждому обычному политику и чиновнику:

в мире Великой игры видимость нередко важнее фактов.

Он содрогнулся, представив, что будет, если правда выйдет наружу.

Ему вспомнились бессмертные строки какого-то хорасанского поэта о конце царства Умайи: тело Язида, лежащее во дворце наслаждений в Хавварине, рядом с подушкой — чаша, а неподалеку — мех с вином, из горлышка которого еще течет красная струя.

Эти стихи имели разрушительный эффект: наместники повсюду начали отказываться от поддержки режима.[711]

Если бы не решительные действия Марвана, дом Умайи, возможно, действительно рухнул бы.

Теперь сатирики получили бы настоящий пир, изображая позорную смерть великого мстителя за несправедливо убитого основателя династии — под подушкой, раздавленного весом разъяренной царицы и ее рабынь.

Враги — альтернативный халиф в Мекке, басрийцы и куфийцы — торжествовали бы.

Сирийцы были бы деморализованы.

Даже самые верные могли решить, что пришло время перейти к Ибн аз-Зубайру, как многие поступили после смерти Язида.

Нет.

---

711 Wellhausen, Das arabische Reich, 105.

Это определенно был случай, когда все следовало скрыть.

Нужно сыграть роль, которую предложила хитрая убийца, и сделать вид, будто халиф умер от внезапной смертельной болезни.

Абд аль-Малик понимал, что полностью остановить слухи, вероятно, невозможно: женщины, в конце концов, болтливы.

Но большинство людей — во всяком случае тех, кто действительно что-то значит, — возможно, будут слушать сплетни вполуха и не станут воспринимать их всерьез.

Люди предпочитают получать истину от своих царей — по крайней мере пока те умеют сохранять лицо.

Постепенно новый Повелитель верующих начал понимать, что львица действовала не в слепой ярости, а с холодным расчетом.

Она была не настолько глупа, чтобы рисковать собственной жизнью лишь ради избавления от неприятного мужа.

На самом деле теперь она была надежнее защищена от царской мести, чем любой нанятый им убийца.

Абд аль-Малик понял, что *cette femme*, которой традиция приписала *le rôle tragique*, была далеко не обычной женщиной.

Он посмотрел еще раз.

Львица, пусть и невысокого роста, [712]происходила из Абд Шамс.[713]

Как отец мог этого не учитывать?

Мат.

Никаких сомнений.

Но это была партия его отца, и тот ее проиграл.

Собственная партия Абд аль-Малика только начиналась — благодаря прыжку львицы.

Излишней сентиментальности в вопросах кровного родства у Абд аль-Малика не было — вряд ли такое качество можно было унаследовать от Марвана.

Внезапно он почувствовал облегчение и даже нечто похожее на благодарность — насколько вообще благодарность позволительна царям.

Пока Марван был жив, этот вероломный интриган, Абд аль-Малик никогда не мог быть полностью уверен, что наследует престол.

Разве отец не мог в любой момент заменить его одним из своих «десяти сыновей»?[714]

---

712 За небольшой рост Фахиту прозвали Хабба: Balādhurī, Ansāb, V, 159.

713 Велльхаузен в примечании исправил ошибку А. Мюллера, называвшего Фахиту «гордой бедуинкой», и верно указал, что она была курайшиткой. Однако, по мнению автора, и он недооценил ее, предположив, будто она мстила лишь за вероломное обращение Марвана с ее сыном. Ламменс также считал, что Фахита могла прийти в ярость из-за унижения сына и скрыла от Марвана его оскорбление. Вероятно, она прекрасно понимала, что убийство Марвана не вернет халифат молодому Халиду, который к тому же едва ли подходил для власти. Ее отвращение к Марвану, омейядской монархии и ее нравам, вероятно, было гораздо глубже.

714 По аль-Зубайри, у Марвана действительно было — не только метафорически — десять сыновей и десять дочерей: Nasab, 160–161.

Теперь Абд аль-Малик понял, что иногда позволить убийце уйти безнаказанным может оказаться для государя полезнее, чем воспользоваться правом безнаказанно убивать и казнить самому.

Пора праздновать восшествие на престол.

Le roi est mort. Vive le roi!

Король умер. Да здравствует король!

Все это вымысел, скажут критические историки.

И будут правы.

История, даже если бы она была точной наукой, а не игрой вероятностей и правдоподобия, неизбежно оставляла бы множество пустот, которые способно заполнить только воображение — а воображение любит яркие краски.

Люди прошлого, раздраженные нашей неспособностью проникнуть сквозь завесу и узнать, что произошло на самом деле, уже заполнили страницы истории тысячами анекдотов и занимательных рассказов.

Это легко создает у критического историка иллюзию, будто простой, прозаический отчет — будь то современная газетная заметка или ее исторический предшественник — с большей вероятностью сообщает голый, не подвергшийся обработке факт.

Но хороший анекдот рассказывает о том, что **могло произойти** и, если снять литературные украшения, вполне, возможно, произошло — ровно так же, как хороший сухой отчет.

Чума или львица?

Можно взвешивать вероятность свидетельств, и, возможно, одна из чаш когда-нибудь перевесит.

Но сможете ли вы доказать это кому-либо, кроме тех, кто уже убежден?

В конце концов выбор может оказаться всего лишь делом вкуса.

Если вам по душе **царская истина**, если вы любите истории о великих героях, государственных мужах римского типа, суровых воинах и *дахиях*, — выбирайте чуму.

И, возможно, после долгих рассуждений вы убедите себя, что нашли настоящую истину.

Если же вам достаточно **поэтической истины**, если вы допускаете, что временами она бывает ближе к жизни, чем истина царская, и не хотите бесконечно взвешивать невзвешиваемое, — выбирайте львицу.

И завершите спор скептическим, но уверенным:

Se non è vero, è ben trovato.

Если это и неправда, то хорошо придумано.

ЭКСКУРСЫ

1. ПОГРЕБЕНИЕ МУХАММАДА

Традиционный суннитский рассказ о погребении Мухаммада подчеркивает, что приготовления к похоронам начались лишь после того, как во вторник — на следующий день после смерти Пророка — Абу Бакру была принесена всеобщая присяга (*бай‘а*).

Именно такая хронология отражена в изложении событий у Ибн Исхака в его *Сире*. Сообщив о смерти Мухаммада спустя некоторое время после утренней молитвы в понедельник, Ибн Исхак, со слов Абу Хурайры, рассказывает, как Умар обратился к мусульманам, собравшимся у ворот мечети, отрицая смерть Мухаммада. Он грозил наказанием «лицемерам», утверждавшим, что Пророк умер, когда тот вернется после своего «временного отсутствия».

Позднее прибыл Абу Бакр. Осмотрев тело Мухаммада в комнате Аиши, он возразил Умару и подтвердил смерть Пророка.

Затем Ибн Исхак переходит к рассказу о Сакифе Бану Са‘ида. Мухаджиры, находившиеся вокруг Абу Бакра, узнали, что ансары собрались в Сакифе, чтобы решить вопрос о преемнике. Мухаджиры присоединились к ним, и в бурной обстановке Абу Бакр был избран халифом.

После этого Ибн Исхак, со слов Анаса ибн Малика, сообщает, что на следующий день в мечети состоялась всеобщая *бай‘а*. Сначала выступил Умар. Он извинился перед людьми за то, что ошибочно отрицал смерть Мухаммада, затем представил Абу Бакра и призвал принести ему присягу.

После всеобщей *бай‘и* Абу Бакр произнес краткую вступительную речь.

И только затем Ибн Исхак вновь возвращается к умершему Мухаммаду:

«Когда Абу Бакру была принесена присяга, во вторник люди приступили к подготовке погребения (*джахаз*) Посланника Божьего».[715]

Такое расположение событий у Ибн Исхака было принято также ат-Табари и позднейшими авторами, в частности Ибн Касиром.[716] Последний категорически утверждает, что остаток понедельника после смерти Мухаммада и часть вторника сподвижники были заняты принесением присяги Абу Бакру. Только когда этот процесс завершился, они начали готовить погребение, «во всем затруднительном следуя указаниям Абу Бакра ас-Сиддика».[717]

Мотив, лежащий в основе столь настойчивого утверждения этой хронологии, очевиден: необходимо было избежать впечатления, будто избрание Абу Бакра произошло в то время, когда родственники Пророка были заняты подготовкой его похорон, и одновременно показать, что именно Абу Бакр полностью руководил всеми погребальными мероприятиями.

Аз-Зухри, представлявший мединскую школу суннитской традиции, говорил:

---

715 Ибн Хишам, Сират саййидина, 1018.

716 Ибн Касир, Бидая, V, 244 и далее.

717 Там же, 260.

«Абу Бакр и сподвижники Посланника Божьего предоставили аль-Аббасу, Али, аль-Фадлю ибн аль-Аббасу и остальным членам семьи заняться этим делом, и именно они завернули его в погребальные ткани».[718]

Очевидно, вопрос уже превратился в пункт суннитской догматики, и Ибн Исхак твердо поддерживал ортодоксальную мединскую позицию.

Затем Ибн Исхак приводит рассказ Ибн аль-Аббаса об омовении тела Мухаммада вместе с противоположным сообщением Аиши, а [719]также краткое сообщение, приписываемое Алиду Али ибн аль-Хусайну — Зайн аль-Абидину, — о трех полотнищах, в которые было завернуто тело.

Далее следует сообщение о рытье могилы с *иснадом*: Хусайн ибн Абдаллах ибн Убайдаллах ибн аль-Аббас — от Икримы — от Ибн Аббаса.

Имелось два могильщика.

Мухаджир Абу Убайда ибн аль-Джаррах рыл могилы по мекканскому обычаю, а ансар Абу Тальха Зайд ибн Сахль — по мединскому, устраивая боковую нишу — *ляхд*.

Аль-Аббас позвал двух человек и послал одного за Абу Убайдой, другого — за Абу Тальхой, молясь Богу, чтобы Он сам сделал выбор за Пророка.

Посланец к Абу Тальхе нашел его.

Так Абу Тальха вырыл могилу с боковой нишей по мединскому обычаю.

Ибн Исхак продолжает, вновь подчеркивая, что все это происходило во вторник:

«Когда во вторник приготовления к погребению Посланника Божьего были завершены, его положили на кровать (*сарир*) в его доме».

Мусульмане спорили о месте погребения. Одни предлагали похоронить его в мечети, другие хотели похоронить его рядом со сподвижниками на кладбище аль-Баки‘.

Абу Бакр разрешил спор словами:

«Я слышал, как Посланник Божий сказал: “Ни один пророк не умирал иначе как в том месте, где ему надлежало быть похороненным”».

Поэтому могилу выкопали под ложем Мухаммада.

Затем люди входили и совершали молитву.

Имамом при этих молитвах никто не был.

Пророка похоронили в ночь со вторника на среду.[720]

Этот раздел явно не является продолжением сообщения Ибн аль-Аббаса о рытье могилы.

---

718 Аль-Балазури, Ансаб, I, 570.

719 См. выше, с. 26–27. Хашимит Абдаллах ибн аль-Харис ибн Науфаль — Бабба — описывал омовение так. После смерти Пророка Али запер дверь комнаты. Аль-Аббас пришел вместе с Бану Абд аль-Мутталиб и встал у двери. Али говорил: «Да будут за тебя отданы мой отец и моя мать, сладок твой запах и живым, и мертвым», — и поднялся аромат, подобного которому они никогда прежде не ощущали. Аль-Аббас сказал Али: «Перестань причитать, как женщина, и займитесь вашим товарищем!» Али велел впустить аль-Фадля. Ансары сказали: «Заклинаем вас нашей долей в Посланнике Божьем», и к ним впустили Ауса ибн Хаули с кувшином в руке. Али омывал тело, проводя рукой под рубахой, аль-Фадль удерживал одежду на теле, а ансар подавал воду (Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 62–63).

720 Ибн Хишам, Сират саййидина, 1019–1020; ат-Табари, I, 1832.

Место захоронения должно было быть определено еще до того, как послали за могильщиками. Очевидно, Ибн аль-Аббас ничего не сообщал о принятии этого решения, поэтому Ибн Исхак дополнил рассказ сведениями из других источников, не указав *иснад*.

Отсутствие *иснада* быстро привело к тому, что дополнения Ибн Исхака стали приписывать самому Ибн аль-Аббасу.

Аль-Балазури и Ибн Маджа цитировали рассказ Ибн Исхака, начиная с истории о двух могильщиках и до конца, с его *иснадом*, восходящим к Ибн аль-Аббасу.[721]

Ибн Ханбаль проявил большую осторожность. Он привел сообщение Ибн Исхака об омовении тела вместе с рассказом о могильщиках, с *иснадом* до Ибн аль-Аббаса, но без последующих дополнений Ибн Исхака.[722]

Ибрахим ибн Исмаил ибн Аби Хабиб взял эти дополнения Ибн Исхака и заявил, что слышал их от Дауда ибн аль-Хусайна, тот — от Икримы, а тот — от Ибн аль-Аббаса.[723]

Рассказ о разногласиях относительно места погребения и о решении Абу Бакра передавался весьма широко, в частности от Аиши, [724]поэтому Ибн Исхак, очевидно, считал ненужным приводить *иснад*.

В отличие от сообщения Ибн аль-Аббаса, большинство этих рассказов также утверждает, что решение послать за двумя могильщиками после спора о соответствующем обычае принимали либо мусульмане вообще, либо Абу Бакр, а не аль-Аббас.[725]

Затем Ибн Исхак описывает само погребение.

Он цитирует Аишу:

«Мы не знали, что Посланника Божьего уже хоронят, пока посреди ночи со вторника на среду не услышали звук лопат».[726]

Следующий раздел, переданный без *иснада*, вновь основан на сообщении Ибн аль-Аббаса, что видно из сходства с рассказом об омовении Пророка.[727]

Али, аль-Фадль ибн аль-Аббас, Кусам ибн аль-Аббас и Шукра́н спустились в могилу.

Аус ибн Хаули снова попросил Али позволить ему спуститься, и тот разрешил присоединиться к ним.

Шукран положил в могилу покрывало — *катифа* — принадлежавшее Пророку, чтобы оно было похоронено вместе с ним.[728]

---

721 Аль-Балазури, Ансаб, I, 573–574; Ибн Маджа, Сунан, изд. Мухаммад Фуад Абд аль-Баки, [Каир], 1395/1975, Джанаиз, гл. 65; цит. у Ибн Касира, Бидая, V, 266–267.

722 Ибн Касир, Бидая, V, 260–261. Однако далее Ибн Касир довольно свободно цитирует окончание дополнений Ибн Исхака после истории о двух могильщиках, снабжая весь текст его иснадом до Ибн аль-Аббаса (там же, 265).

723 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 71. Об Ибрахиме ибн Исмаиле, умершем в 165/781–782 году, см. Ибн Хаджар, Тахзиб, I, 104–105. Не исключено, что ложное утверждение исходило уже от Дауда ибн аль-Хусайна аль-Умави, умершего в 135/752–753 году; см. Ибн Хаджар, Тахзиб, III, 181–182. Оба традиционалиста прямо характеризуются как ненадежные в передаче от Икримы от Ибн аль-Аббаса.

724 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 71; аль-Балазури, Ансаб, I, 573–574; Ибн Касир, Бидая, V, 266–268.

725 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 72–75; Ибн Касир, Бидая, V, 266, 268.

726 Ат-Табари, I, 1832–1833.

727 Рассказ приведен Ибн Маджой с иснадом Ибн Исхака, восходящим к Ибн аль-Аббасу (Сунан, Джанаиз, гл. 65).

728 Ибн Хишам, Сират саййидина, 1020; ат-Табари, I, 1833.

Но существуют и другие важные сообщения Ибн аль-Аббаса, которые Ибн Исхак проигнорировал и которые существенно меняют хронологию и смысл всей картины.

Согласно Ибн аль-Аббасу, первым Умару, отрицавшему смерть Мухаммада и утверждавшему, будто его дух временно вознесен на небо, как дух Моисея, возразил его отец аль-Аббас.

Аль-Аббас призвал людей приступить к погребению Пророка, поскольку его тело, как и всякий труп, вскоре начнет издавать запах.

Если же дело обстояло так, как утверждал Умар, — что Мухаммад в действительности не умер, — Богу ничего не стоило бы открыть могилу и вывести его оттуда.[729]

Вопреки хронологии мединской школы, Ибн аль-Аббас также сообщал, что тело Пророка лежало на ложе для прощания от захода солнца в понедельник до захода солнца во вторник.

Люди молились у его ложа, стоявшего рядом с краем могилы.

Когда настало время погребения, ложе наклонили со стороны ног и оттуда опустили тело в могилу.

В могилу спустились аль-Аббас, аль-Фадль, Кусам, Али и Шукран.[730]

Следовательно, омовение тела и рытье могилы происходили уже в понедельник, в то время как Абу Бакр и Умар были заняты в Сакифе Бану Са‘ида.

Едва ли можно сомневаться, что хронология, переданная Ибн аль-Аббасом, в своей основе верна.

Независимо от того, аль-Аббас или Абу Бакр — либо оба — положили конец попыткам Умара отрицать смерть Мухаммада, не существовало никаких причин откладывать подготовку похорон.

То, что ближайшие родственники брали эти приготовления на себя, соответствовало обычаям, и никакого разрешения Абу Бакра или сподвижников для этого не требовалось.

Решение похоронить Мухаммада в его доме было принято не Абу Бакром, а родственниками Пророка.

Причина, очевидно, состояла в нестабильности положения в Медине и стремлении семьи сохранить контроль над погребением.

Если бы всем распоряжался Абу Бакр, он, без сомнения, предпочел бы похоронить Пророка на аль-Баки‘ рядом с его родственниками и павшими сподвижниками и сам возглавил бы погребальные молитвы — так, как Мухаммад делал для них.

Хадис, который, как сообщается, Абу Бакр привел в обоснование погребения Мухаммада именно там, где тот умер, является вымыслом.

---

729 Абд ар-Раззак, Мусаннаф, V, 433–435; Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 53–54; аль-Балазури, Ансаб, I, 567. Сообщение, очевидно, не было направлено против распространенной версии, согласно которой именно вмешательство Абу Бакра заставило Умара замолчать. Эту версию подтверждал и сам Ибн аль-Аббас (Абд ар-Раззак, Мусаннаф, V, 436–437).

730 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 70.

Он вполне мог возникнуть в рамках ранних попыток — поддерживавшихся Аишей — представить Абу Бакра как человека, которому Мухаммад передал указания о том, что следует делать после его смерти.

После всеобщей *бай‘и* утром во вторник Абу Бакр, очевидно, не пожелал идти на прямое столкновение с родственниками Пророка, отказавшимися принести ему присягу, и менять уже принятые ими решения.

Все источники согласны в том, что никто не возглавлял погребальную молитву.[731]

Сомнительно даже, чтобы Абу Бакр и Умар вообще пришли проститься с Пророком.

Только позднее и явно сфабрикованное сообщение описывает, как они вошли вместе с мухаджирами и обратились с несколькими словами к умершему.[732]

Упоминание Ауса ибн Хаули и двух могильщиков приобретает тем самым отчетливо полемический характер.

Пока родственники Мухаммада занимались его погребением, мекканские мухаджиры бросились решать свои политические дела.

Лишь ансары проявили некоторое участие, и Аусу ибн Хаули позволили присоединиться к семье.

Когда аль-Аббас послал за могильщиками, мекканца-мухаджира Абу Убайду найти не удалось — вероятно, потому, что он был занят вместе с Абу Бакром и Умаром борьбой за власть.

Ансар Абу Тальха оказался доступен, и потому Пророка похоронили в могиле, устроенной по мединскому обычаю.

Божий выбор, совершившийся в ответ на молитву аль-Аббаса, мог восприниматься и как напоминание ансарам о том, что Мухаммад через свою прабабку Сальму бинт Амр был связан с ними родством.

---

2. НАСЛЕДСТВО МУХАММАДА

В своей общей формулировке хадис, который Абу Бакр приписал Пророку, — о том, что пророки не оставляют наследников, — явно противоречил и букве, и духу Корана.[733]

Хашимит Аббас ибн Абдаллах ибн Ма‘бад, правнук аль-Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, передавал со слов некоего Джафара следующий рассказ о встрече Фатимы и аль-Аббаса с Абу Бакром:

---

731 Необычность погребения Мухаммада и мотивы его родственников в основном правильно понял Каэтани (Annali, II/1, 519–520, 529–533). Позднее, по-видимому под влиянием Ламменса, он отошел от этой точки зрения. Ламменс считал, что погребение Мухаммада там, где он умер, и отсутствие общей погребальной молитвы соответствовали «варварским» обычаям эпохи, которые якобы лишь позднее были оставлены исламом под христианским влиянием (там же, III, 90–91). Точка зрения Ламменса несостоятельна. О раннеисламских погребальных обычаях см. I. Grütter, «Arabische Bestattungsbräuche in frühislamischer Zeit», Der Islam, 31 (1954), 147–173; 32 (1955), 79–104, 168–194.

732 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 69; аль-Балазури, Ансаб, I, 574–575.

733 Хадис считается неподлинным у I. Hrbek, «Muhammads Nachlass und die Aliden», Archiv Orientální, 18 (1950), 143–149, здесь 146.

«Фатима пришла к Абу Бакру, требуя свое наследство, и аль-Аббас пришел требовать свое наследство. Вместе с ними был Али.

Абу Бакр сказал:

— Посланник Божий сказал: “Мы не оставляем наследников; все, что мы оставляем, — милостыня. То содержание, которое предоставлял Пророк, теперь лежит на мне”.

Али возразил, цитируя Коран:

— “Сулейман унаследовал Дауда” (27:16), и Закария сказал в своей молитве: “[Даруй мне родственника], который унаследует от меня и унаследует от рода Якуба” (19:6).

Абу Бакр ответил:

— Это так. И ты, клянусь Богом, знаешь то же, что знаю я.

Али сказал:

— Это говорит Книга Божья.

После этого они замолчали и ушли».[734]

Один способ избежать противоречия заключался в утверждении, что, произнося «мы», Пророк имел в виду не пророков вообще, а исключительно самого себя.

Поэтому хадис передавался от аз-Зухри с пояснением:

«Под этим Посланник Божий подразумевал самого себя».[735]

Но в других версиях хадиса Мухаммад прямо объясняет «мы» как «сообщество пророков» — *ма‘шар аль-анбия*.

Поэтому суннитским апологетам пришлось искать другое объяснение очевидного противоречия между Кораном и хадисом Абу Бакра.

Суннитский традиционалист и историк Ибн Касир с гневом отвергает аргумент, который называет доводом рафидитов — шиитов.

Он пишет, что один из них по невежеству попытался опровергнуть хадис Абу Бакра двумя коранических стихами о Сулеймане и Закарии.

По его мнению, слова о наследовании Сулейманом от Дауда касались лишь царской власти и пророчества, а не имущества.

Согласно многочисленным толкователям, у Дауда было около 100 детей; если бы речь шла об имущественном наследстве, Коран не ограничился бы упоминанием одного Сулеймана.

Так же и Закария просил сына, который унаследовал бы его пророчество и духовное руководство сынами Израиля.

Имущество он иметь в виду не мог, потому что сам был бедным плотником и жил трудом собственных рук.[736]

---

734 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 86.

735 Там же, 85. Среди сподвижников, передававших хадис в этой версии, перечисляются Умар, Усман, Али, аз-Зубайр, Са‘д и аль-Аббас. Очевидно, он основан на рассказе о том, как Умар потребовал и получил от наиболее выдающихся сподвижников, включая Али и аль-Аббаса, подтверждение, что все они знали это высказывание Мухаммада. См. выше, с. 62–63.

736 Ибн Касир, Бидая, V, 290.

Еще один способ оправдать конфискацию владений Мухаммада в Медине, Хайбаре и Фадаке состоял в утверждении, что они вообще не были его личной собственностью, а принадлежали мусульманской общине и лишь предоставлялись ему в пожизненное распоряжение.

Эта концепция отражена в другом хадисе, приписываемом Абу Бакру, согласно которому он слышал слова Мухаммада:

«Эта земля — лишь кусок пищи (*му‘ма*), который Бог дал мне на пропитание; после моей смерти она будет принадлежать мусульманам».[737]

Согласно сообщению Аиши, халиф Умар проводил различие между личной собственностью Мухаммада и государственным имуществом, лишь предоставленным ему в пользование.

Мединские владения Мухаммада он передал Али и аль-Аббасу.

Али вскоре лишил последнего его прав на них — *галабаху алайха*.

Однако Хайбар и Фадак Умар сохранил под контролем государства, заявляя, что они были предоставлены Пророку для его нужд и чрезвычайных расходов и теперь находятся в распоряжении правителя мусульман.[738]

Земельные владения Мухаммада в Медине обычно описываются как семь садов, которые завещал ему еврей Мухайрик из Бану ан-Надир или Бану Кайнука, погибший при Ухуде.[739]

Аль-Вакиди утверждал, что в 7 году хиджры Пророк превратил их в благотворительный вакф.[740]

Умару, вероятно, было трудно утверждать, что земля Бану ан-Надир являлась общей собственностью мусульман, поскольку Абу Бакр подарил часть своей доли дочери Аише.[741]

Упоминаются также два других владения Мухаммада из земель Бану Курайза, расположенных в Алийат аль-Мадина.[742]

Из сообщения Аиши ясно, что конфискация имущества Мухаммада Абу Бакром не основывалась на утверждении, будто оно изначально являлось государственной собственностью.

Каэтани представлял вопрос наследства Мухаммада следующим образом.

---

737 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 86; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 210–211. Там Фатима сообщает, что Абу Бакр именно этим хадисом оправдывал отказ передать ей Фадак. Она ответила: «Ты и Посланник Божий знаете лучше. После этой встречи я больше просить тебя не стану».

738 Ибн Ханбаль, Муснад, I, 6–7; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 207.

739 Аль-Балазури, Футух, 18; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 173–176; Wensinck, Muhammad and the Jews of Medina, пер. W. Behn, Freiburg, 1975, 26–27; Annali, II/1, 688. Согласно другой версии, владения Пророка в Медине происходили из земель Бану ан-Надир, а землю, оставленную Мухайриком после Ухуда, он распределил среди мусульман (Ибн Шабба, 175).

740 Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 175.

741 См. выше, с. 51.

742 Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 187.

Решив, что все имущество Мухаммада должно стать общественной собственностью и что весь доход от него должен поступать мусульманам, Абу Бакр якобы лишь истолковывал волю Пророка, неоднократно выраженную им при жизни.[743]

В последние годы Мухаммад, по мнению Каэтани, весьма произвольно распоряжался доходами Фадака.

Когда вдовы Пророка и Фатима — последняя будто бы по наущению своего мужа Али — заявили права на наследство Фадака, «праведный дух» Абу Бакра восстал против подобной претензии, и он привел слова Мухаммада, отказывавшие дочери в праве на доходы Фадака: эти средства, по его мнению, предназначались для общего блага мусульман.[744]

Каэтани считал, что Мухаммад вообще не владел никакой землей в Медине, кроме своего дома.[745]

На этом основании он утверждал, что при Мухаммаде в земельной собственности господствовали «коммунистические тенденции».[746]

Однако Коран (59:6) ясно утверждает, что земли, отнятые у Бану ан-Надир, принадлежали Пророку и находились в его распоряжении, а не являлись собственностью мусульманской общины.

Запрет Абу Бакра на любое наследование имущества Мухаммада, очевидно, вскоре породил многочисленные предания о том, будто Пророк вообще умер, не оставив никакой личной собственности.

Аише приписывают слова о том, что, когда Посланник Божий умер, он не оставил ни динара, ни дирхама, ни раба, ни рабыни, ни овцы, ни верблюда.

Ибн аль-Аббас якобы добавлял, что Мухаммад оставил свои доспехи в залоге у еврея за 30 *са‘* ячменя.[747]

В действительности, несомненно, каждый — и прежде всего вдовы — просто присвоил то, что сумел.

---

3. БРАКИ УСМАНА ИБН АФФАНА

Сообщается, что Усман рассказывал своему сыну Амру: до ислама и до женитьбы на дочери Мухаммада Рукайе он был весьма неразборчив в отношениях с женщинами — *кунту мустахтиран би-н-ниса*.[748]

Однако, вероятно, еще тогда он был женат на Умм Хаким Асме — дочери махзумитского вождя Абу Джахля ибн Хишама, главного противника Мухаммада, — и имел от нее сына аль-Мугиру.

---

743 Annali, II/1, 521.

744 Там же, II/1, 686.

745 Там же, II/1, 688. Трудно понять, каким образом это, как утверждает Каэтани, «ясно следует из всего вопроса».

746 Там же, V, 526.

747 Ибн Са‘д, Табакат, II/2, 87; Annali, II/1, 521.

748 Ибн Асакир, Усман, 20.

Хотя среди жен Усмана Асму упоминает только аль-Балазури, [749]аль-Мугира перечисляется среди его сыновей и в других источниках.[750]

Вероятно, имя аль-Мугира он получил в честь деда Абу Джахля — аль-Мугиры ибн Абдаллаха, одного из ранних вождей Махзума.

Усман развелся с Асмой, скорее всего, во время своего обращения в ислам.

На него, вероятно, давили ее отец, а возможно, и Мухаммад, требуя разрыва.

После этого Асма вышла замуж за махзумита аль-Валида ибн Абд Шамса ибн аль-Мугиру, двоюродного брата ее отца.

Сын Усмана аль-Мугира, очевидно, еще был ребенком и воспитывался матерью и ее родственниками.

Вполне возможно, как уже предполагалось, [751]что именно он был тем аль-Мугирой ибн Усманом, которого ас-Судди упоминает среди языческих мекканцев, подвергшихся нападению мусульман у Нахлы во 2/623 году и сумевших тогда спастись.[752]

Поскольку впоследствии о нем ничего не сообщается, вероятно, он умер язычником еще до мусульманского завоевания Мекки.

На раннюю дату брака Усмана с Асмой указывает и то, что при халифе Умаре он женился на Умм Абдаллах Фатиме — дочери Асмы от аль-Валида ибн Абд Шамса.

Аль-Валид погиб, сражаясь под командованием Халида ибн аль-Валида в битве при аль-Акрабе в 12/633 году. [753]Дата смерти Асмы бинт Аби Джахль неизвестна.

По собственному рассказу Усмана, еще до того, как он узнал о пророческой миссии Мухаммада, его поразила красота Рукайи и он позавидовал Утбе ибн Аби Лахабу, которому Мухаммад отдал ее в жены.

Именно поэтому Усман стал искать встречи с Пророком.[754]

Он принял ислам и вскоре женился на Рукайе после того, как Утба по требованию своего отца развелся с ней.

Она сопровождала Усмана в переселении в Абиссинию и затем в Медину.

Из-за болезни Рукайи Мухаммад позволил Усману остаться дома во время похода на Бадр во 2/624 году.

Рукайя умерла до возвращения Мухаммада.

После выкидыша, вероятно еще в Абиссинии, она родила Усману сына Абдаллаха, известного как старший Абдаллах — *аль-Акбар*.

---

749 Аль-Балазури, Ансаб, V, 105. Мус‘аб аз-Зубайри не упоминает Асму среди жен Усмана, а аль-Мугиру — среди его сыновей. В заметке об Асме бинт Аби Джахль он упоминает только ее брак с махзумитом аль-Валидом ибн Абд Шамсом (Насаб, 312).

750 Ибн Кутайба, Ма‘ариф, 198; аль-Масуди, Мурудж, III, 75, § 1577.

751 Pellat в указателе к al-Mas‘udi, Muruj, VII, s.v. al-Mughira b. ‘Uthman.

752 См. ат-Табари, I, 1277 и ат-Табари, Джами‘, II, 196. Аль-Мугира ибн Усман отсутствует в рассказе Ибн Исхака о набеге у Нахлы. По совпадению названных язычников видно, что караван в основном принадлежал Махзуму.

753 Аз-Зубайри, Насаб, 330.

754 Ибн Асакир, Усман, 20.

По большинству источников, мальчик умер в возрасте 6 лет в джумада I 4 года хиджры / октябре–ноябре 625 года после того, как петух клюнул его в глаз.[755]

После возвращения из Абиссинии в Мекку Усман женился на Рамле, дочери Шайбы ибн Раби‘а ибн Абд Шамса.

Ее отец Шайба ибн Раби‘а был одним из виднейших представителей языческой курайшитской знати и погиб вместе с братом Утбой при Бадре.

Усман, должно быть, гордился тем, что сумел жениться на его дочери, вероятно с согласия самого Шайбы.

Он выплатил за нее брачный дар в 30 000 или 40 000 дирхамов.[756]

Она переселилась с Усманом в Медину и причисляется к мухаджират — женщинам-переселенкам.

Когда ее отец погиб при Бадре, жена Абу Суфьяна Хинд бинт Утба высмеивала Рамлу в стихах за предательство собственного рода.

Большинство источников скрывает тот факт, что Усман был женат на ней одновременно с Рукайей.[757]

Известно, что после завоевания Мекки Мухаммад вмешался, чтобы не допустить брака Али с Джувайрией, дочерью Абу Джахля, настаивая, что дочь «врага Божьего» не должна находиться в одном браке рядом с дочерью Пророка Фатимой.

Но во время женитьбы Усмана на Рамле Мухаммад, вероятно, еще не имел возможности возражать, если вообще хотел это сделать.

От Рамлы у Усмана было три дочери: Умм Абан, Умм Амр и Аиша.

Вероятно, все они родились еще при жизни Мухаммада, и Усман выдал их замуж в первые годы своего халифата.

Умм Абан он выдал за Марвана ибн аль-Хакама, [758]Умм Амр — за Са‘ида ибн аль-Аса, а [759]Аишу — за аль-Хариса ибн аль-Хакама.

Позднее Аиша была замужем за Абдаллахом ибн аз-Зубайром и развелась с ним.[760]

Рамла оставалась женой Усмана вплоть до его гибели.

---

755 Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 37; ат-Табари, I, 1453; Annali, I, 588. В биографии Рукайи Ибн Са‘д (Табакат, VIII, 24) утверждает, что Абдаллах умер в возрасте одного или двух лет, за несколько лет до смерти Рукайи.

756 Аль-Балазури, Ансаб, V, 13.

757 Ибн Абд аль-Барр, цитируемый Ибн аль-Асиром (Усд аль-габа, V, 457), прямо утверждал, что Рамла переселилась в Медину вместе со своим мужем Усманом ибн Аффаном. В издании Исти‘аб Ибн Абд аль-Барра (II, 730), однако, вместо Усмана ибн Аффана стоит Усман ибн Маз‘ун. См. также обсуждение у Ибн Хаджара, Исаба, VIII, 86.

758 Аль-Балазури, Ансаб, V, 106; Ибн Хабиб, аль-Мухаббар, изд. I. Lichtenstaedter, Hyderabad, 1942, 56. Брат Марвана Абд ар-Рахман в стихотворной строке признавался в любви к ней (аз-Зубайри, Насаб, 161). Брак, вероятно, состоялся после возвращения Марвана из экспедиции Абдаллаха ибн Са‘да в Ифрикию в 27/647 году, когда Усман также дал ему 500 000 дирхамов из хумса добычи (аль-Якуби, Та’рих, II, 191; Annali, VII, 193).

759 Аз-Зубайри, Насаб, 112; аль-Балазури, Ансаб, V, 106; Ибн Хабиб, Мухаббар, 55.

760 Аль-Балазури, Ансаб, V, 106; аз-Зубайри, Насаб, 112; текст там поврежден и должен читаться: «вышла за аль-Хариса ибн аль-Хакама и родила ему Усмана ибн аль-Хариса». См. аз-Зубайри, Насаб, 170; Ибн Хабиб, Мухаббар, 55.

Вскоре после смерти Рукайи Умар ибн аль-Хаттаб предложил Усману руку своей недавно овдовевшей дочери Хафсы.

Усман пообещал подумать, но через несколько дней отказал Умару, сославшись на то, что пока не готов жениться.

Тогда вмешался Мухаммад: сам женился на Хафсе, а Усману предложил свою дочь Умм Кульсум.[761]

Усман женился на ней в раби‘ I 3 года хиджры / августе–сентябре 624 года, через 5 месяцев после Бадра.

Ранее она была замужем за Утайбой ибн Аби Лахабом, но до супружеской близости дело не дошло: по требованию отца он развелся с ней.

Она умерла бездетной в ша‘бане 9 года хиджры / ноябре–декабре 630 года.[762]

В Медине, скорее всего еще при жизни Мухаммада, Усман женился на Фахите бинт Газван.

Ее брат Утба ибн Газван ибн Джабир из Мазина, входившего в Кайс Айлан и являвшегося союзником Бану Науфаль, рано принял ислам в Мекке, переселялся в Абиссинию и Медину, а при Умаре стал основателем и первым наместником Басры.[763]

Фахита среди мухаджират не упоминается и, возможно, приехала в Медину позже брата.

Вероятно, Усман женился на ней, чтобы обеспечить ей поддержку.

Она родила ему сына Абдаллаха, известного как младший Абдаллах — *аль-Асгар*.[764]

Он, по-видимому, родился уже после смерти сына Рукайи и поэтому получил то же имя.

Он также умер молодым — еще до вступления Усмана на престол.

Фахита пережила Усмана и впоследствии вышла замуж за Абу Хурайру.[765]

После завоевания Мекки в 8/630 году Усман женился на дочери своего троюродного родственника Халида ибн Асида ибн Аби аль-Иса ибн Умайи, выплатив брачный дар в 40 000 дирхамов.[766]

Халид ибн Асид принял ислам при завоевании Мекки и погиб в битве при аль-Акрабе в 12/633 году.

Цель Усмана в этом браке, очевидно, заключалась в укреплении связей с наиболее влиятельными Омейядами.

Больше о дочери Халида ибн Асида ничего не известно.

Вероятнее всего, она вскоре умерла бездетной.

---

761 Ибн Са‘д, Табакат, VIII, 56–58. Сообщения, будто сам Усман предложил жениться на Хафсе, а Умар отказал ему, очевидно ошибочны (Ибн Асакир, Усман, 31–32).

762 Ибн Са‘д, Табакат, VIII, 25.

763 Там же, III/1, 69; VII/1, 1–3.

764 В списке Ибн Кутайбы Абдаллах аль-Акбар ошибочно указан сыном Фахиты, а Абдаллах аль-Асгар — сыном Рукайи (Annali, VIII, 301).

765 Аль-Балазури, Ансаб, V, 100.

766 Там же, V, 13.

Джундаб ибн Амр ибн Хумама из Бану Даус племени Азд приехал в Медину как мухаджир.

Отправляясь в поход на Сирию, он поручил свою дочь Умм Амр заботам халифа Умара и попросил, если с ним что-нибудь случится, выдать ее замуж за равного ей.

Умар называл ее «моя дочь», а она его — «мой отец».

Когда Джундаб погиб мучеником, халиф стал искать мужа для «красивой полноватой девушки».[767]

Усман женился на Умм Амр бинт Джундаб и позднее говорил, что нашел в ней все, что любил в женщине.[768]

Она родила ему четырех сыновей — Амра, Абана, Халида и Умара — и дочь Марьям аль-Кубра.

Амр, Абан и Умар пережили Усмана и имели потомство.

Халид погиб в результате несчастного случая при жизни отца, но также оставил детей.[769]

Усман выдал Марьям за Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама аль-Махзуми, племянника Абу Джахля.

Позднее, согласно Мус‘абу аз-Зубайри, она вышла замуж за Абд аль-Малика ибн Марвана.[770]

Умм Амр бинт Джундаб, по-видимому, умерла раньше Усмана.

Вероятно, ненамного позднее, при халифе Умаре, Усман женился на Умм Абдаллах Фатиме бинт аль-Валид ибн Абд Шамс ибн аль-Мугира аль-Махзуми, выплатив 30 000 дирхамов.[771]

Как уже говорилось, она была дочерью его доисламской жены Умм Хаким Асмы бинт Аби Джахль от ее второго мужа аль-Валида.

Тот принял ислам при завоевании Мекки и погиб при аль-Акрабе.

Фатима бинт аль-Валид родила Усману двух сыновей — аль-Валида и Са‘ида — и дочь Умм Са‘ид, которую Мус‘аб аз-Зубайри называет Умм Усман.[772]

Оба сына пережили отца, причем аль-Валид имел потомство.

---

767 Так у аль-Балазури. Абу аль-Фарадж аль-Исфахани читает: «красивая знатная» — аль-хасиба (Агани, I, 153).

768 Аль-Балазури, Ансаб, V, 13; Агани, I, 153–154, с дополнительными подробностями.

769 Аль-Балазури, Ансаб, V, 116–117; аз-Зубайри, Насаб, 119. По аз-Зубайри, именно халиф Усман первым предложил дочь махзумиту.

770 Аз-Зубайри, Насаб, 111–112, 308; Ибн Хабиб, Мухаббар, 55. Аль-Балазури утверждает, что Марьям аль-Кубра после смерти сестры Умм Амр была замужем за Са‘идом ибн аль-Асом, а после его смерти — за Абд ар-Рахманом ибн аль-Харисом и умерла раньше него (Ансаб, V, 106). Однако Са‘ид ибн аль-Ас умер лишь в 57–59/677–679 годах, и неизвестно, пережил ли его Абд ар-Рахман. Согласно Мус‘абу аз-Зубайри (Насаб, 180) и Ибн Са‘ду (Табакат, V, 20), Са‘ид ибн аль-Ас женился скорее на Марьям аль-Сугре, дочери Усмана от Наилы, после смерти ее сестры Умм Амр. Это выглядит более вероятным.

771 Аль-Балазури, Ансаб, V, 13. То, что Усман женился на Фатиме после Умм Амр, следует из возраста ее сыновей, которые были моложе старшего оставшегося в живых сына Усмана — Амра.

772 Аз-Зубайри, Насаб, 104, 112.

Будучи халифом, Усман выдал Умм Са‘ид — или Умм Усман — за Омейяда Абдаллаха ибн Халида ибн Асида, брата уже упомянутой жены Усмана, и погасил его долги.[773]

Неизвестно, был ли Усман к тому времени еще женат на сестре Абдаллаха.

Фатима бинт аль-Валид либо умерла до Усмана, либо, что менее вероятно, была им разведена.

После смерти халифа Умара Усман предложил жениться на его дочери Фатиме бинт Умар.

Необычайно высокий брачный дар — 100 000 дирхамов — возможно, был призван загладить прежний отказ Умару и Хафсе.

Однако Абдаллах ибн Умар, родной брат Хафсы, настоял на преимущественном праве двоюродного брата Фатимы по отцу, и ее выдали за Абд ар-Рахмана ибн Зайда ибн аль-Хаттаба.[774]

Особый интерес Усмана к этой дочери Умара, возможно, объяснялся тем, что ее матерью была махзумитка Умм Хаким бинт аль-Харис ибн Хишам, брату которой, Абд ар-Рахману, Усман выдал собственную дочь Марьям.

Фатиме бинт Умар тогда не могло быть больше 9 лет, поскольку Умар женился на ее матери лишь в 14/635 году после гибели ее предыдущего мужа Халида ибн Са‘ида ибн аль-Аса при Мардж ас-Суффаре.[775]

Возможно, Фатима бинт аль-Валид недавно умерла, и Усман стремился вновь восстановить тесные связи с семьей Абу Джахля.

В 28/648–649 году, за 7 лет до своей смерти, Усман женился на Наиле, дочери христианского вождя племени Кальб аль-Фарафисы ибн аль-Ахваса.[776]

Са‘ид ибн аль-Ас был женат на ее сестре Хинд бинт аль-Фарафиса.

Узнав об этом, Усман написал Са‘иду: если у Хинд есть сестра, пусть он передаст ей его предложение.

Са‘ид обратился к ее отцу, а тот попросил сына Дабба сопровождать сестру к халифу и представить ее, поскольку Дабб был мусульманином.

Усман выплатил Наиле 10 000 дирхамов брачного дара и подарил ей Кайсана Абу Салима и его жену Румману — рабыню из Кирмана.[777]

Наила родила Усману по меньшей мере четырех дочерей: Марьям аль-Сугру, Умм Халид, Арву, Умм Абан аль-Сугру и, возможно, пятую — Умм аль-Банин.

---

773 Там же, 112.

774 Аль-Балазури, Ансаб, V, 13.

775 Аз-Зубайри, Насаб, 303, 349–350.

776 Ат-Табари, I, 2827; Annali, VII, 231–232.

777 Аль-Балазури, Ансаб, V, 11–12; Агани, XV, 70–71; Annali, VII, 303–304. Са‘ид ибн аль-Ас, вероятно, в то время отвечал за сбор милостынного налога с Кальба. Источники, цитируемые Каэтани, вместо него называют аль-Валида ибн Укбу и утверждают, что тот организовал брак Наилы с Усманом и отвечал за садакат Кальба. Но аль-Валид ибн Укба тогда был наместником Куфы. В Агани, XV, 70–71, Са‘ид ибн аль-Ас также ошибочно назван тогдашним наместником Куфы.

По аль-Вакиди, матерью последней была Наила, а [778]по Ибн Са‘ду — наложница, *умм валад*.[779]

Изолированное сообщение Хишама аль-Кальби о том, что у Усмана от Наилы был также сын Анбаса, [780]вероятно ненадежно.

Марьям аль-Сугра была замужем за Омейядом Амром ибн аль-Валидом ибн Укбой ибн Аби Муайтом.

Ее описывают как женщину с тяжелым нравом, часто вызывавшую упреки мужа.[781]

Если верны сообщения Мус‘аба аз-Зубайри и Ибн Са‘да, что после смерти сестры Умм Амр она вышла за Са‘ида ибн аль-Аса, [782]Амр ибн аль-Валид, переживший Са‘ида, должен был с ней развестись.

Умм Халид после смерти своей сестры Умм Са‘ид — Умм Усман — вышла замуж за Абдаллаха ибн Халида ибн Асида.[783]

Арва вышла за Халида ибн аль-Валида ибн Укбу ибн Аби Муайта, [784]брата Амра ибн аль-Валида.

Умм Абан аль-Сугра замуж не выходила.[785]

Умм аль-Банин, согласно аль-Вакиди и [786]Ибн Са‘ду, [787]вышла за Суфьянида Абдаллаха ибн Язида ибн Аби Суфьяна.

Однако аль-Балазури и [788]Ибн Хазм [789]утверждают, что у Язида ибн Аби Суфьяна вообще не было потомства.

По Ибн Хабибу, Умм аль-Банин была замужем скорее за Абу Суфьяном ибн Абдаллахом ибн Халидом ибн Асидом.[790]

Сын Абдаллаха ибн Халида ибн Асида по имени Абу Суфьян в других источниках, по-видимому, неизвестен.

Мус‘аб аз-Зубайри, вероятно, ошибается, утверждая, что она вообще не была замужем.[791]

Наила прославилась среди жен Усмана своей мужественной попыткой защитить мужа от убийц и письмом, в котором призывала Муавию к мести.

Она отказала Муавии в браке и, чтобы положить конец его настойчивости, вырвала себе два передних зуба.[792]

---

778 Ат-Табари, I, 3056–3057.
779 Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 37; то же у Ибн Шаббы, Та’рих аль-Мадина, 953.
780 Ат-Табари, I, 3056.
781 Аль-Балазури, Ансаб, V, 12, 106.
782 См. выше, прим. 56.
783 Аз-Зубайри, Насаб, 112; Ибн Хабиб, Мухаббар, 55.
784 Там же.
785 Аз-Зубайри, Насаб, 112.
786 Ат-Табари, I, 3036–3037.
787 Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 37.
788 Аль-Балазури, Ансаб, 4/1, 6.
789 Ибн Хазм, Джамхара, 111.
790 Ибн Хабиб, Мухаббар, 55.
791 Аз-Зубайри, Насаб, 112.
792 Аль-Балазури, Ансаб, V, 12–13; см. выше, с. 349.

Несомненно, уже во время своего халифата Усман женился также на Умм аль-Банин Мулайке, дочери Уяйны ибн Хисна ибн Хузайфы ибн Бадра аль-Фазари.

Ее отец был вождем Фазары — грубым, жестким бедуином, внуком знаменитого племенного лидера и героя войны Дахис Хузайфы ибн Бадра.

Уяйна поначалу ожесточенно воевал с мусульманами, затем присоединился к ним незадолго до завоевания Мекки, оставаясь язычником в душе.

В делегации Фазары, объявившей Мухаммаду об официальном обращении племени в ислам в 9/630–631 году, Уяйна демонстративно отсутствовал.[793]

После смерти Мухаммада он участвовал в *ридде*, активно поддерживая лжепророка Тульайху.

Его схватили и привели к Абу Бакру, который его помиловал.

Чрезвычайно гордившийся своим племенным происхождением, Уяйна, очевидно, мечтал выдать дочь Умм аль-Банин за главу мусульманской общины.

Согласно анекдоту, сначала он предлагал ее самому Мухаммаду, чем вызвал недовольство Аиши.[794]

Позднее он, по-видимому, пытался выдать ее за Умара.

Когда однажды Уяйна грубо обругал своего зятя Усмана, тот сказал ему:

— Если бы перед тобой был Умар, ты не осмелился бы так говорить.[795]

Во всяком случае, Усман женился на Умм аль-Банин, выплатив 500 динаров, и [796]мирился как с бедуинским нравом ее отца, так и с ее собственным.

Уяйна не упускал случая навещать дочь по ночам в Рамадан, когда она находилась у халифа.

Усман приглашал его к вечерней трапезе после окончания поста, но Уяйна отказывался, объясняя, что постится.

На удивленный вопрос Усмана, зачем кому-то поститься ночью, он ответил, что считает день и ночь одинаковыми и ночью ему поститься легче.

Халиф рассмеялся.[797]

Согласно другой истории, переданной аль-Мадаини, [798]Салим ибн Мусафи ибн Дара из Бану Абдаллах ибн Гатафан был ранен Зумайлем ибн Убайром из Фазары после ссоры и доставлен к Усману в Медину.

Халиф приказал своему врачу лечить его.

Врач предложил применить лекарство вместо операции.

---

793 Annali, II/1, 291.

794 Ибн Хаджар, Исаба, V, 55.

795 Там же, 56.

796 Аль-Балазури, Ансаб, V, 13. Последовательность выплат брачных даров женам Усмана, вероятно, хронологическая. Брак с Умм аль-Банин упомянут после попытки Усмана жениться на Фатиме бинт Умар уже после смерти Умара, что подтверждает дату брака во время халифата Усмана. До его правления ни Уяйна, ни Усман в этом союзе особенно заинтересованы быть не могли.

797 Аль-Балазури, Ансаб, V, 106; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1056–1057.

798 Аль-Балазури, Ансаб, V, 15. Дополнительные подробности распри см. у Ибн Шаббы, Та’рих аль-Мадина, 1057–1063.

Но дочь Уяйны, проявив настоящую племенную солидарность с Фазарой, подкупила врача, чтобы тот насыпал в рану яд, и Салим умер.

Умм аль-Банин родила Усману сына Абд аль-Малика, умершего ребенком.[799]

Хишам ибн аль-Кальби упоминает второго сына Усмана от нее — Утбу.[800]

Согласно некоторым источникам, Усман развелся с Умм аль-Банин во время осады своего дворца.

Аль-Мадаини, сообщая это, замечал, что ей была свойственна та же грубость — *джафа* — что и ее отцу Уяйне.

Узнав слова Пророка о том, что племена Музайна, Джухайна, Аслам и Гифар лучше Тамима, Асада, Амира и Гатафана, к которым относилась Фазара, Уяйна сказал:

— Лучше быть с этими в аду, чем с теми в раю.

Когда его слова дошли до Умм аль-Банин, она воскликнула:

— Клянусь Богом, мой отец не так уж далек от истины.[801]

Тем не менее Умм аль-Банин занимает заметное место среди тех, кто помог тайно похоронить убитого халифа.

Мус‘аб аз-Зубайри называет ее и Наилу двумя женами, унаследовавшими имущество Усмана.[802]

Только Ибн Са‘д, как уже отмечалось, упоминает безымянную наложницу Усмана как мать его дочери Умм аль-Банин.

Система браков самого Усмана и его дочерей ясно отражает его стремление — особенно в более зрелые годы — укрепить связи со старой мекканской аристократией.

Помимо собственного рода Абд Шамс, он особенно настойчиво искал союза с Махзумом и прежде всего с семьей Абу Джахля.

Очевидно, Усман хотел восстановить связи, разорванные после того, как при принятии ислама был вынужден развестись с дочерью Абу Джахля.

Его сближение с Махзумом принесло плоды во время выборов *шуры*, когда Махзум решительно поддержал его кандидатуру против Али.[803]

Родство Усмана с Бану Хашим через его бабушку, по-видимому, значило для него мало.

Его личное самолюбие, вероятно, льстило тому, что ему были отданы в жены две дочери Пророка.

Но после их смерти он не пытался сохранять брачные связи с родом Мухаммада.

---

799 Так у аль-Масуди (Мурудж, III, § 1577), что косвенно подтверждается ат-Табари, I, 3056. Мус‘аб аз-Зубайри, вероятно, ошибается, говоря, что Абд аль-Малик дожил до взрослого возраста, но умер бездетным (Насаб, 104).

800 Ат-Табари, I, 3056.

801 Аль-Балазури, Ансаб, V, 100.

802 Аз-Зубайри, Насаб, 112.

803 См. выше, с. 71.

Ему недоставало чувства солидарности с новой исламской знатью, основанной на *сабике* — раннем принятии ислама — и религиозных заслугах, которую пытался создать Умар.

Ни с семьями Абу Бакра, Умара, пяти остальных членов *шуры*, ни с ансарами он устойчивых брачных союзов не заключал.

Его попытка жениться на Фатиме, дочери Умара, как уже отмечалось, вероятнее всего объяснялась прежде всего ее махзумитским происхождением по матери.

Благочестивый Абдаллах ибн Умар, возможно, отчасти именно потому и отказал Усману.

Из двух племенных вождей, чьих дочерей Усман взял в жены во время своего халифата, один был христианином, другой — номинальным мусульманином, насмехавшимся над исламским ритуалом и верой.

Примечательно и то, что среди Омейядов Усман не установил брачных связей с Муавией.

Его отношения с Абу Суфьяном и многочисленными потомками последнего явно были менее тесными, чем с другими ветвями клана, даже если темные сообщения о браке его дочери Умм аль-Банин с Абдаллахом ибн Язидом ибн Аби Суфьяном достоверны.

Позднее именно Муавия, став халифом, выдал свою дочь Рамлу за Амра — старшего из оставшихся в живых сыновей Усмана и предполагаемого наследника.[804]

Сведения о браках Усмана важны и для вопроса о его возрасте.

Если за 7 лет до смерти он женился на Наиле и имел от нее по меньшей мере четырех дочерей, маловероятно, что он достиг 82 лет, как утверждает большинство источников, не говоря уже о 86, 88, 90 или 95 годах, встречающихся у некоторых авторов.

Более правдоподобным представляется возраст 75 лет, указанный Абу Ма‘шаром.

Возраст 63 года у Сайфа ибн Умара произвольно подобран, чтобы Усман и другие ранние халифы чудесным образом умерли в том же возрасте, что и Мухаммад.[805]

---

4. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ В ИРАКЕ ПРИ УМАРЕ

Все свидетельства, на которые Каэтани опирался, утверждая, что Умар предоставлял пожалования из земель *фай’* в Ираке, [806]несостоятельны.

Случай ар-Руфайля, или Ибн ар-Руфайля, [807]земельного магната — *дихкана*, сотрудничавшего с мусульманскими завоевателями, не касается бесхозной государственной земли.

Ар-Руфайль сохранил свое поместье во время завоевания.

Когда позднее он принял ислам, Умар позволил ему оставить землю за собой при условии продолжения уплаты земельного налога — *харадж*.

---

804 Аз-Зубайри, Насаб, 106.

805 Сведения о возрасте Усмана в различных источниках см. Annali, VIII, 258–260.

806 Annali, V, 404.

807 Яхья, Харадж, 42.

Это не меняло ее правового статуса, поскольку все, кто оставался на своей земле во время завоевания, признавались ее фактическими владельцами при условии уплаты *хараджа*.

Случай Са‘ида ибн Зайда, [808]зятя Умара, весьма сомнителен.

Сообщается, что Са‘д ибн Аби Ваккас по приказу Умара пожаловал ему землю, которая оказалась принадлежащей Ибн ар-Руфайлю.

Когда тот пожаловался, Умар отменил пожалование Са‘иду.

Если рассказ вообще достоверен, событие должно относиться ко времени завоевания, еще до того, как Умар постановил общую неприкосновенность сельскохозяйственных земель.

Пожалование Умаром земли Али [809]касалось Янбу‘ в Аравии.

Очевидно, это была пустующая, необрабатываемая земля.

Такие наделы прежде неосвоенной земли предоставлял еще Мухаммад.

По сообщению Урвы ибн аз-Зубайра, Абу Бакр пожаловал его отцу аз-Зубайру такую землю в аль-Джурфе, в трех милях к северу от Медины.[810]

Умар также владел там землей, [811]которую, вероятно, получил от Абу Бакра или Мухаммада.

Случай Хусайма аль-Кари [812]также касается земли в Аравии, близ Зу-ль-Марвы.

Вопреки утверждению Каэтани, Умар отказался предоставить Хусайму землю, которую тот просил.

Пожалование Умаром участка Абу Абдаллаху Нафи‘у на берегу Тигра для выпаса коней также касалось неиспользуемой земли.

Умар потребовал подтвердить, что это не облагаемая налогом сельскохозяйственная земля — *ард аль-джизья* — и что она не орошается водой, поступающей с обрабатываемых земель.[813]

Сообщение Мусы ибн Тальхи, будто Умар пожаловал земли пятерым сподвижникам, цитируемое Яхьей ибн Адамом, [814]основано на ошибочной передаче.

В надежных параллельных версиях аль-Балазури, [815]Абу Убайда и [816]Ибн Шаббы [817]эти пожалования приписываются Усману.

Муса ибн Тальха в нескольких сообщениях категорически утверждал, что Усман первым начал раздавать *икта‘* в *Саваде*.

---

808 Там же.

809 Там же, 57.

810 Там же; аль-Балазури, Футух, 13, 21. Абу Юсуф, напротив, сообщает, что аль-Джурф был землей Бану ан-Надир и был пожалован аз-Зубайру Мухаммадом (Абу Юсуф, Китаб аль-Харадж, Каир, 1352/[1933], 61).

811 Якут, Булдан, II, 7.

812 Ибн Са‘д, Табакат, V, 343.

813 Яхья, Харадж, 11, 57–58.

814 Там же, 57.

815 Аль-Балазури, Футух, 273.

816 Абу Убайд аль-Касим ибн Саллам, Китаб аль-Амваль, изд. Мухаммад Харрас, Каир, 1968, 393.

817 Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1020–1021.

Будучи современником событий и сыном одного из тех, кто получил выгоду от новой политики Усмана, он является ключевым свидетелем по этому вопросу.

Позднейшие мусульманские авторы и правоведы, поддерживавшие интересы государства, обычно отстаивали мнение, что землями *савафи* халиф мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Поэтому Сайф ибн Умар, опираясь на пространное сообщение, которое приписывает Амиру аш-Ша‘би — умершему в 103/721 году и считавшемуся чрезвычайно авторитетным свидетелем, — также утверждает, будто Умар раздавал *икта‘* в Саваде.[818]

Однако тот же аш-Ша‘би, согласно надежным сообщениям, утверждал, что ни Мухаммад, ни Абу Бакр, ни Умар не давали *икта‘* из обрабатываемых земель и что первым, кто стал жаловать и продавать такие земли, был Усман.[819]

Примеры, приводимые Сайфом якобы со слов аш-Ша‘би, несомненно сфабрикованы.

Поместье Тальхи было пожаловано Усманом, что засвидетельствовано и его сыном Мусой, и аш-Ша‘би.[820]

Джарир ибн Абдаллах, вождь Баджилы, получил свое поместье на Евфрате от Усмана.

Когда Умар отменил *икта‘*, первоначально предоставленную всему племени Баджила, он, как сообщается, наградил Джарира 80 динарами.[821]

Рассказ Сайфа о том, что Умар приказал Усману ибн Хунайфу выделить Джариру землю для содержания, является выдумкой, не подтверждаемой ни одним другим источником.

Поэтому и остальные имена, упоминаемые Сайфом, — ар-Рибби‘ ибн Амр аль-Асади, Абу Муаффар ат-Тамими и Абу Муса аль-Аш‘ари — не внушают доверия.

Главный судья Харуна ар-Рашида Абу Юсуф утверждает, что в Ираке все земли персидского царя — Кисры, — его знати — *маразиба* — и двора были пригодны для раздачи как пожалования — *катаи‘*.[822]

Имам, по его мнению, должен раздавать *икта‘* тем, кому пожелает, и не оставлять землю без владельца и обработки.[823]

Но все примеры пожалований Умара, приводимые Абу Юсуфом, относятся к Аравии.[824]

Для Ирака он приводит пожалования Усмана.[825]

Абу Убайд аль-Касим ибн Саллам также не упоминает ни одного случая раздачи Умаром сельскохозяйственных земель в Ираке.

---

818 Ат-Табари, I, 2376.
819 Яхья, Харадж, 58; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1019.
820 Аль-Балазури, Футух, 273.
821 Яхья, Харадж, 29–30.
822 Абу Юсуф, Харадж, 57.
823 Там же, 58, 61.
824 Там же, 61–62.
825 Там же, 62.

Он оправдывает пожалования Усмана тем, что они делались из бесхозных земель, которые Умар якобы выделил в категорию *савафи*.[826]

И Абу Юсуф, и Абу Убайд подкрепляют этот довод сообщением куфийца Абд аль-Малика ибн Аби Хурры аль-Ханафи со слов его отца.

Согласно этому сообщению, Умар выделил — *асфа* — как *савафи* земли персидского царя, земли бежавших владельцев и ряд других категорий.

Реестр этих земель — *диван* — был сожжен людьми во время битвы при Дайр аль-Джамаджим в 83/702 году.[827]

Сообщение определенно было сформулировано поздно и не представляет ценности как источник по эпохе Умара.[828]

В действительности Умар произвел обмер всего Савада, установил ставки налогообложения и передал землю под управление наместника и гарнизона Куфы.

Выделение и регистрация земель *савафи* произошли лишь при халифе Муавии.

---

5. ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО КРИЗИСУ ХАЛИФАТА УСМАНА

Наиболее надежную историю кризиса халифата Усмана дает аль-Вакиди.

Цитируемые им источники — многие из них очевидцы либо люди, получившие сведения из первых рук, — охватывают весь спектр политических позиций в отношении событий.

Среди них — Алиды Умар ибн Али ибн Аби Талиб, его сыновья Мухаммад и Али, а также проалид Абдаллах ибн аль-Аббас.

---

826 Абу Убайд, Амваль, 399–400.

827 Абу Юсуф, Харадж, 57; имя Абдаллаха ибн Аби Хурры в тексте, вероятно, следует читать как Абд аль-Малик ибн Аби Хурра. В версии Абу Юсуфа отец, Абу Хурра, отдельно не упоминается. См. также Абу Убайд, Амваль, 399; аль-Балазури, Футух, 272–273. Рассказ частично переведен и принят как надежный у D. C. Dennett, Conversion and Poll Tax in Early Islam, Cambridge, 1950, 26.

828 Абу Хурра аль-Ханафи в одной из версий у аль-Балазури (Футух, 272) называется «наиболее осведомленным человеком об этом Саваде». Абд аль-Малик ибн Аби Хурра известен в других источниках только как передатчик шиитских сообщений о последнем периоде правления Али Абу Михнафу (ат-Табари, I, 3270, 3361, 3363, 3383; Sezgin, Abu Mihnaf, 192). Его главным источником, вероятно, были сведения от отца, упомянутого как посланник Али к восставшим Бану Наджия. Абу Хурра должен был быть тогда очень молод, если дожил до времени после Дайр аль-Джамаджим. Рассказы, несомненно, были сформулированы Абд аль-Маликом, а не его отцом.

Передатчиком сообщения Абд аль-Малика о Саваде был куфиец Абдаллах ибн аль-Валид ибн Абдаллах ибн Ма‘киль аль-Музани, который передавал его в различных версиях, постоянно используя формулу «Умар выделил — асфа Умар». Он явно был заинтересован в приписывании поздней политики халифов относительно савафи Умару.

Абу Юсуф приводит от него сходное сообщение со слов неназванного «человека из Бану Асад», который якобы лучше всех знал Савад. Сам Абу Юсуф, также заинтересованный в легитимации практики Аббасидов, добавил рассказ о том, что Умар выделил различные категории коронных земель, слышанный им «от одного из старых шейхов жителей Медины» (Харадж, 57–58).

Представлены и члены курайшитского рода Зухра, поначалу поддерживавшего Усмана, но затем разочаровавшегося в нем: аль-Мисвар ибн Махрама, его мавла Абу Аун, [829]Абд ар-Рахман ибн аль-Асвад ибн Абд Ягус и семья Са‘да ибн Аби Ваккаса.[830]

Так же представлен и род Махзум, тоже разочаровавшийся в Усмане.[831]

Проусманидская, но антимарванидская семейная традиция аз-Зубайра представлена Абу Хабибой, мавлой аз-Зубайра, и Мусой ибн Укбой, мавлой семейства аз-Зубайра.

Со стороны ансаров имеется традиция влиятельной мединской семьи Амра ибн Хазма из Бану ан-Наджжар, которая в конечном счете заняла отчетливо антиусманидскую позицию.

Особенно важным и чрезвычайно надежным является свидетельство Мухаммада ибн Масламы из Бану Амр ибн Ауф племени Аус — сторонника Усмана почти до самого конца, а затем нейтрала, который либо вовсе не принес присягу Али, либо отказался поддержать его в войне.

Усманидским было и свидетельство Усмана ибн Мухаммада аль-Ахнаси, [832]внука аль-Мугиры ибн аль-Ахнаса ас-Сакафи, погибшего при защите дворца Усмана.

Промарванидскую точку зрения представлял Абу Хафса, вольноотпущенник Марвана, хваставшийся, что именно он начал гражданскую войну, а также сын Тальхи Муса.

После того как его отец совершил резкий поворот — от активного руководства мятежниками к преследованию их как убийц халифа, — Муса стал идейным сторонником Омейядов.[833]

Усманидскую и проомейядскую позицию занимал также Юсуф, сын Абдаллаха ибн Салама аль-Исраили.[834]

Характеристика аль-Вакиди у Каэтани как тенденциозного проалидского автора [835]совершенно необоснованна.

К сожалению, ат-Табари опустил значительную часть истории кризиса у аль-Вакиди, поскольку она вызывала у него отвращение.[836]

Часть опущенного материала можно восстановить по *Ансаб аль-ашраф* аль-Балазури.

---

829 Абу Аун, мавла аль-Мисвара, вероятно, тот же человек, что Абу Аун, отец Шурахбиля ибн Аби Ауна, хотя окончательно доказать это невозможно. Шурахбиль ибн Аби Аун не упоминается в биографических словарях. Обычно он передает от отца, но также служит информатором аль-Вакиди для важного сообщения египтянина Язида ибн Аби Хабиба со слов Абу аль-Хайра (ат-Табари, I, 2999). Таким образом, он, вероятно, был самостоятельным историком.

830 Потомками Са‘да ибн Аби Ваккаса были Исмаил ибн Мухаммад ибн Са‘д (ат-Табари, I, 2979) и Амир ибн Са‘д (там же, 2981).

831 Абдаллах ибн Айяш ибн Аби Раби‘а (там же, 3000) и его внук Абд ар-Рахман ибн Абд аль-Азиз (там же, 3021).

832 Там же, 3022.

833 Там же. О Мусе ибн Тальхе и его проомейядской позиции см. далее экскурс 6.

834 Ат-Табари, I, 3023. Абдаллах ибн Салам часто цитируется в сирийских источниках, восхваляющих Усмана и оплакивающих его смерть.

835 Annali, VIII, 147, 150 и далее.

836 Ат-Табари, I, 2965, 2980.

Однако ценность цитат аль-Балазури снижает его привычка сокращать сообщения — иногда весьма радикально — и [837]опускать *иснады*.

Другим главным источником ат-Табари является рассказ Сайфа ибн Умара.

Это поздняя куфийская усманидская и антишиитская конструкция, не имеющая источниковой ценности для самих событий.

Ее *иснады* в основном фиктивны.

Содержание и тенденциозность рассказа Сайфа кратко проанализировал Велльхаузен.[838]

Недавние попытки реабилитировать Сайфа ибн Умара [839]практически не опровергли существа оценки Велльхаузена.

Тем не менее Сайф сохранил некоторые современные событиям стихи единоутробного брата Усмана аль-Валида ибн Укбы и других авторов, и они представляют значительный интерес.[840]

Еще одним историческим передатчиком, которого ат-Табари неоднократно цитирует, был Джафар ибн Абдаллах аль-Мухаммади.

Его следует отождествить с потомком Мухаммада ибн аль-Ханафийи — Абу Абдаллахом Джафаром ибн Абдаллахом Ра’с аль-Мидхра ибн Джафаром ас-Сани ибн Абдаллахом ибн Джафаром ибн Мухаммадом.[841]

Он был имамитским шиитским автором, считавшимся весьма надежным передатчиком хадисов.

Вероятно, ат-Табари слышал его сообщения во время пребывания в Куфе.

Его постоянный *иснад* выглядит так:

Амр ибн Хаммад ибн Тальха и Али ибн Хусайн ибн Иса — Хусайн ибн Иса — его отец.[842]

Амр ибн Хаммад аль-Каннад, умерший в 222/837 году, известен как куфийский шиит — *рафиди*, — признававшийся надежным передатчиком.[843]

Хусайн ибн Иса, возможно, тот самый аль-Хусайн ибн Иса ибн Муслим аль-Куфи, которого суннитские критики хадиса характеризовали как передатчика «предосудительных хадисов» — *мункар аль-хадис*.[844]

---

837 Например, рассказ Абд ар-Рахмана ибн аль-Асвада занимает у ат-Табари две с половиной страницы (I, 2977–2979), а у аль-Балазури сокращен до пяти строк (Ансаб, V, 65).

838 Wellhausen, Skizzen, VI, 120–121, 124–125, 133–135. Части рассказа Сайфа ибн Умара, не сохранившиеся у ат-Табари, цитируются у Ибн Асакира, Усман, и Ибн Бакра, Тамхид.

839 См. в особенности A. Noth, «Der Charakter der ersten grossen Sammlungen von Nachrichten zur frühen Kalifenzeit», Der Islam, 17 (1971), 168–188; A. Noth, The Early Arabic Historical Tradition: A Source-critical Study, Princeton, 1994, 4–14; E. Landau-Tasseron, «Sayf Ibn ‘Umar in Medieval and Modern Scholarship», Der Islam, 67 (1990), 1–26.

840 См. Ибн Асакир, Усман, 306–309, 544–555. Значительная часть этой поэзии, вероятно, подлинна.

841 Ан-Наджаши, Риджаль, 120; Ибн Инаба, Умдат ат-талиб фи ансаб آل Аби Талиб, изд. Мухаммад Хасан Аль ат-Таликани, Наджаф, 1380/1961, 354.

842 Иснад в ат-Табари, I, 2985, Джафар — Амр — Мухаммад ибн Исхак, очевидно неполон.

843 Ибн Хаджар, Тахзиб, VIII, 22–23.

844 Там же, II, 364.

Таким образом, источник имеет отчетливо куфийско-шиитское происхождение.

Иса иногда сообщает собственную версию, но чаще ссылается на дальнейшие источники.

Дважды его передатчиком выступает Мухаммад ибн Исхак, которого ат-Табари в другом месте цитирует через иной *иснад*.[845]

Эти сообщения показывают, что источники Мухаммада ибн Исхака и его понимание событий значительно уступали аль-Вакиди.

Примечательно, что дядя Ибн Исхака Абд ар-Рахман ибн Ясар считал письмо, перехваченное египетскими мятежниками, действительно написанным Усманом.[846]

Но подробности его рассказа не внушают доверия.

Полностью запутано и ненадежно сообщение Ибн Исхака с *иснадом*:

Яхья ибн Аббад ибн Абдаллах ибн аз-Зубайр — Абдаллах ибн аз-Зубайр — его отец.[847]

Оно несомненно не восходит к Абдаллаху ибн аз-Зубайру, который, будучи молодым человеком и активным участником событий, хорошо их знал и не стал бы приписывать собственные сведения отцу.

Вероятнее всего, его внук Яхья ибн Аббад составил рассказ из отдельных сведений, полученных от деда.

Вероятно, более надежно третье сообщение Ибн Исхака, восходящее к махзумиту Абу Бакру ибн Абд ар-Рахману ибн аль-Харису ибн Хишаму.[848]

В целом передача Джафара аль-Мухаммади имеет невысокую источниковую ценность.

Сирийская и египетская исторические школы, которым Каэтани уделял немалое внимание, дают мало надежной информации.

«Сирийское» сообщение, представленное при Умаре II Абу Хубайшем Сахмом аль-Азди, которого называют последним очевидцем событий, [849]представляет собой проомейядскую выдумку.

Характерно, что в ней Тальха вместе с аз-Зубайром изображается сторонником Усмана еще до его смерти.

Напротив, чрезвычайно ценным и подлинным является письмо Усмана сирийцам, сохранившееся в сирийской школьной традиции.

Каэтани совершенно неправильно понял и оценил его как «продукт традиционалистов значительно более позднего времени».[850]

---

845 Ат-Табари, I, 3003.

846 Там же, 2983–2984.

847 Там же, 2986–2989.

848 Там же, 3003–3004.

849 Ибн Асакир, Усман, 422–425; Annali, VIII, 227–230.

850 Annali, VIII, 240–241. См. выше, с. 91, прим. 59.

Пространный сводный рассказ, который египтянин Абдаллах ибн Лахиа приписывал Язиду ибн Аби Хабибу, [851]обнаруживает глубокое незнание исторической ситуации.

Так, в нем аль-Валид ибн Укба изображен наместником Куфы во время восстания.

Описание убийства Усмана частично основано на сирийском рассказе Абу Хубайша аль-Азди.

Можно уверенно предположить, что весь рассказ был составлен самим Ибн Лахиа, а не Язидом ибн Аби Хабибом, который хорошо понимал историческую ситуацию, что видно из его сообщения, переданного Шурахбилем ибн Аби Ауном.[852]

Ансаб аль-ашраф аль-Балазури и *Та'рих аль-Мадина* Ибн Шаббы содержат материалы ранних источников, не использованные ат-Табари.

Ибн Шабба приводит множество усманидских сообщений, отсутствующих в других источниках, и, в отличие от аль-Балазури, избегает рассказов о проступках Усмана.[853]

Сообщения проалидского куфийца Абу Михнафа, цитируемые аль-Балазури, в одном месте совместно с Аваной, [854]имеют важнейшее значение для событий в Куфе.

В отношении событий в Медине Абу Михнаф иногда, по-видимому, располагал теми же сообщениями, что и аль-Вакиди, поэтому аль-Балазури мог объединять их версии.

Но более точное изучение их связи затрудняет частое опущение *иснадов* у аль-Балазури.

Главный рассказ Абу Михнафа о действиях египетских мятежников [855]показывает расплывчатость и ошибочность его знаний о событиях в Медине.

Так, он не знал, что во время первого похода мятежники вообще не вошли в Медину, а остановились в Зу Хушуб.

Письмо Усмана мятежникам, цитируемое Абу Михнафом, в котором халиф якобы обещает полностью удовлетворить их жалобы, [856]является подделкой.

Сообщения басрийской школы традиционалистов, представленной Абу Надрой аль-Абди, аль-Хасаном аль-Басри и Мухаммадом ибн Сирином, имеют усманидскую и антикуфийскую, но не антиалидскую направленность и преимущественно носят агиографический характер.

Достоверной информации из первых рук у них было немного.

Сильно усманидскими и вымышленными являются рассказы, которые Абу Надра передавал от Абу Са'ида, мавлы Абу Усайда.[857]

---

851 Ибн Асакир, Усман, 425–432; Annali, VIII, 227–230.

852 См. выше, прим. 115.

853 Характеристика Ибн Шаббы как «проалидского» автора «с шиитскими склонностями», предложенная E. L. Petersen, Ali and Mu'awiya, 92, прим. 45 и с. 151, после публикации его Та'рих аль-Мадина более не может считаться обоснованной.

854 Аль-Балазури, Ансаб, V, 36.

855 Там же, 62–66.

856 Там же, 64.

857 Абу Усайд — мединец Малик ибн Раби'а ас-Са'иди, участник Бадра (Ибн Хаджар, Тахзиб, X, 15–16; Исаба, VI, 13–14). Ибн аль-Мункадир называет его среди защитников Усмана во дворце (Ибн Шабба, Та'рих аль-Мадина, 1280).

Истории, которые мавла Усмана Васаб передавал через аль-Хасана аль-Басри, о предполагаемой встрече Усмана с аль-Аштаром и присутствии самого Васаба при убийстве Усмана, [858]вероятно ненадежны.

Аль-Балазури приводит пространный рассказ о кризисе и убийстве Усмана, принадлежащий басрийскому историку Вахбу ибн Джариру ибн Хазиму, который через *иснад* приписывал его мединцу аз-Зухри.[859]

Значительная часть основной информации, вероятно, действительно восходит к аз-Зухри, но композиция принадлежит Вахбу ибн Джариру или, возможно, его отцу.

В рассказе имеются серьезные заблуждения.

Например, утверждается, что египетские мятежники прибыли в Зу Хушуб уже в начале 35/июле 655 года и что во время последней осады Тальха и аз-Зубайр совместно контролировали положение в Медине.[860]

И аль-Балазури, и Ибн Шабба приводят пространный рассказ о кризисе, приписываемый раннему мединскому авторитету Са‘иду ибн аль-Мусайябу.[861]

На самом деле его автором был Исмаил ибн Яхья ат-Тайми — потомок халифа Абу Бакра, печально известный как фальсификатор хадисов.[862]

Исмаил ибн Яхья снабдил рассказ *иснадом*:

Мухаммад ибн Аби Зи’б — аз-Зухри — Са‘ид ибн аль-Мусайяб.

Вероятно, это произошло после смерти Ибн Аби Зи’ба в 158/775 или 159/776 году.

Исмаил передал рассказ дамаскинцу Мухаммаду ибн Исе ибн аль-Касиму ибн Сумай‘у аль-Умави, умершему в 204/819–820 или 206/821–822 году.

Тот передавал его дальше, скрывая имя своего источника, очевидно из-за его дурной репутации.

Поэтому аль-Балазури, Ибн Шабба и Ибн Асакир, [863]цитирующие рассказ полностью, приводят *иснад*, из которого Исмаил ибн Яхья исключен.

Рассказ, впечатляющий кажущимся богатством подробностей, цитировался и в других сочинениях, включая *аль-Икд аль-фарид* Ибн Абд Раббиха.[864]

Однако было хорошо известно, что автором являлся Исмаил ибн Яхья, а Ибн Сумай‘ намеренно скрывал его имя.[865]

---

858 Ат-Табари, I, 2989–2991; аль-Балазури, Ансаб, V, 92–93; Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 50.

859 Аль-Балазури, Ансаб, V, 88–92.

860 См. выше, с. 104.

861 Аль-Балазури, Ансаб, V, 25–26, 67–71; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1157–1161, 1302–1306.

862 Аз-Захаби, Мизан аль-и‘тидаль, Каир, 1325/[1907], I, 117–118; Ибн Хаджар аль-Аскаляни, Лисан аль-мизан, Hyderabad, 1329–1331/[1911–1913], I, 441–442. Полная родословная: Исмаил ибн Яхья ибн Убайдаллах ибн Тальха ибн Абдаллах ибн Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр. Потомки его прадеда Тальхи ибн Абдаллаха жили в пустыне в местности Хадат аль-Утум справа от дороги Медина—Мекка (аз-Зубайри, Насаб, 289).

863 Ибн Асакир, Усман, 421–424.

864 См. ссылки в комментариях к аль-Балазури, Ансаб, V, с. 25 и 67. Каэтани пересказал версию Ибн Асакира в Annali, VIII, 245–247.

865 Ибн Хаджар, Тахзиб, IX, 390–391.

То, что автор был потомком Абу Бакра, объясняет особую роль Мухаммада ибн Аби Бакра.

Тот изображен назначенным Усманом наместником Египта вместо Абдаллаха ибн Са‘да по требованию египетских мятежников.

В поддельном письме Усмана Абдаллаху ибн Са‘ду, перехваченном мятежниками, наместнику Египта якобы приказывалось проигнорировать назначение Мухаммада ибн Аби Бакра и тайно убить его.

Очевидно, история должна была оправдать ненависть Мухаммада ибн Аби Бакра к Усману.

Ибн Аби Бакр далее изображается человеком, приказавшим египтянам избить и убить халифа.

Все это, как и многие другие подробности рассказа, является вымыслом, противоречащим ранним надежным сообщениям.

---

6. МУСА ИБН ТАЛЬХА И ОМЕЙЯДЫ

Право мстить Марвану за убийство Тальхи прежде всего принадлежало бы сыну Тальхи Мусе, поскольку старший сын, Мухаммад, тоже погиб в Битве Верблюда.

Муса ибн Тальха, передатчик хадисов и человек настолько благочестивый, что позднее некоторые даже ожидали, что он окажется Махди, не был человеком, способным взяться за исполнение доисламского долга кровной мести — тем более против столь грозного рода, как Омейяды.

Он явно остался доволен тем, что Али передал ему наследство отца в обмен на присягу, и, по-видимому, не присоединялся к Муавии до смерти Али.

Когда позднее он посетил Омейяда, Муавия вежливо спросил, не хочет ли он услышать радостную весть, и процитировал слышанные от Пророка слова:

«Тальха — из тех, кто исполнил свой обет».[866]

Здесь имелся в виду Коран, 33:23, который относили к мусульманским мученикам, погибшим при Ухуде, где Тальха особенно отличился.

Муса, очевидно, был чрезвычайно доволен и со временем ответил рассказом, в котором изобразил Муавию наставляющим ранних сподвижников — в том числе собственного отца Тальху — в присутствии Усмана, объясняя им обязанность поддержать халифа, и ставящим на место Али, единственного, кто возражал против его мудрых советов.[867]

Муса и его братья Исхак и Исмаил были первыми курайшитами, подписавшими обвинительное письмо Зияда, объявлявшее Худжра ибн Ади неверным за восстание против Муавии.[868]

В Медине Муса не избегал убийцы своего отца.

---

[866] Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 155–156.

[867] Ат-Табари, I, 2948; Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1090–1091, где Муса ибн Тальха выпал из иснада. Ибн Шабба приводит несколько вторичных версий рассказа Мусы (1091–1095).

[868] Ат-Табари, II, 132.

Однажды Марван, всегда любивший провоцировать людей, стал в присутствии Мусы и Абдаллаха ибн аз-Зубайра хвалить Тальху, но, упомянув аз-Зубайра, не сказал о нем ни одного доброго слова.

Ибн аз-Зубайр тут же заметил, что Абу Мухаммад — Тальха — безусловно достоин похвалы, но он знает человека, о котором вообще невозможно сказать ничего хорошего.

Марван спросил:

— И кто же это?

Ибн аз-Зубайр ответил:

— Твой отец.

Марван бросился на него, и они начали обмениваться ударами, пока Муса не вмешался.

Ибн аз-Зубайр укорил его:

— Дай мне выбить глаз сыну изгнанника Посланника Божьего.[869]

Без вмешательства Мусы он вполне мог бы добиться своего: в отличие от Марвана, Ибн аз-Зубайр был превосходным борцом.

Позднее, выступая против контрхалифата Ибн аз-Зубайра, Марван счел полезным широко рассказывать сирийцам о том, как сам убил Тальху, доказывая тем самым, что именно он, а не Муавия, первым отомстил за Усмана.[870]

Сирийцы, должно быть, удивились, поскольку до этого им рассказывали, что Тальха был достойным человеком, защищавшим Усмана от его критиков и [871]сражавшимся против Али.

Тем не менее аргументы Марвана, похоже, произвели на них впечатление, и они предпочли его Ибн аз-Зубайру, который как раз выдвинул собственную претензию на роль истинного мстителя за кровь несправедливо убитого халифа.[872]

Во время второй *фитны* этот спор, судя по всему, мало занимал Мусу.

Халид ибн Шумайр, басрийский почитатель Абдаллаха ибн Умара, рассказывал, что Муса находился среди куфийцев, бежавших в Басру во время межмусульманской смуты, чтобы спастись от «лжеца» — *каззаба* — аль-Мухтара.

Ибн Шумайр и другие басрийцы посещали его кружок, поскольку многие считали, что именно Муса является Махди.

Обсуждалась тема *фитны*, и Муса выразил ужас перед межмусульманской войной.

В конце он попросил Бога помиловать Абдаллаха ибн Умара, который, как он считал, по-прежнему твердо соблюдал обязанность, возложенную на него Пророком.

«Клянусь Богом, — заключил он, — курайшиты не сумели втянуть его в сражение во время своей первой *фитны*».

---

869 Аль-Балазури, Ансаб, V, 203–204.

870 См. особенно там же, 134–135.

871 См. выше, с. 189.

872 Аль-Балазури, Ансаб, V, 128.

Ибн Шумайру показалось, что тем самым Муса косвенно осуждал поведение собственного отца, который тогда позволил втянуть себя в конфликт и погиб.[873]

Сын Марвана Абд аль-Малик женился на дочери Мусы Аише, которая родила ему сына Баккара.[874]

Брат Абд аль-Малика Бишр ибн Марван, будучи наместником Куфы при своем брате, охотно использовал Мусу как посредника в отношениях с религиозными кругами.

Сам Бишр любил выпить и предпочитал компанию поэтов.

Он посылал Мусе деньги для раздачи куфийским чтецам Корана — *курра* — чтобы сохранить их расположение, хотя не все соглашались принимать такую взятку.[875]

Другой сын Абд аль-Малика, грубый халиф аль-Валид, однажды сказал уже престарелому Мусе прямо в лицо:

— Каждый раз, когда ты приходишь ко мне, мне хочется тебя убить, и только рассказ моего отца о том, что Марван убил Тальху, удерживает меня.

О реакции Мусы ничего не сообщается.[876]

---

7. БРАКИ И ДЕТИ АЛЬ-ХАСАНА ИБН АЛИ

Первой женой аль-Хасана, вероятно, была Сальма — или Зайнаб, — дочь знаменитого кальбитского вождя Имру аль-Кайса ибн Ади ибн Ауса ибн Джабира ибн Ка‘ба ибн Улайма.

Имру аль-Кайс, христианин, прибыл из сирийской пустыни в Медину, чтобы объявить халифу Умару о своем желании принять ислам.

Умар был настолько доволен, что немедленно назначил его *амиром* над всеми представителями Куда‘а — к которым относился и Кальб, — которые примут ислам.

Когда Имру аль-Кайс собирался уезжать, Али вместе с сыновьями аль-Хасаном и аль-Хусайном вышел к нему навстречу и предложил установить брачные связи.

Имру аль-Кайс согласился и выдал своих дочерей аль-Мухайю, Сальму и ар-Рабаб соответственно за трех представителей семьи Пророка.[877]

Это должно было происходить в самом начале правления Умара, во время мусульманского завоевания Палестины.

Но аль-Хасан и аль-Хусайн, родившиеся соответственно в 3/624–625 и 4/626 году, были слишком малы, чтобы свадьбы состоялись немедленно.

О Сальме больше ничего не известно.

Аль-Мухайя упоминается среди жен Али и родила ему дочь, умершую ребенком.[878]

---

873 Ибн Са‘д, Табакат, V, 120–121; Ибн Манзур, Мухтасар, XXV, 290.

874 Ибн Са‘д, Табакат, V, 120; аз-Зубайри, Насаб, 286.

875 Аль-Балазури, Ансаб, V, 170.

876 Ибн Манзур, Мухтасар, XXV, 289. Абд аль-Малик, как сообщается, говорил Абд ар-Рахману ибн Аби Лайле: «Если бы мой отец не сказал мне в день Мардж Рахита, что именно он убил Тальху, я не оставил бы на земле ни одного человека из Бану Тайм — убил бы всех» (Ибн Шабба, Та’рих аль-Мадина, 1170).

877 Ибн Хаджар, Исаба, I, 116–117; Агани, XIV, 164; аль-Балазури, Ансаб, II, 194–195; последний вместо Сальмы дает имя Зайнаб.

878 Annali, X, 380.

Ар-Рабаб родила аль-Хусайну его любимую дочь Сукайну и после гибели мужа в Кербеле провела год в скорби у его могилы; повторно замуж она не вышла.

По словам Сукайны, аль-Хасан упрекал аль-Хусайна из-за ее матери, но аль-Хусайн выразил свою глубокую любовь к жене и дочери в двух строках стихов.[879]

В последние годы правления Али Имру аль-Кайса и его родственников называли «свойственниками аль-Хусайна».[880]

Возможно, аль-Хасан на самом деле так и не женился на Сальме или развелся с ней до этого времени.

Вероятно, вскоре после прибытия Али в Куфу аль-Хасан женился на Джа‘де, дочери киндитского вождя аль-Аш‘аса ибн Кайса.

Али в этот момент явно стремился заключить союз с могущественной йеменской племенной коалицией в Куфе.

Он предложил Са‘иду ибн Кайсу аль-Хамдани выдать свою дочь Умм Имран за аль-Хасана.

Са‘ид ибн Кайс посоветовался с аль-Аш‘асом.

Тот предложил Са‘иду выдать девушку за его собственного сына Мухаммада, который приходился ей двоюродным братом.

Са‘ид так и сделал.

Затем аль-Аш‘ас пригласил аль-Хасана на трапезу.

Когда аль-Хасан попросил воды, аль-Аш‘ас велел своей дочери Джа‘де подать ему.

После этого он сказал аль-Хасану, что ему прислуживала девушка — его собственная дочь, — которая никогда прежде не прислуживала мужчине.

Аль-Хасан сообщил об этом отцу, и Али велел ему жениться на ней.

По другой версии, сам Али первоначально попросил аль-Аш‘аса посредничать в браке между дочерью Са‘ида ибн Кайса и аль-Хасаном.

Однако аль-Аш‘ас убедил Са‘ида выдать девушку за собственного сына.

Когда Али обвинил его в предательстве, аль-Аш‘ас ответил, что даст аль-Хасану «ту, которая ничем не хуже», и выдал за него собственную дочь Джа‘ду.[881]

Джа‘ду обычно обвиняют в отравлении аль-Хасана по наущению Муавии.

Хотя детей у них не было, аль-Хасан, очевидно, с ней не разводился.

После его смерти она вышла замуж за сына Тальхи Якуба и родила ему детей.[882]

Вероятно, также вскоре после прибытия в Куфу, еще до Сиффина, аль-Хасан женился на Умм Башир — в некоторых источниках Умм Бишр, — дочери ансара Абу Мас‘уда Укбы ибн Амра ибн Са‘лабы из Хазраджа.

Абу Мас‘уд относился к ранним мединским мусульманам, присягнувшим Мухаммаду при Акабе еще до хиджры.

---

879 Агани, XIV, 163.

880 Ас-Сакафи, Гарат, 426.

881 Аль-Балазури, Ансаб, III, 14–15.

882 Абу аль-Фарадж, Макатиль, 73; аль-Балазури, Ансаб, III, 15. Утверждение аль-Балазури, что позднее она была замужем за аль-Аббасом и Абдаллахом ибн аль-Аббасом, явно анахронично.

Он рано поселился в Куфе и принадлежал к тем, кто выступал против куфийского восстания против Усмана.

Али, очевидно, хотел привлечь его на свою сторону и, вероятно, устроил брак его дочери с аль-Хасаном.

Затем Али назначил Абу Мас‘уда наместником Куфы на время похода к Сиффину.

Однако Абу Мас‘уд занял нейтралистскую позицию и препятствовал военным усилиям Али.

Вернувшись в Куфу, Али, как уже говорилось, укорил его, и разгневанный Абу Мас‘уд отправился в паломничество.

Умм Башир родила аль-Хасану Зайда, вероятно его старшего сына, и [883]дочь Умм аль-Хусайн.[884]

По аль-Муфиду, была также еще одна дочь — Умм аль-Хасан, [885]но это, по-видимому, ошибка.

Умм аль-Хусайн позднее вышла замуж за Абдаллаха ибн аз-Зубайра и родила ему детей.

Умм Башир была также замужем за Абд ар-Рахманом ибн Абдаллахом ибн Аби Раби‘а аль-Махзуми и за Са‘идом ибн Зайдом ибн Амром ибн Нуфайлем; от них у нее были соответственно сын и дочь.[886]

Последовательность этих браков неизвестна.

После отречения от власти и возвращения в Медину аль-Хасан женился на Хауле, дочери фазаритского вождя Манзура ибн Заббана.

До этого она была замужем за благочестивым сыном Тальхи Мухаммадом, погибшим в Битве Верблюда, и имела от него двух сыновей и дочь.

По одной версии, ее выдал за аль-Хасана Абдаллах ибн аз-Зубайр, женатый на ее сестре Тумадир.

По другой — сама Хаула предоставила аль-Хасану выбор, и он женился на ней.

Узнав об этом, ее отец заявил, что он не тот человек, которого можно игнорировать, когда речь идет о его дочери.

Он приехал в Медину и установил черное знамя в мечети Пророка.

Все кайситы, находившиеся в Медине — Фазара входила в большой североарабский союз племен, возводивших происхождение к Кайс Айлану, — собрались вокруг знамени в знак солидарности.

Его спросили:

— Куда ты идешь? Ведь она вышла за аль-Хасана ибн Али, а равного ему нет.

Но он отказался признать свершившийся факт.

Тогда аль-Хасан передал ему дочь, и Манзур увез ее в Кубу.

Она укорила отца, процитировав хадис:

---

883 Нельзя исключить, что один из сыновей аль-Хасана от рабыни родился раньше него.

884 В некоторых источниках ее называют Умм аль-Хасан, Умм аль-Хайр или Рамла.

885 Аль-Муфид, Иршад, 176.

886 Аз-Зубайри, Насаб, 47–50.

«Аль-Хасан ибн Али будет господином юношей среди обитателей рая».

Он сказал ей:

— Оставайся здесь. Если ты действительно нужна этому человеку, он сам придет за тобой.

Аль-Хасан пришел вместе с братом аль-Хусайном, двоюродным братом Абдаллахом ибн Джафаром и дядей Абдаллахом ибн аль-Аббасом и забрал ее обратно, на этот раз женившись с одобрения ее отца.[887]

Хаула родила аль-Хасану сына аль-Хасана.

Одно сообщение оставляет неясным, была ли она все еще его женой или уже разведена, когда он умер.

Повторно замуж она не вышла и перестала носить покрывало.[888]

В Медине аль-Хасан женился на Хафсе, дочери Абд ар-Рахмана ибн Аби Бакра.

Аль-Мунзир ибн аз-Зубайр ибн аль-Аввам был в нее влюблен и распространил ложный слух о ее поведении.

Из-за этого аль-Хасан с ней развелся.

В этом рассказе его называют *митлак* — очевидно, здесь в смысле человека, готового разводиться по недостаточным основаниям.

Затем Хафсу взял в жены Асим, сын Умара ибн аль-Хаттаба.

Аль-Мунзир оклеветал ее и перед ним, и тот тоже развелся.

После этого сам аль-Мунзир посватался к ней.

Она отказала:

— Он пытался погубить мою репутацию.

Но он продолжал настаивать.

Ей посоветовали выйти за него, чтобы всем стало ясно: его обвинения были ложными.

Она согласилась.

Люди поняли, что аль-Мунзир лгал и каков был его истинный мотив.

Тогда аль-Хасан предложил Асиму вместе навестить ее.

Они попросили у аль-Мунзира разрешения увидеть Хафсу.

Посоветовавшись с братом Абдаллахом ибн аз-Зубайром, аль-Мунзир разрешил им встретиться с ней в своем присутствии.

Хафса уделяла больше внимания Асиму, чем аль-Хасану, и говорила с ним свободнее.

Аль-Хасан сказал аль-Мунзиру:

— Возьми ее за руку.

И оба бывших мужа ушли.

Рассказ добавляет, что аль-Хасан любил Хафсу и развелся с ней лишь из-за клеветы аль-Мунзира.

---

887 Агани, XI, 56–57.

888 Там же, 57.

По словам племянника Хафсы Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана, известного как Ибн Аби Атик, аль-Хасан позднее неоднократно просил его сопровождать его в аль-Акик, где она жила, и подолгу разговаривал с ней.[889]

Также в Медине аль-Хасан женился на дочери Тальхи Умм Исхак.

Ее описывают как необыкновенно красивую, но дурного нрава.

Так, утверждается, будто она могла забеременеть и родить, даже не сообщив об этом мужу.[890]

Муавия в Дамаске просил ее брата Исхака ибн Тальху выдать ее за своего сына Язида.

Исхак ответил, что едет в Медину и, если Муавия направит туда посланника, он заключит брачный договор.

После отъезда Исхака к Муавии явился его брат Иса ибн Тальха.

Услышав об обещании Исхака, Иса предложил немедленно выдать Умм Исхак замуж.

Он заключил брачный договор с Язидом, даже не спросив ее согласия.

Тем временем Исхак приехал в Медину и заключил брак сестры с аль-Хасаном.

Точно установить, какой из двух договоров был заключен раньше, не смогли.

Муавия посоветовал сыну оставить дело.

Брак Умм Исхак с аль-Хасаном был осуществлен, и она родила ему сына Тальху, впоследствии умершего бездетным.[891]

Даже после того, как Язид стал халифом, он продолжал таить обиду на Исхака ибн Тальху за этот поступок и, отправляя полководца Муслима ибн Укбу подавлять восстание в Медине, приказал убить Исхака, если удастся его схватить.

Но Исхак спасся, и Муслим смог лишь разрушить его дом.[892]

Несмотря на якобы дурной нрав Умм Исхак, аль-Хасан перед смертью говорил о ней с удовлетворением и рекомендовал брату аль-Хусайну жениться на ней.

Она родила аль-Хусайну дочь Фатиму.[893]

Вероятно, еще позднее она вышла замуж за правнука Абу Бакра Ибн Аби Атика Абдаллаха и родила ему дочь Амину.[894]

Аль-Хасан также женился в Медине на Хинд, дочери Сухайля ибн Амра из Амир Курайш.

Сначала она была замужем за Омейядом Абд ар-Рахманом ибн Аттабом ибн Асидом, погибшим в Битве Верблюда, затем — за Абдаллахом ибн Амиром ибн Курайзом.

---

889 Аль-Балазури, Ансаб, III, 22–23. Об Ибн Аби Атике см. статью C. Pellat в Encyclopaedia of Islam, 2-е изд.

890 Агани, XVIII, 203.

891 По аль-Муфиду (Иршад, 176), Умм Исхак была также матерью сына аль-Хасана — аль-Хусайна, или аль-Хасана аль-Асрама, — и его дочери Фатимы. По аз-Зубайри и аль-Балазури, их матерями были рабыни.

892 Аз-Зубайри, Насаб, 282–283.

893 Агани, XVIII, 203.

894 Аз-Зубайри, Насаб, 50; Ибн Са‘д, Табакат, III/1, 152.

Когда последний развелся с ней, Муавия написал Абу Хурайре в Медину с просьбой заключить ее брак с его сыном Язидом.

По пути к Хинд Абу Хурайра встретил аль-Хасана.

Тот спросил, куда он идет.

Узнав о поручении, аль-Хасан предложил Абу Хурайре упомянуть перед Хинд и его собственное имя.

Абу Хурайра так и сделал.

Хинд попросила его самому выбрать мужа.

Абу Хурайра выбрал аль-Хасана.

Через некоторое время Абдаллах ибн Амир приехал в Медину и пожаловался аль-Хасану, что у его бывшей жены осталось имущество, которое он передал ей на хранение.

Аль-Хасан позволил ему встретиться с ней в своем присутствии.

Когда Ибн Амир увидел бывшую жену сидящей перед ним, его чувства смягчились.

Аль-Хасан предложил:

— Хочешь, я уступлю ее тебе? Думаю, трудно было бы найти лучшего мужа, который сделал бы повторный брак для тебя дозволенным — *мухаллилем*, — [895]чем я.

Ибн Амир ответил:

— Мне нужно мое имущество.

Хинд принесла два сундука, наполненных драгоценностями.

Ибн Амир взял по горсти из каждого и оставил остальное ей.

Позднее она говорила о трех своих мужьях:

«Господином среди них был аль-Хасан; самым щедрым — Ибн Амир; а самым дорогим для меня — Абд ар-Рахман ибн Аттаб».[896]

В отношении первой части этого рассказа могут возникнуть сомнения: аль-Мадаини передает ее без *иснада*, как слух — *балагани*, — и она напоминает историю о неудачной попытке Муавии устроить брак своего сына Язида с Умм Исхак бинт Тальха.

Но в основе рассказ, вероятно, достоверен.

Детей от Хинд у аль-Хасана не было.

Поскольку аль-Хайсам ибн Ади обвинял ее в убийстве аль-Хасана, вероятно, она оставалась его женой до самой смерти.

Остальные дети аль-Хасана, вероятно, родились от рабынь.

Некоторые источники допускают, что матерью Амра ибн аль-Хасана была либо женщина из Сакифа, либо рабыня.[897]

Амра описывают как благочестивого человека; у него было два сына и дочь.

---

[895] После троекратного развода исламское право требует, чтобы разведенная женщина сначала вступила в действительный брак с другим мужем, прежде чем прежний супруг сможет вновь на ней жениться.

[896] Аль-Балазури, Ансаб, III, 20–21.

[897] Там же, 73. И аз-Зубайри, и аль-Муфид утверждают, что мать Амра была рабского происхождения — умм валад.

Если бы его мать действительно была свободнорожденной женщиной из Сакифа, ее имя и родословная почти наверняка сохранились бы.

Другими сыновьями аль-Хасана, согласно аз-Зубайри, были:

аль-Касим и Абу Бакр — оба бездетные и погибшие вместе с дядей аль-Хусайном в Кербеле;

Абд ар-Рахман — умерший бездетным;

аль-Хусайн аль-Асрам — имевший потомство только через дочерей.

Аль-Балазури упоминает еще одного сына — Абдаллаха.[898]

Однако, по Ибн Инабе, Абдаллах и Абу Бакр — один и тот же человек.[899]

Аль-Муфид действительно упоминает только Абдаллаха, а аз-Зубайри — только Абу Бакра.

Но в списке погибших в Кербеле у Абу Михнафа Абдаллах назван отдельно от Абу Бакра.

Абу Михнаф перечисляет трех сыновей аль-Хасана, убитых вместе с аль-Хусайном, и называет их убийц.[900]

Поздние источники добавляют еще трех сыновей — Исмаила, Хамзу и Якуба, ни у одного из которых, как сообщается, не было детей.[901]

Дочерями аль-Хасана от различных рабынь были:

Умм Абдаллах, вышедшая за своего двоюродного брата Али ибн аль-Хусайна — Зайн аль-Абидина — и родившая ему нескольких сыновей, в том числе шиитского имама Мухаммада аль-Бакира;

Фатима, о браке которой ничего не известно;

Умм Салама, вышедшая за Амра ибн аль-Мунзира ибн аз-Зубайра ибн аль-Аввама, но не имевшая детей;

и Рукайя, о браке которой также ничего не известно.[902]

В приведенных выше рассказах о браках аль-Хасан предстает человеком, для которого важны достоинство и приличия, но одновременно характерна терпеливая, примирительная мягкость — важнейшая составляющая *хильм* истинного *сайида*.

Его готовность к разводу ни в коей мере не свидетельствует о чрезмерной жажде сексуальных развлечений.

Он разводится с внучкой Абу Бакра, когда аль-Мунзир ибн аз-Зубайр ложно обвиняет ее, из чувства приличия, хотя продолжает любить.

Когда после ее брака с аль-Мунзиром становится очевидно, что обвинение было клеветой, аль-Хасан посещает супругов, быстро прощая соперника и понимая, что тот лгал из любви.

---

898 Там же.

899 Ибн Инаба, Умдат ат-талиб, 68.

900 Ат-Табари, II, 387.

901 Ибн Инаба, Умдат ат-талиб, 68.

902 Согласно шиитскому генеалогу аль-Умари, Умм Салама была замужем за Умаром, сыном Али Зайн аль-Абидина, а Рукайя — за Амром ибн аль-Мунзиром ибн аз-Зубайром (там же, 68, прим. 2).

Свою сохраняющуюся привязанность к женщине он проявляет, навещая ее в надлежащем сопровождении племянника.

Чувство приличия, вероятно, лежало и в основе упреков младшему брату аль-Хусайну, чью открытую и чрезмерно нежную любовь к бедуинке ар-Рабаб аль-Хасан мог считать неподобающей внуку Пророка.

Он снисходительно относится к ярости фазаритского вождя Манзура ибн Заббана из-за того, что мнение отца проигнорировали при браке дочери, хотя тот, по существу, уже не имел полных опекунских прав, поскольку женщина ранее была замужем.

Вернув Хаулу отцу, аль-Хасан демонстрирует серьезность намерения жениться на ней и уважение к отцу, когда приводит с собой к гордому бедуинскому шейху ведущих представителей дома Пророка.

Так же охотно аль-Хасан предлагает развестись с дочерью Сухайля ибн Амра, заметив, что ее прежний муж Абдаллах ибн Амир вновь испытывает к ней любовь.

На фоне этих относительно реалистичных рассказов резко выделяется другая группа сообщений, рисующая совершенно иной образ внука Пророка.

Эти рассказы большей частью туманны, лишены имен, конкретики и проверяемых подробностей и, по-видимому, выросли из репутации аль-Хасана как *митлака* — теперь уже истолкованного как человека, постоянно и чрезвычайно много разводившегося.

Некоторые явно были созданы с целью опорочить его.

Большинство ранних сообщений такого типа передавал аль-Мадаини.

Так, он рассказывал:

«До нас дошло, что когда аль-Хасан хотел развестись с женщиной, он садился с ней и спрашивал:

— Будет ли тебе приятно, если я дам тебе столько-то?

Она отвечала:

— Как пожелаешь.

Или:

— Да.

Он говорил:

— Это твое.

Затем вставал и посылал ей названную сумму вместе с разводом».[903]

Со слов басрийца Мухаммада ибн Сирина аль-Мадаини рассказывал, что аль-Хасан попросил одного человека выдать за него дочь.

Тот согласился и сказал:

«Я знаю, что у тебя тяжелый характер и ты часто разводишься, но по происхождению ты лучший из людей, у тебя самый благородный дед и самый благородный дом».[904]

По другой истории, аль-Хасан женился на женщине из Йемена, затем послал ей 10 000 дирхамов вместе с разводом.

---

903 Аль-Балазури, Ансаб, III, 20.

904 Там же, 18; Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XVI, 21.

Она ответила строкой стиха:

«Небольшой дар от возлюбленного при расставании».

Аль-Хасан сказал:

— Если бы я когда-нибудь возвращал разведенную женщину, я бы вернул именно эту.[905]

В другой версии этой истории, переданной Сувайдом ибн Гафалой, йеменская женщина названа представительницей Хас‘ама.

Когда Али был убит и аль-Хасан стал его преемником, она поздравила его:

— Да будет приятен тебе халифат.

Он ответил:

— Ты злорадствуешь из-за убийства Али.

И трижды объявил ей развод.

Она поклялась, что вовсе этого не имела в виду, и аль-Хасан послал ей 20 000 дирхамов.

Тогда она произнесла те же стихи о возлюбленном при расставании.[906]

Аль-Мадаини передавал со слов ансара Абдаллаха ибн Аби Бакра ибн Мухаммада ибн Амра, [907]что аль-Хасан посватался к женщине из Бану Шайбан, но ему сказали, что она придерживается хариджитских взглядов.

Он ответил:

— Я не хотел бы прижимать к груди раскаленный уголь адского пламени.[908]

Сам рассказ вовсе не утверждает, что аль-Хасан женился на женщине.

Однако аль-Мадаини в перечне его жен все-таки считает, что он был женат на «женщине из Бану Шайбан, из рода Хаммама ибн Мурры», повторяет историю и утверждает, что потом он с ней развелся.[909]

Ибн Кутайба в своей книге о поэзии рассказывал, что у поэта Амра ибн аль-Ахтама аль-Минкари была дочь Умм Хабиб.

Аль-Хасан женился на ней, предполагая, что она столь же привлекательна, как ее брат.

Увидев, что она некрасива, он развелся.[910]

Историю знал и аль-Мадаини, который включает дочь Амра ибн аль-Ахтама в список жен аль-Хасана.[911]

Поздний автор ад-Диярбакри цитирует Ибн Сирина, описывающего уже совершенно сказочную свадьбу:

---

905 Аль-Балазури, Ансаб, III, 25.

906 Аз-Захаби, Сияр, III, 262.

907 О нем см. Ибн Хаджар, Тахзиб, V, 164–165.

908 Аль-Балазури, Ансаб, III, 14.

909 Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XVI, 21.

910 Ибн Кутайба, аш-Ши‘р ва-ш-шу‘ара’, изд. M. J. de Goeje, Leiden, 1904, 402.

911 Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XVI, 21.

«Аль-Хасан женился на женщине. Он послал ей 100 рабынь, и с каждой — по 1 000 дирхамов».[912]

Мухаммад аль-Кальби, по-видимому, первым распространил утверждение, что число жен аль-Хасана доходило до 90.

Со слов Абу Салиха он рассказывал:

«Аль-Хасан женился — буквально: “защитил” — на 90 женщинах».

Али якобы говорил:

«Аль-Хасан столько женится и разводится, что я боюсь: он навлечет на нас вражду множества племен».[913]

Тема тревоги Али получила дальнейшее развитие в сообщении, приписываемом шиитскому имаму Джафару ас-Садику со слов его отца.

Опасаясь вражды племен, Али якобы обратился к куфийцам:

— О жители Куфы! Не выдавайте своих женщин за аль-Хасана, ибо он постоянно разводится — *митлак*.

Один человек из Хамдана ответил:

— Клянусь Богом, мы все равно будем выдавать за него наших женщин. Какая ему понравится — пусть оставляет, какая не понравится — пусть разводится.[914]

Число 90 жен повторил и аль-Мадаини.

Он перечислил всех упоминавшихся выше женщин, включая сомнительные случаи — дочь Амра ибн аль-Ахтама, женщину из Сакифа, мать Амра, и женщину из Шайбана, — и заключил:

«Я подсчитал жен аль-Хасана ибн Али, и их было 70».

Число 70 в тексте, вероятно, следует читать как 90 — обычная ошибка в арабской графике.[915]

Можно с уверенностью предположить, что сам аль-Мадаини не сумел назвать ни одной жены аль-Хасана помимо 11, которых реально перечислил, причем пять из этих случаев следует считать неопределенными или крайне сомнительными.

Ад-Диярбакри цитирует аль-Мадаини, будто аль-Хасан женился на 90 женщинах «еще при жизни своего отца».[916]

Ненадежность всех подобных историй и рассказов не требует подробного доказательства.

Достаточно заметить, что три известные женитьбы аль-Хасана, заключенные при жизни его отца, были устроены самим Али как главой семьи — согласно обычаю.

---

912 Ад-Диярбакри, Та’рих аль-хамис, Каир, 1302/[1884], II, 324.

913 Аль-Балазури, Ансаб, III, 25.

914 Аз-Захаби, Сияр, III, 267, 262.

915 Ибн Аби аль-Хадид, Шарх, XVI, 21–22. Единственная женщина в списке аль-Мадаини, не упоминаемая больше нигде, — «дочь» Алькамы ибн Зурары. Сам Алькама был вождем Дарим Тамим и погиб в племенном конфликте задолго до ислама. Аль-Хасан не мог жениться на его дочери. Вероятно, речь идет о потомке Алькамы, с браком которой с аль-Хасаном был связан какой-то рассказ.

916 Ад-Диярбакри, Та’рих аль-хамис, II, 324. Утверждение самого аль-Мадаини о 90 женах аль-Хасана также передает аз-Захаби (Сияр, III, 267).

Очевидно, это были политические брачные союзы.

Али мог критиковать аль-Хасана, если считал его ответственным за распад брака с кальбиткой Сальмой.

Но совершенно невероятно, чтобы он вообще предостерегал куфийцев от аль-Хасана как возможного мужа.

Пока отец был жив, аль-Хасан, вероятно, вообще не мог самостоятельно выбирать себе жен — так же как сам Али не мог свободно выбирать брачных партнеров при жизни Мухаммада.

Поскольку аль-Хасан мало сочувствовал политическим устремлениям отца, он, очевидно, воспринимал эти устроенные браки иначе, чем Али.

Согласно рассказу аш-Ша‘би, аль-Аштар прямо обвинил Джарира перед Али во враждебности и двуличии, заявив, что Усман купил его веру, назначив наместником Хамадана. По мнению аль-Аштара, Повелителю верующих следовало заключить Джарира и ему подобных под стражу до тех пор, пока дело с беззаконниками не будет решено. [917]Как сторонник Усмана, аш-Ша‘би не питал симпатии к аль-Аштару, поэтому достоверность его рассказа здесь вызывает некоторые сомнения. В стихотворении, обращённом к Джариру, аль-Аштар насмешливо отзывался об угрозах Амра, Муавии, Зу-ль-Кала и Хаушаба Зу Зулайма, но самому Джариру не угрожал и ни в чём его не обвинял.

Тем не менее Джарир почувствовал себя в Куфе преданным и оказался в крайне неудобном положении. Он уехал в Каркисию. Сообщается, что оттуда он написал Муавии, который радушно его принял, [918]однако в битве при Сиффине Джарир на стороне Муавии не сражался. Вместе с ним ушли несколько членов его рода Каср из племени Баджила. В результате при Сиффине на стороне Али сражались лишь девятнадцать человек из Касра, тогда как из другой ветви Баджилы — Ахмаса — в битве участвовало семьсот человек.[919]

Али, разгневанный уходом Джарира, хотел сжечь его дом, однако внук Джарира напомнил ему, что часть имущества принадлежит другим людям. Тогда Али отправился разрушать и сжигать дом Сувайра ибн Амира, знатного человека, также присоединившегося к Джариру.[920]

Это была, безусловно, безобразная ссора — причём именно в тот момент, когда более всего требовалось единство. Аз-Зибрикан ибн Абдаллах, поэт из сакунской ветви кинда, тревожно писал о том, что слышал о Джарире и Малике аль-Аштаре. Он предполагал, что вражду между ними разжигал Амр ибн аль-Ас, и замечал, что оба ведут себя совсем не как опытные мужи. Вероятно, справедливо, он считал Джарира искренним по отношению к своему имаму — правда, эти слова были сказаны ещё до его ухода.[921]

---

917 Наср ибн Музахим аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 60; аль-Балазури, Ансаб аль-ашраф, II, 277.

918 Ат-Табари, I, 3205.

919 Там же, 59–60; ат-Табари, I, 3255–3256.

920 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 60–61; аль-Балазури, Ансаб, II, 277.

921 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 62.

Заручившись широкой поддержкой в Сирии, Муавия попытался привлечь на свою сторону часть религиозной аристократии священных городов посредством целой кампании писем. Говорят, Амр советовал ему не делать этого, но Муавия настоял на своём. Насмешка Али — что в Сирии нет ни одного курайшита, достойного участвовать в шуре и претендовать на халифат, — очевидно, задела его и побудила испытать удачу.

Муавия направил общее послание жителям Медины и Мекки, а также отдельные письма наиболее видным нейтралам: Абдаллаху ибн Умару, Са‘ду ибн Аби Ваккасу и Мухаммаду ибн Масламе. [922]Если эти письма переданы достоверно, они представляли собой довольно грубую смесь запугивания, обвинений в том, что адресаты не поддержали убитого халифа, и ложных обещаний — в общем, вполне в духе политической переписки Муавии.

Особенно настойчиво он пытался привлечь на свою сторону сына Умара — Абдаллаха: его поддержка могла значительно укрепить дело Муавии. Тот уверял его, что после убийства Усмана предпочёл бы видеть общину единодушно избравшей Абдаллаха прежде любого другого курайшита. Но затем, писал Муавия, он вспомнил о том, что Ибн Умар покинул халифа, [923]критиковал его сторонников, и потому изменил своё мнение.

Однако враждебность Ибн Умара к Али смягчила прежнее недовольство Муавии им. Поэтому тот призывал его поддержать борьбу за отмщение за несправедливо убитого халифа. Муавия уверял, что не желает властвовать над Ибн Умаром, напротив — хочет передать власть ему. Лишь если тот откажется, вопрос следовало бы решить посредством шуры среди мусульман.[924]

Широко ходили слухи, что Абдаллах ибн Умар согласился бы принять халифат только в том случае, если бы ему буквально преподнесли его на блюде. Муавия, очевидно, понимал, что его нужно соблазнить чем-то большим, чем одним лишь обещанием шуры, которым он пытался обмануть остальных.

Все трое нейтральных пацифистов ответили возмущённым отказом.

От имени жителей священных городов аль-Мисвар ибн Махрама написал Муавии, что тот ищет поддержку не там, где следует: какое отношение к халифату имеет он — *талик*, человек из числа прощённых завоеванием Мекки, сын предводителя враждебных Пророку «союзников» — *аль-ахзаб*, упомянутых в суре 33 Корана?[925]

Муавии, однако, удалось привлечь представителя семьи Умара — и на этот раз без ложных обещаний.

Убайдаллах ибн Умар, совершивший тройное убийство, после помилования получил от Усмана имение близ Куфы, позднее известное как Кувайфат Ибн Умар: Усман явно хотел удалить его из Медины.

---

922 Там же, 62–64, 71–77; (псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама ва-с-сийаса, I, 161–162.

923 В действительности Ибн Умар был среди защитников дворца Усмана.

924 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 71–72; (псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 163.

925 (Псевдо-)Ибн Кутайба, аль-Имама, I, 162–163. У аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 62, этот ответ, менее правдоподобно, приписан Абдаллаху ибн Умару и обращён одновременно к Муавии и Амру.

Когда Али прибыл в Куфу, Убайдаллах осторожно обратился к нему через посредников с просьбой об амнистии, поскольку Али ещё раньше выступал против его помилования. Али вновь отказал, заявив, что обязан применить закон возмездия — *lex talionis* — и казнить Убайдаллаха, если тот окажется у него в руках.

Аль-Аштар, бывший одним из посредников, сообщил Убайдаллаху об ответе, и тот немедленно бежал к Муавии.[926]

Появление сына Умара явно воодушевило Муавию. Согласно несколько легендарному рассказу, он пытался заставить Убайдаллаха публично обвинить и опорочить Али, но тот отказался.[927]

Тем не менее Убайдаллах участвовал в битве при Сиффине как один из командиров армии Муавии. Сирийцы гордились его присутствием и кричали:

— С нами достойный, сын достойного, сын Умара ибн аль-Хаттаба!

Сторонники Али отвечали:

— С вами мерзавец, сын достойного![928]

Муавия поручил ему возглавить тяжеловооружённый элитный отряд — *шахба* — против Раби‘а, которых считал самыми стойкими сторонниками Али.

По сообщению сирийца Язида ибн Язида ибн Джабира аль-Азди, один из вольноотпущенников предупредил Убайдаллаха, что Муавия сознательно посылает его на верную смерть: если тот победит, власть достанется Муавии, а если погибнет — Муавия избавится от опасного соперника.

Жена Убайдаллаха Бахрия, дочь Хани ибн Кабисы, великого вождя Раби‘а в битве при Зу-Каре, тоже сказала мужу, что он наверняка погибнет — и именно этого, по её мнению, хочет Муавия.

Но Убайдаллах настоял на том, что обязан подчиняться своему эмиру, — и был убит.[929]

По меньшей мере четыре человека впоследствии утверждали, что именно они его сразили.

При Убайдаллахе находился меч Умара, носивший имя Зу-ль-Вишах, доставшийся ему по наследству. [930]После капитуляции Ирака Муавия стал требовать этот меч от племени Бакр ибн Ваиль в Куфе. Ему сообщили, что Убайдаллаха убил житель Басры Мухриз ибн ас-Сахсах из Бану Аиш ибн Малик ибн Тайм ал-Лат ибн Са‘лаба.

Муавия послал людей в Басру, забрал у него меч и [931]отправил Абдаллаху ибн Умару, стараясь снискать расположение безобидного сына прославленного халифа.[932]

---

926 Аль-Балазури, Ансаб, II, 295–296.

927 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 82–84.

928 Аль-Балазури, Ансаб, II, 305; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 293.

929 Ибн Са‘д, Табакат, V, 10–11.

930 Ибн Манзур, Мухтасар, XV, 348.

931 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 298; ат-Табари, I, 3314–3315; аль-Балазури, Ансаб, II, 325.

932 Ибн Манзур, Мухтасар, XV, 351. По сообщению Нафи‘, вольноотпущенника Ибн Умара, Муавия купил меч у убийцы. Вероятно, эта версия возникла, чтобы снять с Ибн Умара обвинение в принятии отнятого имущества, и едва ли надёжна. Муавия, никогда не отличавшийся рыцарским благородством по

Тем временем Сирию охватила военная истерия, разжигаемая публичными призывами отомстить за несправедливо убитого Усмана.

Сирийские чтецы Корана, до этого отвергавшие саму мысль о войне с мусульманами, испытывали всё большее давление и были вынуждены определиться.

Группа во главе с Абу Муслимом аль-Хаулани пришла к Муавии и спросила, почему он ведёт войну против Али, хотя не может сравниться с ним ни положением сподвижника, ни статусом мухаджира, ни близким родством с Мухаммадом, ни заслугами перед исламом.

Муавия смиренно ответил, что вовсе не ставит себя на одну ступень с Али. Но разве они не знают, спросил он, что Усман был убит несправедливо?

— Конечно, — ответили они.

— Тогда пусть Али выдаст нам его убийц, чтобы мы могли отомстить им, — продолжил Муавия, — и между нами не будет войны.

Они попросили Муавию написать письмо Али, а один из них должен был доставить его.

Абу Муслим аль-Хаулани отправился с письмом Муавии и, встретившись с Али, заверил его, что предпочёл бы видеть правителем именно его, а не кого-либо другого.

— Несомненно, Усман был несправедливо убит, — сказал он, — как мусульманин, чья кровь священна. Выдай нам его убийц — и ты будешь нашим эмиром.

Али попросил его прийти на следующее утро за ответом.

Тем временем известие о цели миссии распространилось по Куфе. Сторонники Али — его *ши‘а* — вооружились, заполнили мечеть и начали кричать:

— Мы все убили Усмана!

На следующий день Али передал Абу Муслиму письмо для Муавии.

Абу Муслим сказал:

— Я увидел народ, над которым ты не властен.

— Почему? — спросил Али.

— Люди узнали, что ты собираешься выдать нам убийц Усмана. Они подняли шум, собрались, надели доспехи и утверждают, что все участвовали в его убийстве.

Али ответил:

— Клянусь Богом, ни на мгновение я не собирался выдавать их вам. Я рассмотрел это дело со всех сторон и не вижу оснований выдавать их ни вам, ни кому-либо другому.

Абу Муслим ушёл с письмом, бросив:

— Ну что ж, теперь сражаться будет сладко.[933]

Муавия начал своё письмо Али с [934]восхваления Бога, избравшего Мухаммада Посланником к Своему творению и даровавшего ему помощников, которыми Он его

отношению к врагам, желал преподать Раби‘а урок за то, что те бросили вызов Наместнику Бога на земле. Во время битвы он поклялся обратить их женщин в рабство и казнить пленённых воинов. Лишь условия капитуляции помешали ему четыре года спустя последовать своим мстительным наклонностям.

933 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 85–86.

934 Тексты писем Муавии и Али были переданы Абу Рауку Атийе ибн аль-Харису аль-Хамдани, раннему куфийскому толкователю Корана и историку, во времена наместничества аль-Хаджжаджа сыном

поддержал. Эти помощники, писал Муавия, различались перед Богом в зависимости от своих заслуг в исламе. Лучшим из них в исповедании ислама и самым искренним перед Богом и Его Посланником был его преемник, затем преемник преемника, а третьим — несправедливо убитый халиф Усман.

После этого Муавия обращался непосредственно к Али:

«Но каждому из них ты завидовал и против каждого восставал. Мы знали это по твоим косым взглядам, резким словам, тяжёлым вздохам и нежеланию поддерживать халифов. К каждому из них тебя приходилось вести к присяге, словно верблюда ведут за деревянное кольцо, продетое в нос, а ты повиновался против воли.

Но сильнее всего зависть пожирала тебя по отношению к твоему двоюродному брату Усману, хотя именно перед ним ты более всего должен был воздержаться от такого отношения из-за вашего родства и брачных связей.

Однако ты порвал с ним узы родства, принижал его достоинства, тайно и открыто возбуждал против него людей — пока к нему не погнали верблюдов с удилами, не повели благородных коней и не подняли оружие в святилище Посланника Божьего.

Его убили, когда ты находился с ним в одном городе и слышал страшные крики.

И всё же ты даже не попытался ни словом, ни делом отвести от себя подозрение и обвинение в его смерти.

Клянусь истиной: если бы ты хотя бы однажды встал на его защиту и удержал людей от него, никто из наших сторонников не счёл бы кого-либо равным тебе, и это стерло бы в их глазах всё, что они видели прежде: твоё отстранение от Усмана и выступления против него.

Другое обстоятельство, вызывающее подозрения сторонников Усмана, — то, что ты укрываешь его убийц. Они — твой хребет, твои помощники, твоя рука и твоя свита.

Мне передали, что ты отрицаешь свою причастность к его крови. Если ты говоришь правду — передай нам его убийц, чтобы мы могли отомстить им, и тогда мы будем первыми, кто присоединится к тебе.

Если же нет — между тобой, твоими сторонниками и нами останется лишь меч.

Амра ибн Салимы. Амр ибн Салима аль-Архаби был наместником при Али, участвовал в переговорах, приведших к капитуляции аль-Хасана ибн Али перед Муавией, и был важным информатором Абу Раука. О его сыне ничего не известно. И Амр ибн Салима, и Абу Раук принадлежали к йеменской племенной аристократии Куфы и не были сектантскими шиитами. Письма почти наверняка подлинные и представляют первостепенный интерес для истории эпохи. Каэтани предполагал, что письмо, приписываемое Муавии, возможно, не было написано им именно в тот момент и именно в такой форме, однако безусловно отражало позицию омейядской партии, враждебной Али. Он подозревал преувеличения и литературную обработку — словно Муавия и Амр не умели писать выразительной и убедительной арабской прозой. Письма предназначались для публичного распространения. Ни Муавия, ни Али не были настолько наивны, чтобы рассчитывать переубедить друг друга этой риторикой. В изложении Каэтани ответ Али был сокращён до нескольких строк. Хишам Джаит считал его поздней фабрикацией, поскольку видел в нём более позднюю шиитскую аргументацию. Он вообще объявлял переписку Али и Муавии в Вак‘ат Сиффин апокрифической. Между тем аль-Балазури воспроизводит важнейшие письма практически в тех же выражениях, что Наср ибн Музахим, и получил их через аль-Кальби от Абу Михнафа, тот — от Абу Раука аль-Хамдани. Именно ат-Табари исключил этот материал из своих цитат Абу Михнафа, поскольку считал его неудобным с суннитской точки зрения.

Клянусь Тем, кроме Которого нет божества: мы будем искать убийц Усмана в горах и пустынях, на суше и на море, пока Бог не уничтожит их или пока наши души не отправятся к Богу».[935]

Это была ловкая карикатура на притязание Али считаться наиболее достойным из сподвижников Мухаммада.

Упоминание того, что Али находился в Медине во время убийства Усмана, выдаёт здесь руку Амра ибн аль-Аса, который предусмотрительно исчез из города после того, как собственными речами довёл ситуацию вокруг Усмана до кипения.

Али начал ответ с упоминания «брата из Хаулана», принёсшего ему письмо Муавии, где тот напоминал о милости Бога к Мухаммаду.

Затем Али вспомнил яростное сопротивление, которое собственный народ Мухаммада оказывал своему пророку: его называли лжецом, арабов подстрекали воевать против него, пока, вопреки всей их ненависти, дело Бога не восторжествовало.

Ближайшие родственники Пророка, сказал Али, были наиболее жестоки к нему — кроме тех, кого защитил Бог.

И вот теперь Муавия дерзко собирался рассказывать им о милости Бога к Его пророку и к ним самим.

По словам Али, Муавия напоминал человека, который несёт финики в Хаджар, или ученика, вызывающего своего наставника на поединок.

Далее Али отвечал:

«Ты упомянул, что Бог избрал для него среди мусульман помощников, которыми поддержал его, и что степень их перед Ним соответствовала их заслугам в исламе. Самыми выдающимися в исламе и самыми искренними перед Богом и Его Посланником, по твоему утверждению, были халиф и халиф халифа.[936]

Клянусь жизнью, их место в исламе действительно велико, а их утрата стала для него тяжёлой раной. Да помилует их Бог и воздаст им лучшей наградой.

Далее ты сказал, что третьим по достоинству был Усман.

Если Усман творил добро, Бог вознаградит его за это; если же творил зло, то встретит Господа Милосерднейшего, для Которого нет греха слишком великого, чтобы его простить.

Клянусь Богом, я надеюсь, что когда Он будет воздавать людям в соответствии с их заслугами в исламе и искренностью перед Богом и Его Посланником, наша доля окажется самой обильной.[937]

Когда Мухаммад призвал людей уверовать в Бога и провозгласить Его единство, мы — люди его Дома, *ахль аль-байт*, — первыми уверовали в него и признали истиной то, что он принёс.

---

935 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 86–87; аль-Балазури, Ансаб, II, 278–279. Разночтения несущественны.

936 В тексте аль-Балазури: «его [Мухаммада] халиф и халиф его халифа».

937 У аль-Балазури: «наша доля будет самой обильной среди всех семей — ахль аль-байт — мусульман».

Долгие годы продолжалось время, когда ни в одном арабском квартале никто, кроме нас, не поклонялся Богу.

Затем наш народ пожелал убить нашего Пророка и уничтожить нашу опору. Против нас строили козни и приводили их в исполнение. Нас лишали пищи и воды, нас окружали страхом, за нами ставили стражу и соглядатаев, нас вытеснили на неприступную гору, разожгли против нас огонь войны и заключили между собой договор не есть и не пить вместе с нами, не вступать с нами в браки и не торговать.

Мы не должны были чувствовать себя в безопасности среди них, пока не выдадим им Пророка, чтобы они могли убить и подвергнуть его мучениям».

Далее Али продолжил описание преследований семьи Пророка со стороны курайшитов:

«Что касается тех курайшитов, которые приняли ислам позднее, они были избавлены от испытаний, выпавших нам, ибо среди них были либо люди, защищённые союзными договорами, либо члены сильных родов, за которых заступались их соплеменники. Поэтому никто не мог поступить с ними так, как поступали с нами, стремясь нас уничтожить.

Они находились под защитой и были в безопасности от убийства.[938]

Так было угодно Богу.

Затем Он повелел Своему Посланнику совершить переселение и разрешил ему сражаться с многобожниками.

Всякий раз, когда становилось тяжело и раздавался боевой клич, Пророк ставил людей своего Дома в первый ряд и заслонял ими своих сподвижников от жара копий и мечей.

Так Убайда [ибн аль-Харис ибн аль-Мутталиб] погиб при Бадре, Хамза — в день Ухуда, Джа‘фар и Зайд [ибн Хариса] — в [939]день Му‘ты.

А тот, чьё имя я мог бы назвать, если бы пожелал, не раз стремился ради Бога к той же мученической смерти, к которой стремились они. Но их сроки были ускорены, тогда как его смерть была отсрочена.

Теперь Бог одаряет их за всё добро, которое они совершили прежде.

Ибо я не слышал и не видел среди людей никого более искреннего перед Богом в повиновении Его Посланнику, более покорного Посланнику в послушании своему Господу и более стойкого в бедствиях, лишениях, в часы тяжелейших испытаний рядом с Пророком, чем эти немногие, чьи имена я назвал тебе.

Хотя и среди мухаджиров было много добра, которое мы признаём. Да воздаст им Бог за лучшие из их деяний».

Затем следовал отрывок, из-за которого, по мнению автора, ат-Табари, вероятно, и исключил эту переписку из своего повествования:

---

938 Али, очевидно, прежде всего имел в виду Усмана.

939 Включение мутталибида Убайды и вольноотпущенника Мухаммада Зайда в число ахль аль-байт совершенно несовместимо с «поздней шиитской аргументацией». Для позднейших шиитов эти люди не относились к Семье Пророка.

«Ты упомянул мою зависть к халифам, моё нежелание поддерживать их и моё восстание против них.

Что касается восстания — упаси Бог, чтобы оно имело место.

Что же касается того, что я медлил с поддержкой и не был доволен их делом, — за это я не намерен оправдываться перед людьми.

Когда Бог забрал Своего Пророка, курайшиты сказали: “Эмир должен быть из нас”.

Ансары сказали: “Эмир должен быть из нас”.

Тогда курайшиты ответили: “Мухаммад — из нас, поэтому это дело принадлежит нам”.

Ансары признали этот довод и уступили им власть и правление.

Но если курайшиты получили это право благодаря Мухаммаду, исключив ансаров, тогда те, кто ближе всех к Мухаммаду, имеют на него ещё большее право.

Если же это не так, тогда среди арабов именно ансары обладают наибольшей долей права на власть.

Поэтому я не знаю, считают ли мои товарищи себя невиновными в том, что отняли моё право, или в том, что поступили несправедливо с ансарами.

Я знаю лишь, что моё право было отнято, но оставил это им — да простит Бог их поступок».[940]

После этого Али переходил к Усману:

«Что касается твоих слов о деле Усмана и о том, будто я подстрекал против него, — ты слышал, что сделал Усман.

Затем люди поступили с ним так, как ты сам видел и знаешь.

Я держался в стороне от этого — если только ты не желаешь ложно обвинить меня; тогда обвиняй, как тебе угодно.

Что же касается убивших Усмана, я рассмотрел это дело со всех сторон и не вижу оснований выдавать их тебе или кому-либо другому.[941]

Клянусь жизнью: если ты не прекратишь своё беззаконие и неповиновение, очень скоро ты познакомишься с ними сам — когда они придут искать тебя и избавят тебя от необходимости разыскивать их на суше и море, в горах и на равнинах».

В заключение Али напомнил Муавии:

«Твой отец пришёл ко мне, когда люди поставили Абу Бакра своим правителем, и сказал:

---

940 Отрывок от слов «курайшиты сказали» до этого места отсутствует у аль-Балазури. Теоретически это может быть поздней шиитской вставкой. Однако более вероятно, что сам аль-Балазури предпочёл опустить его. Из-за этого ему пришлось перенести вперёд аргумент об Абу Суфьяне. Формулировка последнего показывает, что первоначально он, вероятно, завершал письмо как кульминация. Утверждение о том, что в Сакифе несправедливость была совершена также по отношению к ансарам, тоже, скорее всего, принадлежало самому Али.

941 В версии аль-Балазури: «Я не знаю конкретно ни одного его убийцы. Я рассмотрел дело со всех сторон, но не вижу возможности выдать тебе тех, кто находится со мной и кого ты обвиняешь или подозреваешь».

“После Мухаммада именно ты более всех достоин этого дела. Я поддержу тебя против любого, кто станет тебе противиться. Протяни руку — я присягну тебе”.

Но я этого не сделал.

Ты знаешь, что твой отец действительно говорил это и желал этого.

Я отказался лишь потому, что люди тогда ещё были слишком близки к неверию, и я боялся раскола среди мусульман.

Поэтому твой отец скорее признавал моё право, чем ты.

Если ты признаешь то право, которое признавал твой отец, ты вернёшься к здравому рассудку.

Если же нет — Бог избавит нас от нужды в тебе».[942]

Ответ Али прозвучал мощно и расставил всё по местам.

Если отбросить отдельные преувеличения и риторические украшения, он излагал простую истину. Да, письмо Муавии заставило Али открыто заговорить о том, чего в тот момент он предпочёл бы не касаться.

Сначала он безоговорочно высоко оценил поведение Абу Бакра и Умара. Но когда ему пришлось объяснить собственную медлительность и нежелание признавать их власть, Али понял: скрывать факты больше бессмысленно.

Он чувствовал, что правда — в истории, как и в личной жизни, — порой причиняет боль, но одновременно освобождает тех, кто готов её принять.

На собрании в Сакифе его действительно лишили права — причём не только с точки зрения принципов Писания, но даже согласно традиционным нормам арабского племенного устройства.

И кто, как не Абу Суфьян — отец Муавии, — сам признавал это?

Теперь же сын Абу Суфьяна обвинял Али в зависти, хотя, как некогда Умар объяснял Ибн Аббасу, именно курайшиты не могли вынести мысли, чтобы дом Хашима объединил в себе и пророчество, и имамат.

Пусть почитателей Абу Бакра и Умара ранит эта правда: Али больше не имел с двумя патриархами никакой распри и мог искренне оплакивать их утрату для ислама.

Но если их прежние сторонники теперь готовы поддержать самозванца Муавию, они делают это на свой страх и риск.

Позиции обеих сторон были окончательно сформулированы.

Война стала неизбежной.

Али созвал совет правящей исламской элиты, под которой он, как и во времена Мухаммада, понимал мухаджиров и ансаров на равных основаниях.

Когда он попросил их совета, все призвали его повести их на джихад против обманщиков.

Первым выступил Хашим ибн Утба, заявив, что врагами движет исключительно мирская алчность.

---

942 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 88–91; аль-Балазури, Ансаб, II, 279–283.

Затем заговорил Аммар ибн Ясир. Будучи вольноотпущенником курайшитов, при первых халифах он, несмотря на своё раннее принятие ислама, не входил в высший совет. Теперь Аммар советовал действовать быстро, пока огонь мятежников не разгорелся во всю силу.

После него выступил Кайс ибн Са‘д. Он заверил Али, что джихад против этих людей для него дороже, чем война против тюрок или византийцев.

Особенно горько Кайс говорил о дурном обращении с верующими и вновь поднял старую обиду ансаров, которую ещё при Абу Бакре выражал Хассан: курайшиты присвоили их *фай’* и обращались с ними словно со слугами.

Несколько старших ансаров, среди которых были Хузайма ибн Сабит и Абу Айюб аль-Ансари, возразили Кайсу, спросив, почему он говорит прежде старейшин своего народа.

Кайс извинился и признал их достоинство, добавив, что кровь в нём вскипела при воспоминании о «союзниках» — *ахзаб* — времён Пророка.

Тогда ансары решили, что от их имени выступит Сахль ибн Хунайф. Он заверил Али, что они одинаково готовы быть с ним и в мире, и на войне, но посоветовал прежде всего заручиться поддержкой жителей Куфы, от которых многое зависело.[943]

Сами куфийцы были куда менее единодушны в вопросе войны.

Как бы они ни относились к Муавии, они прекрасно понимали: в войне, с её безжалостной шахматной логикой, кровь будут проливать прежде всего они и их сирийские братья — задолго до того, как опасность коснётся предводителей обеих сторон.

Некоторые считали, что сирийцев и Муавию нельзя ставить в один ряд с басрийцами.

Басрийцы присягнули Али, а затем нарушили клятву. Сирийцы же вообще никогда ему не присягали — хотя ещё Абу Бакр создал прецедент, когда непризнание халифа было приравнено к отступничеству.

Даже аль-Аштар, как передавали, в частной беседе со своим кланом ан-Наха говорил, что война против сирийцев нравственно сложнее войны в Басре именно потому, что никакая *бай‘а* их не связывала.[944]

Для тех, кто ещё помнил прежнюю племенную свободу и автономию, это был весьма привлекательный аргумент.

Когда Али призвал куфийцев:

— Выступайте против врагов Бога! Выступайте против остатков Союзников, убийц мухаджиров и ансаров!

— Арбад ибн Раби‘а из Бану Фазара встал и выкрикнул:

— Ты хочешь повести нас против наших сирийских братьев, чтобы мы убивали их ради тебя, как ты уже водил нас против наших басрийских братьев и мы убивали их? Клянусь Богом, мы этого не сделаем!

---

943 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 92–94.

944 Ибн Аби Шайба, Мусаннаф, VIII, 711. Однако усманидское происхождение сообщения заметно по тому, что аль-Аштару приписывается признание, будто община напала на своего лучшего человека и убила его.

Аль-Аштар поднялся:

— Кто займётся этим человеком, о люди?

Арбад бросился бежать. Толпа погналась за ним, настигла на конном рынке, избила и затоптала насмерть.

Али пришёл и спросил, кто его убил.

Ему ответили:

— Хамдан и всякая смешанная толпа.

Он постановил, что человек погиб в междоусобной свалке, где невозможно установить убийцу, и поэтому кровная цена должна быть выплачена из казны.

Абу Тлака ат-Тайми сложил по этому поводу стихи:

К Господу прибегаю, чтоб мне не умереть
Так, как Арбад погиб на рынке боевых коней.
Хамданцы били его сандалиями по очереди:
Едва одна рука поднималась — другая уже падала вниз.[945]

Когда собрание продолжилось, аль-Аштар поднялся и заверил Али в верности куфийцев, отмежёвываясь от слов «этого жалкого предателя».

Весь народ, сказал он, — сторонники Али, его *ши‘а*, и желает, чтобы он повёл их против врага.

Положение удалось спасти.

Али завершил обсуждение примирительной фразой:

— Путь един, и в истине люди равны. Кто искренне высказал своё мнение ради общего блага — тот исполнил свой долг.[946]

Однако не все противники войны и сомневающиеся успокоились.

Абдаллах ибн аль-Му‘тамм из племени Абс, сподвижник и видный военачальник своего племени при завоевании Ирака, и [947]Ханзала ибн ар-Раби из Тамима, известный как аль-Катиб — «Писец», поскольку прекрасно владел письмом и некогда составлял письмо для самого Пророка, [948]пришли к Али в сопровождении большой группы гатафанцев и тамимитов.

Оба советовали не воевать с сирийцами, поскольку исход войны непредсказуем, а вместо этого ещё раз написать Муавии. Некоторые поддержали их.

Али ответил, что непокорные Богу в любом случае окажутся проигравшими, независимо от того, какая сторона победит в сражении.

По его словам, он слышит речи людей, которые не готовы «поддерживать дозволенное и отвергать предосудительное».

---

945 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 54–55. В версии аль-Балазури в двух стихах избивавшие Арбада названы «нашими чтецами Корана», а не хамданитами.

946 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 95.

947 См. Ибн Хаджар, аль-Исаба, IV, 132; ат-Табари, указатели, соответствующая статья.

948 Ибн Хаджар, аль-Исаба, II, 43–44.

Один из его верных сторонников, Ма‘киль ибн Кайс аль-Ярбу‘и ар-Рияхи, поднялся:

— Повелитель верующих, эти люди пришли к тебе не с искренним советом, а с обманом. Остерегайся их: они ближе к врагу, чем к тебе.

Начальник полиции Али Малик ибн Хабиб аль-Ярбу‘и добавил:

— Повелитель верующих, мне стало известно, что этот Ханзала постоянно пишет Муавии. Передай его нам, чтобы мы держали его под стражей до завершения похода и твоего возвращения.

Двое абситов также утверждали, что Абдаллах ибн аль-Му‘тамм переписывается с Муавией, и попросили разрешения арестовать его до окончания кампании.

Обвинённые возмутились:

— Так вы вознаграждаете тех, кто тщательно всё обдумывает и даёт вам советы относительно вас самих и вашего врага?

Али сказал им:

— Пусть Бог рассудит между мной и вами. Я вверяю вас Ему и прошу Его помощи против вас. Идите куда хотите.

Позиция Ханзалы особенно беспокоила Али — вероятно, потому, что ему доверял сам Пророк.

Али снова вызвал его и прямо спросил:

— Ты за меня или против меня?

— Ни за тебя, ни против, — ответил Ханзала.

— Что же ты намерен делать?

— Уйду в Эдессу — ар-Руху. Это место, где можно укрыться от обеих сторон. Останусь там до тех пор, пока дело не завершится.

Знать его рода, Бану Амр из Тамима, возмутилась.

Но Ханзала сказал:

— Вы не совратите меня с моей веры. Оставьте меня. Я знаю лучше вас.

Ему пригрозили, что не позволят забрать с собой рабыню, родившую ему ребёнка, и детей, а возможно, даже убьют его.

Другие соплеменники встали на его защиту и обнажили мечи.

Ханзала попросил дать ему время, заперся дома — а ночью бежал к Муавии.

За ним последовали двадцать три человека из его рода.

Ибн аль-Му‘тамм также присоединился к Муавии, уведя с собой тринадцать соплеменников.

Однако оба отказались сражаться за Муавию и сохранили нейтралитет между двумя сторонами.

После бегства Ханзалы Али приказал разрушить его дом. Приказ исполнили старейшина Тамима Бакр ибн Тамим и Шабас ибн Риб‘и ат-Тамими.

В одном стихотворении Ханзала горько жаловался на них обоих, а в другом подстрекал Муавию убивать и карать ансаров, которых, как истинный мударит, по-видимому, считал особенно виновными в расколе общины.[949]

Ади ибн Хатим ат-Таи, вождь Таййи, тоже советовал Али ещё раз использовать письма и посланников, прежде чем выступать в поход.

Ему возразил Зайд ибн Хисн [950]ат-Таи, один из «законоведов в бурнусах» — *асхаб аль-баранис аль-муджтахидин*, впоследствии видный хариджит.

Он заявил: если они сомневаются в справедливости войны, отсрочка не сделает её справедливой. Но сомневаться невозможно, поскольку враг явно требует крови неправедно.

Другой человек из Таййи возмутился:

— Зайд ибн Хисн, ты принижаешь слова нашего вождя Ади ибн Хатима?

Зайд ответил:

— Ты не лучше меня знаешь достоинство Ади. Но я не перестану говорить правду, даже если она раздражает людей.

Ади великодушно повторил слова Али:

— Кто искренне высказал своё обдуманное мнение, тот исполнил свой долг.[951]

Племя Бахила, немногочисленное в Куфе, но имевшее много родственников в Сирии, тоже не горело желанием воевать с сирийцами.

Али сказал им прямо:

— Призываю Бога в свидетели: вы ненавидите меня, и я ненавижу вас. Получите своё жалованье и идите воевать с дейлемитами.[952]

Другие, напротив, убеждали Али выступить как можно быстрее, пока враг ещё не успел полностью подготовиться.

Язид ибн Кайс аль-Архаби и Зияд ибн ан-Надр аль-Хариси, оба предводители йеменских племён, возможно, первыми сообщили, что их люди и снаряжение готовы, и попросили Али через глашатаев приказать войску собираться в лагере ан-Нухайла, в двух милях от Куфы.

«Знаток войны» — *аху-ль-харб* — Язид ибн Кайс [953]сказал Али:

— Знаток войны — не тот, кто медлит из нежелания, тратит время на сон, откладывает решение или начинает советоваться, когда возможность уже появилась; и не тот, кто переносит сегодняшнюю войну на завтра или послезавтра.

Зияд ибн ан-Надр тоже призывал Али вести их против врага.

---

949 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 95–98.

950 В источниках встречаются обе формы — Хисн и Хусайн. У аль-Минкари здесь стоит Хусайн. Однако рукописи Ансаб аль-ашраф аль-Балазури последовательно дают Хисн. В своём издании аль-Махмуди регулярно исправлял его на Хусайн. Здесь во всём тексте предпочтена форма Хисн.

951 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 99–100.

952 Там же, 116.

953 По другим сведениям, эти слова произнёс Абдаллах ибн Будайл аль-Хузаи.

В тот же день Абдаллах ибн Будайл ибн Варка аль-Хузаи, выступавший от имени сподвижников Мухаммада, предупредил Али: не следует надеяться, что противники изменят позицию, ибо ими движут старая ненависть и злоба.

Обращаясь к народу, он спросил:

— Как Муавия может присягнуть Али, если Али в одном сражении убил его брата Ханзалу, дядю по матери аль-Валида и деда Утбу?[954]

Таких людей, заключил он, можно исправить только копьями и мечами.

После этого Али приказал аль-Харису ибн Абдаллаху аль-Хамдани, известному как аль-Харис аль-А‘вар, созвать людей в военный лагерь ан-Нухайла.[955]

Двое наиболее деятельных сторонников Али — Худжр ибн Ади аль-Кинди и Амр ибн аль-Хамик аль-Хузаи — ходили по городу, проклиная сирийцев и публично объявляя о своём отречении — *бара’а* — от них.

Али вызвал обоих и потребовал прекратить.

Не следует превращаться в ругателей и проклинателей, сказал он. Лучше описывать дурные поступки врага и просить Бога наставить его на прямой путь и сохранить кровь обеих сторон.

Они приняли упрёк и обещали следовать совету.[956]

Религиозная прослойка — чтецы Корана и другие — в большинстве своём принадлежала к самым энергичным сторонникам Али.

Однако ученики Абдаллаха ибн Мас‘уда занимали более осторожную позицию.

Когда Али уже готовился выступить в поход, группа из них, включая Абиду ибн Кайса ас-Салмани из Мурада и его товарищей, заявила, что отправится вместе с ним, но останется отдельным отрядом. Они намеревались наблюдать, какая сторона окажется преступившей границы, и лишь тогда вступить в бой против неё.

Али похвалил такую позицию как соответствующую религии и здравому смыслу.

Другая группа — около четырёхсот человек во главе с Раби ибн Хусаймом ас-Саури — сказала, что, несмотря на признание превосходства Али, сомневается в правомерности этой войны, и попросила отправить их в какой-нибудь пограничный город.

Али послал их в ар-Райй против дейлемитов и лично вручил им знамя.[957]

В Куфе возникли также трудности из-за племенного соперничества между йеменцами и Раби‘а.

Али сместил аль-Аш‘аса ибн Кайса с общего командования куфийскими Кинда и Раби‘а и передал его Хассану ибн Махдуджу из Зухля.

Несколько йеменских вождей — аль-Аштар, Ади ибн Хатим ат-Таи, Захр ибн Кайс аль-Джуфи и Хани ибн Урва аль-Муради — пришли к Али и заявили, что аль-Аш‘ас,

---

954 Ханзала ибн Аби Суфьян, аль-Валид ибн Утба ибн Раби‘а — брат матери Муавии Хинд — и его отец Утба ибн Раби‘а ибн Абд Шамс погибли при Бадре. Последнего, согласно распространённой версии, убил мутталибид Убайда ибн аль-Харис, прежде чем погибнуть самому.

955 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 102–103; аль-Балазури, Ансаб, II, 294.

956 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 103–104.

957 Там же, 115.

происходящий из рода вождей Кинда, может быть заменён только человеком равного с ним достоинства, тогда как Хассан ему не ровня.

Раби‘а возмутились за своего Хассана: по их мнению, он был ничуть не менее знатен, чем вождь Кинда.

Поэт ан-Наджаши, сам йеменец, встал на их сторону и заявил, что доволен всем, чем доволен Али — наследник Посланника Божьего.

Са‘ид ибн Кайс аль-Хамдани предупредил йеменцев: при Муавии им будет ещё хуже, ибо там им придётся иметь дело с Мударом.

Но йеменцы не успокоились.

Тогда Хассан предложил, чтобы аль-Аш‘ас нёс знамя Кинда, а он сам — знамя Раби‘а.

Аль-Аш‘ас отказался, сказав, что всё принадлежащее одному из них в равной степени принадлежит и другому.

Муавия узнал о ссоре и посоветовался с Маликом ибн Хубайрой, предводителем сирийских Кинда и другом аль-Аш‘аса.

Они нашли поэта из Кинда, который сочинил стихи, позорившие иракских кинда за то, что те допустили унижение своего вождя, и отправили стихотворение йеменцам в армии Али.

Шурайх ибн Хани аль-Хариси предупредил их, что сирийский соплеменник всего лишь пытается поссорить их с Раби‘а.

Хассан водрузил знамя в доме аль-Аш‘аса, и Али предложил вернуть тому командование.

Аль-Аш‘ас снова отказался, подчёркивая свою преданность, но согласился принять командование правым крылом армии.[958]

Али велел некоторым своим наместникам присоединиться к походу.

Из Исфахана прибыл Михнаф ибн Сулайм аль-Азди — прадед историка Абу Михнафа. Своими заместителями в Исфахане и Хамадане он оставил аль-Хариса ибн аль-Хариса ибн ар-Раби и Са‘ида ибн Вахба.[959]

Пока Али находился в ан-Нухайле, Абдаллах ибн аль-Аббас прибыл с басрийскими войсками.

В своё отсутствие он поручил Абу-ль-Асваду ад-Дуали возглавлять молитву, а сбор земельного налога доверил Зияду ибн Абихи.

Басрийцы были разделены на пять отрядов.

Бакр ибн Ваиль возглавлял Халид ибн аль-Муаммар ас-Садуси; Абд аль-Кайс — Амр ибн Марджум аль-Абди; Азд — Сабра ибн Шайман; Тамим, Дабба и ар-Рибаб — аль-Ахнаф ибн Кайс; а жителей возвышенностей Хиджаза — *ахль аль-Алия* — Шарик ибн аль-А‘вар аль-Хариси.[960]

---

958 Там же, 137–140.

959 Там же, 104–105.

960 Там же, 117; аль-Балазури, Ансаб, II, 293, 295. Сообщается также, что из басрийских Азд в походе участвовали только Абд ар-Рахман ибн Убайд и менее десяти человек вместе с ним.

В Сирии подготовка к войне также шла полным ходом.

Вернувшись из Куфы, Абу Муслим аль-Хаулани взял окровавленную рубаху Усмана, которую, как говорили, сестра Муавии Умм Хабиба прислала из Медины, и начал объезжать гарнизонные города Сирии, призывая народ к мести.

Кади Дамаска Ка‘б ибн Уджра аль-Ансари тоже, по сообщениям источников, делал всё возможное, чтобы разжечь народные страсти.[961]

Но, несмотря на эту пропаганду, желание воевать со своими иракскими братьями было среди сирийцев далеко не всеобщим.

По сообщению басрийца Абу Бакра аль-Хузали, Амр ибн аль-Ас, чтобы подбодрить сирийцев, преуменьшал силы противника. Он утверждал, что после Верблюжьей битвы враги расколоты и ослаблены, а басрийцы выступают против Али.

Когда Муавия узнал о наращивании армии Али, он встревожился, отложил собственное выступление и начал писать всем, кого считал противником Али и кого возмущало убийство Усмана, призывая прийти ему на помощь.

Аль-Валид ибн Укба потерял терпение и написал Муавии:

Передайте Муавии ибн Харбу:
Тебя по праву порицает верный брат.
Ты проводишь дни, словно запертый жеребец,
Ржёшь от страсти в Дамаске — но с места не двигаешься.
Ты со своими письмами к Али
Подобен кожевнице, чью шкуру проели черви.
Каждый конный отряд сулит тебе халифат,
Когда тяжко ступает к развалинам Ирака.
Мститель за кровь — не тот, кто медлит;
Искатель возмездия должен быть свиреп.
Если бы убит был ты, а он оставался жив,
Он обнажил бы меч — без слабости и колебаний,
Не страшась кровавых преступлений,
Не отрицая их, не утомляясь и не оставаясь сидеть.
Твой народ уничтожен в Медине,
Лежит скошенный, словно сухие стебли.[962]

---

961 Аль-Балазури, Ансаб, II, 291.

962 Ат-Табари, I, 3257–3258. Стихотворение приводится с вариантами и в иной последовательности строк у аль-Балазури, Ансаб, II, 290–291; Ибн Манзура, Мухтасар, XXVI, 347–348, и в других источниках. Здесь переведена версия ат-Табари, однако слово «эмират» — имара — заменено на «халифат» — хилафа, как в большинстве других версий. Аль-Валид определённо соблазнял Муавию надеждой на халифат: эмиром тот уже был.

Пять лет спустя, когда Муавия победителем вошёл в Куфу, он велел аль-Валиду подняться на ту самую кафедру, которую некогда пришлось отмывать от его рвоты, и прочесть эти стихи перед униженными противниками.

Сам Муавия затем процитировал строку доисламского поэта Ауса ибн Хаджара:

Многие дивятся нашей медлительности,
Но когда война прижмёт их — уже не скажут ни слова.[963]

Теперь «свирепый» праздновал победу.

Публично назвав халифат военным призом, аль-Валид мог вернуться к старому тезису Марвана: халифат — собственность дома Омейядов, и за него они будут сражаться.

Он вспомнил оружие и общественных верблюдов — *ибл ас-садака* — [964]во дворце Усмана, которые после его гибели захватил Али.

От имени Омейядов он обратился к Хашиму, теперь коллективно объявленному виновным:

Бану Хашим, верните оружие сына вашей сестры,
Не грабьте его — добыча эта вам не дозволена.
Бану Хашим, не спешите навлекать возмездие:
Для нас равны его убийцы и тот, кто разграбил его имущество.
Бану Хашим, какие переговоры могут быть между нами,
Когда меч его у Али — и его благородные кони?
Они убили его, чтобы занять его место,
Как некогда хосрова предали его марзбаны.
Я непременно приду к вам с бескрайним войском,
Чей грохот и смятение оглушат слух.[965]

За Хашима ответил аль-Аббас ибн Утба ибн Аби Лахаб:

Не спрашивай нас об оружии — оно пропало:
Его хозяин сам бросил его в ужасе боя.
Ты сравнил его с хосровом — да, он был на него похож:
И нравами своими, и толпами вокруг себя.[966]

---

963 Ибн Манзур, Мухтасар, XXVI, 347–348. Версия, согласно которой Муавия процитировал стих Ауса ибн Хаджара именно в этом случае, кажется более вероятной, чем рассказ ат-Табари, будто он отправил строку аль-Валиду на пустом свитке в качестве ответа.

964 См. аль-Агани, IV, 168.

965 Самая полная версия из девяти строк приводится в аль-Агани, IV, 176. Частичный перевод основан на ней, за исключением одного чтения. Другие версии см. у аль-Балазури, Ансаб, V, 104, и в приведённых там ссылках.

966 Аль-Агани, IV, 177. Альтернативная атрибуция Абу-ль-Фараджа, называющего автором аль-Фадла ибн аль-Аббаса, почти наверняка ошибочна.

Чтобы сосредоточить силы для вторжения в Ирак, Муавии необходимо было обезопасить северную и западную границы.

Он заключил перемирие с византийским императором, отправил подарки и согласился платить дань.

Муавия мог не сомневаться, что Али не станет объединяться против него с врагом ислама.

Египет теперь тоже вызывал меньше тревоги: способного Кайса ибн Са‘да сменил Мухаммад ибн Аби Бакр.

Последний был искренне предан Али, но политическими способностями не отличался.

Через месяц после прибытия он написал отделившимся сторонникам в Харбите, с которыми Кайс заключил мир, и потребовал либо подчиниться, либо покинуть страну.

Они отказались. Попросили времени, чтобы посмотреть, чем закончится предстоящая борьба Али и Муавии, и начали готовиться к сопротивлению.

Ибн Аби Бакр не нападал на них до самого Сиффина. [967]Но, настроив их против себя, он превратил их в постоянную угрозу.

Ещё до Сиффина сын Абу Бакра вступил в публичную перепалку с Муавией.

Ат-Табари не привёл её текст, объяснив, что простые люди — *амма* — не вынесут подобных слов. [968]Однако переписку сохранили аль-Балазури и другие источники.

Мухаммад ибн Аби Бакр обращался к Муавии как к «заблудшему, сыну Сахра», называл его «проклятым сыном проклятого», который всегда стремился погубить религию Бога и теперь укрывает остатки Союзников.

Этому он противопоставлял Али — первого, кто откликнулся на призыв Пророка к исламу, его брата и двоюродного брата, всегда стоявшего в первых рядах его сторонников, его наследника и отца его потомства, которого теперь поддерживают ансары, восхвалённые самим Богом.

Не забыл Ибн Аби Бакр и Амра ибн аль-Аса — партнёра Муавии в игре мошенничества и обмана.

Скоро, писал он, станет ясно, кому достанется благой исход. Бог наблюдает за Муавией.

Муавия, несомненно при содействии Амра, ответил тем же.

Письмо было адресовано «человеку, порочащему собственного отца — Мухаммаду, сыну Абу Бакра».

Он сразу увидел слабое место в семейной истории Мухаммада, связанной с правом наследника Пророка, и безжалостно ударил именно туда.

Муавия писал, что речи Мухаммада фактически являются обвинением против его собственного отца:

---

967 Ат-Табари, I, 3248.

968 Там же.

«Ты упомянул право Ибн Аби Талиба, его древние заслуги, близость к Посланнику Божьему, его поддержку и утешение Пророка во всякий час страха и ужаса.

Но твой довод против меня основан на достоинствах другого человека, а не на твоих собственных.

Так возблагодари Бога, Который отвёл достоинство от тебя и даровал его другому.

Мы — и твой отец вместе с нами — ещё при жизни Пророка признавали право Ибн Аби Талиба обязательным для нас и считали его достоинства превосходящими наши.

Но когда Бог избрал для Своего Пророка то, что предназначил ему, исполнил Своё обещание, сделал его призыв явным, а довод победоносным и затем забрал его к Себе, твой отец и его Фарук [Умар] [969]первыми отняли у Али преемство и выступили против него.

Они договорились и действовали сообща.

Затем вызвали его к себе, но он медлил, держался в стороне и не спешил к ним.

В то время оба замышляли против него и намеревались причинить тяжкое зло, однако он всё же присягнул и подчинился им.

Они не дали ему доли в своей власти и не посвящали в свои тайные дела до самой смерти, пока их правление не закончилось.

Затем после них поднялся третий — Усман ибн Аффан, следовавший их прямым путём и поступавший согласно их примеру.

Но ты и твой господин обвиняли его, пока даже самые далёкие из грешников не возжелали его жизни.

Вы скрывали и одновременно обнаруживали ненависть и злобу против него, пока не достигли желаемого».

Затем Муавия высмеивал сына Абу Бакра, осмелившегося бросить вызов такому гиганту политической выдержки — *хильм* — как он сам, хотя именно отец Мухаммада, Абу Бакр, расчистил, построил и возвысил дорогу к власти Муавии:

«Если дело, которое мы ныне совершаем, неправильно, тогда твой отец был первым, кто начал его.

Если это несправедливость, тогда именно твой отец положил ей основание, а мы лишь его соучастники.

Мы следовали его руководству и подражали его поступку.

Если бы твой отец не опередил нас в этом и не счёл его непригодным к власти, [970]мы бы не противились Ибн Аби Талибу и подчинились бы ему.

Но поскольку мы видели, что твой отец поступил именно так, мы следуем его примеру.

---

969 Формулировка примечательна. Неужели знаменитое прозвище Умара — Фарук — дал ему Абу Бакр? В версии аль-Балазури местоимение относится к Мухаммаду. Последующий текст у аль-Балазури явно смягчён и риторически ослаблен, чтобы сделать его приемлемее с суннитской точки зрения. Текст аль-Масуди подтверждает чтение аль-Минкари. Об истории прозвища Умара см. S. Bashear, “The Title ‘Faruq’ and its Association with ‘Umar I”, Studia Islamica, 72 (1990), 47–70.

970 Слова «и счёл его непригодным к власти» взяты из версии аль-Балазури.

Так что вини своего отца сколько угодно — или замолчи».[971]

Сам того не желая, сын Абу Бакра подставился под очередной блестящий образец той насмешливой промывки мозгов, которой властители мира любят развлекать доверчивых подданных и водить их за нос.

Теперь, когда Муавия уже метил в халифы, мог ли он придумать что-либо выгоднее, чем представить себя истинным хранителем и восстановителем здания, которое воздвигли Абу Бакр и его Фарук?

Разве их головокружительный успех не объяснялся тем, что они держали «подрывного крота» Али в стороне и не давали ему участвовать ни в управлении, ни в тайных советах?

Муавия будто бы всего лишь следовал их мудрости и руководству, спасая халифат от «заблудшего сына» Абу Бакра и его господина.

Несчастный третий — Усман — всё ещё был необходим, чтобы обеспечить цепь апостольского преемства: от самого верного друга Пророка и двух прославленных сподвижников — к их самому преданному слуге, пусть и обращённому *талику*, а затем со временем — к его слегка распущенному сыну, будущему убийце внука Пророка.

Должно быть, вши в джуббе Амра снова приятно щекотали его, когда он представлял Ибн Аби Бакра и Али зачинщиками кампании против Усмана, приведшей к его печальному концу.

Для позднейших суннитов письмо Муавии звучало уже далеко не так забавно, как для его современников.

Действительно ли Муавия имел в виду то, что говорил: будто ещё при Пророке все они признавали превосходство и первенство Али?

Или это была всего лишь допустимая военная хитрость?

Ат-Табари имел веские причины решить, что письмо непригодно для ушей простонародья.

Гораздо удобнее было забыть свидетельство «писца Пророка» и придерживаться слов Абдаллаха ибн Умара, сохранившихся в *Муснаде* Ахмада ибн Ханбала:

«При жизни Посланника Божьего, когда его сподвижников было ещё много, мы перечисляли: Абу Бакр, Умар, Усман — а затем умолкали».[972]

Поскольку Мухаммад ибн Аби Бакр испытывал трудности в Египте, Муавия мог доверить охрану западной границы трём второстепенным палестинским командирам.[973]

Незадолго до этого его встревожили вести, что Натиль ибн Кайс, вождь Джузама, захватил Палестину и присвоил казну.

---

971 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 118–120; аль-Балазури, Ансаб, II, 393–397; аль-Масуди, Мурудж, III, 197–201, §§ 1790–1791.

972 Ахмад ибн Ханбал, Муснад, II, 14. См. также W. Madelung, Der Imam al-Qasim ibn Ibrahim und die Glaubenslehre der Zaiditen (Berlin, 1965), 226.

973 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 128. Из трёх названных лиц лишь Сумайр (Самир?) ибн Ка‘б ибн Аби-ль-Химьяри известен также как участник ранних завоеваний.

Однако Амр посоветовал позволить Натилю спокойно растратить добычу и даже поздравить его, поскольку тот сражался не ради религиозного дела.[974]

Муавия так и поступил.

При Сиффине Натиль командовал для него Лахмом и Джузамом.[975]

Когда стало известно, что Али лично возглавляет свою армию, Муавия по совету Амра решил сам принять командование сирийцами.[976]

Али выступил из ан-Нухайлы, вероятно, в начале зу-ль-хиджжи 36 года хиджры — в конце мая 657 года.[977]

Наместником Куфы на время своего отсутствия он назначил Абу Мас‘уда Укбу ибн Амра аль-Ансари из Ауф ибн аль-Харис ибн аль-Хазрадж, ветерана Бадра.[978]

Это было рискованное решение: в отличие от Хузайфы ибн аль-Ямана, Абу Мас‘уд решительно выступал против куфийского восстания против наместника Усмана Са‘ида ибн аль-Аса и [979]явно склонялся к нейтралитету.

Кроме того, Али приказал начальнику полиции Малику ибн Хабибу аль-Ярбу‘и собрать всех, кто попытается уклониться от похода.[980]

Армия двинулась через Музлим Сабат к аль-Мадаину, оттуда — к аль-Анбару, затем вдоль восточного берега Евфрата к ар-Ракке.

Из аль-Мадаина Али отправил Ма‘киля ибн Кайса ар-Рияхи во главе трёх тысяч человек северным маршрутом через Мосул, Нисибин и Ра’с аль-Айн с приказом снова соединиться с ним у ар-Ракки.[981]

По дороге некоторые из воинов попросили Али ещё раз написать Муавии и его сторонникам, призвав их признать его власть и отказаться от заблуждения.

Али обратился к Муавии и находившимся при нём курайшитам, напомнил об обязанности мусульман признать власть наиболее добродетельного и достойного среди них и призвал следовать Книге Бога и Сунне Его Пророка, пощадив кровь общины.

Муавия ответил строкой стихотворения, смысл которой сводился к одному: между ними теперь могут рассудить лишь копьё и меч.[982]

Неподалёку от Каркисии к армии Али сзади подошёл его авангард под командованием Зияда ибн ан-Надра и Шурайха ибн Хани.

Они двигались из Куфы вдоль западного берега Евфрата.

---

974 Ат-Табари, II, 210–211.

975 Ибн Манзур, Мухтасар, XXVI, 96.

976 Ат-Табари, I, 3256–3257.

977 Дата Абу-ль-Кануда — 5 шавваля / 27 марта — примерно на два месяца слишком ранняя. Али едва ли мог добираться до Сиффина два с половиной месяца.

978 Ибн Хаджар, аль-Исаба, IV, 252.

979 Ат-Табари, I, 2934.

980 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 121, 131. Сообщается, что Малик обезглавил одного человека, пытавшегося остаться в Куфе.

981 Аль-Балазури, Ансаб, II, 296.

982 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 151.

Достигнув Аната, узнали, что Али идёт по восточному берегу, а Муавия приближается из Дамаска.

Жители Аната не позволили им переправиться через реку.

Отряд повернул назад и перешёл Евфрат у Хита.

Они хотели отомстить жителям Аната, но те укрепили город, и потому войско двинулось дальше к основной армии.

В ар-Ракке Симак ибн Махрама запер ворота и укрепил город при приближении войск Али.

Али остановился снаружи и попросил враждебно настроенных жителей построить для армии понтонный мост через реку.

Они отказались.

Тогда Али направился вверх по течению к Джиср Манбиджу, намереваясь переправиться там.

Но аль-Аштар выкрикнул в адрес защитников крепости несколько угроз.

Зная, что он не склонен шутить, жители быстро передумали и построили мост.

Вся армия переправилась через реку.[983]

Двигаясь от ар-Ракки на запад к Сиффину, Али вновь послал вперёд авангард под командованием Зияда ибн ан-Надра и Шурайха ибн Хани.

У Сур ар-Рума они встретили сирийский отряд Абу-ль-А‘вара Суфьяна ибн Амра ас-Сулами.[984]

Убедить его подчиниться не удалось.

Они сообщили Али, и тот отправил к ним аль-Аштара с конницей, приказав не нападать первым.

Вечером сирийцы сами атаковали, а затем отступили.

На следующее утро аль-Аштар перешёл в наступление.

Известный сирийский воин Абдаллах ибн аль-Мунзир ат-Танухи был убит молодым тамимитом Зубьяном ибн Умарой.

Аль-Аштар послал к Абу-ль-А‘вару человека с вызовом на поединок.

В ответ Абу-ль-А‘вар обвинил его в изгнании наместников Усмана из Ирака, оскорблении халифа и заявил, что теперь аль-Аштара разыскивают как одного из убийц Усмана.

Он сказал посланнику, что не нуждается в поединке с аль-Аштаром, и отпустил его, не дав тому возможности ответить на обвинения.

Аль-Аштар заметил:

---

983 Там же, 151–152; ат-Табари, I, 3259–3260; аль-Балазури, Ансаб, II, 297–298.

984 Об Абу-ль-А‘варе ас-Сулами см. статью Х. Ламменса в Encyclopaedia of Islam. Ламменс замечает, что тот «по-видимому, не принадлежал к ближайшему кругу Пророка». В действительности, будучи союзником Абу Суфьяна, он являлся одним из наиболее яростных врагов Мухаммада. См. M. J. Kister, “O God, Tighten Thy Grip on Mudar…: Some Socio-economic and Religious Aspects of an Early Hadith”, Journal of the Economic and Social History of the Orient, 24 (1981), 242–273, особенно 258–259. Он упомянут среди тех, кого Мухаммад проклинал в своём кунуте.

— Он дорожил своей жизнью.

Оба отряда провели остаток дня напротив друг друга.

На следующее утро подошёл Али с основной армией.

Сирийцы ночью отступили.[985]

По сообщению аль-Балазури, это произошло во второй половине зу-ль-хиджжи 36 года — после 5 июня 657 года.[986]

Когда армия Али разбила лагерь, выяснилось, что место водопоя на Евфрате занято Абу-ль-А‘варом и сирийцами.

Те не позволяли иракцам приблизиться к воде.

Других источников воды поблизости найти не удалось.

Люди пожаловались Али.

Тот отправил Са‘са‘а ибн Сухана к Муавии со словами: Али и его люди пришли сюда, не желая начинать войну прежде должного предупреждения, призыва и разъяснения доводов.

Но конница и пехота Муавии сами начали боевые действия, а теперь ещё и не дают людям Али брать воду.

Али просил Муавию разрешить доступ к реке, пока стороны окончательно не выяснят отношения.

Если же Муавия предпочитает, добавил он, пусть спор о воде и станет тем вопросом, из-за которого они вступят в сражение, вместо основного дела, ради которого пришли сюда.

Муавия собрал советников.

Аль-Валид ибн Укба призвал лишить врага воды — как, по его утверждению, они сами лишали воды Усмана, не давая ему ни холодного питья, ни мягкой пищи в течение сорока дней.

Амр ибн аль-Ас, напротив, советовал дать иракцам доступ к воде: иначе они непременно будут сражаться за неё.

Аль-Валид повторил своё мнение.

К нему присоединился Абдаллах ибн Са‘д ибн Аби Сарх, заявив, что враг будет вынужден позорно отступить:

— Не давайте им воды! Да лишит их Бог воды в День воскресения!

Са‘са‘а вмешался:

— Бог, Могущественный и Возвышенный, лишит её в День воскресения неверных грешников и пьяниц — таких, как ты и этот нечестивец!

Он имел в виду аль-Валида.

Те пришли в ярость, начали ругать и угрожать ему.

Но Муавия остановил их:

---

985 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 152–156; ат-Табари, I, 3261–3264.

986 Аль-Балазури, Ансаб, II, 299. Другие источники, включая Абу Михнафа, относят начало боевых действий при Сиффине к началу зу-ль-хиджжи / 10 мая. Однако сведений о сражениях до перерыва в месяце мухаррам / июне–июле крайне мало. Маловероятно, что боевые действия могли идти целый месяц, не оставив сколько-нибудь запоминающихся эпизодов.

— Он посланник.

Перед уходом Са‘са‘а спросил Муавию:

— Каков твой ответ?

Муавия сказал:

— Моё решение скоро дойдёт до вас.

И приказал коннице усилить Абу-ль-А‘вара и не подпускать противника к воде.[987]

Это была, как сразу понял Амр, глупейшая ошибка.

Ничто не могло быстрее превратить людей, большинство из которых вовсе не жаждало сражаться со своими сирийскими братьями, в разъярённых львов, чем лишение питьевой воды.

Как часто случается с деспотами, Муавия сам оказался пленником собственной пропаганды: он действительно начал воспринимать противника как «убийц Усмана», которые должны умереть от жажды.

Некий ас-Салиль ибн Амр из Сакуна даже поддержал его стихами.[988]

Однако аскет из Хамдана аль-Му‘арра ибн аль-Акбал поддержал позицию своего друга Амра ибн аль-Аса и сказал Муавии, что это уже начало притеснения — *джаур*, ведь в лагере врага есть рабы, наёмные слуги и слабые невинные люди.

Муавия сорвал гнев на Амре.

Тогда хамданит сочинил язвительное стихотворное прощание с Ибн Хинд и ночью перешёл на сторону Али.[989]

Самому Али даже не пришлось поднимать людей в атаку.

Проведя без воды целые сутки, аль-Аш‘ас ибн Кайс пришёл к нему и попросил разрешения атаковать, а также приказать аль-Аштару присоединиться со своей конницей.

— Мы не отступим, — сказал он, — пока либо не доберёмся до воды, либо не погибнем.

Али согласился.[990]

Добровольцами вызвались двенадцать тысяч человек.

Они обрушились на Абу-ль-А‘вара и его войска.

Даже присутствие Амра ибн аль-Аса с сирийской конницей их не остановило.

Противника отбросили, оставив считать потери.

Аль-Аштар лично убил семерых, аль-Аш‘ас — пятерых.[991]

«День Евфрата» надолго остался одним из приятных воспоминаний куфийцев и басрийцев.

Сначала они объявили, что теперь сами не позволят сирийцам подходить к воде.

---

987 Ат-Табари, I, 3268–3269; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 160–162.

988 Аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 162–163.

989 Там же, 163–164.

990 Там же, 166.

991 Там же, 174.

Но Али приказал им взять столько воды, сколько необходимо, и вернуться в лагерь.[992]

Он всё ещё надеялся добиться соглашения убеждением.

Две армии простояли друг против друга два дня.

Затем Али вызвал ансара Абу Амру Башира ибн Амра ибн Михсана, Са‘ида ибн Кайса из Хамдана и Шабаса ибн Риб‘и из Тамима и приказал им отправиться к Муавии, призвать его к Богу, повиновению и единству общины.

Шабас спросил Али, не следует ли соблазнить Муавию обещанием наместничества и высокого положения.

Али ответил:

— Нет. Спорьте с ним и выясните его взгляды.

Первым заговорил Абу Амра.

Он произнёс проповедь о бренности мира и о том, что Всемогущий потребует отчёта за человеческие дела.

Затем призвал Муавию не раскалывать единство общины и не проливать кровь в междоусобице.

Муавия остался невпечатлён и перебил его:

— Почему ты не советуешь этого своему господину?

Абу Амра ответил:

— Мой господин не похож на тебя. Из всех людей он более всех достоин этого дела благодаря своим достоинствам, религии, раннему принятию ислама и близкому родству с Посланником Божьим.

— И чего он хочет? — спросил Муавия.

— Он велит тебе бояться Бога и откликнуться на справедливый призыв твоего двоюродного брата. Для тебя это лучше и в земной жизни, и в исходе твоём.

Муавия ответил:

— Значит, мы должны позволить, чтобы кровь Усмана была пролита напрасно? Нет, клянусь Богом, этого я никогда не сделаю.

Тогда вперёд вышел Са‘д ибн Кайс, но Шабас ибн Риб‘и нетерпеливо перебил его:

— Муавия, я понял твой ответ Ибн Михсану. Клянусь Богом, нам совершенно ясно, чего ты добиваешься.

Ты не нашёл ничего лучшего, чтобы обмануть людей, привлечь их сочувствие и добиться искреннего повиновения, кроме лозунга: “Ваш имам несправедливо убит — мы требуем мести за его кровь”.

И кучка простаков тебе поверила.

Но мы знаем: ты сам не пришёл ему на помощь, потому что хотел его смерти ради той власти, которой теперь добиваешься.

Однако сколько бы человек ни стремился к чему-либо, Бог Своей силой может не дать ему этого — а может позволить получить и желаемое, и даже больше.

---

992 Ат-Табари, I, 3269; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 162.

Клянусь Богом, ни в одном случае добра для тебя нет.

Если желаемое ускользнёт, ты окажешься в худшем положении среди всех арабов.

А если достигнешь цели, то достигнешь её лишь ценой огня твоего Господа.

Побойся Бога, Муавия. Откажись от того, что задумал, и не оспаривай власть у тех, кому она принадлежит.

Муавия почувствовал себя неловко.

Он понял, что Шабас, лишь немного преувеличив, раскрыл его истинные мотивы, и забеспокоился, какое влияние такие крамольные слова могут оказать на собственных сторонников.

Надо было показать себя тем гигантом политической мудрости, каким недавно изображал его Амр, и добавить немного омейядской надменности.

Воздав должную хвалу Богу, Муавия сказал:

— Первое доказательство твоей глупости и ничтожности твоего рассудка — то, что ты перебил речь этого почтенного и знатного человека, предводителя своего народа. А затем полез рассуждать о том, чего не понимаешь.

Ты лжёшь и говоришь низости, грубый, неотёсанный бедуин, во всём, что только что сказал.

Убирайтесь от меня. Между нами отныне может быть только меч.

В гневе Муавия даже забыл о собственной показной учтивости и так и не выслушал того самого «почтенного вождя народа».

Но кем вообще был этот человек рядом с самим Муавией, который уже примерял на себя будущую роль Наместника Бога на земле?

Когда послы уходили, бесстрашный Шабас, которого не впечатлил бег Муавии в высшие сферы политики, бросил напоследок:

— Думаешь напугать нас мечом? Клянусь Богом, очень скоро этот меч принесут прямо к тебе![993]

После этого стычки происходили ежедневно вплоть до конца зу-ль-хиджжи — 18 июня.

Али каждый день посылал вперёд одного из знатных военачальников с небольшим отрядом; Муавия отвечал тем же.

Обе стороны опасались массовой бойни, если основные армии сойдутся целиком.

Однажды аль-Аштар выступил с группой чтецов Корана, и завязался тяжёлый бой.

Из сирийских рядов вышел неизвестный громадный воин и вызвал противника на поединок.

Никто не решался принять вызов, кроме аль-Аштара.

Они обменялись несколькими ударами, после чего аль-Аштар убил противника.

Им оказался Сахм ибн Аби-ль-Айзар из Бану Зара племени Азд.

Один из его людей поклялся либо убить убийцу своего товарища, либо погибнуть самому.

---

[993] Ат-Табари, I, 3270–3272; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 186–188.

Аль-Аштар повернул коня ему навстречу, но когда тот оказался перед его лошадью, его товарищи бросились вперёд и спасли его.[994]

В начале мухаррама 37 года хиджры — 19 июня 657 года — стороны договорились о месячном перемирии в надежде найти мирное решение.

Послы вновь начали ходить между лагерями.

Али направил Ади ибн Хатима ат-Таи, Язида ибн Кайса аль-Архаби, Шабаса ибн Риб‘и ат-Тамими и Зияда ибн Хасафу ат-Тайми.

Разговор прошёл не лучше предыдущего.

Муавия обвинил вождя Таййи Ади в том, что тот был одним из подстрекателей восстания против Усмана и участвовал в его убийстве, добавив, что надеется увидеть его среди тех, кого казнят в отмщение.

Шабас и Зияд ибн Хасафа предложили Муавии прекратить пустую болтовню и наконец ответить на их предложения.

Тогда Язид ибн Кайс перечислил достоинства и заслуги их господина и призвал Муавию вернуться к согласию, единству общины и повиновению.

Муавия ответил, что община, к которой его призывают, находится именно на его стороне.

А повиноваться их господину он не считает правильным, поскольку тот убил халифа, расколол общину и укрывает его убийц.

— Ваш господин утверждает, что не убивал его, — сказал Муавия, — и мы не обвиняем его прямо в этом. Но разве вы не видите убийц нашего господина? Разве не знаете, что они находятся среди сторонников вашего господина?

Пусть выдаст их нам. Мы отомстим им за Усмана — и тогда откликнемся на ваш призыв к повиновению и единству.

Шабас неосторожно спросил:

— Тебе понравилось бы, Муавия, если бы ты получил власть над Аммаром и смог его убить?

Муавия сразу увидел возможность вновь продемонстрировать омейядское высокомерие перед «неотёсанным бедуином»:

— А что мне помешало бы? Клянусь Богом, если бы Ибн Сумайя оказался в моих руках, я убил бы его даже не за Усмана. Я убил бы его за Натиля, вольноотпущенника Усмана.

Шабас изумился и поклялся, что Муавия никогда не доберётся до Аммара.

Когда послы уходили, Муавия позвал Зияда ибн Хасафу обратно.

Он понимал, что Раби‘а — до сих пор самые верные сторонники Али — могут сыграть решающую роль в предстоящей битве.

Как настоящий омейядский торговец, Муавия решил попробовать подкуп.

Обратившись к «брату Раби‘а», он сказал:

---

994 Ат-Табари, I, 3272–3273; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 195–196.

— Али порвал родственные узы с нами и укрывает убийц нашего товарища. Прошу тебя помочь мне против него вместе с твоей семьёй и племенем.

Если я одержу победу, даю тебе договор и завет Бога: назначу тебя наместником любого из двух городов, какой сам выберешь.

Тот ответил словами Корана:

«Воистину, я опираюсь на ясное доказательство от моего Господа и на милость, которой Он меня одарил; я не стану помощником преступников»[995]

— и встал, чтобы уйти.

Уже уходя, он услышал, как Муавия говорит сидевшему рядом Амру ибн аль-Асу:

— Ни один из нас не может сказать кому-нибудь из них хоть слово и получить хороший ответ! Что с ними такое? Да отсечёт Бог им руки и ноги во зле! У всех них сердца словно одно сердце.

В свою очередь Муавия послал к Али курайшита Хабиба ибн Масламу аль-Фихри, Шурахбиля ибн ас-Симта аль-Кинди и Ма‘на ибн Язида ибн аль-Ахнаса ас-Сулами.

Хабиб ибн Маслама обратился к двоюродному брату Пророка:

— Усман был праведно ведомым — *махди* — халифом, поступавшим согласно Книге Бога и покорявшимся Его повелениям.

Но вы тяготились его жизнью и считали смерть слишком медленной. Поэтому напали на него и убили.

Если утверждаете, что не убивали его, выдайте нам убийц Усмана, чтобы мы могли отомстить им.

Затем откажись от власти над людьми, пусть между ними будет шура, и они сами назначат правителем того, на ком сойдутся.

Али велел ему замолчать: он не имеет никакого права рассуждать о смещении кого-либо с власти.

Они обменялись угрозами, после чего Али выставил его вон.

Шурахбиль сказал Али, что его слова будут теми же, что и у товарища, и спросил, есть ли для него иной ответ.

Али ответил, что для него и оставшегося посланника ответ действительно будет другим.

Он рассказал им историю халифата.

Люди избрали Абу Бакра халифом, а тот назначил Умара преемником. Оба, сказал Али, вели себя достойно и справедливо управляли общиной.

«Мы сердились на них за то, что они приняли власть над нами, хотя именно мы — Семья Посланника Божьего. Но мы простили им это.

Затем власть принял Усман и совершил поступки, за которые люди стали его порицать.

Они пришли к нему и убили его.

---

995 Ат-Табари, I, 3274–3277; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 196–200. Цитата объединяет Коран 6:57 и 28:17 в форме, приведённой в источнике.

Затем пришли ко мне, хотя я держался в стороне от их дел».

Люди просили Али принять присягу.

Сначала он отказывался.

Но когда ему сказали, что община не согласится ни на кого другого, он принял её.

А затем неожиданно столкнулся с предательством двух людей, которые сначала сами ему присягнули.

Что же касается противостояния Муавии, то это, по словам Али, было сопротивление человека без прежних заслуг в вере, без ранней искренности в исламе — *талика*, сына *талика*, союзника прежних Союзников, который вместе со своей семьёй не переставал быть врагом Посланника Божьего и мусульман до тех пор, пока они не приняли ислам против своей воли.

Теперь Али призывал их к Книге Бога, Сунне Его Пророка, уничтожению лжи и возрождению основ веры.

Послы сказали:

— Засвидетельствуй, что Усман был убит несправедливо.

Али ответил:

— Я не говорю, что он был убит несправедливо. Но и не говорю, что его убили как беззаконника.

Они объявили, что отрекаются от любого, кто не признаёт Усмана несправедливо убитым, и ушли.

Али процитировал Коран, суру 27, аяты 80–81:

«Ты не заставишь мёртвых слышать и не выведешь слепых из заблуждения. Ты можешь заставить слышать только тех, кто верует в Наши знамения и является мусульманином».

И сказал своим людям:

— Они не могут быть более усердными в своей лжи, чем мы — в истине и повиновении нашему Господу.[996]

Когда солнце зашло в последний день мухаррама — 18 июля 657 года, — Али приказал Марсаду ибн аль-Харису аль-Джушами провозгласить сирийцам, что они отвергли его призыв к Книге Бога и упорно держатся за ложь.

Время битвы пришло.[997]

В течение первых семи дней сафара — с 19 по 25 июля, со среды по вторник, — обе стороны ежедневно выставляли видных военачальников с небольшими отрядами, почти словно на рыцарский турнир.

На четвёртый день Мухаммад ибн аль-Ханафия встретился с Убайдаллахом ибн Умаром, который вызвал его на поединок.

Мухаммад согласился.

---

996 Ат-Табари, I, 3277–3279; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 200–202.

997 Ат-Табари, I, 3281–3282; аль-Минкари, Вак‘ат Сиффин, 203.

Но когда Али сообщили, кто именно должен сражаться, он отозвал сына и предложил сам выйти против Убайдаллаха.

Сын Умара ответил, что не нуждается в поединке с Али, и повернул назад.

Мухаммад спросил отца:

— Почему ты не позволил мне сражаться с Убайдаллахом?

Али ответил:

— Если бы ты вышел против него, я надеялся бы, что ты убьёшь его. Но не был уверен, что он не убьёт тебя.

Мухаммад сказал:

— Отец, и ты сам собирался биться с этим преступником? Клянусь Богом, если бы даже его отец вызвал тебя на поединок, я не хотел бы, чтобы ты соглашался.

Али сказал ему:

— Сын мой, о его отце говори только хорошее.

На этом противники разошлись до следующего дня.

На пятый день встретились Абдаллах ибн аль-Аббас и аль-Валид ибн Укба.